

ББК 63.3(2)
А 46

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».

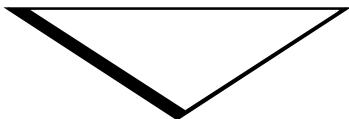
Телефоны: (095) 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
<http://www.100top.ru>

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в Интернете на сайте
www.100top.ru

ISBN 5-94538-381-3

© Александров А.А., 2003.
© ООО «Издательство «Вече 2000», 2003.

ПЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Эта книга получила название «Битва Ставок. Великое противостояние 1941–1945 гг.». Но ее вполне можно было бы отнести и к «Битве четырех Ставок», так как борьба на советско-германском фронте ежедневно, после 22 июня, обсуждалась в Лондоне и Вашингтоне, хотя Великобритания почти два года находилась в состоянии войны с Германией, а вступление Америки в войну против рейха затянулось аж до декабря сорок первого.

«Битва Ставок» – это самое верное название книги уже потому, что именно они, Ставки Верховного Командования Красной Армии и вермахта, разорвали мир надвое, на союзников и противников, и сошлись лицом к лицу миллионными армиями на поле брани, чтобы там и решить судьбу победных лавров.

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года Гитлер определил «браком по расчету», хотя он и вызвал изумление и осуждение как в Германии, так и в остальном мире. Без колебаний он принял точку зрения СССР в отношении Прибалтики и разграничения сфер интересов. Двойная игра рейха – «ублажить Россию» и выключить из «горячей войны» Великобританию – увенчалась полным успехом.

Быстрый разгром Польши и, пожалуй, условное состояние войны с Великобританией и Францией неизбежно побуждали

Гитлера к поиску удовлетворительных решений как с точки зрения обеспечения собственной безопасности, так и по необходимости расширения возможностей Германии для ведения серьезной войны на Востоке. Ряд безупречных военных акций на Западе — захват Дании и Норвегии в апреле 1940 года; Голландии, Бельгии и Люксембурга в мае; Франции — в июне; изгнание с материка английских войск за Ла-Манш — необычайно воодушевил фюрера. Спустя месяц после капитуляции Франции он поручает командованию сухопутных войск приступить к разработке плана войны против Советского Союза. В конце года, 18 декабря, Верховный Главнокомандующий подписал план «Барбаросса» (директива объединенного командования Вермахта № 21) о начале военных действий в мае—июне 1941 года.

Жребий был брошен. Вся последующая деятельность политического и государственного руководства Германии была всецело подчинена достижению этой стратегической цели. Практически без возражений со стороны высшего генералитета утверждалась концепция нашествия тремя группами армий — «Север», «Центр» и «Юг». Их возглавляли опытнейшие «зубры» западных победных кампаний — фельдмаршалы фон Лееб, фон Бок и фон Рунштедт.

Но к началу сороковых зрило выявились и объективные трудности. На ключевых должностях оказались опытные тактики, но не стратеги. К тому же пик их военной карьеры уже миновал. Кейтелю, фон Браухичу, фон Боку, фон Клаге и фон Клейсту было около шестидесяти лет. А фон Леебу, фон Рунштедту и Редеру и того больше — за шестьдесят пять. Трехлетняя перманентная война на Западе истощила их организм духовно. Не прибавляло здоровья кадровикам вермахта и общение с Гитлером. Психологическая неуравновешенность и амбивалентность фюрера вызывали у «профессионалов» не только чувство недоверия, но и скрытое противодействие.

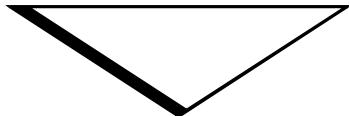
Командный состав среднего звена, которому следовало с самого начала «русской кампании» вручить судьбу грандиоз-

ной схватки (Йодль, Дениц, Паулюс, Гудериан, Гот, Шернер, Модель, Фришнер), занимал второстепенные командные должности в войсках. Получив ключевые посты в период жестокого военно-политического кризиса, порожденного крупнейшими неудачами германских войск в Смоленском сражении, Московской битве, в боях под Ленинградом, Клевом и Ростовом-на-Дону, они не смогли побороть растерянность и повести потрепанные войска к новым победам.

К марта рокового года во всех армейских штабах были отработаны решения по ведению приграничных боев. Всюду развернулись службы дезинформации противника,войсковой разведки и контрразведки. В районе Растенбурга, в Восточной Пруссии, ударными темпами сооружалась новая Главная Ставка Верховного Главнокомандования вермахта с претенциозным названием «Вольфшанце» («Волчье логово»). Ровно за месяц до вторжения в Советский Союз ее строительство было полностью завершено.

И 22 июня грянул бой. Смертельный бой!

А.А. Александров
Сентябрь, 2003.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА МОСКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

ЖЕСТОКОЕ ВРЕМЯ

1

Со стороны вполне могло показаться, что в столице рейха нежданно-негаданно появились инопланетяне. Неописуемый энтузиазм охватил Берлин в день 22 июня. В это воскресенье Гитлер решил никого не принимать и распорядился в адрес шеф-адъютанта Шмундта соединять его по телефону только с лицами самого высокого ранга, имеющими непосредственное отношение к войне с Россией.

Второй военный день ознаменовался тем, что Гитлер не стал слушать доклады штабов ОКВ и групп армий, а пополудни в обстановке секретности, в спецпоезде «Атлас» направился в «Вольфшанце», свою военную Главную Ставку, расположившуюся вблизи Растенбурга, в густом девственном лесу.

Верховный главнокомандующий вышел из машины и пешком, в сопровождении адъютантов Шмундта, Видемана, Белана, Гюнше, камердинера Линге и доктора Морреля, направился к своему бункеру. Здесь, за тремя рядами высоких бетонных оград, уходящих

в глубь леса от шлагбаумов контрольно-пропускных пунктов, Гитлер уже не опасался покушений на свою «драгоценную жизнь».

В часе езды от «Вольшанце» расположились Генштаб сухопутных войск (ОКХ) и Главный штаб Военно-Воздушных сил (ОКЛ). Они окопались в таком же хвойном лесу под Алленбургом. Для поездок в Главную Ставку командование сухопутных войск использовало обычный пассажирский вагон. А вот Главком «Ляфтваффе» рейхсмаршал Геринг, как второе лицо в рейхе, в сопровождении большой свиты следовал в «Вольшанце» на ярко раскрашенном дизельном поезде из трех, меблированных под красное дерево, вагонов. Вся его obsłуга была одета в ослепительно белые костюмы.

Торжественный переезд в Ставку состоялся, но еще сто часов она оставалась безучастной к событиям на Востоке. Однако весь огромный штабной механизм с первого часа пребывания уже работал на полные обороты. Собирались донесения о ходе боевых действий сухопутных войск, авиации и флота в России, в Северной Африке, в Средиземном и Балтийском морях, на Западе и на Балканах. На оперативных картах пунктуально наносилась фронтовая обстановка. Обсуждались предложения по дислокации войск на главных направлениях.

Принимая фельдмаршала фон Браухича на третий день «русской кампании», Гитлер напомнил Главному сухопутным войскам, что и Наполеон овладел Каунасом и Вильнюсом тоже 24 июня. И... в довольно сдержанной форме выразил собеседнику свое беспокойство — кольцо вокруг группировки русских у Белостока еще не замкнуто вермахтом полностью.

— Я очень прошу вас напомнить командованию 4-й и 9-й армий о необходимости скорейшего окружения большевиков в предместьях Белостока, — на мгновение Гитлер оторвал взгляд от «оперативки». — Пусть фон Клюге и Штраус знают — я не успокоюсь с этим требованием, пока не получу от них доклады о выполнении этого моего приказа!

Генерал Йодль, присутствующий при этом разговоре, с интересом посмотрел на фон Браухича и ждал, что ответит Главком сухопутных войск на резонное требование фюрера.

— Мой фюрер, вчера в разговоре по телефону, фельдмаршал фон Бок доложил мне о мерах в этом направлении, — с чувством собственного достоинства сказал Браухич, полагая, что такой ответ вполне устроит фюрера.

— Я и хочу точно знать, каковы эти меры? — Гитлер обеими руками уперся в край стола.

— 7-й армейский корпус 4-й армии идет на сближение с 8-м армейским корпусом 9-й армии. Через день-два они встретятся у

Волковыска и замкнут кольцо окружения,— Браухич ткнул указкой в «оперативку» и добавил: — На Клюге и Штрауса мною возложена личная ответственность за успех этой важнейшей операции.

— Ясно, — недовольно процедил Гитлер. — Но надо быть требовательнее к подчиненным.

Медлительность ОКХ в Белостокской операции возмущала Гитлера. Вечером 26 июня он лично переговорил по телефону с командующим группой армий «Центр».

— Фельдмаршал фон Бок! Я решил посоветоваться с вами по поводу планов дальнейшего наступления, — строго сказал Гитлер.— Вам это неизвестно, но ударный клин генерал-полковника Клейста попал в трудное положение из-за наступления свежих сил большевиков. Прямых угроз нет. Фронтовое командование Советов деморализовано, и Москва непосредственно руководит боевыми действиями своих войск. У нас есть время, и я бы хотел, чтобы после уничтожения группировки русских у Белостока основные усилия группы армий «Центр» вы перенесли в полосу наступления войск Рунштедта.

— Мой фюрер, — пылко возразил Бок.— Я всесторонне изучу ваше предложение и готов прийти на помощь фельдмаршалу фон Рунштедту. Однако осложнения в районе Белостока не позволяют мне сделать это немедленно.

— Какие осложнения? О чём вы говорите? Я не знаю ни о каких осложнениях! — Гитлер повысил голос.— Вы двинули свои танковые группы далеко вперед, а теперь докладываете мне об осложнениях? Я дважды рекомендовал Браухичу не делать этого!

— Мой фюрер, я докладываю вам самые последние данные об оперативной обстановке в полосе наступления своей группы армий. Пытаясь вырваться из окружения, русские ведут атаки в направлении Гродно и Волковыска. Они вынуждают наши пехотные соединения вести бои с перевернутым фронтом.. Я имею в виду именно эти осложнения.

— Я учту ваши замечания, — сердито бросил в микрофон Гитлер, завершая явно неудавшийся разговор.

На восьмой день войны Гитлер впервые включил радиоприемник. Диктор, надрываясь, передавал экстренное сообщение с Восточного фронта: «Кольцо окружения крупной группировки Советов в районе Белостока замкнулось. Войска генерала Гота овладели Минском. Танки генерала Гудериана — у стен Бобруйска. 18-я армия генерала фон Кюхлера захватила крупный бaltийский порт Либава. 1-я танковая группа генерала фон Клейста ворвалась в Ровно. Захвачено большое количество боевой техники, две с половиной тысячи военнопленных. В Таураге обнаружены исключительные запасы продовольствия: сорок тысяч

тонн лярда, двадцать тысяч тонн шпига, пять тысяч тонн свиного мяса и целое стадо живых свиней. Наступление на Восточном фронте продолжается!»

Сводка закончилась. Ударили фанфары.

Наступил июль. За минувшую декаду с начала вторжения фронт отдался от западных границ России на триста пятьдесят-шестьсот километров, достигнув Пскова, Витебска, Житомира и Бердичева. Советы были выбиты из Литвы и Латвии. Уже оккупирована часть Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии. Свыше двадцати дивизий русских разгромлены в Налибокской пуще, у Новогрудка и Столбцов, перед Алитусом и в предместьях Ровно.

Пополудни 2 июля фюрер имел аудиенцию с фельдмаршалом фон Браухичем и в не терпящей возражений форме потребовал от Главкома ОКХ решительных действий по ликвидации окруженной у Минска группировки. Осада ее сковывала половину сил 4-й и 9-й армий и не позволяла фон Клюге и Штраусу наступать на Смоленск. Он приказал Браухичу еще больше сжать кольцо окружения, подтянуть дивизии из второго эшелона и быстрее уничтожить окруженных.

Подлинный переполох в Генштабе ОКХ вызвало указание Гитлера, поступившее утром 3 июля. Тотчас после доклада обстановки Йодлем фюрер позвонил Браухичу и приказал рассмотреть действия войск группы армий «Юг», которые, развивая наступление, поставили под удар Советов свои фланги. Опытное руководство русских на этом направлении, конечно, не упустит шанса и нанесет поражение танковой группе Клейста. Попытки Главкома ОКХ успокоить фюрера докладом, что он уже разговаривал по этому поводу с фельдмаршалом фон Рунштедтом, не увенчались успехом.

Гитлер оборвал Браухича на полуслове:

— Фельдмаршал! Судьба «русской кампании» находится в моих руках, но я хочу, чтобы победа пришла при наименьших потерях!

Не отличавшийся самостоятельностью и большой личной воей, Браухич сразу подчинился:

— Будет сделано, мой фюрер!

Около трех часов, когда в «Вольфшанце» обсуждалась переданная Геббельсом из Берлина речь Сталина по радио, генерал-полковник Гальдер получил донесение начальника штаба группы армий «Юг» генерала Зоденштерна. В нем излагались меры по прикрытию флангов ударных соединений.

На вечернем совещании, подводя суточные итоги, Гитлер заявил, что задача по разгрому главных сил Советов на рубеже Западная Двина—Днепр выполнена. На очереди — овладение Московским промышленным районом, Северной Россией, Донбассом.

Двигаясь на восток, вермахт может встретить сопротивление отдельных воинских групп. Так что не будет преувеличением сказать, что военная кампания против России выиграна фактически за две недели!

Верховный Главнокомандующий уверенно продолжал:

— Учитывая протяженность России, наши силы еще в течение некоторого времени будут скованы на Востоке. Но с этого дня война все более переходит из фазы разгрома вооруженных сил в фазу экономического подавления врага. Значит, на первый план выступают задачи по завершению войны против Англии. К их реализации нам следует приступить немедленно. Время работает на Великую Германию...

4 июля группа армий «Центр» захватила несколько переправ через Березину между Борисовом и Бобруйском.

5 июля группа армий «Север» овладела городом Остров.

6 июля 3-я танковая группа оставила позади Лепель и достигла Западной Двины в предместьях Уллы и Витебска.

7 июля 1-я танковая группа генерал-полковника фон Клейста захватила Бердичев. 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана пробилась к Днепру.

8 июля сдались окружены Налибокской пущи — биться дальше было практически уже нечем.

9 июля фельдмаршал фон Лееб доложил о захвате Пскова, фельдмаршал фон Рунштедт — Житомира...

Фельдмаршал Бок приготовился ко сну, когда тишину его кабинета нарушил телефонный звонок из «Асканий». Звонил полковник Хойзингер. Генерал-полковник Гальдер, во избежание неприятностей, нередко прибегал к этому приему, вводил в «игру» начальника Оперативного отдела Генштаба, и он распутывал «скандальные коллизии». К тому же полковник Хойзингер пользовался расположением фюрера.

— Господин фельдмаршал, — начал разговор «главный оператор» ОКХ. — Вы задержались с докладом о применении Советами новых танков. По поручению фельдмаршала фон Браухича я вынужден был именно сейчас выйти с вами на связь — два часа назад вас еще не было в своем штабе.

— А вы не могли этот разговор отложить хотя бы до утра, Хойзингер? — с укором возразил Бок.

— Нет, не мог, господин фельдмаршал, — отчеканил настырный Хойзингер. — Наш вчерашний доклад в Главной Ставке затянулся, но, учитывая большое беспокойство фюрера, возможен его ранний звонок по данному вопросу. Командование же ОКХ находится в неведении относительно неприятностей в войсках Гота.

— Какие неприятности вы имеете в виду? — Бок невольно повы-

сил голос. — Любая война тем и отличается, что противники время от времени стараются удивить друг друга очередной оружейной новинкой.

— Но что вам известно о танке «Клим Ворошилов», господин фельдмаршал? — снова спросил Хойзингер. — Эти сведения я должен сообщить Браухичу.

Бок понял, что дальнейшая игра в «кошки-мышки» с неуступчивым Хойзингером бесполезна.

Он сказал:

— Я нахожусь в том же положении, что и командование ОКХ, с точки зрения наличия информации о тяжелом танке красных. Трофейным экземпляром Гот не располагает, и нам известно лишь одно его качество: снаряды танков «Т-III» не пробивают лобовую броню нового танка русских.

— Ясно, господин фельдмаршал. — Полковник Хойзингер немедленно положил трубку, не попрощавшись.

Но на этом волнения для фон Бока не закончились. Тут же зазвонил телефон Главной Ставки. Фельдмаршал быстро сорвал трубку. Гитлер начал разговор в спокойном тоне:

— Вы слышите меня, Бок? Я только что заслушал доклад Гота по поводу применения большевиками нового тяжелого танка. Он сообщил мне, что аналогичный доклад он представил и в штаб вашей группы армий, в Борисов.

— Именно так, мой фюрер!

— И что же вы скажете мне?

— Это очень неприятный факт, мой фюрер. И, как командующий группой армий, я считаю своим долгом как можно быстрее заполучить трофейный экземпляр, изучить его и дать работу нашим конструкторам и артиллеристам.

— Вы правильно понимаете свою задачу, фельдмаршал фон Бок. Я вас поздравляю и желаю спокойной ночи, — Верховный Главнокомандующий тут же опустил трубку на рычаг.

Утром 5 июля в Борисове неожиданно появился Браухич. Главком ОКХ решил ознакомиться с обстановкой в центре Восточного фронта и уточнить с фон Боком ближайшую перспективу. В частности, какие дивизии 2-й и 3-й танковых групп целесообразно использовать для выполнения задач на Западном ТВД.

Фельдмаршалы отсалютовали друг другу жезлами, и Главком сухопутных войск начал разговор издалека:

— В последние дни Генштаб ОКХ получает скучную информацию о характере действий 2-й и 3-й танковых групп. Главная Ставка теряется в догадках, что происходит в районе Могилева и Витебска. Фюрер то и дело выражает беспокойство по этому поводу.

— Я сам располагаю такой же скучной информацией, господин фельдмаршал. Кстати, сегодня она не из приятных: Гот и Гудериан наступают из последних сил. 2-я танковая группа атакована из района Гомеля и Речицы свежей бронетанковой группировкой русских. Войска нуждаются хотя бы в трехдневной передышке и пополнении людьми.

— Эти вопросы — во власти фюрера. Я их не решую. — Фон Браухичу становилось не по себе от столь холодного приема, оказанного ему «давним соперником».

— Я разговариваю с Главкому ОКХ и не мое дело ставить этот вопрос в «Вольфшанце», — отрезал Бок.

Браухич продолжил начатую мысль:

— Полагаю, что речь о передышке реально возможна только с выходом к Днепру и занятием дефиле между ним и Западной Двиной по линии Велиж—Смоленск—Кричев.

— Чтобы выполнить поставленную задачу, моей группе армий требуется минимум сто танковых моторов, — голос Бока наполнился гневными нотками. — Встречные бои с гигантскими танками Советов складываются отнюдь не в нашу пользу, и если их появится еще больше, то это подорвет моральный дух войск. Во вчерашнем бою южнее Труханович большой урон понесла 18-я танковая дивизия Гота.

— Скажите, Бок, а какие из танковых дивизий через две-три недели после выполнения задач «Русской кампании» будут в состоянии действовать на других ТВД? Разумеется, с запасом времени на отдых и доукомплектование, — резко изменил тему дальнейшего разговора фон Браухич.

Вопрос застал командующего группой армий «Центр» врасплох. Указка Бока медленно опустилась вниз. Но его замешательство было недолгим. Овладев собой, он повернулся в сторону Главкома ОКХ и подчеркнуто сухо возразил:

— Мне пока что достаточно и одного ТВД. Если же вы или Кейтель считаете, что какой-то из моих танковых дивизий через месяц станет нечего делать в России, то я не могу разделить такую примитивную точку зрения.

— Как же так? Ведь 20 июня вы, Бок, были ознакомлены в Цоссene с директивой фюрера № 32!

Вот теперь все становилось на свои места — Бок сразу «раскусил» замысел фельдмаршала.

— Да, я действительно был ознакомлен с той директивой, — вынужденно согласился Бок.

— И что же вы скажете? — глаза соперников встретились, засияли в неподвижности.

— Сегодня, Браухич, я не готов ответить на этот вопрос определенно, — Бок был непреклонен.

— Ни вы, Бок, ни я не вправе игнорировать обстоятельства. Я получил письменное указание фельдмаршала Кейтеля о том, по каким критериям до 20 июля Генштаб ОКХ обязан представить предложения фюреру о составе сил для выполнения задач, поставленных директивой № 32.

Бок понял, что в создавшихся условиях необоснованный отказ не прибавит ему авторитета и будет проигнорирован Главкому ОКХ. Он рассудительно заявил:

— Видите ли, до вчерашнего дня хорошо выглядела 18-я танковая дивизия, но в каком положении оказалась она сегодня? Я считаю, что для выполнения задач такого рода должны быть сформированы специальные соединения, с использованием боевого опыта, полученного в России.

На рассвете 6 июля фельдмаршал фон Клюге позвонил командующему 2-й танковой группой. И снова его разговор с временным подчиненным проходил на «высоких нотах».

— Я прошу вас, Гудериан, остановиться на рубеже Днепра и дождаться подхода пехотных корпусов! — буквально кричал в телефонную трубку командующий 4-й армией.

— Остановиться и ждать, пока Советы укрепят оборону по Днепру у Шклова и Быхова, как они уже сделали это у Рогачева и Жлобина? — в голосе Гудериана звучала очевидная издевка.

Понизив голос, всячески сдерживая себя, Клюге вознамерился дополнить свое, только что отданное приказание:

— Не ждать! Я считаю своим долгом поставить вас в известность, что соединениям 2-й танковой группы есть чем заняться. Вы наступаете на самом опасном...

Гудериан не позволил Клюге закончить свою мысль.

— Но чтобы достигнуть оперативных целей наступления в сроки, предусмотренные первоначальным планом, я еще двое суток назад должен был форсировать Днепр!

— Я не участвовал в разработке планов «Русской кампании»! Но сейчас, судя по обстановке, вам надо остановиться, обезопасить свой правый фланг от возможного контрудара, не допустить разрыва фронта с 3-й танковой группой Гота.

— На участке в районе Могилева моя 10-я танковая дивизия потеряла соприкосновение с арьергардом русских, и я не могу задержать ее наступление! — Гудериан и не думал о компромиссе.— В противном случае через неделю мне придется снова вести маневренную войну!

Клюге повысил голос. Он уже не мог спокойно разговаривать с Гудерианом. Командарм 4-й бросил:

— По данным разведки, противник подтягивает подкрепления из района Смоленска. Он намерен контратаковать, но где придется его главный удар, нам пока что неизвестно.

Генерал-полковник Гудериан буквально взорвался:

— Говорите, противник подтягивает к Днепру резервы? Значит, тем более его надо немедленно атаковать, пока резервы русских не успели развернуться, — Гудериан сделал паузу и добавил: — Я уже приказал Гейру и Фитингhoffу выслать за Днепр разведбатальоны, чтобы захватить там плацдармы!

Рано утром 8 июля, когда Бок еще находился в постели, ему позвонил фельдмаршал Браухич и сказал:

— Фельдмаршал, я беспокою вас очень рано, но сегодня в две-надцать тридцать мне предстоит выступить с докладом в Главной Ставке. Прошу вашего совета, что конкретно я могу доложить фюреру о намерениях сторон?

— Свое мнение по этому поводу я изложил вам во вчерашнем донесении, — недовольно возразил фон Бок. — Положение, на мой взгляд, обязывает Гудериана повременить с наступлением, дождаться подхода армейских корпусов. Он же настойчиво рвется к Смоленску.

Вошедший в кабинет начальник Оперативного отдела полковник фон Тресков согласно кивнул головой и проронил:

— Гудериан игнорирует мнение вышестоящих штабов.

Бок метнул в сторону подчиненного недовольный взгляд, но тут же услышал следующий вопрос Главкома ОКХ. В утренней тишине его хорошо слышал и Тресков. Ловким движением полковник приблизил «оперативку» с обстановкой и обвел указкой район Гомеля-Речицы.

— Что делается по ликвидации группировки русских у Гомеля и Речицы? — повторил он вопрос Браухича: — В район Гомеля — Речицы перебрасываются силы 2-й армии генерала Вейхса, и уже сегодня они выйдут на исходные позиции для последующих действий. Этим маневром снимается угроза правому флангу 2-й танковой группы.

— Кроме того, на этом направлении задействованы крупные силы 2-го воздушного флота Кессельринга, — добавил полковник Тресков.

И эту «добавку» оперативника Бок передал в ОКХ:

— Да-да, по скоплению вражеских войск наносят удары штурмовики и бомбардировщики 2-го воздушного флота.

— А не лучше ли использовать главные силы фельдмаршала Кессельринга для ударов по Смоленску, через который от Москвы в районы Витебска и Орши осуществляются переброски свежих большевистских сил? — в том же спокойном тоне возразил Браухич.

— Распределение сил — это дело самого Кессельринга, — Бок парировал и этот довод Главкома ОКХ. — Он поддерживает и 3-ю танковую группу в направлении Великих Лук.

— Значит, Гудериан, как и Гот, тоже может наступать? — Браухич упорно гнул «свою линию».

— Может, но не раньше 10 июля. Ему следует привести в порядок свои танковые соединения и, главное, пополнить их новой материальной частью.

— Но фюрер намерен сохранить все новые танки для операций на других театрах военных действий!

— В таком случае с выходом в район Смоленска группе армий «Центр» нечем будет наступать на Москву. Кроме того, мои дивизии испытывают большие трудности с доставкой боеприпасов, — повысил голос фон Бок.

— Прошу вас, Бок, по этому поводу сейчас же переговорить с Кайтелем, — согласился Главком ОКХ. — Я разделяю ваше беспокойство и тотчас доложу о нем фюреру.

— Я лучше переговорю с генералом Йодлем, — возразил командующий группой армий «Центр».

— Не возражаю.

В то время когда происходил этот диалог, Гот и Гудериан продолжали начатые операции. 2-я танковая группа форсировала Днепр у Могилева и попыталась с ходу овладеть городом. Но отбив его атаки, русские сами перешли в наступление и ликвидировали плацдармы. Гейр и Фитинггоф поняли, что овладение Могилевом в данных условиях невозможно.

Получив передышку, Гудериан приступил к подтягиванию вторых эшелонов и перегруппировке сил. У него созрел новый план действий. Ударом севернее Шклова, у Копыси, 46-й танковый корпус, в обход Могилева, развивает наступление на Горки-Починок-Ельню, в обход Смоленска, южнее. Это был смелый план быстрого прорыва к Москве. Вечером 9 июля командующий 2-й танковой группой направил его во все вышестоящие штабы и был уверен, что «Вольфшанце» такой наступательный план обязательно одобрят.

10 июля... Финская армия вторглась в Карелию, наступая на Петрозаводск и Олонец. С реки Великой группа армий «Север» фон Лееба рвалась к Петербургу. С рубежа Западная Двина — Днепр наступали на Москву войска группы армий «Центр». Из района Витебска на Касплю-Холм двинулась 7-я танковая дивизия Гота. В это же время, в направлении на Смоленск, устремились отборная дивизия СС «Райх», 17-я танковая и 29-я моторизованная дивизии Гудериана.

Новый прилив оптимизма в «Вольфшанце» вызвали успехи войск Гота и Гудериана. 15 июля 7-я танковая дивизия прорвалась в район Ярцево и перерезала шоссе Минск-Москва. На следующий день последовал еще больший успех — танковая дивизия СС «Райх» и 29-я моторизованная дивизия Гудериана с ходу ворвались в южную часть Смоленска.

В тот же день, 16 июля, Гитлер провел совещание по восточной оккупационной политике. Участвовали: Главком ВВС Геринг, начальник штаба ОКВ Кейтель, «партайгеноссе» Борман, рейхслейтер Розенберг и начальник Имперской канцелярии Ламмерс. Заявив, что главные силы русских разгромлены и «русская кампания» приближается к завершению, Гитлер самоуверенно озадачил свое окружение:

— Теперь является наиболее важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром. Это к тому же вовсе не нужно. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим достичь. Мотивировка перед миром наших действий должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь точно так же, как и в случаях с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. Итак, мы снова и снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность. Но нам самим должно быть ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем. Крым следует освободить от чужаков и заселить немцами. Точно так же Австрийская Галиция должна стать областью Великой империи. Дело сводится к освоению огромного пирога. Мы, во-первых, должны овладеть им, во-вторых, управлять и, в-третьих, эксплуатировать.

Русские отдали приказ о ведении партизанской войны в тылу наших армий. Это дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас. Самое основное — создание военной державы западнее Урала не может быть включено в повестку дня. Все мои последователи должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Законом должно стать: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носили кто-либо, кроме немцев». Это очень важно. Только немец вправе иметь оружие, а не славянин, не чех, не казах, не украинец...

В зал докладов вошел полковник Шмундт и положил перед фюрером донесение Геринга о первом налете на Москву. Наконец, Главком ВВС выполнил его пожелание, имеющее огромное политическое значение. Гитлер встал из-за стола, подошел к окну, начал читать. Но что это? Чем внимательнее вчилась он в текст депеши, тем все сильнее недоумевал. Геринг докладывал: «Замечены большие разрушения... Возникло много пожаров... Применены фугасные бомбы в две с половиной тонны... В налете участвовало свыше двухсот самолетов — лучшие экипажи 2-го воздушного флота фельдмаршала Кессельринга... Москва имеет мощное зенитное и авиационное прикрытие... Фотоматериалы о налете дешифруются и через пять часов будут представлены в Ставку».

«Но почему в донесении Геринг ни словом не обмолвился о Кремле? Что передает по этому поводу московское радио?» — Гитлер быстро возвратился к столу, нажал кнопку вызова. Тут же снова

вшел полковник Шмундт, остановился у двери в ожидании указаний...

Доклад задерживался. Фюреру не были известны причины этого. Оказалось, что задержка произошла по вине фельдмаршала Кейтеля. Начальник штаба ОКВ утром объявился в Борисове и получил подлинный нагоняй от фон Бока лишь за упоминание об изъятии у него обеих танковых групп. В этом случае, заявил командующий группой армий «Центр», он будет вынужден немедленно уйти в отставку! С него хватит и месяца столь необычной «Русской кампании».

Более того, для начальника штаба ОКВ это прозвучало чистейшим откровением, что и при наличии в его подчинении 2-й и 3-й танковых групп, он не может продолжать наступление на Москву из-за яростного сопротивления русских на ярцевском рубеже и требует недельный отдых для своих войск.

Кейтель извинился за опоздание, прошел на свое традиционное место. Совещание началось. Главком ОКХ был нездоров и события на Восточном фронте не обсуждались. Докладчиком выступил начальник Генштаба ОКХ Гальдер. Оценивая противника, он заявил: «Военному потенциалу большевиков нанесен невосполнимый урон. На фронте ощущается нехватка даже винтовок и патронов. Танковые войска лишились почти всех новейших танков, которые еще неделю назад досаждали 2-й и 3-й танковым группам. В воздушных боях используются истребители устаревших типов.

Управление войсками в тактическом звене и уровень подготовки командных кадров — посредственные. В вопросах общего руководства и ведения наступательных действий оперативного масштаба оценка представляется двоякой. Командование большевиков перед группой армий «Юг» оказалось на высоте. А вот перед группами армий «Север» и «Центр» показало себя только с отрицательной стороны.

Но сопротивление противника нарастает. Это связано скорее всего с психологическими особенностями состава войск, увеличением в них партийной прослойки, а также с усилением карательных мер против дезертиrov, нежели с улучшением их военной подготовки. Кроме того, разведкой установлено наличие на Восточном фронте девяноста трех боеспособных дивизий Красной Армии, а не сорока шести, о которых шла речь на совещании в Главной Ставке 8 июля».

Гальдер, пользуясь трибуной, предложил свою перегруппировку сил. Согласно ей, 2-ю танковую группу Гудериана, а также 12-й и 53-й армейские корпуса из состава 2-й армии фон Вейхса предлагалось подчинить фон Рунштедту, развивая наступление на Сураж-Новгород-Северский-Харьков, в тыл киевской группировке русских. Вза-

мен выбывших подчинить фон Вейхсу 20-й армейский корпус из состава 9-й армии Штрауса, а армию последнего пополнить 10-м армейским корпусом 16-й армии Буша. Группа армий «Центр», обходя Москву севернее и южнее, наступает на Казань. На левом фланге в ее составе действует 3-я танковая группа Гота.

Гитлер даже не предложил высказаться по плану Гальдера Кейтлю и Иодлю. Он с трудом дослушал его обтекаемые формулировки и с первых своих слов на высокой ноте потребовал от Браухича строгого доведения до войсковых инстанций своего плана продолжения «Русской кампании». В данный момент Москва совершенно его не интересует. Все его внимание – Петербургскому направлению. Но фон Лееб не располагает достаточными силами для выполнения стоящих перед ним задач. Он лично убедился в этом двое суток назад, посетив штаб-квартиру Лееба в Мольнаве.

Ближайшую задачу группы армий «Север» он ограничивает блокированием Петербурга с востока. При этом 4-я танковая группа Гёпнера должна выйти в район озера Ильмень и закрыть проход между ним и Ладожским озером. Тем временем 3-я танковая группа Гота выходит в тыл великолукской группировке Советов. Гудериан поворачивает свои дивизии на юг и блокирует группировку русских в районе Гомеля и Речицы. У Бока достаточно сил и без танковых групп. Он может наступать на Москву только армейскими корпусами. Альтернативы такому решению нет. Ответные действия русских и погодные факторы его не интересуют...

Самолет с Главкомом ОКХ на борту, словно челнок, метался между «Асканией» и Восточным фронтом. Утром он стартовал из Летцина, через два-три часа приземлялся в Мольнаве, Борисове или Староконстантинове, а вечером снова возвращал Браухича в штаб ОКХ. Но эта показная активность Главкома ОКХ практически мало сказывалась на положении дел под Петербургом, Смоленском или Киевом.

Утром 27 июля Браухич отправляется в Борисов к Боку и здесь узнает ужасающую новость: разведкой установлен факт формирования еще двадцати пяти дивизий в районе Москвы. Когда всему этому придет конец? В сдержанном тоне Главком ОКХ продолжает диалог с Боком о плане разгрома гомельской группировки русских, об операциях на Московском направлении, о наступлении 3-й танковой группы Гота на Валдае, а перед глазами, словно наваждение, непрерывным потоком плывет и плывет бесконечная живая масса в защитном красноармейском обмундировании.

Фюрер не верит донесениям разведки о растущей мощи большевиков, но именно это сообщение, похоже, и приблизило первый серьезный «кризис». Самый узкий круг обитателей «Вольфшанце» тут

же узнает из уст доктора Морреля, что речь фактически идет о сердечном ударе. Впору было сетовать, что очень уж некстати по времени — в штабах групп армий продолжала царить неопределенность — он пришелся.

2

Еще не было и четырех часов, когда начальник личной охраны Власик осторожно вошел в спальную комнату и тронул руку Сталина, лежавшую поверх одеяла:

— Товарищ Сталин... Товарищ Сталин, — дважды не громко, но звонкованно повторил он.

Сталин тотчас, будто он совсем и не спал, а просто прлиг отдохнуть, открыл глаза, приподнял голову с подушки.

— Что-нибудь случилось?!

— Да, товарищ Сталин. Звонит начальник Генерального штаба Жуков, просит вас срочно подойти к аппарату. Совершенно неотложное дело. — И, уже выходя вслед за председателем СНК из спальни, Власик добавил: — Немецкие самолеты бомбят наши приграничные города.

— Что?.. Бомбят? — Сталин остановился, строго посмотрел в глаза начальника охраны. Но тут же, ничего не сказав, он, проворнее обычного, направился в переднюю к аппарату.

В комнате было по-ночному тихо, и Власик хорошо слышал содержание этого первого диалога о начавшейся войне. Начальник Генштаба звонкованно докладывал:

— Артиллерия немцев ведет огонь по нашим приграничным прикрытиям. Авиация противника бомбит Киев, Минск, Севастополь, Либаву, а также аэродромы и летние лагеря войск. Разрешите начать ответные боевые действия?

Телефонная трубка медленно поползла вниз по уху Сталина. Дыхание его стало учащенным, прерывистым. Но дорога каждая минута, и Жуков торопит с ответом:

— Вы меня поняли, товарищ Сталин?

Молчание председателя СНК прерывается вопросом:

— Где находится нарком обороны, товарищ Жуков?

— Он здесь, рядом. Говорит по телефону с командующим Киевским Особым военным округом генералом Кирпоносом.

— Через сорок минут приезжайте с Тимошенко в Кремль, — сказал Сталин и опустил трубку на рычаг.

Некоторое время он постоял у стола, еще не веря в произошедшее, и не спеша повернулся к начальнику охраны:

— Передайте Поскребышеву, чтобы он быстрее пригласил ко мне всех членов Политбюро ЦК.

Ужасное сообщение Жукова, несмотря на отданые накануне распоряжения, в глубине души захватило его врасплох. Да, морально, при всей своей политической прозорливости, Сталин не был готов к такому обороту событий.

На какое-то время он непроизвольно задержался посреди комнаты и не громко, скорее всего для себя, сказал:

— Все-таки напал... Обманул, мерзавец!

В половине пятого, когда Тимошенко и Жуков вошли в кабинет Сталина, там уже были в сбое все члены Политбюро ЦК. Слева, за длинным столом, покрытым зеленым материалом, лицом к Кремлевскому арсеналу, сидели Берия, Ворошилов, Каганович, Калинин, Молотов. Шесть часов назад они покинули это помещение, но тогда было еще мирное время. Теперь же на западных границах страны бушевал смерч войны, и требовалось коллективно решить, какие меры необходимо предпринять, чтобы отразить фашистское нашествие.

Члены Политбюро с затаенной надеждой посмотрели на вошедших военных. В кабинете стояла гнетущая тишина. Сталин сидел у торца стола, что уже само по себе было необычно, держал в руке погасшую трубку. На первый взгляд, внешне он был так же спокоен, и только побледневшее лицо и настороженный взгляд темно-карих глаз выдавали его волнение. Когда Тимошенко и Жуков присели у ближнего, направив двери, окна, он поднялся, тихо сказал:

— Напали, нарушив подписанный пакт о ненападении, а что же до сих пор молчит германское посольство?

Пройдя взад-вперед по кабинету, председатель СНК остановился напротив Молотова и как бы закончил мысль:

— Позвоните в германское посольство, товарищ Молотов. Что на этот раз скажет нам Шулленбург?

Молотов присел у рабочего стола Сталина, набрал номер телефона германского посольства. На вопрос наркома, где находится посол, сотрудник посольства ответил, что посол просит Советское правительство принять его для передачи важного поручения. Молотов добавил: «Передайте своему послу, чтобы он ехал в Кремль». Нарком положил трубку и возвратился на прежнее место за столом. Председатель СНК приостановился, предложил, чтобы Шулленбурга тоже принял Молотов. Члены Политбюро ЦК, кто в голос, а кто кивком головы, поддержали его предложение.

Воцарившуюся было тишину нарушил вошедший в кабинет генерал-лейтенант Ватутин. Он доложил:

— Получены донесения, товарищ Сталин, что противник после артиллерийского налета на приграничные объекты перешел в наступление, форсирует Буг и Неман, ворвался в Брест. На южном участке границы наши частидерживают свои позиции. Авиация

врага бомбит наши аэродромы, летние лагеря войск, ведет глубокую разведку территории.

Сообщение Ватутина тут же дополнил Жуков.

— Товарищ Сталин,— уверенно сказал он,— нужно без промедления обрушиться на противника всеми имеющимися у нас силами и задержать его продвижение в глубь страны.

— Надо не задержать дальнейшее продвижение противника, а уничтожить его,— уточнил маршал Тимошенко.

— Именно уничтожить! — добавил маршал Ворошилов.

Столь категоричный настрой военных подтолкнул вступить в дискуссию других членов Политбюро ЦК.

— Фашисты, по-видимому, имеют превосходство в силах на главных направлениях,— глядя на маршала Тимошенко, сказал Калинин.— Иначе они не перешли бы в наступление.

— Я разделяю точку зрения товарища Жукова,— определенно высказался секретарь ЦК Маленков.— Надо быстрее задержать врага и как следует осмотреться.

— Разведкой должна заняться наша авиация,— бросил реплику нарком внутренних дел Берия.

— Нужно разведать силы гитлеровцев и на месте принимать решения на ответные действия,— как бы продолжил мысль Маленкова член Политбюро ЦК Каганович.

Только теперь вступил в разговор Сталин. Но в его глуховатом голосе не чувствовалось прежней уверенности.

— С начальником Генштаба можно согласиться, если бы мы знали сегодня, какая группировка немца действует против нас на каждом из направлений. Но ни Политбюро ЦК, ни Главное разведуправление Генштаба этого не знают.

Откровенный обмен мнениями был в самом разгаре, когда в кабинет возвратился нарком Молотов. Председатель СНК повернулся к нему и напряженно ждал, что скажет он после встречи с послом.

— Германия объявила нам войну,— ровным голосом сказал Молотов. В руке он держал лист бумаги с фашистской свастикой вверху. — Шуленбург не комментировал это решение своего правительства, но сказал, что лично он с ним не согласен и очень сожалеет о произшедшем.

Кончиком мундштука Сталин провел по седеющим усам, на шаг отступил от стола, обратился к наркому обороны:

— Давайте боевую директиву. Начнем действовать и мы.

Начальник Генштаба Жуков встал и вслух зачитал подготовленный проект директивы. Сталин сказал:

— Сейчас надо отдать войскам короткую директиву.

Сделав несколько шагов по ковровой дорожке, он остановился рядом с Жуковым и негромко добавил:

— Сократите директиву наполовину и телеграфируйте в округа, которые мы преобразуем в направления или фронты.

Трудное решение о вступлении страны в войну принято.

Когда в половине десятого Тимошенко, Жуков и Ватутин вновь прибыли в Кремль, то им показалось, что члены Политбюро так и не уходили из сталинского кабинета. Осведомившись у Жукова, какие новые сообщения поступили в Генштаб из приграничных округов за минувшие пять часов, Сталин обернулся к наркому обороны:

— Что там у вас?.. Давайте.

Тимошенко прочитал проекты указов Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации военнообязанных 1905–1918 годов рождения, а также о введении военного положения в европейской части страны с 23 июня.

Сталин взял из рук Тимошенко оглашенные документы и еще раз внимательно прочитал их про себя. Затем, сократив тексты документов, передал их Поскребышеву.

Когда секретарь покинул кабинет, Тимошенко предложил следующий документ — проект директивы о создании Ставки Главного Командования Красной Армии. И его Сталин прочитал, но пропустить не стал и негромко заключил:

— Не горит. Обсудим на Политбюро ЦК. — Так же поступил он с проектом мобилизационного плана по производству боеприпасов. Только резюме прозвучало несколько иное: — Этот план мы должны рассматривать с наркоматами уже по-другому. Одни-двоих суток ничего не решат.

Последнее предложение маршала Тимошенко о преобразовании Прибалтийского военного округа, Западного и Киевского Особых военных округов в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты было принято без обсуждения.

Когда, исчерпав все вопросы, Тимошенко попросил разрешения отбыть в Наркомат обороны, Сталин сообщил ему, что в двенадцать часов по радио выступит Молотов с заявлением Советского правительства. Он был немногословен:

— Прослушайте. Радио повторит его несколько раз.

Обсудив на Политбюро ЦК вопрос о создании Ставки Главного Командования, Сталин попытался переговорить по телефону со всеми командующими фронтами и выяснить, что в данный момент времени происходит у границы. Но его попытка оказалась безуспешной.

Потеря управления войсками в начальный период войны грозила развалом фронта, и Сталин немедленно принял меры. В то время когда Молотов выступал по радио с заявлением правительства, на Политбюро ЦК были приглашены маршалы, заместители

наркома обороны — начальник Главного военно-инженерного управления строительства укрепрайонов Шапошников и по вооружению Кулик.

— Вот что,— сказал Сталин, здороваясь с вошедшими,— по донесениям разведки мы лишь примерно знаем, где находятся немецкие и наши войска. Так управлять войной нельзя. В качестве представителей Ставки решением Политбюро ЦК вы направляйтесь на Западный фронт с задачей помочь его командованию наладить управление войсками и ежедневно докладывать нам об обстановке... Вопросы ко мне есть?

Вопросов к председателю СНК не последовало. Маршалы Шапошников и Кулик вышли из кабинета.

Вскоре после полудня Сталин позвонил в Генштаб генералу армии Жукову и без всяких вступлений сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, растерялись. Этот вопрос мы только что рассмотрели на Политбюро. Оно решило направить вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки. На Западный фронт его уже направлены маршалы Шапошников и Кулик. Вам следует немедленно вылететь в Киев, а оттуда как можно быстрее попасть на передовой командный пункт фронта в Тернополь.

— Товарищ Сталин, а кто же здесь будет руководить Генштабом? — невольно вырвалось у Жукова.

Сталин был готов к ответу и на этот вопрос:

— Оставьте за себя Ватутина,— сказал он и тут же добавил: — Не теряйте времени зря, мы тут как-нибудь обойдемся, а вы нужнее сейчас там... Желаю успеха.

С каждым днем обстановка на фронтах становилась все сложнее. Особенно много забот доставляло командованию и государственному руководству развитие событий на Каунасском и Минском направлениях. Донесения же, поступающие с фронтов в Генштаб, страдали поверхностной оценкой обстановки и нередко приводили к противоречивым выводам.

— По-вашему, получается, что немец несет большие потери и все-таки быстро продвигается в глубь нашей территории? — Сталин остановился позади Ватутина и ткнул мундштуком в карту. — Идет только четвертый день войны. Войска 11-й армии генерал-майора Морозова сдали немцу Кедайнай, Каunas, Вильнюс. Отступают дальше... Куда?

— Да, товарищ Сталин, 11-я армия отошла восточнее Каunasа и Вильнюса, — кивнул Ватутин. — В 18.00 об этом доложил генерал Кузнецов. Отход войск продолжается.

— Это неправильные действия, товарищ Сталин! — громко сказал стоявший рядом с докладчиком нарком обороны.

— «Неправильные действия», — Сталин, вроде бы без акцентов, повторил слова маршала Тимошенко. Выдержав паузу, он добавил: — Значит, у комфронта Кузнецова есть достаточно сил и средств, чтобы отбросить немца назад?

— Да, есть, товарищ Сталин, — поддержали его Тимошенко и Ватутин. — Вчера мы подчинили командарму Морозову еще и 23-ю ордена Ленина стрелковую дивизию.

— Вот и готовьте директиву: «Силами трех дивизий, 23-й и 188-й стрелковых и 5-й танковой, нанести контрудар из района Ионавы с задачей вернуть Вильнюс, Каунас и перенести боевые действия на территорию Восточной Пруссии», — в голосе Сталина звучали повелительные нотки.

— Тяжелое положение сложилось в полосе Западного фронта. 3-я танковая группа Гота прорвала оборону 3-й армии Кузнецова, перерезала железную дорогу Вильнюс-Лида и продвигается к Минску, — продолжил доклад Ватутин. — Цель маневра — встретиться у столицы Белоруссии с 2-й танковой группой Гудериана и окружить главные силы Западного фронта.

— А что же предпринимает командование Западного фронта в ответ? Или комфронта Павлов ждет, когда немец замкнет кольцо окружения в районе Минска? — Сталин остановился рядом с «генштабистом». — Какие меры предпринимаются Наркоматом обороны, Генштабом?

Ватутин выпрямился, беглым взглядом окинул председателя СНК, снова наклонился над картой, произнес:

— Предпринимает, товарищ Сталин. — Карандаш генштабиста скользнул над картой, уперся в южный фланг Западного фронта. — Выполняя директиву Ставки, генерал Павлов предпринял контрудар из района Кобрин-Пружаны силами 14-го межкорпуса генерала Оборина под основание танкового клина Гудериана. Но успеха он не принес. Соединения находились в двадцати километрах друг от друга, и собрать их в мощный кулак не удалось.

— Товарищ Тимошенко, а что докладывают представители Ставки на Западном фронте, маршалы Шапошников и Кулик? — Председатель СНК не спеша подошел к своему рабочему столу и прижался набивкой табаком трубку.

— Сегодня удалось переговорить по телефону с маршалом Шапошниковым, товарищ Сталин, — ответил нарком обороны. — А от маршала Кулика никаких сообщений нет.

— Что предлагает товарищ Шапошников? — Сталин остановился рядом с наркомом обороны.

Тимошенко взял в руки указку, наклонился над картой.

— Он предложил комфронта Павлову сколотить мощную группировку в составе 6-го и 11-го межкорпусов и 6-го кавкорпуса во гла-

ве с генералом Болдиным и нанести контрудар в направлении сувалковского выступа.

— И что же, товарищ Тимошенко? Каков результат этого контрудара? — поставил новый вопрос председатель СНК.

— Это произошло вчера, во второй половине дня, товарищ Сталин, и результат нам пока неизвестен, — ответил нарком обороны.

— Что ж, обождем результатов контрудара, — в голосе председателя СНК послышалось какое-то удовлетворение.

В молчании, редко затягиваясь дылом, Сталин прошелся вдоль кабинета и как бы продолжил свою мысль:

— Принято, по-моему, верное решение. Раз немец имеет пре-восходство в силах, держит инициативу в своих руках, то наша задача упрощается. Надо его измотать, используя единичные контрудары, обескровить в оборонительных боях у границы, выбить у него как можно больше танков, а потом подойдут резервы и докончат дело на его территории.

— Но вот беда, товарищ Сталин, — с горечью в голосе произнес Тимошенко. — Маршал Шапошников заболел, и если не выздоравливает, то его придется отывать с фронта.

— Жалко, — согласился Сталин. — Похоже, что фронтовые нагрузки Борису Михайловичу уже не по плечу.

Он еще раз удалился в глубь кабинета, а на обратном пути снова привлек к разговору генерала Ватутина.

— Что нового у Кирпоноса, товарищ Ватутин?

— Упорные бои продолжаются в полосе обороны 5-й армии, товарищ Сталин. Стрелковые дивизии генерала Потапова отражают атаки танковых соединений генерала фон Клейста, которые прорвались на западный берег реки Стырь.

— От Жукова поступили какие-нибудь вести? — скользнув взглядом по карте, задал следующий вопрос председатель СНК.

— Нет, товарищ Сталин. Письменных донесений нет. Но нарком обороны вчера разговаривал с ним по телефону.

— Как товарищ Жуков оценивает обстановку у Кирпоноса? — вопрос относился уже к маршалу Тимошенко.

— По мнению Жукова, товарищ Сталин, в ближайшие двое-трое суток ожидается переход в наступление 11-й немецкой армии с территории Румынии. Главный удар она скорее всего нанесет в стык наших 18-й и 19-й армий.

— И это не обойдется без помощи румын?

— Наоборот, товарищ Сталин, — добавил генерал Ватутин. — 11-я армия немцев призвана помочь 3-й и 4-й румынским армиям форсировать Прут на широком фронте.

— Понятно. Товарищи Тимошенко и Ватутин свободны, — председатель СНК слегка приподнял руку и тем дал понять, что на этот раз разговор с ними закончен.

В полдень 26 июня в Тернополь Жукову позвонил Сталин:

— На Западном фронте сложилась крайне тяжелая обстановка, товарищ Жуков. Немец окружил часть фронтовых сил в районе Волковыска и Мостов и близок к захвату Минска. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Шапошников приболел. Нам надо посоветоваться с вами. Не могли бы вы немедленно прилететь в Москву?

— Могу, товарищ Сталин. Вот уточню с Кирпоносом и Пуркаевым план дальнейших действий и выеду на аэродром.

Сталин опустил трубку на рычаг, не прощаясь.

Вечером Жуков прямо с аэродрома приехал в Кремль. У Сталина находились Тимошенко и Ватутин. За четверо суток войны оба они побледнели, осунулись. Перемен же в председателе СНК, по крайней мере внешних, начальник Генштаба не обнаружил.

— Немец спешит использовать преимущества и вынуждает нас к решительным действиям, — сказал он, когда Жуков остановился рядом с Тимошенко. — Подумайте и подскажите Политбюро ЦК, что надо предпринять в сложившейся обстановке?

— Товарищ Сталин, чтобы разобраться с обстановкой на Западном фронте, нам потребуется от сорока до пятидесяти минут, — не раздумывая, возразил генерал армии Жуков.

Сталин кивнул головой, а вслух негромко сказал:

— Хорошо, разбирайтесь. Доложите через сорок минут.

Через открытую дверь в другом конце кабинета военные прошли в соседнюю комнату. Жуков впервые вошел в это помещение и невольно осмотрелся вокруг. Казенная скромность ее убранства подкупала. Прямоугольный стол перед окнами. К нему прижало с обеих сторон по четыре жестких стула. Стены сплошь увешаны картами. Посреди нее на полу — глобус. Должно быть, эта комната и служила Сталину «домашним генеральным штабом».

Военные расположились вокруг стола и принялись за дело. Чтобы сэкономить время, Ватутин доложил обстановку на 18.00, обозначив положения наших войск. Острия двух синих стрел — танковых групп Гота и Гудериана — были уже несколько восточнее нашей группировки.

— То, что перед 2-й и 3-й танковыми группами поставлена именно такая задача, подтверждают взятые в плен танкисты, — дополнил Ватутина нарком обороны. — Мы должны исходить из сложившихся условий.

— А условия эти — хуже не придумаешь, — как бы продолжая мысль Тимошенко, сказал начальник Генштаба.

Нарком обороны взял со стола карандаш и медленно, от руки, пунктиром прочертит им по карте.

— Прорываться с боями на Новогрудок—Столбцы—Минск — не лучший вариант — снова попадут в «котел».

— По-моему, надо наносить два удара: один на юго-восток, через Слоним на Барановичи; второй — от Мостов в направлении Молодечно, — сказал Жуков. — Это затормозит на время продвижение 2-й и 3-й танковых групп к Смоленску.

— А как поступить с Минском? — на начальнике Генштаба остановились усталые глаза наркома обороны.

Как это ни было тяжело Жукову, ответ его был честным:

— Минск, Семен Константинович, придется оставить!

Маршал Тимошенко тяжело вздохнул, но возражать не стал, а, скорее по инерции, снова спросил:

— Оставим Минск, а где же задержим тогда врага?

— Решением Ставки необходимо срочно организовать новый рубеж обороны по реке Березина, — ответил Жуков.

Ватутин тут же дополнил начальника Генштаба:

— А резервные армии, выдвигаемые из глубины, надо располагать по Днепру. Не то через неделю будет поздно.

Это единое мнение военных и было доложено Политбюро ЦК. Не задавая вопросов, Сталин подумал некоторое время над картой и утвердил их предложения без изменений.

На седьмой день войны, перед докладом начальника Генштаба, Сталин впервые заговорил о необходимости своего обращения к народу. Возражений не последовало.

3 июля он выступил по радио с речью. И все советские люди нашли в ней ответ на главный вопрос — что надо делать. Они услышали из его уст сердечные слова: бороться надо за каждую пядь родной земли, до последней капли крови. Фашистам не должно достаться ни литра бензина, ни килограмма хлеба. Наступает сильный и коварный враг. Социалистическое Отечество в опасности! Каждый, кто может держать оружие, встань в ряды защитников Родины! Наше дело правое! Победа будет за нами! ..

Только вступив в командование Западным фронтом, маршал Тимошенко воочию убедился в том, какое сложное наследство ему досталось. Тут бы не спеша разобраться, обсудить обстановку на Военном совете. А она действительно представлялась сложной, не предсказуемой.

Приближался телефонный разговор со Ставкой. Сталин потребует принципиальной оценки обстановки, спросит, когда будет остановлен немец по всему фронту?

Голос Сталина доносился издалека, глушше обычного:

— Товарищ Тимошенко. Как складываются у вас дела?

Командующий Западным фронтом ответил не сразу. Но сделав над собой усилие, он, внешне уверенно, сказал:

— Ничего хорошего, товарищ Сталин, сообщить не могу. У Шклова, Гудериан прорвал нашу оборону по Днепру и наступает на Кричев — Мстиславль — Починок — Ельня.

— Надо восстановить положение. Немца следует отбросить за Днепр, хотя это и Гудериан.

— Контратаковать нечем, товарищ Сталин. Полуразбитые 5-й и 7-й механизированных корпусов приводят себя в порядок во втором эшелоне, но в них осталось очень мало танков.

— Ремезов, 13-я армия держит фронт у Рогачева? — резче обычного снова спросил председатель ГКО.

— Держит, товарищ Сталин.

— Учитывая это, силами 21-й армии Герасименко нанесите контрудар в направлении Бобруйска. Создайте угрозу танковой группе Гудериана. А для отражения атак против 20-й армии используйте силы Конева, прибывшие с Украины.

— Товарищ Сталин, прибывающие соединения 19-й армии целесообразнее использовать на стыке 22-й и 20-й армий. Резервов у фронта нет, подстраховать их нечем.

— До нас дошли сведения, что немец захватил Себеж и вот-вот окажется в Велиже и Демидове, в пределах Смоленской области. Это верные сведения? — снова задал вопрос председатель ГКО.

— Да, это верные сведения, товарищ Сталин. — Тут же нарком обороны добавил: — Взятые под Витебском пленные показали, что 7-й танковой дивизии Гота приказано обогнуть Смоленск и выйти в район Дорогобужа.

— И там встретиться с дивизиями 2-й танковой группы Гудериана? — продолжил мысль наркома председатель СНК.

— План, видимо, такой, товарищ Сталин.

— Примите меры к отражению этой угрозы. Кроме того, продумайте вопрос о защите Смоленска. Возложите личную ответственность за оборону города на генерала Лукина.

— Я понимаю вас, товарищ Сталин, но в 16-й армии остались только одна дивизия и мотострелковый полк.

И эта реплика не застала председателя ГКО врасплох. Он продиктовал готовое решение Ставки:

— Подчините Лукину все армейские части, находящиеся в районе Смоленска. В этом отношении он получил хороший опыт на Украине, у Шепетовки. Вместо 109-й мотострелковой дивизии Юго-Западного фронта подчините ему 46-ю стрелковую дивизию, прибывающую к вам из Сибири. Свяжитесь с обкомом партии, с товарищем Поповым. Пусть областная парторганизация сформирует отряды народного ополчения.

— Ясно. Завтра утром непременно побываю в Смоленске, у товарища Попова.

В конце разговора Сталин ободряюще заверил Тимошенко:

— В ближайшие дни Ставка окажет помощь Западному фронту. Вам придана авиадивизия дважды Героя Советского Союза

Кравченко. Не позднее 16 июля в ваше распоряжение прибудет с Украины генерал Рокоссовский. ГКО готовит постановление о командовании стратегических направлений. Вы назначаетесь Главкому Западного направления. От обязанностей наркома обороны мы вас освобождаем...

Вечером 9 июля заместитель начальника артиллерии фронта генерал-майор Кариофили представил маршалам Тимошенко и Шапошникову командование 1-й батареи «катюш». Это были командир Флеров, его заместитель по политчасти Журавлев и представитель ГАУ Кривошапов. Нарком обороны еще раз напомнил артилеристам, что о новейшем оружии Красной Армии ни в коем случае не должен знать противник. В чрезвычайных условиях выход может быть только один – обязательный подрыв установок.

10 июля. Ставка Главного Командования постановлением ГКО преобразована в Ставку Верховного Командования во главе со Сталиным. В ее состав введен маршал Шапошников. Для лучшего управления фронтами образованы Главные командования направлений: Северо-Западное (Главком – маршал Ворошилов), Западное (Главком – маршал Тимошенко) и Юго-Западное (Главком – маршал Буденный).

Но обстановка на Смоленском направлении продолжала катастрофически ухудшаться. Утром 12 июля с плацдарма на берегу Днепра, южнее Орши, в общем направлении на Смоленск устремились отборная дивизия СС «Райх», 17-я танковая и 29-я моторизованная дивизии Гудериана. Одновременно с этим из района Витебска в сторону Каспли и Холма двинулась вперед 7-я танковая дивизия Гога.

Вечером маршал Тимошенко получил директиву Ставки: «Из районов Смоленска, Рудни и Невеля нанести контрудары по противнику и восстановить положение на Днепре». Этой же директивой войскам 21-й армии генерала Герасименко приказывалось перейти в наступление на Бобруйск с задачей выхода в тыл 24-му танковому корпусу Гудериана, устремившемуся в направлении Кричев–Рославль.

Невзирая на крайнее обострение обстановки, Ставка приказала маршалу Тимошенко оборонять Смоленск во что бы то ни стало и продолжала усиливать войска Западного направления. Под давлением обстоятельств Тимошенко и принял, наконец, решение об использовании 1-й батареи реактивных минометов. В полдень 14 июля она нанесла неожиданный удар по частям 5-й пехотной дивизии врага, прибывшей под выгрузку на железнодорожную станцию Орша.

В тот же день, поменяв позицию, грозное оружие Флерова удалось по скоплению врага на переправе через Оршицу. Утром 15 июля батарея нанесла залп у Рудни. Доклад Еременко, наблю-

давшего работу артиллеристов под Рудней, в тот же день поступил в Ставку: «Оружие – выше всяких похвал, и фронт желает иметь его как можно большее».

Обстановка в высших инстанциях, исключительно нервная с начала войны, в середине июля накалилась до крайности. Но люди надеялись, что скоро положение на фронтах поправится, «отпустит» и в тылу гнетущий нервный пресс.

— Начинайте доклад, товарищ Жуков, — негромко сказал Сталин, поравнявшись с начальником Генштаба.

Человек прямой и честолюбивый, Жуков и на этот раз остался верен своему жизненному кredo. Он изложил последние донесения об обстановке у Великих Лук, перед Рогачевым и Жлобином. Когда его карандаш замер под надписью «Смоленск», он умолк. Stalin, на этот раз сидевший рядом с Молотовым, поднялся, приблизился к докладчику. Жуков поборол противоречивые чувства, продолжал:

— В центре Западного фронта, в районе Смоленска, в течение последних суток продолжались тяжелые бои. Под напором 2-й танковой группы Гудериана к исходу вчерашнего дня наши войска вынуждены были оставить город..

— Как... вынуждены были оставить город?! — Плечи Сталина быстро удалялись от стола, землистое до того лицо сразу потемнело, карие глаза уставились на начальника Генштаба пронзительным, настороженным взглядом.

— Да, товарищ Stalin, согласно донесению, 16-я армия оставила Смоленск и отбивается от противника уже восточное города, — несколько глупше обычного сказал Жуков.

— Почему раньше не доложили об этом?! — председатель ГКО все более распалялся, повышая голос. — Что предпринимает маршал Тимошенко, чтобы вернуть Смоленск? Чем Генштаб помог Лукину, чтобы он отстоял город?

— Доклад получен ночью, товарищ Stalin, когда вы отдохнули. Маршал Тимошенко сообщает: у него нет резервов для предотвращения окружения наших войск в Смоленске.

— Где находится генерал Рокоссовский?

— Позавчера с группой офицеров связи выехал на Западный фронт, но у него нет никаких войск, товарищ Stalin.

— Маршал Тимошенко продолжает линию генерала Павлова и скоро приведет немца в Москву! — Лицо председателя ГКО покрылось мелкими красными пятнами. — Его надо немедленно убить с Западного направления!

Жуков молчал. Молчали члены Политбюро ЦК. Приступ крайней ярости нарастал. Stalin говорил быстрее обычного, на какое-то время потеряв всякий контроль над собой.

— Генштаб не руководит действиями фронтов, а только фиксирует наши поражения. Надо направить директиву маршалу Тимо-

шенко и предупредить, что если 16-я армия не отобьет Смоленск у немца, то ее командование будет предано суду военного трибунала. Пошады никому не будет!

Настойчивый звонок прервал грозную сталинскую тираду. К столу с телефонами подошел Молотов. Спросив, кто конкретно нужен, он пригласил к аппарату Жукова. Звонил генерал Василевский. Он доложил, что враг захватил только южную часть Смоленска, а северную удерживает 16-я армия.

Начальник Генштаба вернулся к столу, доложил:

— Генерал Василевский, товарищ Сталин, передал последние оперативные данные об обстановке в Смоленске. Враг овладел только южной его половиной. Северную часть города удерживают силы генерала Лукина.

Сталин поднялся с дивана, начал ходить по ковровой дорожке. Было видно, что он уже успокоился, красные пятна на лице пропали. Оно приняло обычный светло-серый цвет.

— Сюда, товарищ Жуков, надо приходить с точными данными, — сказал он, останавливаясь у торца стола. — Директиву Тимошенко погравьте только в начале. Вместо всего Смоленска напишите о возвращении его южной части...

Тимошенко искренне обрадовался встрече с Рокоссовским, которого лично знал по совместной службе в Западном военном округе. И вот он прибыл в Каснь, снова под его начало, но теперь уже воевать в войсках Западного фронта. С напутствием — до подхода резервов подчинять себе все встреченные по пути части, 16 июля Рокоссовский выехал на ярцевский рубеж обороны.

Утром 19 июля Ставка приказала командующему фронтом резервных армий генерал-лейтенанту Богданову силами вновь сформированных 28-й, 29-й и 30-й армий провести операцию по окружению противника в районе Смоленска.

В этот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР председатель Совнаркома и ГКО И.В. Сталин был назначен наркому обороны Советского Союза.

Вечером 27 июля, когда острия 2-й и 3-й танковых групп Гудериана и Гота сомкнулись у Соловьевской переправы, охватив 16-ю, 19-ю и 20-ю армии, командующий Западным фронтом получил приказ маршала Тимошенко: «30–31 июля перейти в решительное наступление и при поддержке войск Резервного фронта и группировки генерала Рокоссовского отбросить противника от Смоленска». Генерал Еременко тотчас связался по телефону с Касней.

— Товарищ маршал, непонятен ваш последний приказ!

— О переходе в наступление?

— Да... Кольцо окружения у Соловьевской переправы замкнулось. Отряд полковника Лизюкова отброшен за Днепр. Войска генера-

лов Лукина, Конева и Курочкина вполне задачу свою выполнили. Теперь надо оставить Смоленск, остатки их армий отвести на ярцевский рубеж и закрепиться на нем!

— А как прикажешь отчитываться мне перед Ставкой, Андрей Иванович? — возразил Главком направления.

— Семен Константинович, за досадное поражение 5-го и 7-го механизированных корпусов отчитались?

— На войне от ошибок и просчетов, товарищ Еременко, никто не застрахован. И мы не безгрешны.

— Сейчас, Семен Константинович, положение войск Западного фронта намного тяжелее и сильно меня беспокоит.

— Крепитесь, Андрей Иванович. Ставка нам поможет. В борьбу за Смоленск вступают войска Резервного фронта.

— Товарищ маршал! Войска измотаны до последнего предела. Танков и артиллерии нет. Госпитали переполнены. Дивизии стали полками. Контратаковать решительно нечем!

— Поезжайте к генералу Лукину. Надо поднять боевой дух защитников Смоленска.

— Семен Константинович, разрешите мне позвонить товарищу Сталину и доложить обстановку на моем фронте.

— Нет, Андрей Иванович, не разрешаю. Договоримся так. Я с твоими доводами согласен и разрешаю действовать по обстановке, предварительно переговорив с Жуковым. Тем временем я посоветуюсь с маршалом Шапошниковым и он при удобном случае поставит этот вопрос перед Сталиным.

— Ясно, товарищ маршал. Согласен, — вздохнул генерал-лейтенант Еременко и медленно опустил трубку на рычаг.

ВЯЗЕМСКИЙ «КОТЕЛ»

1

27–30 июля... В известном смысле это были примечательные дни для Восточного фронта. Но Гитлер болен. Почти трое суток он не участвует в делах и не появляется на людях. Его шеф-адъютант Шмундт педантично принимает от «Аскании» сводки, но день за днем отменяет совещания у фюрера, объясняя его занятостью над оперативным планом следующих операций. Только 30 июля Гитлер более-менее «пришел в себя» и сразу же был поставлен обстоятельствами перед дилеммой принятия ответственнейших решений.

Доклад фон Бока кратко характеризовал сложившуюся ситуацию. Обрисовав обстановку в полосе наступления своих войск, он заострил внимание на особенностях «Русской кампании». Бок отметил: большие потери офицерского состава; влияние плохих до-

рог на боеготовность моторизованных соединений; нечувствительность противника к «котлам», а также немыслимое упорство русских. Он отметил, что участвовавшие срывы в боегитании порождают нервозность и утрату доверия к командным инстанциям. Пехотные части измотаны маршами с целью «задельвания» брешей.

Подводя итог, Бок позволил себе дерзость. Он заявил, что дальнейшее наступление на Восточном фронте командование группой армий «Центр» считает опасным и поэтому предлагает занять прочные позиции и в тепле переждать приближающуюся суровую русскую зиму!

В наступившей после этих слов тишине зала сильнее других скрипнуло кресло Гитлера. Но фюрер сдержался и тут же предоставил слово вначале Гудериану.

Командующий 2-й танковой группой вышел к карте и начал доклад победной реляцией. Наступление на Рославль протекало очень успешно. 24-й танковый корпус фон Гейра обеспечивал правый фланг наступления от возможных контратак русских из района Климовичей – Милославичей. Взаимодействуя с ним, 47-й танковый корпус Лемельзена наносил удар вдоль Варшавского шоссе с целью соединения с 9-м армейским корпусом Гейера, наступающего в междуречье Остер – Десна. Одновременно 7-й армейский корпус Фармбахера наступал на Рославль из района Петровичи – Хиславичи и блокировал город с запада. 2 августа в сражение за Рославль вступила от Починка 137-я пехотная дивизия. Вчера город оказался в немецких руках. Варшавское шоссе пригодно для наступления на Москву!

Гудериан закончил выступление, выказав уверенность, что к 8 августа его войска покинут передовую и получат отдых. И тут же добавил, что и при пятидесяти процентах укомплектованности они не утратили способности наступать, разумеется, на важнейшем, Московском направлении.

Гот, понимая, что обстановка на совещании уже достаточно накалена, ограничился заверением, что 3-я танковая группа и при шестидесяти процентах укомплектованности в состоянии вести ограниченные наступательные действия. Но и он выразил уверенность, что и его войска с 10 по 20 августа выйдут из боя, получат передышку и пополнение.

Гитлер оказался в сложном положении. Оказывается, не только Генштаб ОКХ на «корню сушит» его идею о первоначальном овладении Петербургом и Украиной! Он заложил руки за спину и начал говорить о... политике Англии, которая была ему не ясна. Может быть, Черчиль ограничится борьбой на истощение, а может, высадит войска на Иберийском полуострове? При любом из этих вариантов Германии необходимо срочно создать резерв подвижных соединений. Поэтому пусть Гудериан и Гот не рассчитыва-

ют на получение танковых моторов. Сегодня он может выделить обеим танковым группам не более четырехсот моторов.

— Но, мой фюрер! — Гудериан не мог скрыть разочарования. — Только моей группе необходимо триста моторов!

Гитлер не ответил на реплику. Требовательным жестом он усадил его на место и продолжал «речь»:

— Для принятия решений о продолжении операций определяющим является лишение противника жизненно важных районов. До 20 августа будут решены задачи по захвату Прибалтики и блокаде Петербурга. После поражения под Киевом было бы ошибкой высоко оценивать силы противника на юге. Теперь большевики уже не могут более проводить сколько-нибудь значительных оборонительных операций.

Фюрер все более воодушевлялся, говорил все промчье:

— Мы вправе констатировать, что ход военных операций в России протекает даже более успешно, чем намечалось. Группа армий «Центр», достигнув Днепра, должна была перейти к обороне, а она продвинулась дальше, до Ярцево и Ельни. Успешнее ведет наступление фон Лееб. Но теперь обнаружилось, что у большевиков есть хорошая артиллерия, много новых танков, больше авиации, чем показывала разведка. Будь я два месяца назад проинформирован о возможностях противника, мне было бы труднее принять само решение о необходимости «Восточного похода».

Последняя фраза Гитлера поразила присутствующих. Ничего подобного они еще ни разу не слышали от фюрера:

— Новой обстановке должны отвечать и новые решения. И хотя маршевое напряжение пехотных соединений превзошло все мыслимые пределы, необходимо обеспечить невероятно глубокое фланговое продвижение наших войск вперед, чтобы положить конец истощенным крикам англичан, будто немецкое наступление в России зашло в тупик.

Гитлер закончил выступление повторением основных требований директивы штаба ОКВ № 34.

После совещания в Борисове фюрер возвратился в «Вольфшанце», чтобы через сутки отправиться в Полтаву, на совещание командного состава группы армий «Юг».

В полдень 4 сентября на улицах Петербурга разорвались первые немецкие артиллерийские снаряды. Налет на город произвела батарея дальнобойной артиллерии с позиций у Тосно. Спустя двое суток к городу прорвалась эскадрилья «конкерсов» и сбросила на его древние кварталы свой смертоносный груз. Воодушевленный этим известием, Гитлер заявил фельдмаршалу фон Браухичу, что судьба Петербурга решится в течение двух-трех ближайших недель.

Весь день 8 сентября авиация Геринга штурмовала Петербург с воздуха. Огнем пожаров были уничтожены жилые кварталы в цент-

ре, бадаевские продсклады. Соединения Манштейна и Кюхлера рвались к Петербургу на земле. Вечером они захватили Шлиссельбург, блокировав город с суши. В тот же день по приказу Лееба танковые дивизии Манштейна потеснили 42-ю армию русских, захватили Красное Село, вышли к Пулковским высотам. Кризис достиг апогея. Главная Ставка тотчас внесла корректиды.

В телефонном разговоре с командующим группой армий «Север» Гитлер изменил сроки окружения Петербурга. Вместо планируемых двух-трех недель он заключил, что для выполнения задачи достаточно уже и двух-трех суток.

В отличие от августа, наступивший сентябрь отличался еще большей противоречивостью обстановки на Восточном фронте. На центральном участке фронта раскручивался маховик решающего наступления войск фельдмаршала фон Бока на Москву. Директива штаба ОКВ № 35 от 5 сентября фрагментарно предписывала группе армий «Центр» масштабную перспективу стремительных наступательных действий.

Гитлер увязывал в ней воедино и действия других групп армий: «Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Петербурга, создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко. Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении. С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены». Снова предстояли перетасовки войск между группами армий и переподчинения соединений.

Утром 7 сентября «юнкерс» Главкома ОКХ с Браухичем и Гальдером на борту стартовал на Умань. Командующий группой армий «Юг» встретил гостей радостно — 1-я танковая группа форсировала Днепр и овладела Кременчугом. Создан плацдарм для наступления на Полтаву — Харьков и Павлоград — Донецк. Браухич и Гальдер тепло поздравили Рунштедта с громкой победой. Но главным вопросом совещания с ним стало обсуждение плана окружения группировки русских в излучине Днепра и Десны.

Как и планировалось, на рассвете 30 сентября ударные соединения 2-й танковой группы перешли в наступление. Мощный артиллерийский налет предварил их атаку на острие главного удара. Эскадрильи «юнкерсов» бомбили возможные очаги сопротивления, а при необходимости их тут же сменяли штурмовики «дорнье». Четверки «мессершмиттов» барражировали над войсками, обеспечивая

господство в воздухе. Наступление войск Гудериана велось по двум направлениям: на Карабев – Брянск и на Орел – Тулу.

Наступление 2-й танковой группы набирало темпы, а в «Воль-фшанце» 1 октября Гитлер обсуждал с Главкомом ОКХ операции на правом фланге группы армий «Север». Он заявил, что, организовав оборону по берегу Ладожского озера, вполне возможен прорыв у Волхова, в тыл Тихвинской группировки русских. На вопрос: «Какими силами это лучше всего сделать и о каких подвижных соединениях идет речь?», фельдмаршал никакого ответа не получил.

Накануне выступления 4-й и 9-й армий в войсках было зачитано очередное напутствие фюрера. Гитлер вдохновлял солдат: «Создана, наконец, предпосылка к последнему удару, который еще до наступления зимы приведет к уничтожению врага. Все приготовления, насколько это возможно для человеческих усилий, окончены. На этот раз шаг за шагом шли приготовления, чтобы привести противника в такое положение, в котором мы можем теперь нанести ему смертельный удар. Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года...»

В 5. 30 утра 2 октября артиллерийская канонада разорвала тишину в центре Восточного фронта. К Вязьме ринулись 3-я и 4-я танковые группы Гота и Гёпнера. Их продвижение по земле столбил ударами с воздуха 2-й воздушный флот Кессельринга. Теперь уже три мощных танковых стрелы в направлении Москвы быстро сближались между собой. Успехи, особенно 2-й танковой группы Гудериана, были налицо.

В полдень 3 октября 24-й танковый корпус генерала фон Гейра захватил Орел. Когда на другой день войска генерала Гудериана достигли Мценска, 3-я танковая группа Гота нацелилась на Вязьму со стороны Сычевки, а 4-я – Гёпнера, захватив Киров и Спас-Деменск, прорвалась к Вязьме с юга. Гитлер счел этот триумф достаточным, чтобы оповестить весь мир о близкой большой победе немецкого оружия.

Утром 4 октября «юнкерс» фюрера приземлился в Берлине. По слухам «кампании зимней помощи» в «Спортивном дворце» состоялся митинг, на котором впервые, с начала войны, произнес речь Гитлер. Элита Третьего рейха с напряженным нетерпением ждала появления «великого полководца».

Вдруг по залу пронесся визгливый возглас:

«Фюрер!» Все присутствующие вскочили со своих мест, послышалось щелканье каблуков военных, ударили победные фанфары. От первых рядов, словно шум прибоя, к амфитеатру понесся все нарастающий рев: «Хайль! Хайль! Хайль!» Вскинутые вперед и вверх правые руки – знак фашистского приветствия – со всех сторон тянулись к Гитлеру.

Подойдя к трибуне, Гитлер вскинул вверх правую руку:

— В эти часы на Восточном фронте происходят грандиозные события. Уже сорок восемь часов ведется новая операция гигантских масштабов. Она приведет к окончательному уничтожению врага на Востоке! Я говорю об этом только сегодня, потому что могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется!

Многотысячная аудитория принялась скандировать: «Победа! Вождь, приказывай! Мы следуем за тобой!» Исступленная бравада продолжалась в течение нескольких минут.

Гитлер молчал. Его колющие глазки понеслись по залу к антресолям, поверх лиżąщей темно-серой массы. Нет, сомнений не было — зал единогласно присягал на верность «великому полководцу». Присутствующие внимали и верили его словам: «Враг разбит! Исход похода на Восток решен!»

Молчание фюрера затягивалось. Казалось, он захлебнулся яростью, выкрикивая последнюю фразу. Но шум в зале уже стихал. Отбросив клок редких волос, Гитлер перешел к следующему разделу своей речи. Без крика он принял уверять аудиторию, что в жизни он лично ни на что не претендует и руководствуется только интересами народа. И на этот раз сам бог помог ему разгадать кошмарные замыслы большевиков. Он не нападал на Россию, а лишь предупредил нападение ее на Германию. Поступив так, он вынужден теперь вести оборонительную войну и защищать Европу от кровожадных красных.

Но вдруг глаза рейхсканцлера округлились, застыли в неподвижности. Гитлер как раз дошел до той сакральной фразы, которая по своему значению опровергала все сказанное им до нее. Он хотел ее исключить, но Борман настоял на своем, и она осталась в тексте. «Великий полководец» собрался с духом и бесстрастным голосом произнес:

— Мы ошиблись в коренном вопросе о том, какую силу представляет наш нынешний противник...

Это было единственное место в речи, которое преследовало только одну цель: как-то объяснить причины затянувшегося «Восточного похода». Элита с пониманием отнеслась к скорбным словам фюрера — аплодисментов не последовало. Они шквалом пронеслись по «Спортпаласу» тогда, когда «первый солдат рейха» снова, казалось, потерял самообладание и начал буйствовать на трибуне.

Гитлер вскинул вверх правую руку и принял перечислять грандиозные потери большевиков — два с половиной миллиона убитых, двадцать две тысячи орудий, восемнадцать тысяч танков, четырнадцать тысяч самолетов...

Переведя дух после столь «произвольной» статистики, Гитлер опустил голову, ульбнулся, выпил глоток яблочного напитка и завершил свою триумфальную речь словами:

— Позади наших войск в России лежит пространство вдвое большее территории рейха в тридцать третьем, когда я пришел к власти, и вчетверо большее территории Англии!

Последние слова Гитлера потонули в громе аплодисментов, которые вскоре сменились могучим ревом «Хайль!» и всеобщим пением «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес».

Вечером 6 октября перед Вязьмой сомкнулись клещи 3-й и 4-й танковых групп. На другой день Главком ОКХ в сопровождении Хойзингера вылетел в штаб Бока, для уточнения плана дальнейших операций. Совещание прошло плодотворно. Решение о продолжении наступления на Москву было единодушным. 9-я армия Штрауса вместе с 3-й танковой группой Гота обходит столицу большевиков с севера, двигаясь на Калинин. 4-я армия фон Клюге с 4-й танковой группой Гёгнера наступает в «лоб», через Можайск. 2-я танковая армия Гудериана через Тулу обходит Москву с юга.

Почти одновременно, 6 и 7 октября, 2-я танковая армия Гудериана, 3-я и 4-я танковые группы Гота и Гёгнера выполнили важнейшую часть операции «Тайфун» на Московском направлении. Восточнее Трубчевска были окружены главные силы Брянского фронта, а западнее Вязьмы — почти пять армий Западного и Резервного фронтов. Ближайшие дни решали многое. Предстояло быстрее ликвидировать «котлы», чтобы продолжать наступление на столицу Советов.

Гитлер по-своему оценивал происходящие на Восточном фронте перемены. Принимая 7 октября посла Японии Курusu в Имперской канцелярии, он, с присущей случаю экспрессией, в победных тонах обрисовал ситуацию в России. Названная Гитлером дата захвата Москвы, 12 октября, ошарашила посла. Но свойственная японцам вежливость позволила ему быстро совладать с собой, ульбнуться. Курusu заверил рейхсканцлера, что немедленно передаст в Токио отчет о встрече, ибо премьер-министру Тодзио предстояло в каким-то двое-трое суток определиться с политикой в отношении Советов. Желание Японии прихватить часть территории России на Дальнем Востоке теперь имело большие шансы исполниться. К тому же на этот раз Гитлер сделал широкий жест, отваливая восточному союзнику аж всю азиатскую половину страны, вплоть до Урала! Тут было над чем подумать.

Спешная подготовка к захвату Москвы набирала обороты. При очередном докладе в «Вольфшанце» фон Браухич получил «исчерпывающие указания» фюрера. В целом суть его прежних установок практически не изменилась.

Утром 12 октября Хойзингер через офицера направил в штаб группы армий «Центр» особо важное указание фельдмаршала фон Браухича «О порядке захвата Москвы и обращении с ее населением». Главкомом сухопутных войск писал:

«Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться в еще большей степени с аналогичным положением в Москве и Петербурге. То, что Петербург заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по местному радио.

Необходимо иметь в виду также серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие не закрытые проходы, представляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство.

Совершенно безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или корить их население за счет Германии. Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится там хаос и тем легче будет управлять оккупированными районами и использовать их».

Получив приказ Главкома ОКХ о блокировании Москвы и о не вступлении в нее войск, генерал Грейфенберг распорядился в адрес тыловых служб о подтягивании к передовой обозов с... парадным обмундированием. Это делалось в расчете на скорый церемониальный марш лучших соединений фон Бока на... Красной площади уничтоженной Москвы.

Скользнув взглядом по разложенной на столе карте, Гитлер раздраженно бросил в адрес Главкома ОКХ:

— У командования сухопутных войск всегда так получается. Как только большевикам удается где-то временно остановить наступление вермахта, то сразу следуют доклады о новой тактике русских. В августе Гальдер говорил о новой тактике русской артиллерии, теперь вы говорите мне то же самое о действиях танковых сил большевиков. Я не хочу этого слышать! В январе, в Бергхофе я предупреждал Верховное Командование вермахта, что русская армия, хотя и является глиняным колоссом без головы, но ее дальнейшее развитие нельзя точно предвидеть. Однако и теперь я остаюсь при сво-

ем мнении: у 2-й танковой армии вполне достаточно сил, чтобы сломить сопротивление большевиков, захватить Тулу и отрезать столицу Советов от тыловых коммуникаций. Вы же говорили мне, Йодль, — Гитлер повернулся к «главному оператору» вермахта, — что танки фон Гейра ворвались в Орел, когда там еще ходили по городу трамваи!

— Да, это было именно так, мой фюрер! — подтвердил Браухич.

— Именно так, я хорошо это помню. — Гитлер продолжал в упор рассматривать генерала Йодля. — Но почему же теперь 24-й танковый корпус того же фон Гейра почти неделю толчется перед каким-то Мценском?

— Мой фюрер, — заметил Йодль, — Орел нельзя сравнивать с Мценском. Начало нашего наступления в центре оказалось для Советов полной неожиданностью. Сталин, по-видимому, полагал, что фронт уже стабилизировался и активных действий с нашей стороны уже не последует.

— Зачем строить догадки, Йодль.

— Но это подтверждит и фельдмаршал Браухич: наша атака на Орел стала для русских большим сюрпризом, — не сдавался «главный оператор» ОКВ. — К Мценску же они перебросили две танковых дивизии, укомплектованные новейшими танками типа «Т-34» и «Клим Ворошилов».

— Опять эти новейшие русские танки! — Гитлер артистично вскинул вверх обе руки. — Можно подумать, что мы используем в России только устаревшие танки.

Последнее предложение фюрер произнес уже без акцентов, ровно. Пауза затягивалась. Но вот Гитлер взял карандаш и, уперев его острие в то место на «оперативке», где находилась Тула, обратился к фельдмаршалу Браухичу:

— Но вы так и не ответили, когда же Гудериан захватит Тулу? Назовите мне хотя бы примерный срок!

— Судя по донесениям штаба 2-й танковой армии за 9 октября, в ближайшие дни войска Гудериана овладеют Мценском, а дальше противник вообще не располагает силами, — Главком ОКХ сказал это уверенно, будто сам он через неделю собирался первым въехать в город русских оружейников на «мерседесе».

Йодль тотчас перестал писать, посмотрев на Главкома ОКХ. Его примеру последовал и Хойзингер.

— Да, это так, мой фюрер, — оптимистично ответил Браухич. — По показаниям пленных, Жуков снимает уцелевшие войска с пассивных участков и бросает их на оборону Москвы, но отнюдь не собирается защищать Тулу.

— А разве Жуков командует войсками красных на Московском направлении? Еще несколько дней назад он обращался с воззва-

нием к жителям Петербурга! — Гитлер не мог скрыть очевидного удивления.

— Это стало известно сегодня из показаний пленного русского генерала, мой фюрер, — вставил реплику Кейтель.

Гитлер опустился на стул, посмотрел на присутствующих:

— Надеюсь, ни вы, Кейтель, ни вы, фон Браухич, не забыли, что в начале сентября, под Ельней, войска Жукова доставили немало хлопот 4-й армии фон Клюге. Новая встреча с ним отнюдь не порадует и Гудериана.

— Генерал Жуков — это палочка-выручалочка у Сталина, мой фюрер, — сказал генерал Йодль. — Наши попытки разбомбить его штаб под Ельней не увенчались успехом.

Гитлер выслушал Йодля и обратился к Главкому ОКХ:

— Скажите, Браухич, а в чем, собственно, состоит новая тактика русских по использованию этих новейших танков?

— Мой фюрер, я был уверен, что этот факт непременно заинтересует вас, — бойко ответил Браухич.

— Но в чем же? — Гитлер уперся руками в «оперативку».

— Пользуясь тем, что снаряды 37-ми и 50-миллиметровых пушек, состоящих на вооружении пехоты, не пробивают лобовую броню «Т-34», русские контратакуют на участках, прикрываемых пехотой. Они прорывают наши боевые порядки и наносят удары во фланги танковым соединениям.

— Что вы предлагаете? — фюрер сердито уставился на Браухича.

— Командование ОКХ предлагает увеличить выпуск зенитных пушек 88-миллиметров и оснастить ими армейские корпуса на танкоопасных направлениях.

— Увеличить, — с издевкой повторил Гитлер и резко остановился перед начальником штаба ОКВ: — Фельдмаршал Кейтель, вы можете увеличить производство зенитных орудий для сухопутных войск?

Фельдмаршал Кейтель вполне владел ситуацией:

— Мой фюрер, вы же знаете, что из-за дефицита металлов лишь наполовину выполняется план выпуска трехсот зенитных орудий калибра 88-миллиметров. Если бы он выполнялся полностью, то сухопутные войска не получили бы ни одного ствола других видов артиллерии.

— Теперь вы понимаете ситуацию? Я отклонил «третью программу» ОКХ по выпуску танков. Если бы мы делали их тысячу, то это поглотило бы все ресурсы рейха по легированной стали, — добавил Гитлер.

Главком ОКХ фон Браухич возразил:

— В войсках не хватает боеприпасов и резины. Нехватка горючего вынудила меня распорядиться об ограниченном использовании офицерским составом автотранспорта. Подвижные войска по-

лучают все меньше танков, а пехотные — орудий и минометов. Мой фюрер, от имени ОКХ я убедительно прошу вас что-то предпринять.

В ответ Гитлер разразился пространным нравоучением:

— Надо что-то предпринять, Браухич, я призываю вас и фон Бока. Надо быстрее захватить Москву. У Главкома ОКХ для выполнения этой задачи вполне хватает наличных сил. Москва — это голова и сердце России. Это — политический центр, главный узел связи и транспортных коммуникаций всей страны. Захватив Москву, мы легко расправимся с северо-западом России и Кавказом. Война с Россией стратегически уже выиграна, и я ни на йоту не изменю отдаенных указаний о свертывании выпуска вооружений. Я не могу допустить, чтобы перебои в боепитании повлияли на мои планы на Западе, в борьбе против Англии и Америки!

— Мой фюрер, на Восточном фронте повсеместно отмечается повышенная активность авиации большевиков, — Хойзингер попытался вернуть Гитлера к обсуждению фронтовой обстановки. — Речь идет о восточном обводе «котла» под Вязьмой. Это вызывает затруднения 4-й армии.

— По мере приближения немецких войск к Москве сопротивление большевиков будет нарастать, Хойзингер. Жуков особенно искусен в обороне, и он примет все меры по ее укреплению. Но мы должны до наступления зимы во что бы то ни стало овладеть столицей красных! — Гитлер остановился вблизи «оператора» Генштаба ОКХ и многозначительно тряхнул перед ним кулаком. — Если уж я отказался от первоначального плана разгрома большевистских войск вначале под Петербургом и на Украине, то я руководствовался при этом соображениями высшего порядка. Никто не вправе упрекать меня за принятие столь рискованных решений.

Совещание в «Вольфшанце» продолжалось до глубокой ночи, но обсуждаемые на нем вопросы во многом не отвечали той обстановке, которая к середине октября сложилась в центре Восточного фронта. Она оставалась противоречивой.

В полдень 13 октября фельдмаршал фон Клюге доложил в Смоленск, в штаб группы армий «Центр»: Вяземская группировка большевиков пала. И в этот же час генерал Грейфенберг срочно телеграфировал потрясающую новость в «Асканию» и «Вольфшанце»: путь для соединений 4-й танковой группы и 4-й армии к большевистской столице открыт!

Фактически именно так и обстояло дело. Колонны военнонаполненных в десятки тысяч человек потянулись из-под Вязьмы на запад. Поражение русских в двухстах пятидесяти километрах от Москвы явилось для них печальным обстоятельством, даже трагедией в известном смысле, и подлинным триумфом грозности и неотра-

зимости немецкого оружия. Столица красных открыта для вступления вермахта!

Утром 14 октября Бок отдал приказ войскам группы армий «Центр» на продолжение операций против Москвы.

В эти октябрьские дни «сошла с ума» идеологическая индустрия рейха. Ажиотаж по слухам о новых победах немецкого оружия, поднятый службой Геббельса, не знал границ. Экстремные сообщения с Востока следовали по радио одно за другим. Столичные газеты, стремясь перешеголять конкурентов, выдумывали самые экстравагантные заголовки: «Исход похода на Востоке решен!»; «Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву!»; «Прорыв центра Восточного фронта!» Большинство из них, вслед за «Фелькишер беобахтер», начали печатать на своих страницах карту Московской области, чтобы читатели собственноручно отмечали на ней продвижение к столице красных победоносных соединений фельдмаршала Бока.

Спустя неделю после плена Вяземской группировки русских, Браухич докладывал в Главной Ставке результаты блестящей операции группы армий «Центр». Но с первых минут пребывания в «Вольфшанце» Главкому ОКХ невольно бросилась в глаза излишняя суетливость в поведении фюрера. Браухич тут же припомнил звонок накануне в «Асканию» Йодля, который уточнял цифры захваченных под Вязьмой пленных. Главком ОКХ не ошибся — именно этот вопрос и последовал от Гитлера первым.

— Скажите, Браухич, сколько тысяч военнопленных русских на этот раз захвачено войсками Бока? — Гитлер остановился у торца стола в ожидании ответа.

— Согласно докладу штаба группы армий «Центр», вместе с ранеными и больными свыше двухсот тридцати тысяч, мой фюрер, — Главком сухопутных войск повторил ту же цифру, которую назвал генералу Йодлю.

— Вместе с больными и ранеными, — как-то смакуяще повторил слова фон Браухича Гитлер. — Тогда почему командование ОКХ не выполняет моих четких указаний?

Главком сухопутных войск смешался:

— Прошло слишком мало времени после плена, мой фюрер, и штаб фельдмаршала Бока пока не сумел разобраться со всеми. Отделены командный состав и комиссары. Последние расстреливаются на месте.

— Подобные действия командования группой армий «Центр» правильны, и я их одобряю, но почему сразу не решены вопросы уничтожения госпиталей? Кто будет лечить и кормить больных и раненых солдат? Германия, как вам известно, такими ресурсами не располагает, — все более распалялся Гитлер.

— Мой фюрер, возможно, ваши указания не доведены фельдмаршалом Боком до командующих армий,— заторопился с возражениями Браухич.

— Значит, Боку следует немедленно их напомнить! — словно мальчишке вычитывал Гитлер Главкому сухопутных войск. — Директивы издаются мной для того, чтобы они пунктуально выполнялись!

Начальник Генштаба сухопутных войск Гальдер не мог далее терпеть унижений своего непосредственного начальника. Он встал и громко сказал:

— Мой фюрер! Главком сухопутных войск не в состоянии проверить исполнение всех ваших директив в группах армий. И потом, есть легко раненые солдаты. Они могут...

Гитлер не позволил Гальдеру договорить:

— Вы, Гальдер, ведете речь о легко раненых, тогда как рейх нуждается в здоровой рабочей силе. Я повторяю — здоровой! — Фюрер метнул сердитый взгляд на начальника Генштаба сухопутных войск.

— Колонны здоровых военнопленных, мой фюрер, движутся в направлении Германии, — вставил реплику Йодль.

— Вчера вы докладывали мне об этом, Йодль, — не глядя на «главного оператора» вермахта, возразил Гитлер и тут же обратился к Кейтелью: — Фельдмаршал Кейтель, я прошу вас лично разобраться с этой неприятностью в Смоленске. Почему она стала возможной? В противном случае колонны пленных могут и не дойти до Германии.

Браухич и Гальдер недоуменно переглянулись между собой. Что за «неприятность» имеет в виду фюрер?

Кейтель имел обыкновение вставать, когда к нему обращался Гитлер. И теперь он встал:

— Мой фюрер, я прошу привлечь к расследованию событий в Смоленске и представителя командования ОКХ.

Гитлер, не раздумывая, согласился:

— Пусть это будет Хойзингер. Я не возражаю, Кейтель.

Гитлер прошел к окну, резко повернулся к залу:

— Командование сухопутных войск ведет речь о лечении легко раненных пленных, а тут расстреливается пять тысяч здоровых солдат, которыми можно укомплектовать четыре-пять заводов рейха, остро нуждающихся в рабочей силе.

Загадочная «неприятность» для Браухича и Гальдера постепенно стала приоткрываться. Установившуюся было паузу нарушил генерал Йодль. Он пользовался особым расположением Гитлера и нередко, когда это не грозило неприятностями, позволял себе даже выражать ему:

— Мой фюрер, я считаю, что Кейтелью не следует лететь в Смоленск для расследования причин расстрела военнопленных. Никак-

кой крамолы со стороны командования группы армий «Центр» в этом факте нет. Несколько затаившихся комиссаров спровоцировали массовый побег на узкой городской улице, и это вынудило конвойную охрану применить оружие. Следует запросить от фельдмаршала фон Бока подробный доклад по поводу случившегося и тем исчерпать сам вопрос.

Гитлер крадучись приблизился к генералу Йодлью.

— Вы, Йодль, сознательно преуменьшаете ущербность произошедшего. Я допускаю расстрел трех-четырех сотен смутьянов, но пять тысяч — это недопустимо. Из шестисот тысяч пленных, взятых под Киевом, до рейха дошло менее пятидесяти тысяч. Еще один призыв рабочих в вермахт — и на заводах некому станет работать.

Тон разговора Гитлера стал уже другим. На смену назиданию и угрозе пришло рассуждение, попытка замять дело компромиссом. Чувствуя податливость фюрера, Йодль умело расставлял акценты, толкал к новым решениям.

— Пять тысяч пленных, мой фюрер, тоже не решат проблему. Но подобные рецидивы следует исключить из практики войск. ОКВ подготовит от вашего имени строгий приказ о порядке перемещения военнопленных, а командование сухопутных войск обеспечит его пунктуальное исполнение.

— Ваше предложение, Йодль, безусловно, импонирует мне, и, как Верховный Главнокомандующий, я его утверждаю. Фельдмаршал Кейтель остается в Главной Ставке...

2

В ночь на 8 августа наши самолеты нанесли первый бомбовый удар по Берлину. И далее налеты продолжались вплоть до 4 сентября, потому что ни Главком ВВС Геринг, ни ПВО столицы рейха не имели возможности их предотвратить. В этот же день войска 19-й и 30-й армий Западного фронта перешли в наступление восточнее Духовщины.

8 августа Ставка Верховного Командования была преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования. Председатель ГКО — Сталин стал Верховным Главнокомандующим. Вечером в телефонном разговоре с Кирпоносом он обратился с просьбой к Военному совету Юго-Западного фронта — принять все меры для защиты Киева.

Генерал-лейтенант Еременко ехал в столицу с большой тревогой. Он не знал, как будут оценены Сталиным его действия в районе Смоленска и сам факт сдачи города противнику. Телефонные распоряжения по этому поводу он передал не генерал-лейтенанту

Лукину, связь с которым была уже потеряна, а генерал-лейтенанту Курочкину, не получив согласия на то ни маршала Тимошенко, ни Ставки. Напротив, обе эти «высшие инстанции» требовали обратного — удержания Смоленска во что бы то ни стало. Как-то на это его «самоуправство» посмотрит Сталин?

Верховный поздоровался с Еременко за руку и тут же предоставил слово начальнику Генштаба. Маршал Шапошников обрисовал положение сторон на фронтах, особо выделив наиболее угрожаемые направления. Когда он закончил свой доклад, Сталин, который все это время медленно ходил взад-вперед по кабинету, остановился перед бывшим командующим Западным фронтом, негромко спросил:

— Как ваше здоровье, товарищ Еременко?

— На здоровье пока не жалуюсь, товарищ Сталин, — бодро ответил бывший комфронта, хотя и не ожидал, что именно с этого вопроса начнется его разговор в Ставке.

— Вот и хорошо, что здоровье у вас отменное, — сказал так, Верховный прошел в глубь кабинета, а, вернувшись обратно, повернулся разговором совсем в другую сторону.

— Скажите, товарищ Еременко, а в чем состоят причины наших серьезных неудач на советско-германском фронте?

— Причин несколько, товарищ Сталин. Во-первых, большая часть командного состава Красной Армии в оперативно-стратегическом звене готовилась вести войну по старой схеме — с приграничных сражений и постепенным втягиванием в них, выдвигаемых из тыла, главных сил. Противник же с самого начала боевых действий бросил в наступление свои главные силы.

Во-вторых, из-за недостатка сил и средств до сих пор ни один наш фронт не сумел создать глубоко эшелонированной обороны, которая позволила бы «перемолоть» ударные соединения противника и перехватить инициативу. Наша фронтовая оборона носит, как правило, линейный характер.

В-третьих, из-за отсутствия механической тяги войска лишины возможности быстрого маневра артиллерией, чтобы противостоять танковым атакам противника. Враг оказался сильнее, товарищ Сталин, чем мы предполагали. Но бить его можно, надо только уметь это делать.

Бодрый тон ответа Еременко бросался в глаза, прозвучал очевидным диссонансом к той мрачной оценке состояния фронтовых дел, которые высказал маршал Шапошников.

— Надо уметь бить врага, говорите? — Верховный приостановился, одобряюще посмотрел на Еременко.

— Именно уметь, товарищ Сталин, — с нажимом произнес бывший командующий Западным фронтом.

— Это верно. Тогда поделитесь с нами этим умением.

— Я сошлюсь лишь на те эпизоды, участником которых мне самому довелось быть на Западном фронте. Контрудар 5-го и 7-го механизированных корпусов генералов Алексеенко и Виноградова севернее Орши на Сенно — Лепель мог привести к успеху, окажись в составе наших соединений хотя бы в два раза больше танков типа «КВ» и «Т-34». Их лобовая броня выдерживает огонь немецких танковых орудий, а также 37-ми и 50-миллиметровых противотанковых пушек.

Успешными следует признать и действия группы генерала Рокоссовского на Ярцевском рубеже. Решающую роль в том, что танковые группы Гота и Гудериана так и не смогли удержать кольцо окружения у Соловьевой и Ратчинской переправ на Днепре, сыграла артиллерия, хорошо организованная генералом Казаковым.

— А что скажете вы, товарищ Кузнецов, по этому же вопросу? — Верховный круто повернулся к командующему Северо-Западным фронтом.

Генерал-полковник Кузнецов был немногословен. В дополнение к сказанному Еременко, он отметил лишь четкое взаимодействие наземных войск и фронтовой авиации при контрударе 11-й и 34-й армий под Старой Руссой.

Выдержав небольшую паузу, Верховный пригласил обоих командующих фронтами к «оперативке» и негромко сказал:

— Из доклада начальника Генштаба и ваших оценок обстановки напрашиваются некоторые выводы: успешным оказался контрудар 11-й армии Северо-Западного фронта у Сольцов. Фронт стабилизировался на рубеже Старая Русса — Холм. В центре, на рубеже Великие Луки — Ярцево — Кричев — Жлобин немец тоже перешел к обороне. Значит, мы получили небольшую передышку и используем ее для создания Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа и Можайской линии обороны, — Сталин сделал паузу, пристально посмотрел на генералов Еременко и Кузнецова.

После паузы он вновь наклонился над картой.

— Очень тяжелое положение сложилось на Юго-Западном направлении. Не добившись успеха под Киевом, немец ударил южнее, прорвал нашу оборону и вышел в тыл 6-й и 22-й армиям. На встречу этой северной группировке с юга, от Каменец-Подольского, прорвав оборону Южного фронта, двинулась 11-я армия. Контрудары наших войск из глубины оказались безуспешными. 6-я и 12-я попали в окружение. Отступает 9-я армия. Но сражение за Смоленск и наступление на юге дорого обошлись немцу. Велики людские потери, а танковые дивизии он снял с фронта и отвел в тыл на переформирование. Что ждет нас в перспективе?

Сейчас противник готовит новые удары. Мы ожидаем их на флангах центрального участка: из района Великие Луки — Белый на Калинин, из района Пропойск — Рославль на Брянск. Брянс-

кое направление наиболее опасно еще и потому, что прикрывается оно еще не сложившимся Центральным фронтом. Необходимо остановить продвижение немца на Брянском направлении. Учитывая слабость Центрального фронта, создается Брянский фронт. Его задача — не только надежно прикрыть свое направление, но и во что бы то ни стало разбить 2-ю танковую группу Гудериана.

Затем Верховный обратился к генералам с вопросом: какое новое назначение они хотели бы получить? Выслушав их уклончивые ответы, Сталин объявил, что генерал-лейтенант Еременко назначается командующим Брянским фронтом, а генерал-полковник Кузнецов возглавит отдельную армию в Крыму.

Ознакомившись с данными по составу своего нового фронта и получив приказ о назначении, Еременко встал перед Сталиным по стойке «смирно» и громко отрапортовал:

— Спасибо за доверие, товарищ Сталин. Имея более двадцати пяти дивизий, Брянский фронт за несколько дней, безусловно, разгромит Гудериана, повадки которого мне хорошо известны по Западному фронту!

— Желаю удачи! — тепло напутствовал его Верховный.

Когда дверь за новым командующим Брянским фронтом закрылась, Сталин, обведя взглядом присутствующих, многозначительно заметил:

— Вот это и есть как раз тот человек, который нужен нам в такой сложной обстановке... Надо бы таких больше...

Обвальные события первой декады сентября на центральном участке Западного фронта переместились на фланги. В условиях жесткой осады оказались Ленинград, Киев и Одесса. Ставка отреагировала на эти осложнения новыми назначениями. 10 сентября Ленинградский фронт возглавил генерал армии Жуков, сменив на этом посту маршала Ворошилова, Резервный фронт принял под свое начало маршал Буденный. 11 сентября маршал Тимошенко прибыл в Ставку и получил новое назначение, возглавив Юго-Западное направление. Командующим Западным фронтом в этот же день был назначен генерал-полковник Конев. Так, вслед за упразднением надуманного звена в управлении войсками на северо-западе, прекратило свое существование и командование Западного стратегического направления.

Яростные атаки противника на Ленинград приобретали все более ожесточенный характер. Полная блокада города с суши и моря становилась делом ближайших дней, и к этому следовало как-то подготовиться. Командующий фронтом Жуков хорошо это понимал и с первых часов пребывания в Ленинграде увидел своими глазами, что во всех действиях фашистского командования сквозило обычное нетерпение.

Возглавив фронт в критической ситуации, Жуков понял и другое — бывшее его командование использовало в интересах оборо-

ны Ленинграда отнюдь не все наличные возможности. Узнав, что по распоряжению маршала Ворошилова корабли Краснознаменного Балтийского флота заминированы, новый командующий фронтом в первый же день пребывания в городе отдал вице-адмиралу Трибуцу контрприказ: «Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к Ленинграду, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией».

Жуков предельно ясно объяснил свою позицию:

— Как вообще можно минировать корабли, на которых имеется сорок боекомплектов! Да, возможно, они погибнут. Но если так, то они должны погибнуть только в бою, стреляя!

С целью улучшения управления войсками 11 сентября генерал-лейтенант Хозин был назначен начальником штаба Ленинградского фронта. 14 сентября командующего 42-й армией генерал-лейтенанта Иванова сменил генерал-майор Федюнинский. Докладывая в этот день по «Бодо» обстановку под Ленинградом маршалу Шапошникову, Жуков отметил, что фактическое положение дел значительно сложнее, чем считала Ставка. Ленинграду угрожает смертельная опасность.

Не менее, чем Ленинградское направление, ГКО беспокоило развитие ситуации на Юго-Западном фронте. Утром 10 сентября маршал Шапошников разговаривал по «Бодо» с Главкомом Юго-Западного направления Буденным. Начальник Генштаба передал ему распоряжения Верховного Главнокомандующего о направлении в район Путивля 2-го кавкорпуса генерал-майора Белова для закрытия прорыва между Юго-Западным и Брянским фронтами на участке Конотоп — Новгород-Северский. Ответственность за успех этой операции Сталин возложил на командующего Брянским фронтом Еременко. Но в тот же день 2-я танковая группа генерала Гудериана ворвалась в Ромны и устремилась далее на юг, навстречу 1-й танковой группе генерала фон Клейста, наступающей от Кременчуга.

Поворотным пунктом в развитии обстановки в районе Киева стало 16 сентября — восточнее Лохвицы сомкнулись бронированные клеми 1-й и 2-й танковых групп. Войска 5-й, 26-й и 37-й армий полностью, 21-й и 38-й армий частично оказались окружеными. Связь с их штабами прервалась. Генерал-полковник Кирпонос с штабом решал вопрос о выходе из окружения, а Главком Юго-Западного направления ломал голову над проблемой спасения окруженных. Тутто и появился его приказ, поступивший в штаб фронта из Полтавы: «Главными силами фронта незамедлительно начать отход на тыловой оборонительный рубеж по реке Псёл».

Разгром войск Юго-Западного фронта серьезно озадачил ГКО и, напротив, вызвал прилив энтузиазма в «Волчьем логове».

Там вновь взлелеяли надежду закончить «Восточный поход» в сорок первом, и обязательно взятием Москвы, остававшейся ключом ко всей советской системе.

Таким же «ключом ко всей советской системе» оставался для противника и Ленинград. Наши войска по инерции продолжали отход. Чтобы их остановить, необходим был решительный психологический перелом. Последовал суровый приказ, продиктованный лично генералом армии Жуковым:

«Военным советам 42-й и 53-й армий.

Боевой приказ № 0064 штаба Ленинградского фронта.

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово – Кискино – Верх. Койрово – Пулковских высот – района Московская Славянка – Шушары – Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести к 12. 00 18. 9. 41.

Жуков, Жданов, Кузнецов, Хозин. 17.9.41».

Двадцать числа сентября на центральном участке советско-германского фронта отличались подозрительным затишьем. 27 сентября Ставка обязала Военные советы Западного, Резервного и Брянского фронтов мобилизовать все наличные ресурсы для инженерного оборудования местности. Совершенно точно ею были указаны и наиболее вероятные направления главных ударов вражеских войск: Вяземское, Рославльское, Брянское.

Ночью 30 сентября генерал-майор Лелашенко во второй раз за последние сутки был вызван в Ставку. На столе – карта с обстановкой на 18.00 в районе Севска и Глухова. За столом сидят Ворошилов, Микоян и Шапошников. Верховный в задумчивости рассматривал «оперативку». Намерения противника очевидны. Когда заместитель начальника Главного бронетанкового управления доложил о прибытии, Сталин притягнул его к карте, сказал:

– Мы вызвали вас, товарищ Лелашенко, ввиду резкого изменения обстановки на Орловском направлении. 2-я танковая группа Гудериана перешла в наступление и, прорвав оборону 3-й армии, держит курс на Орел. 1-й гвардейский стрелковый корпус вам предстоит сформировать не за пять суток, а вдвое быстрее, и выдвинуть его в район Мценска. А сейчас вместе с Главкомом ВВС генералом Жигаревым вы должны вылететь в Орел, чтобы на месте разобраться в обстановке и принять необходимые решения.

Но Лелюшенко предложил свой план действий. Лететь в Орел нет никакого смысла. Там нет наших войск и разбираться совершенно не с кем. Он попросил Ставку о подчинении ему личного состава Тульского артуриллица и находящегося в резерве Ставки 36-го мотоциклистного полка. С этим наспех сколоченным «корпусом» он и двинется навстречу соединениям Гудериана. Организовав оборону по реке Зуше, он постарается задержать продвижение врага на Орел до подхода корпусных сил. Формирование корпуса должно взять на себя Главное бронетанковое управление.

Обсуждение предложений Лелюшенко получилось коротким. Маршал Ворошилов заявил, что их надо утвердить. Маршал Шапошников обратил внимание комкора на то, что опыт сколачивания боеспособных группировок из отходящих войск и «окружнцев» полностью себя оправдал у Конева под Витебском и у Рокоссовского на Ярцевском рубеже. Но время не ждет, действовать надо как можно быстрее. Немедленно поднять по тревоге личный состав училища и мотоциклистного полка и выступить до рассвета.

Завершил динамичную дискуссию Верховный. Красным карандашом Сталин прочертит на карте рубеж обороны по реке Зуше и категорически приказал:

— Дальше Мценска, товарищ Лелюшенко, Гудериана не пускать. Для ударов по моторизованным колоннам противника в ближайшее время направим авиацию.

У Лелюшенко были весомые козыри. Его 1-й гвардейский стрелковый корпус комплектовался из уже обожженных войной соединений и частей: двух стрелковых и одной кавалерийской дивизий, двух танковых бригад, двух артиллерийских и мотоциклетного полков. Но первые трое суток в распоряжении комкора имелись только исходные — мотоциклистный полк и три батальона артуриллица. Они оседлали шоссе Орел — Тула и пресекли попытки 3-й и 4-й танковых дивизий Гудериана продвинуться в сторону Москвы.

Затем ситуация изменилась. Утром 4 октября в Мценск прибыла 4-я танковая бригада полковника Катукова. На другой день рубеж по реке Зуше заняла 6-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Петрова и 11-я танковая бригада подполковника Бондарева. В этот же день Ставка выдвинула на Орловское направление еще и 9-й гвардейский минометный полк майора Шамишина в составе двух дивизионов «эрэсов». Днем 5 октября по танковым колоннам 24-го танкового корпуса генерала фон Гейра нанесла мощные бомбовые удары 6-я резервная авиаагруппа генерал-майора Демидова.

Когда сражение под Мценском еще не достигло апогея, а острия 3-й и 4-й танковых групп находились на значительном удалении от Вязьмы, Верховный поручил Поскребышеву соединить его

со штабом Ленинградского фронта. Разговор с Жуковым получился недолгим. Сталин спросил о состоянии фронтовых дел и поставил вопрос прямо:

— Не можете ли вы, товарищ Жуков, немедленно вылететь в Москву? Ставка хотела бы посоветоваться с вами.

После разгрома, который учинила 2-я танковая группа Гудериана войскам Брянского фронта, Верховный глубоко понял всю сложность обстановки и твердо решил, что спасти положение в центре фронта под силу только Жукову.

Но в этот день Жуков не смог вылететь в Москву — снова обострилась ситуация на фронте 54-й армии, у Синявино.

Вечером 6 октября в Ленинград вновь позвонил Сталин:

— Товарищ Жуков, как обстоят у вас дела? Что нового в действиях противника за истекшие сутки?

Командующий Ленинградским фронтом досконально знал состояние дел на всех участках, ответил:

— В сентябрьских боях противник понес большие потери в живой силе и технике, товарищ Сталин, и, по показаниям пленных, переходит под Ленинградом к обороне. Но авиация и артиллерия продолжают наносить удары по городу, видимо, для отвлечения внимания.

— Для отвлечения внимания от чего? — прервал доклад командующего фронтом Верховный.

— Авиразведкой фронта установлена большая передислокация моторизованных колонн вражеских войск из-под Ленинграда в южном направлении. Скорее всего, они перебрасываются на Московское направление.

— Значит, вы убеждены, что в ближайшее время немец не повторит наступление на Ленинград?

— Планов Лееба я не знаю, товарищ Сталин. Какими силами он может это сделать без 4-й танковой группы?

— Пожалуй, вы правы, товарищ Жуков, — сказал Верховный и бесстрастным голосом добавил: — А на Западном фронте обстановка быстро ухудшается.

— Значит, распоряжение о моем вылете в Ставку остается в силе? — поинтересовался Жуков.

— Конечно, в силе. Передайте командование фронтом Хозину или Федоровскому, а сами вылетайте в Москву.

Когда 7 октября полковник Голованов вошел в кабинет Сталина, там никого из членов Ставки не было. Верховный сидел на стуле в задумчивости, молчал. На столе стояла остывшая еда. В том, что он ощущал присутствие вошедшего, сомнений быть не могло, но что-то очень серьезное удерживало его в этом необычном состоянии. И Голованов никак не решался нарушить эту вечернюю тишину.

— У нас большое горе... К нам пришла большая беда,— услышал, наконец, Голованов тихий, но четкий голос Сталина.— Прорывом фронта под Вязьмой немец завершил окружение главных сил Западного и Резервного фронтов.

Помедлив некоторое время, Верховный тем же «убитым голосом» продолжил свой жуткий монолог:

— Теперь Москву защищать некому и нечем... Что теперь делать?.. Что теперь делать?

Повторив последнюю фразу дважды, Верховный поднял глаза на Голованова, словно тот в состоянии был ответить на его «ужасные вопросы». Никогда прежде, даже при капитуляции войск Юго-Западного фронта под Киевом, комдив не видел Верховного столь несчастным и растерянным.

Прибыв в Москву 7 октября из Ленинграда, Жуков в качестве представителя Ставки за трое суток искоlesил всю округу между Угрой и Протвой, севернее Калуги. В ночь на 8 октября в Красновидово он вместе с Коневым, Булганиным и Соколовским разбирался с обстановкой на Западном фронте, а утром следующего дня в Малоярославце встретился с Буденным, командующим Резервным фронтом. Ни Конев, ни Буденный не могли доложить в Ставку о положении своих войск. Доклада Жукова по всем этим вопросам ждал Сталин.

Утром 10 октября Жуков прибыл в штаб Западного фронта, в Красновидово. Там находились заместитель председателя ГКО Молотов, член Ставки Ворошилов, а также представитель Генштаба Василевский. Тут же его пригласили в аппаратную. Звонил Верховный. Разговор был коротким. Stalin объявил решение Ставки: Западный и Резервный фронты объединяются в один, Западный. Командующим назначен Жуков, а Конев отзывается в Москву.

Жуков не согласился с этим решением, попросил:

— Товарищ Сталин, Конев лучше меня знает обстановку, поэтому я прошу назначить его моим заместителем.

— Решением Ставки Конев отзывается в Москву!

— Я прошу назначить Конева моим заместителем!

— Хорошо. Пусть генерал Конев останется вашим заместителем, но сдадите Москву немцу, оба ответите головой! А сейчас, товарищ Жуков, скорее берите все в свои руки и действуйте решительно. Медлить нельзя.

В тот же день, разобравшись с обстановкой, члены комиссии ГКО убыли в Москву, а в Красновидово состоялось заседание Военного совета фронта. Он и решил, что Конев немедленно отправляется на Калининское направление и там возглавит боевые действия 22-й, 29-й, 30-й и 31-й армий.

В полдень 12 октября командующий Западным фронтом позвонил в Ставку. Верховный спросил о положении окруженной под

Вязьмой группировки генерала Лукина, а потом сообщил, что ГКО – принял постановление «О строительстве третьей линии обороны Москвы». Она включала полосу обеспечения и два оборонительных рубежа – главный и городской. Сталин спросил Жукова: какому из рубежей, главному или городскому, следует уделить большее внимание? Тот ответил: конечно, главному. Вопрос же, по которому Жуков решил переговорить со Сталиным, касался использования зениток для борьбы с танками противника.

Верховный согласился с Жуковым не сразу, спросил:

– А это не снизит мощь наших зенитных частей в борьбе с вражеской авиацией?

– Не снизит, товарищ Сталин, – заверил Жуков. – На Ленинградском фронте зенитчики уничтожили более ста немецких танков и помогли наземным войскам устоять.

– Цифры вы приводите убедительные... Хорошо, я посоветуюсь с Генштабом, – пообещал Верховный.

Вопрос решился быстро. Маршал Шапошников поддержал предложение Жукова. Согласился с ним и командующий войсками ПВО Москвы генерал-майор Громадин. В тот же день Сталин подписал приказ: «Всем зенитным батареям корпуса Московской противовоздушной обороны, расположенным к западу, юго-западу и югу от Москвы, кроме основной задачи отражения воздушного противника, быть готовым к отражению и истреблению прорывающихся танковых частей и живой силы противника».

Как ни тяжело складывалась обстановка под Тулой, но Ставка продолжала укреплять Волоколамское и Можайское направления. Днем 16 октября Верховный позвонил командиру 4-й танковой бригады Катукову и приказал срочно вернуться в Кубинку. Комбриг, однако, попросил разрешения передислоцироваться своим ходом.

– А моторесурса на бои хватит, товарищ Катуков? – уточнил Верховный.

– Хватит, товарищ Сталин, – доложил Катуков. – Но будут сэкономлены сутки, за счет погрузки и выгрузки с платформ.

Когда бои развернулись во всей полосе Западного фронта, Военный совет счел необходимым обратиться в Ставку с предложением сократить его протяженность, выделив правое крыло в самостоятельное образование. Приказом Ставки от 17 октября был создан Калининский фронт. Его возглавил генерал-полковник Конев. Фронт объединил 22-ю, 29-ю, 30-ю и 31-ю армии, а также 183-ю, 185-ю и 246-ю стрелковые дивизии; 46-ю и 54-ю кавалерийские дивизии.

Вечером 19 октября на заседание ГКО были приглашены секретарь Московского горкома партии Щербаков, председатель исполнкома Моссовета Пронин и начальник Московского гарнизона

генерал Артемьев. Заслушав их доклады о ходе строительства Московской зоны обороны, председатель ГКО обратился ко всем присутствующим с вопросом:

— Будем ли защищать Москву, товарищи? — и сам нарушил тягостное молчание: — Я считаю, что оставлять столицу ни в коем случае нельзя!

Его решительно поддержал член ГКО Берия:

— Конечно, какой может быть разговор, товарищ Сталин!

Но председатель ГКО предложил персонально ответить на него членов ГКО Молотова, Ворошилова и Маленкова, а затем руководителей Москвы — Щербакова, Пронина и Артемьева. Получив их утвердительные ответы, он сказал:

— Я свою позицию высказал. В разговоре со мной ее поддержал и товарищ Жуков. Поэтому я предлагаю принять постановление ГКО о введении в Москве осадного положения. Напишите проект постановления, товарищ Маленков.

Несколько минут, в течение которых Маленков писал проект документа, Сталин молча прохаживался по кабинету. Затем он остановился у торца стола, взял проект, быстро пробежал его глазами и тут же вынес суровый приговор:

— Не годится... Это исключительное постановление завтра по радио услышит весь мир... Пишите.

Маленков положил перед собой чистый лист бумаги. Сталин начал диктовать текст постановления. Его четкие, лаконичные фразы звучали весомо:

— Этим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоявших на сто — сто двадцать километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу Жукову, а на начальника гарнизона Москвы генерала Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 года в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение...

Государственный Комитет Обороны призывает трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии всяческое содействие.

Еще раз, внимательно перечитав постановление, председатель ГКО подписал его, затем направился к своему рабочему столу и сразу же принял поочередно звонить командующим военными округами. Номера их телефонов он набирал по памяти. Изредка заглядывая в небольшую записную книжечку, Сталин называл кон-

крайние соединения и приказывал о немедленном направлении их в район Москвы.

ОТРАЖЕНИЕ «ТАЙФУНА»

1

К середине октября операция «Тайфун» переживала временное затишье, хотя штаб-квартиры фон Бока — «Аскания» и «Вольфшанце» играли «одну партию», продолжали гнать войска на Москву. Требовалось взять ее теперь уже к новому сроку — 7 ноября.

С нарастанием успехов в России Гитлер стал все чаще покидать Главную Ставку. В полдень 25 октября пикантная встреча союзников в Берлине: Гитлер принимает министра иностранных дел Италии Чиано. Снова подробная информация о положении в России и... скромное обещание, что в ближайшие дни Москва будет окружена со всех сторон. Три недели назад, в Имперской канцелярии, в беседе с Осипом, речь шла о вступлении вермахта в Москву 12 октября, теперь Гитлер говорит лишь о ее полном окружении...

План операций на ноябрь поражал все большей отвлеченностью от реально складывающейся обстановки на Востоке. Начальник Генштаба ОКХ, имевший репутацию «сдержанного перестрояховщика», вдруг заявил о себе в качестве дальновидного стратега. Он столь полно отражал умонастроения «верхов», что даже Гитлер с ходу высказался в его поддержку. И как ему было не согласиться, если рисовалась перспектива в духе его «стратегического дарования».

Гальдер предложил наносить главный удар силами 3-й и 4-й танковых групп Рейнгардта и Гёпнера не по Москве, а в направлении Рыбинска и Ярославля. Москву предстояло брать только силами 4-й армии фон Клюге. Решив проблему Тулы, 2-я танковая армия Гудериана наступает на Рязань — Муром — Горький. Войска 9-й армии Штрауса перебрасываются на правый фланг группы армий и продвигаются на Воронеж.

План Генштаба ОКХ получил одобрение в «Вольфшанце», но был дополнен задачами для групп армий «Север» и «Юг». Войскам фон Лееба следовало достичь Вологды, а фон Рунштедта продвинуться до Стalingрада и Майкопа!

Главком ОКХ хорошо понимал всю ответственность момента. Чтобы подготовить приемлемый план предстоящего наступления, фон Браухич принял решение о проведении совещания с начальниками штабов армий и групп армий. 1-й обер-квартирмейстер Генштаба ОКХ Паулус и Хойзингер подготовили для Гальдера

документ: «Ориентирование начальника Генерального штаба сухопутных сил от 7 ноября».

Гитлер упредил совещание генералитета штабов совещанием Главкомов родами войск 7 ноября в «Вольфшанце». Браухильд выступил на совещании первым и в полном объеме изложил содержание подготовленного для Гальдера документа. После него свои соображения на предмет развития фронтовой обстановки высказали Главком ВВС Геринг и Главком ВМС Редер. В заключение совещания произнес речь Гитлер.

В тот же вечер радио принесло в «Вольфшанце» ошеломительную весть — в столице большевиков, на Красной площади, состоялся военный парад войск Московского гарнизона. Геринг, ссылаясь на плохую погоду, резко снизил интенсивность налетов на Москву, и вот результат.

Обстановка неопределенности, словно вирус, поразила и Главную Ставку. Адъютант Гитлера майор Энгель живописует ситуацию на 12 ноября: «Можно только рыдать! Обстановка теперь такова, что надо брать Москву и юг одновременно. И к тому же становится заметным, что фюрер недостаточно ясно говорит о том, чего он хочет...»

Обстоятельства складывались так, что никто не видел иного выхода из создавшегося положения, кроме как решительно идти на Москву. Гитлер продолжал маниакально верить в могущество вермахта. Он считал, что достаточно подкрепить фон Бока пятью дивизиями с Запада и тремя сотнями танков, и со столицей большевиков будет покончено. С ним был всецело солидарен Кейтель и «почти всецело» Йодль. Так происходило от воздействия подретушированной информации и восприятия самого положения в России.

«Аскания», напротив, тяжело переваривала избыток подлинной информации, которая угнетала. Потери войск к середине ноября достигли ошеломительной цифры — свыше семисот тысяч человек! Запасы продовольствия и боеприпасов в группе армий «Центр», предназначенные для операции «Тайфун», израсходованы. Действия партизан на коммуникациях приобретали все больший размах, и на борьбу с ними приходилось отвлекать регулярные силы. Все новые вопросы ставили «нелогичные действия» большевиков. Столица — на осадном положении, а там проводятся различные пропагандистские мероприятия и даже военный парад! Сталин — в Москве, и значит, город намерен защищаться до конца.

Весь день 13 ноября Гальдер посвятил совещанию со «штабниками» в Орше. Начальник Генштаба ОКХ попытался убедить подчиненных в том, что захват Вологды, Стalingрада и Майкопа обеспечит выгодные исходные позиции для последующей кампании сорок второго года. Фюрер считает, акцентирует внимание Гальдер,

что овладеть ими вермахт может еще зимой сорок первого. Ретроспективный анализ проведенных операций показывает их целостность и безошибочность.

Вступительное слово закончено. Начинается дискуссия.

Начальник штаба группы армий «Юг» Зоденштерн категоричен: фельдмаршал фон Рунштедт отдал приказ командующему 17-й армией Готу после захвата Ростова прекратить наступление. Продвижение вперед группы армий далее практически невозможно без радикальных перемен в боепитании войск и их кадрового пополнения. От имени Рунштедта он обратился к Гальдеру с просьбой о разрешении их группе армий перейти к обороне на достигнутых рубежах.

С тем же настроем выступил и начальник штаба группы армий «Север» генерал Бреннеке. Он подчеркнул, что высказывает и свою, и фельдмаршала фон Лееба точку зрения. Состояние их войск вызывает большую тревогу. После переброски на Московское направление 4-й танковой группы войска Лееба не располагает силами для наступления на Петербург. Войска окапываются и уже перешли к обороне.

Мнения же «штабников» армейского звена оказались не столь единодушными. 9-ю армию Штрауса, перешедшую к обороне по Волге у Калинина, предлагалось оставить в статичном положении. 4-я армия фон Клюге просила командование ОКХ о передышке. Начальник штаба армии Блюментрит заявил, что об окружении Москвы не может быть и речи.

3-я танковая группа Рейнгардта оказалась не в силах двигаться на Ярославль. 4-я танковая группа Гёпнера не разделяла идею наступления вообще. Ее командование предлагало отойти на более удобные позиции, чем оказалось перед Москвой обессиленной и обескровленной. Не поддержал идею наступления на Горький и начальник штаба 2-й танковой армии Либенштейн. Он привел слова Гудериана: «Сейчас не май месяц и мы не во Франции».

Как изменилось время! Развитие событий на Востоке даже твердокаменному Гальдеру «вывернуло мозги наоборот» — еще в сентябре он сам отстаивал как раз противоположные варианты и считал их отвечающими обстановке. Теперь тех же подчиненных приходилось убеждать в обратном!

Вечером, после совещания, Гальдер встретился с командующим группой армий «Центр» Боком и вручил ему приказ Главкома ОКХ. Это был документ, точь-в-точь отражавший его план дальнейших действий, одобренный фюрером. Мистификация, да и только. Словно не присутствовал он на совещании, устроенным им самим же, которое тем только и занималось, что напрочь этот план опровергало.

Сроки начала наступления Браухичем не назывались. Он и так был уверен, что командующий группой армий «Центр», получив

карт-бланш на свободу действий, не станет далее ссыпаться на плохое боепитание войск и выполнит самое важное пожелание фюрера — «не медлить».

Гитлер снова, как и в канун операции «Тайфун», обратился к войскам с воззванием: «Учитывая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение, необходимо в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей русских Москвой».

Мощный пропагандистский залп готовил по слухаю продолжения операции «Тайфун». Впрочем, он давно ждал триумфа войск фон Бока. Еще 2 ноября он направил ему приветственную телеграмму, конфиденциально сообщив в ней о намерении фюрера переименовать город Смоленск в город Бока, Бокбург. Теперь приспело такое время. И Геббельс сам готов был выступить в роли генерала, чтобы повести за собой дивизию или армию на этот последний штурм. Его радиостанции, газеты могли это сделать. Они стенали: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами. Осталась Москва. Заставьте ее склониться. Москва — это конец войны!»

Войска вступали в генеральный поход вяло, нехотя. Первой перешла в наступление 3-я танковая группа Рейнгардта. На рассвете 15 ноября, после артиллерийской обработки передовой, она нанесла танковый удар по левому флангу Калининского фронта на Клинском направлении. Превосходство в танках, триста против шестидесяти, обеспечило успех прорыва. Вслед наступали войска 9-й армии Штрауса.

Утром 16 ноября на Волоколамском направлении двинулась вперед 4-я танковая группа Гёпнера. Атаки автоматчиков с танками на острие следовали одна за другой, но удачливый Гёпнер испытывал все большее огорчение — русские стойко оборонялись. Прорвать их оборону все не удавалось.

К исходу дня командующий 4-й танковой группой получил и вовсе страшное донесение: восточнее Волоколамска, у разъезда Дубосеково, отряд русских уничтожил за день почти два десятка его танков! Использовали они только противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. А в районе Ново-Петровское большевики атаковали моторизированную дивизию СС «Райх», применив свое «адское оружие»!

Выходит из себя фельдмаршал Бок. Согласно его приказу, вторые сутки 4-я армия фон Клюге должна была наступать на Москву, а тот раз за разом слал в Красный Бор донесения о сложностях на его правом фланге, у Тарусы.

Командующий группой армий «Центр» не хотел понимать этих трудностей. На доукомплектование 4-й армии ушли все «западные резервы», но где результат? У Клюге больше дивизий в шести армейских корпусах и меньшая протяженность фронта, чем у 9-й ар-

мии, но Штраус наступает! Отношения Бока и Клюге накалились до предела.

Положение 4-й армии вызвало большую тревогу в «Аскании». Начальник Генштаба ОКХ Гальдер находился в том же положении, что и Бок, с точки зрения оценки обстановки под Серпуховым, но он знал, что напрасно Клюге паниковать не станет. Гальдер доложил Главкому ОКХ о трудностях на фронте 4-й армии и посоветовал ему дождаться о них Гитлеру. Но Браухич считал такой доклад преждевременным.

Давление Бока, наконец, увенчалось успехом. 17 ноября фон Клюге отдал приказ о наступлении двум из шести корпусов. Командарм 4-й доложил в «Асканию», что все еще не может двинуть вперед свой правый фланг. Положение изменилось к лучшему с переходом в наступление 18 ноября 2-й танковой армии. Не надеясь и в этот раз овладеть Тулой, Гудериан нанес удар южнее, в направлении Венева и Каширы.

Утром 18 ноября Браухич созвал совещание Генштаба ОКХ. Говорил больше других он сам. По его мнению, на Восточном фронте, по вине командования группой армий «Центр», исчезают шансы на захват Москвы. Войска 4-й армии не преодолели кризис у Серпухова. 2-я танковая армия оказывается не в состоянии захватить Тулу.

Но Браухича беспокоила обстановка не только у Бока. Русские наступали на Тихвин. Мощь их атак нарастает, а фон Леебу нечем усилить 16-ю армию Буша. Главкому ОКХ не удовлетворяли и действия войск фон Рунштедта.

Гитлер столь уверен в достаточности сил на Московском направлении, что решает 198-ю кавалерийскую дивизию направить не под Серпухов, а в группу армий «Север». Здесь надо ликвидировать Ладожскую группировку Советов. Для прорыва к Воронежу нужен один армейский корпус. 6-я армия фон Рейхенау должна прикрыть левый фланг 17-й армии Гота.

Касаясь ситуации на фронте Бока, Гитлер еще раз напоминает командованию ОКХ о рубежах кампании сорок первого года — Ярославле и Рыбинске, если боепитание войск и погода позволят достигнуть этой цели. Операции в районе Москвы имеют целью уничтожение сил большевиков, а не фронтальное их отеснение с занимаемых позиций.

Когда Бок вернулся с передовой на свой КП, ему доложили о телеграмме из «Вольфшанце». В ней Гитлер требовал прекращения фронтальных атак на Москву, но окружения ее с севера. Командующий группой армий «Центр» тут же связался с «Асканией» и доложил Гальдеру, что сил для окружения столицы русских у него нет.

Гудериан был непредсказуем. Вечером 21 ноября он доложил в «Асканию», что его войска выдохлись и наступать не могут. Про-

шю, однако, двое суток, и «наверх» полетели доклады о блестящих победах 2-й танковой армии. 24 ноября 24-й танковый корпус фон Гейра захватил Венев, а 47-й танковый корпус Лемельзена овладел Михайловым. 25 ноября дивизии Гудериана вышли на подступы к Кашире, предприняли наступление на Рязань и Скопин.

Конец ноября. Гальдера тревожат доклады Хойзингера. 28 числа он доложил, что русские ворвались в Ростов. 1-я танковая армия отступает. В этих условиях Рунштедт распорядился об отходе на рубеж Таганрог — Миус — Бахмутовка. Гитлер приказал его отменить. Передав приказ фюрера, Браухич услышал из уст Рунштедта колкое возражение: «Если наверху не доверяют моему руководству, то я должен просить о замене меня другим командующим».

Хотя фюрера глажут сомнения, Браухич не решается доложить ему «глупый вздор» командующего армией резерва Фромма. А тот 24 ноября посоветовал Гитлеру заключить мир с Россией на выгодных для Германии условиях. Он считает военно-экономическую ситуацию в рейхе катастрофической. Смелее Браухича, Гальдера и Фромма оказался имперский министр вооружений Тодт. 29 ноября он заявил Гитлеру, что в военно-экономическом отношении войны в России проиграна.

В пятый раз Гитлер отправлялся на Восточный фронт. По разу он побывал у Лееба и Бока, но уже в третий раз вылетал в Мариуполь, к фон Рунштедту. Здесь фюрер встретился с командиром 1-й танковой дивизии СС Дитрихом, пользуясь его доверием. Дитрих доказал ему, что в поражении под Ростовом нет вины командарма 1-й танковой армии. Он выполнял ошибочные приказы Рунштедта!

Гитлер улетел из Полтавы ни с чем. Виноватого в катастрофе под Ростовом выявить не удалось.

В полдень 30 ноября Гитлер вызвал в «Вольфшанце» Браухича и, осыпав его упреками, приказал повторить требование в адрес Рунштедта об отмене приказа на отход войск. Но командующий группой армий «Юг», как и при встрече с фюрером, твердо стоял на своем: об отмене приказа не может быть и речи. Он повторил просьбу об отставке.

1 декабря Гитлер направил в Генштаб ОКХ три телеграммы. Первой он освобождал Рунштедта от должности командующего группой армий «Юг». Второй назначал на эту должность фельдмаршала фон Рейхенау. Третья имела приказ генерал-полковнику Фромму: срочно переправить в 1-ю танковую армию, для пополнения 13-й, 14-й и 16-й танковых дивизий, по сорок танков «Т-III» и по двенадцать танков «Т-IV».

По мере приближения группы армий «Центр» к Москве все энергичнее готовился к вступлению в город и передовой отряд эсэ-

совцев — «Форкоммандо Москай». Отборное войско шефа рейхс-комиссиариата «Москва» Каше передислоцировалось из Смоленска в Малоярославец, чтобы с войсками 4-й армии Клюге ворваться в город и захватить:

- Московский комитет партии. Старая площадь, дом 6.
- Международную организацию рабочей помощи — МОПР. Улица Огарева, дом 17.
- Трест гостиниц. Бани. Мосгорсправку с адресным столом. Милицию. Петровка, 38.
- Готовую продукцию всех видов, в первую очередь необходимые для войск зимние вещи.

Бок настойчиво выискивал хоть какие-то возможности для продвижения войск к Москве. Вечером 28 ноября ему позвонил из Яхромы командир 56-го моторизованного корпуса Шааль и доложил, что 7-я танковая дивизия переправилась через канал Москва — Волга и захватила плацдарм на восточном берегу. Отличился полк «Бранденбург-800». Переодетые в красноармейскую форму автоматчики уничтожили ночью охрану моста и обеспечили переправу корпуса.

Вечером 30 ноября Боку позвонил полковник Хойзингер и прямо «с порога» задал крамольный вопрос:

- Фюрер хочет знать, господин фельдмаршал, когда можно будет объявить об окружении Москвы?
- Я прошу, полковник, пригласить к аппарату Браухича, — сухо возразил командующий группой армий «Центр».

Хойзингер тут же передал трубку Главному ОКХ:

- Фельдмаршал, вы уже отдали приказ о наступлении 12-го и 13-го армейских корпусов у Наро-Фоминска?
- У Шрота и Фельберга есть свой командующий армией, а Клюге я разрешил фронтальное наступление на Москву, — бесстрастно бросил в ответ Бок.

— А что происходит у вас на флангах?

- Штраус остановился вчера. Гудериан — сегодня. Положение критическое. Я бросил в бой, Браухич, все наличные силы, чтобы окружить Москву, но их все же не хватает. Я заявляю, что силы группы армий «Центр» на исходе...

Браухич не позволил Боку закончить монолог:

- Фюрер уверен, что большевики находятся на грани полного краха. Он ожидает от вас, Бок, точного доклада, когда этот крах станет наконец-то реальностью.

— Командование ОКХ неправильно оценивает обстановку. У моей группы армий нет достаточных сил для того, чтобы добиться успеха! — сказал, словно отрезал, Бок.

— Но за исход операции отвечаете вы, Бок! — так же повысил голос Главком сухопутных войск.

Бок не остался в долгу:

— Я повторяю, Браухич, что допущен огромный просчет. Командование ОКХ переоценило наши силы. Я прошу вас доложить фюреру, что я не могу достичь цели!

Браухич снова повторил вопрос Хойзингера:

— Но фюрер хочет знать, когда падет Москва?

— Неужели, Браухич, вы не понимаете, что здесь творится? — безразлично бросил в трубку Бок.

В первые декабрьские дни новую попытку овладеть Тулой предпринял Гудериан. Вторично оказалась перерезанной железная дорога Москва — Тула. Вот-вот то же самое должно было произойти и с шоссе, соединявшим город оружейников с Москвой. Но контрудар танково-кавалерийской группировки русских вдоль нее вновь сорвал «победный план» генерал-полковника Гудериана... Это был конец.

К исходу 5 декабря командующий группой армий «Центр» получил донесения из штабов всех армий. Они оказались похожими — сил для наступления нет... Но сводка штаба группы армий «Центр», направленная в «Асканию», успокаивала: «Боевая мощь противника не так велика, чтобы он мог в настоящее время предпринять наличными силами крупное контрнаступление на участке фронта группы армий».

Утром 5 декабря первая тревожная весточка прилетела из штаба 4-й армии. Клюгэ доложил в Красный Бор, что на его фронте ожидается активизация большевиков. «Наверху» восприняли «ожидаемое» как факт местного значения. Атаки русских у Калинина Бок посчитал отвлекающими. В этот же день Гудериан, без всяких согласований, отдал приказ об отводе своих войск из предместий Тулы.

Но Гитлер продолжал «впитывать». Он и в декабре требует от Лееба решительного наступления на Петербург. Ему предельно ясна обстановка на фронте группы армий «Центр». Войска группы армий «Юг» должны захватить нефтеносный район Майкопа, лишить большевиков каменноугольного района в восточной части Донбасса.. Как далеки были эти заключения от реальности! Убедительные опровержения им последовали 7 декабря.

День выдался просто обвальным. Вместо наступления войск Лееба с юга на Петербург, русские прорвали оборону 16-й армии Буша у Тихвина и вышли к Ситомле.

В полосу непредсказуемых трудностей стремительно погружалась группа армий «Центр». Уже в это время интуиция полководца не подвела Бока. Он понял, что мощь атак противника будет нарастать.

Не в интересах командования группы армий «Центр» было в создавшихся условиях излишне драматизировать обстановку, но, в предчувствии худшего, Бок доложил в «Асканию» ужасающую ре-

альность: ни на одном участке фронта его войска не в состоянии сдержать крупное наступление большевиков... Они панически отступали.

Гитлер решительно отвергал предложенные то Браухича, то Йодля о преднамеренном отводе терпящих поражение войск из-под Москвы на отсечные позиции. Он никак не мог понять, почему отступает «всесильный» Гудериан.

Фюрер неистово кричал в микрофон:

— Гудериан! Держитесь во что бы то ни стало! Я посыпаю вам подкрепления! Я мобилизую все, что можно в тылу! Твердо надейтесь на меня! Только держитесь, Гудериан!

Эти свои заклинания Гитлер повторял и в переговорах с Леебом, Клюге, Бушем, Штраусом, Рейнгардтом и Вейхсом. Но отступление вермахта продолжалось.

Тут-то и возникла подлинная неразбериха в управлении войсками. Гитлер перестал считаться с мнением Генштаба ОКХ. Браухича он превратил в «письмоносца» для передачи в инстанции срочных бумаг. Его ближайшее окружение с искренним участием и пониманием воспринимало его успокоительно-оправдательную формулу: «Переносить победы может всякий. Поражения — только сильный!»

На фронте группы армий «Центр» катастрофически нарастало напряжение в районе Клина. Русские штурмовали Истру и Солнечногорск. Вечером Бок доложил в «Асканию», что русские прорвали фронт 2-й армии Вейхса у Ливен. Две дивизии, 45-я и 134-я, оказались в полукольце. Образовался разрыв по фронту между 2-й танковой и 2-й армиями.

Рейхсканцлер в это время находился уже в Берлине. 11 декабря он выступил на заседании рейхстага. Требовалось развеять уныние и воодушевить народ новыми обетами во славу германского оружия, которое продолжает быть самым сильным в мире. Фюрер патетически заявил, что Советы будут непременно разгромлены летом следующего года! В сорок первом немецкие солдаты сражались, маршируя «в бесконечных далях, мучаясь от жары и жажды, задерживаемые непроходимыми от распутицы дорогами, остановленные от Белого до Черного моря ненастным климатом, зноем июля и августа, ноябрьскими и декабрьскими вьюгами, замерзая во льдах и снегах... Наступление зимы, естественно, задержит это движение. С приходом лета наступление продолжится!»

В ночь на 15 декабря Гитлер провел совещание в узком кругу с приглашением командующего армий резерва Фромма. На этот раз он пытался выяснить остройший вопрос: какими резервами располагают сухопутные войска, чтобы подкрепить терпящую катастрофу

группу армий «Центр»? Ни Браухич, ни Гальдер на это совещание приглашены не были. Тон на нем задавал Йодль.

Фюреру, по предложению того же Йодля, предстояло лично решить вопрос о переброске на Восток 218-й пехотной дивизии из Дании. Но тут же вставал и следующий вопрос — на какой конкретно участок ее направить? Впрочем, этот же вопрос не решился еще и в отношении 88-й, 208-й, 216-й и 246-й пехотных дивизий, которые в кратчайшие сроки предстояло перебазировать в Россию из Франции.

К исходу 16 декабря Браухич, Гальдер и Хойзингер были вызваны в «Вольфшанце». В присутствии Геринга, Кейтеля и Йодля фюрер изложил свое видение обстановки. Фронт страдает одним недостатком — у русских больше солдат! Они не располагают достаточным количеством артиллерии и танков. Их положение хуже, чем у вермахта. Поэтому об отходе не может быть речи. Отводить войска допустимо только там, где русские добились глубокого прорыва. Группе армий «Север» отступить на рубеж по реке Волхов, продолжая блокаду Петербурга. Группам армий «Центр» и «Юг» удерживать занимаемые ныне рубежи.

Развязка неумолимо приближалась. И 17 декабря Главком ОКХ еще предпринимал какие-то действия по обеспечению жизнедеятельности групп армий на Восточном фронте. Было подготовлено ряд злободневных решений: об укреплении правого фланга 4-й армии Клюге в районе Калуги за счет переброски туда двух пехотных дивизий; о закрытии унтер-офицерских школ и отправке полутора тысяч их слушателей на фронт в качестве младшего командного состава; о поставке в группу армий «Центр» тысячи грузовиков.

Браухич действовал, не подозревая, что его собственная судьба уже решилась в «Вольфшанце». После многодневных размышлений Гитлер, заручившись одобрением этого шага со стороны Кейтеля и Йодля, решил взять на себя командование сухопутными войсками.

18 декабря Главком ОКХ Браухич проводил из «Аскании» в отпуск для «восстановления здоровья» фельдмаршала Бока, а через сутки сам был приглашен в «Вольфшанце» и получил... отставку. Формулировка и на этот раз звучала стереотипно — «по состоянию здоровья».

В командование группой армий «Центр» вступил фельдмаршал Клюге. Но фронт и при нем продолжал разваливаться на глазах. 9-я армия Штрауса сдала русским Калинин, 3-я танковая группа — Высоковск. Самовольный беспорядочный отход продолжали 2-я танковая и 2-я армии. Гудериан и Вейхс проигнорировали приказ фюрера от 16 декабря об обороне с фанатическим упорством.

В момент «пересадки» фельдмаршалов Бока и Клюге командующий 2-й танковой армией самовольно направился в Главную

Ставку, чтобы при личной аудиенции убедить фюрера в необходимости отвода войск группы армий «Центр» на отсечные тыловые позиции. Но вояж «танкового стратега» в Растенбург оказался безрезультатным.

«Вы слишком близки к событиям», — многозначительно сказал Гитлер и далее несколько раз повторил эту фразу.

Гудериан покинул Главную Ставку в полном расстройстве. Отход войск запрещён, но какими силами сдержать большевиков, если сибирские бригады встали на лыжи и атакуют коммуникации группы армий с разных направлений?

В разгар кризиса на Восточном фронте с новой силой дала о себе знать давняя неприязнь Клюге и командующего 2-й танковой армией. 21 декабря Гудериан возвратился в Орел из Главной Ставки и застал войска в ужасном состоянии. Связь между соединениями повсеместно нарушалась, и панические слухи о возможном окружении побуждали их командиров принимать самостоятельные решения об отходе.

Перед Гудерианом встало дилемма — либо смириться с беспорядочным бегством войск от Москвы, либо организованно отвести войска на оборонительный рубеж по рекам Ока и Зуша. Без всяких согласований с Клюге он принимает второй вариант. В Красном Бору словно этого только и ждали. Последовал контрприказ командующего группой армий «Центр» — «Не отходить!» Но он запоздал на сутки. Хорошо зная, что и Гитлер недоволен действиями Гудериана под Тулой, Клюге тут же обратился в «Вольфсанген» с требованием о снятии его со своего поста. Роковая ошибка генерал-полковника Гудериана пришла на 23 декабря.

Выслушав список потерь только за одни сутки, Гитлер, находясь в состоянии крайней аффектации, распорядился в адрес начальника Генштаба ОКХ о подготовке расчета на использование химических средств против Петербурга. Эта работа поручалась генералу артиллерии Бранду.

Каждый следующий день становился для вермахта тяжелее. И 27 декабря не принесло облегчения ни на одном из участков. Напротив. Разрастался кризис в полосе обороны 16-й армии. На фронте Кириши — Новгород Советы прорвались к реке Волхов и захватили плацдармы на западном берегу в районе Лазно, Хмелище, Грузино. Командующий группой армий «Север» теперь и не помышлял об операции у Ладожского озера для воссоединения с финскими войсками.

В Генштабе ОКХ продолжались празднества по случаю Рождества, а группа армий «Центр» тем временем терпела одну неудачу за другой. Продолжали отступать в направлении Ржева соединения 9-й армии Штрауса. Прорыв фронта в полосе 6-го армейского

корпуса Ферстера у Горжка поставил в тяжелые условия войска смежных соединений. И они начали отход, хотя Гитлер требовал удержания позиций во что бы то ни стало. В резкой форме он переговорил с Клюге, снял с должности генерала Ферстера и назначил на его место по совместительству... командаира 8-го авиационного корпуса генерал-полковника Рихтгофена.

В ночь с 30 на 31 декабря Гитлер с половины двенадцатого ночи вел двухчасовую беседу по телефону с Клюге. Командующий группой армий «Центр» хотел отвести на тридцать километров войска своей группировки с целью выравнивания линии фронта и ликвидации ее разрывов на стыках соединений. Но фюрер отклонил это предложение и вновь потребовал от Клюге не отступать ни на шаг!

2

Трудно утверждать, когда именно, в начале или в конце октября, фронтовая обстановка для Москвы складывалась более драматично. Но в преддверии ноября бои шли уже на ближних подступах к столице. И этим, пожалуй, все сказано.

Командующий Западным фронтом Жуков, исходя не только из чисто военных соображений, но скорее всего интуитивно, определил для себя наиболее опасным Волоколамское направление и поручил его оборону заново сформированной 16-й армии генерал-майора Рокоссовского.

К командарму 16-й Жуков питал особое расположение. Как никак давний сослуживец, одногодок, сдержанный, обаятельный, коммуникабельный, интеллигентный человек. Не военный аскет. Умеет располагать к себе людей, не заигрывая с ними и не потворствуя их слабостям. И Рокоссовский не искал со старшим начальником особых отношений. Он всегда помнил, что пришлось им пройти разные жизненные дороги. Жуков продолжал восхождение по службе, воевал на Халхин-Голе, а Рокоссовский почти три года «отбахал» в ленинградских «Крестах». Первый стал генералом армии, Героем Советского Союза. Второй в звании генерал-майора, за год до войны возглавил кавалерийский, а затем, еще формируемый, межкорпус... И вот Волоколамское направление.

Напряжение боев за Москву нарастало с каждым днем. Пробыв в Кубинке сутки после возвращения из-под Мценска, 1-я гвардейская танковая бригада полковника Катукова передислоцировалась в полуслучаю обороны 16-й армии. Сталин обещал командарму 16-й выделить 20 октября танковую бригаду и выполнил это свое обещание.

В кабинет Верховного к вечернему докладу вошли члены Политбюро ЦК Берия, Молотов и Каганович, секретарь ЦК Мален-

ков. Сталин еще продолжал разговор с маршалом Тимошенко. Его войска продолжали отход, сдавая врагу один за другим вполне защищим рубежи. Раз за разом Верховный ставил перед ним один и тот же вопрос: «Когда будет остановлен немец на юге?» и не получал прямого ответа.

В конце огорченный, Сталин бросил на рычаг трубку:

— Разве так можно управлять войсками? Я спрашиваю командующего стратегическим направлением об одном, а он докладывает мне, что у него нет резервов!

Наступившую тягостную паузу нарушил Берия:

— Товарищ Сталин! Члены Политбюро ЦК обменялись мнениями и считают, что вы должны обязательно покинуть Москву. Мы не имеем права рисковать вашей жизнью.

Наркома внутренних дел тут же поддержал Каганович:

— Генштаб оставляет в столице оперативную группу в количестве восьми — десяти человек, и мы должны сделать то же самое. Пусть в Москве останутся член Политбюро ЦК Ворошилов и заведующие пяти-шести оборонных отделов.

— Фашисты усиливают авианалеты на Москву, а подойдут поближе — начнут обстрел из пушек. Возможен и прорыв вражеских танков, — высказался член ГКО Маленков.

Сталин успокоился, продолжая ходить по кабинету. Но он хотел услышать и мнение Молотова на этот счет:

— В Куйбышеве возможна более продуктивная работа без воздушных тревог. Мы оказались бы ближе к промышленным центрам Поволжья и Урала. А там решается сегодня многое. Но политики и морально отъезд Политбюро ЦК из Москвы будет воспринят неоднозначно.

Верховный остановился у торца стола, приготовился вступить в дискуссию, но тут снова заговорил Берия:

— Вячеслав Михайлович полагает, что об отъезде товарища Сталина из Москвы обязательно должны сообщить радио, газеты. А мы не станем этого делать.

— Станем мы делать официальные сообщения или не станем, — возразил Молотов, — но факт отъезда из столицы главы государства скрыть надолго не удастся.

Мнение Молотова внесло в дискуссию перелом. После перевода Москвы на осадное положение разговор об отъезде Сталина в тыл дважды затевал Калинин. Председатель ГКО тогда просто отмолчался. На этот раз мнение обрело коллективную форму, и способ умалчания уже не подходил. Сталин достаточно подумал над ответом на поставленный вопрос и изложил его вполне убедительно.

В рассудительном тоне он сказал:

— Товарищам, настаивающим на моем отъезде в тыл, следует учесть одно обстоятельство. Я, помимо партийных и государственных

постов, занимаю еще и пост Верховного Главнокомандующего. К исполнению этой обязанности отнашусь не формально. Мой отъезд в Куйбышев сломает ритм управления войсками. Здесь же мы приняли решение бороться за столицу до последней возможности и останемся ему верны до конца. Вот вам мой окончательный ответ.

В ночь на 23 октября Верховный направил Военному совету Ленинградского фронта отчаянную телеграмму: «Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы все еще не осознали положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если в течение ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите связи с 54-й армией, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо, чтобы снабжать войска Ленфронта и дать им выход на восток, если необходимость заставит сдать Ленинград».

Вечером 27 октября в Перхушково позвонил Верховный. Выяснив обстановку в полосе фронта «на сейчас», Сталин спросил: «На каком участке, товарищ Жуков, целесообразнее всего сосредоточить прибывающую с Дальнего Востока 78-ю стрелковую дивизию?». Жуков ответил: «Конечно под Истрой, на Волоколамском направлении!» Весть эта очень обрадовала Жукова. Он тут же пригласил к себе начальника штаба Соколовского и поручил ему лично встретить дальневосточников на станции и препроводить части полковника Белобородова в места новой дислокации.

Ночной звонок Верховного 28 октября был для Василевского обычным, рабочим. Сталин спросил «генштабиста»:

— Когда, по вашим расчетам, товарищ Василевский, 50-я армия генерала Ермакова отойдет на Тульский рубеж?

— Частично, товарищ Сталин, это уже произошло. 31-я кавдивизия Борисова и 154-я стрелковая дивизия Фоканова заняли оборону у Косой Горы. Под Тулой продолжают развертывание 173-я, 217-я, 260-я и 290-я стрелковые дивизии.

— А где находится 258-я Московская стрелковая дивизия Трубникова? — тут же поставил новый вопрос Верховный.

— Это соединение, товарищ Сталин, обороняется в районе Ильино — Поповкино — Севрюково.

— Из вашего доклада, товарищ Василевский, почему-то выпала 108-я танковая дивизия полковника Иванова.

— Решением Военного совета 50-й армии создан Тульский боевой участок. Его возглавил заместитель командарма генерал Поллов. 108-ю танковую дивизию он использует в качестве своего оперативного резерва.

Ночью 30 октября в штаб 50-й армии, в поселок Медвенку, позвонил начальник Генштаба Шапошников. Он уточнил обстановку в районе Тулы. Затем с командармом 50-й Ермаковым разгово-

ривал заместитель председателя ГКО Молотов. Его интересовало моральное состояние войск, организация их боепитания. Молотов передал трубку Верховному. Сталин спросил командарма 50-й:

— Скажите, товарищ Ермаков, прямо и честно — удержите вы наличными силами Тулу или не удержите?

Ермаков понимал всю сложность положения, в котором оказались защитники города, и ответил не сразу. Ему ведь противостояла 2-я танковая армия Гудериана.

Верховный знал, что рядом с командармом 50-й находится член Военного совета армии, бригадный комиссар Сорокин, и, прервав возникшую паузу, обратился сразу к обоим:

— Я полагаю, что вы и член Военного совета понимаете значение удержания Тулы для обороны Москвы?

— Удержим, — тихо ответил Сорокин на немой вопрос командарама. — Своими силами удержим.

Ермаков уверенно ответил:

— Значение обороны Тулы я и член Военного совета Сорокин понимаем, товарищ Сталин, и врагу город не отдадим.

— Верю вам, товарищ Ермаков, — сказал Stalin. — Продержитесь еще двое-трое суток, а дальше у Ставки появится возможность помочь 50-й армии личным составом и танками.

На рубеже, когда тяжелейший октябрь без раскачки перешел в ноябрь, из глубины страны помчались на запад сотни воинских эшелонов. Развитая железнодорожная сеть позволила преподнести врагу неожиданный сюрприз.

Вечером 1 ноября командующий Западным фронтом был вызван в Ставку. Только что Василевский доложил о положении на фронтах. Члены Ставки поднялись со своих мест. Верховный остановился рядом с Жуковым и предложил ему остаться. Он обратился к Жукову с неожиданным вопросом:

— Политбюро ЦК предлагает провести по случаю 24-й годовщины Великого Октября не только торжественное заседание, но и военный парад на Красной площади. Как вы думаете, товарищ Жуков, развитие событий на фронте позволит нам осуществить это важное политическое мероприятие?

Жуков ответил:

— Я уверен, товарищ Stalin, что до праздников противник не отважится начать новое наступление на Москву. До половины его дивизий утратили боеготовность по причине больших потерь. Но группа армий «Центр» производит перегруппировку и накапливание сил.

— Командующему Московским военным округом уже отданы соответствующие распоряжения. Ближе к празднику обяжем принять необходимые меры предосторожности авиационных командиров всех степеней, — сказал Stalin.

- А кто будет командовать парадом?
- Командовать парадом мы поручим генералу Артемьеву, а примет парад маршал Буденный.
- Ясно,— согласился командующий Западным фронтом.

Подготовка к торжественному собранию и военному параду в честь 24-й годовщины Великого Октября велась скрытно. 3 ноября в Кремль были приглашены командующий ВВС Жигарев, командующий ПВО Москвы Громадин и командующий ВВС Московской зоны обороны Сбытов. Каждый из них получил от Верховного конкретные указания о действиях вверенных им войск в предпраздничный период.

Как и предполагалось, 6 ноября с наступлением сумерек авиация противника предприняла попытки прорваться к Москве и нанести бомбовый удар. Но практически все они были успешно отражены. Соединения 2-го воздушного флота фельдмаршала Кессельринга понесли ощутимые потери. Слаженно сработали зенитчики и истребители-ночники.

Совместное торжественное заседание Моссовета и общественных организаций города проводилось не в помещении ГАБТа СССР, а в вестибюле станции метро «Маяковская». Руководители страны доехали из Кремля на автомашине до Белорусского вокзала и там спустились в метро. Спецпоезд, нарушив привычное направление следования от станции «Белорусская», доставил их к правой стороне платформы станции «Маяковская». К левой стороне платформы прибыл спецпоезд с участниками заседания. Один из вагонов этого поезда стал временно артистической.

В девятом часу вечера спокойным голосом начал свой доклад Сталин. Радио разнесло его слова по всей стране. Их слушали и фронтовики, где имелась для этого возможность. Он обосновал несостоительность гитлеровского плана «молниеносной войны» и выразил твердую уверенность в нашей окончательной победе над врагом.

Доклад Сталина оказалсяозвучным патриотической статье в «Правде» командующего 16-й армией Рокоссовского и члена Военного совета Лобачева: «Врагу в Москве не бывать! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

После доклада состоялся праздничный концерт. Его программа в ретроспективе отражала героические страницы истории нашей Родины. Для участия в нем в тот же день специальным рейсом из Куйбышева в Москву прилетели замечательные певцы Михайлов и Козловский. Арией «Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за святую Русь!» из оперы Глинки «Иван Сусанин» концерт открыл Михайлов. Затем, дуэтом с Козловским, они исполнили народную песню «Яр Хмель», популярный романс «Пловец». Козловский спел еще арию герцога из оперы Верди «Риголетто» и трижды арию Ион-

тека из оперы Монюшко «Галька». В заключение концерта прославленный Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной Армии исполнил несколько известных песен Новикова и «Священную войну» Александрова.

Концерт закончился в одиннадцатом часу. Председатель ГКО пригласил в правительственный поезд членов Политбюро ЦК, секретарей МК и МГК партии, маршала Буденного и генерал-лейтенанта Артемьева. Здесь-то большинство из них и услышало впервые о том, что 7 ноября на Красной площади состоится традиционный парад войск Московского гарнизона. Командиры частей, принимающие участие в параде, получили указания на предмет предстоящих действий за семь часов до построения и движения в центр Москвы.

В ночь под 7 ноября улицы столицы припорошило свежим снегом. Утром подул холодный ветер. Но поднятие по тревоге войска к назначенному времени заняли исходные позиции от Москворецкого моста до Исторического музея. Необычно многогодными для осажденного города оказались гостевые трибуны. Но вот Красная площадь взорвалась громом аплодисментов — на трибуне Мавзолея В.И. Ленина появились руководители партии и государства, видные военачальники. Тут же Кремлевские куранты гулко пробили восемь раз. Торжество началось. Генерал-лейтенант Артемьев командует парадом, маршал Буденный его принимает. Оба — на красавцах лошадях.

Вступительный ритуал был закончен. Теперь в центре внимания — председатель ГКО, Верховный Главнокомандующий Сталин. Поздравив советский народ с 24-й годовщиной Великого Октября, он говорит о тех тяжелейших условиях, в которых ему выпало встречать этот праздник в сорок первом. Но история страны знала и еще более тяжелые времена. Сталин напомнил о 1918 году, о походе «Антанты» на молодую Советскую республику. Разве тогда было легче? Но наш народ вынес все тяготы и победил! Фронт у стен Москвы. Положение тяжелое, но не безнадежное. Главное действующее лицо сегодня — это наша Красная Армия.

Обращаясь к ее воинам и партизанам, Сталин сказал:

— На вас смотрят весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят рабоценные народы Европы, подавшие под иго захватчиков, как на своих освободителей. Великая миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии!

Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

Пусть осенит вас победоносное знамя Великого Ленина!.. Под знаменем Ленина — вперед к победе!

Громогласное «Ура!» волнами перекатывается по Красной площади. Грохот артиллерийского салюта сопровождается мелодией «Интернационала», который с подъемом исполняет сводный оркестр Московского гарнизона.

И вот на Красную площадь вступают прямоугольники батальонов. Мимо Мавзолея проходят курсанты Московского артиллерийского училища, моряки, ополченцы. Их сменяют кавэскадроны, пулеметные тачанки, зенитные установки. Завершают парад танковые части. Поднимая снежные ворохи, на Западный фронт направляется сто шестьдесят боевых машин — танкеток, легких, средних и тяжелых танков 31-й и 33-й танковых бригад полковников Кравченко и Чухина.

К началу ноября были исчерпаны боевые возможности Брянского фронта. 10 ноября решением Ставки он был расформирован. 50-я армия вошла в состав Западного фронта. Генерал-майор Ермаков доложил Жукову о развитии обстановки на Тульском рубеже. Выслушав командарма 50-й, командующий Западным фронтом распорядился:

— Тулу, генерал Ермаков, оборонять до последней возможности. В течение суток представить мне донесение о положении и боеспособности ваших соединений. Одновременно доложить свои соображения на предмет отражения возможного удара противника на Тулу из района Алексина.

Вечером 17 ноября, когда оборона 30-й армии была полностью ликвидирована, а сама она оказалась «распаханной» на три части — за Волгой, на юном берегу Волжского водохранилища и восточнее Ламы, Жукову позвонил Верховный. Это был уже третий звонок Сталина в Перехушкино в течение суток, и он, не здороваясь, спросил:

— Товарищ Жуков, вы уверены, что нам непременно удастся удержать Москву? Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Отвечайте честно, как коммунист!

— Москву, товарищ Сталин, мы безусловно удержим! — твердо ответил Жуков, — но Западному фронту требуется не менее двух армий и хотя бы две-три сотни танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, товарищ Жуков, — рассудительно сказал Верховный. И тут же добавил: — Позвоните в Генштаб и договоритесь с товарищем Василевским, где сосредоточить две резервные армии, которые требуются Западному фронту. Их формирование завершится до конца ноября. Танков Ставка пока не имеет.

— Спасибо за помощь, товарищ Сталин, — поблагодарили Жуков. — До декабря мы продержимся наличными силами.

Но разговор продолжался. Верховный сказал:

— Кроме того, Ставка решила подчинить Западному фронту 30-ю армию и в командование ею назначить генерала Лелашенко. Как вы на это смотрите, товарищ Жуков?

— Я согласен с решением Ставки. Генерала Лелашенко я хорошо знаю и рад буду видеть у себя во фронте.

— Все, товарищ Жуков, — закончил разговор Сталин.

Напряжение боев в полосе Западного фронта с каждым днем нарастало. 18 ноября стало одновременно и радостным и трагичным для 316-й стрелковой дивизии. За упорство и героизм ее воинов решением Ставки она была преобразована в 8-ю гвардейскую. Но в этот же день дивизия лишилась своего боевого командира. Генерал-майор Панфилов был смертельно ранен осколком мины. Так 16-я армия потеряла одного из самых уважаемых своих военачальников.

19, 20 и 21 ноября продолжалось жесточенное сражение по всему Западному фронту. Но особенно драматично развивались события на его флангах. Теснивая превосходящими силами врага, 16-я армия Рокоссовского отошла к Истринскому водохранилищу, заняв оборону по его западному берегу. В оперативном смысле это было отнюдь не лучшее решение. Командарм 16-й, обсудив на Военном совете ситуацию, обратился к Жукову с предложением ночью скрытно отойти на восточный берег водохранилища и там создать более прочный рубеж обороны. Но командующий Западным фронтом не внял доводам генерала Рокоссовского. Он приказал стоять насмерть на занимаемом рубеже, чтобы не нарушать взаимодействия с 5-й армией генерала Говорова.

Ночью 22 ноября в штаб 16-й армии позвонил Верховный. Он подробно расспросил генерала Рокоссовского об обстановке в полосе обороны каждой дивизии. Узнав о выходе противника на восточный берег Истры, Сталин попросил командарма 16-й задержать немца на этом рубеже хотя бы на сутки, а там Ставка подкрепит армию резервами. Но сдержать превосходящего врага все же не удалось.

К исходу 23 ноября обстановка в полосе обороны 16-й армии накалилась до предела. Серией ударов противнику удалось захватить Клин и Солнечногорск. Командарм 16-й направил в район Клина своего заместителя, Захарова, с задачей не пропустить врага к Дмитрову. Сходную задачу в районе Солнечногорска решал генерал-майор Ревякин.

Когда члены Политбюро ЦК, ГКО и Ставки заняли свои привычные места за столом, Верховный на ходу, искоса бросив взгляд на «оперативку», обратился к Василевскому:

— Докладывайте, товарищ Василевский.

Василевский подошел к карте, начал итоговый доклад:

— Обстановка в полосе обороны Ленинградского фронта за ми-

нувшие сутки не изменилась. Близится к развязке операция наших войск на юге. Утром маршал Тимошенко доложил, что Ростов будет завтра освобожден от захватчиков. Продолжаются ожесточенные бои на Западном фронте. Беспокоит ситуация на Дмитровском и Кубинском направлениях. Генштаб предлагает, товарищ Сталин, выдвинуть в район Яхромы 1-ю ударную армию Кузнецова, а в район Крюково — 20-ю армию Власова, чтобы остановить продвижение врага. Требует подкрепления и Наро-Фоминское направление. 33-я армия Ефремова понесла большие потери в людях и, в случае сильного удара, едва ли устоит. Генштаб предлагает подкрепить ее хотя бы одной стрелковой дивизией из резерва Ставки.

Василевский оторвал взгляд от карты, посмотрел на Верховного. Но возникшую паузу нарушил Ворошилов:

— Значит, вы считаете необходимым, товарищ Василевский, введение в бой, пусть даже частично, уже сегодня, с таким трудом созданных Ставкой стратегических резервов?

Ворошилова тут же поддержал Молотов:

— Вот-вот, и я хотел спросить о том же. Стоит ли понимать ваше предложение, товарищ Василевский, так, будто Генштаб пришел к выводу о пике кризиса у противника?

Начальник Оперативного управления Генштаба чуть повернулся к сидящим рядом Молотову и Ворошилову:

— В кризисе противник находится с конца октября, хотя и продолжает наступать на ряде направлений. Однако Генштаб считает, что пик кризиса у него еще не наступил и группа армий «Центр» в состоянии нанести два-три сильных удара, чтобы изменить обстановку в свою пользу.

Верховный тоже подключился к разговору:

— Короче, яснее, товарищ Василевский.

— Понятно, товарищ Сталин, — отреагировал на это замечание Василевский. — Зима торопит гитлеровцев. Думаю, что у руководства Германии нет единого плана действий в сложившейся обстановке. Они мечутся по всему фронту в поисках хоть каких-нибудь шансов. К тому же все обещанные Гитлером сроки захвата Москвы давно прошли.

Сталин остановился рядом с «генштабистом», спросил:

— А может, товарищ Василевский, мы все-таки перебросим под Наро-Фоминск 1-й гвардейский кавкорпус генерала Белова?.. Что скажет Генштаб по этому поводу?

— Нет, товарищ Сталин, — возразил Василевский. — В связи с обострением обстановки в районе Венева снимать корпус Белова с Серпуховского направления нельзя.

— Хорошо, понятно. А скажите, товарищ Василевский, есть ли предпосылки для переобмундирования немца по зимним нормам? И есть ли вообще у немца зимняя форма?

Генерал-лейтенант Василевский ответил четко:

— По данным Генштаба, немцы не имеют зимней формы, товарищ Сталин. Возможно, по этому вопросу принято какое-то решение на совещании командования сухопутных войск в Орше? О нем нам сообщили белорусские партизаны.

В разговор вступил Берия:

— Пленные, товарищ Сталин, взятые недавно под Волоколамском, утверждают, что среди немцев нарастают панические настроения в предчувствии усиления морозов.

— Брянский и Смоленский подпольные обкомы партии сообщают, что у гитлеровцев нет зимнего обмундирования, — дополнил Берия маршал Ворошилов. — С начала ноября немецкие тыловые службы занимаются мародерством, реквизируют теплую одежду у нашего населения.

Сталин остановился у торца стола, сделал характерный жест рукой в сторону Ворошилова:

— А что же мы? Нельзя допустить, чтобы наши люди, оказавшиеся в оккупации, одевали немца в зиму. Пусть Красный Крест заявит решительный протест!

— Партизанам, товарищ Сталин, — сказал Ворошилов, — уже передано распоряжение Центрального штаба о перемещении населения на партизанские базы.

— В Генштаб ежедневно поступают сведения, товарищ Сталин, что партизаны Белоруссии, Украины, Брянской и Смоленской областей усилили «рельсовую войну», чтобы нарушить коммуникации противника, сорвать подвоз к фронту техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия и вещевого имущества, — вставил реплику Василевский.

Сталин остановился у карты:

— Надо подключить к этой работе дальнюю авиацию, товарищ Василевский. Свяжитесь с Головановым, и пусть несколько его экипажей доставят партизанам взрывчатку, группы инструкторов-подрывников. Дело это неотложное.

— С Головановым у Генштаба хороший контакт, товарищ Сталин, и я надеюсь положительно решить этот вопрос.

Конец ноября выдался трудным и противоречивым для Красной Армии. На Ленинградском направлении наши войска продолжали удерживать инициативу в районе Тихвина, но сам город отбить у врага все не удавалось. На юге освобождение Ростова 29 ноября победно увенчало совместные усилия войск Южного и Закавказского фронтов.

Под Москвой не утихали тяжелые бои. Особые испытания выпали на долю 16-й армии Рокоссовского. На последнем рубеже на смерть стояли 8-я гвардейская панфиловская дивизия, 78-я стрелковая дивизия Белобородова, 2-й гвардейский кавкорпус Доватора, 18-я дивизия Чернышева.

В ночь на 29 ноября на улицу Кирова к маршалу Шапошникову, только что вернувшемуся из Арзамаса, за новым назначением прибыл бывший начальник штаба Брянского фронта генерал-майор Сандалов. Начальник Генштаба не стал задерживать у себя приглашенного, предельно четко изложил суть стоявших перед 20-й армией задач, в которую тот был назначен начальником штаба.

Шапошников не скрывал — армия еще не смогла сосредоточиться и развернуться у развилки Дмитровского и Рогачевского шоссе. Но время не ждет. Обстановка под Москвой складывается благоприятной для перехода Западного фронта в контрнаступление. Направление главного удара 20-й армии — Солнечногорск. Начало операции — через неделю.

Утром 29 ноября Ставка подчинила командованию Западного фронта две резервные армии. Обе они немедленно выдвигались в полосу обороны 16-й армии: 1-я ударная генерал-лейтенанта Кузнецова — в район Яхромы, 20-я — генерал-майора Власова — в район Белого Раста и Крюково.

Хотя этой минуты ждали все члены ГКО, предложение Жукова показалось Верховному преждевременным. Наши неудачи в приграничных сражениях, на Украине и под Вязьмой обязывали его быть осмотрительнее в оценке реального соотношения сил на данный момент времени. К тому же Сталин знал о жесточайшем дефиците металла. Перспективы не радовали. Только в марте сорок второго ожидался пуск на Урале подмосковной «Электростали». А фронтам требовалось танки, самолеты, снаряды.... Верховный высушал доводы Жукова, но ни согласия, ни возражений сразу не высказал.

К концу ноября Ставка убедилась в бесплодности операций Калининского фронта. Конев получил директиву: «В течение трех суток подготовить контрудар в направлении Тургуново». Выходом в тыл Клинско-Солнечногорской группировки врага эта операция способствовала бы успеху контрнаступления Западного фронта. Однако командующий Калининским фронтом заявил в ответ, что не располагает силами для нанесения такого контрудара, и предложил взамен операцию по освобождению Калинина. Верховный поручил Генштабу разъяснить Коневу несостоительность занимаемой им позиции.

В полночь 4 декабря в Перхушково позвонил Верховный:

— Чем еще, к тому, что уже дано, Ставка должна помочь вашему фронту, товарищ Жуков?

— Требуется хотя бы две-три сотни танков для развития наступления, товарищ Сталин, и поддержка авиации.

Но ответ Верховного прозвучал неутешительно:

— Авиация будет, районы ее применения уточните с Генштабом, а танков пока, товарищ Жуков, нет.

В первый день контрнаступления от Москвы, 5 декабря, Калининский фронт опрокинуть боевые порядки врага не смог. По замыслу Ставки, фронт выполнял вспомогательную задачу и превосходства в силах над противником не имел.

Спустя сутки, тоже на рассвете, перешли в наступление войска Западного фронта: 30-я армия Лелюшенко — севернее Рогачева, 10-я армия Голикова — из района Михайлова.

В тот же день, 6 декабря, началась Елецкая наступательная операция войск Юго-Западного фронта. В ней участвовали: 1-я гвардейская стрелковая дивизия Руссиянова и 3-й кавкорпус Крюченкина.

Перемены на фронтах скрупулезно анализировались в Ставке. Генерал-лейтенант Василевский предельно точно докладывал фронтовую обстановку:

— До сих пор неудовлетворительно развивается наступление в полосе Калининского фронта. Генштаб полагает, что командающему фронтом следует поверить в успех контрнаступления. Но сейчас у Конева такой уверенности нет.

Верховный остановился у торца стола:

— Но, возможно, дело не только в уверенности или сомнениях командующего фронтом и его штаба?

Этот вопрос Сталлин адресовал маршалу Шапошникову:

— Я знаю, Борис Михайлович, что командающий фронтом генерал Конев — очень настойчивый и упорный человек?

Шапошников был как всегда корректен:

— В оценке личных качеств Конева, товарищ Сталлин, вы, пожалуй, близки к истине. Но дело и в том, что он наносит удары прямолинейно, в стиле военной доктрины противника.

Верховный искоса бросил взгляд на «оперативку»:

— Как это «прямолинейно»?

— Он прорывает оборону врага на участках фронта до пятнадцати километров, — пояснил Шапошников. — Это касается и 22-й армии Юшкевича, и 31-й армии Вострухова.

— Но почему же Генштаб не указал до сих пор Коневу на эту ошибку? — вставил реплику Молотов.

— В том-то и дело, Вячеслав Михайлович, что Генштаб обращал его внимание на это обстоятельство при утверждении плана операции, но Конев проигнорировал их.

В дискуссию тут же вступил Берия:

— Генерал Конев мчит из себя выдающегося полководца, товарищ Сталлин. Завалил Западный фронт, и теперь на Калининском у него ничего путного не получается.

Сталлин снова обратился к начальнику Генштаба:

— Продолжайте, товарищ Шапошников. Но короче.

Шапошников поправил пенсне, высказался до конца:

— Учитывая, что все населенные пункты превращены противником в опорные узлы, а дороги, как правило, им заминированы, наступающим войскам следует применять более гибкую тактику, обходные маневры.

— А товарищ Жуков, что же, действует иначе? — Верховный приостановился, искоса посмотрел на карту.

— Конечно, иначе, товарищ Сталин, — ответил Шапошников. — Хотя 30-я армия тоже прорывалась на широком фронте, Лелюшенко разумно использовал свое выгодное оперативное положение и теперь развивает первоначальный успех.

— Продолжайте доклад, товарищ Василевский, — на ходу, сдевав характерный жест рукой, сказал Верховный.

— Главные силы 30-й армии нависали над левым флангом и тылом группировки противника, противостоящей нашим 1-й ударной, 20-й и 16-й армиям, и постоянно угрожали ударом на Клин, — Василевский сопровождал свои слова показом на карте. — Артподготовка перед началом наступления не проводилась. Атака началась за два часа до рассвета. Таким образом, была обеспечена внезапность удара.

— Но темнота усложняла действия и наших танковых частей, товарищ Василевский! — возразил Ворошилов.

— Это было учтено, Климент Ефремович, — парировал Василевский. — Чтобы командиры машин и водители не напоролись в темноте на препятствия и выдерживали направления атаки, с ними днем проводились занятия на местности.

— А кто еще из командармов действует подобным образом, товарищ Василевский? — спросил Молотов.

— Опыт Лелюшенко на Западном фронте использует командующий 10-й армией Голиков.

Верховный снова остановился рядом с докладчиком:

— Скажите, товарищ Василевский, а почему ночью войска наступают только на отдельных участках? Какие тут причины? Что думает Генштаб по этому поводу?

— Ночью наступают подвижные части, товарищ Сталин, а стрелковые соединения пополняются резервами и подтягивают отставшие тылы, — ответил Василевский.

— А почему бы Генштабу, товарищ Василевский, не распространить повсеместно положительный боевой опыт 30-й армии? — требовательно спросил Верховный.

В разговор тотчас вступил Шапошников:

— Мы изучим опыт командарма 30-й Лелюшенко, товарищ Сталин, и дадим директиву в войска.

Верховный остановился рядом с Василевским, но обратился к наркому боеприпасов Ванникову:

— Скажите, товарищ Ванников, где находится в настоящее время конструктор профиля товарищ Щелкин?

Вопрос застал наркома боеприпасов врасплох. Ванников не знал, где находится конструктор Щелкин.

— Извините, товарищ Сталин, но мне неизвестно нынешнее местонахождение Кирилла Ивановича Щелкина.

Председатель ГКО продолжил диалог:

— Я располагаю информацией, товарищ Ванников, что конструктор Щелкин в составе московского ополчения ушел на фронт.

В разговор сразу же вступил Ворошилов:

— Но он имеет отсрочку от призыва, товарищ Сталин.

Председатель ГКО уверенно возразил:

— Товарищ Ворошилов, разве у ополченцев кто-нибудь спрашивает такие документы? Достаточно фамилии, имени, отчества, года рождения — и все. Становись в строй.

Тут же председатель ГКО распорядился:

— Поэтому, товарищ Ванников, надо разыскать Щелкина и вернуть его в Москву. Крупный специалист по боеприпасам, он поможет наркому в решении проблем по минным взрывателям, которые не терпят отлагательства.

Каждый следующий день приносил разнокалиберные вести с фронтов. Одни из них радовали, другие огорчали. 13 декабря перешли в наступление войска 5-й, 33-й и 43-й армий Западного фронта на Можайском и Наро-Фоминском направлениях. 3-я армия Юго-Западного фронта освободила Ефремов и повела наступление на Орел. Среди потерь значились и особенно заметные. 19 декабря у деревни Палашкино под Рузой пулеметная очередь врага скосила командира 2-го гвардейского кавкорпуса генерал-майора Доватора и командира 20-й кавдивизии полковника Тавлиева.

Вечером 14 декабря в Москву прилетела английская делегация во главе с министром Иденом. Еще в аэропорту союзникам дали понять, что они могут побывать на любом из участков фронта под Москвой. Предложение пришло англичанам по душе. Они посетили Клин. В самом городе и по дорогам близ него валялось огромное количество трофейной боевой техники, автомашин и повозок, что лучше любых слов говорило о подлинном разгроме гитлеровских полчищ на подступах к столице. Иден выразил восхищение действиями Красной Армии и пообещал непременно рассказать о них своим соотечественникам. Свое обещание он выполнил. По возвращении в Лондон он созвал в конце декабря журналистов и восторженно заявил: «Я был счастлив увидеть некоторые из подвигов русских армий, подвигов поистине великолепных».

Декабрьское контрнаступление Красной Армии потрясло вермахт до основания. Противник был отброшен с подмосковных позиций на сто пятьдесят — двести пятьдесят километров на запад. Угроза нашей столице была окончательно ликвидирована. Москва

начинала жить «нормальной военной жизнью». В самом конце декабря вернулись из эвакуации многие оборонные наркоматы, правительственные учреждения. В филиале ГАБТа возобновились вечерние спектакли. Как знаменательно все это было!..

Москва выстояла!

В ЦЕНТРЕ СРАЖЕНИЯ — ОПЯТЬ ВЯЗЬМА

1

Впервые за последние годы не получилось у Гитлера новогодних торжеств. Кризис на Востоке разрастался, и фюреру было не до них. Но по традиции, и 1 января, после обсуждения обстановки на фронте группы армий «Центр» и в Крыму, состоялся ритуал награждения высших чинов Главной Ставки крестами «За военные заслуги». Хотя о каких заслугах в момент позорного бегства войск могла, собственно, идти речь?

Особенно беспокоили «Вольфшанце» неудачи войск Клюге. К исходу 1 января 9-я армия Штрауса утратила Старицу и продолжала откат к Ржеву. В переговорах с Гитлером командующий группой армий «Центр» предлагал оставить город и занять оборону по правому берегу Волги. Клюге был уверен, что не удержит позиции 3-я танковая армия Рейнгардта. Но Гитлер не соглашался на сдачу Ржева.

На правом фланге группы армий «Центр» обстановка складывалась ничуть не легче. Шмидт, возглавив объединение 2-й танковой и 2-й армий, оказался не в силах закрыть брешь по Оке, перед Сухиничами. Правый фланг 4-й армии Кюблера с боями отходил к Боровску и Малоярославцу. Попытки боевой группы Штумме, командира 40-го армейского корпуса, задержать продвижение русских к Юхнову не удались.

Не радовала и ситуация в Крыму. Осуществив десантную операцию в районе Феодосии, русским удалось отбросить 42-й армейский корпус на рубеж Киет — Новая Покровка — Коктебель и вернуть себе территорию Керченского полуострова.

Каждый следующий день на Восточном фронте прибавлял забот ОКВ. Учитывая, что с потерей Старицы управление 9-й армии Штрауса нарушилось, начальник Генштаба ОКХ Гальдер предложил Гитлеру отвести уцелевшие войска на подготовленные отсечные позиции.

Но Гитлер снова проявил неуступчивость, заявив, что линия фронта остается неизменной, невзирая на последствия. Когда же Йодль доложил, что прорыв русских на фронте 4-й армии перерос в оперативный и угрожает тылам всей группы армий «Центр», фю-

рер пришел в необычайное возбуждение. Досталось всем — Кейтэлю, Йодлю, Гальдеру.

В конце концов, настойчивость командующего группой армий «Центр» восторжествовала. Гитлер вынужден был согласиться с фельдмаршалом Клюге. Формула на отход получилась витиеватой: отходить, если задельвание брешей черезесчур ослабит примыкающие участки фронта.

Замысловато, «по кругу», развивалась ситуация в Крыму. 2 января фюрер потребовал от фельдмаршала Манштейна, чтобы 11-я армия во что бы то ни стало вернула Керченский полуостров! Фельдмаршал возразил. Имеющихся у него сил достаточно лишь для выполнения одной из задач. Либо взять Севастополь, либо отвоевать Керченский полуостров. Какую из них считать в данный момент важнейшей?

Гитлер высказался в пользу решения сначала второй задачи, ибо давно считал Керченский полуостров удобным трамплином для завоевания Кавказа.

Манштейн тотчас распорядился: штурм Севастополя отложить, 50-ю и 132-ю пехотные дивизии перебросить в район Новой Покровки и Карагоза, чтобы, атакуя по всему перешейку, в течение десяти–пятнадцати дней овладеть и Феодосией, и Керчью.

Реалии фронтовой обстановки требовали неотложных решений. Прорыв русских южнее Боровска вынуждал Клюге просить фюрера об отводе 4-й армии Кюблера и на смежном, Можайском участке фронта. Гитлер воспринял эту просьбу как покушение на его нынешнее положение Главкома ОКХ и обвинил Клюге, Кюблера и Штрауса в безволии, отсутствии мужества при принятии непопулярных решений.

По предложению Йодля линию разграничения между 4-й и 4-й танковой армиями установили так, что весь участок прорыва между Боровском и Малоярославцем отошел к 4-й танковой армии Гёпнера. Но этот «необыкновенный трюк» фюрера стал «лебединой песней» для командарма 4-й танковой.

Спустя неделю 7-й и 20-й армейские корпуса, призванные локализовать брешь у Боровска, оказались в полуокружении. И Гёпнер, не известив Клюге, отдал приказ об их отходе на отсечную позицию. Кейтель подтвердил доклад командующего группой армий «Центр» о произошедшем. И повторилась история позорной отставки Гудериана. Гитлер тотчас изгнал Гёпнера из вермахта за «самовольный» отвод войск.

В тот же день, 8 января, в войска поступила еще одна грозная депеша Верховного Командования вермахта:

«Цель русского командования — отдельными атаками привести в замешательство наш фронт. Противник рассчитывает на уязвимость нашего руководства, которой оно, как это доказано опы-

там, не страдает... Эта борьба в основном решится в пользу того, у кого более крепкие нервы, главным образом среди руководства. Русские доказали наличие крепких нервов. Нашей обязанностью является и в этой области никоим образом не оказаться в более худшем положении.

Мысль о том, что силу атак русских можно ослабить и что они добровольно отступят, основывается на неверном умозаключении... Укорочение фронта, которого можно достичь отводом войск, большей частью лишается смысла из-за ослабления боевой силы соединений, вырванных со своих позиций. Поэтому легче с наименьшими силами удерживать укрепленную длинную позицию, чем сопротивляться на укороченной, но неукрепленной линии с большими силами. Потери в людях от обморожения и ранений будут больше, чем при обороне на более длинной, примитивно укрепленной позиции».

Но грозные приказы «Вольфшанце» помогали мало. Обстановка даже в течение одного дня подчас коренным образом изменялась. Русские «не желали руководствоваться ими» и то и дело вносили в нее ощущимые корректизы. Вечером 8 января Гитлер вынужден был «удовлетворить просьбу» Клюге на поэтапный отвод 4-й армии Кюблера в междуречье Угры и Лужи. Этим решением намечалось стабилизировать фронт группы армий «Центр» на рубеже Зубово – Медынь. Непредсказуемой оставалась обстановка у Сухиничей, где Советы развили наступление в Западном направлении. У 2-й танковой армии не было возможностей, чтобы остановить их безостановочное продвижение на Киров.

Совещание с Клюге продолжалось весь день. Анализировалась обстановка в полосе обороны 9-й, 4-й, 2-й танковой и 2-й армий. Прорыв русских в обход Ржева в направлении Сычевки и Вязьмы угрожал окружением 9-й армии у Нелидова. Гитлер доминировал в решении всех вопросов. Его тезис оставался неизменным: «Не отходить!» Тут он даже позволил себе потрафить командующему группой армий «Центр»:

– Борьба за выигрыш каждого дня, каждого часа является выигрышем вообще, даже в том случае, если нервное напряжение будет слишком велико. Если удастся остановить войска, будет сделано большое дело. Вся слава выпадет на долю Клюге. Жесткая оборона любой ценой помогает сковать и обескровить противника. Если кто-то отступает добровольно, он дает возможность большевикам действовать наверняка.

Для стабилизации обстановки на правом фланге, в районе Кирова и Орла, принимается решение об изменении разграничительной линии между войсками Клюге и Рейхенау. При этом 2-я армия Вейхса переходит в подчинение командования группы армий «Юг», но с изъятием 35-го армейского корпуса. Он включался во 2-ю танковую армию.

Близилась развязка в полосе обороны группы армий «Север». Гитлер требовал удерживать фронт на Валдайской возвышенности, а Лееб утверждал, что в районы Старой Руссы и Демянска невозможно подтянуть резервы. Бесплодные препирательства «благополучно» разрешились 15 января — фельдмаршал Лееб попросил фюрера об отставке! Гитлер прошение удовлетворил. В командование группой армий «Север» вступил командующий 18-й армией Кохлер.

День 15 января в этом смысле получился знаменательным. Приступ паралича «выбил из седла» гранда западных победных походов — фельдмаршала Рейхенау. Командующим группой армий «Юг» был назначен... фельдмаршал Бок. В должность командующего 9-й армией вступил командир 41-го межкорпуса генерал Модель. Ярый приверженец «блицкрига» Штраус, «по болезни», был изгнан из вермахта.

В директиве ОКВ, отданной войскам Восточного фронта в этот день, Гитлер констатировал: «После того как не удалось закрыть разрывы, возникшие у Медыни и Ржева, я отдал фельдмаршалу фон Клюге приказ: фронт 4-й армии, 4-й танковой армии и 3-й танковой армии отвести к линии Юхнов — Гжатск — Зубцов — Ржев. На указанной линии необходимо парализовать действия противника. В первый раз в эту войну мною отдается приказ о том, чтобы отвести большой участок фронта. Я ожидаю, что этот маневр будет проведен так, как это достойно немецкой армии. Чувство превосходства наших войск над противником и фанатичная воля нанести ему максимальный вред служат стимулом к выполнению цели».

Каждый следующий день приносил новые тревоги. Не порадовала Генштаб ОКХ и боевая сводка за 16 января. 9-я армия сдала Андреаполь и Селижарово. Шансов остановить наступление большевиков в направлении Белого и Сычевки у нее не было. Командующий 9-й армией Модель находился в это время в «Вольфшанце».

Разговор Моделя с фюрером получился жестким.

— Мой фюрер, интересы рейха вынуждают меня просить вас о перегруппировке войск. Я горю желанием не отступать к Смоленску, а наступать на Москву!

— В этом случае, Модель, вы можете положиться на полную поддержку с моей стороны, — заявил Гитлер.

— Поэтому я и прибыл в Главную Ставку, мой фюрер, — монокль звездочкой блеснул в глазу генерала. — Для наступления войскам 9-й армии не хватает танков.

— Всем нужны танки, — Гитлер неопределенно повел плечами. — Танки нужны в наступлении, а вам, Модель, требуется еще остановить большевиков, чтобы затем перейти в наступление, возможно, даже на Москву.

— А я хочу, мой фюрер, наступлением остановить красных перед Ржевом и двинуть свои войска вперед.

— Танки, Модель, стали нашей ахиллесовой пятой. Пусть Клюте усилит 9-ю армию за счет пассивных участков.

— Мой фюрер! Я хочу получить танковый корпус, дислоцированный в Гжатске, — заявил в ответ Модель.

— Вы вынуждаете меня, Модель, изменить решение в отношении этого корпуса, — возразил Гитлер.

— Мой фюрер, вы командуете 9-й армией или я? — категорично поставил вопрос Модель.

— Хорошо, я передам вашу просьбу Йодлю. Вы свободны, Модель, — закончил аудиенцию Гитлер.

В течение нескольких следующих дней резервный танковый корпус был переброшен из Гжатска в Ржев и помог генералу Модлю остановить отход 9-й армии.

Стремительно нарастила активность русских в полосе обороны группы армий «Юг». Воздушная разведка настойчиво докладывала о наличии всех признаков крупного наступления войск Юго-Западного фронта. Главный удар намечался на стыке 6-й и 17-й армий из района Болчанска, северо-восточное Харькова, во фланг 4-му армейскому корпусу. Еще более грозное наступление ожидалось южнее, в полосе обороны 17-й армии, из района Изюма в направлении Барвенкова и Лозовой.

Радовало лишь донесение штаба 11-й армии из Крыма. Войска генерал-полковника фон Манштейна повели успешное наступление на Керченском полуострове, нанеся сильный концентрический удар под Феодосией. С большими потерями русские отходили на отсечную позицию по перешейку от Ак-Моная до Дальних Камышей.

Уже в январе сорок второго Верховное Командование вермахта занялось актуальными проблемами юбдущи98 длительного экономического обеспечения войны. Нарастали невероятные сложности с горючим, резиной, металлом. На совещании по военно-экономическим вопросам 21 января начальник экономического управления ОКВ Томас открыто заявил:

— Разгром России, которого ожидало Верховное Командование, не наступил. Нам нужно понять, что против России окажется необходимой новая кампания. В связи с этим на Рождество мы оказались перед необходимостью приступить к новому усилению производственных мощностей нашей промышленности, чтобы восполнить потери сухопутных войск и дать им все необходимое для решения новых трудных задач...

Необходимость перестройки промышленности Германии вновь возродила идею «сепаратного мира». Риббентроп продолжал лелеять мысль о замирении с Советами. Неожиданную поддержку он

получил из Токио. Япония предложила Гитлеру свое посредничество на переговорах. Но мощный клан «сепаратистов» продолжал добиваться почетного мира с западными странами. Восстановились контакты венгерского «дипломата» Керера и офицера английской разведки Эйткена.

Параллельно с официальной дипломатической службой Германии вела переговоры на предмет заключения «сепаратного мира» с западными странами и «верхушечная оппозиция» немецких дипломатов и генералов во главе с Герделером, Беком и Вильтебеном. Являясь руководителем бюро планирования Генштаба ОКХ, Герделер уже в ноябре сорок первого пришел к убеждению о поражении вермахта в России.

В Главной Ставке днем и ночью продолжались совещания Верховного Командования. Гитлер выходил из себя, требуя то от Кюхлера стоять насмерть под Демянском, то от Клюге не сдавать большевикам Можайск. Однако 20 января 4-я танковая армия сдала Можайск, а 9-я армия Моделя — Торопец. Реальной становилась угроза прорыва русских к Витебску и Смоленску. Ударом от Волоколамска в направлении Сычевки их войска намеревались отрезать от остального фронта Ржевско-Нелидовскую группировку 9-й армии. Гитлер потребовал от Клюге, чтобы он поторопил Моделя с встречным ударом в направлении Оленино и Ржева.

Каким образом решать предстоящие весной и летом стратегические задачи — тут у ОКВ имелось полное единодушие: наступлением с решительными целями!

Фронтовые коллизии складывались чаще всего столь непредсказуемо, что нередко безжалостно крушили добрые человеческие отношения в стане некогда близких приятелей, а то и однокашников, друзей. Виной тому в действиях подчиненной стороны в большинстве случаев становились разные оценки «секундного кризиса».

Так и случилось, что в первые февральские дни до крайности обострились отношения между Кюхлером и Бушем. «Двухнедельный командующий» группой армий «Север» даже потребовал отставки командующего 16-й армией. Только вмешательство Гитлера устранило возникшие трудности в командовании группой армий «Север».

Перемены в армейском командовании, однако, продолжались. 1-й оберквартирмейстер Генштаба ОКХ Пауллюс снова был возвращен на фронт. Высоко оценивая его организаторские способности и стратегический ум, Гитлер поручил ему командование 6-й армией.

11 февраля в «Вольфшанце» прибыл Главком румынской армии маршал Антонеску. В его присутствии доклад о положении на Восточном фронте сделал Йодль. Фюрер на этот раз проявил сдержан-

ность, оценивая ситуацию под Петербургом и в Крыму. Об откате вермахта от Москвы вопрос не поднимался. Но чтобы наступать, нужны новые силы. Поэтому Румыния должна выполнить обязательство и довести свои экспедиционные силы в Россию до двадцати шести дивизий.

Антонеску не отрицал своих обязательств перед рейхом, но убеждал Гитлера, чтобы он потребовал и от Венгрии соблюдения обязательств. Факты же говорили о другом. Вместо усиления группировки в России до двухсот тысяч человек, Главком венгерской армии Хорти продолжал сосредоточение своих войск на румынской границе. Тут же Антонеску попытался выяснить у фюрера – действительно ли он поддерживает Венгрию в ее территориальных претензиях к Румынии?

Но Гитлер ушел от прямого ответа:

– Не может так быть, что одна страна бережет себя, а жертвы приносят только другие. Моя цель – заставить Венгрию принести свои жертвы. Поход этого года в Россию должен привести к разгрому русской моски. Я надеюсь, что до наступления зимы мы победим. Но теперь я готовлюсь к любым возможностям, в том числе и к новому зимнему походу...

12 февраля ОКВ направило в войска директиву для Восточного фронта на весенне-летний период:

«Зимняя борьба на Востоке перешла через высшую точку. Благодаря настойчивости и твердому боевому духу войск вражеское наступление остановлено. Цель русского командования – зимним наступлением разбить и уничтожить наши силы – не достигнута... В предстоящие недели необходимо позаботиться о том, чтобы укрепить позиции и уничтожить русские подвижные силы, переброшенные через фронт...

После окончания распутицы на юге необходимо восстановить сплошной фронт обороны, как исходную базу для наступательных операций. Группа армий «Юг» имеет задачу провести подготовку для наступательной операции согласно директиве, которая будет издана особо... Одновременно ей следует ликвидировать прорыв русских западнее Изюма, затем овладеть Керченским полуостровом, занять Севастополь, чтобы высвободить силы для предстоящего наступления...

Группе армий «Центр» следует подготовить удар из района Ржева на Осташков, чтобы восстановить связь с группой армий «Север» в районе Демянска».

Понимая уязвимость позиций немецких войск у Демянска, 18 февраля Гитлер провел совещание с командующими группами армий «Север» и «Центр» в присутствии фельдмаршала Кейтеля, генералов Йодля, Гальдера и Хойзингера.

За минувшие месяцы войны Гитлер сожалел лишь об одном обстоятельстве — в октябре не ударили по Советам японцы. Но и тут налицо важная подвижка: они уже вступили в войну с Америкой, и это привязало восточного союзника к военной колеснице рейха. Придет лето, и русские сполна получат свое. Все группы армий спешно пополняются новыми соединениями из Западной Европы. Так что и после «досадных неудач» вермахт еще силен, как никогда.

День Красной Армии, 23 февраля, в «Вольфшанце» и в «Аскании» ожидался с тревогой. Начальник Генштаба ОКХ Гальдер не сомневался, что этот праздник Верховное Командование большевиков обязательно отметит на ряде участков фронта активными действиями. Но вечерние донесения штабов групп армий свидетельствовали лишь о давлении русских в пунктах — на Любаньском направлении, в районе Демянска, у Холма, севернее и южнее Вязьмы, на Барвенковском выступе.

Гитлер лично окрестил район восточнее Старой Руссы крепостью «Демянск» и ежедневно в феврале начинал анализ обстановки с этого участка обороны. Напряжение здесь с каждым днем возрастало.

Кюхлер позвонил в «Вольфшанце»:

— Мой фюрер, у генерала Эйке на исходе боеприпасы. Крепость «Демянск» в опасности! Я предлагаю...

— Нет, я предлагаю, Кюхлер, — прервал собеседника Гитлер, — удерживать крепость «Демянск» до последнего солдата! Вы слышите меня, — до последнего солдата! Большевики сражаются за Демянск, потому что понимают его стратегическое положение.

— Группа армий «Север» остро нуждается в резервах, мой фюрер, — вставил реплику Кюхлер.

Но Гитлера было уже не остановить.

— Резервы нужны всем. Не думайте, что у вас ситуация тяжелее, чем у других. Только что я получил донесение фельдмаршала Клюге, что русские вновь атакуют Юхнов. Я позвонил ему и приказал нанести контрудар, чтобы не допустить их прорыва к Вязьме.

— Мой фюрер, Клюге имеет пять армий, у меня же их только две, — возразил Кюхлер. — Маневр силами с пассивных участков исключен, потому что по всему фронту идут тяжелые бои.

— Я распорядился о создании оперативной группы во главе с Зейдлицем в составе пяти дивизий. Она предпримет наступление от Старой Руссы с целью деблокирования 2-го армейского корпуса Эйке.

Утром 28 февраля, когда 12-й армейский корпус вел борьбу за удержание Юхнова, в Главной Ставке состоялось совещание с командованием группы армий «Центр». Триумфатором на нем ока-

зался спаситель Ржева генерал Модель. Гитлер, при открытии, объявил о присвоении ему воинского звания «генерал-полковник» и вручил «Дубовые листья» к «Железному кресту».

Обсудив обстановку в полосе обороны группы армий «Центр», фюрер подтвердил, что поставленные перед войсками Клюге боевые задачи остаются в силе. Общей их задачей оставалось удержание Вязьмы.

Но Гитлеру не терпелось быстрее бросить вермахт в наступление хотя бы на одном-двух участках Восточного фронта. В полдень 2 марта он провел совещание в «Вольфшанце» с командующим группой армий «Север» фон Кюхлером.

Речь на нем как раз и шла о наступлении. Хотя главной задачей на левом фланге Восточного фронта оставалась операция по деблокаде 2-го армейского корпуса Эйке в крепости «Демянск», наступление у Старой Руссы было намечено осуществить в период 13–16 марта. Наступление же на Холм намечалось начать 5 марта, а у реки Волхов, на Будогощь – 7 марта. Фюрер потребовал от Кюхлера педантичного выполнения от данных приказов.

Обострение обстановки в полосе обороны группы армий «Центр» в первой половине марта чрезвычайно озадачило Гитлера. С утра 9 марта он дважды вел переговоры с Клюге по поводу локализующих действий 14-й моторизованной дивизии западнее Сычевки. Но как в данной ситуации поступить с намерением Моделя все-таки наступать на Осташков? Насколько эта операция отвечает сложившимся условиям? Чтобы выяснить эти вопросы, Гитлер вызвал командующих группой армий «Центр» и 9-й армии в Главную Ставку.

Встреча фюрера с фельдмаршалом Клюге и генерал-полковником Моделем оставила у Гальдера двоякое впечатление. Снова, как и в последний февральский день, премьером на ней выглядел одержимый наступлением Модель. С непрекаемым апломбом он настойчиво доказывал Гитлеру целесообразность немедленного удара на Осташков:

— Удар вдоль Волги на север, мой фюрер, является важной акцией накануне летнего наступления вермахта. Перерезав коммуникации 3-й и 4-й ударных армий русских, войска группы армий «Центр» снимут проблему резервов для обороны Великих Лук, Велижа и Белого.

— Мой фюрер, вам известно, что группа армий «Центр» не располагает в данный момент оперативными резервами для наступления, — твердо возразил Клюге.

Гитлер бросил на него сердитый взгляд, заявил:

— У ОКВ тоже нет оперативных резервов. Но Модель прав. Для подготовки летнего наступления нам будут необходимы плацдар-

мы. Прорыв на Осташков, возможно, откроет дорогу на Рыбинск, Ярославль, к Уралу.

— Моей главной целью и впредь остается Москва, — отчеканил генерал-полковник Модель.

— Немецкий солдат должен утвердиться летом не только у Осташкова и Ржева. Наступайте, Модель!

Чувствуя поддержку Гитлера, Модель заявил:

— Мой фюрер, я хотел бы получить 56-й моторизованный корпус Шааля, уже отличившийся в боях под Москвой... Мне нужен бронированный ударный кулак.

Гитлер смешался и не сразу нашелся что ответить. Клюгे сердито бросил в сторону Моделя:

— Но кто в таком случае защитит Вязьму, Модель?

Генерал Йодль постарался субъюсти нейтралитет:

— Разумнее, Модель, основательно пополнить техникой ваш 48-й танковый корпус генерала Гейма.

— Сдача Вязьмы Советам явилась бы грубейшей ошибкой с нашей стороны, — вставил реплику начальник Генштаба ОКХ Гальдер. — Это подорвало бы оборону группы армий «Центр» на Московском направлении.

— Выходит, я не получу никакой поддержки войсками? — демонстрируя несогласие, возразил Модель.

Гитлер вдруг круто повернулся к залу и, словно посчитав вопрос о силах решенным, твердо заявил:

— Вы должны, Модель, достигнув Осташкова, повернуть войска на Ярославль и Иваново. Этот маневр будет неожидан для большевиков и явится важнейшим звеном в покорении Москвы. Она с тыла открыта.

Однако Модель вернул фюрера к трудной проблеме:

— Но, мой фюрер, как вы решаете вопрос о подчинении мне 56-го моторизованного корпуса?

Фюрер искусно ушел от прямого ответа:

— Настало время, Модель, вести наступление небольшими группами. Я много думал над этой проблемой. Возьмитесь за ее реализацию. Я вам доверяю...

В первые месяцы сорок второго «главный пропагандист рейха» Геббельс сравнительно редко наведывался в «Вольфшанце». И его можно было понять: вермахт терпел одну неудачу за другой. Фюрер круглые сутки был в круговороте неотложных дел, латая то одну дыру, то другую. Теперь, в середине марта, Гитлер сообщил «верному Йозефу» обнадеживающую весть о предстоящих победных наступлениях.

Через три дня после возвращения Гитлера из Берлина Геббельс прибыл в Главную Ставку. Канцлер выглядел переутомленным, но чувствовал себя бодро, тем более что он уже глубоко продумал план

всей летней кампании сорок второго на Восточном фронте. Беседа получилась содержательной. И на этот раз не обошлось без «экивоков» в адрес генералов, приведших вермахт к зимнему кризису под Москвой.

Вернувшись в Берлин, Геббельс занес в дневник восторженные откровения: «На наступающую весну и лето у фюрера снова есть совершенно ясный план. Его главные цели – Кавказ, Петербург и Москва. Наступление на отдельных участках будет вестись с потрясающей силой».

Разработка плана летнего наступления неизбежно ставила перед ОКВ задачу выявления реальных возможностей групп армий. Анализ Йодля выявил в целом безрадостную картину. Из ста шестидесяти двух дивизий только восемь были пригодны для ведения наступательных действий. Еще три дивизии могли обрести боеготовность после пополнения и предоставления им хотя бы трехнедельного отдыха. В пассиве значились все остальные. Сорок семь дивизий рассматривались пригодными лишь для ограниченных действий, тогда как семьдесят три дивизии были способны лишь обороняться.

Ошеломительными оказались людские потери вермахта на Восточном фронте. Почти тридцать четыре процента, миллион восемьдесят тысяч, от той численности, что открывала поначалу победоносный «Восточный поход», оказались вычеркнутыми из послужного списка.

Грандиозная операция, задуманная Гитлером на правом крыле Восточного фронта, разрабатывалась Генштабом ОКХ в форме четырех ступеней.

На первой ступени наступления прорыв к Воронежу производился силами 2-й и 4-й танковой армий немцев при участии соединений 2-й венгерской армии.

Вторая ступень завершала предварительный этап операции. Она достигалась путем окружения русских силами 4-й танковой армии Гота и 6-й армии Паулоса.

После выполнения задач первой и второй ступеней группа армий «Юг» на третьей ступени делилась на две группы армий – «Б» и «А».

Четвертая ступень – главная в оперативном плане. Вновь сливаясь в одну группу армий «Юг» наступает из Сталинграда на Кавказ, чтобы до сентября достичь линии Батуми – Баку, овладеть побережьем Черного и Каспийского морей, достичь границ Турции и Ирана.

Гитлера вполне удовлетворил обмен мнениями с Йодлем. А 25 марта главным докладчиком во время вечернего раута оказался фельдмаршал Лист. Он сделал сообщение о ситуации на левом фланге Восточного фронта – в Норвегии и на Мурманском направлении.

Двое последующих суток, 26 и 27 марта, Главную Ставку будоражили донесения из групп армий «Север» и «Центр» — и у Погостя, и у Ржева русские отчаянно атаковали позиции вермахта. Еще опаснее развивались события у Ржева. Большевики, используя свежие подкрепления, снова атаковали позиции 23-го армейского корпуса. Генерал-полковник Модель позвонил в Главную Ставку и предложил Гитлеру отвести часть войск, наступающих на Осташков, и отразить возникшие угрозы. Фюрер дал согласие на такие действия «любимца».

28 марта в Главной Ставке состоялось обсуждение плана летней кампании сорок второго года. Предложенный начальником Генштаба ОКХ Гальдером вариант всей операции, получившей наименование «Блау», не вызвал у присутствующих особых возражений.

В заключение Гитлер разразился пространной речью, охватившей в ней и на этот раз толику международных проблем. Речь шла даже о Цейлоне и Австралии, о возможности нападения Японии на Советский Союз с востока, если у нее достанет авиации для нанесения мощных ударов с воздуха по приморским центрам большевиков.

2

Конечно, победы Красной Армии, особенно в центре советско-германского фронта, побуждали ее Верховное Командование к продолжению наступательных действий. Ставка и не помышляла ни о чем другом, кроме как о продолжении наступления, причем по всему фронту. Доминировали соображения как военно-стратегического, так и морально-политического характера.

К исходу 2 января войска Западного фронта выбили гитлеровцев из Малоярославца. Здесь особо отличились 43-я и 49-я армии генералов Голубева и Захаркина, которые, наступая на запад, блокировали Юхновскую группировку 4-й армии Кюблера в составе девяти дивизий. С юга она была окружена 50-й армией и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генералов Болдина и Белова.

В тот же день завершилась Керченско-Феодосийская десантная операция. Войска 44-й армии Первушина овладели Феодосией, создав угрозу окружения 42-го армейского корпуса и 8-й румынской кавалерийской бригады на Керченском полуострове. С моря Керчь атаковали десанты 51-й армии Львова.

Наступление Красной Армии продолжалось по всему фронту. Но пришло время обсудить перспективы всей военной кампании сорок второго. Такое обсуждение состоялось в Ставке 5 января. Собщенным докладом выступил начальник Генштаба маршал Шапошников. Он докладывал лаконично, не спеша, толково. Часто останавливался на середине предложения, пил воду. Прогрессирующую

шая болезнь не позволяла ему работать в полную силу круглосуточно, но Верховный мирился с этим, потому что не видел пока достойной ему замены. Докладывая, маршал Шапошников строго следил за установкой Верховного о том, что сейчас наступил подходящий момент для перехода во всеобщее наступление.

Обрисовав обстановку на всех фронтах, начальник Генштаба перешел к изложению плана действий наших войск весной и летом сорок второго года:

— Поскольку основные силы противника сконцентрированы на Московском направлении, то главный удар и следует нанести здесь, чтобы уничтожить крупнейшую фронтовую единицу — группу армий «Центр» Клюге. К решению этой задачи Генштаб рекомендует привлечь войска левого крыла Северо-Западного фронта, а также полностью войска Калининского, Западного и Брянского фронтов. Наряду с этим...

Верховный продолжил мысль Шапошникова:

— Наряду с этим в операции планируется также участие резервов Ставки Верховного Главнокомандования.

Начальник Генштаба продолжал:

— На острие главных ударов будут выдвинуты закончившие формирование бригады морской пехоты.

Войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов при поддержке Краснознаменного Балтийского флота наносят удар по позициям группы армий «Север». Их главная задача — быстрая деблокада Ленинграда. Начало операции — 7 января.

Юго-Западный и Южный фронты наносят поражение группе армий «Юг» и освобождают промышленные районы Харькова и Донбасса. Войска Кавказского фронта и Черноморского флота путем десантирования в районе Перекопа блокируют 11-ю армию фон Манштейна с целью освобождения всего Крымского полуострова.

Паузу после доклада нарушил Верховный:

— Немец всеми силами стремится сорвать наше наступление, отсидеться в обороне до весны, а весной вновь приступить к активным наступательным действиям. Его цель очевидна — выиграть время и получить желанную передышку. Мы должны навязать ему свои условия — гнать его на запад без всякой передышки.

Совершив два-три «челюсти» по кабинету, Верховный обратился к членам Политбюро ЦК, ГКО и Ставки:

— Обсудим, товарищи, предложения Генштаба.

Первым и... последним выступающим оказался командующий Западным фронтом Жуков:

— Наступление следует продолжать на Западном направлении. Здесь сложились наиболее благоприятные условия, ибо противник

не восстановил боеспособность своих войск. Но войска Калининского, Западного и Брянского фронтов остро нуждаются в пополнении личным составом, боевой техникой и резервами, в первую очередь танковыми частями.

Несколько иначе приходится оценивать перспективы наступления на Ленинградском и Юго-Западном направлениях. Под Ленинградом и Харьковом противник создал сильную оборону, прорвать которую без мощных артиллерийских средств и авиации очень непросто. Наступающая сторона в таких условиях несет большие потери. Поэтому здесь лучше до весны удерживать оборону.

Верховный остановился рядом с Жуковым, бросил в его сторону сердитый взгляд и тут же заявил:

— Я разговаривал с маршалом Тимошенко. Он поддерживает идею нашего наступления по всему фронту.

— В настоящее время, товарищ Сталин, мы не располагаем достаточными экономическими возможностями для одновременного наступления всех фронтов,— бросил реплику председатель Госплана Вознесенский.

— На войне всегда чего-то не хватает,— в упор глядя на Вознесенского, возразил Сталин.— Нас торопит время. Немца надо быстрее перемалывать, чтобы он не смог наступать весной и летом. За три-четыре месяца можно многое успеть. Не успеем мы — немец успеет.

Начало наступлению 7 января положили 4-я и 52-я армии генералов Иванова и Клыкова из состава Волховского фронта Мерецкова, которому, по замыслу Ставки, отводилась основная роль в разгроме группы армий «Север» и деблокировании Ленинграда. Главные удары наносились в направлении Тосно и Любани. В полосе этого же фронта вводились в прорыв 59-я и 2-я ударная армии генералов Галанина и Соколова.

На следующий день, 8 января, вступили в дело войска центрального участка. Ударная группировка Калининского фронта прорвала оборону 9-й армии западнее Ржева и повела наступление на Сычевку. 9 января двинулись вперед 3-я и 4-я ударные армии генералов Пуркаева и Еременко из состава Северо-Западного фронта. Из района озера Селигер 3-я ударная армия наносила главный удар в направлении Холма и Великих Лук. 4-я же ударная армия повела наступление из района Осташкова на Андреаполь и Велик.

10 января перешли в наступление войска Западного фронта. Группировка в составе 20-й и 1-й ударной армий, а также 2-го кавкорпуса, поддержанная 22-й танковой бригадой и пятью лыжными батальонами, нанесла удар из района Волоколамска на Шаховскую и Сычевку.

Войска 33-й армии Ефремова, действуя в центре Западного фронта, упорно продвигались в направлении Вязьмы. Смелым маневром армия замыкала внешнее кольцо окружения вокруг Юхновской группировки врага. Внутреннее кольцо окружения обеспечили 43-я и 49-я армии Голубева и Захаркина с севера, а также 50-й армии генерала Бодрина с юга.

После упорных боев войска Западного фронта прорвали оборону 3-й танковой армии генерала Рейнгардта на реке Лама. В образовавшуюся брешь 13 января устремился вперед 2-й гвардейский кавкорпус генерала Плиева, 22-я танковая бригада и лыжные батальоны поддержки. Используя этот успех «смежников», перешли в наступление 16-я и 5-я армии генералов Рокоссовского и Товорова.

Открывшаяся перспектива — расчленение группы армий «Центр» — представлялась реальной. Однако 19 января Ставка принимает решение о выводе из сражения 1-й ударной армии и передаче ее в состав Северо-Западного фронта.

Как член Ставки, Жуков не мог согласиться с таким решением. Он позвонил Шапошникову, сказал:

— Борис Михайлович, принять не лучшее решение об изъятии 1-й ударной армии из моего фронта.

Маршал Шапошников высказался уважительно:

— Георгий Константинович, голубчик, помочь ничем не могу. Это решение принято лично Верховным.

— Но товарищ Сталин, по-видимому, согласовывал это принципиальное решение с Генштабом?

— Как согласовывал, — уклончиво ответил начальник Генштаба. — Васильевский и я выступали с предложением — до окончания наступления у Шаховской выводить из боя 1-ю ударную армию нецелесообразно. Но Верховный разговаривал по этому поводу с командующим Северо-Западным фронтом Курочкиным. Он пообещал при таком усилении быстро разгромить Демянскую группировку противника. Товарищ Сталин ему поверил.

— Борис Михайлович, и при таком усилении не справится генерал Курочкин с Демянской группировкой, — возразил Жуков. — Немецкое командование отлично понимает значение удержания Демянска и Старой Руссы в своих руках для стабилизации фронта под Ленинградом.

У Шапошникова не нашлось убедительных доводов, чтобы разъяснить командующему Западным фронтом, и он снова подтвердил свою первоначальную позицию:

— Звоните, Георгий Константинович, товарищу Сталину. Примет он вашу аргументацию или отвергнет — это все во власти Верховного.

Жуков тут же позвонил в Ставку, Верховному:

— Решение Ставки о выводе из боя 1-й ударной армии я считаю неправильным и прошу его отменить!

— Что значит неправильное? — тем же сердитым тоном возразил Верховный. — Северо-Западный фронт достиг хороших успехов в наступлении. Надо как можно быстрее кончать с Демянской группировкой.

— Я рад за генерала Курочкина, но Демянскую группировку он не разгромит, товарищ Сталин. Противник немедленно усилит ее, поскольку она нависает над флангами Северо-Западного и Калининского фронтов...

Верховный прервал Жукова на полуслове:

— Тем более с нею надо быстрее кончать.

— В данный момент у Северо-Западного фронта не имеется для этого достаточных сил. Гнаться за проблематичными шансами на второстепенном участке я считаю, товарищ Сталин, необоснованным и ошибочным!

— Выводите 1-ю ударную армию без разговоров! — в приказном тоне отрезал Верховный. — Посчитайте, сколько у вас во фронте имеется армий, товарищ Жуков.

— У меня и фронт имеет протяженность шестьсот километров. А резервов нет. Все армии ведут ожесточенные бои. Возможности для маневра исключены.

Вместо ответа генерал армии Жуков услышал в телефонной трубке прерывистые короткие гудки.

События между тем на Северо-Западном и Западном фронтах во второй половине января развивались именно так, как и предсказывал член Ставки Жуков. Стратегическое чутье не подвело полководца и на этот раз. Он видел развитие обстановки изнутри.

Войска Юго-Западного и Южного фронтов перешли в наступление 18 января и с ходу прорвали оборону противника на фронте от Славянска до Балаклеи. Продвинувшись за трое суток на запад на двадцать километров, 57-я армия Рябышева создала хорошие условия для ввода в прорыв 5-го кавкорпуса Гречко. Но освободить Балаклею и Славянск армиям смежных фронтов не удалось. Не хватило сил, особенно танков.

Бои в районе Славянска имели затяжной, тяжелый характер и вынудили войска Южного фронта перейти к обороне. Тот же финал получился у Юго-Западного фронта. К исходу 27 января 6-я армия Городнянского освободила Лозовую, но дальше наступать не смогла.

Драматически развивалась ситуация в Крыму. Противостояние у Киев-Коктебельского рубежа не устраивала ни одна из сторон. Наша Ставка планировала для 51-й армии Львова наступление на Джанкой, Чонгар и Перекоп. Одновременно 44-я армия Первушина должна была наступать на Симферополь с высадкой морских десантов в

районах Алушты, Ялты, Евпатории и Перекопа. Но фон Манштейн упредил наступление Кавказского фронта генерал-майора Козлова. Нанеся удар от Карагоза на Феодосию, противник овладел городом, отбросив наши войска на Ак-Монайские позиции.

Достаточно противоречивой выглядела боевая обстановка в конце января в полосе наступления войск Западного фронта. В район десантирования 8-й и 201-й бригад 4-го воздушно-десантного корпуса у деревень Желанье и Озеречная юго-западнее Вязьмы прошли соединения 33-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса генералов Ефремова и Белова. Контрудары моторизованных соединений группы армий «Центр» с разных направлений отрезали их от основных сил Западного фронта, вынудив вести борьбу в окружении.

Затяжной, с проблематичными шансами, характер приобретала обстановка в полосе наступления войск Юго-Западного направления маршала Тимошенко. Боеспособные резервы к концу января истощились у обеих сторон. В то же время промышленный район Харькова, наряду с Донбассом и Крымом, оставался главной, ключевой заботой Ставки...

Тяжелые бои в центре советско-германского фронта, особо ожесточенные в районах Ржева, Сычевки и Юхнова, не снизили своего накала и в феврале. Переданные в состав Калининского фронта 3-я и 4-я ударные армии генералов Пуркаева и Еременко продолжали успешное наступление на Невель и Велик. Взаимодействуя с ними, войска 22-й армии генерала Вострухова прорывались южнее в направлении Демидова и Смоленска. Соединения 39-й армии генерала Богданова, западнее Сычевки, наступали на Дорогобуж. Одновременно из района Юхнова на Вязьму наступали 1-й гвардейский кавкорпус Белова и 33-я армия Ефремова. 1 февраля они внезапно для противника продвинулись в северном направлении и завязали бои непосредственно за Вязьму.

Вечером 5 февраля нарком авиапромышленности Шахурина и Главный конструктор штурмовиков «Ил-2» Ильюшин по срочному вызову прибыли в Кремль. Сталин не спеша направился навстречу вошедшему.

Пожимая руку известному конструктору, он сказал:

— Товарищ Ильюшин, вы были правы, а мы нет.
— В чем именно, товарищ Сталин? — насторожился Главный конструктор штурмовиков.

— Я имею в виду вашу машину «Ил-2». Вы с самого начала предложили делать ее в двухместном варианте, а мы, не разобравшись, настояли на одноместном. А одноместным штурмовикам требуется прикрытие истребителей. Но истребителей у нас еще мало, не хватает.

Сказав так, Сталин повернулся к Шахурину:

— Надо, товарищ Шахурин, как можно быстрее вернуться к двухместному варианту «Ил-2». Несколько таких машин хорошо показали себя на фронте.

Нарком авиапромышленности возразил:

— Насколько я понимаю ситуацию, товарищ Сталин, сделать это будет очень и очень нелегко.

Наркома тут же поддержал Главный конструктор:

— Восстановление чертежей, оснастки, товарищ Сталин, займет довольно много времени.

— Делайте что хотите, но фронту нужны двухместные штурмовики. Требуется, товарищи, выполнить и еще одно важное условие — самолетов должно выпускаться не меньше, чем выпускалось до сих пор.

Берия вставил осторожную реплику:

— А где авиаторы наберут столько воздушных стрелков для двухместных штурмовиков, товарищ Сталин?

Сталин с вызовом ответил наркому внутренних дел:

— Этот вопрос, товарищ Берия, следует адресовать не товарищем Шахурину и Ильюшину, а ГКО, раз он ставит перед наркотом авиапромышленности такую задачу.

— А как будет решен вопрос с бронелистами, товарищ Сталин? Их ведь сегодня не хватает? — искоса взглянув на председателя ГКО, сказал Шахурин.

Сталин был готов к ответу и на этот трудный вопрос:

— Бронелисты есть на Кировском заводе в Ленинграде, товарищ Шахурин. Скоро войдет в строй железнодорожная ветка до Кобоны, и тогда мы сможем вывезти бронелисты оттуда на ваши заводы.

— Для проработки вопроса, товарищ Сталин, мне требуется четыре-пять дней, — твердо заявил Ильюшин.

— А я могу отпустить лишь трое суток, — возразил Сталин. — Не я, война нас торопит, товарищ Ильюшин.

Через трое суток Главный конструктор «Ил-2» вновь вместе с Шахуриным был вызван в Кремль. На этот раз Ильюшин привез чертежи и доложил Сталину, что конструкторами найдено решение, которое без всяких переделок и без потерь в количестве выпускаемых машин позволяет оборудовать за кабиной летчика и кабину стрелка-радиста.

Невзирая на очевидные обстоятельства истощения наступательных возможностей наших войск, Ставка продолжала требовать от командований фронтов наращивания ударов по отступающему врагу. При этом преследовалась стержневая цель — разгромить группировки противника в центре советско-германского фронта, не позволить ему провести перегруппировку сил для осуществления летнего наступления на Московском и Кавказском направлениях.

И директива Ставки от 16 февраля не явилась исключением в этом роде. Она потребовала от генерала армии Жукова мобилизовать все силы Калининского и Западного фронтов для разгрома группы армий «Центр». Перед его войсками ставилась важная задача: к 5 марта выйти на рубеж Оленино — река Днепр — Ельня и далее по реке Десна до Снопоти.

Для содействия войскам Западного фронта в разгроме Юхновской группировки 4-й армии Ставка подтвердила свое решение о десантировании севернее Масальска 4-го воздушно-десантного корпуса с частями усиления. В исключительно сложных погодных условиях в период с 16 по 24 февраля транспортная авиация резерва Ставки совершила свыше шестисот самолето-вылетов, доставив в район сосредоточения почти семь с половиной тысяч десантников и полторы тысячи тюков с боеприпасами, вооружением и продовольствием.

Перешедшие в наступление 22-я, 30-я и 31-я армии Калининского фронта не смогли прорвать оборону 9-й армии. В тот же день, 17 февраля, Конев доложил Главному Западного направления о полном окружении группировки войск 29-й армии Швецова и 11-го кавалерийского корпуса полковника Соколова в районе Сычевки.

Главком Западного направления мучительно искал причины столь трудного протекания наступательных операций и к началу третьей декады февраля пришел к выводу — наступление следует прекратить, войскам Калининского и Западного фронтов перейти к позиционной обороне, осуществить необходимую перегруппировку сил. Ставка, однако, с таким предложением Жукова не согласилась и потребовала продолжения наступления фронтов до последней возможности.

По мере усложнения ситуации в центре фронта, Ставка все большее внимание уделяла обстановке на его флангах. Ленинград со стороны Карельского перешейка и со стороны Урицка был прикрыт надежно. Резервом Ленинградского фронта оставалась Приморская оперативная группа, получавшая подпитку со стороны Балтийского флота.

Поэтому в создавшихся условиях Верховный не видел другого пути для облегчения режима блокады Ленинграда, кроме как продолжения наступательных действий войск Волховского фронта. На войска генерала армии Мерецкова Ставка возлагала очень большие надежды. Когда наступление 4-й и 52-й армий генералов Иванова и Яковлева практически прекратилось, ее решением были введены в сражение 59-я и 2-я ударная армии генералов Галанина и Клыкова.

Продолжалась Крымская эпопея. Неоднократные попытки войск Крымского фронта Козлова прорваться через вражеские обо-

ронительные порядки на рубеже Клет – Дальние Камьши успешно отражались войсками 11-й армии. Отчаянная борьба продолжалась здесь на протяжении всего февраля. Тут уж не приходилось думать о наступлении войск 51-й армии Львова на Джанкой и 44-й армии Первушкина на Симферополь.

С новой силой в конце февраля разгорелись бои на левом крыле Западного фронта. К исходу 25 февраля войска 49-й и 50-й армий генералов Захаркина и Болдина сокрушили кольцо окружения вокруг 12-го армейского корпуса генерала Шрота в районе Юхнова. Наступление здесь было важным, но частным успехом наших войск, не повлиявшим на развитие фронтовой ситуации в районе Вязьмы.

Март выдался для Красной Армии очень сложным во всех отношениях. Войска устали, но продолжали наступать из последних сил, испытывая невероятные трудности, связанные с острой нехваткой боеприпасов. Именно в марте их выпуск опустился до самой низкой отметки за все минувшие месяцы войны. Не хватало и стрелкового оружия всех видов.

Нарастало напряжение чисто человеческого свойства в Ставке. Как только начальник Генштаба раскладывал на столе «оперативку» центрального участка фронта, Верховный тут же останавливался возле нее и кончиком мундштутка обводил причудливую загогулину – линию фронта, огибающую со всех сторон Вязьму.

Далее следовал его традиционный вопрос начальнику Генштаба: «До каких пор войска Западного направления намерены мириться с такой фронтовой конфигурацией?» Он никак не хотел понять, что ни войска Калужинского фронта уже не в состоянии преодолеть оставшиеся от Демидова до Смоленска пятьдесят километров, ни войска Западного фронта не могли сделать то же самое со стороны Кирова и Ельни.

Как-то повлиять на решение проблемы смыкания войск двух фронтов под Смоленском не могли и войска 33-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса генералов Ефремова и Белова. Они ушли вперед исключительно для решения «проблемы Вязьмы», а оказавшись в окружении, были в состоянии проводить лишь отдельные частные операции, опираясь на возрастающую поддержку смоленских партизан. Косвенно их активность способствовала усилиям войск 49-й и 50-й армий генералов Захаркина и Болдина в разгроме соединений 12-го армейского корпуса генерала Шрота в районе Юхнова.

Отчаянное сопротивление противника продолжалось более недели. Но к исходу 5 марта его судьба была решена. Только половина корпуса удалось вырваться из окружения и соединиться с основными силами 4-й армии. Другая половина частично была уничтожена, а частично сдалась в плен.

Неоднократные настойчивые предложения командующего Западным направлением Жукова о необходимости остановиться и временно закрепиться на достигнутых рубежах категорически отклонялись Верховным. Напротив, директивой Ставки от 20 марта он вновь подтвердил свое требование о безусловном выполнении войсками ранее поставленных задач.

Вечером 21 марта генерал армии Жуков позвонил маршалу Шапошникову. Он понимал, что ближайший советник Верховного не станет принимать самостоятельное решение в части оперативных действий фронтов, но мнение на этот счет обязательно высажет. К тому же каждый из них — и Шапошников, и Жуков — имел «свою дистанцию» в отношении Верховного. У начальника Генштаба она была намного «короче».

— Борис Михайлович, неужели товарищ Сталин не понимает, что наступательные возможности наших фронтов исчерпаны и войскам пора остановиться?

Шапошников выразил свое искреннее согласие:

— Георгий Константинович, разделяю вашу точку зрения. Настало время проводить активную стратегическую оборону, чтобы измотать врага. Но товарищ Сталин требует продолжения наступления.

— Зная состояние наших войск, думать иначе сегодня уже нельзя, Борис Михайлович, — решительно заявил Жуков. — Мы продолжаем наступление, не имея численного превосходства над противником ни в чем. К тому же ясно, что наши союзники «вторым фронтом» долго еще нам не помогут.

— Товарищ Сталин тоже не верит в реальность «второго фронта», — согласился Шапошников. — Без их поддержки мы должны исповедовать активную оборону. До середины лета накопить резервы, а затем перейти в решительное контрнаступление на двух-трех стратегических направлениях...

Это происходило 28 марта. Так получилось, что в тот же день и в то же самое время в «Волчьем логове» проводилось подобное же оперативное совещание с обсуждением сходной повестки дня. И та и другая стороны намеревались летом где-то решительно наступать, а где-то держать непроходимую оборону. Совпали даже персоналии основных докладчиков. С одной стороны выступал начальник Генштаба ОКХ Гальдер, с другой — начальник Генштаба Красной Армии Шапошников.

Германская сторона опиралась на данные о превосходстве вермахта на земле, в воздухе и на море, тогда как советская учивала превосходство противника лишь в сухопутных силах. Совещание в «Волчьем логове» закончилось в тот же день выступлением Гитлера. Совещание в Кремле продолжалось 29 и 30 марта и завершилось краткими выводами Сталина.

Маршал Шапошников был предельно сдержан, излагая возможные операции Красной Армии в весенне-летней кампании. Будучи твердо уверенным в том, что союзники и в сорок втором не откроют «второй фронт» в Европе, он предложил на весенний период до июня ограничиться активной стратегической обороной.

Начальник Генштаба Красной Армии высказал несогласие как с предложением командующего Западным направлением Жукова о необходимости проведения Ржевско-Сычевской наступательной операции по разгрому основных сил группы армий «Центр», так и с предложением командующего Юго-Западным направлением маршала Тимошенко о крупномасштабной операции войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов.

Верховный, остановившись традиционно у торца стола, внешне недовольно произнес:

— Начальник Генштаба говорит в основном об активной стратегической обороне. Но, по-моему, нельзя допустить, чтобы немец нанес по нашим войскам серию мощных ударов первым и вновь захватил боевую инициативу в свои руки. Присутствующим известно, что товарищ Жуков предлагает проведение Ржевско-Сычевской операции, а другим фронтам рекомендует отсиживаться в обороне. Это полумера. Кстати, и Военный совет Юго-Западного направления предлагает иную развязку на Украине. Послушаем товарища Тимошенко.

Командующий Юго-Западным направлением подошел к карте и уверенно доложил о возможностях его войск и выгодах занимаемых ими исходных позиций:

— Военный совет Юго-Западного направления, товарищ Сталин, считает, что мы в состоянии и безусловно должны нанести по противнику упреждающий удар, разстроить его наступательные планы под Курском и Харьковом. Мы должны закрепить отвоеванную у врага боевую инициативу. Иначе может повториться ситуация, которую мы пережили в начале войны. Я также поддерживаю предложение товарища Жукова о проведении Ржевско-Сычевской наступательной операции, поскольку она позволит сковать силы противника в центре.

— Семен Константинович в обоих случаях прав, — вступил в разговор Ворошилов. — Победу под Москвой надо закрепить новыми победами на всех фронтах. Я верю в успех войск Юго-Западного направления, товарищ Сталин, хотя ситуация с резервами действительно складывается не простая.

— И я так считаю, товарищ Ворошилов, — поддержал члена Ставки Верховный. — По немцу надо нанести в районе Харькова сокрушительный удар!

— Но Барвенковский выступ, товарищ Сталин, это не только наше преимущество, но и наша слабость. В любой момент против-

ник может нанести встречные удары с севера и юга под основание самого выступа и положение 6-й и 57-й армий сразу станет тяжелым, — вставил реплику Василевский.

Верховный без труда парировал этот довод заместителя начальника Генштаба:

— Вот поэтому и надо нанести упреждающий удар, чтобы сорвать возможные удары немца.

— Мы не располагаем пока что достаточными резервами и материальными средствами для проведения операции такого масштаба, товарищ Сталин, — решительно возразил Жуков.

— Нет, Георгий Константинович, Военный совет Юго-Западного направления уверен в успехе Харьковской наступательной операции, — возразил Тимошенко.

— Ну вот, уверенность в успехе у Военного совета Юго-Западного направления есть, — как бы подыгрывая обсуждение этого вопроса Верховный...

Настойчивость Жукова все-таки повлияла на окончательное решение Ставки. Она вынуждена была согласиться с его мнением и отклонить предложение о проведении крупного наступления в районе Харькова. Однако Сталин, как Верховный Главнокомандующий, дал разрешение Военному совету Юго-Западного направления на проведение частной операции с целью освобождения Харьковского промышленного района.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ФОН БОК НАЧИНАЕТ И...

1

Весь итоговый день марта Гитлер посвятил выяснению обстановки в полосе обороны группы армий «Центр». С этой целью Клюге и Модель были вызваны в «Вольфшанце». Скорее всего, фюрера вывел из себя «непреклонный Модель», вдруг изменивший свои наступательные планы. Вместо согласованного три недели назад в Главной Ставке удара 23-го армейского корпуса на Осташков командующий 9-й армией предложил заменить его ударом на Нелидово. Доводы Моделя звучали убедительно. Весенняя распутица не позволяет наступать по бездорожью, да и ударный кулак получился маломощным, чтобы пробиться до озера Селигер.

Командующий группой армий «Центр» занял по этому вопросу неприступную позицию — у него нет в резерве даже двух-трех пехотных дивизий для подкрепления 9-й армии. Изъять силы у других армий он не может, поскольку все они с конца января сражаются в полумешке и с трудом сдерживают русских, непрерывно атакующих немецкие позиции в районах Сычевки, Медыни и Кирова.

Начальник Генштаба ОКХ Гальдер занимал промежуточную позицию. Идею операции «Наводка моста» он поддерживал. Но ее исполнение относил на лето, когда определялся успех войск генерала Зейдлица по деблокаде 2-го армейского корпуса генерала Эйке в «крепости Демянск». Начальник Генштаба ОКХ не исключал активного участия в этой операции войск оперативной группировки генерала Цорна.

Перед Гитлером встала дилемма: либо подтвердить прежнее решение и позволить генерал-полковнику Моделю наступать на Осташков, либо заморозить на время существующую диспозицию войск группы армий «Центр».

С одной стороны, фюрер четко усвоил, что при имеющихся силах Модель сам не уверен в том, что ему удастся достигнуть Селигера. С другой, он согласился с опасениями фон Клюге по ситуации вблизи Ярцево. Там нависала опасность над главной коммуникацией центральной группировки — шоссейной и железной дорогами Смоленск — Вязьма. В конце концов, пришлось принять компромиссное решение и ограничить усилия 9-й армии на Ржевском участке фронта.

Конечно, и в начале апреля ОКВ беспокоила ситуация в полосе обороны группы армий «Север». Кстати, теперь тут больше подходило сочетание «в полосе наступления», потому что фон Кюхлер каждый свой разговор с Гитлером начинал с доклада об успехах то 18-й армии ЛинDEMана у Любани, то 16-й армии Буша у Старой Руссы. Оперативная группа генерала Цорна укрепила северный обвод кольца «крепости Демянск», но уверенности в прочности «всего сооружения» не было.

В полдень 10 апреля в «Асканию» позвонил Клейст. Командарм 1-й танковой сообщил Гальдеру, что перед его фронтом продолжается оживленное передвижение противника. Он предположил, что с плацдарма Барвенковского выступа маршал Тимошенко готовит крупную наступательную операцию. Осторожный фон Клейст просил начальника Генштаба ОКХ, чтобы «Аскания» предусмотрела участие в отражении этой угрозы хотя бы одной штурмовой авиадивизии из состава 4-го воздушного флота генерал-полковника фон Рихтгофена.

Будто снежный ком, нарастали тревоги в войсковом стане фельдмаршала Клюге. Прорыв русских в полосе обороны 9-й армии разрастался вглубь и вширь. «Железный Модель» требовал от войск фанатичной стойкости, но его приказы не выполнялись. Начальник армейского штаба генерал Кребс буквально разрывался, улаживая то один, то другой конфликт с командарами дивизий и корпусов.

Генерал Хойзингер с удовольствием принял поручение начальника Генштаба ОКХ вылететь вместо него на совещание в штаб-квар-

тиру группы армий «Центр». Последний раз он был в Красном Бору вместе с фельдмаршалом Браухичем в октябре сорок первого, в разгар операции «Тайфун». Ситуация тогда выглядела намного проще. Войска Бока рвались к Москве, и требовалось лишь поддерживать их устойчивое боепитание и высокий психологический настрой. Теперь, спустя пять месяцев, в полосе действий войск Клюге налицествовала совсем другая оперативная ситуация.

Так получилось, что ключевой проблемой на совещании стал вопрос о возможных действиях 9-й армии Моделя. Тот рвался наступать, предлагая на выбор различные направления — на Торопец или на Осташков, а возможно, и на Калинин. Вызывающее поведение командарма 9-й напоминало Хойзингеру схожие демарши Гудериана, когда 2-я танковая армия достигла Тулы и захват оружейных арсеналов России казался ее командующему делом двух или трех ближайших дней.

— Господин фельдмаршал, я руководствуюсь трезвым расчетом на внезапность, а также приказом фюрера, обязывающим меня к активным действиям, — монокль Моделя блеснул лучиком отраженного им света.

— Но у группы армий, Модель, нет резервов, — парировал командующий группой армий «Центр».

— А я не могу наступать без свежих подкреплений! — повысил голос ретивый командующий 9-й армией.

Фельдмаршал Клюге ответил тем же:

— Вам не хуже меня известна, Модель, та плачевная ситуация, которая даже не позволяет нам сманеврировать наличными силами. Странно, но группа армий «Центр» не имеет в наличии пассивных участков!

Командующий 9-й армией снова не согласился:

— Господин фельдмаршал, в пассиве вся 2-я армия Вейхса!

— Этот вопрос окончательно решен фюрером и фельдмаршалом Боком, и я не имею права его перерешать, учитывая концепцию летнего плана, — повысив голос, отрешенно бросил в ответ фельдмаршал Клюге.

— Будет лучше, господин фельдмаршал, — командарм 9-й повернулся в сторону генерала Хойзингера, — если это наше общее предложение обоснует перед Верховным Главнокомандующим представитель Генштаба сухопутных войск.

«Генштабист» не сдержался, уклончиво возразил:

— Господа генералы! Вы переоцениваете мои возможности. Да и фронтовая обстановка претерпела в последние три месяца разительные перемены. Мы до конца еще не смогли восстановить свои наступательные возможности ни под Петербургом, ни на Московском направлении, ни в Крыму.

Предложение Моделя о возвращении 2-й армии в группу армий «Центр» прозвучало впервые. Крутой реверанс на север части сил с Курского направления группы армий «Юг» еще требовал всестороннего анализа.

Вопрос этот дальнейшего развития не получил, ибо генерал Грайфенберг напомнил присутствующим, что предложение командующего 9-й армией противоречит замыслу директивы ОКВ № 41. 2-й армии фон Вейхса предписана важная роль в операции «Блау», и фюрер не допустит никаких корректировок утвержденного плана.

Гитлер упорно игнорировал все «антитоказатели наступления» и «непреклонным цугом» вкупе с фельдмаршалом Кейтелем и генералом Йодлем форсировал подготовку стратегической операции. Наряду с главным направлением, отрабатывались задачи вспомогательных групп армий.

Ситуация в центре Восточного фронта обсуждалась на оперативном совещании 11 апреля. На нем Гитлер принял решения: никаких наступательных действий впередь не предпринимать; стабилизировать ситуацию в полосе обороны 9-й и 4-й армий близ Оленино и южнее Спас-Деменска.

Полдня 13 апреля фюрер анализировал ситуацию в группе армий «Север». В Главную Ставку был вызван с докладом Кюхлер. Свежих идей не прозвучало. Решение предложил Йодль: «Блокаду Петербурга ужесточить; при поддержке авиации стабилизировать фронт у Погостъя; у Любани на Волхове и южнее Старой Руссы продолжать наступление».

16 апреля Главную Ставку и Генштаб ОКХ крупно порадовал доклад фон Клюге: Войска группы армий «Центр» ликвидировали блокированную в феврале 33-ю армию генерала Ефремова, южнее Дорогобужа.

Не менее благоприятно для ОКВ прозвучал в этот день и доклад Манштейна о перспективах развития военной ситуации в Крыму. Войска 11-й армии в ближайшее время овладеют твердыней русского флота Севастополем и очистят от большевиков весь Крымский полуостров. 11-я армия с первых дней операции «Блау» примет в ней самое активное участие! Выводы по «крымской развязке» командарма 11-й подтвердил начальник штаба группы армий «Юг» генерал Зоденштерн.

20 апреля — праздник. День рождения Гитлера. В сорок втором немецкий народ еще отмечал его в надежде, что предстоящим летом удастся преодолеть все «зимние трудности» и победно завершить «Восточный поход» в России. Но появились в рейхе люди, которые разуверились в конечной победе.

А следующий день Гитлер посвятил общению с Гебельсом и Гиммлером. Накануне они приняли участие в торжественном обеде по случаю дня рождения фюрера, а теперь выкладывали перед ним свои самые сокровенные чаяния.

В «задушевных беседах» участвовал «партайгеноссе» Борман. Он ревностно следил за тем, чтобы перед фюрером не ставились «летние проблемы». Победы придут, но они должны прийти хоть чуть-чуть неожиданно и для посвященных в тайны «Вольфшанце», чтобы стать новым импульсом к возрождению «непобедимого национал-социалистского духа».

В этот же день, 21 апреля, после месячных боев группа Зейдлица пробилась в расположение 2-го армейского корпуса Эйке в крепость «Демянск». Возрождение «рамышевского коридора» с ликованием было встречено в Главной Ставке. Этот успех вермахта оказался для Гитлера кстати вдвойне, потому что пришел он накануне двух важных событий — его выступления в рейхстаге и встречи с Муссолини.

В пасмурный день 26 апреля рейхсканцлер выступил в рейхстаге и потребовал для себя неограниченных полномочий, чтобы единолично решать вопросы «благополучия немецкого народа». Снова огромный зал ревел «Хайль, Гитлер!», и снова звучали торжественные обещания о скором завершении трудного, но победного «Восточного похода».

Отгремели фанфары в рейхстаге, и в тот же день Гитлер продолжил свое «турне» по землям могучего рейха. Его поезд неспешно двигался на юг. Позади остались Лейпциг, Регенсбург, Мюнхен. В замке «Клесстейм», вблизи Зальцбурга, состоялась его встреча с дуче. Им действительно было о чем поговорить, излить друг другу душу. Но все имеющееся «рабочее время» поглотили самые неотложные дела.

Пожалуй, впервые столь подробно Гитлер посвятил итальянского диктатора в свои сокровенные летние планы. Феноменальный удар войск группы армий «Юг», при участии итальянского экспедиционного корпуса, и захват Сталинграда начисто отрежет от Москвы всю южную часть страны и откроет союзникам путь в Закавказье.

В тот день, 29 апреля, когда в замке «Клесстейм» Гитлер и Муссолини вершили политические дела, Риббентроп телеграфировал германскому послу в Токио Отту: «При тяжелом положении России наступление на Владивосток и к озеру Байкал имело бы решающее значение, ибо смогло бы привести к полной ликвидации большевизма».

Лишь 3 мая Гитлер возвратился в «Вольфшанце». Главная Ставка работала на победу в режиме часового механизма. Тотчас пошли доклады. Генерал Йодль был, как всегда, лаконичен: «Весенняя распутица вынудила свернуть активные боевые действия с обеих сторон».

Генерал-полковник фон Кюхлер определенно вознамерился потеснить на «олимпе непокорных» самого Моделя. Будучи вызванным для доклада в «Вольфшанце» вместе с Зейдлицем, отличив-

шимся при деблокаде 2-го армейского корпуса в «крепости Демянск», Кюхлер смело предложил фюреру свой план действий на летний период.

Он был амбициозен и прост. Операцию «Блау» не начинать до окончания операции под Петербургом. Есть все основания полагать, что противостоящая группировка русских крайне ослаблена борьбой за Любань и теперь в самый раз нанести мощный удар вдоль Волхова и по берегу Ладожского озера достигнуть позиций финской оперативной группы «Олонецкая». Выполнение этой задачи не займет более трех недель. Судьба Петербурга и Кронштадта будет решена.

Гитлер не принял проект «маслитого полководца»:

— Вы, Кюхлер, пытаетесь убедить меня в достоинствах не очевидного варианта. Так же настойчиво Браухич и Бок сломали мой «Южный вариант», и всем известно, чем закончился их поход на Москву.

— Мой фюрер, вы всегда желали разделаться вначале с Петербургом, а затем решать все другие проблемы в России, — смело возразил Кюхлер.

— Нет и нет, на этот раз я буду непреклонен, — громко чеканил Гитлер. — Когда фельдмаршал Бок овладеет Сталинградом, Грозным и Баку и доложит мне, что в его руках флот большевиков на Каспии, только тогда я позволю вам решить судьбу Петербурга.

Кюхлер продолжал упорно возражать:

— Мой фюрер, Петербург держит ключи от всего российского севера. У большевиков там имеются небольшие силы. Мы сможем блокировать поставки военных грузов в Россию через Мурманск и Архангельск.

— Почему же до сих пор, Кюхлер, вы не разгромили Приморскую группу Советов, которая прикрывает Петербург с запада? — вставил реплику генерал Йодль.

— Вы же знаете, Йодль, что левый фланг — самое слабое место моей группировки войск, — обернувшись к карте, походя, ответил Кюхлер.

— Генштаб ОКХ завершает разработку операции на южном фланге Восточного фронта, — добавил Гальдер. — И сейчас не время, Кюхлер, будоражить его службы другими крупными оперативными планами.

— Мой фюрер, если до конца мая Манштейн овладеет Крымом, то его силы было бы целесообразно перебросить под Петербург, чтобы отвлечь сюда крупные силы Жукова из-под Москвы. Пусть 11-я армия докажет свое умение сражаться и в сложных условиях местности, — вставил реплику Хойзингер.

— Если к июню мы увидим, что у Бока достанет сил и без 11-й армии, то войска Манштейна действительно возможно будет ис-

пользовать и против Петербурга. Особенно пригодятся здесь его тяжелые орудия типа «Карл», — Гитлер благосклонно посмотрел на «оператора» Генштаба ОКХ.— Вы, Хойзингер, умеете иногда заглядывать на два хода вперед.

Первые донесения об успешных действиях 11-й армии на Керченском полуострове поступили в «Вольфшанце» к исходу 8 мая. Вначале обнадеживающие, а потом победные рапорты действитель- но внушили уважение. 9 мая: «Продолжается успешное наступление на Керчь». 11 мая: «Окружена половина войск противника». 12 мая: «Взято двадцать девять тысяч пленных, двести двадцать орудий и сто семьдесят танков...»

В день, когда из штаба Манштейна поступило последнее донесение, командующий группой армий «Юг» Бок передал в Главную Ставку первое тревожное сообщение о начале наступления русских в районе Харькова. Далее, сводки из Симферополя и из Полтавы шли параллельно. Одна сводка, из Крыма, радовала, другая, с Украи- ны, огорчала.

Мощный удар во фланг и тыл 47-й и 51-й армий при непрерыв- ной поддержке наземных войск со стороны штурмовой авиации обеспечил окружение трети сил противника на Ак-Монайских по- зициях, не успевших отойти к Туремскому валу. Управление войска- ми было расстроено.

По-другому развивались события в районе Харькова. Войска Бока, как и в декабре сорок первого под Москвой, оказались здесь в незавидном положении. Уже на второй день наступления русских, 13 мая, в обороне 6-й армии Паулюса севернее Липцев и южнее Змиева зияли бреши. Особенно тяжелое положение сложилось на фронте 8-го армейского корпуса в районе Волчанска, а также в по- лосе обороны 131-й пехотной и 454-й охранной дивизий восточнее Краснограда.

Как только приспела первая пауза в боевых действиях у Харь- кова, группа «Клейст» нанесла танковые удары по 9-й армии Хари- тонова, из района Славянск — Краматорск вдоль Северского Дон- ца, и западнее Барвенково. Превосходство в силах оказалось на сто- роне вермахта: по пехоте — в полтора раза, по артиллери- и — в два, по танкам — в шесть раз.

Одновременно из района Балаклеи на Старобельск и Барвен- ково нанесли удар две группировки 6-й армии Паулюса. Хотя отсе- чение крупных сил у западного обвода барвенковского выступа было очевидным, фон Бок до поры до времени не расточал по этому по- воду особых восторгов.

Донесения о победах на Харьковском направлении Гитлер по- лучал, уже находясь в Берлине. Приутишная, было, зимой «пропа- гандистская машина» Геббельса, не дождаясь итогов «второй бит- вы под Харьковом», вновь ударила в лягушки. Командарм 6-й Пау- люс оказался в ореоле славы. За успешное проведение Харьковской

операции он удостоился «Рыцарского креста». Портреты «народного генерала» ежедневно печатались на страницах почти всех германских газет.

На новый расклад сил 10 мая обратил внимание Верховного Главнокомандующего генерал Йодль:

— Операция «Блау», ввиду слабости групп армий «Север» и «Центр», содержит немалый риск, мой фюрер. Русские могут предпринять удар на Смоленск.

— В результате нашей южной операции, Йодль, русские силы тоже автоматически будут переброшены к югу! — возразил Верховный Главнокомандующий.

К полдню 27 мая определился успех группы армий «Юг» на барвенковском выступе. Столь благоприятное развитие событий побудило Бока к продолжению наступления восточнее Харькова и у Северского Донца. До начала операции «Блау» они позволяли улучшить исходные позиции, создать выгодные предпосылки для решающего удара на юго-запад.

В полдень 31 мая Гитлер возвратился из Берлина в Главную Ставку. На следующий день утром в сопровождении Кейтеля, Хойзингера и Вагнера стартовал на Полтаву. Там, в штаб-квартире фон Бока, он назначил совещание с командным составом группы армий «Юг». Разработка оперативного плана «Блау» завершалась, и Гитлер решил услышать мнение о готовности войск к наступлению «фронтовиков».

На совещании в Полтаве 1 июня с докладом по плану операции «Блау» выступил Бок. Он высказал свои соображения по каждому из этапов летнего наступления.

Едва ли не впервые его доклад полностью удовлетворил фюрера. Гитлер отметил «стратегическое чутье» Бока. Далее, он обрисовал задачи грандиозного плана, придав анализу военно-политический референ. И здесь Гитлер повторил крылатую фразу: «Если до осени Германия не получит в свои руки Майкоп и Грозный, вдобавок к Украине и Донбассу, то он вынужден будет покончить с бесперспективной войной!»

Убедившись в том, что подготовка операции «Блау» идет в соответствии с утвержденными им сроками, Гитлер тотчас улетел в «Вольфшанце». Нигде не чувствовал он себя в большей безопасности, чем у восточно-прусских озер — Маузер-Зее и Ширдинг-Зее, в глухом Гёrlitzком лесу.

Напряжение боев в районе Севастополя с каждым днем нарастало. Но канули в лету сначала пять, а затем и семь суток, отпущеные фюрером на овладение «черноморской крепостью». Это ставило под сомнение возможное подключение войск 11-й армии к операции «Блау» пусть даже на четвертом ее этапе, при решающем наступлении на Сталинград.

На полтавском совещании 1 июня Гитлер установил «ключевые вехи» продолжения операций группы армий «Юг». Одновременно с началом решающего штурма Севастополя 7 июня, 6-я армия Паулюса наносила удар на Волчанск, а 12 июня, во взаимодействии с 1-й танковой армией Клейста, — на Купянск. Начало операции «Блау» он назначил на 15 июня.

На рассвете 10 июня войска Паулюса перешли в наступление на Волчанск. Четверо суток боев привели к успеху. На исходе 14 июня в тридцати километрах восточнее города были окружены 28-я и 38-я армии Рябышева и Москаленко. Расширился плацдарм для наступления на Сталинград.

Победные донесения поступали в июне в «Вольфшанце» из штаба группы армий «Север». Кюхлер сообщал: «18-я армия Линденмана «дожимает» 2-ю ударную армию Власова перед Волжском, а 16-я армия Буша укрепляет позиции 2-го армейского корпуса Брокдорфа в крепости «Демянск».

Небывалое упорство защитников Севастополя и потери авиации на Восточном фронте вынудили ОКВ перенести начало операции «Фридрикус-2» с 12 на 22 июня. Дважды переносилось и начало операции «Блау» — с 15 на 23 и 28 июня. К дню «Х» в ней войскам 11-й армии Манштейна следовало закончить «севастопольские дела» и находиться у Азовского моря в готовности к маршру на Сталинград. В Главной Ставке упорно ждали победного доклада из Симферополя.

Вечером 19 июня, в полосе наступления 6-й армии Паулюса, произошло событие, вызвавшее переполох в «Аскании» и «Вольфшанце». Командир 40-го танкового корпуса Штумме позвонил фон Боку в Полтаву и сообщил, что русские сбили самолет в прифронтовой полосе, на борту которого находится начальник оперативного отдела 23-й танковой дивизии майор Рейхель. После совещания в Харькове он возвращался в свою дивизию, имея при себе карты и приказы на первый этап операции «Блау». Помимо плана участия в ней соединений 40-го танкового корпуса, в приказах имелись сведения о предстоящих операциях соседей слева — 2-й и 4-й танковой армий.

Хорошо понимая, чем может закончиться и для него это проишествие, командующий группой армий «Юг» распорядился: принять все меры для выяснения судьбы майора Рейхеля и доложить ему о результатах расследования. Утром следующего дня разведывательные группы обнаружили «физелер шторх»¹ в четырех километрах от передовой на территории противника. Трупы майора Рейхеля и летчика находились у самолета, но при них не было оперативных документов.

До возвращения в Главную Ставку Гитлер не знал об утрате оперативных документов майором Рейхелем. 24 июня, вернувшись в

«Вольфшанце», он потребовал немедленного прибытия в Восточную Пруссию фельдмаршала фон Бока с докладом по «злополучному делу».

— Случай с Рейхелем, Бок, является результатом вашей нетребовательности к подчиненным. Это игнорирование отдаенных много приказов по сохранению тайны и особого обращения с оперативными документами. Если большевики и на этот раз устоят в большой излучине Дона, то можете считать, Бок, что и вы внесли в их победу свою посильную лепту

Бок искренне покаялся за проступок:

— Мой фюрер! Случай с майором Рейхелем не снимает нашей большой вины. Но он никогда больше не повторится. Я уже подготовил приказ по этому поводу.

Гитлер повернулся к залу, бросил в лицо Боку:

— Нет, Бок, ваших мер теперь будет уже недостаточно. Я решил — виновных будет судить полевой суд!

Командир 40-го танкового корпуса Штумме, начальник штаба Франц и командир 23-й танковой дивизии Бойнебург лишились постов и были преданы военно-полевому суду. Заступничество Бока и Паулуса не произвело на Геринга, председателя суда, впечатления.

Так же, как Кюхлер страстно жаждал овладеть Петербургом, фельдмаршал Клюге бредил если и не захватом самой Москвы, то хотя бы заключением ее в танковые клещи со стороны Загорска и Коломны. Он считал, что при успехе операции «Блау» эта задача становится для группы армий «Центр» вполне по плечу.

Следует новая гамма победных планов. На этот раз фон Клюге предложил «новинку» — операцию «Калуга».

Гитлер льстиво воздал ему должное:

— Это хорошее качество для полководца, фельдмаршал, быстро забывать поражения и грэзить новыми победами. Жажда лавров и в шестьдесят лет не проходит у военных. Они всегда думают о наступлении.

Клюге с достоинством ответил:

— Мой фюрер, ориентироваться больше на лучшие жизненные коллизии — это качество должно быть присуще любому человеку. Иначе жизнь становится чересчур пресной.

Так случалось и раньше. Тон Гитлера изменился:

— Но каков Модель. То он намерен наступать на Осташков, то на Нелидово, но нет наступления ни там, ни там. Просить резервы умеют все.

— Мой фюрер, я уже обращал ваше внимание на то, что генерал-полковник Модель склонен сорить войсками.

— Я это давно знаю. Но Модель помог нам в феврале остановить большевиков перед Ржевом.

Генерал Йодль тут же осторожно добавил:

— 9-я армия держит наиболее уязвимый фронт. Поэтому Моделью всегда нужно иметь резервы.

Клюге с трудом переносил даже справедливые замечания Йодля и реагировал на них с сарказмом:

— Резервы желательно иметь, прежде всего, командующим группами армий. На фронте, Йодль, подобные истины познаются гораздо быстрее, нежели в штабе.

Кейтель занял нейтральную позицию:

— Сегодня, фельдмаршал Клюге, все наши возможности подчинены наступлению войск фон Бока на юге.

С рассветом 28 июня группа «Вейхс» в составе 2-й, 4-й танковой и 2-й венгерской армий перешла в наступление на Воронеж из района Курска. Из района Волчанска нанес удар 40-й танковый корпус Швеппенбурга. Спустя двое суток вперед двинулась 6-я армия Паулуса.

С каждым днем операция «Брауншвейг»² набирала темпы. Бои повсеместно вели арьергарды русских, усиленные танками. Основные их силы отходили на восток. На поле боя оказывалось совсем мало убитых и раненых. Вместо ожидаемых сотен тысяч пленных сдавались лишь сотни. «Вольфшанце» охватили сомнения в правильности избранной стратегии.

Тем временем блестали победами другие. Вечером 30 июня в Главной Ставке выступил с докладом Кюхлер. Его сообщение было оптимистично: группировка 2-й ударной армии Власова на Волхове ликвидирована! Атаки русских у Киришней безрезультаатны! Группа армий «Север» решает задачи, поставленные перед ней фюрером. Завершается операция по ликвидации «мешка» у Погостья. Продолжается подготовка наступления на Осташков с плацдарма крепости «Демянск». Доклад умилил Гитлера, и Кюхлер удостаивается очередного воинского звания «генерал-фельдмаршал»!

Наконец, позади все трудности в Крыму. Командарм 11-й генерал-полковник Манштейн доложил в «Вольфшанце» 1 июля: «Севастополь взят! Захвачены Корабельная сторона и Малахов курган. Сопротивление разрозненных групп у Мекензиевых гор и Любимовки в течение ближайших суток будет подавлено. Остатки большевистских войск отброшены к бухтам Стрелецкая, Камышовая, Казачья, на мыс Херсонес и уничтожаются. Их положение безнадежно...»

И этот триумф вермахта получил достойную оценку Верховного Главнокомандующего. Чудом уцелевший при воздушной атаке 5 июня на морском катере близ Фороса командующий 11-й армией генерал-полковник Манштейн, вслед за Кюхлером, также удостоился очередного воинского звания «генерал-фельдмаршал»!

Поздно вечером 2 июля «Вольфшанце» получило первое обнадеживающее донесение фон Бока о том, что у Старого Оскола встретились острия ударной группы «Вейхс» и 6-й армии. Окружено не менее двух русских армий. 24-я танковая дивизия прорвалась к Воронежу.

Рано утром 3 июля «юнкерс» фюрера стартовал на Полтаву. К завтраку он уже прибыл в штаб-квартиру Бока. И сразу, без малейшей раскачки открыл совещание. Гитлер иногда бросал отрывистые взгляды на «оперативку» и с нажимом поучал «бестолковых генералов»:

— На данном этапе «Брауншвейга», захват Воронежа может принести лишь моральное удовлетворение. Эта цель не должна отвлекать группу армий. Судьба всей грандиозной операции будет решена на юге.

В девять утра совещание закончилось и Гитлер немедленно возвратился в «Вольфшанце».

7 июля Гитлер изменил свое отношение к «проблеме Воронежа». Он заявил: «Если Воронеж свободен от большевиков, то его надо взять, не то позднее придется брать город с боем, как это случилось с Ростовом».

В этот же день произошло разделение группы армий «Юг» на две группы армий: «А» и «Б». Группу армий «Б» возглавил Бок. Группу армий «А» — Лист.

Своей директивой от 11 июля Генштаб ОКХ уточнил порядок выполнения оперативных задач: совместные действия флангов групп армий «Б» и «А» на Каменск должны привести к уничтожению остатков большевистских войск в районе Валуйки — Россось — Богучар — Каменск — Рубежное, не позволить отойти им за Дон...

Бок двинул 4-ю танковую армию Гота к устью Северского Донца, чтобы там она встретилась с 1-й танковой армией Клейста. Эти его действия вызвали ожесточенные споры в Главной Ставке. Гитлер решил: 4-я танковая армия переходит к Листу. Войска группы армий «Б» прикрывают группу армий «А»... Фельдмаршал фон Бок освобождался с должности командующего группой армий «Б».

К 11 июля, когда ситуация в полосе обороны 2-й танковой армии Шмидта стала критической, танковым атакам подверглись позиции 18-й армии Линдемана на рубеже Дымно — Грузино — Кириши. Цель и здесь преследовалась та же, что и при наступлении против войск Клюге в центре Восточного фронта. В середине июля обстановка обострилась и на фронте 16-й армии Буша в районе крепости «Демянск» и Холма.

Фронтовая обстановка для советских войск с первых дней апреля развивалась противоречиво. Иссяк наступательный порыв 54-й армии Федюнинского в районе Погостья. Огорчали Ставку и доклады штабов Волховского, Западного и Крымского фронтов. Их командование чаще всего ссыпалось на нехватку боеприпасов, бронетехники и непогоду, но дело фактически утиратось не только в раскидшие весенние дороги.

Утром 3 апреля с командующим Западным фронтом Жуковым связался по радио командарм 33-й Ефремов. В марте он уже обращался во фронтовой штаб за разрешением о выводе трех своих дивизий, окруженных между Вязьмой и Юхновым, но тогда получил решительный отказ со стороны командаущего фронтом. Теперь такое решение стало совершенно неотложным делом. Снег на деревенских улицах под лучами весеннего солнца превратился в жидющую кашу, и бойцы «чавкали» по ней в валенках, не имея другой обуви «по сезону». К тому же почти у всех были обморожены ноги. В катастрофическом положении оказалась группировка Ефремова с медикаментами, перевязочным материалом и продовольствием. Голод усиливался с каждыми сутками.

Не получив ответа из штаба Западного фронта в течение двух суток, командарм 33-й обратился по радио к Верховному:

— Товарищ Сталин, нужны или нет мои дивизии Ставке?

Верховный сразу уловил крайне взвинченное состояние генерала Ефремова, но возразил примирительно:

— Это не вопрос, товарищ Ефремов. Западный фронт не смог выполнить задач, с учетом прорыва к Вязьме вашей армии и кавкорпуса Белова. Сегодня я посоветуюсь с Генштабом, как лучше организовать отход ваших войск с Угры.

— Я могу двигаться только по короткому маршруту, товарищ Сталин. Бойцы истощены и не выдержат многодневного перехода,— тон командарма 33-й не изменился.— У нас нет боеприпасов и продовольствия. Медсанбаты переполнены ранеными и больными. Гибнут лошади, их нечем кормить.

— Решение обязательно примем и сообщим вам, товарищ Ефремов. Не отчаивайтесь. Держитесь.

Эти заверения Верховного обнадеживали, но окончательное решение о выводе в тыл группировки 33-й армии было принято Ставкой с задержкой, лишь спустя четверо суток.

Утром 7 апреля у Шпиревского леса приземлился наш «транспортник». Он пересек фронт по распоряжению Верховного, чтобы вывезти из окружения генерал-лейтенанта Ефремова. Но командарм 33-й отказался покинуть свои войска. Летчику он сказал: «Я с солдатами сюда пришел, с ними и уйду отсюда». Самолетом были

отправлены в Износки знамена соединений, а также важнейшие оперативные документы.

После заседания Военного совета армии 11 апреля Ефремов зачитал командному составу приказ о порядке прорыва. Вырвавшись из Штыревского леса части к полдню 14 апреля достигли Шумихинского леса. Здесь командарм 33-й приказал начальнику артиллерии Абросимову построить «наличное войско». Набралось почти тысяча штыков. Начальник артиллерии произнес «речь на-дежды». Он сказал, что вражеская пропаганда усиленно распространяет слухи, будто командарм 33-й оставил войска и улетел в Москву. Но генерал Ефремов находится среди нас. Еще один-два перехода, и удастся соединиться с главными силами Западного фронта!

Большак Старая Лука — Горнево, протянувшийся вдоль линии фронта, усиленно охранялся противником. На участке Руласово — Большое Виселево прорваться к Угре не удалось. Прорыв состоялся следующей ночью, у Малого Виселева. Но как только красноармейцы бросились по залитому водой лугу к Угре, множество ракет тотчас осветило всю прибрежную территорию, и по ним в упор из-за реки, от Костюкова, ударили вражеские пулеметы. Ефремов приказал всем отойти.

Ефремов, сопровождаемый генерал-майором Абросимовым, полковниками Якимовым, Камбургом и Ушаковым, адъютантом Водолазовым, офицером связи Ахромкиным, хирургом профессором Жоровым и личной охраной, быстро шел вдоль цепи красноармейцев, изголовившихся к неравному бою. Требовал одного — подпускать гитлеровцев поближе и стрелять наверняка, беречь патроны. Сам он при выходе из Шумихинского леса тоже вооружился автоматом и теперь, задерживаясь на секунду то у одного, то у другого дерева, бил из него по надвигающейся вражеской цепи короткими очередями. Но вдруг командарм 33-й остановился, отбросил в сторону автомат, схватился за живот, опустился на снег.

— Командарм ранен! — прокатилось по солдатской цепи.

Сплошная серая масса приближалась. Эсэсовцы были пьяны. Они непрерывно палили куда попало из автоматов, совершенно не обращая внимания на наш ответный огонь.

Когда до них осталось не более сорока метров, Ефремов оторвал окровавленную руку от живота, вынул из кобуры пистолет, приставил к виску, нажал спусковой крючок. В окружении командарма тут же раздалось еще несколько таких выстрелов. Это случилось в лесу у Горнево в полдень 17 апреля.

Утром 19 апреля у церкви в деревне Слободка, вблизи большака Вязьма — Юхнов, попавшие в плен ефремовцы хоронили своего командарма. После опознания тело генерал-лейтенанта Ефремова завернули в темную непромокаемую ткань, покрыли генеральской

шинелью и опустили в могилу. Немецкие офицеры отдали русскому генералу честь, солдаты произвели ружейный салют.

Наступательные возможности войск Западного направления оказались исчерпаными. В условиях начавшейся весенней распутицы 20 апреля Ставка приняла решение о переходе Калининского и Западного фронтов к стратегической обороне.

Видимо, не столько надеясь на успех наступления наших войск в Крыму, а скорее с целью отражения здесь летнего наступления противника, 21 апреля Ставка образует Северо-Кавказское направление во главе с маршалом Буденным. Оно включало войска Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района, Северо-Кавказского военного округа, Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Перед ними была поставлена задача: очистить Крым от противника, не допустить высадку его морских десантов на побережье Азовского и Черного морей на участке Ростов — Туапсе.

В это же время Ставкой принимается решение по характеру действий наших войск под Ленинградом. Командующий Ленинградским фронтом Хозин 21 апреля прилетел в Ставку и убедил Верховного в целесообразности слияния Ленинградского и Волховского фронтов. В этом случае, доказывал он, группировка войск выполнит важнейшую задачу и деблокирует Ленинград по суше. Возражения по поводу принятых решений бывшего командующего Волховским фронтом генерала армии Мерецкова не были приняты во внимание.

До 24 апреля устояла «ледовая дорога жизни» на Ладожском озере. Ленинградский фронт вступил в летний этап борьбы за город на Неве с ограниченными запасами горючего. Именно эту позицию назвал в числе самых важных секретарь Ленинградского обкома, член Военного совета фронта Жданов, когда Верховный разговаривал с ним по телефону.

В конце апреля Ставка уделила особое внимание флангам советско-германского фронта. 28 апреля активные наступательные действия предприняла 14-я армия Шербакова на Мурманском направлении. В этот же день, в преддверии возможных летних осложнений Ставкой издается директивы о воссоздании на базе Закавказского военного округа Закавказского фронта во главе с генералом армии Тюленевым.

30 апреля войска Ленинградского фронта завершили Любанискую операцию. 2-я ударная армия Власова, находясь в окружении, перешла к обороне на рубеже Кривино — Ручьи — Червинская Лука — Красная Горка — Еглино — озеро Черное. Здесь, под Любанием, повторилась в мае — июне история 33-й армии Ефремова под Вязьмой. Отличалась же она противоположно — подвижничеством командрома 33-й Ефремова и предательством командрома 2-й удар-

ной Власова. Одного принял земля с почестями, другого, позднее,— с позором.

Ставка упразднила 3 мая Главное командование Западного направления. Во главе 33-й армии встал в этот же день генерал армии Мерецков. Ему вменялось в обязанность воссоздать армию генерал-лейтенанта Ефремова.

Вечером 8 мая Верховный получил от представителя Ставки на Крымском фронте Мехлиса телеграмму:

«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командающего фронтом. 7 мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал Военный совет для обсуждения будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал немедленно дать указание армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10–15 мая. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Со-противлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

В тот же вечер Верховный ответил Мехлису жесткой телеграммой: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязаный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфонт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму не сложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

Утром 10 мая, оценив сложившуюся обстановку севернее Феодосии, Ставка приказала генерал-лейтенанту Козлову отвести войска фронта на Тураецкий вал и организовать упорную оборону. Но из-за отсутствия связи Козлов не смог передать этот приказ в штабы армий.

Почти половина соединений 47-й и 51-й армий к концу третьего дня боев оказалась в окружении у Ак-Моная. При попытке вырваться из вражеского кольца погиб командующий 51-й армией генерал-лейтенант Львов.

На следующий день Ставка передала директиву на имя Главко-ма Северо-Кавказского направления Буденного: «Срочно вылететь в штаб Крымского фронта и организовать оборону на линии Турец-кого вала».

В полдень 13 мая враг прорвал позиции наших войск на Турецком валу, а 15 мая захватил Керчь. Маршал Буденный отдал приказ об эвакуации войск Крымского фронта с Керченского на Таманский полуостров. Отбиваясь от наседающего противника на земле, уцелевшие соединения несли огромные потери при погрузке, выгрузке и на воде от вражеской авиации. Переправилось на Тамань лишь сто двадцать тысяч человек. Пятнадцать тысяч, обеспечив эвакуацию главных сил фронта, укрылись в Аджимушкайских каменоломнях и до конца октября продолжали сражение с врагом.

Потери Крымского фронта превысили сто семьдесят тысяч человек! Было уничтожено или досталось врагу большое количество боевой техники и тяжелого вооружения — почти четыреста самолетов, триста пятьдесят танков, три с половиной тысячи орудий и минометов!

Поражение на Керченском полуострове чрезвычайно осложнило обстановку на южном фланге фронта. Прежде всего, это касалось положения защитников Севастополя. Решения Ставки последовали незамедлительно. 19 мая она расформировала Крымский фронт, передав остатки его войск в состав вновь созданного Северо-Кавказского фронта.

Представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Мехлис был снят с должности начальника Главптура и направлен членом Военного совета 6-й армии Воронежского фронта. Командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Козлов был понижен в звании до «генерал-майора» и назначен командующим 24-й армией.

На рассвете 12 мая, в самый разгар неудачного развития военной обстановки в Крыму, войска Юго-Западного фронта маршала Тимошенко, упредив противника, перешли в решительное наступление на Харьков.

Еще и 14 мая из штаба маршала Тимошенко в Ставку поступали «победные доклады»: «Ударные соединения обеих группировок прорвали оборону 6-й армии и продвинулись в районе Волчанска до двадцати пяти километров, в направлении Краснограда — до озера».

Командование Юго-Западного фронта промедлило с вводом в сражение подвижных соединений, которые завершили бы окружение

ние группировки 6-й армии противника в районе Харькова. К 16 мая стрелковые соединения наших армий истощили свои наступательные возможности и темп их продвижения резко упал. А их вторые эшелоны вводились в сражение только с утра 17 мая.

Ситуация в полосе наступления Юго-Западного фронта круто изменилась. Она стала угрожающей. Подтверждалось недавнее предостережение маршала Шапошникова о рискованности наступления из «оперативного мешка», каковым являлся барвенковский выступ.

Получив только первые тревожные сообщения из штаба Южного фронта, начальник Генштаба Василевский тут же позвонил начальнику штаба 57-й армии Анисову, чтобы выяснить истинное положение на участке прорыва армейской группы «Клейст». Анисов подтвердил, что обстановка в районе Барвенково критическая.

Верховный выслушал начальника Генштаба Василевского, но сказал, что он посоветуется еще с Тимошенко. Командующий Юго-Западным направлением доложил в Ставку о принимаемых им мерах по локализации прорыва в полосе Южного фронта и вновь заверил Сталина, что обстановка на южном фасе барвенковского выступа контролируется.

Начальник Генштаба Василевский дважды настойчиво убеждал Верховного в необходимости прекращения наступления на Харьков. И в первый, и во второй раз в качестве главного возражения Сталин выдвигал позицию Военного совета Юго-Западного направления:

— Вы говорите, что у Тимошенко нечем остановить войска Клейста у Барвенково и Славянска, а он докладывает, что уже направил против группировки немца две дивизии 57-й армии из-под Лозовой, дивизию из оперативной группы Бобкина и 23-й танковый корпус из состава 6-й армии Городнянского.

Начальник Генштаба наклонился над «оперативкой»:

— Дивизии 57-й армии Подласа, о которых докладывает Тимошенко, запоздали с ударом, товарищ Сталин.

Верховный остановился посреди кабинета, пристальным взглядом измерил начальника Генштаба:

— Что значит опоздали? Что же, маршал Тимошенко докладывает мне устаревшие оперативные данные?

Василевский оторвал взгляд от карты:

— Да, устаревшие. 3-й танковый корпус Маккензена ушел на двадцать километров вперед, товарищ Сталин. Наши дивизии будут отражать его вторые эшелоны.

Верховный сделал характерный жест рукой:

— Но войска Бобкина и 23-й танковый корпус Городнянского находятся на тридцать с лишним километров севернее, товарищ Василевский?

— Товарищ Сталин, эти войска достигли линии Змиев — Красноград, и они тоже не успевают вернуться даже на исходные позиции, — упорствовал «генштабист».

Верховный колебался и, как не раз происходило в таких случаях, не сразу прервал «трудный разговор»:

— Здесь, в Москве, мы можем выдвигать различные предложения, а Тимошенко там, рядом с событиями. Пусть он и решает, как поступить его войскам.

Вечером 19 мая начальнику Генштаба позвонил член Военного совета Юго-Западного направления Хрущев. Он подтвердил, что окружения нашей ударной группировки не избежать. Но Stalin, дескать, отвергает предложение командования Юго-Западного фронта о прекращении наступления.

Генерал-полковник Василевский сказал:

— Я уже два раза за последние сутки вносила такие предложения товарищу Сталину, но каждый раз они отклонялись под тем предлогом, что Военный совет Юго-Западного направления и лично маршал Тимошенко относятся к такому решению отрицательно.

— Так что же делать? — поставил вопрос Хрущев.

— Вы, товарищ Хрущев, являетесь членом Политбюро ЦК партии и должны лично обратиться к товарищу Сталину по этому вопросу, — ответил Василевский.

Пополудни 23 мая кольцо окружения южнее Балаклеи замкнулось. Войска 6-й и 57-й армий, оперативной группы Бобкина и часть сил 9-й армии оказались отрезанными от основных войск Юго-Западного и Южного фронтов. Неудача стряслась сродни «тайфунской катастрофе» в октябре сорок первого под Вязьмой.

До конца мая продолжалась борьба за спасение окруженной группировки. Но и она оказалась безуспешной. Потери наших войск превысили двести двадцать пять тысяч человек! Из окружения прошлась лишь треть попавших в беду соединений и частей. Прорывались они через линию фронта отдельными небольшими группами.

Два крупнейших поражения наших войск на левом фланге советско-германского фронта, на Керченском полуострове и под Харьковом, в начале весенне-летней кампании сорок второго наложили тяжелейший отпечаток на весь ход последующих боевых событий года.

В пору катастрофических неудач наших войск на южном участке фронта неоднозначно развивалась обстановка на Ленинградском и Московском направлениях.

Неразрешимой проблемой для войск Ленинградского фронта осталась ситуация на любаньском выступе. Ликвидация Волховского фронта не улучшила положения дел. Совсем скоро выяснилось,

что руководить из Ленинграда девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группами войск, разделенными занятой врагом зоной, практически невозможно. В этот же день она разрешила командующему Ленинградским фронтом Хозину отвести уцелевшие соединения 2-й ударной армии Власова на доукомплектование и отдых.

Обострение фронтовой ситуации побуждало Ставку непрерывно заниматься поисками резервов всенародного отпора врагу. 30 мая ГКО рассмотрел «Вопросы партизанского движения» и принял постановление о создании при Ставке Центрального штаба партизанского движения, а при Военных советах фронтов — штабов партизанского движения. Их возглавили известные партийные и советские работники: Центральный штаб — Пономаренко, Украинский — Строкач, Брянский — Матвеев, Западный — Попов, Калининский — Радченко, Ленинградский — Никитин, Карело-Финский — Вершинин.

Несмотря на постигшие наши войска крупные неудачи, Ставка требовала от командований фронтов активизации наступательных действий. Преследовалась цель: накануне летних сражений необходимо повсеместно сковать силы противника и не допустить их маневра с пассивных участков на угрожаемые направления.

Учитывая всю сложность положения, создавшегося в конце мая из-за понесенных огромных людских и материальных потерь, Ставка реализует важную директиву и восполняет свой резерв за счет восьми стрелковых дивизий и трех стрелковых бригад из состава Дальневосточного фронта. Опасность внезапного нападения Японии на нашу страну в это время возросла, но где было взять немедленно боеспособные резервы, чтобы прикрыть потери Юго-Западного и Южного фронтов?

На этот раз Сталин и не скрывал беспокойства. Он поздоровался с Мерецковым за руку, обратился по имени и отчеству, что случалось с ним крайне редко:

— Ставка допустила ошибку, Кирилл Афанасьевич, объединив Ленинградский и Волховский фронты. Вы, помнится, возражали против этого, но мы вас не послушали. Обещания Хозина о деблокаде Ленинграда не оправдались. Вы хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому Ставка поручает вам вызволить 2-ю ударную армию, пусть даже без боевой техники. Директиву о восстановлении Волховского фронта получите в Генштабе. По прибытии в Малую Вишеру немедленно вступайте в командование фронтом и действуйте решительно.

До войны Севастополь был подготовлен для обороны с моря и с воздуха. Керченско-Феодосийская десантная операция в январе сорок второго облегчила положение защитников Севастополя, но губительное поражение войск Крымского фронта в конце мая окончательно лишило их всяких надежд.

На исходе 13 июня в адрес защитников «Черноморской твердыни» поступила телеграмма Верховного:

«Вице-адмиралу т. Октябрьскому.

Генерал-майору т. Петрову.

Горячо приветствуя доблестных защитников Севастополя — красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням. Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии. Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной. И. Сталин».

Когда в тот же день воодушевляющие слова Верховного еще передавались по телефонам в штабы соединений и частей, в Северной бухте уже шла разгрузка 138-й стрелковой бригады майора Зелинского. Крейсер «Молотов» и эскадренный миноносец «Бдительный» доставили их из Новороссийска. Самоотверженная борьба за Севастополь продолжалась.

Утром 13 июня маршал Тимошенко позвонил Верховному, попросил срочных подкреплений:

— Товарищ Сталин, танковые корпуса прибывают. Требуется пехота, хотя бы две-три дивизии.

Верховный отклонил эту просьбу:

— Стрелковых дивизий дать не можем, их у нас сейчас просто нет. Обходитесь собственными силами.

— Немецкие танки таранят нашу оборону восточное Волчанска, товарищ Сталин, — возразил Тимошенко. — Мы готовим танковый контрудар, но остро нужна пехота.

— Танков у вас больше, чем у противника, товарищ Тимошенко. Беда в том, что они либо стоят, либо используются в бою разрозненно, отдельными бригадами.

Но маршал Тимошенко не отступал:

— Танковый контрудар западнее реки Оскол нанесем и мы, товарищ Сталин, но я убедительно прошу вас подкрепить Юго-Западный фронт пехотой.

В ночь на 20 июня Васильевскому позвонил начальник штаба Юго-Западного фронта Баграмян и сообщил, что в сбитом зенитчиками самолете обнаружен оперативный план немецкого командования. Ему доставлена карта с нанесенными на нее задачами 40-го танкового корпуса и 4-й танковой армии. Начальник Генштаба сообщил о полученных документах Верховному. Сталина это сообщение заинтересовало, но он высказал сомнения по поводу достоверности документов.

Маршал Тимошенко заявил, что попавшие в его штаб документы врага не вызывают сомнений. Верховный потребовал держать в

секрете то, что стало известно нашему командованию из содержащегося планшета майора Рейхеля.

В три часа 22 июня ударная группировка 6-й армии Паулюса нанесла удар по позициям 38-й армии Москаленко в общем направлении на Купянск. Одновременно из района Славянска перешел в наступление на позиции 9-й армии Лопатина 3-й танковый корпус Маккензена.

Докладывая обстановку Верховному «на данный момент», начальник Генштаба высказал предположение, что начатое противником наступление, по-видимому, является предтечей более масштабной операции с прорывом гитлеровских войск к Волге и на Кавказ, а возможно, и в обход Москвы с юго-востока.

7 июля Ставка разделила Брянский фронт на Брянский и Воронежский. Брянский фронт, вместо Голикова, возглавил Рокоссовский, Воронежский — Ватутин.

В составе Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов насчитывалось восемьдесят одна стрелковая и двенадцать кавалерийских дивизий, тридцать восемь мотострелковых и стрелковых бригад, девять укрепрайонов, шестьдесят две танковых бригады — всего один миллион семьсот тысяч человек, две тысячи трехста танков, шестнадцать с половиной тысяч орудий и минометов, семьсот шестьдесят боевых самолетов.

К исходу дня 11 июля соединения 40-го танкового и 8-го армейского корпусов из состава 6-й армии форсировали реку Черная Калитва и вышли на линию Дегтево — Боковская. Передовые соединения 4-й танковой армии генерала Гота вышли в район Россосхи. Основные силы Юго-Западного фронта, 28-я и 38-я армии генералов Крюченкина и Москаленко, оказались в полуокружении и начали спешный отход на восток.

Ставка мучительно искала выход из создавшегося критического положения. 12 июля на базе управления Юго-Западного фронта она образовала Сталинградский фронт во главе с маршалом Тимошенко.

В создавшейся нелегкой обстановке начальник Генштаба Васильевский обратил внимание Верховного на то, что войска противника могут появиться на Северном Кавказе, минута район Ростова. Форсировав Дон на участке Верхнекурмоярская — Цимлянская, группа армий «Б» может двинуться на Сальск или Элисту, в тыл войскам Южного фронта. Оценив вероятную угрозу, Сталин распорядился — оборону левобережья Дона от Верхнекурмоярской до Азова возложить на войска Северо-Кавказского фронта маршала Буденного.

Захваченный делами по восстановлению Волховского фронта, Мерецков ни на минуту не выпускал из поля зрения 2-ю ударную армию. Он хорошо помнил поручение Верховного — спасти ее лично

ный состав, пусть даже без тяжелого оружия. Захлопнув 25 июня узкий коридор у Мясного Бора, противник вынудил оставшиеся в окружении соединения прорываться с боем через плотное кольцо вражеских дивизий. Приказ Власова на прорыв звучал бескураживающе: «Войскам выходить из окружения мелкими группами, кто где хочет и как знает».

Командный состав штаба армии разделился на три группы. Военный совет с ротой автоматчиков двинулся к передовой в полночь 25 июня. У реки Полисть штабные группы попали под сильный артиллерийско-минометный огонь противника и были рассеяны по территории... Пробилось из окружения свыше шестнадцати тысяч бойцов и командиров. Почти шесть тысяч погибло при прорыве. Более восьми тысяч оказалось во вражеском плена.

Ведя бойцов через боевые порядки врага, погибли командиры дивизий Буланов и Черный. Чтобы избежать позорного плена, застрелились член Военного совета Зуев и начальник особого отдела армии Шашков. Вышли из окружения и пробились к своим начальники армейской связи и разведки Афанасьев и Рогов. Командарм 2-й ударной Власов, после двухнедельного блуждания по лесам, укрылся в деревне Пятница и 11 июля добровольно сдался в плен гитлеровцам.

СТАЛИНГРАД ВЗЯТЬ К 20 ОКТЯБРЯ

1

Высокие темпы наступления войск групп армий «Б» и «А» фон Вейхса и Листа породили в «Вервольфе» сомнения по поводу дальнейшего хода операции «Брауншвейг». Суждение о том, что окружение русских западнее Дона еще возможно, высказал на совещании 17 июля генерал Йодль. С этой целью ударом с севера требовалось быстрее достичь Ростова.

Этот план получил закрепление в директиве ОКВ № 44 от 18 июля: «Первая важнейшая цель состоит в том, чтобы уничтожить сжатые перед группой армий «А» между Доном и Донцом силы армий Тимошенко. Чтобы предотвратить их отход через Дон на юг, нужно сильными подвижными соединениями восточного фланга захватить возможно больше плацдармов на Донце и нанести удар на Ростов. С этой же целью необходимо ввести ударную группу с фронта севернее Таганрога на Ростов, чтобы замкнуть кольцо вокруг вражеских армий, находящихся в излучине Донца.

Для прорыва на Кавказ необходимо перейти Дон. Поэтому нужно попытаться 48-м танковым корпусом захватить на Дону плац-

дармы... Для прикрытия этой операции с востока, необходимо захватить плацдармы между Доном и Волгой и занять Сталинград. Если это не удастся сделать внезапным ударом, тогда целью остается достигнуть Волги южнее Сталинграда, чтобы прервать любое движение судов по Волге...

Как только удастся переход через Дон и прорыв в кавказскую область, высвободившиеся силы 11-й армии будут переброшены в группу армий «Север» с задачей овладеть Петербургом. Тем самым высвободятся финские дивизии на Карельском перешейке и установится связь с Финляндией».

В интересах обеспечения успеха грандиозной операции на юге Гитлер потребовал от командующего группой армий «Центр» активизировать мероприятия по плану операции «Кремль». Производилась демонстративная аэрофоторазведка московских оборонительных позиций, окраин Москвы, а также предместий Владимира, Иванова, рубежа Рыбинск — Горький — Тамбов. Возросла переброска диверсантов через линию фронта в район Калинин — Москва — Тула.

Осуществление операции «Кремль» потребовало немалых ресурсов, а их уже не хватало для наступления групп армий «Б» и «А» в большой излучине Дона. Не импонировал Паульсу и приказ ОКВ о передаче 40-го танкового корпуса фон Швеппенбурга в 4-ю танковую армию Гота, которая получила приказ овладеть Ростовом.

При вечернем анализе обстановки 18 июля Гитлер изменил первоначальное решение о форсировании 11-й армией Керченского пролива и прорыва на Кубань. Возобладало мнение, что с захватом Ростова путь на Тамань будет открыт. Верховный Главнокомандующий отдал приказ о переброске 11-й армии в район Петербурга.

23 июля, когда недооценка оборонительных возможностей противника стала очевидной, на свет появилась «исчерзывающая директива» ОКВ № 45. Ею предписывалось: «После уничтожения противника южнее Дона группа армий «А» должна овладеть восточным побережьем Черного моря. Далее, она должна частью сил двигаться через Кубань на Майкоп и Армавир. Подвижные группы должны захватить нефтеносные районы Грозного, перекрыть высокогорные перевалы и выйти вдоль Каспийского моря к Баку. Группа армий «Б» должна взять Сталинград и оттуда наступать на Астрахань...»

Успехи войск на фронте заметно блекли в глазах посвященных с нарастанием трудностей в «Восточном походе». Русские армии отходили к Сталинграду и вглубь Сальских степей, к Маньчу, увлекая за собой войска Вейхса и Листа. Ребром встал вопрос: «Какую из задач: захват Сталинграда или движение на Кавказ следует выполнить в первую очередь?»

В соответствии с директивой ОКВ № 45 17-я и 1-я танковая армии Руффа и Клейста на рассвете 25 июля перешли в наступление

ние на Краснодар, Сальск и Ставрополь, положив начало операции «Эдельвейс».

Хотя в Главную Ставку поступали противоречивые донесения с различных участков Восточного фронта, Верховное Командование вермахта оптимистично оценивало развитие обстановки в целом. К исходу 30 июля Йодль доложил:

— Мой фюрер, настал момент для смещения акцентов на юге. Судьба Кавказа будет решаться на Волге, у Сталинграда. Поэтому необходима срочная передача сил из группы армий «А» в группу армий «Б». Но это должно произойти как можно дальше к югу от Дона. Такой маневр поставит командование большевиков в исключительно трудное положение.

Суждение Йодля не являлось неожиданным. Неделю назад сходную идею уже выдвигал Гальдер, но она была отвергнута фюрером, как не отвечающая реальной фронтовой обстановке. И вот Йодль реанимировал ее с крохотным позиционным уточнением: «Как можно дальше к югу от Дона».

Гитлер без труда уловил эту «новизну», возразил:

— У вас, Йодль, я все чаще замечаю появление таких неопределенностей — ближе... дальше. 4-я танковая армия Гота у реки Маныч. Кому передать это направление для прорыва?

— Мой фюрер, — заявил Йодль, — ситуация на юге получает новую динамику. Гот в Пролетарске, а Клейст — в Сальске. Зачем дважды брать с боем одну и ту же территорию? Прикажите Готу развернуть 4-ю танковую армию на Сталинград, а 1-ю танковую Клейста — на Краснодар.

— Мой фюрер, предложение Йодля отвечает ситуации в полусе наступления войск Листа, — сказал Кейтель.

— А вы, Йодль, готовы ответить мне, когда будет захвачен Грозный? Там, между прочим, добывается нефть!

— С потерей Сталинграда защита Грозного потеряет для большевиков всякий смысл, — вставил реплику Гальдер.

Генерал Йодль быстро скользнул указкой по карте:

— Да, это так, мой фюрер. Гальдер прав.

Гитлер колебался. Предстояло принять «трудное решение». Он повернул голову в сторону генерала Хойзингера:

— А что скажете вы, Хойзингер? Успеет Клейст прорваться к Черному морю раньше, чем Советы остановят их у Краснодара? Может, лучше идти на Ставрополь и Пятигорск?

«Оператор» Генштаба ОКХ ответил сдержанно:

— Мой фюрер, при любом оперативном решении Ставропольское направление должно в нем присутствовать. Войскам Листа необходимо быстрее блокировать дороги через горные перевалы Центрального Кавказа.

— Но Листу необходимо быстрее блокировать и черноморские порты! — возразил Гитлер.

— А добиться этого можно только прорывом к побережью, — как бы продолжил его мысль Йодль.

Гитлер быстро встал, подошел к карте:

— От Туапсе мелкими шажками горнострелковые дивизии дос-тигнут Сочи, потом Сухуми и Поти. Это, конечно, кратчайший путь в Турцию и Иран... Вы предлагаете, Йодль, хорошую перспективу, и я принимаю ваше предложение.

Приказ ОКВ от 31 июля предписывал войскам группы армий «Б» овладеть Сталинградом. С этой целью из группы армий «А» ей передавалась 4-я танковая армия Гота. Она получила задачу двигаться вдоль левого берега Дона. Ее наступление в направлении Сталинграда оказалось для русского командования очень неприятным сюрпризом.

Всю первую неделю августа войска 6-й армии находились в оборо-не, подготавливая встречные удары 14-го и 24-го танковых корпусов Виттерсгейма и Лангермана, чтобы окружить у Слепихина 62-ю армию Колпакчи. 7 августа 6-я армия перешла в наступление. Тяже-лье бои продолжались трое суток. Но главные силы русских 9 авгу-ста вырвались из окружения и переправились на левый берег Дона у Калача. Упорное сопротивление большевиков на рубеже Абганерово — Плодовитое встретила и 4-я танковая армия Гота.

Начатая в конце июля операция войск Конева и Жукова про-тив 9-й армии Моделя в районе Ржева приобретала крайне опасное развитие. В полдень 7 августа фельдмаршал Клюге прилетел в Вин-ницу просить подкреплений.

Гитлер встретил его предостережением:

— Вы, Клюге, хотите строить дела своей группы армий так же, как это имело место и год назад у Бока. Но вам не надо напоми-нать, чем закончился поход группы армий «Центр» на Москву в декабре. Я не хочу, чтобы та неудача повторилась на юге. Исход операции там для меня ясен. Советы практически разгромлены. Я лишь не могу назвать точные сроки, когда войска Вейхса и Листа поставят там окончательную точку. Паульс и Гот находятся в трех-четырех дневных переходах от Сталинграда. Клейст в ближайшие дни захватит Краснодар, Майкоп и Пятигорск. Конечная цель «Во-сточного похода», Клюге, близка как никогда.

— Но, мой фюрер, — Клюге не собирался уступать, — русские атакуют не только Ржев и Сычевку. 9-я армия не в состоянии дер-жать фронт в районе Демидова. Возможен совершенно неожидан-ный удар войск Жукова на Смоленск.

— Я смогу помочь вам, Клюге, только после захвата Сталингра-да и Кавказа! — отрезал Гитлер.

— Мой фюрер, идет август. Настала пора операции «Смерч». В октябре о ее проведении не придется уже и думать. Партизаны у

Смоленска и Витебска атакуют транспортные коммуникации и штабы моих войск. Опасно атакуют.

— Борьба с партизанами — ваше внутреннее дело, Клюге. Превращайте в пепел русские деревни, в которых будет убит хотя бы один немецкий солдат.

Кюхлер тоже рвался в бой. В полдень 8 августа командующий группой армий «Север» пожаловал в Винницу с предложениями о прорыве на Петербург с целью его захвата.

Гитлер, тоном выше обычного, сказал:

— Хотя директива ОКВ № 45 принятая нами всего две недели назад, благоприятное развитие обстановки на юге позволяет ОКВ внести в нее корректизы. Уже нет необходимости группам армий «Север» и «Центр» проводить частные операции. С Клюге все вопросы его группы армий обсуждены вчера. Переброска 11-й армии Манштейна из Крыма под Петербург решит проблему захвата северной столицы. После овладения Сталинградом ваша победа, Кюхлер, станет вторым политическим достижением этого года.

— Мой фюрер, — заявил Кюхлер, — группе армий «Север» недостает тяжелой артиллерии. Город велик, наша авиагруппа не в состоянии его разрушить.

— Ваша операция, Кюхлер, будет обеспечена сверхтяжелой артиллерией, которая помогла Манштейну сокрушить Севастополь.

Гитлер вполне удовлетворился итогами обсуждения:

— Как видите, Кюхлер, Верховное Командование поможет и вам победить неприступный Петербург.

Усиление 4-й танковой армии за счет войск Паулюса не помогло — сломить сопротивление русских у Абганерово так и не удалось. Вечером 17 августа Гот, получив согласие «Вервольфа», переправил свои соединения на правый берег Дона и занял оборону на участке от Вертячего до устья реки Иловли.

Гитлер снова был «на коне». Дела, не в пример Клюге, в группах армий «Б» и «А» фон Вейхса и Листа, по мнению «Вервольфа»³, шли более чем превосходно.

День 23 августа стал примечательным, поскольку ударный кулак 14-го танкового корпуса Виттерсгейма на северной окраине Сталинграда прорвался к Волге, а 49-й горно-стрелковый корпус Конрада захватил Марухский перевал.

Вечером 23 августа Гитлер встретился с Кюхлером. Командующий группой армий «Север» доложил о подготовке его войск к штурму Петербурга. План получил одобрение фюрера. Он высказал одно пожелание, чтобы начало операции не слишком откладывалось во времени, ибо с началом сентября неизбежно придут осенняя слякоть и непогода.

Прорвавшийся к Волге 14-й танковый корпус на следующий день подвергся контрудару сил самообороны города и вынужден был отступить от достигнутых рубежей. Положение удалось стабилизировать лишь с подходом 8-го армейского корпуса генерала Гейтца.

Ночью 30 августа Паулюс позвонил Виттерсгейм. Командарм 6-й выслушал его доклад, спросил:

— Что вы предлагаете, Виттерсгейм?

— Господин генерал, — зло выдохнул собеседник, — я прошу разрешения на отвод корпуса от Волги! Иначе через двое суток за нас все решат красные.

Генерал Паулюс, сдерживая себя, спокойно возразил:

— Я не могу решить этот вопрос, Виттерсгейм. 6-я армия выполняет план группы армий «Б» и план ОКВ.

— Генерал Паулюс, — вспылил Виттерсгейм, — тогда позвольте мне обратиться к Вейхсу или даже к фюреру. Я лично объясню им обстановку в Сталинграде!

— Генерал Виттерсгейм, обращаться ни к кому не надо. Я сам постараюсь решить ваш вопрос.

Сразу же после разговора с командиром 14-го танкового корпуса Паулюс позвонил Гальдеру и предложил ему решить вопрос с фюрером об отстранении Виттерсгейма от должности. На его место он рекомендовал генерал-лейтенанта Хубе.

Прошла эйфория побед и у Листа. Только 31 августа 17-я армия Руффа прорвалась к Черному морю и захватила Анапу. В тот же день 1-я танковая армия Клейста продвинулась на Моздокском направлении и захватила Прокладное. 31 августа Лист был вызван в Главную Ставку для доклада.

— Вы, фельдмаршал Лист, достойно вели операции до Краснодара, Армавира и Ставрополя. Но Кавказский хребет предстал перед вами непреодолимой стеной. Вы хотели пробить в ней проходы к побережью в разных точках, но успеха не добились. — Гитлер, важничая, вышагивал по залу. — Теперь стало очевидным, что не мало времени мы потеряли впустую.

Командующий группой армий «А» не ожидал столь предвзятого приема в Виннице. Лист заявил:

— Мой фюрер, после захвата Ростова мы лишь преследовали отходящие силы большевиков. Теперь наступает новый этап операции прорыва 49-го корпуса через кавказские перевалы. Мне требуются подкрепления.

— Не думайте о новых силах, Лист. У вас их достаточно! Переброска войск с других участков Восточного фронта — это непозволительный грабеж времени.

— Но у меня нет в резерве ни одного артиллерийского дивизиона, мой фюрер.

— Пришло время, Лист, использовать дивизии 11-й армии, — Гитлер парировал и этот довод «оппонента».

Гитлер закончил совещание с командующим группой армий «А» строгим напутствием:

— Отныне, Лист, вам надо сосредоточить усилия на трех направлениях — Новороссийск, Туапсе и Сухуми. Румынскую горно-пехотную дивизию вы используйте для наступления на Геленджик, а для прорыва к Туапсе задействуйте альпинистов.

Вечером 9 сентября Кейтель встретился с начальником Генштаба ОКХ Гальдером и сообщил ему о принятом фюрером решении: «Фельдмаршал Лист получает отставку. Командование группой армий «А» Гитлер берет на себя».

Тяжелые бои, которые с начала сентября развернулись на подступах к Сталинграду, не затухали ни на минуту. Войска 6-й и 4-й танковой армий медленно сокращали расстояние до города, а над «Вервольфом» витала тревожная мысль — вдруг русские ударят с севера, на Дону, и прорвут фронт флангового прикрытия? Это неизбежно обернется катастрофой.

К исходу 4 сентября к Сталинграду, в районе Ивановки, прорвался 48-й танковый корпус Гейма. Теперь до этих передовых позиций предстояло подтянуть 4-й армейский корпус.

Утром 11 сентября фон Вейхс и Пауллюс были вызваны в Винницу. Докладывая обстановку в полосе 6-й армии, Пауллюс указал на угрозу левому флангу своих войск. Он попросил для усиления три дивизии. Фюрер же подкрепил 6-ю армию саперными батальонами и 48-м танковым корпусом Гейма.

Фон Вейхс обратился к фюреру с просьбой, чтобы Главная Ставка обязала командарма 3-й румынской Сфорцеску перебросить в большую излучину Дона 79-ю, 113-ю и 298-ю пехотные дивизии. Они должны войти в Сталинград вслед за немецкими войсками. Гитлер никак не отреагировал на эту просьбу и тут же установил сроки проведения операции. Для штурма Сталинграда он отпустил десять дней. Штурм начать 14 сентября. Полный захват города обеспечить к 26 сентября.

С началом штурма Сталинграда все остальные участки Восточно-го фронта отошли для «Вервольфа»³ на второй план. Ничто не могло сравниться с тем ожесточением, что переживала 6-я армия Пауллюса, атакуя Мамаев курган и городской железнодорожный вокзал.

Отставка фельдмаршала Листа не разрешила тех сложных проблем в группе армий «А», которые вовсю заявили о себе в середине сентября. Пристегнутый неделю назад к решению «кавказской дилеммы», Йодль тоже оказался в «стесненном положении». То злополучное совещание с командующим группой армий «А» в Сталино 7 сентября обернулось для него затяжным скандалом и едва вообще не стоило карьеры.

Вечером 18 сентября начальник штаба ОКВ Кейтель предпринял попытку «одним ударом» разделаться со своим опасным конкурентом. Войдя в кабинет Гитлера, он застал фюрера в состоянии острой нервной депрессии.

— Мой фюрер, — сказал Кейтель, — я не могу откладывать вопросы высшей инстанции. События последних недель обязывают меня позаботиться о составе вашего окружения.

— О ком конкретно идет речь, Кейтель?

— Это касается, прежде всего, генерала Йодля. Мое мнение совпадает с вашим. Он должен быть заменен более уважаемым и лояльным к вам генералом.

— Вы льстите мне, Кейтель, — сказал Гитлер. — Я действительно недоволен действиями Йодля в последнее время. Он изменяет мои приказы по своему усмотрению, которые не улучшают положения... У вас есть достойная кандидатура?

— Мой фюрер, я готов предложить вместо Йодля кандидатуру генерала фон Манштейна. Командующий 11-й армией никогда не поставит свое мнение выше вашего.

— Вы правы, Кейтель, Манштейн — вполне достойная замена Йодлю, но я поручил ему овладеть Петербургом. Пусть он выполнит этот приказ. В данном случае речь можно вести о Паулусе. Теперь он приобрел и боевой опыт.

— Паулус, мой фюрер, вполне достойная кандидатура. Я разделяю этот ваш выбор и готов немедленно снять...

Но Гитлер не позволил Кейтелю закончить мысль:

— Однако Паулуса, Кейтель, тоже пока нельзя переводить в ОКВ. Он должен закончить «сталинградское дело». Это не менее важно для Главной Ставки, чем захват Петербурга.

— Но я могу предложить кандидатуру на место Паулуса, мой фюрер. Его достойным преемником может стать генерал фон Зейдлиц. Я считаю, что генерал Йодль должен уйти!

— Вам, Кейтель, следует учесть еще одно мое соображение. Сталинград падет в пределах одной-двух недель, и это великое достижение должно стать заслугой Паулуса.

— Так вы хотите уволить Йодля?

— Не знаю. Первое изменение должно произойти в Генштабе ОКХ. И тут нельзя терять ни одного часа. Это замена Гальдера. Я с трудом переношу его доклады. Вместо него я назначаю генерала Цейтцлера...

Вечером 23 сентября в Винницу из Парижа прилетел начальник штаба группы армий «Запад» Цейтцлер. 24 сентября, после доклада, Гальдер получил уведомление об отставке. На его место вступил генерал пехоты Цейтцлер.

Происшедшая рокировка знаменовала собой некое перераспределение рычагов управления войсками в самом верхнем эшелоне.

лоне. Отныне руководство Восточным ТВД возлагалось исключительно на Генштаб ОКХ. Все другие сухопутные театры остались за штабом ОКВ. Это решение заметно ослабляло позиции генерала Йодля.

Спустя всего две недели после утвержденного Главной Ставкой плана окончательного захвата Сталинграда командующий группой армий «Б» Вейкс стал вдруг настойчиво убеждать фюрера отказаться от наступления 6-й и 4-й танковой армий на «большевистскую твердыню». Аргумент приводился им основательный — там напрасно пожираются его ударные силы. Но его предложения, исходя из «высших интересов», были решительным образом отвергнуты Гитлером.

Упорные бои у перевала Гойтхский не утихали до конца сентября. 18-я армия Гречко цепко удерживала позиции. Лишь бросив к перевалу моторизованную группу Ланца, командающему 17-й армии удалось вклинииться в оборону русских.

Но в центре всех фронтов осенью находился Сталинград. 27 сентября сражение в городе развернулось у заводских поселков. Рибентроп выступил на приеме в отеле «Кайзергоф»: «Когда мы зайдем этот город, который является крупнейшим центром связи между северной и южной Россией и который господствует над главной транспортной артерией этой страны, Волгой, нашему опаснейшему врагу будет нанесен такой удар, от которого он больше никогда не оправится».

Ежегодное собрание в «Спортпаласе» днем 30 сентября, посвященное началу кампании «зимней помощи», на этот раз было подготовлено в самом лучшем виде. Центральной темой и этой «традиционной проповеди», разумеется, были прошлые и будущие победы в России. Это было произнесено Верховным Главнокомандующим на небывало высокой ноте:

— Никто не может вырвать у нас победу! То, что нас кто-нибудь победит, — невозможно, исключено! Мы завершим эту войну величайшей победой!.. Сталинград, этот важнейший стратегический пункт, носящий имя Сталина, вот-вот падет!.. И вы можете быть уверены, что никто не в состоянии столкнуть немецкого солдата с этого места!..

Совещание в «Вервольфе» 2 октября огорчило фюрера. Генералы Цейтцлер и Йодль поставили кардинальный вопрос о Сталинграде. Его полный захват они предложили считать второстепенной задачей, поскольку уличные бои приносят слишком большие потери. Такое решение позволило бы высвободить силы для укрепления флангов у станицы Клетской и у озера Цаца. Там замечена концентрация советских войск.

В резкой форме Гитлер отклонил эти доводы. Но Цейтцлер проявил характер. 3 октября, под предлогом высвобождения сил

для группы армий «А», начальник Генштаба ОКХ снова выступил с предложением о прекращении наступления на Сталинград. И снова получил категорический отказ.

— Но, мой фюрер, генерал Паулюс не может далее наступать без подкреплений, — возразил Цейтцлер. — Он просит не менее трех боеспособных дивизий.

— 6-я армия только что получила пятнадцать саперных батальонов, Цейтцлер, — отрезал Гитлер. — В октябре мы сможем перебросить ей из Франции еще две пехотные дивизии. В ноябре еще одну, моторизованную. Разве этого мало?

— Я могу сообщить генералу Пауллюсу, что все они будут переброшены на Сталинградское направление?

— Пауллюс получит из них одну. По одной дивизии получат генералы Кюхлер и Клейст. Они должны нанести удары по Петербургу и Орджоникидзе.

Далее Гитлер услышал ласкающее служ донесение:

— Мой фюрер, — сказал Цейтцлер, — художник-баталист из Лейпцига Вагнер направлен мною в расположение 6-й армии Пауллюса. Начальник штаба армии Шмидт доложил, что он уже приступил к работе.

Диалог Гитлера с Цейтцлером на этом не закончился. Фюрер поставил проблематичный вопрос:

— Скажите, Цейтцлер, в 6-ю армию уже направлены штабы инженерных частей для строительства долговременных укреплений в Сталинграде?

— Этим вопросом занимался еще Гальдер, мой фюрер, — ответил Цейтцлер, — но у него возникли трудности со строительными материалами и рабочей силой.

— Я отдал приказ о строительстве теплых бункеров для танков! — повысил голос Гитлер. — Танки и зимой должны находиться в боевой готовности. Я призываю немедленно приступить к этой работе, Цейтцлер. Гудериан из-за этого не сумел захватить даже Тулу!

Генерал Цейтцлер осторожно возразил:

— 6-я армия, мой фюрер, не имеет цемента. Его надо завозить из тыла. К тому же саперные батальоны сильно пострадали в ближнем бою перед Волгой, и Пауллюс отвел их в тыл на доукомплектование.

Совещание 10 октября в Главной Ставке отличалось крайней категоричностью суждений. Гитлер был непреклонен и требовал одного: «Сталинград необходимо выпломать, чтобы лишить коммунизма его святыни!... Мы должны захватить его не позднее 20 октября!..»

В тот же вечер начальник Генштаба ОКХ Цейтцлер передал в штаб генерала Пауллюса директиву:

«Красная Армия разбита. Она уже не располагает значительными резервами и, следовательно, не в состоянии предпринимать серьезные наступательные действия. Из этого основополагающего тезиса надо исходить каждый раз при оперативной оценке реальных возможностей русских...».

Командующий 6-й армией Пауллюс, прочитав эту «непонятную директиву», в сердцах высказался так:

— Надо же им в Генштабе понять, что происходит в Сталинграде. Неужели в окружении фюрера остались после отставки генерал-полковника Гальдера одни лишь поддакиватели и льстцы, вроде фельдмаршала Кейтеля?

Генерал Пауллюс и на этот раз подчинился, но его донесения «наверх» пронизывал открытый пессимизм.

Предпринимая отчаянные усилия, 6-я армия Пауллюса с тулем фанатизмом продолжала теснить русских в развалинах Сталинграда. Продвижение войск — десятки, в лучшем случае сотня метров в сутки.

Наступило 20 октября. Но победного доклада ни из штаба 6-й армии Пауллюса, ни из штаба группы армий «Б» фон Вейхса о захвате Сталинграда не последовало. Буднично прозвучал в Главной Ставке и доклад начальника Генштаба ОКХ. Цейтцлер привычно доложил:

— На заводе «Баррикады», позади фронта 51-го армейского корпуса Зейдлица, вновь ожило русское сопротивление. Части 16-й танковой и 94-й пехотной дивизий проникли в Спартановку и заняли группу домов.

Гитлер бросил взгляд на «оперативку» и резко повернулся к начальнику Генштаба сухопутных войск:

— Вы говорите, Цейтцлер, что части 16-й танковой дивизии Ангерна ворвались на окраины Спартановки?

— Именно так, мой фюрер, — ответил Цейтцлер.

— Но три дня назад, Цейтцлер, Вейхс уже докладывал в «Вервольф» о захвате этой Спартановки!

— Мой фюрер, я докладываю уточненные данные во фронтовой диспозиции.— Генерал Цейтцлер все чаще пользовался этим «неотразимым доводом».

— А какие же данные, Цейтцлер, в середине октября докладывал генерал-полковник Вейхс?

— Очевидно, предварительные.

В разговор вмешался фельдмаршал Кейтель:

— Тогда у фон Вейхса это прозвучало неопределенно.

Фюрер сразу перешел на жесткий разговор:

— И вы, Кейтель, и вы, Йодль, хорошо помните, что мною был установлен конечный срок захвата Сталинграда. Сегодня, 20 октября, этот срок истек, но коммунистическая святыня не взята. Мы

обсуждаем малозначительные частности. Мне, нашим союзникам нужен весь Сталинград! Ни Спартановка, ни артиллерийский завод в отдельности, а весь город!

— Русские фанатично сражаются за каждый дом, мой фюрер, и Пауллюсу приходится очень нелегко,— заявил Иодль.

— Вы пытаетесь разжалобить меня, Иодль. Но подобная тема сейчас не играет абсолютно никакой роли. Мне суждено покончить с коммунизмом, и я не остановлюсь ни перед какими жертвами с любой стороны!

Цейтцлер попытался снять напряженность в зале:

— Мой фюрер, наша авиаразведка докладывает о сосредоточении крупных русских резервов на флангах нашей группировки. Угроза может стать реальной. Она нарастает.

— Пусть 6-я армия быстрее захватывает Сталинград, Цейтцлер, и эти большевистские резервы ничего не будут стоить,— отрезал Гитлер и в упор спрятал «генштабиста» неожиданным вопросом: — А скажите, Цейтцлер, кто позволил Пауллюсу многотысячный отвод конского состава за Дон? Вместе с лошадьми из Сталинграда уходит немало людей.

— Как мне доложил Вагнер, мой фюрер, это происходит по двум причинам. Во-первых, предместья Сталинграда сильно разрушены и там негде разместить конский состав на зиму. Во-вторых, возникли трудности с подвозом в город фуража.

Верховный Главнокомандующий взорвался:

— Я запрещаю это делать, Цейтцлер!

Донесения с Восточного фронта в третьей декаде октября то и дело сотрясали «Вервольф» негодованием. Но 23 октября все вроде бы стало на свои места — пал завод «Красный Октябрь» — последний бастион большевиков в Сталинграде!... Но через двое суток вновь поступили донесения из Голубинского о тяжелых боях за... металлургический завод и жилой квартал у площади «9 января». 6-я армия никак не могла установить свой контроль над переправами через Волгу.

На совещании 26 октября Гитлер установил новый, «окончательный срок» по захвату Сталинграда, который на этот раз прикашивалось взять к 10 ноября!

2

Ни Верховный, ни Генштаб не сомневались, что дальнейшее наступление на своем правом фланге противник обязательно поведет по двум направлениям — на Сталинград и Северный Кавказ. Прикрыть их надежно оставалось злободневным делом, но после майских неудач в Крыму и под Харьковом сил на это не хватало.

В директиве Ставки от 17 июля на имя маршала Тимошенко подчеркивалось: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает под вашу личную ответственность немедленно организовать сильные передовые отряды и выслать их на рубеж р. Цимла от Чернышевской и до ее устья. Особенно прочно занять Цимлянскую, войдя в связь здесь с войсками Северо-Кавказского фронта».

Вечером 23 июля Верховный связался по телефону с командующим Сталинградским фронтом Гордовым. Высказанная им оценка положения отличалась конкретностью: «Главное теперь не переправы у Цимлянской, а правый фланг фронта. Противник, выброской своих частей к Цимле, отвлек наше внимание на юг и в это самое время подводит главные силы к правому флангу фронта. Эта хитрость немцу удалась из-за отсутствия у нас надежной разведки. На фокусы немца в районе Цимлы не обращать внимания и всю силу удара перенести правее... Имейте в виду, если противник прорвет правый фланг и подойдет к Дону в районе Гумрака, то он отрежет ваши железнодорожные сообщения с севером...

Требую, чтобы оборонительный рубеж западнее Дона от Клетской через Рожковскую до Нижней Калмыновки был сохранен в наших руках. Немца, вклинившегося в этот рубеж в районе действий 33-й гвардейской дивизии, уничтожить. У вас есть для этого силы, и вы должны это сделать. Категорически воспрещаю отход от указанного рубежа. Имейте в виду, что Колпакчи — очень впечатительный человек. Хорошо бы направить к нему кого-либо покрепче для поддержания духа, а если Гордов сам выедет к нему, будет еще лучше».

Чрезвычайная обстановка требовала адекватных ответных мер. Директивой от 28 июля Ставка объединила Южный и Северо-Кавказский фронты в один и поставила перед ним боевую задачу: «Упорной обороной не только остановить на занимаемых рубежах продвижение противника на юг, но вернуть Батайск и восстановить положение по берегу Дона».

Ставка была всецело поглощена Сталинградским направлением. В ночь на 26 июля Верховный поручил начальнику Генштаба Василевскому связаться с Гордовым и передать приказ: «Ставка требует от Военного совета фронта сделать все возможное, чтобы немедленно ликвидировать прорвавшегося противника и восстановить исходное положение...»

Спустя несколько часов штаб фронта получил еще более резкую директиву: «Действия командования фронта вызывают у Ставки возмущение. Она требует, чтобы в ближайшие дни Сталинградский рубеж — от Клетской до Калмыков — был бы безусловно восстановлен и чтобы противник был отогнан за реку Чир. Если Военный совет фронта не способен на это дело, пусть заявит об этом прямо и честно».

Обстановка на юге, однако, продолжала с каждым днем ухудшаться. Вечером 28 июля Сталин проработал свой приказ № 227. Он гласил: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с потерями, лезет вперед, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Боли идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Ставропольск, Россошь, Култук, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью относящееся к Красной Армии, разочаровывается в ней, теряет веру в нее, а многие проклинают ее за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должен понять, что наши средства небезграничны. ТERRITORIЯ Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети... Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину...

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв... Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают прекрасно и наш фронт получает все больше самолетов, танков, минометов.

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину...»

Получив 2 августа донесение о том, что противник захватил Котельниковский и наступает на Аксай, Ставка подчинила Сталинградскому фронту 51-ю армию Коломийца, а также приказала немедленно развернуть на участке Красный Дон — Райгород 57-ю

армию Толбухина. 5 августа Ставка издала директиву о разделении Сталинградского фронта на два фронтовых объединения — Сталинградское и Юго-Восточное.

Сталинградский фронт получил директиву: «Разгромить левофланговую группировку 6-й армии генерала Паулуса, прорвавшую внешний оборонительный обвод в стыке 21-й и 62-й армий генералов Данилова и Колпакчи, прочно прикрыть город со стороны Верхне-Бузиновки». В последующем войска Сталинградского фронта должны были находиться в готовности к наступлению в общем направлении на Морозовск.

Не менее сложная задача стояла перед Юго-Восточным фронтом: «Во что бы то ни стало остановить продвижение врага к южному фасу внешнего обвода, не допустить его прорыва и выхода к Волге южнее Сталинграда». Фронту предстояло нанести удар в направлении Котельниковского и отбросить войска 4-й танковой армии Гота за реку Сал.

Чтобы как-то облегчить положение наших войск на юге, Ставка обязала директивой Военные советы Калининского и Западного фронтов провести частные наступательные операции с целью сковывания войск группы армий «Центр» фон Клюге и недопущения переброски даже отдельных ее соединений на Сталинградское и Кавказское направления.

В результате Ржевско-Сычевской операции, Калининский и Западный фронты продвинулись вперед до сорока километров, ликвидировали плацдарм 9-й армии Моделя у Ржева, вынудили противника перебросить в район Сычевки двенадцать дивизий с других участков Восточного фронта. На Сталинградское направление не поступили шесть танковых и моторизованных, десять пехотных дивизий из группы армий «Центр».

В полдень 12 августа в Сталинград прибыли член ГКО, секретарь ЦК Маленков и начальник Генштаба Василевский. Для координации действий авиации Ставка направила вместе с ними командующего ВВС Новикова.

К середине августа обстановка под Сталинградом обострилась до крайности. Враг находился в шестидесяти километрах от города на западе и всего в двадцати на юге. Соотношение сил на земле и в воздухе оставалось в пользу противника.

Захватив 9 августа Майкоп, противник предпринял отчаянную попытку прорыва к Туапсе. Ставка указала Военному совету Северо-Кавказского фронта: в связи с создавшейся обстановкой самым основным и опасным для фронта и Черноморского побережья в данный момент является направление от Майкопа на Туапсе. С выходом противника в район Туапсе 47-я армия и все войска фронта, находящиеся в районе Краснодара, окажутся отрезанными и непременно попадут в плен.

Командующий Северо-Кавказским фронтом Буденный принял решение: 32-й гвардейской стрелковой дивизии переправиться в район Туапсе и совместно с 236-й стрелковой дивизией занять оборону у шоссе Майкоп – Туапсе. 17-му кавкорпусу сосредоточиться у Краснодара. 12-й армии закрепиться на левом берегу Лабы.

Прорыв к Волге у Ерзовки 14-го танкового корпуса Виттерсгейма 23 августа создал в городе исключительное напряжение. Начальник Генштаба Васильевский вместе с командованием фронта приняли экстренные меры к отражению смертельной угрозы Сталинграду с севера, пока враг не успел еще там закрепиться. Навстречу танкам врага были выдвинуты роты курсантов военно-политического училища и отряды народного ополчения.

В ночь на 24 августа в районе Самофаловки под командованием генерал-майора Коваленко была создана ударная группа в составе 28-го танкового корпуса, отдельной танковой бригады и трех стрелковых дивизий. Перед ней стояла важнейшая тактическая задача: «Нанести контрудар с линии Паншино – Котлубань в юго-западном направлении, закрыть разрыв фронта на участке Котлубань – Большая Россонка и выходом к Дону восстановить исходное положение».

Одновременно правофланговые дивизии 62-й армии нанесли удар от Малой Россонки навстречу группе Коваленко. Утром 24 августа контрудар от рынка на Ерзовку наносили 2-й и 23-й танковые корпуса под командованием начальника автобронетанковых войск Сталинградского фронта Штевнева.

Когда к утру следующего дня проводная связь с Москвой была восстановлена, в штаб Сталинградского фронта поступило указание Ставки: «У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на него. Мобилизуйте бронепоезда и пустьте их по круговой железной дороге. Пользуйтесь дымами, чтобы запутать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте артиллерийские и эрэсовские силы... Самое главное – не поддаваться панике, не бояться врага и сохранить уверенность в нашем успехе».

24 августа Верховный сообщил Маленкову, что Ставка решила сосредоточить под Сталинградом две резервных армии. 25 августа городской комитет обороны объявил Сталинград на осадном положении.

Когда судьба города зависла буквально на волоске, Сталин решил использовать свой последний «авторитетнейший аргумент». По его предложению 26 августа СНК СССР принял постановление об учреждении должности заместителя Верховного Главнокомандующего и назначении на этот пост командующего Западным фрон-

том генерала армии Жукова. В середине дня 27 августа Верховный лично позвонил в штаб Западного фронта. Расспросив Жукова о положении в полосе фронта, он приказал ему немедленно прибыть в Ставку.

Около девяти вечера Жуков прибыл в Кремль. Сталин без всяких вступлений сказал:

— Крайне напряженная обстановка сложилась на юге. Может случиться и так, товарищ Жуков, что немец захватит Сталинград. Не лучше она и на Северном Кавказе. Очень плохо показал себя Тимошенко. Ставка сняла его с должности. Вместо него назначен Еременко, хотя это тоже не находка. Совнаркомом вы назначены заместителем Верховного Главнокомандующего, и Ставка направляет вас в район Сталинграда. Когда вы сможете вылететь на Волгу?

Жуков был готов к такому обороту дела, ответил:

— Мне нужны сутки для изучения обстановки в районе Сталинграда, товарищ Сталин, и 29 августа я смогу вылететь на Сталинградский фронт.

— Хорошо, — кивнул Верховный. — Обстановка на 20.00, по докладу Васильевского, остается там напряженной. Основные силы 62-й армии отрезаны от Сталинградского фронта, и Ставка подчинила их Юго-Восточному фронту. Вам следует принять энергичные меры, чтобы не потерять Сталинград...

Утром 3 сентября на имя Жукова поступила телеграмма из Ставки: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от города. Его могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации мало. Сталин».

Утром 5 сентября, после артиллерийской подготовки, части 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий перешли в наступление. Напряженный бой не утихал в течение всех суток.

Вечером Жукову позвонил Верховный. Выслушав доклад своего заместителя, Сталин выделил ключевой момент — немец перебросил с участка в центре на левый фланг значительные силы и, несомненно, ослабнет его нажим в центре города.

Едва ли не в самые напряженные дни боев в Сталинграде Ставку порадовали действия АДД. 27 и 30 августа, а также 10 сентября мобильные группы 1-й гвардейской авиадивизии Новодранова несли бомбовые удары по Берлину. Свыше пятидесяти тонн фугасных и зажигательных бомб «доставили» в столицу рейха лучшие экипажи дальней авиации.

Доклад начальника Генштаба Василевского предостерегал от поспешных выводов:

— От Котельниковского противник подтягивает к Сталинграду значительные резервы мотопехоты. Усиливая позиции 4-й танковой армии на южной окраине города, фон Вейхс предпримет попытку снова прорваться в тыл 64-й и 62-й армий генералов Шумилова и Чуйкова.

Затем начальник Генштаба проанализировал ситуацию на Северо-Кавказском направлении. В Новороссийске враг остановлен у цементных заводов. Генштаб беспокоит Туапсинское и Грозненское направления. Получено донесение командующего Закавказским фронтом о том, что противником захвачен город Молгобек.

Верховный бросил сердитую реплику:

— Любой ценой рвутся к грозненской нефти.

Доклад Жукова касался только обстановки в районе Сталинграда. Он заявил, что продолжение атак нашей северной группировки не имеет смысла. Они вполне боеспособны, но не имеют гаубичной артиллерии и танков. Сама местность севернее Сталинграда крайне невыгодна для наступления наших войск — открытая, изрезанная глубокими оврагами. Противник надежно укрывается в них от огня нашей артиллерии. К тому же, заняв командные высоты, враг имеет дальнее артиллерийское наблюдение и свободно маневрирует огнем.

Верховный остановился у торца стола, спросил:

— Что нужно Сталинградскому фронту, товарищ Жуков, чтобы ликвидировать коридор немца у Ерзовки и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта?

— По предварительным расчетам, товарищ Сталин, фронту требуется одна общевойсковая армия, танковый корпус, три танковые бригады и не менее четырехсот единиц гаубичной артиллерии, — ответил Жуков.

— Товарищ Жуков, а как ведут себя командармы Кузнецov, Козлов, Москаленко и Малиновский? — поставил новый вопрос Верховный.

— Все командармы, кроме Козлова, товарищ Сталин, руководят войсками уверенно, — доложил Жуков. — Генерал Козлов раздражителен, не может установить контакт с командирами и его следует заменить.

Удовлетворившись ответом Жукова, Верховный повернулся в сторону начальника Генштаба:

— Что вы скажете, товарищ Василевский? Генштаб согласен с расчетами товарища Жукова?

— Генштаб считает, товарищ Сталин, что и этих сил совершенно недостаточно. Я полагаю, что в начале операции необходимо выбросить у Гумрака хотя бы одну десантную бригаду для дезорганизации тылов противника.

Верховный достал из кармана свою «личную карту» с расположением резервов и долго изучал ее молча. Жуков и Василевский удалились от стола и продолжали негромкий анализ обстановки в районе Сталинграда.

Слова Жукова, сказанные чуть громче прежнего: «Надо искать какое-то другое решение», оторвали Сталина от карты. Он повернулся к генералам, спросил:

— А какое «другое решение» надо искать?

Жуков и Василевский вернулись к столу. Жуков сказал:

— Только усиленiem нашей группировки в городе или атаками с севера проблему обороны Сталинграда не решить.

— Мы должны усилить наши войска лишь настолько, — добавил Василевский, — чтобы надежно прикрыть город. Стратегические резервы следует использовать в операции позднее для разгрома вражеской группировки под Сталинградом.

— Вот что, — сказал Сталин, — поезжайте в Генштаб и подумайте над тем, что надо предпринять в районе Сталинграда. Сколько войск и откуда следует перебросить для усиления в городе нашей группировки. Разберитесь с ситуацией на Кавказе. Завтра вечером продолжим обсуждение этого вопроса.

Вечером 13 сентября Жуков и Василевский, с проектом плана наступательной операции, прибыли в Кремль. Верховный поздравился с ними и, глядя то на одного, словно изучая их уверенность, то на другого, спросил:

— Что надумали? Кто будет докладывать?

Начальник Генштаба ответил:

— Кому прикажете, товарищ Сталин. Мнение у нас с Георгием Константиновичем единое.

Василевский разложил на столе «оперативку». Верховный наклонился над ней и начал задавать вопросы.

— Что за стрельбы? — обратился он к Василевскому.

— Это направление ударов наших фронтов, товарищ Сталин, — ответил начальник Генштаба.

— А что это за Юго-Западный фронт? — Сталин искося посмотрел на своего заместителя.

— Это условное наименование нового фронта, товарищ Сталин, который нам предстоит создать. Он нанесет удар по тылам немецкой группировки в большой излучине Дона. Навстречу ему вспомогательный удар предпримет Юго-Восточный фронт. Главный же удар войска Еременко будут наносить навстречу Сталинградскому фронту, наступая на Калач из района Серафимовича, — карандаш Жукова скользнул на «оперативке» по двум расходящимся направлениям.

— Но сейчас у нас не хватит сил для такой большой операции, — в задумчивости возразил Верховный.

— Наши предварительные расчеты убеждают, товарищ Сталин, — сказал начальник Генштаба, — что через месяц мы сможем обеспечить силами и средствами такую операцию и подготовить ее во всех отношениях.

Не отрывая взгляда от карты, Верховный отступил на шаг от стола и рассудительно произнес:

— План не плохой. Но над ним надо еще подумать. Сейчас же для нас главное — это удержать Сталинград.

В кабинет вошел Поскребышев, доложил:

— На проводе генерал Еременко, товарищ Сталин.

Командующий Юго-Восточным фронтом доложил об обстановке на 20.00: «Противник подтягивает к городу у Верхней Ельшанки танковые силы. По-видимому, завтра предпримет новое наступление».

Опустив трубку на рычаг, Верховный, придав голосу приказные нотки, обратился к начальнику Генштаба:

— Прикажите немедля, товарищ Василевский, перебросить в Сталинград 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерала Родимцева. И посмотрите, чем можно еще помочь Юго-Восточному фронту.

— Вместе с 13-й дивизией, товарищ Сталин, можно двинуть за Волгу и 76-й гвардейский минометный полк реактивной артиллерии, — предложил Василевский.

— Хорошо, согласен. Сейчас же распорядитесь об этих пополнениях, — приказал Верховный и повернулся к своему заместителю: — А вам, товарищ Жуков, видимо, следует немедля вылететь в Сталинград и принять нужные меры там, на месте. То, что мы здесь сегодня обсуждали, кроме нас троих пока что никто не должен знать.

В полдень 25 сентября на командном пункте 1-й гвардейской армии Жуков провел совещание. В нем участвовали командующие Сталинградским и Юго-Восточным фронтами Гордов и Еременко, командующий АДГ Голованов.

Разговор шел об усилении войск, обороняющих Сталинград, чтобы измотать противника, лишить его боевой инициативы. На вопрос Еременко о возможности нанесения контрудара по врагу в районе Сталинграда Жуков ответил уклончиво: «Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока для их осуществления не имеется достаточных сил и средств».

Вечером 28 сентября вернувшиеся из Сталинграда Жуков и Василевский встретились в Кремле с Верховым и обсудили план контрнаступления. Уточнив детали о распределении сил между участвующими в операции фронтами, Сталин вдруг обратился к Жукову с неотложным «кадровым вопросом»:

— Что представляет собой генерал-лейтенант Гордов, товарищ Жуков? Он отвечает или нет должности командующего Сталинградским фронтом?

Жуков четко высказал свое мнение:

— Я достаточно хорошо изучил в последние месяцы стиль деятельности генерала Гордова, товарищ Сталин. Достаточно знает его и начальник Генштаба Василевский. В оперативном плане он вполне отвечает должности командующего фронтом, но до сих пор генерал Гордов не нашел общего языка с аппаратом своего штаба и командующими армиями.

— В бытность его командующим 21-й армией маршал Тимошенко не раз обращал внимание Генштаба на чрезмерные амбиции и грубость с его стороны,— тут же добавил Василевский.— Во главе Стalingрадского фронта целесообразно поставить более авторитетного военачальника.

— И я так думаю, товарищ Василевский,— согласился Верховный.— У вас имеется конкретная кандидатура?

— У меня имеются две кандидатуры, товарищ Сталин. Это генерал-лейтенанты Ватутин и Рокоссовский,— уверенно заявил начальник Генштаба.

Жуков не согласился с Василевским:

— Нет, Ватутина не надо трогать с Воронежского фронта. Он понадобится Ставке чуть позднее.

Верховный подвел итог дискуссии:

— Остается кандидатура товарища Рокоссовского, и я ее поддерживаю. Попутно я предлагаю Стalingрадский фронт переименовать в Донской, а Юго-Восточный — в Стalingрадский. Командующим Донским фронтом мы назначим Рокоссовского, а на Стalingрадском оставим пока Еременко. Товарища Ватутина назначим командующим Юго-Западным фронтом. Он хорошо знает этот район.

Начальник Генштаба поддержал Верховного:

— Я согласен с таким решением, товарищ Сталин.

Верховный прошел к торцу стола, негромко сказал:

— Готовые на этот срок вопросы мы решили, теперь оба вылетайте на фронты. Товарищ Жуков к Рокоссовскому, а товарищ Василевский к Еременко. Надо принять все меры к тому, чтобы еще больше измотать и обескровить немца. Дальнейшие решения будем принимать по мере их готовности.

В конце сентября тяжелая обстановка сложилась не только в центре, но и в южной части Стalingрада, по обе стороны от устья реки Царицы. Части 42-й и 92-й стрелковых бригад, а также полк 10-й дивизии НКВД полковника Сараева под напором 4-й танковой армии отошли на левый берег Волги.

К исходу 30 сентября противник захватил рабочие поселки «Красный Октябрь» и «Баррикады». Еременко передал в 62-ю армию Чуйкова 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию Гурьева и приказал использовать ее для укрепления обороны у завода «Красный Октябрь».

В ночь на 5 октября в директиве Еременко Ставка потребовала так организовать оборону в городе, чтобы каждый дом, каждая улица были превращены в крепости. В ней указывалось, что Стalingрадский фронт располагает для этого необходимыми силами и ни при каких обстоятельствах не должен быть сдан врагу. В этот же день ГКО одобрил план наступательной операции, получившей наименование «Уран». Верховный ввел режим строжайшей секретности на всю начальную стадию ее подготовки. Ни Жуков, ни Василевский не имели права никому ничего сообщать о ней.

На рассвете 9 октября Жуков и Василевский вновь вылетели на Стalingрадское направление. Руководство подготовкой контрнаступления на местах Ставка возложила по Юго-Западному и Донскому фронтам на Жукова, а по Стalingрадскому фронту — на Василевского. Вместе с ними в Стalingрад прибыли начальник артиллерии Красной Армии Воронов, командующий ВВС Новиков и начальник Главного автобронетанкового управления Федоренко. Каждому из них поручалось тщательно изучить направления главных ударов фронтовых группировок, уточнить детали их подготовки.

Подготовка операции «Уран» осложнялась тем, что Ставке ни на час нельзя было ослаблять внимания к ситуации в Стalingrade. Враг продолжал яростные атаки по всей линии нашей обороны, пытаясь любой ценой захватить город.

Ночью 15 октября в Новосибирск позвонил Сталин. Его интересовал вопрос: «Что конкретно предпринимается на авиазаводе для увеличения выпуска истребителей?». Заместитель наркома Яковлев доложил о ситуации в коллективе. Он не стал скрывать и закрываться в душу сомнений:

— Я получил сообщение, товарищ Сталин, что «ЯКи» уступают немецким истребителям в воздушных боях. Вражеские летчики легко их поджигают. Так стоит ли в таком случае развертывать их дальнейшее производство?

Сталин высказал противоположное мнение:

— Ставка, товарищ Яковлев, располагает другими сведениями о самолетах вашей конструкции, и я очень прошу вас передать коллективу завода мою просьбу о резком увеличении выпуска истребителей.

В ночь на 22 октября Ставка издала директиву о создании Юго-Западного фронта, который возглавил генерал-лейтенант Ватутин. С этого же дня началась практическая отработка с командованием всех армий непосредственно на местности оперативных вопросов их взаимодействия в предстоящем контрнаступлении.

Октябрь сорок второго приближался к своему окончанию, но никто — ни командарм 62-й, ни командующий Стalingрадским фронтом, ни Ставка — не могли определенно утверждать, что Став-

линград удастся отстоять. В любой день, и 25 и 26 октября, обстановка в городе могла перерости в закрическую. Но во фронтовых штабах Сталинградского направления, а в Ставке тем более, уже точно знали, что ветер, как и в конце сорок первого, надежно «дует в наши паруса». Новое, еще более грандиозное, нежели в декабре под Москвой, поражение вермахта на Волге неотвратимо приближалось.

«МАЛЫЙ САТУРН» НА ДОНУ

1

Завершался октябрь. Центром борьбы на Восточном фронте оставался Сталинград. Но поведение русских на других участках трехтысячекилометрового фронта вызывало «удивление и возмущение» Гитлера.

На исходе 27 октября в Главной Ставке снова дискутировался вопрос об опасности наступления Красной Армии через Дон на Ростов. Начальник Генштаба ОКХ Цейтцлер внес приемлемое для всех предложение: «Ударные дивизии держать в готовности позади угрожаемого фронта». Помимо этого, предлагалось создать дивизии с малой боевой силой, которые должны быть оснащены тяжелым оружием.

Пессимистические настроения в «Вольфшанце» между тем нарастали. Вечером 28 октября командующий 6-й армией Паулус сообщил Йодлью, что накануне русские снова атаковали позиции 371-й пехотной дивизии Штемпеля южнее Сталинграда. Им удалось путем ввода танков и сильной артиллерии расширить брешь и прорваться в южную часть Купоросного. Но этот прорыв в Главной Ставке обозначили одной строкой — «разведка боем». «Главный оператор вермахта» Йодль даже не доложил о происшедшем Гитлеру.

Сам собой 30 октября отпал вопрос о захвате Петербурга. В этот день фюрер приказал фон Манштейну перебросить свои ударные дивизии на Великолукское направление, а штаб 11-й армии — в Витебск.

В конце октября междуречье Дона и Волги погрузилось в густой туман. Авиаразведка оказалась парализованной. Штабы 6-й и 4-й танковой армий лишились всякой информации о передвижениях войск противника. Когда 1 ноября похолодало и туман рассеялся, воздушная разведка установила, что плацдарм у станицы Клетской расширился, а через Дон наведены новые мосты, частично «подводные», невидимые с берега.

Между тем в «Вольфшанце» панически нарастили тревоги в связи с приближением годовщины Октября. Здесь полагали, что в день

большевистского праздника Верховное командование Красной Армии обязательно предпримет на одном-двух участках Восточного фронта крупное наступление.

Цейтцлер привычно разложил на столе сразу три «оперативки», отражающие положение сторон в районе Петербурга, на фронте группы армий «Центр» Клюге и на Сталинградском направлении, начал доклад:

— Мой фюрер, судя по известному нам распределению танковых сил большевиков, ударов красных следует ожидать на центральном участке фронта и в районе Сталинграда. Это наиболее угрожаемые направления.

— Вы, Цейтцлер, сделали проницательный вывод, — согласился Гитлер, — но весь вопрос упирается в сроки. Когда большевики предпримут ожидаемые операции?

Но и для Цейтцлера это было большой тайной:

— Скорее всего, мой фюрер, группировка красных на Среднем Дону для удара на Ростов продолжит сосредоточение до середины ноября, а вот удар на Смоленск возможен в самое ближайшее время.

Гитлер не спеша наклонился над «оперативкой»:

— У Клюге слишком много угрожаемых участков.

— Мой фюрер, пришло время решить вопрос о сокращении фронтовой линии в полосе обороны группы армий «Центр», — тут же отозвался Йодль. — 9-я и 3-я танковая армии зимой окажутся в «оперативном мешке».

— Верно, Йодль, — Гитлер посмотрел на «главного оператора» ОКВ, — и наш долг предупредить об этом Клюге. Он не должен оставлять Ржев!

После захвата Нальчика и прорыва обороны русских на реке Урух 1-я танковая армия Клейста двинулись к Орджоникидзе. В полночь 2 ноября она захватила его пригород Гизель. В Главной Ставке сочли этот успех многообещающим. Но попытки овладеть городом с ходу не удалось. Клейст попросил у ОКВ подкреплений, которые стали для вермахта «ахиллесовой пятой». Подкреплений не поступило, и 5 ноября 1-я танковая армия вынуждена была перейти к обороне.

Приближалось 7 ноября. Лихорадка страха перед приходом чего-то очень неприятного все больше охватывала обитателей штабных апартаментов в Главной Ставке. Усиливались разговоры о кризисе доверия.

В ночь с 6 на 7 ноября многие высшие чины ОКВ и Генштаба ОКХ не могли уснуть, а утром, затемно, уже были на ногах. Гитлер и его окружение затаенно ждали первых донесений с Восточного фронта. Вскоре они поступили, но ничего особенного в них не со-

общалось. Даже, напротив, фронтовые сводки отличались излишним спокойствием и миролюбием.

В полдень 7 ноября, когда Гитлер уже принял решение об убийстве в Мюнхен на ежегодную встречу «старых борцов», в «Вольфшанце» прибыл Цейтцлер. Он получил важное донесение отдела «иностранных армий Востока», в котором сообщалось, что в Москве состоялось совещание высшего руководства с участием командующих фронтами. На нем принято решение о проведении до конца сорок второго года крупного наступления либо в полосе Донского фронта, либо в центре. Цейтцлер заострил внимание фюрера на главном — большевики готовят удар из района Москвы, но нанесут его позже.

Поезд фюрера прибыл в Мюнхен. И тут у него не было иных адресов, кроме пивной «Лёвенброй келлер». В ее зале, в обстановке безумного поклонения «старых борцов», вновь буйствовал «великий полководец»:

— Наш военный план осуществляется с железной твердостью!.. Хотели овладеть Стalingрадом, этим перевалочным пунктом на Волге, и, нечего скромничать, — он уже взят! Там, где стоит немецкий солдат, туда больше никто не пройдет. Спрашивают: «Почему же вы не продвигаетесь быстрее?» Потому что я не хочу иметь там второго Вердена⁴. Лучше наступать малыми ударными группами. При этом время не играет роли. Больше ни одно судно не идет вверх по Волге. И это — решающее!.. Вермахт выполнит любой мой приказ...

Войска 6-й армии продолжали действовать в обстановке нарастания очевидных угроз противника и полного отсутствия совершенно необходимых кадровых подкреплений. Паульс не сомневался в стойкости 11-го армейского корпуса Штрекера, обороняющего позиции у станицы Сиротинской. Но вызывала тревогу прочность рубежей, занимаемых войсками 8-й итальянской и 3-й румынской армий на Дону. Выдержат ли они, если последует мощный удар русских с севера?

На рассвете 11 ноября 6-я армия предприняла очередную попытку овладеть Стalingрадом. После артиллерийской подготовки на приступ рубежей 62-й армии Чуйкова двинулись «штурмовики» 79-й, 100-й, 295-й, 305-й и 389-й пехотных дивизий и 24-й танковой. Тяжелые бои продолжались двое суток. Но сводка потерь за первый день наступления — три тысячи убитыми и десять сожженных танков — потрясла Паульса.

Наступило 19 ноября. Неожиданную прозорливость проявила в этот день «Фелькишер беобахтер». Еще не все было ясно Цейтцлеру, ответственному за Восточный фронт. Находясь в «Вольфшанце», он принял первые тревожные донесения фон Вейхса об атаке русских в полосе обороны 3-й румынской армии у станицы Клетской. Принял и доложил в Главную Ставку. Но Бергхоф спокойно

воспринял тревоги Цейтцлера: «Мы этого давно ожидали». А вот «Фелькишер беобахтер» поместила симптоматичную заметку: «Слабые советские удары под Сталинградом». Без каких-либо комментариев.

События, однако, на Сталинградском направлении развивались стремительно. Первым в штаб 6-й армии позвонил командир 11-го армейского корпуса Штрекер из Осиновки. Он взволнованно доложил генералу Пауллюсу:

— Господин генерал, здесь суший ад! Русские обрушили на наши позиции ураганный артиллерийский огонь. Мои дивизии несут большие потери. Но основной удар нанесен по 4-му румынскому пехотному корпусу.

Командарм попытался успокоить Штрекера:

— Для прикрытия нашего левого фланга я немедленно ввожу в бой 14-ю танковую дивизию, Штрекер. О дальнейших наших действиях вы узнаете позже. Для паники пока нет никаких оснований. Держитесь, Штрекер.

Пауллюс тотчас доложил о развитии обстановки в штаб фон Вейхса и в Главную Ставку. Никаких указаний из «Вольфшанце» в ответ он не получил.

Через несколько часов обстановка на фронте 3-й румынской армии прояснилась. Русские прорвали позиции 4-го румынского корпуса Ласкара и устремились в южном направлении. Узнав эти подробности, Пауллюс позвонил командиру 11-го армейского корпуса. Он одобрил решение Штрекера о переброске 376-й пехотной дивизии на отсечную позицию, подчинил ему 1-ю румынскую кавалерийскую дивизию, потребовал восстановить связь с 14-й танковой дивизией Бесслера. Его ближайшие действия — вывести из Сталинграда 14-й танковый корпус Хубе и контратаковать русских.

В полдень фон Вейхс связался по радио с Бергхофом. Он обрисовал ситуацию на своем левом фланге, где русские нанесли два таранных удара из района Серафимовича и с плацдарма у Клетской. Не колеблясь, он обвинил в разбросе сил командира 48-го танкового корпуса Гейма и потребовал освободить его от должности.

Гитлеру всегда требовались такие «подставки», и он распорядился, чтобы Гейм был немедленно снят со своего поста и приговорен к смертной казни. Цейтцлер и Шмундт сумели убедить Гитлера в том, что обвинения Гейма не обоснованны. Его корпуса не существует и он лишь приступил к формированию 22-й танковой дивизии.

В Бергхофе воцарилось полное непонимание ситуации под Сталинградом. Верховное Командование вермахта терялось в догадках прошедшего и напряженно ждало, что принесет 6-й армии следующее утро.

20 ноября закрались сомнения в достоверности донесений Цейтцлера. «Генштабист» успокаивал: «Попытки русских атаковать восточнее Клетской отбиты немецкими войсками. Но западнее противнику удалось прорваться через румынские позиции на глубину до двадцати километров. Контрмеры танковых сил начинаются. Прорыв будет ликвидирован».

Обстановку в эти дни в Бергхофе достаточно точно характеризует адъютант фюрера Энгель: «Полный переполох из-за румын. Все висит на Гейме. Фюрер совершенно не знает, что предпринять. Мнения расходятся. У ОКХ также нет каких-либо предложений. Йодль предлагает предоставить Вейхсу свободу действий. Это отвергается. 48-й танковый корпус должен сделать все, чтобы помочь 6-й армии укрепить левый фланг. Неизвестно, где в настоящее время находится Гейм».

Паулюс, понимая, что положение его войск в Сталинграде становится угрожающим, предложил командованию группы армий «Б» принять решение об отводе их на линию по Дону и Чирю. Фон Вейхс согласился с доводами командарма 6-й. Но Гитлер отверг эти предложения и подтвердил свой приказ: «При всех обстоятельствах удерживать фронт на Волге!»

Ночью 21 ноября в журнале ОКВ было зафиксировано: «Русский прорыв фронта 3-й румынской армии между Клетской и Серафимовичем значительно углубился... Южнее Сталинграда и в калмыцких степях русские также перешли в наступление крупными силами против восточного фланга 4-й танковой армии и 4-й румынской армии».

Предвосхищая развитие событий, уже 22 ноября Паулюс доложил в штаб группы армий «Б»: «Армия окружена... Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на шесть дней. Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Возможно, придется оставить Сталинград, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта и соединиться с 4-й танковой армией».

Панические настроения в Бергхофе нарастали. Туда был вызван Шпеер. Гитлер потребовал разработать отдельную программу выпуска танков. К маю следующего года вермахт должен получить девяносто танков Порше типа «Тигр-VI». Необходимо усилить танковую броню до двухсот миллиметров. Выпустить «Таранящий тигр», способный пробивать дома. Повысить эффективность противотанковых орудий.

К исходу 23 ноября, когда окружение 6-й и 4-й танковой армий уже состоялось, а 3-я румынская армия оказалась разгромленной, командующий группой армий «Б» направил в «Вольфшанце» тел-

леграмму: «Несмотря на всю тяжесть ответственности, которую я испытываю, принимая это решение, я должен доложить, что считаю необходимым поддержать предложение генерала Паулюса об отводе 6-й армии».

Вслед за телеграммой Вейхса отчаянную радиограмму в адрес Гитлера направил командарм 6-й: «Мой фюрер! Со времени получения вашей радиограммы от 22 ноября положение резко изменилось. Замкнуть кольцо окружения на западном участке фронта противнику еще не удалось. Боеприпасы и горючее кончаются. Армия окажется в ближайшее время на краю гибели, если не удастся, со средоточив все силы, нанести поражение войскам противника, наступающим с юга и с запада».

Телеграммы Вейхса и Паулюса породили в «Вольфшанце» крайне нервную обстановку. Они придали уверенности Цейтцлеру, ответственному за Восточный фронт. Он считал невозможной доставку по воздуху семисот тонн грузов, на которых настаивал Паулюс. Это мнение разделяли командующий 4-м воздушным флотом Рихтгоффен и командир 8-го авиакорпуса Фибих.

Гитлер колебался. В ночь на 24 ноября он вроде бы согласился, что вариант Цейтцлера предпочтительнее для выхода из кризиса под Сталинградом. Начальник Генштаба ОКХ даже отоспал Вейхсу телеграмму, что прорыв 6-й армии в принципе одобрен и, наверное, утром в Гумрак поступит официальный приказ ОКХ.

Утром 24 ноября Главком «Люфтваффе» Геринг сообщил фюреру, что он организует снабжение по воздуху окруженной под Сталинградом группировки при условии удержания аэродромов для посадки самолетов. Кейтель и Йодль с воодушевлением ухватились за эту гарантию командования BBC!

Обстановка в Главной Ставке приобретала все более критическую остроту. Каждый следующий день Сталинграда становился все нетерпимее. Тема обеспечения 6-й армии по воздуху и 26 ноября доминировала на совещании при анализе обстановки вокруг «котла». Начальник отдела Главного штаба BBC Кристиан заявил, что авиация в лучшем случае сможет доставлять в «котел» не более ста пятьдесят тонн грузов ежедневно. Пятьсот тонн – это не реальная цифра.

«Пожарные меры», принимаемые Главной Ставкой по спасению окруженных войск, не приносили ожидаемых результатов. В спешном порядке формировалась новая группа армий «Дон» во главе с Манштейном. 24 ноября его поезд прибыл из Витебска в Новочеркасск, и он тотчас направил обнадеживающую радиограмму Паулюсу в «котел».

Дал знать о себе Манштейн и в Главную Ставку. Цейтцлер доложил суть его соображений, но не высказал своего мнения. Фюрер

остается спокойным, но все отвергает: «У Манштейна хорошие оперативные идеи, но, учитывая общую обстановку, они представляют собой пустую теорию».

В конце совещания Цейтцлер просит предоставить, в случае необходимости, свободу действий 6-й армии. Фюрер резко отвергает это. Речь может идти только о деблокировании, для чего имеются главные силы 4-й танковой армии.

Тем временем кольцо окружения неумолимо сужалось. С 24 по 30 ноября площадь, занимаемая войсками 6-й армии, уменьшилась более чем в два раза. Внутренний обвод Донского и Сталинградского фронтов русских зажал окруженных на территории в полторы тысячи квадратных километров. Ее протяженность с запада на восток не превышала восьмидесяти километров, с севера на юг была вдвое меньше.

Напряжение в «Вольфшанце» стремительно нарастало. В полночь 26 ноября Цейтцлер доложил Гитлеру, что 18-я армия Гречко нанесла удар по позициям 17-й армии Руффа на реке Пшиш, севернее Туапсе. Прорыв русских в район Краснодара, на Тихорецк и Ростов ставили в тяжелое положение 1-ю танковую армию фон Клейста на Грозненском направлении. К тому же 30 ноября войска Закавказского фронта Тюленева также перешли в наступление в районе Моздока.

Наступил декабрь. Все жестче становилась воздушная блокада 6-й армии, а на земле все дальше уходило внешнее кольцо окружения. Начальник Генштаба ОКХ искусно обходил при докладах будни блокированых войск, представляя достижением стойкость 9-й армии Моделя на ржевском выступе и упорство в обороне 1-й танковой Клейста у Моздока.

Цейтцлер, словно притчу, настойчиво повторял при докладах в «Вольфшанце», что на Восточном фронте все идет удовлетворительно. Утром 1 декабря он позвонил в Главную Ставку, чтобы доложить Гитлеру последние фронтовые новости, не внушающие опасений.

— Мой фюрер, — бодро начал Цейтцлер, — особо опасных прорывов на Восточном фронте не произошло. В группе армий «Б» все идет удовлетворительно. В Великих Луках ситуация тоже сносная. Атаки русских у Сокольников носят местный характер. Отличились 12-я и 20-я танковые дивизии. Хотя морозы крепчают, но болота еще не замерзли. Это обстоятельство приходится учитьывать, маневрируя войсками.

Гитлер резко прервал докладчика:

— Передайте мой приказ Клюге, Цейтцлер, что я запрещаю ему сдавать большевикам Великие Луки. Сокольники удерживать также до последнего солдата!

— Мой фюрер, со всех сторон поступают сведения о том, что Черноморский флот противника снова активизируется на море — сразу по два их крейсера обнаружены у Анапы и вблизи крымского побережья.

— А что же наш флот, Цейтцлер? — не то спросил, не то возмутился этим сообщением Гитлер. — Почему же наши суда, охраняющие крымское побережье, не смогли до сих пор их обнаружить? Пусть Редер выяснит ситуацию с этими крейсерами и дождит мне о принятых контрмерах!

— Будет сделано, мой фюрер, — отчеканил Цейтцлер. — Теперь о южном фронтовом крыле. На участках 17-й и 1-й танковой армий боевые действия носят локальный характер. Здесь важно уточнить фронт, если Москва не предпримет в ближайшие дни прорыва на Ростов со стороны Кантемировки.

— Этого удара, о котором я предупреждал Генштаб ОКХ в октябре, Цейтцлер, ни при каких обстоятельствах допустить нельзя. Тогда вообще не придется ставить вопрос о деблокаде 6-й армии. Но я слабо верю в прочность 8-й итальянской армии Гарибольди, — в голосе Гитлера сквозило разочарование. — Как Советы обошлись с румынами, мы уже знаем.

— Стalingрад, мой фюрер, без перемен, — Цейтцлер почувствовал облегчение, ибо Гитлер сам затронул «большую тему». — Жалко, что Геринг улетел в Италию. Его прогнозы по боеготованию войск Паулюса далеки от обещанного. Это все.

Как ни торопил Манштейн предстоящее наступление на Стalingрад, по расчетам начальника штаба группы армий «Дон» Шульца, ни одна из группировок раньше, чем 9 декабря, выступить не могла, как бы ни складывались дела в «котле».

До аэродрома в Питомнике ежедневно добиралось не более трети «транспортников», а вес доставленных ими грузов ни разу не превышал даже ста тонн. О трехстах тоннах в сутки пока думать не приходилось. Положение в «котле» приобретало тем временем все более драматический характер. Стремительно сокращались запасы продовольствия, и над окруженной людской массой нависла реальная угроза голода. С 1 декабря дневной рацион хлеба составлял всего лишь двести граммов на передовой и сто граммов в штабах всех уровней и тыловых службах. Общую зависть вызывали артиллерийские и тыловые части, имеющие штатный конский состав. Здесь офицеры и солдаты могли позволить себе небольшой дополнительный «мясной паек».

9 декабря Манштейн сообщил в «Вольфшанце», что при хорошей погоде, даже при недостаточном количестве войск, он двинется на выручку 6-й армии 11 декабря и уже 17 декабря предполагает соединиться с войсками Паулюса.

После вечернего обсуждения обстановки в журнал боевых действий ОКВ была вписана ремарка: «Фюрер весьма уверен и хочет

восстановить позиции на Дону. Его намерение состоит в том, чтобы сорвать первую фазу зимнего наступления русских и не позволить им достигнуть решающего успеха».

Донесение командующего группой армий «Дон» о переходе в наступление армейской группы «Гот» с Котельниковского плацдарма поступило в «Вольфшанце» одновременно с донесением фон Вейхса о «не сильных атаках» русских севернее Богучара, Медово и станицы Верхнечирской в полосе обороны 8-й итальянской армии Гарибольди.

Гитлер созвал оперативное совещание. Входящего в зал начальника Генштаба ОКХ он встретил вопросом:

— Произошло что-нибудь ужасное, Цейтцлер?

— Нет, мой фюрер, — ответил «генштабист». — Манштейн вышел на рубеж реки Аксай и захватил один из мостов.

— Я из-за этой истории не сплю по ночам еще чаще, чем после того, что случилось на юге, — мрачно выдавил Гитлер. — Невозможно понять, что там происходит.

— Нужно срочным образом что-то предпринять! — заявил Цейтцлер. — Если бы русские использовали положение, то уже ночью могла бы произойти катастрофа. Поступают все новые сведения о подготовке высадки русских в Крыму. Они намерены воспользоваться там исключительно скверной погодой.

— Это возможно, Цейтцлер, — кивнул Гитлер и тут же обратился к «главному оператору» ОКВ: — А наш флот, Йодль, способен провести десантную операцию, используя непогоду?

— Мой фюрер, в условиях снежных бурь высадка десанта невозможна, — твердо заявил Йодль.

— Русские это делают. Они, значит, способны преодолевать трудности, — повысил голос Гитлер. — А вот мы в снежную бурю высадиться не в состоянии.

Чтобы погасить неудовольствие Гитлера, Цейтцлер перешел к анализу обстановки на Кавказе. Он предложил спрятать фронт у Орджоникидзе, отвести 1-ю танковую армию с плацдарма у Терека и за счет этого высвободить либо 13-ю танковую дивизию, либо дивизию СС «Викинг». Но фюрер панически боялся всяких отходов и сразу выдвинул «неотразимые контрдоводы». Если отступить с плацдарма у Орджоникидзе, то можно потерять всю технику. Это недопустимо.

Начальник Генштаба ОКХ вынужден был перейти к анализу обстановки на Сталинградском направлении:

— Утром мне звонил Манштейн. Противник начинает оказывать давление на 23-ю танковую дивизию. Это, наверное, сказываются вновь подтянутые силы. Но вообще в течение сегодняшнего дня развернулись очень серьезные бои. Противник взял Рыбковский. Это очень неприятно, так как тут проходила линия снабжения.

— От него до 6-й армии еще свыше восьмидесяти километров,— подыгрывал эту часть доклада Гитлер.

Далее продолжался поштучный подсчет танков сначала в 17-й, потом в 11-й танковых дивизиях, какую куда из них перебросить для прикрытия брешей и стоит ли делать это вообще.

О положении на фронте 8-й итальянской армии генерал Цейтцлер высказался дипломатично. Здесь, в общем, ничего нового. Имеют место атаки русских малыми силами. Возможно, что они вообще имеют целью лишь сковать силы союзников. Но там, где стоят итальянцы, никогда нельзя ручаться за благополучный исход дела. Противник может предпринять тактический удар малыми силами и все-таки добиться успеха.

Гитлер согласился с этим выводом Цейтцлера:

— Если учесть все опасные моменты, то по-прежнему в особенно угрожаемом положении находится участок, занимаемый итальянцами. Это наш самый слабый союзник. В то же время на некоторых участках здесь почти ничего нет в глубине. Южнее мы уж как-нибудь вклиним бригаду Шульте, чтобы удержаться хотя бы на этом участке. Это будет некоторым заслоном. Но если итальянцы отступят под натиском одной только пехоты русских, действующей без танков, если они отступят, несмотря на отличное, казалось бы, оснащение колоссальным количеством артиллерии, то придется и мне стать пессимистом. Кстати, как дела у дивизии «Коссерия»?

— Мой фюрер, это нормальная дивизия, — четко ответил генерал Йодль, — только недавно прибывшая на данный участок. Она еще не принимала участия в боях.

— А дивизия «Кунеевице»? — поставил вопрос Гитлер.

— Это — горная дивизия, мой фюрер, — так же четко ответил начальник штаба Оперативного руководства ОКВ.

— Есть еще три горных дивизии, мой фюрер, — вступил в разговор «оператор ОКХ» генерал Хойзингер.

— Это старые, давно сформированные дивизии, мой фюрер, — дополнил Хойзингера генерал Йодль.

— Существуют, мой фюрер, фашистские дивизии — «3 января» и «3 марта», — дорисовал общую картину Цейтцлер.

Но Гитлер снова вернулся к «круги своя»:

— В целом я пришел к такому выводу, Цейтцлер. Ни при каких условиях нельзя уходить из Сталинграда. Снова нам его взять не удастся. Наша главная ошибка этого года заключалась в том, что мы наступали на Сухиничи.

Четырехчасовое совещание 12 декабря в «Вольфшанце» не принесло конкретных решений. В то же время тревоги за судьбу операции на реке Аксай и Среднем Дону нарастали.

Уже на второй день наступления Манштейн доложил в Главную Ставку, что, имея две танковые дивизии, он не сможет добиться

решающего успеха, ибо при растянутых флангах не в состоянии обойтись имеющимися у него силами.

Слабость итальянцев вынуждала Верховное Командование вермахта опасаться за прочность их обороны на Среднем Дону. Так что в случае ее прорыва русскими уже не приходилось думать о спасении окруженной 6-й армии в районе Сталинграда. Назревали еще большие неприятности, как для войск группы армий «Дон», так и для группы армий «А».

Вечером 13 декабря Главком ОКХ впервые заявил о необходимости, принимая во внимание положение войск Манштейна, вывести 1-ю танковую армию с Кавказа. Он понял, что катастрофа под Сталинградом могла повлечь за собой не меньшую катастрофу на Кавказском направлении.

Тем временем армейская группа «Гот» предприняла новый успешный бросок вперед. Она достигла реки Аксай, вышла на подступы к станице Верхнекумской. До «котла» оставалось всего сорок восемь километров!

В «котле» усиленно распространялись слухи, что вслед за танковыми дивизиями генерала Гота движутся бесконечные колонны с продовольствием, боеприпасами и горючим для нужд 6-й армии. Пауллюс издал приказ о сосредоточении в исходных районах свободных грузовиков.

Тем временем в «котле» все беспощаднее заявлял о себе голод. Жидкий суп из конины, три чашки горячего овощного чая или солевого кофе и два ломтика хлеба в сутки — вот при каком рационе войскам пришлось защищать территорию и готовиться к прорыву из «котла».

Развитие обстановки на Сталинградском направлении быстро приобретало драматический характер. 18 декабря в журнале боевых действий ОКВ появилась исчерпывающая запись: «Большое русское наступление против 8-й итальянской армии началось вчера утром и привело к глубокому прорыву центра армии. Враг прорвался также на участке армейской группы «Холлидт». Фюрер приказывает отвести фронт на обоих участках на более короткую позицию, потому что здесь его принцип — безусловно удерживать переднюю линию — перед лицом бегущих итальянцев совершенно неприменим».

В ночь на 19 декабря командующий группой армий «Дон» принял в Главную Ставку донесение, в котором признал, что «в связи с развитием событий в группе армий «Б», вследствие чего перерезаны пути подвоза новых сил, в его группировке создалось такое положение, что нельзя более рассчитывать на деблокаду 6-й армии в ближайшее время». Поэтому решавший прорыв 6-й армии в юго-западном направлении он считает «последней возможностью сохранить основную массу солдат и способные еще передвигаться подвижные части армии».

В то же время обстановка на Чирском участке фронта не позволяет Тормосинской группировке наступать на Калач — мост через Дон у станицы Нижнечирской удерживается противником. 6-й армии в ближайшее время предстоит перейти в наступление с целью прорыва ее войск к 57-му танковому корпусу на реке Мышкова...

К концу дня сражение на реке Мышкова армейской группы «Гог» с войсками Сталинградского фронта, усиленного 2-й гвардейской армией генерала Малиновского, достигло своего апогея. А 22 декабря все практически было уже кончено.

Паулус верил, что иного выхода, кроме как идти на прорыв, у 6-й армии нет. Но приказ Главкома ОКХ исключал такую возможность. Нарушить его он не мог, ибо самостоятельные действия в сложившейся обстановке вели к распаду всего Восточного фронта. Поэтому следовало удерживать Сталинград во что бы то ни стало, до последней возможности.

2

Жуков поражался переменам, произошедшим с Верховным только за осенние месяцы сорок второго. В конце октября Сталин проявлял «придиличную неспешность» в принятии решений, тогда как раньше сам нередко торопил командующих фронтами в нанесении неподготовленных контрударов. Чему он и теперь уделял повседневное внимание, так это Сталинграду, чтобы не был он сдан врагу ни на один час.

В начале операции «Уран» ведущая роль отводилась Юго-Западному фронту. С плацдармов на правом берегу Дона, у Серафимовича и станицы Клетской, он наносил главный удар по позициям 3-й румынской армии. Прорвав ее оборону, танковые корпуса должны были наступать на юго-восток с целью выхода в район Калача. Этот маневр отрезал пути отхода на запад Сталинградской группировке противника.

Начало операции намечалось на 9 ноября, но в связи с запаздыванием сосредоточения сил этот срок был перенесен на 19 ноября. Действия наземных войск поддерживались авиацией 2-й и 17-й воздушных армий Смирнова и Красовского.

Войска Донского фронта, одновременно с Юго-Западным, наносили два вспомогательных удара. Один силами 65-й армии от станицы Клетской на юго-восток с целью свертывания обороны 6-й армии на правом берегу Дона. Второй, силами 24-й армии, от станицы Качалинской по левобережью Дона на юг, с рассечением 6-й армии на два анклава.

Ударная группировка Сталинградского фронта переходила в наступление 20 ноября на участке от Ивановки до озера Барман-

цак. Её задача включала прорыв обороны 4-й танковой армии Гота и выход в район Калача для соединения там с войсками Юго-Западного фронта.

Для проверки готовности фронтов к началу операции Жуков и Василевский организовали совещания с командным составом фронтов. 3 ноября совещание проводилось в штабе Юго-Западного фронта в Серафимовиче; 4 ноября — в штабе 21-й армии в станице Новоклетской при участии командного состава Донского фронта; 10 ноября — в штабе 57-й армии — с командным составом Сталинградского фронта.

Хотя в середине ноября бои в Сталинграде носили локальный характер, отличаясь особой агрессивностью вблизи заводов «Барикады» и «Красный Октябрь», положение 62-й армии продолжало оставаться тяжелым. Было ясно, что враг еще силен и обязательно попытается овладеть всем городом.

11 ноября Жуков телеграфировал Верховному:

«В течение двух дней работал у Еременко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану». Проверка показала, что подготовка к «Урану» лучше идет у Толбухина... Мною приказано провести боевую разведку и на основе добывших сведений уточнить план боя и решение командарма.

Погов работает неплохо и дело свое знает.

Две стрелковые дивизии, переданные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Еременко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мебригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15. 11. 42 г.

Необходимо немедленно подбросить Еременко сто тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позднее 14. 11. 42».

12 ноября представители Ставки Жуков и Василевский вернулись в Москву. 13 ноября план операции «Уран» был доложен на заседании Политбюро ЦК и Ставки.

Вопросов по плану операции от членов Политбюро ЦК последовало не много. Первым вступил в дискуссию Калинин. Продолжая изучать карту, он спросил:

— Вот чувствуется, товарищ Жуков, большая уверенность в ваших словах об исходе Сталинградской операции. А каково же бо-

лее точное соотношение сил там имеется? Я бы хотел услышать от вас об этом.

— По тем данным, которыми мы располагаем о противнике, Михаил Иванович, — уверенно доложил Жуков, — на направлениях главных ударов Юго-Западного и Сталинградского фронтов достигнуто превосходство в силах: в людях — в три с половиной раза, в артиллерии — в четыре с половиной раза. Что касается нашего превосходства по танкам и авиации, то оно выглядит значительно скромнее.

— Вот теперь понятна ваша уверенность, товарищ Жуков, — удовлетворился ответом Калинин.

Эстафету вопросов подхватил нарком Берия:

— А почему, товарищ Жуков, контрудар Сталинградского фронта сдвинут на целые сутки позже? Может, целесообразнее нанести одновременный удар силами Юго-Западного и Сталинградского фронтов?

— Этот вопрос, товарищ Берия, проанализирован нами и в Генштабе, и на месте, — возразил Жуков. — Ударные группировки называемых фронтов находятся на разном удалении от Калача. Юго-Западный в ста пятидесяти, а Сталинградский — в ста пяти километрах. Так что при равных темпах наступления войска Ватутина затратят на сутки больше времени для выхода в заданный район. Это и повлияло на выбор сроков.

— Мы также учитывали, товарищ Берия, — добавил Василевский, — что сопротивление противника наверняка окажется не однаковым. Южнее Сталинграда мы ожидаем более слабое сопротивление.

Член Ставки Кузнецов, ни к кому конкретно не обращаясь, вставил реплику по существу:

— Сталинградскому фронту окажет посильную помощь Волжская военная флотилия. Особенно это будет ощущимо в начале контрнаступления войск Еременко.

Других вопросов по плану операции «Уран» не последовало. Но тут же возник «смежный вопрос». Жуков уже не раз обговаривал его с начальником Генштаба. Он сказал:

— С операцией «Уран», товарищ Сталин, напрямую связана и еще одна операция. Скорее всего, нам следует срочно подготовить и провести контрудар в районе Вязьмы, на коммуникациях группы армий «Центр».

Сталин остановился, повернулся к Василевскому:

— А что конкретно предлагает Генштаб?

— Как только в районе Сталинграда и на Кавказе наступит для противника тяжелое время, товарищ Сталин, противник начнет переброску резервов с других участков, — поддержал Жукова Василевский. — Поскольку группа армий «Центр» продолжает оставаться

самой сильной, то скорее всего из района Вязьмы и будут сняты мобильные дивизии и брошены на выручку войск, блокированных в стalingрадском «котле».

— Тут согласия мало, товарищ Василевский, — возразил Верховный. — Операцию в центре надо провести, это я понимаю, но ни один из вас не может сейчас уделить ей необходимое время, чтобы и ее привести к положительному итогу.

— Стalingрадская операция уже подготовлена, товарищ Сталин, — не согласился Жуков. — Поэтому товарищ Василевский может взять на себя координацию участвующих в ней фронтов, а я мог бы заняться разработкой операции по разгрому Ржевской группировки врага.

Идея явно понравилась Верховному:

— Хорошо. Завтра вы оба вылетаете в Стalingрад. Еще раз проверьте готовность войск к началу операции, а потом Ставка решит вопрос по Ржеву. Но от командующих фронтами надо сегодня же запросить их соображения по этому поводу, товарищ Василевский.

17 ноября Жуков был вызван в Ставку для разработки операции войск Калининского и Западного фронтов.

Поздней ночью, когда в блиндаже Чуйкова шло заседание Военного совета, из штаба Еременко сообщили, что скоро будет передан приказ командующего фронтом. Установившееся было молчание нарушил член Военного совета Гуров:

— Товарищи дорогие! Мы переходим в наступление!

Начальник штаба Крылов уточнил:

— Не мы, Кузьма Акимович, не 62-я армия переходит в наступление... Другие армии фронта переходят.

Командарм 62-й легко разрешил это противоречие:

— Красная Армия переходит в наступление.

Возбужденные, охваченные благостным нетерпением члены Военного совета тут же перешли в соседний блиндаж узла связи, и вскоре Чуйков прямо с ленты стал вслух читать приказ командующего фронтом: «19 ноября переходят в наступление войска Юго-Западного и Донского фронтов, 20 ноября — Стalingрадского фронта».

Начало контрнаступления Красной Армии в районе Стalingрада «смазала» погода. Разразившийся ночью снегопад и сильный предутренний туман резко снизили эффективность артиллерийского огня и начисто исключили возможность использования бомбардировочной и штурмовой авиации.

Но ничто уже не могло остановить наступательный порыв наших войск. Когда в полдень 19 ноября 5-я танковая армия встретила упорное сопротивление врага и притормозила продвижение вперед, Романенко немедленно ввел в сражение 1-й и 26-й танковые

корпуса. Они с ходу прорвали оборону врага на всю тактическую глубину, разгромили 5-й румынский армейский корпус и устремились в направлении Калача.

Исключительно успешно развертывалось наступление 21-й армии Чистякова. Ее ударный кулак, 4-й танковый корпус, разгромив 14-ю немецкую танковую и две румынских пехотных дивизии 3-й армии, в первый же день операции продвинулся вперед до тридцати пяти километров, выйдя на широкий оперативный простор.

Соединения 65-й и 24-й армий Донского фронта Рокоссовского нанесли вспомогательные удары по позициям противника с плацдарма восточнее станицы Клетской и в междуречье Дона и Волги.

В операции Сталинградского фронта ведущая роль отводилась 57-й и 51-й армиям Толбухина и Труфанова. После артиллерийской подготовки 20 ноября стрелковые дивизии прорвали оборону 4-й румынской армии в дефиле между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак, создав условия для ввода в прорыв подвижных соединений. 13-й танковый корпус Танасчишина, действующий в полосе 57-й армии, наступал в направлении Наримана и к исходу дня продвинулся вперед до пятнадцати километров. 4-й механизированный корпус Вольского наступал в полосе 51-й армии и 21 ноября овладел Тингутой и Зетами.

На исходных позициях оставалась 62-я армия Чуйкова. Но... 20 и 21 ноября войска 51-го армейского корпуса Зейдлица продолжали атаковать позиции группы Горохова у Спартановки, «остров Людникова» и передний край 95-й стрелковой дивизии Горишного у завода «Баррикады». 21 ноября командующий Сталинградским фронтом называл командарму 62-й с запросом — нет ли признаков отхода противника из Сталинграда, не снимает ли он с передовой свои части?

Хотя операция «Уран» развивалась успешно, 22 ноября сложилась острыя ситуация на стыке 5-й танковой и 21-й армий южнее Располинской. Возникла опасность прорыва 4-го и 5-го румынских корпусов в направлении Калача, на соединение со сталинградской группировкой Паульса.

Овладев на рассвете 22 ноября мостом через Дон северо-западнее Калача, войска 4-го танкового корпуса Кравченко продвинулись в междуречье Дона и Карповки. Навстречу им, освободив Советский, наступал 4-й механизированный корпус Вольского. Во второй половине дня 23 ноября их передовые бригады, 45-я танковая бригада Жидкова и 36-я мотобригада Родионова, встретились в степи между Калачом и Советским. Окружение сталинградской группировки врага завершилось!

В конце дня 23 ноября в адрес командующего Донским фронтом поступила телеграмма Верховного:

«Товарищу Донцову.

Копия: товарищу Михайлову.

По докладу Михайлова, 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев сняты с вашего фронта, и теперь они дерутся против 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло. Дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вергтчайль был взят. Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника. Подтолкните Батова, который мог бы действовать более напористо».

Вечером 23 ноября начальник Генштаба Василевский, переговорив с командующими Донским и Сталинградским фронтами и наметив план дальнейших действий, доложил Верховному свои новые предложения:

— Окружение вражеской группировки в районе Сталинграда состоялось, товарищ Сталин, но нашим войскам еще не удалось создать сплошной внешний фронт.

— Но, товарищ Василевский, у немца тоже нет сплошной линии обороны, — возразил Верховный.

— Верно, товарищ Сталин, — согласился Василевский. — На участке Лихая — Ростов вообще образовалась огромная брешь.

— Что предлагает Генштаб?

— Важнейшей задачей войск Донского и Сталинградского фронтов, товарищ Сталин, является быстрая ликвидация окруженной вражеской группировки. Для решения этой задачи нужно надежно изолировать ее от подхода неприятельских войск, быстро создать прочный внешний фронт и иметь за ним достаточные резервы из подвижных соединений.

— Ваши предложения, товарищ Василевский, одобряются. Поторопите Рокоссовского. Три часа назад я направил ему и вам телеграмму, чтобы вы действовали более решительно.

— Мною уже отдана директива командующему Донским фронтом, товарищ Сталин, о переходе в наступление 66-й армии Жадова, — доложил Василевский.

Время шло, а результаты действий против окруженной группировки не радовали Ставку. 21-я армия Чистякова продолжала тяжелые бои восточное Дона, у Голубинского и Каменского. Севернее, перед Вергтчайм и Песковаткой, остановилась 65-я армия Батова. Мало продвинулась вперед 24-я армия Галанина. 66-ю армию Жадова противник остановил на рубеже бывшего нашего среднего укрепленного обвода.

Одной из главных причин, замедливших ликвидацию окруженной группировки, явилось то, что в исходных сведениях о противнике был допущен серьезный просчет. Согласно разведданным

фронтов, численность войск Паулуса определялась в восемьдесят пять — девяносто тысяч человек. Фактически же она оказалась в три с лишним раза больше.

Напряженные бои показали, что наличных сил семи передовых армий для выполнения поставленной задачи по ликвидации блокированной группировки не хватает. Требуется тщательная подготовка новой операции с детальной отработкой взаимодействия фронтов. Еще лучшим решением представлялась командующему Донским фронтом Рокоссовскому передача руководства всей операцией в руки командования одного из фронтов — Донского или Сталинградского.

Все внимание командования Юго-Западным фронтом сосредоточивалось на обеспечении внешнего фронта окружения вражеской группировки западнее Волги, тогда как войска Сталинградского фронта Бременко действовали и на внутреннем, и на внешнем его обводах.

26 ноября представитель Ставки Василевский получил указание Верховного полностью сосредоточиться на быстрой ликвидации 6-й и 4-й танковой армий в районе Сталинграда. Это позволяло высвободить занятые в операции войска и перенацелить их на разгром южной группировки врага, действующей на Кавказском направлении.

Наряду с осуществлением грандиозной наступательной операции в районе Сталинграда, Ставкой, начиная с первых чисел ноября, прорабатывались еще две операции — по деблокаде Ленинграда и по ликвидации ржевского выступа в центре советско-германского фронта. Обе они, по мнению Верховного Главнокомандующего, являлись неотложными.

Жуков был предельно ответствен. Продолжая разработку операции войск Калининского и Западного фронтов по ликвидации ржевского выступа, он тем не менее настоял на проведении частной наступательной операции у Великих Лук, как только советскому командованию стало известно об убытии с этого участка соединений 11-й армии Манштейна.

Ночью 28 ноября представителю Ставки в штаб Калининского фронта позвонил Сталин:

— Товарищ Жуков, как идут у вас дела?

— Часть своей основной задачи в операции Калининский фронт уже выполнил, — доложил Жуков. — Я имею в виду окружение противника в районе Ширяпина.

— Раз окружены две немецкие дивизии, товарищ Жуков, то пусть Галицкий предъявит им ultimatum о капитуляции, — сказал Верховный. — Не сложат оружия, но хоть знать будут, что они окружены и обречены.

— Нет, товарищ Сталин, с ultimatumом один-два дня надо повременить, — возразил Жуков. — 3-й ударной армии необходимо

уплотнить внутреннее кольцо окружения у Ширипина, окружить Великие Луки.

— А как действует 5-й гвардейский корпус Белобородова? Когда он пробьется к Новосокольникам?

— Скорее всего, это сделает 2-й межкорпус, товарищ Сталин, — уточнил Жуков. — А 5-й гвардейский блокирует группировку противника в районе Ширипина.

— Понятно, товарищ Жуков, — сказал Сталин и перешел к вопросу, ради которого и позвонил: — Вы знакомы с обстановкой в районе Сталинграда?

— Да, знаком, — ответил Жуков.

— У нас тугу идут дела по ликвидации окруженной группировки, — продолжил прежнюю мысль Верховный. — Я хочу услышать ваше мнение по этому поводу.

2 декабря Ставка рассмотрела план операции «Сатурн». Ее замысел заключался в нанесении двух ударов в общем направлении на Миллерово, Каменск-Шахтинский: первого — силами 6-й армии Воронежского и 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронтов с плацдарма у Верхнего Мамона; второго — войсками 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта от станицы Боковской. На первом этапе операции предусматривалось разгромить 8-ю итальянскую армию, на втором — развить наступление на Миллерово и Ростов.

Наряду с подготовкой операции «Сатурн» Ставка настойчиво добивалась от командующих Донским и Сталинградским фронтами быстрой ликвидации блокированной вблизи Волги группировки. Но все усилия наших войск в этом направлении оказались тщетными.

После безуспешных попыток в конце ноября расчленить блокированную группировку командующий Донским фронтом Рокоссовский при каждом следующем докладе Верховному предлагал прекратить бесплодные атаки, перегруппировать силы, уточнить план операции. 4 декабря эти предложения были частично приняты Ставкой.

Вечером 11 декабря Ставка утвердила план операции «Кольцо» с учетом участия в ней, в полосе наступления войск Донского фронта, 2-й гвардейской армии Малиновского. Итоговый результат последовательно достигался в три этапа.

Утром 13 декабря Верховный позвонил в Заварыгин представителю Ставки Васильевскому и сообщил, что решением ГКО 2-я гвардейская армия Малиновского переводится из состава Донского в Сталинградский фронт и немедленно перебрасывается на юг. В создавшейся обстановке это решение являлось наиболее правильным и целесообразным.

А вечером того же дня последовало еще одно важное решение Ставки об изменении направления главного удара Воронежского и Юго-Западного фронтов.

Согласно плану операции «Сатурн», главный удар намечалось нанести прямо на юг, через Миллерово на Ростов, в тыл всей группировке противника на юном крыле советско-германского фронта. Начинаясь операция в соответствии с планом 10 декабря, этот вариант «Сатурна» вполне мог бы остаться жизнеспособным. Но по инициативе командующих Воронежским и Юго-Западным фронтами Голикова и Ватутина, поддержанной представителем Ставки Верховного, ее начало было перенесено на 16 декабря. За неделю противник успел пополнить свои войска резервами, усилить группу армий «Дон» фельдмаршала Манштейна на решающих направлениях — Тормосинском и Котельниковском.

В новой обстановке главный удар войска Юго-Западного фронта наносили на юго-восток в направлении Тацинской и Морозовска. Ставилась задача — взять в клещи Боковско-Морозовскую группировку противника и одновременным ударом 1-й гвардейской армии Кузнецова из района Богучара, а также 3-й гвардейской и 5-й танковой армий Лелашенко и Романенко от станиц Боковской и Обливской ликвидировать ее. Эта операция получила наименование «Малый Сатурн».

Попытки командующего Сталинградским фронтом Еременко остановить продвижение армейской группы «Гот» путем ввода в сражение у Верхнекумского 13-го танкового корпуса окончились безуспешно. В момент крайнего обострения обстановки на Котельниковском направлении им было принято единственно верное решение — без промедления бросить в наступление на станицу Нижнечирскую сосредоточившуюся на исходных позициях 5-ю ударную армию Попова.

Прорвав оборону наспех собранных частей противника, стрелковые соединения, поддержанные 7-м танковым корпусом Ротмистрова, овладели плацдармом у Рычковского и к исходу 14 декабря ворвались в станицу Нижнечирскую. Теперь правый фланг 51-й армии Труфанова был надежно обеспечен.

15 декабря 4-й межкорпус Вольского вместе с 87-й стрелковой дивизией выбил противника из Верхнекумского и приостановил его продвижение на Сталинград. До южного обвода «котла» армейской группе «Гот» оставалось пройти чуть больше пятидесяти километров.

Тем временем пешим маршем к реке Мышкова перебрасывалась 2-я гвардейская армия Малиновского. Несмотря на сильные морозы, ее части совершили переходы до пятидесяти километров в сутки. 18 декабря две стрелковые дивизии и 2-й гвардейский межкорпус, оставив позади двести километров, заняли позиции по реке Мышкова и у совхоза «Крепь».

Ставка оперативно решала назревшие вопросы. 19 декабря она передала 6-ю армию Воронежского фронта в состав Юго-Западно-

го фронта и приказала Ватутину резко повысить темпы наступления, особенно танковых корпусов.

Выполняя директивы Ставки, командующий Юго-Западным фронтом отдал приказ командирам подвижных соединений увеличить темпы наступления. Ударные танковые корпуса, при поддержке 17-й воздушной армии Красовского, устремились в направлении Кантемировки, Кашаров и Первомайского. Их неожиданные удары по коммуникациям 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холтидт», по существу, парализовали возможное сопротивление врага.

Утром 19 декабря представителю Ставки на Воронежском и Юго-Западном фронтах Воронов позвонил Верховный. Stalin поздоровался и тут же спросил:

— Какова обстановка на фронте, товарищ Воронов?

Начальник артиллерии четко ответил:

— Войска Юго-Западного фронта продолжают успешное наступление на Морозовск. Противник в ответ усиливает штурмовые и бомбовые удары по передовым танковым корпусам. Авиации для их прикрытия у нас не хватает, поэтому усиливаем их зенитное прикрытие.

Stalin, не колеблясь, возразил:

— Есть только один способ уберечь наши подвижные соединения от чрезмерных потерь, товарищ Воронов, это поднять темпы их наступления.

После непродолжительной паузы Верховный несколько сместил акцент в разговоре:

— А вы не считаете возможным, товарищ Воронов, закончить свою работу на Юго-Западном направлении? Вы не станете возвращаться, если Ставка переместит вас в район Сталинграда и поручит координацию действий Донского и Сталинградского фронтов?

— Но ведь эту работу выполняет на Донском и Сталинградском фронтах товарищ Васильевский?

— Чувствуется, что вам не хочется уезжать от товарища Ватутина, — в голосе Верховного зазвучали жесткие нотки. — Как и некоторые другие военачальники, вы, товарищ Воронов, видимо, недооцениваете важность быстрой ликвидации окруженной группировки.

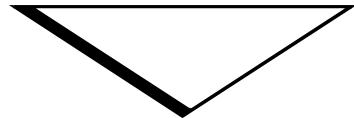
Тут разговор прервался, но вечером Воронов получил директиву: «Товарищу Воронову, как представителю Ставки, представить не позднее 21 декабря план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти-шести дней».

Прибыв в полдень 20 декабря в штаб Донского фронта, начальник артиллерии вместе с Рокоссовским тотчас приступил к разработке нового плана «Кольцо», в отсутствие войск 2-й гвардейской

армии Малиновского и других подкреплений, исключая артиллерийские.

Утром 22 декабря, чтобы сковать возможные действия Тормошинской группировки фон Манштейна в направлении «котла», перешла в наступление от станицы Нижнечирской 5-я танковая армия Романенко.

Командующий группой армий «Дон» отдал приказ своим войскам о переходе к обороне. Эlopея ее усилий по деблокаде 6-й армии завершилась полным провалом. Теперь судьба блокированного в «котле» войска Паулюса находилась в его собственных руках.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ВИСЛЫ

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

1

Складывалось впечатление, что начало сорок третьего года обозначило победоносное наступление Красной Армии по всему советско-германскому фронту. Доминировали центральные и особенно южные направления.

1 января началась операция войск Южного фронта по освобождению Ростова. 3 января перешла в наступление Северная группа Закавказского фронта с целью освобождения Ставрополя. 10 января войска Донского фронта начали операцию «Кольцо» с целью разгрома блокированной в районе Сталинграда группировки Паулюса. На следующий день, 11 января, Закавказский фронт и Черноморская группа войск начали крупнейшую Краснодарско-Новороссийскую операцию...

Когда утром 1 января представитель Ставки Василевский прибыл с передовой в Верхнечарышинский, то первым делом ознакомился с директивой Москвы в свой адрес. Подписанная Верховным директива гласила: «План дальнейших действий войск Южного фронта Еременко утвержден. Необходимо силами подвижных соединений овладеть: Цимлянской – 2 января; Константиновским – к исходу 4 и ни в коем случае не позже 5 января; Сальском –

5 января; городами Шахты и Новочеркасском — 7 января; Тихорецкой — 15—16 января».

Операция получила кодовое наименование «Дон». Организация взаимодействия войск Юго-Западного и Южного фронтов возлагалась на начальника Генштаба Красной Армии генерал-полковника Василевского.

Однако спустя всего пару часов, в разговоре с Верховным начальником Генштаба получает от Сталина совсем другое указание: немедленно убыть в качестве представителя Ставки на Воронежский фронт и принять участие в проведении запланированных на Верхнем Дону операций, взяв на себя организацию взаимодействия войск Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов. Прорыву обороны противника на этом направлении Ставка придавала первостепенное значение.

Тем не менее Верховный ни на минуту не выпускал из поля зрения ситуацию в районе Сталинграда и торопил командование Донского фронта с переходом в наступление для быстрой ликвидации блокированной группировки.

Вечером 3 января представитель Ставки на Донском фронте Воронов направил в Москву донесение, в котором сообщал Верховному, что из-за опоздания войсковых пополнений и транспортов с боеприпасами начать операцию «Кольцо» 6 января не представляется возможным и просил перенести ее начало на 10 января.

Получив донесение начальника артиллерии, Сталин позвонил в Заварыгин и, не здороваясь, в раздраженном тоне отчитал представителя Ставки за промедление:

— Вы, товарищ Воронов, дождитесь, что немец вас самих возьмет в плен! Вам пора понять, что никакие оттяжки с ликвидацией окруженной группировки недопустимы. А вы умышленно затягиваете это дело, хотя знаете, что медлить далее нельзя. Необходимо, товарищ Воронов, принять все меры к тому, чтобы фронт перешел в наступление 6 января!..

— Товарищ Сталин, как я могу потребовать от командующего фронтом начать операцию 6 января, если по плану артподготовка должна продолжаться пятьдесят пять минут, а боеприпасов на данный момент имеется только на половину этого времени? — возразил Воронов.

— До 6 января у вас есть в распоряжении целых двое суток, товарищ Воронов, и положение с боеприпасами вполне можно поправить, — не согласился Верховный.

— Оставшиеся двое суток учтены нами, товарищ Сталин. Будет доставлено двенадцать, максимум пятнадцать процентов от их расчетного количества, — не сдавался Воронов.

— А почему произошла такая задержка с подвозом боеприпасов, товарищ Воронов? — спросил Верховный.

Начальник артиллерии ответил и на этот вопрос:

— В целях ускорения подхода эшелонов и транспортов, товарищ Сталин, пришлось согласиться на их разгрузку в большом удалении от мест выгрузки.

— Какую дату начала операции вы предлагаете, товарищ Воронов? — смягченным тоном спросил Верховный.

— «Плюс четыре», товарищ Сталин, то есть 10 января, — ответил начальник артиллерии Красной Армии.

— Хорошо. Срок «плюс четыре» утверждается, — закончил возбужденный разговор Stalin.

В Заварыгине, в штабе Донского фронта, тем временем решалась «проблема ультимата». 1 января Рокоссовский позвонил в Москву Антонову и высказал предложение предъявить ультиматум о капитуляции блокированной группировке. Эта идея понравилась и Верховному. Он затребовал от командующего Донским фронтом текст документа и, утвердив его, поручил Рокоссовскому вручить ультиматум Паулюсу за день до перехода войск фронта в наступление.

В ночь на 8 января наши самолеты разбросали над «котлом» десятки тысяч листовок с текстом ультиматума на немецком языке. С вечера условия капитуляции непрерывно передавались по радио на переднем крае. А утром наши парламентеры, майор Смыслов и капитан Дятленко, с развернутым белым флагом в сопровождении горниста вышли из блиндажа и направились в сторону немецких позиций. Но навстречу им никто не вышел. По ним был открыт сначала одиничный ружейный, а затем пулеметный огонь. Парламентеры благополучно возвратились на «исходные позиции» ни с чем.

Воронов доложил о произошедшем в Ставку. В разговоре с ним Верховный посоветовал не отчаиваться и повторить «операцию» со стороны южного фаса «котла», на участке 57-й армии Толбухина. И здесь утром 9 января опасную миссию парламентеров вновь выполняли майор Смыслов и капитан Дятленко. На этот раз наши «дипломаты» благополучно достигли позиций противника и были встречены немецкими офицерами. Однако вручить им пакет откачались и потребовали, чтобы их проводили на армейский командный пункт для встречи с генералом Паулюсом или его заместителем. Парламентерам завязали глаза и доставили в штаб ближайшего армейского корпуса, где после телефонных переговоров с командованием блокированной группировки было заявлено об отклонении ультиматума. Теперь ее окончательную судьбу предстояло решить силой оружия.

В 8.05 10 января в морозное небо взвились сигнальные ракеты, и гром артиллерийской канонады обрушился огненным смер-

чем на позиции врага по всему обводу «кольца». Через час перешли в наступление наши танки и пехота. Артиллерия же, впервые за годы войны, непрерывно поддерживала их атаки огненным валом на глубину до двух километров.

К концу дня 12 января соединения 65-й и 21-й армий, взаимодействуя на смежных флангах, завершили ликвидацию «Мариновского выступа» и вышли на рубеж реки Россонька. Удерживающие западный фас обвода «котла» 44-я и 376-я пехотные, а также 3-я моторизованная дивизии противника были разгромлены. Несколько потеснили оборону врага войска 66-й и 64-й армий Жадова и Шумилова. Повсеместно отступая, враг оказывал яростное сопротивление. Но войска Донского фронта было уже не сдержать. Операция «Кольцо» неумолимо близилась к своему победному завершению.

В полдень 7 января, когда работа над планом Острогожско-Россошанской операции была в самом разгаре, в штаб Воронежского фронта позвонил Верховный. Утром он уже обсуждал с Жуковым положение на Верхнем Дону, но теперь поднял «извечно большой вопрос» о положении под Ленинградом:

— Приближается срок начала операции по деблокаде Ленинграда, товарищ Жуков. Там в качестве представителя Ставки находится товарищ Ворошилов. Но Ставка считает необходимым, чтобы и вы побывали в Ленинграде в ближайшие дни. Нужно на месте посмотреть, все ли сделано для того, чтобы операция «Искра» прошла успешно. Некоторый резерв времени у вас, по-моему, есть, так что обязательно сделайте остановку в Москве.

— Но подготовка Острогожско-Россошанской операции еще не закончена, товарищ Сталин.

— Что еще предстоит сделать?

— Необходимо отработать взаимодействие фронтов Голикова и Ватутина на стыках, уточнить задачи 7-го кавалерийского корпуса Соколова, — четко доложил Жуков.

— Понятно. Какое же решение примем? Мне срочно надо посоветоваться с вами.

Жуков до деталей изучил манеру действий Верховного при решении срочных вопросов. Он предложил:

— Хорошо. Генерал Василевский в курсе всех дел на Воронежском направлении, товарищ Сталин, и пусть он доведет здесь дело до конца, а я вылетаю в Ставку.

Верховный удовлетворенно закончил разговор:

— Согласен. Вылетайте в Москву незамедлительно.

Когда на исходе дня Жуков приехал в Кремль, Сталин поздоровался с ним за руку, сказал:

— До начала операции «Искра» у вас есть в запасе некоторое время, и мне бы хотелось, чтобы вы слетали на пару дней в 3-ю удар-

ную. Армия ведет тяжелые бои. Больше месяца ей не удается сломить сопротивление гарнизона в Великих Луках. Надо оказать командованию армии практическую помощь, поправить создавшееся положение.

Возражений со стороны Жукова не последовало:

— Хорошо. Мне все понятно. Я сегодня же вылетаю на Калининский фронт, товарищ Сталин.

И улетел, возможно, лучше других понимая, что операция в районе Великих Лук оттягивала на себя значительные силы противника. Это состояние в центре советско-германского фронта требовалось сохранить, чтобы Верховное Командование вермахта уже ни при каких обстоятельствах не смогло использовать их в ближайшее время под Ленинградом или, тем более, под Сталинградом.

Перегруппировав силы, войска Донского фронта в середине января вновь перешли к активным наступательным действиям. Учитывая изменившуюся обстановку, острье главного удара переместилось в полосу наступления 21-й армии Чистякова. Главный удар наносился на участке Елха — Западновка в направлении Воропоново. Войска 66-й армии продолжали прорыв к Питомнику. Слева их обеспечивала 24-я армия Галанина, наступающая на Гумрак.

Когда члены Политбюро ЦК уже поднялись со своих мест, посчитав очередное заседание законченным, Сталин предложил решить еще один неотложный вопрос:

— Пришло время поощрить наших известных военных за проявленное мастерство и усердие. В битве под Москвой и в Сталинградской операции хорошо проявил себя генерал армии Жуков. Я предлагаю присвоить ему очередное воинское звание «Маршал Советского Союза».

Молотов «с нажимом», вроде бы резонно, возразил:

— В успех Сталинградской операции не меньший вклад, чем генерал Жуков, внес и генерал Василевский.

Молотова тут же поддержал Каганович:

— Воронова и Голикова тоже надо повысить в звании.

Сталин, казалось, сделал оппонентам уступку, но продолжал отстаивать свое предложение:

— Повысим в звании и Воронова, и Голикова, но будет справедливо, если Политбюро ЦК выскажет свое мнение прежде всего по кандидатуре Жукова. Сегодня прорвана блокада Ленинграда, и вклад генерала армии Жукова в успех операции «Искра» огромен.

Других выступлений не последовало... 18 января Московское радио разнесло на весь мир, что генералу армии Жукову присвоено очередное звание «Маршал Советского Союза».

Представителю Ставки на Ленинградском фронте Ворошилову в ночь на 8 января позвонил Верховный. Подробно расспросив

его о ходе подготовки операции «Искра», Сталин вдруг недовольно повысил голос:

— Товариши Жданов и Говоров тоже докладывают, что подготовка операции завершена, но, учитывая ее скоротечность, следует еще раз убедиться в готовности войск Суханова к решительному наступлению. Командующий он с опытом, но в таком важном деле излишняя строгость не помешает.

— Командующий 13-й воздушной армией Рыбальченко предлагает привлечь к участию в операции и авиацию Краснознаменного Балтийского флота, товарищ Сталин.

— Авиация Балтфлота должна выполнять самостоятельную задачу в операции. Пусть Трибуц распорядится, чтобы она нанесла удары по прифронтовым аэродромам немца, не позволила его авиации бомбить войска Суханова в районах сосредоточения, — уточнил Верховный.

— Все вопросы взаимодействия будут уточнены на сегодняшнем заседании Военного совета фронта.

— Уточните, — сказал Сталин. — И вот еще что. На Волховский фронт завтра прибудет Жуков. Вам надо встретиться с ним и согласовать вопросы взаимодействия.

— Такая встреча не окажется лишней и для командования фронтов, — возразил Ворошилов.

— Договоритесь о встрече членов Военных советов фронтов. Я не возражаю, — согласился Верховный.

План прорыва блокады Ленинграда был предельно прост. 67-я армия Духанова прорывает оборону врага на участке Шлиссельбург — Московская Дубровка и наступает в направлении Рабочих поселков № 1 и № 5. 2-я ударная армия Романовского наносит встречные удары по врагу на участке Липка — Гайтолово и тоже наступает в направлении тех же Рабочих поселков № 1 и № 5.

Ставка отлично представляла сложность стоящих перед войсками задач. Противник создал на всей территории прорыва мощный защитный бастион. Плотность его войск на передовой вдвое превосходила предусмотренную уставом сухопутных войск. По своему характеру оборона напоминала полевой укрепленный район.

На участке прорыва 2-й ударной и 8-й армий от Липок до Мышкино командование 18-й армии создало пять узлов сопротивления — вокруг Липок, Рабочего поселка № 8, Роши Красной, Гайтолово и Тортолово. Неразумно было бы атаковать их в лоб. Командование Волховского фронта настойчиво искало лучшие решения.

Все эти вопросы и стали предметом тщательного рассмотрения на ночной встрече представителей Ставки и Военных советов Ленинградского и Волховского фронтов. После нее маршал Ворошилов и члены Военного совета Ленинградского фронта отправились

в Ленинград, а заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Жуков продолжил работу в войсках Волховского фронта.

Прорыв обороны врага на Неве в районе Марьино Ленинградским фронтом и встречные действия Волховского фронта у Рабочего поселка № 8 предопределили успех «Искры». На седьмые сутки ожесточенных боев от побережья Ладожского озера до Синявинских высот 136-я и 18-я стрелковые дивизии взаимодействующих фронтов встретились у Рабочих поселков № 1 и № 5. Пятидневная блокада Ленинграда была, наконец, прорвана!

На исходе 14 января на командный пункт 2-й ударной армии поступило донесение о том, что пехотинцами-бронебойщиками 18-й стрелковой дивизии у станции Синявино подбит вражеский танк, который по внешнему виду резко отличается от ранее известных типов танков. Его экипаж бежал, но противник держал танк под непрерывным артиллерийским огнем и несколькими атаками пытался снова овладеть им и убрать с поля боя.

Представитель Ставки Жуков, ознакомившись с необычным донесением, распорядился срочно создать боевую группу, чтобы захватить экспериментальную вражескую машину и отбуксировать ее на опытный фронтовой полигон для изучения стойкости брони и выявления уязвимых мест.

В ночь на 17 января задача, поставленная Жуковым, была успешно выполнена группой старшего лейтенанта Косарева. Она овладела танком и отбуксировала его с нейтральной полосы в расположение наших войск. Как показал бортовой формуляр, ею оказался экспериментальный образец № 1 нового танка типа «Тигр». Он был направлен Верховным Командованием вермахта в район Ленинграда для прохождения боевых испытаний и не выдержал их. Наши бронебойщики повредили лишь смотровые приборы опытного танка, и, потеряв «глаза», экипаж оставил его исправным на поле боя.

Московское радио 18 января на весь мир разнесло «В последнем часу» радостную весть об успешном наступлении наших войск в районе южнее Ладожского озера и прорыве блокады Ленинграда: «Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до четырнадцати километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липка, Рабочие поселки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8, станцию Синявино и станцию Подгорная. Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда!»

Как только в Москву поступило сообщение о прорыве блокады Ленинграда, ГКО 18 января принял постановление о строительстве железнодорожной линии — Ленинград — Волховостроевский железнодорожный узел.

Хотя разгром Острогожско-Россошанской группировки противника еще не был завершен к 19 января, в тот день Ставка утвердила план новой Воронежско-Касторненской операции, которая развивала предыдущую, опираясь на ее конечный результат. Два главных удара наносились в ней на Касторное: с севера, из района Ливен, 13-й армией Пухова; с юга, из района Роговатое — Погорелое, 40-й армией Москаленко. Встретившись у Касторного, наши войска завершили окружение основных сил 2-й армии Зальмута, ликвидировали Воронежский выступ, очищали от противника важнейшую железнодорожную линию Елец — Касторное — Валуйки.

В середине января операция по уничтожению блокированной группировки 6-й армии не прекращалась ни на минуту. Упорно преодолевал Донской фронт сопротивление врага. К этому времени выявился просчет нашей разведки в количественной оценке окруженных войск. В плен сдался армейский квартирмейстер подполковник фон Куновски, который и внес ясность — на 10 января в «котле» находилось двести пятнадцать тысяч человек.

В ночь на 27 января в Бобров позвонил Верховный. Он начал разговор с традиционного вопроса:

— Как идут у вас дела, товарищ Василевский?

Василевский разложил перед собой карту, доложил:

— В целом, товарищ Сталин, операция в районе Воронежа развивается успешно. Возможно, к концу завтрашнего дня танковые соединения 13-й и 40-й армии прорвутся к Касторному. Пухов и Москаленко уверены, что им удастся окружить 2-ю армию противника.

— А как решен вопрос с горючим у Кравченко? Танкистов ни в коем случае останавливать нельзя.

Хотя вопрос Сталина прозвучал для начальника Генштаба неожиданно, тот уверенно ответил:

— Горючее в 4-й танковый корпус доставлено самолетами, товарищ Сталин. Пока полторы заправки. Авиаторам мешает сильная метель, да и морозец за двадцать поджимает. Частью сил Кравченко обошел Горшечное южнее и наступает в направлении города Тим.

— Может, емкости с горючим разместить на санях и двигать их тракторами вслед за танковыми колоннами? — высказал предложение Верховный.

— Снабженцы пообещали мне найти выход из положения, товарищ Сталин, — завершил эту тему представитель Ставки и про-

должил доклад: — Замкнув кольцо окружения у Касторного, 13-я, 38-я и 40-я армии продолжат наступление на Колпны, Малоархангельск и Фатеж.

— Но хватит ли сил у Рейтера и Голикова, чтобы предотвратить прорыв противника на запад? — спросил Сталин. — Прикажите командарму 60-й Черняховскому, чтобы он продолжил активные действия по линии соприкосновения, сковывая отходящего противника. Уточните задачу Воронежскому фронту. 38-я армия Чубисова должна выйти к Курску и овладеть городом. Тогда для Юго-Западного фронта станет очевидной задача овладения Харьковским промышленным районом.

— У 40-й армии тоже не хватит сил, чтобы создать плотное кольцо окружения по всему обводу от Воронежа до Касторного с юга, товарищ Сталин, — заявил Василевский. — На мой взгляд, следует быстрее привлечь к наступательным действиям на западе высвобождающиеся войска Донского фронта генерала Рокоссовского.

— Ставка уже вывела в резерв 24-ю армию Галанина, товарищ Василевский, — голос Сталина звучал бодро. — В течение ближайшей недели Донской фронт завершит операцию «Кольцо» в Сталинграде, и Ставка намерена использовать его войска на украинских направлениях. Оказывается, наша разведка просчиталась, втрое занизив количество окруженных вражеских войск.

Начальник Генштаба сделал очевидный вывод:

— Теперь понятно, товарищ Сталин, почему Рокоссовский не завершил операцию «Кольцо» в январе.

— У нас вяло развивается наступление войск Южного фронта, и Еременко не может бъяснить, почему так происходит, — круто переменил тему диалога Верховный.

27 января в адрес Еременко поступила директива Ставки, побуждающая командующего Южным фронтом предпринять наступление на Ростовском направлении.

Этой же директивой управление гвардейскими — 3-м танковым, 2-м и 5-м механизированными корпусами, объединенными в группу Ротмистрова, передавалось командующему 2-й гвардейской армии Малиновскому, действующей на острие фронтовых сил.

Внимательно осмотрев новый немецкий танк «Тигр», Жуков позвонил Верховному и предложил быстрее ознакомить с «новинкой» противника наших танковых и артиллерийских специалистов. Он был уверен, что Сталиным будут приняты самые неотложные меры для отражения возникшей угрозы. Председатель ГКО тут же переговорил с наркомами Мальшивым и Устиновым, а затем позвонил Главному конструктору артсистем Грабину, ибо сразу понял, что главным «губителем» вражеских «Тигров» на полях сражений непременно станет наша противотанковая артиллерия.

Разорвав в январе пятисотневную блокаду Ленинграда, добивая хваленную 6-ю армию на берегах Волги, Красная Армия день за днем выметала полчища оккупантов с Украины и Кавказа. Она наяву демонстрировала рост своей мощи и воинского мастерства и делала это, не притязая пока на скорую окончательную победу.

Развязка приближалась. Получив донесение командира 38-й мотобригады полковника Бурмакова о блокировании площади «Павших борцов», командарм 64-й Шумилов поручил начальнику армейского штаба генералу Ласкину выехать на передовую и в качестве представителя командования Донского фронта провести переговоры с Пауллюсом, принять капитуляцию его войск. Пленение самого командующего состояло при этом непременным условием.

Прибыв в штаб 6-й армии, Ласкин потребовал личной встречи с Пауллюсом. Начальник штаба генерал Шмидт заявил, что Пауллюс накануне возведен фюрером в чин фельдмаршала, но в данный момент болен и не командует армией. Вести переговоры с представителями советского командования он поручил ему, Шмидту, и командующему южной группой войск генералу Рокке.

Возникло сомнение: «А есть ли в подвале фельдмаршал Пауллюс вообще и жив ли он?»

— Где сейчас находится Пауллюс?

— Фельдмаршал Пауллюс находится в другой комнате этого же подвала, — ответил генерал Шмидт.

— Доложите ему о прибытии делегации Донского фронта и пригласите его в эту комнату для переговоров, — решительно потребовал генерал-майор Ласкин.

Шмидт удалился в помещение командующего 6-й армией. Вернувшись, он сообщил, что Пауллюс просит двадцать минут, чтобы привести себя в порядок.

Ласкин заявил Шмидту, что он прибыл не вести переговоры о капитуляции, а принимать ее. Он предложил:

— прекратить огонь с немецкой стороны;

— организованно передать советскому командованию личный состав войск, вооружение и боевую технику;

— передать оперативные документы, исходящие от Верховного Командования вермахта;

— прекратить переговоры с высшими инстанциями;

— доложить содержание распоряжений Гитлера и фельдмаршала Манштейна в адрес 6-й армии.

Чтобы документально зафиксировать поражение немецких войск под Сталинградом, Ласкин предложил Рокке написать приказ о капитуляции войск.

Двадцать минут, отпущеные командующему 6-й армией для приведения себя в порядок, истекли. Ласкин потребовал от Шмидта

встречи с Пауллюсом. Тот нехотя направился в соседнее помещение. По возвращении он сказал, что командующий 6-й армией плохо себя чувствует и просит еще двадцать минут. Эта просьба была решительно отклонена. Ласкин в сопровождении наших офицеров и Шмидта вошел в комнату Пауллюса. Глава нашей делегации объявил фельдмаршалу о его плenении. Командующий 6-й армией, подняв вверх правую руку, на ломаном русском языке произнес:

— Фельдмаршал германской армии Фридрих Пауллюс сдается Красной Армии в плен!

В полдень Пауллюс, Шмидт и Адам были доставлены в Бекетовку, в штаб 64-й армии. Ласкин по всей форме доложил Шумилову: «Боевое задание по принятию капитуляции южной группы войск в Сталинграде и плenению командующего 6-й армией и его штаба выполнено!»

Предложив Пауллюсу и Шмидту снять шинели, генерал-лейтенант Шумилов громко сказал:

— Вас пленили, господа генералы, войска 64-й армии, которые дрались с 6-й армией, начиная с Дона, Аксая и до конца Стalingрадской битвы. Вы хотели окружить и разбить нас. Но разбили и окружили вас мы. Прошу садиться...

В тот же день в Заварыгин, в штаб Донского фронта, поступило донесение штаба 64-й армии: «Вместе с командующим и начальником штаба 6-й армии, фельдмаршалом Пауллюсом и генерал-лейтенантом Шмидтом, сдались и доставлены в Бекетовку также командир 29-й моторизованной дивизии генерал-лейтенант Лейзер, начальник артиллерии 2-го армейского корпуса генерал-майор Вассоль и командир 1-й румынской кавалерийской дивизии генерал-майор Братеску».

К исходу 31 января капитулировала центральная группа войск генерал-полковника Гейтца. И сам командующий, неизменно ратовавший за то, чтобы при любом развитии обстановки сражаться до последнего солдата и последнего патрона, счел за благо сдаться в плен, а не разделить судьбу генерала фон Гартмана на передовой.

В полночь 31 января Пауллюс, Шмидт и Адам на автомашинах были доставлены в Заварыгин. Здесь, спустя пару часов после прибытия, состоялась встреча командующего 6-й армией с маршалом артиллерии Вороновым и командующим Донским фронтом Рокоссовским.

На первый вопрос — пожелание фельдмаршалу Пауллюсу уже пришлося отвечать в Сталинграде.

— Вам предлагается, господин фельдмаршал, немедленно отдать приказ северной группе войск о прекращении сопротивления, во избежание напрасного кровопролития и никому не нужных жертв.

И здесь ответ прозвучал прежний:

— Я, как военнопленный, господин маршал, не имею права отдавать такие приказы. Северным «котлом» командует генерал Штракер, командир 11-го армейского корпуса. Только он или Верховный Главнокомандующий вправе теперь принять решение о капитуляции окруженных там войск.

Маршал артиллерии Воронов заявил:

— Мы располагаем огромными силами и средствами для полного уничтожения окруженных войск. К выполнению этой задачи мы приступаем завтра и завтра же обязательно выполним ее полностью. А вы, господин фельдмаршал, отказываясь отдать приказ о немедленной капитуляции северной группы войск, будете нести ответственность перед историей и немецким народом за напрасную гибель своих подчиненных.

Второй вопрос представителя Ставки прозвучал для командующего 6-й армией чистейшим откровением:

— По свидетельству главного врача 6-й армии Ренольди, вы, господин фельдмаршал, не отличаетесь крепким здоровьем. Советскому командованию хотелось бы знать, какой режим питания вам необходимо установить, чтобы не нанести вреда вашему здоровью?

Озадаченный Паулус возразил:

— Лично мне, господин маршал, ничего не надо, но я прошу, чтобы после невероятных испытаний было обеспечено достойное отношение к раненым и больным немецким офицерам и солдатам, оказывалась посильная медицинская помощь и приличное питание. Это моя единственная просьба к командованию Красной Армии...

Доложив 2 февраля в Ставку о завершении операции «Кольцо», Воронов и Рокоссовский принялись за неотложные дела. Но в тот же вечер они получили приказ не позднее 3 февраля прибыть с докладом в Москву.

Когда маршал артиллерии Воронов и генерал-полковник Рокоссовский прибыли в Кремль, Сталин тепло принял их без промедления. При появлении «победителей» в кабинете Верховный проворнее обычного направился им навстречу. Он долго пожимал руку представителя Ставки, а командующего Донским фронтом обнял и негромко сказал: «Спасибо, Константин Константинович», выражая тем самым свое искреннее внимание и уважение. Его зоркие глаза струились при этом гордостью за славные дела Красной Армии и ее, известных отныне на весь мир, великих полководцев.

Вечером 5 февраля в штаб Донского фронта поступила директива Ставки:

«1. К 15. 2. 43 г. образовать Центральный фронт.

2. Полевое управление Донского фронта переименовать в полевое управление Центрального фронта. Штаб фронта дислоцировать в районе Ольшанец.

3. Назначить: командующим Центральным фронтом генерал-полковника Рокоссовского К.К., членом Военного совета фронта генерал-майора Телегина К.Ф., начальником штаба генерал-лейтенанта Малинина М.С.

4. В состав Центрального фронта включить 21-ю, 65-ю, 70-ю армии, 16-ю воздушную армию, 2-ю танковую армию, 2-й гвардейский кавалерийский корпус...

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин, Г. Жуков».

Установившееся в начале февраля на правом фланге и в центре советско-германского фронта затишье сильно контрастировало с разворотом событий на Курском, Харьковском, Донбасском и Кавказском направлениях. Здесь борьба продолжалась с нарастающей силой.

В ночь на 6 февраля командующие Западным и Брянским фронтами получили «наступательные директивы» Ставки. Генерал-полковнику Коневу приказывалось во взаимодействии с войсками Брянского фронта генерал-полковника Рейтера к 12 февраля подготовить наступление 16-й армии Баграмяна в общем направлении на Брянск. Директива также обязывала командующего Западным фронтом к 25 февраля подготовить наступление 50-й и 10-й армий Болдина и Попова в общем направлении на Рославль, а частью сил — на Ельню.

Важную задачу предстояло решить войскам Центрального фронта. Предельно конкретно план действий был изложен в директиве Ставки от 6 февраля:

«С целью дальнейшего развития успеха Брянского и Воронежского фронтов и выхода в тыл Ржевско-Вяземско-Брянской группировке противника Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 12.2.43 сосредоточить:

а) 2-ю танковую армию в районе Долгое;

б) 2-й кавкорпус с тремя лыжными бригадами, двумя танковыми полками в районе Черемисино;

в) 65-ю армию в районе Долгое, южнее Ливны.

Из района сосредоточения к исходу 14.2.43—2-ю танковую армию, 65-ю армию, 2-й кавкорпус вывести на рубеж развертывания Фатеж — Курск. Остальные части 21-й и 70-й армий, по мере их прибытия, сосредоточить в районе Волово — Долгоруково — Ливны и направлять их вслед за наступающими войсками 1-го эшелона фронта.

2. С утра 15.2.43 2-й танковой армии, 65-й и 16-й воздушной армиями перейти в наступление в общем направлении Севск — стан-

ция Унеча с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Брянск – Гомель.

Конно-стрелковую группу Крюкова развернуть на левом крыле и направить в прорыв через Новгород-Северский, Старый Быхов и Могилев, чтобы, обеспечив за собой переправы на Днепре, выйти в район Орши.

3. По выходе армий фронта на линию Гомель – Брянск главный удар нанести через Климовичи и Хиславичи на Смоленск с задачей освобождения района Смоленска и отрезания путей отхода Ржевско-Вяземской группировки противника.

4. Разграничительные линии фронта будут указаны дополнительно. Иметь в виду, что левее фронта будет наступать 60-я армия Воронежского фронта в общем направлении на Льгов – Глухов – Чернигов.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин, Г. Жуков».

2

Гитлер неистовствовал. Точь-в-точь в январе сорок третьего повторялась ситуация января сорок второго, да еще в более грозных масштабах. Год назад, пожертвовав десятком дивизий под Москвой и сотней «незадачливых генералов», ему удалось спасти группу армий «Центр» от полного разгрома и удержать фронт перед Вязьмой. Но теперь в безнадежном положении в крепости «Сталинград» погибала группировка в составе двадцати двух дивизий с частями усиления.

В четыре утра 1 января в Таганрог, в штаб-квартиру группы армий «Дон» Манштейна, поступило дополнение к приказу ОКВ № 2 от 31 декабря 1942 года:

1. Чтобы осуществить освобождение 6-й армии, к середине февраля в районе Харькова будет сосредоточена крупная группировка танковых соединений...

2. Принято решение с середины февраля, в зависимости от условий погоды, начать наступление, предположительно севернее Дона, в направлении Сталинграда с целью освобождения 6-й армии. Его будет проводить танковая группа и другие подвижные соединения, которые удастся взять из групп армий «А» и «Дон».

3. Группам армий «Дон» и «Б» обеспечить условия для развертывания и ввода в бой подвижной группы...»

Утром 1 января руководители отделов собрались у начальника штаба Шмидта, чтобы поздравить командующего с наступившим Новым годом и производством его в генерал-полковники. 1-й армейский адъютант полковник Адам прикрепил к погонам генера-

ла танковых войск Паулюса третью звезду, но «получил в ответ» вымученную улыбку командарма. Паулюс сказал:

— Этим Гитлер хочет облегчить мне конец, Адам.

— Господин генерал, — возразил Адам, — мы плохо знаем обстановку за обводом «котла», и нам трудно судить о планах ОКВ. У меня не угасает надежда, что фюрер сдержит данное вам слово и выручит 6-ю армию.

Командарм 6-й остыл от оптимизма подчиненного:

— Вы можете радоваться, Адам, что вам не приходится ездить на передовую. Там положение катастрофическое. Повсюду довлеет печать голода. Лазареты забиты ранеными, полузамерзшими и обессиленными, и мы не в состоянии помочь несчастным. Воля к жизни у них потеряна. Ими уже овладело чувство безнадежности.

— Но, возможно, встреча Хубе с фюрером изменит нашу судьбу к лучшему? — не сдавался Адам.

Паулюс согласился с этим лишь частично:

— Не преувеличивайте, Адам, возможности Хубе. Наша авиация понесла большие потери. Других путей улучшить снабжение войск я не вижу. Их нет.

После обеда 3 января генерал Хубе был принят в «Вольфшанце». Гитлер вручил ему высокие награды и провел короткую беседу. Командир 14-го танкового корпуса попытался обрисовать положение войск в «котле», но вскоре был прерван тирадой известных фюрерских обещаний о помощи.

Гитлер заявил, что судьба 6-й армии ни на минуту не покидает его воображение и в середине февраля мощная танковая группировка нанесет неотразимый удар из района Харькова и непременно достигнет Сталинграда.

7 января совпали два события. В полдень в «котел» возвратился Хубе. И почти одновременно радио русских на передовой в обращении к Паулюсу сообщило, что на следующий день у Котлубани командование Красной Армии высылает своих парламентеров для вручения ультиматума о капитуляции представителям 6-й.

Получив пакет от командования Красной Армии с ультиматумом о капитуляции, Паулюс вновь запросил согласие «Вольфшанце» на «свободу действий», но получил категорический приказ держаться до конца.

Вечером 10 января, когда в приволжской степи, западнее Сталинграда, бушевал окончательный бой 6-й армии, Гитлер принимал в «Вольфшанце» румынских союзников — маршала Антонеску и начальника Генштаба генерала Штефлю. Как и три недели назад при встрече с командованием итальянской армии, фюрер Третьего рейха изложил им свой взгляд на обстановку. Он философствовал три часа:

— Если Германия на Западе или Германия и ее союзники на Юге и Востоке будут разбиты, результат в итоге получится одинаковым. Англосаксы в любом случае станут победителями лишь теоретически, ибо при поражении «стран оси» и их союзников Россия на всем континенте станет настолько сильной, что англосаксы потеряют здесь всякое влияние. Поэтому их интересы в данный момент и на перспективу объективно совпадают с интересами Третьего рейха, выступающего в качестве защитника Европы от угрозы большевизма.

Вермахт победоносно заканчивал сорок первый год, и лишь суровая зима помешала ему овладеть Петербургом и Москвой. Он одержал победы в Крыму и под Харьковом в сорок втором, и снова русская зима воздвигла перед ним проблему овладения «крепостью Сталинград». 6-я армия владеет большей частью этой твердыни, и генерал Паулос будет сражаться за нее до конца.

Сейчас у Германии и ее союзников Россия остается открытой раной. Важнейшей областью в настоящий момент представляется треугольник Ростов — Сталинград — Кавказ. В кризисное время надо сохранять железные нервы. Если бы Германия потеряла две трети производства железа, восемьдесят процентов нефтяных источников и весь коксующийся уголь, то ее положение было бы отчаянным. Но сейчас именно в такой ситуации находится Россия. Она располагает добычей железа на Урале, но коксующегося угля для изготовления стали из той железной руды у нее нет. Нехватка продуктов питания и недостаток в людях создают дополнительные трудности, которые в конечном счете приведут ее к гибели.

Если ему, фюреру, кто-то поставит вопрос, когда и как может закончиться война, то он скажет, что это, вероятно, единственный вопрос, на который во всей истории не мог дать точного ответа ни один государственный деятель или полководец. В таком конфликте, как теперешняя мировая война, необходимо только отчетливо видеть цель и предпосылки достижения этой цели. Главное — духовное самообладание, фанатичная решимость ни при каких обстоятельствах не капитулировать...

Переговоры в «Вольфшанце» убедили румынского союзника — как бы ни разрешилась трагедия 6-й армии Паулоса в Сталинграде, успеет или нет отойти с Кавказа 1-я танковая армия Маккензена, фюрер нигде и никому не позволит добровольно капитулировать перед Советами, вермахт будет сражаться до конца.

Прилет Риббентропа в Главную Ставку в разгар нарастания кризиса на Восточном фронте преследовал не только «миротворческие цели». Но, участвуя в переговорах с маршалом Антонеску, он воочию убедился в ином настрое Гитлера, что и на этот раз его не удастся склонить к началу сепаратных переговоров с Москвой. Это удручало. «Первый дипломат» рейха снова покинул «Вольфшанце»

ни с чем: формула фюрера неизменна — «нет» Западу и «нет» Востоку.

Четырехдневный визит маршала Антонеску в «Вольфшанце» еще продолжался, когда в стане Германии и ее союзников возник новый острый кризис на Среднем Дону. 13 января русские повели наступление на позиции 2-й венгерской армии генерал-полковника Яни у Сторожевого и 8-й итальянской армии генерала Гарibольди, северо-западнее Кантемировки. Кризис стремительно нарастал.

Генерал Гарibольди, предвидя опасную перспективу, 13 января обратился к командующему группой армий «Б» и в «Вольфшанце» с просьбой об отводе Альпийского корпуса на отсечные позиции у Подгорного. Но получил решительный отказ Гитлера. В полдень 17 января клещи ударных дивизий большевиков сомкнулись в районе Карпенково. Вот тогда, 18 января, и было получено согласие «общего фюрера» на отход.

Поражение 2-й венгерской армии спутало «оперативные карты» Кейтеля. Полмесяца назад он согласовал с Гитлером вопрос о том, что из слабо подготовленных войск Хорти надо отобрать лучшие кадры, укомплектовать ими три «сносных дивизии», а «примитивный остаток» отправить на строительство оборонительных позиций под Смоленск. Но вот и этот план «Вольфшанце» в течение каких-то трех-четырех дней легко нарушен русскими — венгры в панике бросали передовые позиции и спешно отходили на Обоянь. Генерал-полковник Яни потерял управление войсками.

В создавшихся условиях теряло смысл дальнейшее удержание Ржевско-Вяземского плацдарма группой армий «Центр». Более того, этот маневр таил в себе очевидную опасность, поскольку встречный удар войск Калининского и Западного фронтов с севера и юга в промежутке между Смоленском и Вязьмой угрожал новым гигантским «котлом», по размерам ничуть не меньшим, чем Сталинградский в междуречье Дона и Волги.

Из головы фюрера не выходил «возможный южный план» большевиков — прорваться к Ростову и одним ударом решить проблему освобождения Кавказа. Это опасение разделял и Цейтцлер. Переезав коммуникации войск группы армий «А», Южный фронт Еременко добивался двойного успеха — для Красной Армии теряло смысл силовое возвращение оккупированной территории, а перед ОКВ вставала задача по спасению окруженной в предгорьях Кавказа группы профилактики.

В Сталинградском «котле» воцарилась вакханалия хаоса. Офицеры штабов не существующих дивизий спешно перебазировались на восток, прихватывая в последний момент остатки продовольствия, личные вещи и оперативные документы. Армейские лазареты, оказавшиеся в прифронтовой полосе, оставлялись на «попече-

ние» наступающего противника — их не на чем, некому и некуда было вывозить. Тифозные вши одолевали истощенных и предельно измотанных людей. «Котел» стал средоточием голода, страданий, отчаяния и напрасных, бессмысленных смертей.

С потерей аэродрома в Пилотнике все меньше самолетов совершало посадку в «котле». Чтобы обсудить возможности посадки «транспортников» на временных площадках, утром 17 января Паулюс в радиограмме на имя Манштейна потребовал прислать в его штаб командира 8-го авиакорпуса Фибиха. Командующий группой армий «Дон» выполнил требование командарма 6-й. Однако в тот же день на аэродроме в Гумраке приземлился самолет всего лишь с майором «Уфофтаффе» на борту, адъютантом генерала Фибиха.

В развалинах Сталинграда вовсю свирепствовали офицерские патрули и наряды жандармов, имеющие приказ принимать беспощадные меры к мародерам, «добровольным заготовителям продуктов» и самовольно покинувшим расположение своих подразделений на передовой. Суровый самосуд не щадил несчастных — пули соотечественников столь же бесцеремонно, как и пули противника, обрывали жизнь одинаково обреченных на бесславную и безжалостную смерть.

Приказ командарма 6-й сопротивляться до последнего человека неоднократно подтверждался последующими приказами и распоряжениями, в том числе и в адрес давно разгромленных соединений. Чтобы продлить сопротивление до «последнего патрона», специальные «команды по сбору героев» все настойчивее прочесывали лабиринты подземных убежищ, наполненных вонью и дымом, вытаскивали из подземелий боеспособных солдат и контроировали их на сборные пункты для отправки на передовую. А там набирал силу процесс самостоятельной капитуляции мелких боевых групп.

Получив донесение командующего группой армий «Север» фон Кюхлера о том, что русские завершили операцию по прорыву блокады Петербурга, Гитлер пришел в ярость. Пришлось отступить там, где, по его разумению, ни в коем случае нельзя было этого делать. Тут во главу угла фюрер ставил политические соображения. Во всем мире этот победный акт большевиков будет расценен по высшей шкале поражений вермахта на Востоке и обозначен крупным успехом Советов после блестательных побед под Москвой и Сталинградом.

— Кюхлер, держитесь! Я выделяю вам подкрепления! Геринг усилит бомбардировки Петербурга и зоны «бульгурного горла». Это поможет вам вернуть утраченные позиции. Ни шагу назад, Кюхлер! Всегда помните мой приказ! — Гитлер продолжал еще некоторое время истерично призывать Кюхлера к упорству и даже отвоеванию

прежних позиций у Штиссельбурга, но в какой-то момент вдруг осознал, что связь со штаб-квартирой группы армий «Север» прервалась.

В середине января сорок третьего в Главной Ставке господствовал дух подавленности, смуты. Некоторым из высших военных чинов не давала покоя навязчивая идея, что в условиях непрерывного оттока немецких войск с Запада англосаксы под напором Москвы могут совершить десантирование тридцати дивизий на французское побережье. Они, пользующиеся особым доверием «повелителя нации», постарались навязать ее и фюреру, чтобы в будущем избежать возможных обвинений в близорукости и отсутствии элементарного предвидения. Тогда в России не одержать полной победы.

Каждый день в течение всего января с Восточного фронта поступали в «Вольфшанце» удручающие донесения, особенно от Паулюса из Сталинграда. Развитие обстановки в «котле» указывало, что там со дня на день могла полностью развалиться непрочная оборона. А вот быстрого поражения под Штиссельбургом не ждали, и жестокое донесение штаба группы армий «Север» породило в Главной Ставке самые мрачные предчувствия.

Гитлер встал из-за стола, подошел к шеф-адъютанту, сказал отрывисто, с прищурением:

— Надо, наконец, выяснить, Шмундт, почему все чаще прерывается связь с фронтом. Фельтибель неизменно ссыпается на диверсию партизан, но я мало в это верю...

Генерал Шмундт спокойно вступил в диалог:

— Мой фюрер, я полагаю, что фон Кюхлер еще находится у аппарата и ждет продолжения разговора с вами.

— Разумеется, Шмундт, мне так и не удалось выяснить главного, — повысил голос Гитлер, — почему Линдеман без разрешения отвел свою армию с Ладожского побережья. Это недопустимая вольность!

— Мой фюрер, возможно, немедленная авиационная поддержка поможет выправить кризисное положение? — не то спросил, не то внес предложение Шмундт.

— Да, Шмундт, — поддержал эту идею Гитлер, — пусть Мильх выполнит приказ и направит фон Кюхлеру две эскадрильи «дорнье» из Дании. Русских надо как следует проучить!

Зияющей раной продолжал оставаться Сталинград. На его фоне прошли незамеченными в Главной Ставке и сдача Великих Лук группой армий «Центр», и тяжелое поражение союзников у Острогожска и Россоши, и отход с Кавказа 1-й танковой армии. А так хорошо начиналось лето с побед в Крыму и под Харьковом! Накатившийся ужас «Сталинградской Вандеи» поражал воображение.

В полдень 22 января блокированные войска лишились последней пригодной для посадки самолетов площадки в Гумраке — артиллерия русских насквозь пристреливала ее с разных сторон. Полевой аэродром в поселке Сталинградский действовал только одни сутки. 23 января здесь приземлились два «Хейнкеля-111». Они взяли на борт раненого командира 4-го армейского корпуса Иенеке и начальника инженерной службы 6-й армии Зелле и стартовали на Ростов. Провожая «счастливчика», Пауллюс проводил давнишнего сослуживца словами: «Отправляйтесь, Зелле, с богом и внесите свою лепту в то, чтобы ОКВ снова спустилось с небес на землю!»

Вечером 24 января штаб 6-й армии, преследуемый «танковым цугом» большевиков, в четвертый раз сменил место своей дислокации, наскоро укрывшись в подвалах городской больницы в южной части Сталинграда. На новом месте Пауллюс созвал совещание командиров корпусов. Обсуждался вопрос: как действовать дальше? Прозвучали противоположные мнения. Только что назначенный командиром 4-го армейского корпуса Пфеффер и командир 51-го армейского корпуса Зейдлиц решительно высказалась за прекращение военных действий и немедленную капитуляцию. Их позицию разделял и 1-й армейский адъютант Адам. Командиры 8-го и 11-го армейских, а также 14-го танкового корпусов Гейтц, Штрекер и Шлемер настаивали на продолжении сопротивления.

26 января командир 51-го армейского корпуса Зейдлиц, без согласования с Пауллюсом, предоставил командирам полков и батальонов право капитулировать по своему усмотрению. Штаб армии снова оказался вблизи передовой и, сопровождаемый автоматными очередями, в последний раз перебрался к месту своей завершающей дислокации — в подвалы городского универмага...

Генерал Цейтцлер отчаянно стоял на своем:

— Мой фюрер, если мы хотим получить в районе Воронежа еще один «Сталинград», то я готов согласиться на безусловное удержание позиций у Лозинки и Старого Оскола, но...

Гитлер прервал «генштабиста» на полуслове:

— Вы хотите сказать, Цейтцлер, что 2-ю армию Зальмута нужно спешно отводить на реку Тим? Что Курское направление приобретает решающий характер?

— Мой фюрер, я не успел доложить вам вчера, что Воронеж после упорных уличных боев уже захвачен большевиками, — поспешил заявить Цейтцлер.

Гитлер взглянул на «оперативку», прошелся:

— Воронеж, говорите, сдан 2-й армий?.. Но Валуйки еще удерживаются кем-то, Цейтцлер?

— Танки красных, мой фюрер, осадили Валуйки и Старобельск. У фон Вейхса нет уверенности, что их удастся защитить. Един-

ственний выход — это немедленный отвод 2-й армии на реку Тим и удержание позиций группой армий «Б» по рекам Оскол и Северскому Донцу.

Гитлер ткнул пальцем в ту же точку:

— Но Ворошиловград Манштейн еще удерживает в наших руках, Цейтцлер?

— Манштейн просит подкреплений, мой фюрер. Ворошиловград и Ростов пока обороняются, но прочность групп «Фреттер-Пико» и «Холлидт» невелика.

— Передайте, Цейтцлер, мой последний приказ Руффу: Краснодар и Таманский полуостров удерживать во что бы то ни стало! Они остаются нашим главным трамплином на Кавказ и в Иран. Кстати, Цейтцлер, обстановка складывается таким образом, что надо быстрее разыскать Гудериана и вернуть его на службу. Пусть он, подобно Мильху в авиации, попытается в ранге генерал-инспектора ускорить выпуск новейших танков и чего-то добиться к середине лета. Для успешного наступления нужны танки. Если в июле — августе, Цейтцлер, мы не сможем добиться перелома в России, то я буду вынужден искать там другие, политические решения.

Многозначительность последних слов Гитлера не застала, однако, начальника Генштаба ОКХ врасплох:

— Мой фюрер, вы имеете в виду разумное предложение фон Риббентропа о начале переговоров с Москвой?

— Я давно заметил, Цейтцлер, что вы неважный политик. Вы ограничили себя сферой чисто военных манипуляций — одна армия туда, другая — сюда. Учтите, любые переговоры значительно удобней вести с позиции силы. Компьен — лучший тому пример. Но для успеха переговоров годятся и промежуточные победы!

На рассвете 27 января уже «беззашадный», ничего не ведающий о судьбе остатков своего 51-го армейского корпуса Зейдлиц оставил тюремный подвал, добрался до университа, встретился с Пауллюсом. Снова последовало решительное требование о немедленной капитуляции разлагающегося войска. Спустя пару часов командарму 6-й позвонил командир 14-го танкового корпуса Шлемер. И он просил разрешения капитулировать, ввиду неспособности его частей к сопротивлению.

В ночь на 30 января командующий группой армий «Дон» Манштейн позвонил в Главную Ставку. Гитлер, не перебивая, выслушал его соображения и в основном согласился с доводами «масститого стратега». Да, следует принять все меры для стабилизации фронта на Курском и Харьковском направлениях. В случае, если большевики продвинутся до рубежа Курск — Харьков — Красноармейское, то защита позиций по Северскому Донцу потеряет всякий смысл. Пауллюсу в Сталинграде следует предоставить свободу действий...

Тут-то монолог Манштейна был решительно прерван Верховным Главнокомандующим:

— Фельдмаршал! Главная Ставка не менее вашего обеспокоена положением войск на Среднем Дону! Достойные меры по отражению большевистских угроз принимаются. Мною отданы распоряжения Фромму о переброске на Восток подкреплений с Запада. Можете быть уверены — они окажутся эффективными, чтобы остановить прорыв русских на Украину. Нам нужны крепкая воля и железная стойкость!

— Мой фюрер! Кризисные обстоятельства обязывают меня принимать решительные меры по стабилизации фронта в предместьях Ростова. Однако 1-я танковая армия Маккензена еще не достигла Дона и ведет тяжелые арьергардные сражения в Батайской степи.

Гитлер никак не отреагировал на реплику Манштейна. На той же высокой ноте он подтвердил свой «последний, непреклонный приказ» по Сталинграду:

— Я понимаю ваше беспокойство, Манштейн, за судьбу 6-й армии, но она будет продолжать сопротивление до конца! Капитуляция ее войск исключена!

В полдень 30 января командарм 6-й направил в «Вольфшанце» две радиограммы. Первая, верноподданническая, гласила: «6-я армия, верная присяге Германии, сознавая свою высокую и важную задачу, до последнего человека и до последнего патрона удерживает позиции за фюрера и Отечество. Генерал-полковник Пауллюс».

Вторая радиограмма адресовалась Гитлеру: «По случаю годовщины взятия вами власти 6-я армия приветствует своего фюрера. Над Сталинградом еще раззвевается флаг со свастикой. Пусть наша борьба будет нынешним и будущим поколениям примером того, что не следует капитулировать даже в безнадежном положении. Тогда Германия победит. Хайль, мой фюрер! Пауллюс, генерал-полковник».

Гитлер ответил без промедления: «Мой генерал-полковник Пауллюс! Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волнении смотрит на этот город. Как всегда в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной. Заповедь Клаузевица будет выполнена. Только сейчас германская нация начинает понимать всю тяжесть этой борьбы и приносит тяжелейшие жертвы. Мысленно всегда с вами и вашими солдатами. Ваш Адольф Гитлер».

Вечером 30 января командир 71-й пехотной дивизии Роске доложил Пауллюсу: «Дивизия больше не в состоянии оказывать сопротивление. Русские танки приближаются к универмагу. Это конец».

В «Вольфшанце» в конце января смешались понятия о начале и конце суток. Так перепутал все дела в Главной Ставке Сталинград. Конец волжского «котла» был для всех обитателей ее делом

решенным, но о нем очень боялись здесь услышать. Больше других боялся его Гитлер, хотя именно по его злой воле была «отдана под нож» 6-я армия Пауллюса.

В ночь на 31 января Гитлер произвел Пауллюса в «генерал-фельдмаршаль». В этом он видел главный стимул к продолжению «упорного сопротивления».

Известие о том, что в Сталинграде состоялась капитуляция южного «котла» и там уже «все кончено», привело Гитлера в ярость. Несколько раз в присутствии Цейтцлера он повторил, что Пауллюс, сдавшись в плен, нарушил традицию армии. Ни один фельдмаршал вермахта до него не оказывался в плену у противника живым!

В полдень 1 февраля, когда Пауллюс, Шмидт и Адам уже находились в штабе Донского фронта, Гитлер встретился с Цейтцлером для обсуждения критической обстановки.

Цейтцлер на этот раз начал доклад издалека:

— Мой фюрер, в общем, выявляется, что охватывающий маневр красных на Дону распространяется теперь против северного крыла. Наступает танковая группа в составе нескольких корпусов. Это вот здесь, у Славянска. Поэтому в этот район Манштейн подтягивает 7-ю, 3-ю и 4-ю танковые дивизии. 3-я танковая дивизия находится на марше через Ростов.

Указка «генералиста» уперлась в ключевую точку на юге. Выдержав паузу, Цейтцлер продолжил доклад:

— Положение на участке Славянск — Лисичанск может в ближайшие дни обостриться. Так что...

— Хорошо, Цейтцлер. Как обстоят дела с передислокацией 13-й танковой дивизии? — спросил Гитлер.

— Перегруппировки на юге, мой фюрер, идут очень хорошо. 3-я танковая дивизия продвигается через Ростов, 11-я танковая дивизия следует за ней. Планируется, что и 13-я танковая дивизия вечером одним переходом проследует на самый север, к Ворошиловграду.

— Значит, 7-ю танковую дивизию Манштейн перебрасывает в район Славянска? — Гитлер продолжал неотрывно рассматривать «оперативку».

— Да, мой фюрер, — подтвердил Цейтцлер. — На этот участок выдвигается также 335-я пехотная дивизия.

— Шестнадцать эшелонов 335-й пехотной дивизии все еще находятся в пути? — уточнил Гитлер.

Начальник Генштаба ОКХ заверил Главкома:

— Да, мой фюрер. Сейчас, правда, эшелоны передвигаются медленнее из-за потерь в пути, вследствие непрерывных налетов авиации противника.

— Выходит, Цейтцлер, смена длится еще дольше, чем выдвижение свежих тыловых соединений?

— Выходит так, мой фюрер. Я хотел бы просить вас об удовлетворении предложений Манштейна о спрямлении линии фронта его армий по реке Миус.

— Я это еще обдумаю, Цейтцлер. Но я могу сказать одно, что возможности окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе.

— Да, мой фюрер, вы правы, — согласился Цейтцлер.

Совещание затягивалось, а разговор о Сталинграде все еще не подошел. Его начал Гитлер без всякого перехода, нарочитально назвав сдавшихся «они».

— Они там капитулировали по всем правилам. Ибо в противном случае люди сбиваются в кучку, отстреливаясь во все стороны, и последнюю пулю пускают в себя.

Цейтцлер согласно кивнул головой:

— Я тоже не могу этого постигнуть. Я все еще думаю, что, может, это не так и фельдмаршал Пауллюс, возможно, лежит в Сталинграде тяжело раненный.

Гитлер решительно возразил:

— Нет, Цейтцлер. Все так! Русские прямо об этом заявили. Пауллюс и Шмидт будут отправлены в Москву, предстанут перед ГПУ и их принудят отдать приказ, чтобы северный «котел» тоже сдался в плен.

— Это абсолютно необъяснимо, мой фюрер, — удрученно поддакнул начальник Генштаба сухопутных войск.

— Не скажите, Цейтцлер, — возразил Гитлер. — Полковник Белан получил из «котла» письмо от родственника. В нем сказано точно: «Пауллюс — под вопросом. Зейдлиц — пал духом. Шмидт — пал духом. Хубе — человек. Конечно, было бы лучше, если бы Хубе остался в «котле», а другие вышли из окружения. В данном случае Пауллюс мог видеть, как пятьдесят-шестьдесят тысяч его солдат умирают и мужественно обороняются до последнего! И как мог он сдаться большевикам?!

— Это, мой фюрер, такое, что совершенно непостижимо, — продолжал причитания покорности Цейтцлер.

Утром 3 февраля Германия услышала по радио сводку ОКВ. «Героическая гибель» 6-й армии фельдмаршала Пауллюса послужила поводом к объявлению трехдневного траура на территории страны.

5 февраля резко обострился кризис в районе Харькова. Прорвав оборону 4-й танковой армии Гота южнее Белгорода, русские повели наступление на Богодухов, охватывая «вторую столицу Украйны» с северо-запада. Одновременно ударом на Купянск и Красноград начался охват Харькова с юго-запада. Командующий группой армий «Дон» Манштейн поставил «трудный вопрос» перед ОКВ об отводе войск на рубеж обороны по реке Миус. Но Гитлер

«с порога» отверг эти пораженческие предложения, и 6 февраля Манштейн был вызван в Главную Ставку для «исчерпывающего доклада».

ХАРЬКОВ. МАРТ... СНОВА НЕУДАЧА

1

От того благодушного, приподнятого настроения, которое царило в кабинете председателя ГКО в первые февральские дни, не осталось и следа. Нарком вооружения Устинов подумал даже, что на каком-то из участков огромного фронта приключилась непоправимая беда. Иначе какая же причина могла вызвать столь негативную перемену в поведении Сталина? Но радиосводки, которые ему удавалось слушать нерегулярно, вроде бы ни о каких неудачах не сообщали. Напротив, наши войска после Сталинградской победы уверенно диктовали свою волю врагу на южных стратегических направлениях и методично теснили его группировки «Б», «Фреттер-Лико», «Холлайдт», «Дон» и «А».

Да, ничего плохого на самом деле ни на фронте, ни в тылу не произошло. Всего лишь молодой нарком вооружения, при достаточной наблюдательности и сметке, не смог еще полностью «раскусить» председателя ГКО, а тот был ведь иногда и непоследователен, и неровен.

— Скажите, товарищ Устинов, на каком этапе находятся испытания кумулятивной противотанковой авиабомбы конструкции Ларионова? — исcosa взглянув на наркома Устинова, подчеркнуто строго спросил Stalin.

— Испытания нового изделия, товарищ Stalin, затянулись по причине непрерывных конструкторских доработок.

— Но противотанковая авиабомба, насколько мне известно, прошла испытания и принята на вооружение Государственной комиссией, товарищ Устинов.

Нарком вооружения смело возразил:

— Инженеры-вооруженцы порекомендовали конструктору Ларионову значительно уменьшить вес и габариты изделия, товарищ Stalin. Авиационным же специалистам пришлось изменить конструкцию кассет.

— Как мне помнится, товарищ Устинов, кумулятивная авиабомба Ларионова вначале весила десять килограммов, а сколько она весит теперь?

— А теперь весит два с половиной килограмма, в четыре раза меньше, товарищ Stalin. Это позволило загружать на штурмовики типа «Ил-2» по триста двенадцать авиабомб.

— Понятно, товарищ Устинов. — Председатель ГКО не спеша переместился на свое традиционное место у торца стола и, как показалось наркому вооружения, был вполне удовлетворен этим сообщением.

— Поэтому испытания иногда прерываются, товарищ Сталин, — продолжил диалог нарком Устинов.

Председатель ГКО вроде бы не обратил внимания на последнюю фразу собеседника, но разговор продолжил уже более мягким тоном:

— Сколько авиабомб уже сделано и когда испытания все-таки закончатся, товарищ Устинов?

— Усовершенствованных авиабомб на сегодня изготовлено восемь с половиной тысяч, а их испытания планируется завершить в середине апреля, товарищ Сталин.

— Значит, продолжаются испытания, но не прерывается и выпуск изделий на заводе? Я правильно вас понимаю, товарищ Устинов? — уточнил председатель ГКО.

— Да, так, товарищ Сталин, — подтвердил Устинов.

— Ну что же, это, пожалуй, правильные действия, — Сталин похвалил наркома и добавил: — Есть ли у товарища Устинова уверенность в добrotности изделий?

Тут уж, почувствовав, что обстановка определенно изменилась в лучшую сторону, Устинов заявил:

— Челябинский машиностроительный завод продолжает наращивать выпуск кумулятивных авиабомб.

— Решим так, товарищ Устинов, — завершил обсуждение вопроса председатель ГКО, — выпуск кумулятивных авиабомб продолжать, складировать их в отдельные помещения, но не применять до особого разрешения Ставки. Они очень пригодятся нам летом.

Светало. Было уже 7 февраля, когда нарком Устинов покидал кабинет председателя ГКО. Забот у наркомата и без того набиралась невпроворот, но из них и слагались его военные будни.

Успех войск Воронежского фронта генерал-полковника Голикова создал реальные предпосылки для освобождения Харьковского промышленного района. Фронтальное наступление соединений 3-й танковой армии генерал-лейтенанта Рыбалко натолкнулось на рубеже Северского Донца на упорное сопротивление только что введенной в сражение танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». Противник взорвал мосты, заминировал лед, превратил Чугуев в мощный укрепленный район обороны, насыщенный противотанковыми средствами. Одновременно левофланговые соединения 3-й танковой армии отражали яростные атаки рвущейся к Харькову окруженной у Купянска группировки врага.

Опираясь на прочную стратегическую инициативу, командую-

ший Юго-Западным фронтом генерал армии Ватутин с присущим ему «наступательным уклоном» поставил подчиненным войскам такие масштабные оперативные задачи, которые оказались для них «неподъемными». Прежде всего это касалось 5-й танковой и 3-й гвардейской армий генералов Шлемина и Лелюшенко, которые концентрическим ударом на Мариуполь должны были перерезать пути отхода войск группы армий «Дон» фельдмаршала фон Манштейна с занимаемых позиций на Миусе. Но и для противника была очевидна столь опасная перспектива оказаться в еще большем, чем в катастрофическом Сталинградском, «котле».

С самого первого сообщения в середине декабря сорок второго из-под Котельниковского о появлении у противника новых тяжелых танков Верховного Главнокомандующего не покидала мысль, что очень скоро с ними придется иметь дело в массовом количестве. Захват экспериментального «Тигра» в январе у Синявина еще более укрепил его в этом предположении. Следовало принять срочные меры по усилению бронетанковых сил. Возможности у Красной Армии к февралю сорок третьего, как считал Сталин, для этого уже имелись. Речь шла о создании танковых армий новой организационной структуры.

По указанию Верховного Генштаб запросил мнения командующих фронтами и танковыми армиями. Командир 3-го гвардейского Котельниковского танкового корпуса генерал Ротмистров 14 февраля был вызван в Ставку. Его уставное представление Сталин прервал многозначительной репликой:

— Я вам не приказывал явиться, товарищ Ротмистров, а пригласил вас для обсуждения важного вопроса. Для начала расскажите нам, как танкисты вашего корпуса громили хваленые полчища Манштейна под Сталинградом.

Подробное изложение Ротмистровым тактики действий его танковых дивизий у Рычковского и Котельниковского против 4-й танковой армии Гота члены Политбюро ЦК, ГКО и Ставки слушали внимательно. Верховный, однако, незаметно перевел разговор в русло главного вопроса. Остановившись перед кабинетом, он расудительно сказал:

— Наши бронетанковые войска научились успешно громить противника, наносить ему сокрушительные и глубокие удары, товарищ Ротмистров. Но вы почему-то считаете нецелесообразным иметь в их составе, помимо моторизованных, стрелковые соединения?

Командир 3-го гвардейского танкового корпуса действительно придерживался такого мнения. Теперь ему предстояло на самом высоком уровне его обосновать и защитить. Доводы Ротмистрова звучали убедительно:

— При наступлении стрелковые соединения отстают от танковых колонн, товарищ Сталин. При этом нарушается взаимодей-

ствие между танковыми и стрелковыми подразделениями, затрудняется управление ушедшими вперед моторизованными соединениями и отставшей пехотой.

Но Верховный выдвинул «неотразимый аргумент»:

— И все же, товарищ Ротмистров, как показали в общем-то смелье и решительные действия 24-го танкового корпуса генерала Баданова в районе Ташинской в декабре, танкистам без пехотинцев трудно удерживать объекты, захваченные в оперативной глубине.

— Да, товарищ Сталин, — согласился Ротмистров, — пехота, конечно, нужна, но моторизованная.

— Вы предлагаете, товарищ Ротмистров, пехоту заменить моторизованными частями, а командующий 2-й танковой армией Романенко просит добавить еще пару стрелковых дивизий, — вмешался в дискуссию Молотов.

Реплика Молотова не выбила из седла «убежденного танкиста». Ротмистров смело возразил Молотову:

— Я доложил свое личное мнение, товарищ Молотов.

В рассудительном тоне Верховный подвел итог:

— Наступает время, когда наша промышленность в состоянии дать Красной Армии достаточное количество авиационной и бронетанковой техники. Уже сейчас имеется возможность для формирования танковых армий новой структуры, о которой только что говорил товарищ Ротмистров.

Сталин занял свое привычное место у торца стола:

— Вы могли бы, товарищ Ротмистров, возглавить танковую армию именно такой организационной структуры, в целесообразности которой нас настойчиво убеждали?

Ротмистров поднялся со своего стула:

— Если будет приказано Ставкой, то смогу.

Верховный посчитал вопрос решенным:

— Вот это солдатский ответ. Боевого опыта и знаний у вас вполне хватает. Я считаю, что на Ротмистрова Ставка вполне может положиться. Такое решение и примем...

Директива Ставки о формировании 5-й гвардейской танковой армии новой организационной структуры во главе с Ротмистровым была подписана Верховным через сутки после совещания в Кремле.

В плане зимне-весеннего наступления Красной Армии важное место Ставка отводила действиям войск Северо-Западного и Центрального направлений.

Продолжали множить наступательные успехи войска южных направлений. 16 февраля Воронежский фронт освободил Харьков. На следующий день 6-я и 1-я гвардейская армии вышли на дальние подступы к Днепропетровску и Синельникову. Южный фронт достиг рубежа по реке Мius.

Эти успехи наших войск севернее Таганрога были ошибочно истолкованы Ставкой. Отступление противника квалифицировалось ее исключительно с точки зрения слабости врага и его неспособности удерживать рубежи на Северском Донце и под Ростовом.

Однако командующий группой армий «Юг» оценивал ситуацию иначе. Силами 1-й танковой армии Маккензена был нанесен сильный контрудар по подвижной группе Попова⁴. Подтягивание к линии Новомосковск – Красноармейское – Артемовск основных сил 40-го и 48-го танковых корпусов предполагало новые контрудары врага, но и эта опасность была почему-то проигнорирована советским командованием.

День 18 февраля оказался исключительно многогодичным во фронтовых делах. Наступательная операция войск Ленинградского и Волховского фронтов на Мгинском направлении завершилась безуспешно. Сбить 18-ю армию Линдемана с занимаемых позиций не удалось. В этот же день с большими территориальными подвижками в западном направлении вынуждены были перейти к обороне войска Юго-Западного и Южного фронтов генералов Ватутина и Малиновского.

«Рваные действия» фронтов по всей линии противоборства наилучшим образом подчеркивали постоянно изменяющееся соотношение сил. О повсеместном превосходстве какой-то из сторон пока речи не шло.

В конце февраля даже убежденный «наступленец» Ватутин понял, что в оценке соотношения сил и обстановки в полосе наступления Юго-Западного и Воронежского фронтов допущен грубый просчет. Передислокация 2-го танкового корпуса СС генерала Хауссера из-под Харькова на Красногвардейское направление и 48-го танкового корпуса Кнобельсдорфа от Новомосковска к Павлограду была ошибочно воспринята в его штабе фронта как их отход за Днепр.

В полночь 1 марта в штаб Юго-Западного фронта позвонил Верховный. Не здороваясь, Сталин спросил:

– Что у вас изменилось за день, товарищ Ватутин?

– Больших перемен, товарищ Сталин, не произошло. 6-я армия пока удерживает Барвенково, но уверенности, что она остановит врага на сегодняшнем рубеже, нет.

– А как действуют 69-я и 3-я танковая армии Воронежского фронта, товарищ Ватутин? Вы ощущаете их помощь? – задал следующий вопрос Верховный.

– Они слишком слабы, товарищ Сталин, чтобы оказать нам помощь. В 3-й танковой армии имеется пятьдесят танков, а у Манштейна их свыше восьмисот.

Верховный высказался в ответ неопределенно:

— А вы, товарищ Ватутин, собирались разбить группу армий «ЮГ» между Днепром и Северским Донцом еще до начала весенней распутицы.

— Да, товарищ Сталин, — согласился Ватутин. — Будь в нашем распоряжении больше танков и горючего, возможно, нам и удалось бы упредить противника в развертывании. Но наши ресурсы оказались ограниченными.

— Ваша главная задача, товарищ Ватутин, на данном этапе заключается в том, чтобы остановить наступление немца на Северском Донце. Ставка поможет вам и подкреплениями, и активизацией действий других фронтов.

В разговорах по телефону Верховный поступал так редко, но в трудной ситуации посчитал своим долгом поддержать Ватutина, которого искренне уважал за недюжинное подвижничество и боевую хватку.

— Необходимо, товарищ Сталин, чтобы Южный фронт не задерживался на Мусе, — дополнил Ватутин.

— Да, войска Малиновского попытаются прорвать оборону немца на Мусе, чтобы пробиться в район Сталино, — согласился, заканчивая разговор, Сталин.

В полдень 2 марта Верховный позвонил командующему Воронежским фронтом Голикову и, уточнив обстановку, приказал прекратить наступление южнее Сум и закрепиться на рубеже Сумы — Лебедин — Опошня — Змиев. Начальник Генштаба Васильевский получил приказ Ставки вернуться в штаб Воронежского фронта и принять меры по предотвращению возможного прорыва противника в район Харькова.

Когда на Юго-Западном направлении наступило всего лишь полуторасуточное «затишье перед бурей», взоры обеих Главных Ставок тотчас обратились к Московскому направлению. Переброска 9-й армии Моделя с Ржевско-Вяземского выступа на северный фас «Курской дуги» была замечена нашей разведкой. Войска Калининского и Западного фронтов перешли в преследование врага.

Утром 4 марта начался второй этап Харьковской оборонительной операции. Командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Голиков доложил в Ставку, что севернее и южнее Харькова танковые соединения противника атакуют позиции 3-й танковой армии генерал-лейтенанта Рыбалко. К середине дня выяснилось, что южнее Сум позиции войск Центрального фронта генерал-полковника Рокоссовского атакованы ударными отрядами 2-й армии фельдмаршала фон Вейхса. Из предместий Опоши перешли в наступление на Грайворон войска оперативной группы «Кемпф».

Встретив упорное сопротивление юго-западнее Мерефы, фон

Манштейн тут же изменил направление главного удара, перенеся его севернее, в стык 69-й и 3-й танковой армий. 6 марта 2-й танковый корпус СС основные усилия направил вдоль шоссе на Валки, а 48-й танковый корпус тем временем двинулся в обход Тарановки с севера. Здесь образовалась пятнадцатикилометровая зияющая брешь, прикрыть которую командарму 69-й Казакову было нечем. Обстановка в полосе обороны Воронежского фронта стремительно ухудшалась.

Чтобы выполнить директиву Ставки и остановить продвижение врага на рубеже Богодухов – Люботин – Змиев, командующий Воронежским фронтом перебросил три стрелковые дивизии из состава 40-й армии на защиту юго-западных подступов к Харькову. Однако мера эта оказалась и недостаточной, и запоздалой. Жаркий бой разгорелся 8 марта у поселка Соколово, в котором доблестно сражался 1-й отдельный чехословацкий батальон полковника Свободы. Но напор противника с каждым следующим днем нарастал. Изменить соотношение сил и ситуацию к лучшему все не удавалось.

В ночь на 11 марта командующие Центральным и Воронежским фронтами Рокоссовский и Голиков получили строгую директиву Ставки:

«Выход южной группы противника севернее Харькова в район Казачья Лопань создает тяжелое положение для Воронежского фронта и имеет угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта. Противник имеет намерения выйти в сторону Белгорода, прорваться к Курску и соединиться с орловской группой немецких войск для выхода в тыл Центральному фронту. Ставка решила выдвинуть танковую армию Катукова навстречу подъемающемуся на север противнику с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника и ликвидировать создавшуюся угрозу для Центрального и Воронежского фронтов.

Ставка приказывает:

1. Немедля выдвинуть 21-ю армию в сторону Курска, с тем, чтобы не позднее 13 марта армия южнее Курска перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни.
2. Оказать всяческое содействие танковой армии Катукова в деле выгрузки и быстрейшего продвижения вперед бок о бок с 21-й армией. Ставка доводит до вашего сведения, что как 21-я армия, так и танковая армия Катукова передаются с 13 марта сего года в подчинение командующему Воронежским фронтом.

И. Сталин. 11.3.1943 г.».

В этот день войска Воронежского фронта отошли на рубеж Краснополье – Богодухов – Липцы, но удержать и его не смогли. 12 марта 4-я танковая армия Гота прорвалась в район Харькова и завязала бои на его окраинах. Одновременно ударом на Чугуев противник ох-

вательвал город в клещи. К исходу 14 марта концентрические клещи врага сомкнулись юго-восточнее Харькова. Часть сил 3-й танковой армии оказалась в окружении. Командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Голиков отдал приказ об оставлении города.

Ставка напряженно искала решения по Юго-Западному направлению. Вечером 14 марта Сталин позвонил в штаб Северо-Западного фронта представителю Ставки Жукову:

— Как идут у вас дела, товарищ Жуков?

— Войска фронта остановились на Ловати, товарищ Сталин. Снег превратился в месиво, дороги растворились. Считаю, что наступление надо прекратить.

— Пожалуй, это верное предложение, товарищ Жуков. А как, по-вашему, будут развиваться события там дальше?

— Снимать войска с этого направления Гитлер не решится, товарищ Сталин. Я думаю, что летом противник еще попробует наступать на Ленинград.

— Ставка поручила командование Западным фронтом Соколовскому. Куда назначим бывшего командующего? — круто переменил тему разговора Верховный.

Жуков знал, что деятельность командующего Западным фронтом Конева не вызывала восторгов в Ставке. Но и в конце февраля не было основательных предпосылок для его замены. И вот вопрос решен именно так.

— Конева надо назначить на Северо-Западный фронт, — сказал Жуков, — а Тимошенко направить представителем Ставки на юг, для координации действий Юго-Западного и Южного фронтов.

— Понятно, товарищ Жуков. Конев сейчас позвонит вам. Дайте ему необходимые указания по Северо-Западному фронту, а сами завтра вылетайте в Ставку.

Прибыв вечером 15 марта в Москву, Жуков всю ночь напролет провел в Кремле и в Генштабе, анализируя обстановку на Харьковском направлении. К исходу следующего дня спецпоезд доставил его в Курск.

В штабе фронта царили нервозность и смятение. Ни командующий фронтом Голиков, ни член Военного совета Хрущев не смогли внятно доложить о мерах по отражению возможного прорыва противника в район Курска.

Жуков позвонил Верховному, доложил:

— 21-я армия Чистякова выдвигается в район Белгорода, товарищ Сталин. Она прикроет Курск с юга. Промедление недопустимо. Прошу принять срочные меры для ускоренной переброски на Воронежский фронт 1-й танковой и 64-й армий генералов Катуко-ва и Шумилова.

— Что будет с Белгородом? — голос Сталина выдавал его тревожное состояние. — Он будет защищен?

Жуков знал, что Верховный не воспринимает предположительных ответов и уверток. Он сказал:

— Защитить Белгород не удастся, товарищ Сталин. Помимо танкового кулака, наступающего из района Харькова, со стороны Борисовки на город надвигается армейский корпус Рауса. Белгород придется оставить, но дальше достигнутого рубежа враг уже не пройдет.

— Другие предложения у вас есть, товарищ Жуков?

У представителя Ставки они были:

— Центральный фронт, товарищ Сталин, должен перейти к обороне на рубеже Севск — Рыльск и активными действиями сковать на северном фасе «Курской дуги» прибывающую из-под Вязьмы 9-ю армию Моделя.

— Вы советовались, товарищ Жуков, по этому вопросу с начальником Генштаба маршалом Василевским?

— С маршалом Василевским я встречаюсь завтра, товарищ Сталин, — ответил представитель Ставки.

Утром 17 марта маршал Жуков встретился с начальником Генштаба, и теперь они совместно анализировали возможное развитие обстановки на Курско-Белгородском направлении. Вот почему этот и два следующих дня самые значительные представители Ставки провели севернее Тамаровки, в непосредственной близости от передовой. 18 марта войска Воронежского фронта сдали врагу Белгород. Манштейн продолжал удерживать на Северском Донце боевую инициативу, и было ясно, что не остановится на достигнутом.

В докладе Верховному 19 марта Жуков заявил:

— Чтобы остановить продвижение противника из района Белгорода на Обоянь и Корочу, организована прочная оборона от Краснополья до Гостищева и далее по Северскому Донцу. Обоянское шоссе оседлала 52-я гвардейская стрелковая дивизия, усиленная тремя полками самоходной артиллерии. Севернее, под Обоянью, сосредоточился 3-й гвардейский танковый корпус Вовченко. 69-я армия Казакова с 24-м танковым корпусом Баданова отводятся на восточный берег Северского Донца. Южнее Белгорода по Северскому Донцу занимает оборону 64-я армия Шумилова.

— А как, товарищ Жуков, вы оцениваете действия командования Воронежского фронта? — Верховный сделал особый упор на последнюю часть своего вопроса.

— Я оцениваю их крайне отрицательно, товарищ Сталин, — заявил Жуков. — Военный совет фронта в критической ситуации проявил полную растерянность, и этот факт не должен остаться без последствий.

— И я так думаю, товарищ Жуков, — согласился Верховный. — У вас есть конкретные предложения?

— Есть, товарищ Сталин. Я предлагаю вернуть на Воронежский фронт «генерала наступления» Ватутина.

— А куда назначим Голикова?

— Голиков пусть возглавит Курский фронт.

— Но такой фронт, товарищ Жуков, не существует!

— Товарищ Сталин, Ставка допустила очевидную поспешность с ликвидацией Брянского фронта. Вместе с начальником Генштаба мы изучили обстановку на стыке Западного и Центрального фронтов. У нас не обеспечено Орловско-Тульское направление. Мы пришли к мнению о необходимости воссоздания здесь нового фронта. Пусть его и возглавит генерал Голиков.

— Хорошо, товарищ Жуков. Ваши предложения будут изучены Ставкой. Позднее я сообщу вам ее решение.

В полдень 22 марта, вскоре после отлета Василевского в Москву, Жукову в Курск позвонил заместитель начальника Генштаба Боков и спросил:

— Что доложить Верховному Главнокомандующему о положении на Воронежском фронте?

— Доложите, — заявил Жуков, — что дальше нынешнего рубежа под Обоянью враг уже не пройдет!

23 марта Ставка реорганизовала Брянский фронт в Курский, оставив в командовании им Рейтера. В тот же день в командование Воронежским фронтом вступил Ватутин. Юго-Западный фронт возглавил Малиновский. В командование Южным фронтом вступил командующий 57-й армией генерал-лейтенант Толбухин...

Итоговый доклад начальника Генштаба Василевского затянулся 31 марта до двух часов ночи. Кабинет Верховного уже покинули члены Политбюро ЦК и Ставки. Сталин обратился к начальнику Генштаба:

— Пора, товарищ Василевский, запросить командования фронтов о планах предстоящей летней кампании. Дела с созданием резервов идут у нас не плохо, и будет в самый раз, если к 8 апреля они представят в Ставку свои предложения по характеру боевой работы.

— Такая директива, товарищ Сталин, сегодня уже направлена в войска, но срок в ней для представления докладов фронтовых штабов указан до 10 апреля.

— Пусть представлят доклады к 10 апреля. А вот товарищей Жукова и Ватутина поторопите. Они пусть доложат к 8 апреля. У них направление взрывоопасное.

— Ясно, Жукова и Ватутина поторопим.

Вечером 2 апреля Жуков позвонил начальнику Генштаба Василевскому. Выяснив его оценку сложившейся обстановки, маршал Жуков высказал ряд принципиальных соображений по плану летней кампании.

Проанализировав все сведения о положении противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова, Жуков направил в Ставку обстоятельный доклад:

«Товарищу Васильеву.

5 час. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 г. и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волту с целью глубокого обхода Москвы. Ввиду ограниченности резервов противник вынужден будет в первой половине 1943 г. развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до тридцати – пятнадцати танковых дивизий, при поддержке авиации нанесет удар своей Орловско-Курской группировкой в обход Курска с северо-востока и Белгородско-Харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока. Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск с юго-запада.

3. На втором этапе противник будет стремиться выйти в тыл Юго-Западному фронту в общем направлении через Валуйки – Уразово. Навстречу этому удару противник может нанести удар из района Лисичанска в северном направлении на Сватово – Уразово. На остальных участках противник будет стремиться выйти на линию Ливны – Касторное – Старый и Новый Оскол.

4. На третьем этапе, после перегруппировки, противник, возможно, будет стремиться выйти на фронт Лиски – Воронеж – Елец и, прикрывшись в юго-восточном направлении, может организовать удар в обход Москвы с юго-востока через Раненбург – Ряжск – Рязань.

5. Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков три-четыре танковые дивизии, может бросить против нашей Курской группировки до пятнадцати-шестнадцати танковых дивизий общей численностью до двух с половиной тысяч танков.

6. Для того, чтобы противник разбрался о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления тридцать полков ИПТАП; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны — Касторное — Старый Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

Константинов».

В последующие дни Ставка получила также доклады командующих Центральным и Воронежским фронтами. В середине дня 10 апреля в Бобришево, в штаб Воронежского фронта, представителю Ставки Жукову позвонил Верховный. Уточнив обстановку в районе Харькова, Сталин приказал своему заместителю прибыть 11 апреля в Москву, чтобы детально обсудить в Ставке план летней кампании сорок третьего.

Вечером 12 апреля в Ставке при участии Верховного Главнокомандующего, его заместителя, начальника Генштаба и начальника Оперативного управления Генштаба состоялось пространное совещание, принявшее в итоге предварительное решение о преднамеренной обороне. «Предварительность» решения объяснялась тем, что Верховного все еще беспокоила мысль о прочности нашей обороны, выдержит ли она концентрированные удары крупных немецких танковых сил.

12 апреля Ставка приняла принципиальное, хотя и предварительное решение о преднамеренной стратегической обороне на «Курской дуге» при сохранении в своих руках боевой инициативы. Встретив наступление отборной группировки противника мощными средствами обороны и нанеся поражение, прежде всего, его танковым силам, наши войска, исключив оперативную паузу, сами должны были перейти в решительное контрнаступление. Соответственно принятому решению Генштаб приступил к разработке требуемой оперативной документации. В районах Ливен, Старого Оскола и Корочи сосредоточивались главные резервы Ставки.

Усилия Ставки по организации прочного оборонительного рубежа на Орловском и Белгородском флангах «Курской дуги» последовательно нарастали. В середине апреля руководящий состав Наркомата обороны и Генштаба тщательно проверил на местах подготовку к летней кампании фронтов Курского направления. В это время наша разведка уже раскрыла состав вражеской группи-

ровки, сосредоточившейся против войск Центрального и Воронежского фронтов. Противник имел здесь шестнадцать танковых дивизий, штатно укомплектованных новейшими боевыми машинами. Одиннадцать из них, поддержаные двадцатью пехотными дивизиями, противостояли войскам Воронежского фронта.

В самый разгар ожесточенного воздушного сражения над Кубанью, когда чаша весов в борьбе за господство в воздухе еще колебалась и нашим 4-й и 5-й воздушным армиям потребовались срочные подкрепления, в ВВС произошло крупномасштабное «чрезвычайное происшествие».

Сохраняемые с ноября сорок второго в качестве резерва Ставки почти четыре сотни «Ил-2» и «Як-3» оказались... небоеготовыми. Хвостовая часть фюзеляжа у штурмовиков и хвостовое оперение у истребителей выполнялись из дерева. Боевые машины стояли в аэродромах, и дерево кое-где подгнило. На истребителях покоробилась фанерная обшивка крыльев. Участились случаи, когда ее даже срывало в полете.

Верховный очень резко отреагировал на «произошедший казус». В полдень 23 апреля он вызвал в Кремль заместителя командующего ВВС Ворожейкина, заместителя наркома авиапромышленности Яковleva и главного конструктора штурмовиков Ильюшина.

— Скажите, товарищ Ворожейкин, кто отвечает в ВВС за хранение материальной части? — Сталин окинул суровым взглядом приглашенных генералов.

Заместитель командующего ВВС четко ответил:

— Служба тыла отвечает, товарищ Сталин.

— Служба товарища Жарова отвечает, — уточнил Верховный и тем же тоном добавил: — Но отвечает плохо, если главный резерв Ставки оказался выведенным из строя.

— Служба тыла генерала Жарова не виновата в произшедшем, товарищ Сталин, — возразил Ворожейкин. — Самолеты полгода не поднимались в воздух, «не проветривались».

— «Не проветривались», — повторил Верховный и повернулся к Главному конструктору штурмовиков. — Этот факт действительно сыграл решающую роль, товарищ Ильюшин?

— Да, товарищ Сталин. Находящиеся в эксплуатации деревянные конструкции сохраняются значительно лучше, чем при длительном хранении.

— Но почему служба тыла не предусмотрела промежуточную замену тех машин новыми? Вот и не было бы длительного хранения, — выяснял истину Верховный.

— А это должно было предусмотреть командование ВВС, товарищ Сталин, — вставил реплику Яковлев.

— Вы занимаетесь круговой порукой, товарищи генералы, а дело страдает, — сердито бросил Верховный.

Почувствовав, что Сталин уже успокоился, в душе согласившись с высказанными доводами, Яковлев, чаще других общавшийся с Верховным, негромко сказал:

— Для приведения самолетов в боеготовность надо десять — двенадцать суток, товарищ Сталин. Машины после ремонта следуют сразу же направить на фронт.

— Всего десять суток на ремонт? — Верховный недоверчиво посмотрел на Главного конструктора «Яков».

— Да, товарищ Сталин, два десятка заводских ремонтных бригад вполне справляются с этой работой за десять суток, — подтвердил Яковлев.

— Через десять суток доложите ГКО о выполнении задания, товарищ Яковлев, — закончил разговор Сталин.

2

По всей Германии еще разевались траурные флаги по случаю «Сталинградской Вендетты» 6-й армии фельдмаршала Паулуса, когда 6 февраля командующий группой армий «Дон» фельдмаршал фон Манштейн прилетел в «Вольфшанце» для доклада. В Главной Ставке царило подавленное состояние. Это чувствовалось во всем, начиная с проходных, где эсэсовцы особенно тщательно проверяли документы прибывающих сюда хорошо известных им важных персон с фронта и тыла. Но их миссия — «проверять как следует» — с головой выдавала то несчастное опустошение, которое доминировало всю зиму с ноября сорок второго в чреве неумолкающее клокочущей «машины войны» в лесу под Растенбургом.

Прибыв в Главную Ставку, Манштейн повел себя неуступчиво, напористо:

— Мой фюрер, если прорыв большевиков в полосе обороны 2-й венгерской армии чрезвычайно опасен для Харьковского промышленного района, то их удар на Изюм касается нашей обороны по Северскому Донцу и Дону. Этот протяженный фронт от Ворошиловграда до Ростова не сулит нам победных лавров. Я предлагаю...

Гитлер не позволил ему закончить фразу:

— Ваши предложения мне известны, Манштейн. Вы хотите спрямить фронт и остановить красных на Миусе. Однако вы упустяете из виду важное обстоятельство. Речь ведь идет уже о Донбассе. Без донбасского угля мы не в состоянии продолжать войну.

— При отходе на Миус, мой фюрер, мы потеряем только часть Донбасса, где уголь почти не добывается. Зато оперативные выгоды такого маневра очевидны. Даже в случае прорыва красных в район

Сталино моя группа армий поимеет возможность прорыва на Мариполь и далее на Мелитополь.

— Но тогда, — Гитлер подошел к карте, — будет потерян контроль над всем Донбассом?

— Я говорю о вынужденном варианте действий, мой фюрер. Реальные планы Советов мне неизвестны.

— Мы уже не раз предпринимали маневры по спрямлению линии фронта, но это не приносит большой пользы и облегчения. Так случилось на Волхове, у Великих Лук, под Старобельском, — бросил Гитлер и тут же обратился к начальнику Генштаба ОКХ: — что вы думаете, Цейтцлер, по поводу нашего отхода на Миус?

Начальник Генштаба ОКХ высказался двулично:

— Хотя на месте событий варианты видятся по-иному, окончательное решение, мой фюрер, предстоит принимать вам. Важно всесторонне оценить ситуацию.

— А что думаете вы, Хойзингер? — Гитлер постарался вовлечь в обсуждение всех участников совещания.

— Со стратегической точки зрения предложения фельдмаршала Манштейна безупречны, мой фюрер, но в политическом аспекте новый отход войск группы армий «Дон» таковым не выглядит.

Ощущив столь единодушную поддержку Генштаба ОКХ, командующий группой армий «Дон» постарался изложить свои предложения в наиболее полном объеме:

— Отход моих войск на Миус, сокращение в два раза линии соприкосновения позволит не только уплотнить боевые порядки на отсечных позициях, но и укрепить оборону от Синельникова до Ворошиловграда. Совершенно очевидно стремление русских к Днепру. Не учитывать столь опасных факторов мы не имеем права.

— Опасные факторы, к сожалению, имеют место и на других участках Восточного фронта, — Гитлер не спеша подошел к «оперативке». — Кюхлер предлагает отвести войска с Демянского плацдарма, а Клюге готов оставить Ржевско-Вяземский выступ.

Гитлер повернулся к залу, продолжил монолог:

— Почувствовав ослабление наших позиций на Востоке, англосаксы весной могут предпринять десантную операцию на французское побережье. Их большие силы Германии не сдержать. Мы должны продемонстрировать нашим союзникам на Западе несокрушимость «крепости Европы» и создать наиболее приемлемые предпосылки для... примирения с западными державами!

Не покидая «Вольфшанце», командующий группой армий «Дон» передал свой приказ в Запорожье об отводе 1-й танковой армии с 7 февраля на Миусский рубеж.

Образование 13 февраля командования группы армий «Юг» и продолжавшийся отвод 1-й танковой армии Маккензена с Север-

ского Донца и Дона на отсечную позицию по реке Мис не остановили деградации Восточного фронта.

Утром 15 февраля в «Вольфшанце» поступило донесение фон Кюхлера о переходе в наступление на Ловати войск Северо-Западного фронта. Командование группой армий «Север» не сомневалось — оно решит судьбу «крепости Демянск».

Гитлер не ожидал такого опасного развития обстановки на Восточном фронте задолго до весенней распутицы и в тот же день вылетел в Запорожье, в штаб группы армий «Юг» Манштейна, чтобы вдохнуть новые силы в терпящие бедствие деморализованные войска.

Прилетев в Запорожье, Гитлер принял энергичные меры по стабилизации фронта на юге. Оперативная группа «Кемпф» не устояла под напором войск Воронежского фронта и 16 февраля сдала Харьков. Верховный Главнокомандующий подсластил эту «горькую пилку» необычным образом. Он устроил чествование командующего 4-м воздушным флотом Рихтгофена, произведя его в «генерал-фельдмаршала». В то же время Манштейн получил приказ выдвинуть навстречу противнику танковую и две пехотные дивизии.

После мучительных раздумий 18 февраля Гитлер подписал приказ на вывод группировки 16-й армии Буша с Демянского плацдарма. Вопрос о выводе войск с Ржевско-Вяземского выступа он и на этот раз отложил на неопределенное время. Как-никак от Гжатска до Москвы набиралось немногим более двухсот километров.

Рейх неумолимо вступал в тотальную войну. Публичным ее глашатаем выступил Геббельс. 18 февраля он произнес речь в «Спортивном палаце»:

— У нас есть две взаимоисключающие возможности — капитулировать перед большевиками или вступить с ними в тотальную войну. Хотите ли вы капитуляции?

— Нет-нет! — ответствовал тысячеголосый зал.

— Хотите ли вы тотальную войну? — Геббельс тут же поставил кардинальный, кульминационный вопрос.

— Да — да! — Руки всех «маленьких фюреров» вытянулись вперед в фашистском клятвоприсягании.

Геббельс исступленно призывал непоколебимо верить в окончательную победу, в безупречность военного руководства фюрера, быстрее забыть трагедию Сталинграда и с высшим напряжением сил на фронте и в тылу вести борьбу с ненавистным большевизмом до конца.

Упоенный успехами войск группы армий «Юг» на Днепропетровском направлении, Гитлер не откликнулся на просьбу командующего 17-й армией Руффа о подкреплении резервами, чтобы удержать позиции на Таманском полуострове.

К концу дня 27 февраля фактически завершился вывод группировки 16-й армии Буша из «крепости Демянск». В «Вервольфе» эту рокировку войск поставили в ряд заметных успехов вермахта на Восточном фронте.

Генерал-полковник Гудериан застыл в фашистском приветствии у входа. Гитлер приблизился к нему, вскинул вверх руку и протянул ее для редкого рукопожатия.

— Вы, Гудериан, очень кстати поторопились. Вам, конечно, известно об успешном прорыве моторизованных соединений фон Манштейна к Северскому Донцу. Верховное Командование вермахта намерено и дальше наращивать удары на юге, чтобы захватить Харьков, Белгород, Воронеж. Еще до наступления лета мы должны перехватить инициативу, чтобы тогда нанести большевикам решающее поражение. Вы, Гудериан, должны помочь мне. «Пантеры» и «Тигры» лучше советских танков. Им суждено привести вермахт к победе.

— Мой фюрер, я бесконечно верю в наши новейшие танки и в то, что именно с ними вермахт одержит решительную победу над большевиками.

— Вы полны решимости сражаться, Гудериан. Мне ваша решимость импонирует.

— С новыми танками Сталинград не повторится. Москва еще узнает о крепости немецкой брони.

Гитлер отошел к окну, вахничая, повернулся в залу:

— Я специально вызвал вас в Винницу, Гудериан, чтобы лично объявить о назначении генеральным инспектором бронетанковых войск. Побывав на фронте группы армий «Юг», вы должны проникнуться духом крайнего напряжения, которое сопровождает теперь наступательные действия вермахта на Харьковском направлении. Вам хорошо знаком этот район. Наша победа под Лохвицей была уверенной прелюдией к последующим победам у Волчанска и Изюма. Чтобы вновь наступать, нужны танки. Много танков.

— Я непременно выполню ваш приказ, мой фюрер, — повинувшись, отчеканил Гудериан. — Немецкое оружие было и всегда будет самым сильным в мире!

Гитлер продолжил озадачивать его на перспективу:

— Вы поставите под свой контроль, Гудериан, не только производство танков, но и организуете обучение личного состава. Это стало ахиллесовой пятой вермахта. Наступил март, нам следует торопиться. Лето сорок третьего решит судьбу «Восточного похода». Действуйте, Гудериан, решительно, как это делает в BBC Мильх...

Геббельс тем временем неустанно педалировал безальтернативную идею: «С Гитлером — к новым победам вермахта! С Гитлером,

если потребуется, — на тот свет! Никакой «безоговорочной капитуляции», о которой говорил Рузвельт в Касабланке в январе. Лучше тотальная война до последнего патрона и последнего солдата».

В ночь на 28 февраля командующий группой армий «Юг» поставил войскам задачу наступления на Харьков. Манштейн разумно распорядился превосходством в силах и фактически 12 марта овладел городом.

Начало второй декады марта ознаменовалось для Главной Ставки невероятным кипением страсти по поводу дальнейшей линии войны и плана летней кампании сорок третьего года. Разброс мнений расколол высшую штабную элиту. У ОКВ не было единства мнений и относительно путей достижения поставленных целей.

Исходя из политических и экономических соображений, Гитлер категорически возражал против сдачи территории, особенно Донбасса, и требовал упорно оборонять достигнутые рубежи. Он считал, что строительство оборонительных рубежей в тылу окажет отрицательное психологическое воздействие на немецкие войска и снизит их стойкость в бою. Утрату «крепости Демянск» и Ржевско-Вяземского выступа он мотивировал спрятанием линии фронта и необходимостью перегруппировки сил перед напряженной летней кампанией.

Вечером 12 марта в «Вервольфе» начальник Генштаба ОКХ доложил Гитлеру, что Манштейн, втайне от командования ОКХ, готовит позиции за Днепром.

— Мой фюрер, я изучил этот вопрос. Оказывается, существует «позиция ОКХ» — Днепр и дальше.

К удивлению Цейтцлера, Гитлер спокойно воспринял неизвестную для него информацию. Он растерянно произнес:

— Этого, Цейтцлер, я не знал. Мне никто не доложил.

— И я, мой фюрер, не мог предположить ничего подобного, — поддакнул Цейтцлер. — Думаю, вы прикажете ликвидировать план обороны Манштейна?

— Мне никто не доложил ни слова о «позиции ОКХ», — повторил Гитлер и повернулся к докладчику: — Спросите у Хойзингера, Цейтцлер, возможно, он в курсе этого загадочного дела?

— Спрашивал, мой фюрер. Манштейн не согласовывал этот вопрос и с ним. Так что я распоряжусь об уничтожении не согласованного с вами приказа?

— Такого приказа, Цейтцлер, нет, — Гитлер остановил строптивого служаку и тут же поставил перед ним тот же вопрос: — На каких участках, Цейтцлер, целесообразно, по-вашему, строить... укрепления на Днепре?

Начальник Генштаба ОКХ чиркнул по линии «Восточного вала» на карте и как-то испуганно ответил:

— Мой фюрер, большевики сделают нам капут прежде, чем мы успеем построить свои укрепления!

Совещание закончилось симптоматичным финалом. Бросив взгляд в сторону Гудериана, Цейтцлер сказал:

— Мой фюрер, я пришел на совещание вместе с Гудерианом. Он хочет иметь картину на будущее.

— Между прочим, Цейтцлер, мы тоже хотим такую картину иметь, — одарив пристальным взглядом всех присутствующих, не без иронии возразил Гитлер.

Утром 13 марта «юнкерс» Главкома ОКХ стартовал из Винницы на Смоленск. Его беспокоила ситуация на стыке 2-й танковой и 2-й армий в связи с прорывом русских к Десне. Бои по отражению ее наступления между Стародубом и Севском продолжались. Особое внимание командующего группой армий «Центр» Клюге, командующих армий Гитлер обратил на организацию обороны в полосе оперативной группы «Шевалерии» у Великих Лук, 3-й танковой армии под Смоленском и 4-й армии на Кировском выступе.

И еще. Гитлер потребовал от фон Клюге назвать три боеспособные дивизии группы армий, которые к середине апреля, началу наступательной операции войсками фон Манштейна, он выделит в резерв ОКВ.

В конце завтрака в штаб-квартире Клюге начальник Оперативного отдела генерал Тресков, будто бы между прочим, выяснил у адъютанта Хойзингера полковника Брандта: «Может ли он захватить в Растенбург пару бульлок заграничного коньяка для передачи их давнему сослуживцу, начальнику Организационного отдела Генштаба ОКХ Штиффу?» Брандт согласился выполнить эту просьбу фон Трескова.

После совещания Гитлер в сопровождении Хойзингера отправился в Смоленск, чтобы улететь в Главную Ставку. Его провожали фон Клюге, Тресков и его адъютант Шлабрендорф. На коленях последнего покоился пакет с английскими бомбами, замаскированными под винные бутылки.

Козырнув провожающим, Гитлер поднялся по трапу в самолет. Хойзингер и его адъютант направились вслед за ним. Шлабрендорф незаметно пустил в ход кислотный взрыватель и тут же вручил «подарок» Брандту. «Юнкерс» фюрера поднялся в воздух и взял курс в сторону Восточной Пруссии... Взрыватель должен был сработать через полчаса, на подлете самолета к Минску.

Вернувшись в Красный Бор, Клюге, Тресков и Шлабрендорф погрузились в тревожное ожидание вестей из Растенбурга. А те долго не поступали. Лишь спустя два с половиной часа звонок из Главной Ставки сообщил в Красный Бор: «Гитлер и Хойзингер благо-

получено долетели из Смоленска». Значит, бомбы, врученные полковнику Брандту, почему-то не взорвались?

Решение у «заговорщиков» созрело мгновенно — надо быстрее заполучить «смертоносный подарок» от Брандта, чтобы «фальшивый коньак» не попал в руки Штиффа, который не являлся участником группы Герделера — Бека — Вицлебена. Специальным рейсом Штабрендорф вылетел в «Вольфшанце» и, извинившись за «ошибку», заменил прежний подарок новым, с бутылками настоящего французского коньяка.

Вечером того же дня, 13 марта, Главком ОКХ подписал приказ ОКВ № 5 на ведение боевых действий на Восточном фронте в ближайшие месяцы:

«Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте группы армий «Юг».

На остальных участках фронта задача сводится к обескровливанию противника. Здесь мы зарлаговременно должны создать прочную оборону путем применения тяжелого оружия, совершенствования позиций в инженерном отношении, установки на необходимых участках минных заграждений, оборудования тыловых опорных позиций, создания подвижных резервов.

Натиск 2-й армии, оперативной группы «Кемпф» и 4-й танковой армии в районе Харькова не ослабевал. Войска 2-й армии фон Вейхса продолжали преследование 40-й армии Москаленко, отошедших с рубежа Сумы — Лебедин на позицию по линии Сумы — Богодухов.

Когда «наступательный синдром» вывел из себя командующего группой армий «Юг», из «Вольфшанце» в его адрес нагрянула новая грозная директива — приказ ОКВ от 22 марта:

«1. Дополнение к оперативному приказу № 5.

В связи с тем, что период распутицы в этом году на южном крыле Восточного фронта будет весьма коротким, фюрер приказал первоначально подготовить удар, чтобы уничтожить вражеские силы западнее Купянска. Цель этого удара состоит в захвате рубежа по линии Лисичанск — Купянск — Волчанск, чтобы обеспечить себя с тыла при наступлении на Курск.

Группе армий «Юг» срочно донести конкретные соображения по использованию сил, дату готовности к удару и соображения о том, когда погодные условия позволят приступить к форсированию Донца».

Йодль был, как всегда, корректен. Его ненавязчивая манера доклада очень нравилась Гитлеру:

— Мой фюрер, в конце февраля я докладывал вам по поводу казни большевиками польских офицеров под Смоленском. Пришло время ОКВ определиться в этом вопросе. Кто-то ждет вашего решения. Вчера он вторично звонил мне по этому поводу.

Гитлер забыл содержание доклада, спросил:

— Вы имеете в виду, Йодль, саму проблему? Как поступить с обнаруженными польскими могилами?

— Да, мой фюрер. Обнаружено восемь могил, в которых покоятся двенадцать или пятнадцать тысяч трупов. Я полагаю, что их необходимо подвергнуть эксгумации.

— Вы совершенно правы, Йодль, — уже более определенно высказался Гитлер. — Этому делу следует побыстрее придать международную огласку.

— Это очень весомый аргумент к немедленным действиям, мой фюрер, — тотчас согласился Йодль. — Для проведения этих работ я предлагаю направить в штаб-квартиру фон Клюге профессора Бутца.

Гитлер молча вернулся к столу, закончил диалог:

— Сейчас же от моего имени передайте Цейтцлеру, Йодль, чтобы «польской проблемой» занялся Генштаб ОКХ, а также министерство пропаганды Геббельса.

К началу апреля отношения Йодля и Гитлера внешне нормализовались после «осенней размолвки». «Главный оператор вермахта» строго следовал тактике поведения — он не вмешивался в обсуждение обстановки на фронтах, если Гитлер не обращался к нему лично.

Когда участники оперативного совещания 5 апреля еще рассаживались по своим традиционным местам, Гитлер, прижав к туловищу дрожащую левую руку правой, осадил колким взглядом Йодля:

— Скажите, Йодль, что сообщает Клюге по делу о расстреле НКВД польских офицеров под Смоленском?

— Мой фюрер, раскопки в Катынском лесу продолжаются, — ответил Йодль. — Комиссия профессора Бутца проводит экспертизу эксгумированных трупов. В Смоленске находятся делегации журналистов Испании, Швеции и Швейцарии.

— Но почему, Йодль, всем этим делом до сих пор занимается ваш штаб, а не имперские службы? Я полагаю, что это вызывает подозрения в лагере наших союзников.

— Это не совсем так, мой фюрер, — смело возразил генерал Йодль. — Иностранные делегации сопровождают в Смоленск статс-секретарь министерства иностранных дел Шипперт, а готовят их перед отправкой ведомство доктора Геббельса. Конкретное

руководство этими мероприятиями возложено на статс-секретаря Монцеса.

— Понятно, Йодль, — словно удовлетворился ответом Верховный Главнокомандующий и тут же задал следующий, очень неприятный вопрос, на который главный оператор ОКВ не сразу нашелся что сказать: — А что отвечают эти лица из министерств, которых я лично знаю, на возможный пассаж наших оппонентов: «Почему раньше немецкая сторона не возбуждала подобного расследования, хотя ей было известно о преступлении большевиков довольно продолжительное время?»

— Это очень не простой вопрос, мой фюрер, — сознался Йодль. — Тут следовало бы рассмотреть несколько вариантов. На мой взгляд, лучше было бы сказать так: виду больших сложностей, вставших перед вермахтом на Востоке, командование группы армий «Центр» не относило его к числу первостепенных. Мы не смогли своевременно оценить пропагандистское значение мощной «антикоммунистической бомбы».

Когда отработка плана летней кампании находилась еще в самом разгаре, а окончательные сроки проведения операции на «Курско-дуге» обозначились только лишь как ориентировочные, Гитлер временно оставил Главную Ставку и через всю Германию проследовал в Зальцбург. 12 апреля в замке «Клессгейм» он встретился с маршалом Антонеску.

Совещание получилось бурным. Располагая донесением немецкой разведки о переговорах румынского поверенного в делах Димитреску с представителями министерства иностранных дел Испании на предмет их посредничества в заключении сепаратного мира между Румынией, Соединенными Штатами и Англией, Гитлер потребовал от своего «верного союзника» прекращения этих контактов и отставки министра иностранных дел Михая Антонеску. Однако демарш не удался. Маршал Антонеску никак не прореагировал на ультиматум «главного военного союзника». Наступили другие времена.

Действия Гитлера в этот период все более носили двурушнический характер. Дипломатическая служба Германии сама активно добивалась контактов через Испанию с Соединенными Штатами и Англией, а через Японию — с Советским Союзом. Эти заботы выражали тот же предмет — мирные переговоры. С ухудшением ситуации на Восточном фронте этот зондаж «преданного Риббентропа» становился все более настойчивым. Ветер громких политических и военных побед переменил свое направление и поднимал на гребень отнюдь не штандарты именитых немецких соединений.

Главком ОКВ еще находился в замке «Клессгейм» в ожидании необходимой встречи с «венгерским союзником», когда «Вольфшанце» за его подписью разослава в штаб-квартиры групп армий оперативный приказ ОКВ № 6 от 15 апреля:

«Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление даст в наши руки инициативу на лето текущего года.

Все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие войска, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество военной техники и боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира.

Весь день 16 апреля Гитлер посвятил трудным переговорам с венгерским диктатором Хорти. Продолжать войну без Венгрии в со-здавшихся условиях Германия не могла. Наряду с Румынией она являлась главным поставщиком нефти и продуктов, особенно зерна. Важнейшие коммуникации из Франции и Италии также пересекали ее территорию по кратчайшим маршрутам. Но Хорти уже не испытывал трепетного благоговения перед военным могуществом рейха и норовил под предлогом создания «Дунайской федерации» быстрее обособиться от «терпящего крушение корабля».

Замок «Клессстейм» давно не внимал столь прогательным пассажам недавнего «покорителя Европы»:

— «Дунайская федерация», Хорти, это чистейшая иллюзия в свете нашей Сталинградской неудачи. Никакой балканский союз Венгрии, Румынии и Турции не может противостоять русским в большей мере, чем германский рейх с его двумястами сорока дивизиями. Создавать «Восточный вал» бесполезно, так как зимой он станет не реальным. Остается только подвижная война для того, чтобы не дать большевикам паузы для передышки.

— Народ Венгрии, наш фюрер, не хочет продолжения войны в России, — вставил реплику Хорти. — Предложение Кейтеля о посыпке венгерских дивизий в Югославию нереально. В случае вражеского вторжения и переворота в Румынии Венгрия окажется совершенно беззащитной. Венгерскому правительству необходимо иметь хоть какие-то войска в своих руках, чтобы иметь возможность...

Гитлер не позволил Хорти высказаться до конца:

— В лагере союзников Германии, Хорти, продолжается смута и разложение. Большевики искусно используют в своих целях наше смятение после Сталинграда. Однако довольно самообмана. Без рейха союзникам борьба против большевизма не по плечу. Со всей определенностью, Хорти, я вынужден констатировать, что соединения союзников под ударами красных трусливо бегут назад или поспешно сдаются в плен.

— Снабжение 2-й венгерской армии не выдерживает критики, наш фюрер, — возразил Хорти. — Я полагаю, что вам известно о тех испытаниях, которые выпали на долю ее частей, уцелевших на Дону и совершивших затем труднейший пеший переход в район Конотопа. Начальник Генштаба венгерской армии генерал Сомбатхэльи...

— Ваш начальник Генштаба, Хорти, ошибочно полагает, что пара английских или американских дивизий сумеет остановить русских на Тисе или Дунае. Если более двухсот немецких дивизий не в состоянии этого сделать сегодня, то всякие разговоры о возможностях меньших сил иллюзорны и несбыточны. Я даже не склонен принимать их в расчет.

Между тем в апреле Гитлера обуревали два предчувствия. 23 апреля в атмосфере смелых заверений ответственных лиц он утвердил программы выпуска «неотразимого секретного оружия» — ракет «ФАУ-1» и «ФАУ-2». Главный конструктор доктор фон Браун заверил фюрера, что ежемесячный выпуск «ФАУ-1» в декабре сорок третьего достигнет двух тысяч единиц. Арсенал же «ФАУ-2» к концу года составит не менее трех тысяч. Геббельс получил указание сообщить немецкому народу, что он располагает изумительным «новейшим оружием», которое и решит судьбу войны в пользу рейха.

Уверенным шагом к этому итогу должно было стать наступление под Курском войск групп армий «Центр» и «Юг», оснащенных танками «Пантера» и «Тигр». Гитлер торопил Цейтцлера с докладом о сосредоточении ударных соединений на флангах Курского выступа.

Вечером 25 апреля желанный доклад прозвучал в Главной Ставке. Начальник Генштаба ОКХ говорил уверенно. У основания северного фаса «Курской дуги» развернулась 9-я армия Моделя в составе тринадцати дивизий. На острье главного удара в направлении Ольховатки выдвигались 4-я и 12-я танковые дивизии.

На южном фасе «Курской дуги» сосредоточились соединения 4-й танковой армии Гота. Управления 48-м танковым корпусом и 2-м танковым корпусом СС были переданы в его подчинение из состава оперативной группы «Кемпф». Управление 24-м танковым корпусом было получено из состава 6-й армии, а 42-м армейским корпусом — из группы армий «А» Клейста.

Доложенный расклад сил очень понравился Главному ОКХ. Он дважды повторил вывод Цейтцлера: «На Курском направлении вместе с оперативными резервами будет сосредоточено к началу «Цитадели» пять танковых и семь армейских корпусов, пятьдесят штатно укомплектованных дивизий».

К исходу 28 апреля полковник Гелен представил начальнику Генштаба ОКХ донесение, которое позволило ему сделать вывод о

том, что командование красных сумело провести подготовку крупной наступательной операции против северного фланга группы армий «Юг» в направлении Днепра. Нужно считаться со всерастущими силами противника и с тем, что он достиг высокой степени готовности против возможных немецких атак.

Взвесив все «за» и «против», 29 апреля Гитлер отменил ранее принятное решение о начале операции «Цитадель» 3 мая, временно отложив час «Х» на неопределенный срок. Мотивы были названы основательные: оснащение ударных соединений танками, самоходными и противотанковыми орудиями еще недостаточны по сравнению с мощной вражеской обороной.

«ЦИТАДЕЛЬ»... ПРОХОРОВКА

1

В ночь на 1 мая командующему ВВС маршалу авиации Новикову в Абинскую позвонил Верховный.

— Несколько часов жду вашего звонка, товарищ Новиков. А вы, похоже, не очень торопитесь доложить в Ставку, как разворачивается сражение за господство в воздухе на Кубани.

Командующий ВВС уверенно ответил:

— Пока разворачивается успешно, товарищ Сталин. Наш удар по семнадцати аэродромам противника в Приазовье, на юге Украины и в Крыму оказался для противника очень болезненным. По предварительным данным, выведено из строя более двухсот боевых машин.

— Но немец все еще сохраняет численное превосходство своей авиации? — возразил Верховный.

— Противник уже не имеет численного превосходства, товарищ Сталин, — твердо заявил маршал авиации Новиков. — Мы подкрепили 4-ю воздушную армию генерала Науменко 2-м бомбардировочным авиакорпусом генерала Ушакова и 3-м истребительным авиакорпусом генерала Савицкого. В 5-ю воздушную армию генерала Горюнова прибыли 2-й смешанный авиакорпус генерала Еременко и 282-я истребительная авиадивизия генерала Данилова. Усиlena и группировка, возглавляемая заместителем командующего АДД генералом Скрипко. В состав 6-го авиакорпуса генерала Тупикова влились 50-я и 62-я дальнебомбардировочные авиадивизии.

— А как используется авиаторами 4-й и 5-й воздушных армий опыт, накопленный в Сталинградском сражении, товарищ Новиков? — Верховный не первый раз ставил схожие вопросы перед ко-

мандующим ВВС, и, как оказалось позднее, не ради праздного интереса.

— Опыт, накопленный под Сталинградом, используется нами в полной мере, товарищ Сталин. Отныне бомбардировщики действуют в основном крупными группами, бомбят вражеские войска не с одного захода, а с нескольких. Штурмовые группы остаются над расположением противника возможно дольше. Это увеличивает продолжительность авиационного воздействия на противника и повышает эффективность массированных бомбовых ударов, — маршал авиации Новиков говорил о групповых действиях нашей авиации с гордостью, потому что уже давно, еще с Ленинградского фронта, вынашивал в себе прогрессивные идеи.

Верховный Главнокомандующий уточнил:

— Но в этом случае, товарищ Новиков, истребители прикрытия тоже должны действовать по-иному, мобильными группами?

— Истребительные патрули, товарищ Сталин, эшелонируются по фронту и по высоте. Большую часть боевой работы они ведут теперь за линией фронта, перехватывая вражеские самолеты на подходе к передовой, — дополнил свой доклад командующий ВВС.

— Этот тактический прием и называется у вас «Кубанской этажеркой»? — неожиданно для маршала авиации Новикова спросил Сталин.

— Совершенно верно, товарищ Сталин, — подтвердил командающий ВВС. — Эшелонирование боевых порядков по высоте, вертикальный маневр, управление групповым воздушным боем с наземных пунктов по радио и обеспечило успех нашей «Кубанской этажерки».

— А где сейчас находится управление 5-й воздушной армии, товарищ Новиков? — спросил Верховный.

— Передав свои соединения, 132-ю авиадивизию ночных бомбардировщиков, а также 236-ю и 287-ю истребительные авиадивизии в состав 4-й воздушной армии, товарищ Сталин, оно уже убыло под Курск, в распоряжение командования Степного военного округа, — четко доложил Новиков.

Напряженные воздушные бои над Кубанью продолжались почти всю первую половину мая. Закрепляя день ото дня свое господство в воздухе, соединения 4-й воздушной армии, в командование которой вступил генерал-лейтенант Вершинин, наносили массированные удары по живой силе и боевой технике противника в прифронтовой зоне. В приказе наркома обороны от 4 мая ставились в пример всему личному составу ВВС действия летчиков 7-го гвардейского штурмового авиааполка лейтенантов Смирнова и Слепова, которые в конце января сорок третьего нанесли редкий по эффективности удар по станции Малороссийская и надолго вывели ее из строя, прервав железнодорожное движение.

4 мая Ставка направила директивы Военным советам Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, поставила задачи по уничтожению авиации противника на аэродромах и в воздухе, по срыву железнодорожных перевозок и автомобильного движения на дорогах. Операция была назначена на 6 мая.

Главное внимание Ставки с первых дней мая было всецело привлечено к ситуации на участках Центрального и Воронежского фронтов генералов армии Рокоссовского и Ватутина. Четко работали разведывательные службы всех уровней. Обстановка накалялась.

В ночь на 8 мая в Военные советы Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов поступила директива Ставки: «По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10–12 мая на Орловско-Курском или на Белгородско-Обоянском направлениях либо на обоих направлениях вместе. Ставка приказывает к утру 10 мая иметь все войска в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации, с тем, чтобы в случае наступления противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе».

Командование фронтов Курского направления, получив предупреждение Ставки, активизировало усилия войск по совершенствованию систем огня в обороне, созданию дополнительных инженерных заграждений, установке минных полей на танкоопасных направлениях.

Многократно обсудив возможное развитие ситуации на Курском направлении, Верховный принял решение 15 мая о командировании в войска Центрального и Воронежского фронтов своего заместителя Жукова для всестороннего изучения обстановки и хода подготовки наших войск к предстоящим действиям. В это же время в войска Западного и Брянского фронтов прибыл начальник Генштаба Василевский.

Доклады ответственных представителей Ставки внимательно анализировались Верховным. Маршал Василевский предложил 21 мая подкрепить к началу операции «Кутузов» 11-ю армию двумя танковыми полками прорыва, переместить 19-й стрелковый корпус из района Гжатска в Юхнов, сохранив его в составе 10-й гвардейской армии Попова. С этой же целью 4-ю стрелковую дивизию Московского военного округа он предложил перевести из Загорска в Малоярославец.

На следующий день, 22 мая, в Ставку поступило донесение маршала Жукова. Он изложил свое понимание обстановки в полосе обороны Центрального фронта. Особый интерес для Сталина представляли оперативные данные о противнике.

Жуков сделал вывод о том, что противник искусно маскирует свои приготовления. Но, анализируя расположение его танковых частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие группировок тяжелой артиллерии, а также разбросанность резервов, можно считать, что противник до конца мая перейти в наступление не может. Он предложил усилить 48-ю армию Романенко двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковыми полками, двумя артиллерийскими полками резерва главного командования.

Столь же глубокими явились анализ и предложения Жукова об обстановке и средствах усиления войск Воронежского фронта Ватутина. Просчет был допущен в одном: Ставка и Генштаб сделали вывод, что наиболее сильная группировка создается ОКВ в районе Орла для действий против Центрального фронта. Она насчитывала около тысячи двухсот танков. На самом деле более сильной оказалась группировка фельдмаршала фон Манштейна, действующая против Воронежского фронта. Она располагала почти полутора тысячью танков и штурмовых орудий.

В кабинет Верховного вошел начальник Главпурга Щербаков. Верховный поздоровался с ним, спросил:

— Как живет Калининский фронт, товарищ Щербаков? Какие меры предпринимаются его Военным советом, чтобы наладить снабжение войск, подготовить их к активным боевым действиям?

Генерал-лейтенант Щербаков достал из папки нужные записи, поправил очки, уверенно ответил:

— Командный и политический состав Калининского фронта многое делает, товарищ Сталин, для преодоления трудностей с продовольственным снабжением. По этому вопросу проведено два совещания с аппаратом тыла и с начальниками армейских тыловых служб. Энергично действует в этом направлении новый командующий фронтом Еременко.

— Все действуют энергично, товарищ Щербаков, а проблемы со снабжением войск до сих пор остаются, — сердито возразил Верховный. — Подготовлено постановление ГКО по вопросу питания личного состава на Калининском фронте, и мы обяжем командиров частей лично утверждать меню-раскладку на каждый день, пока не наладят как следует питание. Вот это будет действенной мерой для всех — и командного состава, и политработников.

— В соединениях 43-й армии генерала Голубева командный состав так с начала мая и поступает, товарищ Сталин, — возразил начальник Главпурга.

— Генерал Голубев — опытный военачальник и действует правильно, по-суворовски, — сказал Верховный и тут же перевел разговор на другую тему: — Главпург уточнил перечень упраздняемых должностей политсостава, включаемых в постановление ГКО?

— Да, уточнил, товарищ Сталин, — искоса взглянув на Верховного, ответил Щербаков и прочитал написанное на листке: — Объединить должность заместителя командира по политической части с должностью начальника политического отдела соединения, упразднить должности заместителей начальников штабов по политической части в бригадах, дивизиях и корпусах, а также заместителей командиров рот по политической части и приравненных к ним отдельных подразделений.

— Ваши предложения, товарищ Щербаков, только часть решаемого вопроса, — пристальный взгляд Верховного замер на массивной фигуре начальника Главгупра. — В таком случае нам придется расформировать около пятидесяти военно-политических учебных заведений, а в оставшихся резко уменьшить переменный состав. Этот момент учитывался Главгупром при подготовке документа?

— Учитывался, товарищ Сталин. Так именно мы и предлагаем поступить, — генерал-лейтенант Щербаков ни на йоту не сомневался в своей правоте.

Верховный начал молча ходить взад-вперед по кабинету. Был поставлен сложный вопрос, и решить его с ходу не представлялось возможным. Сделав несколько «привычных членоков», он сказал:

— Такое постановление и примем. Готовьте его на завтра. Но при этом мы не должны допустить снижения уровня партийно-политической работы в войсках ни на один час. Приближается жаркое военное лето, и его важно встретить во всеоружии.

Сталин умолк. Паузу нарушил начальник Главгупра:

— Член Военного совета Леонов поднял еще один вопрос, товарищ Сталин. В частях продолжают нести службу добровольцы, кандидаты и доктора наук, являющиеся крупными специалистами народного хозяйства. Возможно, уже пришло время для того, чтобы возвратить их на прежнюю работу?

Верховный остановился у торца стола, ответил:

— Такое время, товарищ Щербаков, еще не пришло. Переживем это лето, а потом примем исчерпывающее постановление ГКО по этому вопросу. А самых крупных специалистов мы и сейчас отзываем с фронтов.

Расставаясь, Верховный напутствовал начальника Главгупра еще одним важным поручением:

— Следует уделить внимание, товарищ Щербаков, формированию 1-й Чехословацкой пехотной бригады и 1-й Польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Направьте к товарищам Свободе и Берлингу в Новохоперск и в Селецкие лагеря своих опытнейших работников, чтобы выяснили все острые вопросы. Это дело большой политической важности.

Конец мая выдался нервным. Второе предупреждение Генштаба о возможном наступлении противника 26 мая снова не под-

твердились, и Военный совет Воронежского фронта попросил Верховного решить вопрос о целесообразности нанесения по вражеской группировке упреждающего удара.

В полдень Сталин разговаривал по телефону с маршалами Жуковым и Василевским на предмет пересмотра решения о предна- меренной обороне. Но ни тот, ни другой представитель Ставки не дрогнул, и каждый убеждал Верховного не идти на «спорный компромисс», проявить выдержку, усиливать оборону Центрального и Воронежского фронтов.

Поэтому малозаметными в Ставке прошли начала двух операций на юге 26 мая: третьего воздушного сражения за господство в воздухе на Кубани и наступление войск Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенанта Петрова у станиц Киевская и Молдаванская с целью прорыва «Голубой линии» обороны 17-й армии генерала Руффа от Азовского моря до Новороссийска.

Вечером 27 мая заместитель начальника Генштаба Антонов доложил Верховному о донесении из прифронтовой зоны: «Немцы готовят наступление из Орла на Елец и из Харькова на Воронеж с задачей окружить и уничтожить советские войска в этих районах. Продолжается накопление немецких войск южнее Орла».

В полдень 8 июня начальник Генштаба Василевский доложил Верховному о том, что генерал-полковник Попов вступил в командование Брянским фронтом. Сталин выслушал доклад, заинтересованно спросил:

— Войска вы, товарищ Василевский, озадачили на лето, а с товарищем Поповым вы по душам поговорили, как он должен вести себя, командуя фронтом?

Маршал Василевский ответил:

— Я не только разговаривал на эту тему с генералом Поповым, товарищ Сталин, но и на правах старшего товарища потребовал от него всецело отдаваться подготовке важной наступательной операции.

Верховный перевел разговор на конкретную тему:

— Каково состояние 3-й армии, товарищ Василевский? У Ставки есть предложение назначить в командование ею генерала Горбатова. Как вы смотрите на такую перестановку? Корзун пусть пока побудет в резерве.

— Я хорошо знаю генерала Горбатова, товарищ Сталин. Это принципиальный и справедливый человек. Кандидатура на должность командарма 3-й достойная.

— Как ведет себя немец, товарищ Василевский? Что представляет собой его 2-я танковая армия? У нас есть сведения, что она является таковой только по названию.

— По данным разведки, товарищ Сталин, в составе армейских корпусов передней линии противника действительно нет танковых

и моторизованных соединений. В резерве имеется одна танковая дивизия, дислоцированная в Дятьково, и одна моторизованная дивизия в Орле. Обе дивизии боеготовы.

— Значит, в полосе Брянского фронта немец наступать не собирается? — подытожил диалог Верховный.

— По-моему, не собирается. Нечем ему наступать, — подтвердил предположение Верховного Василевский.

— Тогда надо вам скорее прибыть в Москву, товарищ Василевский, — завершил разговор Сталин. — Появились срочные вопросы, которые необходимо обсудить с вами.

В ночь на 12 июня Генштаб получил донесения Центрального и Воронежского фронтов о дислокации танковых сил противника. Возникшие в Ставке опасения, что командование группами армий «Центр» и «Юг» осуществляет скрытую перегруппировку на Курском направлении, не подтвердились. Фон Клюге и фон Манштейн продолжали усиливать мощь своих ударных группировок южнее Орла и севернее Харькова. Ставка обязала фронтовые штабы усилить все виды наблюдения за противником.

Ночью 15 июня Верховному позвонил командующий Юго-Западным фронтом Малиновский. Доложив о предпринимаемых Военным советом фронта мерах по укреплению обороны на участке от Волчанска до Ворошиловграда, он высказал тревогу за прочность позиций на стыке с Воронежским фронтом. При этом он сослался на мнение маршала Жукова, который считал, что в полосе Юго-Западного фронта противник обязательно нанесет сильный удар. Их общее предложение было конкретным: расположить в районе Волчанска общевойсковую армию или танковый корпус из резерва Ставки.

Сталин поблагодарил командующего Юго-Западным фронтом за такую предусмотрительность, но предложение как таковое отклонил. Верховный заверил Малиновского в том, что вопросы прикрытия всех фронтовых стыков, не только Воронежского и Юго-Западного фронтов, внимательно рассмотрены Ставкой и учтены посредством создания Степного военного округа, который имеет в своем составе сразу четыре общевойсковых и одну танковую армии. Вопрос быстро был исчерпан.

Вечером 17 июня командующему Северо-Западным фронтом Коневу позвонил заместитель начальника Генштаба Антонов и сообщил о приказе Верховного: «Передать командование фронтом генерал-лейтенанту Курочкину, а самому прибыть в Ставку не позднее 19 июня».

Сталин тепло поздоровался с Коневым, сказал:

— ГКО назначил вас, товарищ Конев, командующим Степным военным округом. Вы знаете о той сложной обстановке, которая складывается сейчас на Южном направлении. Противник, видимо, со-

здаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш военный округ, который Ставка намерена преобразовать позднее в Степной фронт, расположившись за Центральным и Воронежским фронтами, должен находиться в готовности отразить удары врага в случае его прорыва через переднюю линию нашей обороны, не допустить развития прорыва в восточном направлении, как со стороны Орла, так и со стороны Белгорода.

Верховный сделал паузу, продолжил монолог:

— Но особенно важную роль предстоит сыграть войскам Степного фронта в планируемом Ставкой контрнаступлении. Измотав главные силы немца в оборонительных боях, выбив у него максимум танков, наши войска без всякой оперативной паузы перейдут в контрнаступление. Мы планируем ликвидировать Орловский выступ и обеспечить прорыв к Бобруйску. Брянский, Центральный, Степной, Юго-Западный и Южный фронты должны выйти на левобережье Днепра по всему его течению. Нам надо побыстрее освободить Харьковский промышленный район и угольный район Донбасса.

Июнь шел к завершению, звонков в Ставку прибывало. Вечером 20 июня Сталину позвонил командующий Воронежским фронтом генерал армии Ватутин:

— Товарищ Сталин, противник в ближайшие дни не намерен переходить в наступление. Скоро осень, и все наши планы сорвутся. Я предлагаю прекратить создание оборонительных рубежей и начать наступление.

— Так считаете вы, товарищ Ватутин, а вот маршалы Жуков и Василевский все-таки предлагают оставаться в обороне, — спокойно возразил Верховный.

Но Ватутин не согласился:

— Так думаю не только я, но и член Военного совета фронта Хрущев, товарищ Сталин.

— Но товарищ Василевский докладывает мне с вашего фронта, что немец в ближайшее время перейдет в наступление, — повысил голос Сталин. — Впрочем, так думает и командующий Центральным фронтом, а я Рокоссовскому верю.

— Боевая инициатива находится в наших руках, товарищ Сталин, и этим преимуществом надо умело распорядиться, — продолжал настаивать Ватутин.

— Противника больше беспокоит уходящее летнее время, товарищ Ватутин, — возразил Сталин. — Он разработал планы захвата Ленинграда и Москвы, прорывов к Волге.

22 июня маршал Василевский был отозван в Москву. Ставка рассмотрела ситуацию под Курском. Хотя члены ГКО Берия и Ворошилов поддержали Ватутина о целесообразности самим начать наступление, предложения Жукова, Василевского, Кузнецова прозвучали убедительнее. Верховный поддержал эту точку зрения.

Вся последующая неделя до начала июля прошла в томительном ожидании грозных событий. Фронтовые штабы регулярно докладывали в Ставку о замеченных переменах в дислокации противника, а их было немного. Дневная воздушная разведка тоже не сообщала о кардинальных переменах во вражеской группировке. Лишь Центральный штаб партизанского движения 28 и 29 июня донес в Генштаб о прибытии в Орел и Харьков до двадцати эшелонов с военной техникой. Все маршруты их продвижения к фронту, а продвигались они только ночью, круглосуточно тщательно охранялись большими силами эсэсовцев и полевой жандармерии.

В ночь на 30 июня сведения, переданные партизанами с Курского направления, в разговоре с Верховным подтвердил Жуков. Сталин приказал ему оставаться на Орловском направлении для координации действий Западного, Брянского и Центрального фронтов.

Вечером 1 июля начальник Генштаба Василевский, получив донесение разведуправления о том, что в период с 3 до 6 июля неизбежен переход противника в наступление на Курской дуге, тотчас сообщил об этом Верховному и предложил проект директивы Ставки в войска:

«По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3–6 июля.

Ставка приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.
2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника.
3. Об данных распоряжениях доложить.

Сталин утвердил текст директивы и приказал направить ее командующим Западным, Брянским, Центральным, Воронежским, Юго-Западным и Южным фронтами, а в копии — маршалу Жукову, маршалу артиллерии Воронову, маршалу авиации Новикову и генерал-полковнику Федоренко.

Утром 2 июля Василевский улетел в Бобришево, для координации действий Воронежского и Юго-Западного фронтов, а также Степного военного округа.

В тот же день вблизи Воронежа был сбит самолет-разведчик. Пленный пилот показал, что наступление войск групп армий «Центр» и «Юг» намечалось начать в конце июня, но затем было отложено на июль ввиду недостатка танков. Теперь танки поступили. Окончательный срок начала наступления — 5 июля.

В течение дня 3 июля Жуков и Василевский, вместе с командующими Центральным и Воронежским фронтами Рокоссовским и Ватутиным, провели рекогносцировку на участках ожидаемых главных ударов противника вблизи Тросна — Поньри и Пролетарский — Бутово.

Ночью 3 июля нарком боеприпасов Ванников и заместитель наркома вооружения Новиков были вызваны в Кремль. Когда они вместе вошли в кабинет Сталина, председатель ГКО обратился к наркому боеприпасов с вопросом:

— Скажите, товарищ Ванников, сколько противотанковых авиабомб конструкции Ларионова доставлено на данный момент в 16-ю и 2-ю воздушные армии?

Нарком боеприпасов достал блокнот с особо важными записями, открыл нужную страничку, прочитал:

— Согласно вашим указаниям, товарищ Сталин, 20 июня в Уклово и Бобрышево отгружено по сто пятьдесят тысяч противотанковых авиабомб.

— А 5-й воздушной армии не поставлялись авиабомбы этого класса? — снова спросил председатель ГКО.

Ванников перевернул страничку, прочитал:

— 5-й воздушной армии, товарищ Сталин, 27 июня поставлено пятьдесят тысяч кумулятивных авиабомб.

— Хорошо, — удовлетворился ответами председатель ГКО, занес названные цифры в свою записную книжку и тут же приказал: — А завтра направьте Руденко и Красовскому еще по сто тысяч противотанковых авиабомб.

— Надо, значит, направим. Сейчас в резерве имеется четыреста тридцать тысяч этого вида боеприпасов.

— Четыреста тридцать тысяч, — Сталин повторил оброненную Ванниковым цифру и занес ее в свою записную книжку. Но следующий вопрос задал уже Новикову: — Товарищ Новиков, как выполняется постановление ГКО по танковым и противотанковым орудиям?

— И 85-мм танковая, и 100-мм противотанковая пушки находятся в работе, товарищ Сталин. В июле будут изготовлены опытные образцы, — доложил «вооруженец».

— А на чем основаны, товарищ Новиков, такие высокие темпы разработки новых орудий?

— Конструктор Грабин строит работу с перспективой. Он умело тиражирует накопленный в прошлые годы опыт. Для противотанковой пушки им применен ствол-монолит, используемый в морской артиллерии. Лафет пушки построен сварной, облегченный.

— Понятно, с этим разобрались. А теперь наркомату надо подналечь на увеличение выпуска 57-мм противотанковой пушки. Фронты хорошо отзываются о ней.

— Меры такие принимаются, товарищ Сталин, — заверил председателя ГКО заместитель наркома Новиков.

Долгий звонок прервал эту аудиенцию. Понимая, что доклад Василевского будет «основательным», председатель ГКО отпустил управленцев по рабочим местам.

Представители Ставки, маршалы Жуков и Василевский, поддерживали между собой постоянную связь. Когда в 16.00 4 июля противник силами до полка предпринял разведку боем у Солдатского, Василевский тотчас поставил в известность о произошедшем Жукова. Обменявшиеся мнениями, они пришли к выводу: это — начало наступления, основная фаза которого, видимо, сдвинута на утро.

Сталин, получив это сообщение, заключил:

— Обождем еще сутки. Проявим выдержку.

В начале третьего 5 июля в Москву позвонил из Уколово Жуков. Верховный только что закончил переговоры с Василевским и с ходу задал «традиционный вопрос»:

— Что нового, товарищ Жуков? Как ведет себя немец?

Представитель Ставки четко доложил:

— С вечера противник ведет подготовку проходов в минных полях, товарищ Сталин. Перебежчик с его стороны показал, что наступление назначено на 3.00.

— Какое решение принято вами, товарищ Жуков?

— На 2.20 отдан приказ о контрподготовке.

— Артиллерия противотанковых районов также участвует в нанесении этих ударов? — уточнил Сталин.

— Нет. Это позволило бы противнику обнаружить расположение наших противотанковых районов.

— Хорошо, — закончил разговор Верховный, но через двадцать минут уже сам позвонил в Уколово, спросил: — Контрподготовку начали, товарищ Жуков?

— Она в самом разгаре, товарищ Сталин. Под нами земля дрожит, — ответил Жуков.

— А как повел себя немец с ее началом?

— Предпринял попытку на ряде участков организовать контрудар, но был быстро подавлен.

— Понятно. Информируйте меня почаще о развитии обстановки. Я буду в Ставке ждать ваших сообщений.

В пять сорок в Ставку позвонил генерал Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

— Противник наступает, товарищ Сталин!

Верховный встретил сообщение вопросом:

— Так в чем радость, Константин Константинович?

— Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин!

— Понятно, Константин Константинович. Позвоните мне после десяти. Я на пару часов прилягу отдохнуть.

До десяти в Ставку звонили Жуков и командующий Воронежским фронтом Ватутин. Но Поскребышев раз за разом отвечал, что товарищ Сталин еще отдыхает.

До конца дня 5 июля противник силами 47-го и 41-го танковых корпусов предпринял пять яростных атак, чтобы прорвать

первую полосу армейской обороны. Но только севернее Гнильца и Саборовки сумел вклинииться в нее до семи километров. 6 июля враг продвинулся вперед еще на четыре километра, овладел Саборовкой.

Еще более яростное сражение развернулось на южном фасе «Курской дуги» в полосе обороны Воронежского фронта. В шесть утра, приведя ударные соединения в сносное состояние, после авиационного удара и получасового артиллерийского налета с рубежа Стрелецкий – Томаровка – Зыбино – Трефиловка перешла в наступление группировка фельдмаршала фон Манштейна.

Командующий Воронежским фронтом Ватутин приказал командующему 1-й танковой армией Катукову, командирам 2-го и 5-го гвардейских танковых корпусов Бурдайному и Кравченко нанести контрудар по 4-й танковой армии Гота в общем направлении на Томаровку.

Вечером 6 июля командующему 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрову позвонил Сталин:

– Товарищ Ротмистров, вы получили директиву Ставки о переброске в состав Воронежского фронта?

– Нет, товарищ Сталин, директиву я не получил, но мне изложил ее содержание генерал Конев.

– Таким образом, товарищ Ротмистров, вы намерены передислоцироваться в район Старого Оскола?

– Своим ходом, товарищ Сталин.

– А вот начальник Главного бронетанкового управления товарищ Федоренко предлагает перебросить ваши соединения железнодорожным транспортом.

– В сложившихся условиях, товарищ Сталин, так поступать нельзя. Авиация противника может разбомбить наши эшелоны или железнодорожные мосты, и мы долго не сможем потом собрать армию воедино.

– Вы хотите совершать марш только в ночное время?

– Нет, товарищ Сталин. Продолжительность ночи в июле всего семь часов, и если машины будут двигаться только ночью, то на светлое время танковые колонны придется заводить в леса, а вечером снова выводить на маршруты. Лесов, кстати, у нас на пути очень мало.

– Что вы предлагаете, товарищ Ротмистров?

– Прошу вашего разрешения, товарищ Сталин, на передислокацию армии днем и ночь...

Верховный прервал командарам 5-й гвардейской танковой на полуслове, заинтересованно взорвавшись:

– Но ведь в светлое время суток вас будет нещадно бомбить фашистская авиация?

Ротмистров не согласился:

— Да, товарищ Сталин, этого исключать нельзя. Поэтому я и прошу вас дать указание командующему 2-й воздушной армии генералу Красовскому, чтобы он надежно прикрыл нас с воздуха во время марша.

— Хорошо, товарищ Ротмистров, просьба о прикрытии марша вашей армии авиацией будет удовлетворена.

Напряженный характер 7 и 8 июля принесло сражение в полосе обороны Воронежского фронта. Пренебрегая потерями, 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» на Обоянском и Корочанском направлениях продолжали рваться вперед. Войска 6-й гвардейской и 1-й танковой армий медленно отходили в направлении Калиновки, Кочетовки, Прохоровки. Преобразовав 9 июля Степной военный округ в Степной фронт, Ставка дала директиву Коневу начать выдвижение войск к району боев в полосе Воронежского фронта.

Ставка пристально следила за развитием обстановки под Курском. Утром 9 июля Сталин позвонил Жукову.

Представитель Ставки уверенно доложил:

— Считаю, товарищ Сталин, что к этому дню 9-я армия Моделя исчерпала свои наступательные возможности и не может без подкреплений наступать.

— В таком случае, товарищ Жуков, пришла пора вводить в дело войска Западного и Брянского фронтов согласно оперативному плану?... Как вы считаете?

— И я считаю, товарищ Сталин, что пора вступать в дело войскам Соколовского и Попова.

— А когда, по-вашему, смогут перейти в наступление войска Соколовского и Попова?

— Не раньше двенадцатого, товарищ Сталин.

— Хорошо. Выезжайте к Попову и вводите в дело войска Брянского фронта.

В полдень 10 июля 5-я гвардейская танковая армия вышла на рубеж Веселый — Прохоровка, готовая к выполнению сложной боевой задачи. Ротмистров был вызван в Бобришево. Представитель Ставки Василевский и командующий фронтом Ватутин поставили боевую задачу. Она была взвешенной, продуманной.

Командующий Воронежским фронтом окружил карандашом район Прохоровки и негромко сказал:

— Не сумев прорваться к Курску через Обоянь, товарищ Ротмистров, Манштейн решил сместить направление главного удара восточнее, вдоль железной дороги Курск — Белгород, через Прохоровку. Именно сюда стягивается 2-й танковый корпус СС генерала Хауссера.

— Танковые соединения врага, — добавил Василевский, — имеют на вооружении тяжелые танки «Тигр» и «Пантера». От них очень

пострадала в первые дни наступления гитлеровцев 1-я танковая армия генерала Катукова. Как вы, товарищ Ротмистров, намерены с ними бороться?

— Нам знакома эта техника врага, товарищ маршал, хотя воевать против нее пока что не приходилось. Ее технические данные мы получили из штаба Степного фронта. Продумали и способы борьбы с танками врага.

— Доложите о них, товарищ Ротмистров, — оживился Ватутин. — Это принципиально важно.

— «Тигры» и «Пантеры» оснащены не только сильной лобовой броней, но и мощной 88-мм пушкой с большой дальностью прямого выстрела, — доложил Ротмистров. — В этом их преимущество перед нашими танками. Поэтому на сегодня успешная борьба с ними наиболее эффективна лишь в условиях ближнего боя.

— Образно говоря, следует идти с ними в рукопашную схватку, брать их на абордаж, — заключил Ватутин.

Вечером 11 июля на КП Ротмистрова прибыл Василевский. Он сообщил командарму 5-й гвардейской танковой, что днем у него состоялся разговор с Верховным, который поручил представителю Ставки в течение всей операции находиться среди танкистов, координировать их действия с пехотой 5-й гвардейской армии.

В 6. 30 утра 12 июля над Прохоровкой уже бушевали воздушные бои. В 7. 00 грянули первые залпы артиллерии. Огневой шквал завершали грозные залпы «катюш». После них навстречу друг другу устремились две ревущие танковые лавины. Раннее солнце тоже оказалось на нашей стороне — оно слепило глаза немецким танкистам, освещало нашим черные контуры вражеских машин.

И вот «Т-34», стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки дивизий СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Гитлеровцы не ожидали встретить у Прохоровки такую массу наших танков. Управление боем у врага нарушилось. Тяжелые «Тигры» и «Пантеры» лишились в ближнем бою огневого преимущества и поражались «тридцатьчетверками» с коротких дистанций. Поле сражения заволокло дымом и пылью. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись насмерть, уже не могли разойтись. Потерявшие ход машины продолжали вести огонь... Танки вели борьбу с танками! Прекратила огонь артиллерия. Не бомбила поле боя авиация. Радиоэфир наполнился сложной гаммой боевых команд, отдаваемых открытым текстом: «Вперед! », «Шнеллер! », «Карпов, действуй, как я! », «Мильке, форвертс! »...

Не добившись успеха у Прохоровки, Манштейн силами 48-го танкового корпуса обошел слева 18-й танковый корпус и врезался в передний край 33-го гвардейского стрелкового корпуса Козло-

ва. Прорвав наши боевые порядки на участке Красный Октябрь – Кочетовка, противник продвинулся до рубежа Веселый – Полежаев.

Командарм 5-й гвардейской танковой принял оперативные меры. Он направил 24-ю гвардейскую танковую бригаду Карпова в район совхоза «Ворошилов» с задачей разгромить прорвавшегося противника. Одновременно 10-я гвардейская межбригада Михайлова была переброшена в район Остреньского, чтобы не допустить продвижения вражеских танков в обход Прохоровки.

В 8. 30 утра 12 июля в прорыв на участке 2-й танковой армии Шмидта перешли войска Западного и Брянского фронтов. Левофланговая 11-я армия Баграмяна с рубежа Чернышено – Ульяново наносила удар в направлении Карабчева. Одновременно позиции 53-го армейского корпуса атаковали войска Брянского фронта Попова. Началась операция «Кутузов».

В полдень 13 июля на командный пункт 5-й гвардейской танковой армии прибыл маршал Жуков. В сопровождении Ротмистрова он осмотрел «Прохоровское поле боя».

На рассвете 15 июля в контраступление перешли 48-я, 13-я, 70-я и 2-я танковая армии Центрального фронта Рокоссовского. Главный удар они наносили в общем направлении на Кромы. Над Орловской группировкой 2-й танковой и 9-й армий Моделя нависла реальная угроза окружения.

2

Отложив начало операции «Цитадель» с 28 апреля на неопределенный срок, Гитлер сам оказался в растерянности. Приводящих обстоятельств имелось множество, и носили они противоречивый характер.

Главком ОКХ решил созвать представительное совещание. 3 мая в нем приняли участие Кейтель, Клюге, Манштейн, Рихтгофен, Йодль, Цейтцлер, Гудериан, Ешоннек, Модель и Хойзингер, а также министр Шпеер. Гитлер предложил отнести на июнь начало операции «Цитадель», ввиду недопоставок танков «Тигр» и «Пантера». Против отсрочки начала операции выступили Цейтцлер и Ешоннек, а также командующие группами армий «Центр» и «Юг».

Фельдмаршалы Клюге и Манштейн считали необходимым в максимально сжатые сроки завершить подготовку операции с тем, чтобы не дать большевикам создать сильную оборону. Фельдмаршал Рихтгофен, генералы Гудериан и Модель, министр Шпеер утверждали, что намного выгоднее, в целях усиления ударных группировок под Орлом и Харьковом новейшими танками и «самоход-

ками», несколько повременить с началом наступления. Последняя точка зрения и восторжествовала, так как ее разделял и Гитлер.

Никакого конкретного срока начала «Цитадели» в Монхене так никто и не было. Подготовка к ней продолжалась своей чередой. Генштаб ОКХ строго следил за ходом насыщения ударных группировок дополнительным вооружением и систематически докладывал фюреру о каждом следующем эшелоне поступивших в Орел или в Харьков новейших танков и самоходных установок.

Вечером 5 мая «партайгеноссе» Борман доложил фюреру последнюю сводку гестапо. Она гласила:

«Имеются две возможности применения урана.

1. Урановая машина может быть использована как двигатель, если удастся контролировать процесс деления атомных ядер в определенных пределах.

2. Может быть создана урановая бомба, если удастся подвергнуть ядра урана бомбардировке нейтронами».

Гитлер молча воспринял эту информацию. Она была ему недоступна. Другое дело танки и самолеты, даже ракеты, о которых его информировал доктор фон Браун.

Геринг все реже появлялся в Главной Ставке, и все «шишки» за провалы авиации обрушивались на голову Ешоннека. При докладе 6 мая опять «бушевал штурм». Потеря свыше двухсот самолетов на прифронтовых аэродромах за одну ночь привела Гитлера в неистовство.

— Теперь я знаю, Ешоннек, — кричал Гитлер, — кто срывает грандиозную наступательную операцию на Востоке! Еще два-три подобных удара большевиков по аэродромам в России — и немецкие войска полностью лишатся воздушного прикрытия!

— Мой фюрер, фельдмаршал фон Рихтгофен принимает экстренные меры, и такой удар русских больше не повторится! — попытался заверить Главкому ОКХ Ешоннек. — На аэродромы Каравчева, Орла и Сталино выдвинуты дополнительные силы истребительной авиации.

— Я не верю, Ешоннек, вашим заверениям. Они звучали здесь уже много раз! — левая рука Гитлера судорожно затряслась на столе. Правой рукой он с силой прижал ее к туловищу. — Задача нашей авиации в России проста. Я поручил Рихтгофену разгромить воздушную мощь красных, уничтожить их артиллерию и непрерывной активностью помочь пехоте захватить Курск.

— Мой фюрер, все так и будет. Мы примем все меры, чтобы с честью выполнить ваш последний приказ.

Несколько постыдившись, Гитлер распорядился:

— Передайте фельдмаршалу Мильху, Ешоннек, чтобы он немедленно восполнил допущенные в России потери.

Налет авиации русских повторился и 7 мая, но Гитлер уже был

захвачен новым мероприятием — совещанием гауляйтеров, которому придавал важное значение в смысле укрепления своего пошатнувшегося авторитета.

Совещание в «Вольфшанце» 8 мая завершилось триумфом Гитлера. Гауляйтеры были в восторге от встречи с фюрером. Гитлер как бы обрел «второе дыхание»:

«В Европе я намерен покончить с наличием многих мелких государств. Целью нашей борьбы по-прежнему является образование единой Европы. Но Европа может быть четко организована только немцами. Другой руководящей силы практически нет. Я выражаю твердую уверенность в том, что настанет время, когда рейх будет господствовать над всей Европой. Мы должны будем выдержать еще очень много боев, но они, несомненно, приведут к блестящим успехам. С этого времени перед нами фактически откроется путь к мировому господству. Кто овладеет Европой, тот, несомненно, завоюет и главенствующую роль в мире...»

Позади осталась целая неделя после представительного раута в Мюнхене, прежде чем Гитлер принял новое решение о дате начала «Цитадели». Лишь 11 мая им был назван следующий день «Х» — 12 июня.

В полдень 23 мая в Оберзальцберге по личному приглашению Гитлера собрались столпы авиационной мысли рейха: Арадо, Дорнье, Мессершмитт, Танк, Хейнкель.

Приглашенных по одному вызывали на аудиенцию к фюреру. Первым он принял Хейнкеля:

— Об этом совещании никто в «люфтваффе» не знает. Я пригласил вас неожиданно. Я хочу лично составить себе картину в авиации. До этого дня я не вмешивался в ее дела, считая нашу авиацию самой сильной в мире. Но ужасное разочарование, которое я испытываю в течение двух последних лет, заставляет меня стать на путь выяснения сути дела. Я требую честных ответов на вопросы, которые я задам, и такой же безупречной правдивости в раскрытии истины.

— Мой фюрер, мы уже сделали вызов русским. Фронтовой истребитель Танка «Фокке-Вульф-190» и мой штурмовик «Хейнкель-129» позволят «люфтваффе» выиграть воздушное сражение на Восточном фронте, — убежденно заявил маститый авиаконструктор.

— На чем основывается эта уверенность, Хейнкель?

— На лучших летных качествах наших самолетов, мой фюрер. «Фокке-Вульф-190» имеет скорость более шестисот километров и вооружен четырьмя пушками. Ни один истребитель русских не имеет такой моши.

Гитлер помедлил, как бы пропуская через себя полученную информацию, негромко осведомился:

— А что же ваш самолет, Хейнкель? В чем он превосходит штурмовики большевиков?

Авиаконструктор сдержанно доложил:

— Мой самолет имеет четыре пушки против двух пушек на «Ил-2», мой фюрер. Значительно больший боекомплект. Наличие двух моторов существенно повышает живучесть машины. Я уверен, что наш штурмовик явится подлинной грозой для советских танков.

— По-вашему, Хейнкель, нам необходимо резко увеличить выпуск новейших истребителей и штурмовиков?

— Да, необходимо, мой фюрер. В связи с большими потерями нашей авиации на Кубани такие действия следует предпринять как можно быстрее.

— Спасибо, Хейнкель. — Гитлер встал, протянул авиаконструктору руку. — Я был уверен перед встречей, что наши лучшие в мире авиаконструкторы помогут мне вернуть бытую мощь и славу немецкой авиации.

Вслед за Хейнкелем рейхсканцлер Германии беседовал с Мессершмиттом, Танком, Дорнье и Арадо.

Мессершмитт настойчиво доказывал Гитлеру, что последние модификации его истребителей «Ме-109Ф», «Ме-109Г» и «Ме-109Г2» обеспечили заметные преимущества перед истребителями Лавочкина и Яковleva.

Но Гитлер проявил осведомленность, возразил:

— Но у большевиков появился истребитель с мощным мотором, Мессершмитт?

Знаменитый авиаконструктор парировал этот довод:

— Мы, мой фюрер, тоже форсируем свой мотор.

— Значит, мотор становится тяжелее, Мессершмитт?

— Прирост веса самолета за счет новых систем значительно перекрывается приростом мощности мотора при форсаже, — уверенно возразил авиаконструктор.

Особых похвал на этот раз удостоился создатель «выдающегося истребителя» Танк. Гитлер выразил уверенность в том, что его славное детище непременно остановит воздушное наступление большевиков на Кубани, внесет долгожданный перелом в неблагоприятное развитие обстановки на Восточном фронте.

Начало июня принесло и первую обнадеживающую весточку с Восточного фронта. Рихтгофен доложил 2 июня в «Вольфшанце»: массированный удар 4-го и 6-го воздушных флотов по Курскому железнодорожному узлу надолго вывел его из строя.

Успех «Цитадели» решал многое, мог даже обеспечить приемлемые условия для переговоров с англосаксами на предмет заключения с ними сепаратного мира. Он так и заявил представителю фон Риббентропа, что лучшей предпосылкой для продолжения пере-

говоров с Западом должны стать победы немецкого оружия на Восточном фронте.

Около 12. 00 5 июня, когда фюрер только что завершил прогулку с овчаркой Блонди, в Главную Ставку позвонил Ешоннек. Он в радужных тонах доложил об ударах бомбардировочных сил Рихтгофена по оборонным объектам Горького и Саратова. Налетами вызваны многочисленные пожары. Авиазавод в Саратове полностью уничтожен. Нарушено движение эшелонов на Приволжской железной дороге.

Гитлер выслушал доклад Ешоннека сдержанно. В заключение он попросил его передать асам 8-го авиакорпуса Дислофа его благодарность за проявленный героизм. Рихтгофену было приказано повторить в ближайшее время массированные удары по городам Поволжья, включив в орбиту своих действий еще и промышленный Ярославль, а также Казань.

Не менее оптимистично через сутки, 7 июня, прозвучал доклад начальника абвера¹ адмирала Канаариса: четырехмоторный «Юнкерс-290» высадил близ железной дороги Элиста – Утта в камышовых степях диверсионный отряд капитана Краста. Получена первая радиограмма: «Десантирование на рассвете прошло успешно, но в середине дня истребители русских неожиданно атаковали его временный лагерь у поселка Яшкуль. Незамаскированный самолет был уничтожен. Убито семь человек. Отряд меняет дислокацию и приступает к выполнению операции «Римская цифра II».

Начало июня получилось многообещающим. К концу первой декады участвующие в операции «Цитадель» войска групп армий «Центр» и «Юг» фельдмаршалов фон Клюге и фон Манштейна в основном сосредоточились в исходных районах, но все не поступал итоговый доклад генерал-полковника Гудериана о прибытии в Орел и Харьков новейших танков «Тигр» и «Пантера». Без них, считал Верховный Главнокомандующий, не имело смысла начинать важнейшую операцию середины войны, по масштабам сравнимую разве что с битвой за Москву в конце сорок первого.

В полдень 8 июня начальник Генштаба ОКХ генерал Цейтцлер доложил Гитлеру о готовности 9-й армии Моделя к переходу в наступление. Им было особенно подчеркнуто, что недопоставка новейших танков и «самоходок» не особенно беспокоит команда 9-й.

Сходную позицию – сил для наступления уже достаточно – занимал и командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге. Он пообещал начальнику Генштаба ОКХ прислать в Главную Ставку специальную докладную записку с изложением в ней своей позиции по «Цитадели».

Гитлер в рассудительном тоне возразил:

– Но Манштейн не считает, Цейтцлер, что и его войска тоже полностью готовы к наступлению?

— Да, это так, мой фюрер, — согласился начальник Генштаба ОКХ. — Но доставка в течение предстоящей недели в группу армий «Юг» нескольких эшелонов «Тигров» и «Пантер» вынудит и его изменить свою позицию.

— Все не так просто, Цейтцлер, — возразил Гитлер. — Мы в тылу просто обречены на пассивное восприятие многих фронтовых реалий, которые там, оказывается, обладают несравненно большим весом.

«Брожение» в Главной Ставке по поводу «Цитадели» не утихало всю неделю. 18 июня Цейтцлер ознакомил Гитлера с телеграммой Клюге по этому вопросу. Тот, наконец, пришел к выводу: «Это решение является, по-моему, наилучшим. Оно вынудит противника попасть под удар наших клещей. Само наступление будет развиваться быстро благодаря наличию крупных танковых сил в обеих группах армий. Имея большой размах, оно неизбежно вовлечет в свою орбиту основные силы всех русских войск, в том числе находящиеся севернее Орла. В случае удачи оно должно принести максимальный успех. Последнее является решающим. Лучшим решением будет осуществление нашего наступления в соответствии с планом «Цитадель».

Фельдмаршал Манштейн сообщил свое мнение по поводу «Цитадели» начальнику Генштаба ОКХ по телефону. Он тоже был «за». Операция должна быть проведена. Командование группы армий «Юг» убеждено в том, что наступление будет хотя и трудным, но успешным. После победы у Курска вермахт сможет покончить с кризисом в Донбассе и, возможно, добьется здесь большой победы. Он — за «Цитадель»!

Оперативное совещание по обстановке 18 июня получилось бурным. Отклонив изложенные в докладе Йодля опасения по поводу операции под Курском, Гитлер окончательно высказался за проведение наступления:

— Несмотря на неоспоримые трудности, борьбу за «Курскую дугу» я встречаю с уверенностью. Еще никогда в русском походе немецкие войска не были лучше подготовлены и оснащены таким превосходным тяжелым оружием! Оставить на произвол судьбы такие важные районы, как Донецкий бассейн на Востоке и Балканы на Юге, для дальнейших военных операций немыслимо!

Возможно, доводы командующего 4-й танковой армией как-то побудили Гитлера поторопиться с назначением срока начала «Цитадели» — 21 июня, он назвал день «Х» — 3 июля!

Для проведения «Цитадели» Гитлер упорно добивался подачи в состав ударных группировок сверхтяжелых танков, но основополагающий приказ № 15 подписал 22 июня о поднятии... боеспособности пехоты:

«...Немецкий пехотинец во всем превосходит русского, и так бу-

дет всегда. Он более стоек, чем славянин. Тем не менее на четвертый год войны именно в пехоте, которая приносит тяжелые жертвы и теряет своих лучших людей, проявляются известные недостатки в подготовке. Эти недостатки в гораздо большей мере присущи пехоте врага, которую мы превосходим с самого начала и которая понесла несравненно большие потери. Это должен знать каждый солдат и каждый офицер.

Адольф Гитлер».

Оперативное совещание 25 июня вновь констатировало, что прибытие сверхтяжелых танков задерживается и это автоматически оттягивает срок начала операции под Курском. Какой срок назначить теперь? Теснимыми неотвратимостью проведения наступления, Гитлер сухо продиктовал начальнику Генштаба ОКХ свое окончательное решение — 5 июля!

Начальник штаба ОКВ Кейтель педантично исполнял все указания Гитлера. 27 июня он представил ему на утверждение план операции под кодовым названием «Валькирия». Им предусматривалось, что в случае восстания военнопленных и иностранных рабочих на территории рейха должно быть введено осадное положение.

Весь день 29 июня Гиммлер провел в Пенемюнде. Руководители секретного центра, генерал Дорнбергер и штурмбаннфюрер СС фон Браун, обстоятельно доложили ему о трудностях, сдерживающих дальнейший рост выпуска ракет — перебои с сырьем, поставками специального оборудования и компонентов для «ФАУ-1» и «ФАУ-2».

К началу июля укомплектование и сколачивание ударных войск групп армий «Центр» и «Юг» для наступления на Курск завершилось. Приказы по 9-й и 4-й танковой армиям, оперативной группе «Кемпф» на операцию «Цитадель» прошли.

Чтобы лишний раз подчеркнуть исключительность момента перехода в решающее наступление года, 1 июля Гитлер созвал в «Вольфшанце» итоговое совещание. На него были приглашены командующие группами армий, армий и корпусов, участвующих в «Цитадели».

Главком ОКХ произнес длинную речь, особо подчеркнув, что армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которое оказалось в состоянии создать немецкий изобретательный дух и немецкая техника. Численность личного состава поднята до высшего возможного предела. Россия, ввиду понесенных громадных потерь, должна дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию! Окончательный срок начала операции под Курском — 5 июля!

Командующий группой армий «Центр» Клюге добивался тщательной отработки взаимодействия пехоты, артиллерии и авиации.

Он то и дело напоминал командарму 9-й, командирам корпусов о необходимости показного отвода в тыл вспомогательных частей и усиленного распространения ложных слухов о том, что немецкие войска наступать не собираются. Все это предпринималось с целью достижения внезапности наступления.

Командующий группой армий «Юг» Манштейн, напротив, главные усилия командарма 4-й танковой Гота подчинил мероприятиям по созданию ложных представлений о подготовке наступления южнее Харькова. Он запретил передвижения частей в сторону передовой в дневное время. Была запрещена радио- и телефонная связь с прибывающими на фронт подкреплениями.

Начальник Генштаба ОКХ доложил Гитлеру поступившие оперативные данные по операции «Цитадель». Они выглядели обнадеживающие.

— Мой фюрер, обе ударные группировки 9-й и 4-й танковой армий готовы к наступлению наилучшим образом, — твердо заявил Цейтцлер. — Особенно важно то, что решены все вопросы с доставкой бронетехники.

— И как же они решены, Цейтцлер, в итоге?

— В течение мая — июня, мой фюрер, в группе армий «Юг» выделенное для операции «Цитадель» количество танков возросло более чем в два раза.

— А как это выглядит в натуральных цифрах, Цейтцлер? — уточнил Гитлер.

— Могу доложить, мой фюрер. Из тысячи трехсот пятидесяти танков, которые имеются сейчас у Манштейна, тысяча сто пятьдесят будут участвовать в наступлении под Курском. В их числе сто сверхтяжелых «Тигров» и сто девяносто две «Пантеры».

— Скажите, Цейтцлер, а какими резервами располагают сухопутные войска в данный момент на Восточном фронте? — спросил Гитлер.

— Резервы, мой фюрер, получились невелики — одна пехотная и одна охранная дивизии, а также две пехотные бригады, — уже другим тоном ответил Цейтцлер.

— Не густо получается, Цейтцлер, — отметил Гитлер. — На такие резервы особо рассчитывать не приходится.

— Согласно вашим указаниям, мой фюрер, все прибывающие с Запада резервы направлялись мною на доукомплектование дивизий первой линии. В них ощущался тридцатипроцентный некомплект.

— Значит, после смыкания клещей восточнее Курска, Цейтцлер, Модель и Гот вынуждены будут добивать окруженную группировку русских собственными силами?

— Оперативная группа «Кемпф», мой фюрер, сразу же после первого этапа «Цитадели» должна выполнять самостоятельную задачу южнее Харькова.

— А какими резервами располагают группы армий «Центр» и «Юг», Цейтцлер? — снова спросил Гитлер.

Начальник Генштаба сухопутных войск посмотрел в свои спра-вочные материалы, нетвердо ответил:

— По данным «Асканий», мой фюрер, Клюге изъял для своего резерва две пехотные дивизии из 4-й армии Хейнрихи. А вот фон Манштейн не считает нужным четко обозначить соединения, ко-торые он намерен использовать в качестве резерва своей группы армий.

— У нас есть все основания смело и без колебаний приступить к выполнению утвержденного плана операции «Цитадель», — опти-мистично завершил эту часть разговора Гитлер. — На этот раз большевики непременно будут сметены немецкой танковой мощью!

Вечером 3 июля Гитлер подписал приказ по офицерскому со-ставу, участвующему в операции «Цитадель»:

«Мои командиры! Я отдал приказ о первой наступательной битве этого года. На вас и подчиненных вам солдат возложена зада-ча добиться ее успешного проведения. Значение первой операции этого года исключительно велико. Эта начинаящаяся новая немец-кая операция не только укрепит наш собственный народ, произве-дет впечатление на остальной мир, но и придаст немецкому солда-ту новую веру. Укрепится вера наших союзников в конечную побе-ду, а нейтральные государства будут соблюдать осторожность и сдер-жанность.

Поражение, которое потерпит Россия в результате наступления, вырвет на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий.

Однако вы сами должны знать, что именно успех этой первой великой битвы 1943 года будет иметь больше значения, чем какая-либо обыкновенная победа. При этих обстоятельствах не сомнева-юсь, что я, господа командиры, могу положиться на вас.

Адольф Гитлер».

На следующий день, 4 июля, Гитлер подписал обращение к солдатам накануне операции «Цитадель»:

«Солдаты! Сегодня вы начинаете великое наступательное сра-жение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом. С вашей победой укрепится убеждение о тщетности лю-бого сопротивления немецким вооруженным силам. Кроме того, новое жестокое поражение русских еще более поколеблет веру в возможность успеха большевизма, уже пошатнувшуюся в войсках Красной Армии. Точно так же вера в победу у них, несмотря ни на что, исчезнет.

Мои солдаты! Русские добивались того или иного успеха в пер-вую очередь с помощью своих танков. Теперь, наконец, у вас луч-

шие танки, чем у русских... Могучий удар, который настигнет се-годняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть все.

Адольф Гитлер».

Подготовка к грандиозной наступательной операции «Цитадель» завершилась. На исходе 4 июля полк 168-й пехотной дивизии на широком участке, восточнее Солдатского, провел разведку боем. Вклинившись в передний край русских ни одному из батальонов не удалось.

Командарм 4-й танковой Гот, лично наблюдавший развитие этой «придальной операции», остался доволен действиями войск, но не обольщался ее результатом. Вечером он высказал свои сомнения командующему группой армий «Юг» Манштейну...

Решающее летнее наступление, подготовка к которому продолжалась без малого аж четыре месяца, началось драматической связкой. Русские, разведав точный срок перехода вермахта в атаку, сами нанесли массированные авиационные и артиллерийские упреждающие удары по северной и южной группировкам, когда те уже заняли исходные для наступления позиции. Это привело к значительным потерям в людях и боевой технике и как-то сразу надломило веру командующих группами армий «Центр» и «Юг» в окончательный успех операции «Цитадель».

Приняв утренний огненный шквал 5 июля за начало наступления русских, из Орла и Харькова полетели радиозапросы в Главную Ставку: «Что делать?» Ни Клюге, ни Манштейн не могли взять на себя ответственность за будущее грандиозной операции на «Курской дуге». Войска приводились в состояние готовности к наступлению. Но в «Вольфшанце» никто не решался доложить Гитлеру о произошедшем. Наконец, разбудить фюрера вызвался каммердинер Линге. Последовал категорический приказ: «Цитадель» начинать!

В 5. 30 на северном фасе «Курской дуги» перешла в наступление 9-я армия Моделя; в 6. 00 на южном фасе – 4-й танковая армия Гота и оперативная группа «Кемпф».

Южнее Орла, в направлении Курска позиции Центрального фронта Рокоссовского в полосе до сорока километров атаковали 47-й и 41-й танковые корпуса. Севернее и южнее Белгорода в направлении Обояни и Корочи двинулись вперед 48-й и 3-й танковые корпуса, а также 2-й танковый корпус СС.

Первый день «Цитадели» был оценен в Главной Ставке оптимистично: наступление развивается успешно, обе группировки прорвали главную полосу обороны противника.

Второй день наступления вселил новые надежды: южная группировка продвинулась в направлении Курска на восемнадцать кило-

метров, северная — на десять. В течение дня 6 июля русские потеряли четыреста тридцать два самолета при потерях 4-го и 6-го воздушных флотов двадцати шести машин.

Начальник Генштаба ОКХ доложил фюреру:

— 2-й танковый корпус СС Хауссера захватил плацдарм на восточном берегу Северского Донца и прорвался ко второй полосе обороны большевиков.

— Ваш доклад, Цейтцлер, — выразил недоумение Гитлер, — создает впечатление неуклонного продвижения наших группировок к Курску, но на третий день операции Модель, судя по всему, уже исчерпал все свои резервы?

— Да, это так, мой фюрер, — согласился начальник Генштаба ОКХ. — Первые два дня «Цитадели» выдались для 9-й армии особенно трудными. Однако для прорыва первой и второй полос обороны большевиков Модель использовал на Ольховатском направлении только две танковые дивизии. Сегодня он наносил главный удар на Поньри и вынужден был для гарантии успеха ввести в дело последние три танковые дивизии. У него в резерве осталось всего две пехотные дивизии.

— Но Модель при этом сужает и полосу прорыва в позициях большевиков, Цейтцлер? — Гитлер пристальнее взгляделся в «оперативку».

Генерал Цейтцлер уклонился от прямого ответа:

— Вчера я докладывал вам предварительные данные, мой фюрер. Я полагаю, что Модель, по-видимому, не снижает напора у Ольховатки, так как это в наибольшей степени приближает его войска к Курску.

— А что происходит у Манштейна? — Гитлер перевел взгляд на южный фас «Курской дуги». — Наступают только 48-й танковый корпус и 2-й танковый корпус СС.

— Мой фюрер, успешно наступает 3-й танковый корпус Брейта, — начальник Генштаба ОКХ смело черкнул указкой восточнее Белгорода. — Его дивизии атакуют позиции русских в направлении Шопино и Мелехово.

К концу дня 9 июля, когда 9-я армия генерал-полковника Моделя, понеся невосполнимые потери на Ольховатском направлении, остановилась для перегруппировки сил, группировка Манштейна вклинилась в оборону русских до тридцати пяти километров севернее Сторожевого, прорвавшись в направлении Прохоровки.

Утром 11 июля отнюдь не оказалось для Манштейна «мудренее», так как разведка обнаружила у Прохоровки сразу две новых армии большевиков — 5-ю гвардейскую танковую и 5-ю гвардейскую. Что за армии? Откуда они взялись? Двое суток назад о них ничего не было известно! Это сообщение явилось для командующего группой

армий «Юг» ужасной новостью. Но решение об атаке у Прохоровки уже принято. И, значит, вперед!

Прежде чем написать донесение за 12 июля, командарм 4-й танковой Гот осмотрел поле грандиозного сражения у Прохоровки. За двадцать с лишним лет, отданых им моторизованным войскам, он еще не видел ничего подобного! Сотни сгоревших танков и «самоходок», с заживо погребенными в них экипажами, застыли в невероятно драматических позах!

Манштейн позвонил в тот момент, когда командарм 4-й танковой еще не закончил писать донесение. Вопрос был поставлен прямо: «Что доложить о сражении под Прохоровкой в Главную Ставку?» Готу трудно было говорить о потерях — свыше двухсот пятидесяти машин! Еще один такой фронтовой день — и 4-я танковая армия останется вообще без танков!

Тут же Манштейн с тревогой сообщил, что русские атакуют позиции 2-й танковой армии на Орловском выступе. Ее фронт уже прорван на трех участках. Обозначилось явное стремление большевиков пробиться к Карабеву и перерезать железную дорогу Брянск — Орел.

Встревоженный развитием обстановки на Восточном фронте, Гитлер 13 июля вызвал в Главную Ставку командующих группами армий «Центр» и «Юг». Он предложил каждому из них высказаться по поводу развития обстановки на Курском направлении. Оба ма-ститых стратега высказались диаметрально противоположно.

Клюге доказывал участникам совещания:

— Мой фюрер, в условиях прорыва фронта 2-й танковой армии южнее Козельска, у Болхова и Новосиля командование группы армий «Центр» не может думать о продолжении наступления 9-й армии на Курск. В ходе прорыва на Ольховатку и Поньри Модель потерял свыше двадцати тысяч человек! В настоящее время всего важнее стабилизация фронта.

— Не буду скрывать, Клюге, что я разочарован результатами «Цитадели». Теперь, когда рушится наш фронт на Западе, это не- приятно вдвойне, — сказал Гитлер. — Командующий 2-й танковой армией хорошо знает о коварстве русских, как это уже имело место под Сталинградом. Вам также известно, что группа армий «Север» уже подготовила наступление на Петербург и поэтому невозможно снять оттуда войска и перебросить их в центр. Вы изъяли подвижные силы у 9-й армии и бросили их для прикрытия брешей вблизи Орла. Но может последовать новый удар там, где три дня назад имел успех Модель? Что делать тогда?

— Мой фюрер, — смело возразил Клюге, — и теперь 9-я армия располагает достаточными силами, чтобы сдержать прорыв войск Центрального фронта.

— Что предлагаете вы, Цейтцлер? — Гитлер круто повернулся в сторону начальника Генштаба ОКХ.

Генерал Цейтцлер не задержался с ответом:

— Я считаю, мой фюрер, что войска Клюге на участке от Кирова до Сум должны перейти к позиционной обороне, чтобы измотать русские армии.

— А что вы скажете о командующем 2-й танковой армией Шмидте, Цейтцлер? Мы уже говорили, что прорывы большевиков допущены исключительно по его вине и дорого нам обходятся, — строго сказал Гитлер.

— Шмидт может быть заменен, мой фюрер, — уклончиво ответил «гентабист». — Но я не могу сейчас назвать кандидатуру на его место. Его должен занять очень твердый и решительный генерал.

Гитлер выждал некоторое время и, бросив нетерпеливый взгляд в сторону Цейтцлера, заявил:

— Модель по праву считается лучшим организатором обороны. Ему я и подчиняю 2-ю танковую армию.

Все вопросы по северному фасу «Курской дуги» оказались решенными, и Гитлер тут же обратился к командующему группой армий «Юг»:

— Теперь я хотел бы услышать ваше мнение, Манштейн, по поводу обстановки в районе Белгорода. Борьба танковых сил у Прохоровки подтверждает, что «Цитадель» должна получить победное продолжение.

— Я не вижу оснований для остановки «Цитадели», мой фюрер. Только успешное окончание этой операции в состоянии изменить всю ситуацию на Восточном фронте в нашу пользу, — твердо заявил Манштейн. — После отражения атак противника,бросившего в бой все свои резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву означало бы упустить победу! Если 9-я армия будет сковывать противостоящие ей силы, то мы попытаемся разбить действующие против нас части противника. Для полной уверенности в успехе я прошу вас, мой фюрер, о передаче мне 24-го танкового корпуса.

Установившуюся было паузу прервал Гитлер:

— Как я и предполагал, вы, Манштейн, способны довести «Цитадель» до победы. Отныне у меня нет сомнений, что она будет продолжена. Вы не подвержены паническим настроениям по поводу ударов большевиков на Орловском выступе. Я проникаюсь все большей уверенностью в невозможности наступления большевиков на Харьков, и, значит, с пользой для развития «Цитадели» вы примените там войска 1-й танковой армии.

Гитлер снова медленно повернулся к карте:

— Поэтому группа армий «Центр» Клюге переходит к обороне. Я не могу, однако, во избежание всякого риска в Донбассе, удовлетворить вашу просьбу, Манштейн, о передаче 24-го танкового

корпуса. И без него ваша группировка располагает силами для окончательного разгрома большевиков на Курском выступе.

Совещание в Главной Ставке 13 июля, приняв половинчатые решения в отношении последующих действий своих войск в районе Курска, не привело к положительному результату, поскольку однобоко и поверхностно опиралось лишь на «интуитивные желания» одной стороны. Возможности противника не были должным образом разведаны, цели не определены и, разумеется, по традиции начисто проигнорированы.

Развитие фронтовой обстановки уже через сутки полностью опровергло радужный «наступательный прогноз» Манштейна. Более того, оставив в начале операции «Цитадель» свои подготовленные оборонительные позиции, войска групп армий «Центр» и «ЮГ» подставили себя на открытой местности под нарастающие контрудары большевиков и на высотах под Ольховаткой, и на подступах к Прохоровке.

Провал грандиозной стратегической операции «Цитадель» не вызывал сомнений, но признать столь неприятный факт никому в Главной Ставке еще не хотелось.

СМОЛЕНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

1

Последние дни второй декады июля выдались на Юго-Западном направлении чрезвычайно напряженными. Практически одновременно повели наступление войска Степного, Юго-Западного и Южного фронтов генералов Конева, Малиновского и Толбухина.

Так и было решено Ставкой, что 17 июля Юго-Западный и Южный фронты начинали Изюм-Барвенковскую и Миусскую операции. 1-я и 8-я гвардейские армии Кузнецова и Чуйкова с рубежа Изюма наносили удар на Барвенково, Красноармейское. Затем, по плану, в прорыв вводились 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпус с задачей их быстрейшего выхода в район Сталино. С рубежа Привольное – Лисичанск врага атаковала 3-я гвардейская армия Хетагурова.

5-я ударная, 2-й гвардейская и 28-я армии Цветаева, Крейзера и Герасименко из района Ровеньки наносили главный удар в направлении Успенской, Артемовки и Федоровки. Правофланговая 51-я армия Захарова с рубежа Красного Луча атаковала в направлении Сталино, а левофланговая 44-я армия Хоменко наступала вдоль азовского побережья на Таганрог и Мариуполь.

В начале операции войска Юго-Западного и Южного фронтов форсировали Северский Донец и Миус, вклинились в оборону 1-й

танковой и 6-й армий фон Маккензена и Холлидта до шести километров. Но дальнейшего развития эти наступательные действия не получили. Они сковали противостоящие им войска и не допустили переброски боеспособных соединений в район «Курской дуги», где еще продолжалось решающее сражение года.

К концу дня 18 июля, когда войска Центрального фронта отбросили 9-ю армию Моделя на исходные позиции, Ставка ввела в сражение на «Курской дуге» Степной фронт Конева. При этом его 52-я армия, 5-й и 7-й гвардейские кавкорпуса были переданы в состав Воронежского фронта. Степной же фронт пополнился 69-й армией Крюченкина и 7-й гвардейской армией Щумилова, оказавшимися в полосе его наступления.

В Короче, на КП Степного фронта, представители Ставки Жуков и Васильевский 19 июля подвели итоги сражения на «Курской дуге». Они пришли к важным выводам: для достижения решительных целей стратегические резервы следует вводить в действие маскированно и на важнейшем направлении. В оборонительный же период сражения под Курском резервы использовались по частям, главным образом для усиления Воронежского фронта. Это привело к ослаблению Степного фронта, объединявшего стратегические резервы.

В полдень 19 июля представитель Ставки на Брянском фронте Воронов доложил в Москву, что ввод 3-й гвардейской танковой армии в прорыв осуществлен своевременно. К исходу дня армия создала выгодные условия для удара в тыл Мценской группировке врага.

В ночь на 20 июля командующий Брянским фронтом Попов получил срочную директиву Ставки:

«1. Ближайшей задачей Брянского фронта иметь разгром Мценской группировки противника и выход 3-й армии на р. Ока. Для этого 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко с утра 20.VII нанести удар в направлении Протасово, Отрада. К исходу дня 20.VII перерезать шоссейную и железную дороги Орел – Мценск и, развязав в течение 21.VII наступление на Мценск с юга, совместно с 3-й армией Горбатова завершить уничтожение Мценской группировки противника и освободить г. Мценск.

2. После выполнения этой задачи 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко направить на юг с целью перерезать железную дорогу Орел – Моховое и содействовать 63-й армии Колпакчи в выходе ее также на Оку.

3. В дальнейшем 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко перерезать железную дорогу Орел – Курск в районе по решению командующего фронтом и при благоприятных условиях овладеть г. Орел. Если овладение г. Орел не будет соответствовать обстановке,

3-й гвардейской танковой армии Рыбалко двигаться дальше на запад в направлении г. Кромы».

Почти месяц Сталин не вызывал в Москву командующего Волховским фронтом Мерецкова. И он всецело был захвачен гигантским сражением на «Курской дуге». Но вот 21 июля, в первой половине дня, сам позвонил в Малую Вишеру, поздоровался и спросил:

— Вы уже подготовили наступление, товарищ Мерецков, чтобы еще дальше отбросить немца от Ленинграда?

— Наступление подготовлено согласно утвержденному Ставкой плану, товарищ Сталин. Завтра начинаем, — четко доложил командующий Волховским фронтом.

— А вы не торопитесь с наступлением, товарищ Мерецков? Может, встретите немца в обороне, как это сделали Рокоссовский и Ватутин на «Курской дуге»?

— Нет, товарищ Сталин, откладывать наступление нельзя. Разведка докладывает ежедневно, что фон Кюхлер шлет в сторону Мги эшелоны с подкреплениями, сосредоточивает на аэродромах авиацию. Промедление может осложнить положение защитников Ленинграда.

— А каковы шансы на успех операции?

— Шансы есть, товарищ Сталин. Мы подкрепили артиллерией и танками 8-ю армию. Командование Ленинградского фронта так же поступило с 67-й армией, которая атакует противника со стороны Синявино на Мгу.

— Желаю успеха. Постоянно держите меня в курсе дела, товарищ Мерецков, — завершил разговор Сталин.

К концу дня 23 июля и на южном фасе «Курской дуги» войска Воронежского и Степного фронтов отбросили группировку 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» на исходные позиции. Встал не простой вопрос: «Какие действия предпринять дальше?»

В конце концов в Ставке возобладала наиболее реалистическая концепция предстоящей операции. Было решено первым делом изолировать противостоящую группировку противника от притока свежих резервов с Запада. С этой целью следовало наиболее эффективно использовать 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии, чтобы в первые же дни взломать и дезорганизовать неприятельскую оборону, расчленить ее и разрозненные войска быстрее уничтожить по частям.

Жуков весь ушел в подготовку нового наступления подшefных фронтов, поскольку отработка плана операции «Полководец Румянцев» протекала преимущественно в войсках, непосредственно на местности. Весь день 27 июля он посвятил работе в 53-й армии Манагарова. Вечером того же дня он доложил Верховному: «С ко-

мандующим 53-й армией Манагаровым отработал решение по «Румянцеву».

Чтобы оперативно разрешить все возникшие вопросы по операции «Полководец Румянцев», 1 августа Жуков возвратился в Москву и лично доложил их Верховному.

Разговор, с учетом всех аспектов предстоящего наступления, при участии Антонова, получился продолжительным. Кстати, Сталин с удовлетворением воспринял сообщение Жукова о том, что командующий Воронежским фронтом Ватутин признал свою неправоту, предлагая в начале июля непременного перехода его войск в наступление. Теперь «настырный Ватутин» понял, что он страдает тем же недостатком, что и неприятель, — переоценивает свои силы и недооценивает силы того, который стремится тебя победить.

Разговор у Сталина уже перешел на «личности» — Верховный придиরчиво высматривал у Жукова его оценки командующих армиями и некоторых командиров дивизий Воронежского и Степного фронтов, когда через внутреннюю дверь в кабинет вошел нарком Молотов с «совершенно неотложными вопросами». Сталин сознательно оставил у себя военных при этом разговоре.

Для Жукова и Антонова не было секретом то, как тщательно отрабатывал Сталин тексты военных директив Ставки. Теперь оба они с интересом наблюдали за тем, как готовились важнейшие документы внешней политики страны. И тут военным было чему поучиться.

Утром 2 августа Жуков улетел в Курск. 3 августа войска Воронежского и Степного фронтов Ватутина и Конева перешли в наступление на южном фасе «Курской дуги», положив начало операции «Полководец Румянцев». Но Верховного в этот день уже не было в Москве — он всецело посвятил следующих три дня подготовке Смоленской наступательной операции.

Начальник личной охраны Верховного Власик встретил представителя Ставки Воронова и командующего Западным фронтом Соколовского в березовой роще вблизи Юхнова и проводил к деревянному домику, в котором их уже поджидал Сталин. Сам этот факт лишний раз подчеркивал то важнейшее значение, которое постоянно придавала Ставка Смоленскому, а в стратегическом смысле — Московскому направлениям. Нельзя было сбрасывать со счетов и личностный фактор. Верховный давно замышлял такую поездку на какой-то из участков фронта, чтобы своими глазами взглянуть на происходящие там события, но до начала августа осуществить этот замысел все не удавалось. И вот специальный поезд из товарных вагонов и одного пассажирского салон-вагона, закамуфлированного под остальные, 3 августа доставил его в Юхнов.

Когда Воронов и Соколовский вошли внутрь домика, Сталин стоял у дощатого стола и разговаривал с кем-то по телефону. Он приветствовал вошедших, приподняв навстречу свободную руку, а закончив разговор, сразу же приступил к делу, ради которого приехал на Угрю.

— Как идут у вас дела, товарищ Соколовский? — обратился Сталин к командующему Западным фронтом.

Соколовский достал из портфеля карту с планом операции, уверенно начал доклад:

— Учитывая, что войскам Западного фронта противостоит мощная группа армий «Центр», насчитывающая в своем составе свыше сорока моторизованных и пехотных дивизий, утвержденная Военным советом операция «Суворов — 1», товарищ Сталин, включает прорыв обороны противника на четырех участках с небольшим сдвигом по времени. Операцию начинают 7 августа 5-я, 10-я гвардейская и 33-я армии Поленова, Трубникова и Гордова. 13 августа переходят в наступление 43-я и 39-я армии Калининского фронта и 31-я армия нашего фронта в районе Духовщины. Затем, исходя из достигнутых результатов, будет проведена перегруппировка сил, уточнены задачи войск и переход к выполнению плана операции «Суворов — 2». Армейские планы на операцию рассмотрены Военным советом фронта и утверждены.

— Скажите, товарищ Воронов, а как обеспечена операция по освобождению Смоленска артиллериейской поддержкой? — Верховный повернулся к представителю Ставки на Калининском и Западном фrontах. — Как обеспечены артиллерийские части боеприпасами и горючим?

Маршал артиллерии Воронов четко доложил:

— Эта работа в артиллерийских частях обоих смежных фронтов продолжается, товарищ Сталин. Уточняются вопросы взаимодействия с командующим 1-й воздушной армией генералом Громовым. Есть договоренность с маршалом авиации Головановым об участии в Смоленской операции авиации дальнего действия. В соединениях Западного фронта ощущается недостаток зенитной артиллерии, тогда как активность фашистской авиации в последние дни резко возросла, особенно ночью.

— А как будет выглядеть накапливание сил, особенно артиллерийских, на главных направлениях, товарищ Воронов? — снова поставил ключевой вопрос Верховный.

— Основная масса артиллерии, товарищ Сталин, сосредоточивается на участках прорыва. В полосе Западного фронта достигнута плотность в сто шестьдесят стволов на километр, на Калининском — в сто тридцать, — профессионально ответил начальник артиллерии.

— А как обстоят дела с подходом резервов, выделенных фронту Ставкой, товарищ Соколовский? — Верховный снова привлек к разговору Соколовского.

Соколовский скосил взгляд на «оперативку»:

— 21-я армия и 6-й гвардейский кавкорпус уже находятся в районах сосредоточения вблизи Ельни, товарищ Сталин. Передислоцируются войска 68-й армии и 5-го межкорпуса. Военным советом принимаются меры по ускорению их выдвижения в исходные районы.

— Надо принять все меры, товарищи Воронов и Соколовский, чтобы обеспечить успех Смоленской наступательной операции. — Сталин сопроводил эти слова характерным жестом. — Более двух лет в Смоленске бесчинствуют фашистские варвары. Надо как можно быстрее вызволить город из гитлеровских лап. Для достижения внезапности наших действий Ставка не отдавала исходных письменных документов. Впервые для операции такого масштаба мы ограничились утверждением ее плана на оперативных картах. Теперь ее успех всецело зависит от умения командования Калининского и Западного фронтов...

Вечером 3 августа специальный поезд Верховного на время возвратился в Москву, а утром 5 августа доставил Сталина на станцию Мелехово, в район Ржева. В селе Хорошево Верховный встретился с командующим Калининским фронтом Еременко, чтобы и с ним на месте обсудить план Смоленской наступательной операции.

Подробно расспросив Еременко о снабжении войск фронта продовольствием, горючим и боеприпасами, выяснив ситуацию с группировкой противника на участке главного удара, Сталин распорядился довести плотность артиллерии до ста семидесяти стволов на километр прорыва, вдвое увеличить подвоз снарядов и мин.

Убедившись, что силами 43-й и 39-й армий Голубева и Зыгина прорвать сильно укрепленную оборону противника в районе Духовшины едва ли удастся, Верховный тут же позвонил в Генштаб и приказал Антонову направить в район Белого, в распоряжение Калининского фронта, 3-й гвардейский кавкорпус Осликовского.

В середине доклада командующего Калининским фронтом был прерван телефонным звонком из Москвы. Генерал-полковник Антонов сообщил Верховному, что войска Брянского и Степного фронтов освободили от врага Орел и Белгород. Поделившись этой радостью с Еременко, Сталин тут же распорядился в адрес Генштаба в тот же день произвести в Москве салют двадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий...

Проанализировав развитие обстановки в районе Харькова, представитель Ставки маршал Жуков вместе с командованием Степного фронта 6 августа направили Верховному свои предложения по дальнейшему развитию операции «Полководец Румянцев».

В директиве от 16 августа Ставка потребовала от командующего Западным фронтом усилить удары по врагу, не допустить его отхода на промежуточные оборонительные рубежи, выйти к 25–26 августа на Десну, развивать далее наступление на Смоленск и Рославль.

Почти неделю напряжение боев между Ахтыркой и Богодуховым не спадало. Но поражение группы армий «Юг» в районе Харькова, а также в полосе наступления Юго-Западного и Южного фронтов предопределило окончательный успех наших войск.

Вечером 22 августа командующий Степным фронтом распорядился о ночном штурме Харькова. Всю ночь в городе продолжались уличные бои. К полдню 23 августа войска 53-й, 69-й, 7-й гвардейской, 57-й и 5-й гвардейской танковой армий генералов Манагарова, Крюченкина, Шумилова, Гагена и Ротмистрова полностью очистили «вторую столицу» Украины от оккупантов. Контрнаступление советских войск на «Курской дуге» завершилось.

Вечером 25 августа Жуков возвратился в Москву. Поздоровавшись с ним, Верховный спросил:

— Как идут дела на Воронежском и Степном фронтах, товарищ Жуков? В их штабы уже поступила директива Ставки о продолжении наступления на Днепр?

— Инициатива всецело находится в наших руках, товарищ Сталин, — доложил маршал Жуков. — Но войска понесли большие потери в ходе Белгородско-Харьковской операции. Их необходимо подкрепить личным составом и боевой техникой, особенно танками. Войскам обоих фронтов требуется кратковременная передышка.

— Но передышку получит и немец? — возразил Сталин.

— Конечно, — согласился Жуков. — Но за неделю или две фон Манштейн не сможет воссоздать сплошного фронта. Группа армий «Юг» понесла огромные потери и уже никогда не восстановит свою первоначальную мощь.

— Понятно, товарищ Жуков. Эти вопросы мы обсудим позже, а сейчас пусть товарищ Антонов доложит о ходе наступления наших войск на других направлениях.

Антонов быстро разложил на столе карты Западного и Юго-Западного направлений, доложил:

— Войскам Калининского и Западного фронтов противостоит сильная группировка Клюге в составе сорока четырех дивизий. В их числе одна танковая и одна моторизованная дивизии. Верховное Командование вермахта принимает меры, чтобы остановить прорыв наших войск. В ближайшие дни Смоленская наступательная операция получит продолжение.

— А как обстоят дела на Юго-Западном фронте?

— Начав наступление в центре фронта из района Изюма, войска Малиновского не смогли прорвать оборону 1-й танковой армии

на всю глубину. Успешнее такой прорыв осуществила 3-я гвардейская армия Лелюшенко.

Сталин как бы продолжил доклад Антонова:

— Вот и подготовьте проект директивы Ставки, товарищ Антонов, о том, чтобы Юго-Западный и Южный фронты быстрее вышли к Днепру и реке Молочной. Мы не можем позволить немцу превратить Донбасс и Левобережную Украину в пустынnyй, безжизненный район.

Быстро завершилась недельная передышка войск Центрального фронта Рокоссовского. С рассветом 26 августа они перешли в наступление, нанося главный удар на Новгород-Северском направлении.

Тут же последовала директива Ставки: «Командующему Центральным фронтом немедленно перебросить в полосу наступления 60-й армии основные силы 13-й и 2-й танковой армий генералов Пухова и Родина». Командующий Центральным фронтом тут же поставил им оперативную задачу — обеспечить прорыв на Конотоп.

После частичной перегруппировки сил 28 августа войска Западного фронта возобновили наступление на Дорогобужско-Ельниковском направлении. Спустя два дня, 30 августа, в прорыв вошел 2-й гвардейский танковый корпус Бурдэйного. Действуя на острие ударной группировки фронта, его танковые бригады продвинулись за день на двадцать километров и вместе с 10-й гвардейской армией Трубникова ворвались в Ельню.

Недельная передышка пролетела быстро, но нехватка транспорта и испортившиеся дороги не позволили командованию Калининского фронта завершить перегруппировку войск. Роль «ходатая» об отсрочке наступления выпала на долю представителя Ставки.

Маршал Воронов позвонил в Москву:

— Товарищ Сталин, войска Калининского фронта не готовы продолжать наступление. Артиллерия по «88» и «122» калибрам не обеспечена боеприпасами. Остаток моторесурса у танков не превышает тридцати процентов. Истребительная авиация располагает горючим на одни сутки. Принимаются меры, чтобы в течение ближайшей недели поправить положение со снабжением.

— Какие еще трудности вы можете назвать, товарищ Воронов? — Верховный не скрывал неудовольствия.

— Командарм 39-й Берзарин только сегодня вступил в командование, товарищ Сталин, и ему необходимо три-четыре дня, чтобы войти в курс дела.

— Вы, товарищ Воронов, выражаете свое мнение или его разделяет и командование Калининского фронта?

— Это наше общее мнение, товарищ Сталин.

- Что вы предлагаете, товарищ Воронов?
- Перенести начало операции на плюс шесть суток.
- Что это значит — «плюс шесть суток»?
- Начать наступление предлагается 14 сентября.
- Перенос срока начала операции утверждается. Но ни днем позже! — закончил разговор Верховный.

Чтобы ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара войск Калининского фронта, левофланговая 43-я армия Голубева перешла в наступление на Демидов на сутки раньше планового срока, 13 сентября. Удар оказался неожиданным для врага, поскольку его резервы — 18-я танковая и 25-я моторизованная дивизии — были накануне переброшены из-под Невеля в район Духовщины.

Утром 14 сентября повела наступление 39-я армия. Но вместо обхода Духовщины южнее, 84-й стрелковый корпус Князькова нанес удар севернее города. 91-я гвардейская, 184-я и 97-я стрелковые дивизии Озимина, Цукарева и Давыдова при поддержке 28-й гвардейской танковой бригады Дремова теснили врага к Каспле.

Южнее, столь же успешно, в направлении Городка наступала 9-я гвардейская стрелковая дивизия Простякова, поддержанная танкистами Чупрова. Утром 15 сентября острия их ударных клиньев сомкнулись у Клевцов.

В этот же день, 15 сентября, возобновил наступление Западный фронт. 31-я армия Глуздовского с ходу форсировала Вопь и освободила Ярцево. Продолжая победоносное движение на запад, в ночь с 18 на 19 сентября 39-я армия Берзарина овладела ключевым опорным пунктом врага на пути к Смоленску городом Духовщиной. Южнее, 10-я и 49-я армии Попова и Гришина на пути к Рославлю освободили Екимовичи.

Учитывая успех наших войск на Западном направлении, 20 сентября Ставка приказала командующему Калининским фронтом сосредоточить усилия на левом фланге и не позднее 9–10 октября освободить Витебск. Но в день получения этой директивы Ставки успеха добилась, наконец, правофланговая 4-я ударная армия Швецова. Ударом вдоль Западной Двины она овладела окружающими Велик высотами и к концу дня очистила город от оккупантов.

От командующего Западным фронтом Соколовского Ставка потребовала усилить удары в центре и 26–27 сентября освободить Смоленск, Починок и Рославль, а 10–12 октября овладеть городами Орша и Могилев.

Выполняя поставленную Ставкой задачу, 68-я и 10-я гвардейская армии Журавleva и Трубникова 23 сентября перерезали железную и шоссейную дороги Смоленск — Рославль в районе Починка и пробились к реке Сож. Оперативная судьба Смоленска была ре-

шена. Охваченный в полуклещи войсками 39-й и 10-й гвардейской армий генералов Берзарина и Трубникова, израненный войной город жил предчувствием скорого освобождения.

В ночь на 25 сентября в результате удара с северо-востока соединения 31-й и 5-й армий генералов Глуздовского и Поленова ворвались в Смоленск и к середине дня очистили его от немецких захватчиков.

Над уцелевшим зданием городской гостиницы в центре города автоматчики 1106-го стрелкового батальона капитана Клепача водрузили победоносный красный флаг. В этот же день войска 49-й армии генерал-лейтенанта Гришина освободили от врага Рославль.

Особо отличившиеся в боях за Смоленск тридцать девять соединений и частей Западного фронта генерала армии Соколовского приказом Верховного Главнокомандующего были удостоены почетного наименования «Смоленских». Вечером 25 сентября в честь освобождения Смоленска и Рославля небо Москвы озарилось двадцатью победными залпами из двухсот двадцати четырех артиллерийских орудий.

25 сентября Ставка потребовала от Ватутина, Конева, Малиновского и Толбухина, с выходом войск к Днепру, форсировать его на широком фронте. К исходу 26 сентября 38-я армия форсировала Днепр севернее Киева. Южнее столицы Украины 3-я гвардейская танковая, 40-я и 47-я армии овладели Букринским плацдармом.

Получив донесение командующего Воронежским фронтом, Сталин тут же созвонился с представителем Ставки Жуковым и начальником Центрального управления военных сообщений Ковалевым. Они поддержали просьбу Ватутина. И Воронежский фронт до конца сентября увеличили количество плацдармов на правом берегу Днепра, включая Лютежский и Букринский.

Вечером 2 октября командующий 5-й гвардейской танковой армии Ротмистров был вызван в Ставку. Сталин тепло поздоровался с «укротителем Манштейна» и сразу поставил вопрос о боевых действиях наших танкистов в победной Курской операции:

— У меня нет оснований сомневаться, товарищ Ротмистров, что танковые армии новой организации вполне себя оправдывают. А что вы скажете по этому поводу?

— Исходя из опыта боев 5-й гвардейской танковой армии в Курской операции, я еще больше убедился, что Ставка приняла верное решение, товарищ Сталин.

— Так, понятно, — подтвердил свое согласие Сталин, — но что-нибудь следует еще добавить в новую структуру?

Командарм 5-й гвардейской танковой сказал:

— Да, следует, товарищ Сталин.

— Что же следует? — спросил Верховный.

— Танковые армии новой организации нуждаются в усилении их противотанковой артиллерией, а также в надежном прикрытии их боевых порядков с воздуха.

— Это хорошо, что вы учитываете и опыт противника, — Верховный тут же круто изменил тему разговора: — А как вы думаете, товарищ Ротмистров, почему наши войска в Курской операции не перешли в наступление первыми? В Ставку поступали и такие предложения?

Вопрос озадачил Ротмистрова. Но, чуточку помедлив, он все-таки высказал свое мнение:

— Насколько мне известно, товарищ Сталин, минувшим летом наши войска готовились к наступлению на Орловском и Харьковском направлениях. 5-я гвардейская танковая армия тоже готовилась к наступательным боям. Но гитлеровское командование допустило очевидный просчет, посчитав свою группировку войск сильнее, и решило упредить нас в наступательных действиях...

Верховный сам ответил на поставленный вопрос:

— Ставка сознательно приняла оборонительный план действий, товарищ Ротмистров, потому что наша пехота с артиллерией наиболее сильны в обороне и наносят крупные потери немцу именно в оборонительных боях.

— Сегодня уже ни у кого нет сомнений, товарищ Сталин, — вступил в дискуссию Антонов, — что оборонительный вариант в Курской операции в наибольшей степени отвечал нашим возможностям на начало июля. Теперь это признает и Ватутин. Он лично говорил мне об этом.

Верховный остановился, выслушал мнение «генштабиста», но разговор продолжил с Ротмистровым:

— А как показали себя «Тигры» и «Пантеры»? Как вы обучали личный состав поражать вражеские чудища?

Ротмистров с полной уверенностью ответил:

— Конечно, товарищ Сталин, «Тигры» и «Пантеры» производят впечатление даже на бывальных танкистов. Но испытания трофейных образцов позволили выявить и их «слабые места». У «Пантер» нередко отказывает ходовая часть. Но орудия у них посильнее наших.

— Вот, товарищ Федоренко, — Верховный повернулся к начальнику бронетанкового управления, — надо помочь танкистам в борьбе с «Тиграми» и «Пантерами» и вооружить наши танки равносильными пушками.

— Испытания 100-мм пушки завершаются, товарищ Сталин, — возразил Федоренко. — К концу этого года нарком Малышев обещает дать танки с новой пушкой.

— Вот так, товарищ Ротмистров, скоро вы получите «КВ» и «Т-34» с новой пушкой, — завершил встречу Сталин.

Ставка тщательно анализировала перемены в обстановке на Витебском, Могилевском, Гомельском, Киевском, Кировоградском и Криворожском направлениях. В ночь на 3 октября в адрес Попова, Рокоссовского, Ватутина и Конева поступила ее директива с уточнением изменившихся задач и некоторой перегруппировкой сил.

К середине октября завершилась пауза в полосе наступления Степного фронта. Не глубокий, но широкий плацдарм южнее Кременчуга занимали 5-я и 7-я гвардейские, 57-я и 37-я армии. Во втором эшелоне 5-й гвардейской армии сосредоточилась к наступлению 5-я гвардейская танковая армия.

Из штаба Степного фронта представитель Ставки Жуков 17 октября направил донесение в Ставку:

«Создается благоприятная обстановка для развития прорыва на Воскресенск. Я считаю, будет очень хорошо, если вы прикажете перебросить от Малиновского¹ пару танковых корпусов и пять-шесть стрелковых дивизий. Будет лучше, и мы скорее разгромим Запорожско-Криворожскую группировку противника ударом Степного фронта, нежели со стороны Малиновского. Я также прошу быстрее подавать генералу Коневу горючее и боеприпасы».

Реакция Ставки была мгновенной. Верховный распорядился об усилении Степного фронта четырьмя стрелковыми дивизиями и 1-м гвардейским межкорпусом Руссиянова, а также 20-м танковым корпусом Лазарева.

При всей сложности обстановки Ставка адекватными перестройками войск подчеркивала их достижения в пути на запад. 20 октября ГКО принял постановление о переименовании действующих фронтов. Калининский фронт стал 1-м Прибалтийским, Прибалтийский – 2-м Прибалтийским, Центральный – Белорусским, Воронежский – 1-м Украинским, Степной – 2-м Украинским, Юго-Западный – 3-м Украинским, Южный – 4-м Украинским.

Вечером 23 октября Верховный заслушал доклад Ватутина об обстановке в полосе фронта. Командующий 1-м Украинским фронтом доложил о бесперспективности удара на Киев с Букинского плацдарма и о тех благоприятных оперативных условиях, которые сложились для нанесения главного удара, с Лютежского плацдарма.

Неожиданно быстро, 24 октября, Военный совет 1-го Украинского фронта получил новую директиву Ставки:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на Букинском плацдарме произошла потому, что не были учтены условия местности, затруднившие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии генерала Рыбалко.

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром Киевской группировки противника и овладение Киевом».

На следующий день, в присутствии представителя Ставки Жукова, Военный совет фронта принял решение об усилении группировки в районе Лютежа передислокацией туда 3-й гвардейской танковой армии.

К 1 ноября на Лютежском плацдарме сосредоточились: 3-я гвардейская танковая армия, 38-я армия, 5-й гвардейский танковый корпус, 7-й артиллерийский корпус прорыва, пятьсот гвардейских минометов. Но наступление в этот день повели вновь 40-я и 27-я армии с... Букринского плацдарма. Манштейн принял этот удар за главный и срочно перебросил в район Ходорова дополнительные силы, в том числе и последнюю свою резервную танковую дивизию СС «Райх».

Но главный удар 1-й Украинский фронт Ватутина наносил теперь севернее Киева, с Лютежского плацдарма. Утром 3 ноября в решительное наступление перешли 60-я и 38-я армии Черняховского и Москаленко. Боевые порядки врага в направлении Житомира таранил 5-й гвардейский танковый корпус Кравченко.

В конце дня 3 ноября на имя генерала Ватутина поступила директива из Москвы: «Операцию, начатую на правом крыле фронта, не затягивать, так как каждый лишний день дает только преимущество противнику, позволяя ему сосредоточить сюда свои силы, пользуясь хорошими дорогами, тогда как у нас разрушенные противником дороги затрудняют и ограничивают маневр».

Отметив, что Лютежский выступ является важнейшим и наивыгоднейшим плацдармом на правом берегу Днепра, имеющим исторически важное значение для изгнания немцев из Правобережной Украины, Ставка потребовала не позднее 5 ноября перерезать железнодорожную дорогу Коростень — Киев и не позднее 5–6 ноября освободить столицу Советской Украины.

2

Сражение на Орловском выступе становилось все напряженнее. Приняв под свое командование и 2-ю танковую армию, Модель изо всех сил «штопал брешь» на ее участке обороны от Чернышено до Новосиля. Но 16 июля и 9-я армия начала откат с плацдарма севернее Ольховатки. Командующий группой армий «Центр» Клюге позвонил в «Вольфшанце» и, обрисовав критическую ситуацию в районе Орла, попросил Гитлера либо о переброске подкреплений за счет группы армий «Юг», либо его разрешения на отвод войск к рубежу по Оке.

Гитлер сдержанно объяснил фельдмаршалу Клюге, что оба его предложения не приемлемы. Из-за недостатка сил Манштейн сам отводит войска на исходные позиции. Утрата же Орловского выст-

тупа ухудшала условия боевой работы авиации 6-го воздушного флота Грейма против важных объектов Советов в Поволжье. Демарш фельдмаршала Клюге не увенчался успехом, но он вынужден был смириться с безвыходным решением фюрера, поскольку у ОКВ действительно отсутствовали резервы.

Следующий день не принес облегчения. Ухудшение обстановки приняло в полосе группы армий «Юг» обвальный характер. Наступление Юго-Западного и Южного фронтов вблизи Изюма, Лисичанска и на Милусе 17 июля застали Манштейна врасплох — он не ожидал таких мощных ударов противника по позициям 1-й танковой и 6-й армий Маккензена и Холтидта с рубежей, обойденных вниманием войсковой разведки.

«Цитадель» закончилась поражением. 19 июля Манштейн предпринял попытку задержать фронт в районе Харькова, не допустить прорыва русских к Днепру.

Грозные события на Востоке и Западе заявляли о себе все решительнее и тверже. Однозначный итальянский финал был уже неизбежен. Но Гитлер не хотел верить, что он наступит так скоро. Распорядившись о непринятии без него ответственных решений по Курскому выступу, фюрер 19 июля улетел в Верону, чтобы вдохнуть «новые силы» в подраставшегося Муссолини.

Переговоры Гитлера и Муссолини в Вероне продолжались и 20 июля, но кардинально изменить ситуацию в Италии, на Восточном фронте они уже не могли.

Положение группировки Моделя продолжало оставаться тяжелым. Утром 20 июля начальник Генштаба ОКХ Цейтцлер передал приказ Гитлера Клюге: «Фюрер приказывает, чтобы в ночь с 20 на 21 июля ни в коем случае не последовал отход войск на фронте 9-й и 2-й танковой армий. Относительно дальнейшего ведения боевых действий на «Орловской дуге» фюрер примет свое решение 21 июля».

В полдень 22 июля в Главную Ставку поступило тревожное донесение командующего группой армий «Север» о том, что русские атакуют на Мгинском выступе. Их планы наступления пока неизвестны, но, чтобы не допустить прорыва их танков на коммуникации 18-й армии Линдемана, пришлось из-под Пушкина перебросить к Анненскому и Мишкино две пехотные дивизии.

Масштабы сражения на подступах к Орлу стремительно разрастались. 23 и 24 июля неустранимая схватка с громадным напряжением сил с обеих сторон велась на фронте свыше четырехсот километров от Думинич до Тросны. В донесении Моделя за 24 июля отмечалось, что танковый прорыв к шоссе Карачев — Брянск на участке 2-й танковой армии обеспечил противнику возможность зажать в клещи весь район «Орловской дуги». 9-я армия вынуждена была отойти на отсечную позицию. Во время этого отхода, в резуль-

тате танкового удара на Эммеркю, образовалась брешь, которую удалось ликвидировать введением в действие последних резервов.

Но на совещании в «Вольфшанце» 25 июля Цейтцлер оптимистично оценивал положение на Орловском выступе. Он доложил Гитлеру, что русские уже задействовали все свои резервы. На участке у Волхова наступление в основном отбито. На участке 35-го армейского корпуса вблизи Мценска ничего существенного не произошло. На участке 3-й моторизованной дивизии русские сумели вклиниваться в немецкую оборону.

Гитлер отрешенно слушал доклад Цейтцлера. Когда тот его закончил, он круто повернулся к Варлимонту:

— Вы читали доклад Сталина, Варлимонт? Его вчерашний приказ, где он точно называет количество мотопехотных, танковых и пехотных дивизий?

— По «Цитадели», мой фюрер? — уточнил Варлимонт.

— По «Цитадели», — подтвердил Гитлер. — У меня такое ощущение, что это отбой наступления, то есть он представляет дело таким образом, что наш план сорван.

Эту тему попытался развить Цейтцлер:

— Для такого вывода, мой фюрер, мы не располагаем основаниями. По-моему, там все обстоит сложнее.

Обсуждение обстановки на Восточном фронте на этом закончилось. В «Вольфшанце» еще ничего не было известно о событиях в Италии. Они ошеломили Главную Ставку на следующий день. А в Растенбург, 26 июля, по делам Орловского выступа был вызван Клюге.

Обращаясь к нему, Гитлер сказал:

— Я не знаю, господин фельдмаршал, осведомлены ли вы об общей обстановке на Западе?

— Только из сегодняшнего сообщения радио, мой фюрер, — ответил фельдмаршал Клюге.

— Но сообщение радио не соответствует действительности, — заметил Гитлер. — На самом деле речь идет о мятеже, ниппя которого ведут к маршалу Бадольо. Вчера был арестован и смешен декретом дуче. Потом было образовано новое правительство, которое, конечно, еще заявляет, что оно будет с нами сотрудничать. Это все маскировка, чтобы выиграть время для нового режима. Где находится сам дуче, я не знаю. Когда мне станет это известно, я выручу его с помощью парашютистов.

Закончив монолог, Гитлер обратился к Клюге:

— Теперь доложите мне, господин фельдмаршал, какая у вас обстановка.

— Мой фюрер, положение в настоящий момент складывается так, что в районе Орла стало заметно давление крупных сил, которое еще полностью не проявилось, поскольку русским трудно пе-

реправиться через Оку, — сказал Клюге. — К сожалению, вчера противник совершил глубокий прорыв в полосе 34-й пехотной дивизии, который все же удалось ограничить путем нанесения контрударов. Но силы, которыми мы тут располагаем, относительно слабы. Прорыв был осуществлен и в полосе 297-й пехотной дивизии. Сегодня он был локализован путем отвода войск со всей этой линии фронта.

Цейтцлер развернул перед Гитлером карту и указал на центр треугольника Орел — Мценск — Новосиль.

— На этой карте, мой фюрер, точно дана сегодняшняя обстановка. Севернее Моховое показан отвод войск.

Гитлер перевел взгляд западнее того района, на который только что указал генерал-полковник Цейтцлер.

— Доложите мне, Клюге, что происходит здесь.

— Ситуация ныне такова, — указка командующего группой армий «Центр» уперлась в район Болхова. — Вчера здесь состоялось наступление ограниченного размаха. Хотя оно и привело к прорыву фронта, нам все же удалось приостановить его. Наблюдались сильные танковые атаки. Вблизи Болхово противник ввел в бой одновременно сто пятьдесят танков, пятьдесят из них было подбито.

Наше намерение таково: мы хотим отойти на окские позиции, сократить «Болховскую дугу» и предпринять это уже этой ночью. Я прошу разрешить начать сейчас же такой маневр, чтобы сократить здесь немного фронт и...

Гитлер решительно прервал Клюге:

— Мне надо уяснить себе общую ситуацию, господин фельдмаршал. Речь идет о том, что мы должны отвести с фронта несколько соединений. К ним относится 3-я танковая дивизия СС. Ее я должен взять из группы армий «Юг». В Италии я смогу кое-что сделать только с помощью первоклассных соединений, которые преданы фашизму политически. Если мы удержим Северную Италию, меня ничто не будет страшить. Ничто...

Клюге взорвался:

— Мой фюрер! В данный момент я не могу снять ни одного соединения. Это исключено в данный момент!

Гитлер тоже повысил голос:

— Но это необходимо сделать, Клюге!

— Мы сможем высвободить войска только после занятия поселки «Хаген», — пошел на попятную Клюге.

— Однако, господин фельдмаршал, вы должны все же признать: когда эта линия обороны будет достигнута, определенное число дивизий должно высвободиться!

— Мой фюрер! — взмолился Клюге. — Я обращаю ваше внимание на то, что четыре дивизии...

— Обескровлены, — закончил фразу Гитлер.

Фельдмаршал Клюге взволнованно повторил:

— Да, четыре дивизии полностью обескровлены!

Дискуссия приобрела крайне острый характер. В пику командующему группой армий «Центр» Гитлер заявил:

— Позиции на Оке еще не готовы, Клюге. И русские не станут наступать на оборудованные позиции.

Цейтцлер косвенно поддержал Клюге:

— Если занять оборону по Оке, господин фельдмаршал, то часть высвобождающихся дивизий можно перебросить для строительства позиций «Хаген».

Клюге не согласился с Цейтцлером:

— Этим ничего не достигнешь, Цейтцлер. По моему мнению, самый ранний срок занятия позиций «Хаген» наступит примерно через четыре недели.

Гитлер не смог скрыть разочарования:

— Так долго мы определенно не сможем ждать, Клюге. Силы нужны раньше, иначе это все не поможет...

Тяжелый кризис преследовал рейх повсюду — на фронтах и в тылу. Утром 26 июля «партайгеноссе» Борман телеграфировал гауляйтерам: «Необходимо беспощадно выявлять и немедленно передавать полиции всех врагов государства, которые сейчас демаскируются. Бесполезных, слабых людей надо исключать из партии и увольнять. Настоящие люди в партии, как уже неоднократно подчеркивалось, должны действовать на нервные и возбудимые умы успокаивающе. В любое время именно партийные товарищи обязаны излучать непоколебимую уверенность в том, что фюрер в нужное время всегда совершил нужный шаг».

Ночью 29 июля немецкой разведке удалось подслушать переговоры Рузвельта и Черчилля о предстоящем выходе Италии из войны. Американский президент обязался обратиться к королю Италии Виктору-Эммануилу по этому вопросу. В «Вольфшанце» был сделан вывод о том, что ведутся тайные переговоры англичан и американцев с правительством маршала Бадольо.

Хотя Гиммлер не решился представить Гитлеру накануне его отлета в Верону пространное досье секретной службы о положении в Италии, ее текущие донесения возбудили у фюрера подозрение. Донесения же абвера, напротив, все последние месяцы бездоказательно ублажали Главную Ставку: Италия остается самым «верным союзником» Германии. «Ось» Берлин — Рим нерушима.

Ожесточенные бои с начала августа развернулись на подступах к Орлу. Войска Западного, Брянского и Центрального фронтов по всей линии «Орловской дуги» теснили позиции группы армий «Центр» Клюге.

Кошмар возможной утраты Донбасса настолько сильно повлиял на настроения в «Вольфшанце», что Верховный Главнокомандующий

ящий, не колеблясь, распорядился снять с Орловского выступа моторизованную дивизию «Великая Германия» и перебросить ее в район Ахтырки.

В дневнике боевых действий ОКВ появилась запись: «После кро-вопролитных боев войска оперативной группы «Кемпф» сдали Белго-род. Правое крыло 4-й танковой армии тоже вынуждено было отсту-пить после того, как ее фронт был прорван в нескольких местах».

Оборона вермахта на Восточном фронте трещала по всем швам. Положение все более приобретало критический характер. Чтобы остановить повсеместное наступление русских, 11 августа Гитлер отдал приказ о немедленном строительстве оборонительного рубе-жа «Восточный вал» на линии: Западная Двина – Полоцк – Ви-тебск – Днепр до Могилева – Запорожье – Крым.

Однако тотчас возникли разногласия. Оказалось, что при на-чертании «Восточного вала» не было учтено значение северного фланга. Главком ВМС гросс-адмирал Дениц потребовал избрать на северном участке линии обороны от Нарвы через Чудское озеро, с тем чтобы обеспечить подступы к Финскому заливу. Иначе, заявил Главком ВМС, Балтийский флот русских получит оперативную свободу на всей Балтике.

Гитлер буквально «разрывался на части». С одной стороны, его ни на час не отпускала критическая обстановка на Восточном фрон-те. С другой, в Главной Ставке не сходила с повестки дня животре-пещущая «итальянская тема». Он требовал ежедневного доклада Йодля о результатах поиска Муссолини. Фюрер твердо настроен спасти дуче. С третьей, его беспокоила ситуация на Мите. Но сил для решения столь масштабных задач не хватало.

К августу сорок третьего практически надломилась и боевая мощь «Лтофтваффе». Начальник Главного штаба ВВС генерал-пол-ковник Ешоннек не видел никакой возможности предупредить гибель воздушных сил и в состоянии сильной душевной депрессии 19 августа покончил жизнь самоубийством.

На оперативном совещании 18 августа начальник Генштаба ОКХ так оценил положение в полосе обороны Манштейна: «Создавша-яся обстановка свидетельствует о том, что противник, несмотря на понесенные до сих пор потери, по-прежнему стремится всеми сред-ствами использовать ставшее, по-видимому, ему известным напря-женное положение немцев».

Гитлер неумолимо требовал от Манштейна отстоять Харьков, не допустить прорыва русских в район Полтавы и далее к Днепру. Командующий группой армий «Юг» перебросил на Харьковское направление пятнадцать дивизий с других участков, но переломить ситуацию в лучшую сторону не смог. Опасность окружения была столь очевидной, что 22 августа он отдал приказ.. об отводе войск из Харькова.

Падение Харькова и прорыв русскими «Миусфронта» вынудили фон Манштейна срочно просить «Вольфшанце» о помощи, чтобы отстоять Донбасс. Около десяти утра 27 августа «юнкерс» фюрера приземлился в Виннице. С докладом об обстановке выступил Манштейн:

— Мой фюрер! Невероятно большие потери, понесенные группой армий в операции «Цитадель», и отсутствие резервов вынуждают меня поставить вопрос об оставлении Донбасса. Другого выхода у меня просто нет...

— Ваш доклад сплошь пессимистичен, Манштейн, — сердито прервал подчиненного Гитлер. — Вам достаточно хорошо известно, что ОКВ не располагает в настоящее время резервами. Призыв новобранцев начинается в декабре. События в Италии тоже стоили нам немалых усилий.. Впрочем, что вы предлагаете?

— Я прошу, мой фюрер, не менее двенадцати дивизий, чтобы закрыть бреши и удержать в наших руках Донбасс. В противном случае его потеря неизбежна.

— Донбасс сдавать нельзя, фельдмаршал Манштейн. Некоторое количество дивизий вы получите из состава групп армий «Север» и «Центр». Но передислокация войск, конечно, потребует определенного времени.

— И все-таки, мой фюрер, я прошу оказать помощь резервами моей группе армий как можно скорее...

4 сентября Гитлер отдал приказ «Об отходе с Кубанского плацдарма и обороне Крыма»:

«Чтобы высвободить соединения для решения других задач, я решил сдать Кубанский плацдарм и отвести 17-ю армию через Керченский пролив в Крым..»

В условиях чрезвычайного осложнения обстановки на Восточном фронте до крайности обострились отношения между Гитлером и начальником Генштаба ОКХ. Цейтцлер настаивал на быстром отходе на тыловые рубежи, чтобы как следует подготовить оборону. Гитлер же считал, что необходимо биться за каждый метр территории, как это делали русские в сорок первом.

Вечером 8 сентября командующий группой армий «Юг» отдал приказ 1-й танковой и 6-й армиям перейти к подвижной обороне, которую им следует организовать так, чтобы обеспечить стойкость войск и выиграть как можно больше времени для осуществления отхода.

Вопрос о резервах снова повис в воздухе. События же и на Западе, и на Востоке развивались стремительно. 10 сентября Италия капитулировала перед англо-американскими войсками. Повсеместно продолжался откат войск групп армий «Центр» и «Юг» от Великих Лук на северо-западе до Мариуполя на юге.

В обстановке подавленности духа и непредсказуемости даль-

нейшего развития обстановки, Гитлер принял решение 15 сентября об отводе войск группы армий «Юг» за Днепр, на оборонительную линию «Восточного вала». Плану организации обороны по Днепру Главная Ставка присвоила кодовое наименование «Вотан».

С падением Брянска и Чернигова положение на всем Восточном фронте выдалось непредсказуемым. Оборонительный «Восточный вал» начал рушиться на глазах. Манштейн не смог выполнить категорическое требование Гитлера об обороне Полтавы до последнего солдата. 8-я и 1-я танковая армии отступили за Днепр.

В середине сентября штаб-квартира группы армий «Центр» переместилась из Красного Бора в Борисов. Ее положение под Смоленском стало крайне уязвимым. 25 сентября 4-я армия Хейнрихи оставила Смоленск.

Острые проблемы одолевали. Их количество с каждым днем прибывало. Гитлер окончательно разуверился во вчерашних «верных союзниках» и 26 сентября отдал приказ Цейтцлеру срочно подготовить оперативный план военной оккупации Венгрии и Румынии.

Некоторым «оплотом стабильности» на Восточном фронте в канун октября оставался участок от Петербурга до Великих Лук. В директиве ОКВ № 50 от 28 сентября утверждалось: «Положение группы армий «Север» полностью упрочено, и отвод ее войск с занимаемых рубежей не предусматривается».

Зато южнее тревоги стремительно нарастали. 29 сентября в «Дневнике боевых действий ОКВ» положение на Восточном фронте характеризовалось самыми мрачными красками: «6-я армия всюду удерживала передний край обороны, несмотря на мощные атаки противника... 1-я танковая армия отражала многочисленные атаки врага, иногда нанося контрудары. 4-я танковая армия сдала плацдарм у Киева. Усилился натиск противника в районе группы армий «Центр» между Днепром и Припятью. Под Гомелем враг прорвал фронт между 2-й и 9-й армиями».

Хотя Смоленск уже более недели находился в руках большевиков, берлинское радио продолжало искусственно привязывать к этому стратегически важному пункту всю боевую обстановку в центре Восточного фронта. И 1 октября заместитель министра пропаганды Фрице назойливо твердил у микрофона, что русские дальше Смоленска не пройдут.

Положение на линии «Восточного вала» южнее Гомеля до Приазовья продолжало ухудшаться. Однако в «Вольфшанце» никто не хотел взять на себя смелость и предложить что-то радикальное на Восточном фронте. Помалкивал «главный оператор вермахта» Йодль. Сходной тактике вынужден был следовать теперь и Цейтцлер. И он за время Сталинградской и Курской операций получил от фюрера немало «нокаутирующих ударов».

Фронты, однако, на Западе и на Востоке диктовали свои «правила игры». 13 октября все образумилось на Апеннинском полуострове. Италия не только изменила «союзническому долгту», но и... объявила войну Германии.

Когда генерал-полковник Цейтцлер сообщил об этом на вечернем оперативном совещании, Гитлер взорвался непристойностями в адрес предателей и приказал Йодлю немедленно распорядиться о разоружении итальянских войск на севере страны. Не пожелали быть «верными союзниками», пусть будут военнопленными!

Следующий день, 14 октября, тоже не принес в Главную Ставку особых радостей. Более того, Манштейн доложил Главному ОКХ об оставлении Запорожья. Гитлер тут же позвонил командующему 6-й армией Холльдту. Разговор получился коротким:

— Генерал Холльдт! Только что я получил неприятное сообщение от фельдмаршала Манштейна об отходе 1-й танковой армии из Запорожья. Рушится оборонительный «Восточный вал». Большевики настойчиво рвутся к Днепру в его устье. Я надеюсь, что так не случится с нашей обороной на реке Молочной. Поэтому я принял окончательное решение, Холльдт, любой ценой остановить здесь большевиков и разгромить их войска у Мелитополя. Полагаю, что у вас хватит для этого умения и твердости!

— Мой фюрер, — возразил Холльдт, — как раз достаточных сил для выполнения этой задачи у меня и не хватает. Я убедительно прошу вас о подкреплениях.

— Но в вашей армии имеется двадцать дивизий, генерал Холльдт! — бросил в ответ Гитлер.

— Мой фюрер! Двадцать дивизий у меня было два месяца назад в Донбассе. Теперь их нет. Остатки трех дивизий я объединил в группы, которые и обороняют «Восточный вал» по реке Молочной. Вы не можете себе представить, что здесь на самом деле происходит!

Гитлер как-то сразу умерил свой пыл и уже спокойным тоном бросил в телефонную трубку:

— ОКВ, Холльдт, перебрасывает все больше свежих резервов из Франции. Группа армий «Юг» только что получила две пехотные и одну танковую дивизии. Разве Манштейн ничего не выделил вам из этих сил?

— Эти силы, мой фюрер, брошены Манштейном на Киевское направление, — доложил Холльдт.

— Холльдт, держитесь! Я надеюсь на вас. Можете объявить своему личному составу о выплате повышенного денежного содержания.

— Яволь, мой фюрер! — отчеканил Холльдт.

Положение на юге Украины превращалось для «Вольфшанце»

в сплошную ножную рану. 25 октября Гитлер обратился с письмом к маршалу Антонеску. «Обстановка на фронте Южной группы армий в связи с расширением противником плацдарма в районе Кременчуга за последние несколько дней резко обострилась. В связи с этим я принял соответствующие контрмеры, однако для полного устранения угрожающей нам опасности требуется максимальное напряжение сил... Каждая румынская дивизия, прибывающая на фронт, даст мне возможность освободить немецкие дивизии для контрнаступления, что может оказать огромное влияние на восстановление положения в районе Нижнего Днепра».

Перебрасываемые с Запада подкрепления рассредоточивались по фронту от Коростена до Каховки. Предпочтение отдавалось Киевскому и Кировоградскому направлениям, где формировались ударные группировки для прорыва на Ромны и в Донбасс. В расположение командующего группой армий «А» Клейста перепадало мало сил, и он не мог гарантировать удержание ключевых рубежей в устье Днепра и в Северной Таврии.

Получив телеграмму своего представителя в Бухаресте Ганзена, Цейтцлер пришел в тягостное смятение — стоит ли ее содержание вообще докладывать фюреру? После мучительных раздумий он все же решил, что не только стоит, но нужно сделать это возможно быстрее.

Доклад прошел благополучно. Подготовленный Цейтцлером проект письма в адрес маршала Антонеску тоже был утвержден без поправок. Утром 30 октября офицер для поручений доставил письмо в Бухарест.

Гитлер писал: «Значение Крыма как важнейшего опорного пункта является чрезвычайным и оправдывает решение оборонять полуостров так долго, как это только будет возможно. Поэтому Крым необходимо удерживать при всех обстоятельствах и всеми средствами. 6-я армия должна стоять, чтобы обеспечить подходы к Крыму. Я решил усилить сухопутную, морскую и воздушную оборону полуострова. Прошу вас, господин маршал, обратиться к войскам с требованием до конца выполнить свой долг».

В условиях жесточайшего кризиса на Восточном фронте 3 ноября начальник штаба Оперативного руководства ОКВ Йодль предложил фюреру проект директивы ОКВ № 51. Гитлер без колебаний согласился с доводами «главного оператора вермахта». Узаконивался вывод, что наступило время, когда надо пересмотреть стратегическую идею и отдать предпочтение Западу.

Директива гласила: «Ожесточенные и кровопролитные бои последних двух с половиной лет против большевизма потребовали от нас исключительного напряжения. На Восток была брошена основная масса наших военных сил. Это соответствовало размерам

нависшей тогда опасности и общей обстановке, которая, между прочим, за последнее время в значительной степени изменилась...

На Востоке размеры территории допускают в крайнем случае потерю некоторой ее части без того, чтобы это смертельно поразило германский жизненный нерв. По-другому на Западе! Если врагу удастся здесь прорыв нашей обороны на широком фронте, то последствия в короткий срок окажутся необозримыми. Все признаки говорят о том, что противник самое позднее весной, а может быть, и раньше, перейдет в наступление против Западной Европы.. Я не могу больше допускать ослабления Запада ради усиления других театров военных действий».

Критическая обстановка на Восточном фронте, однако, все более усложнялась.

КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИЙ «КОТЕЛ»

1

Вечером 3 ноября представитель Ставки Василевский вернулся в штаб 4-го Украинского фронта Толбухина, позвонил в Москву. Сталин находился в Кремле, ждал этого звонка. Поздоровавшись, он спросил:

— Как идут у вас дела, товарищ Василевский? Какие меры предпринимаются для быстрой ликвидации Никопольского плацдарма противника?

Начальник Генштаба уверенно доложил:

— Меры предпринимаются, товарищ Сталин, но пока безуспешные. Противник, не считаясь с потерями, яростно защищает не только правобережный уступ южнее Запорожья, но изо всех сил борется за удержание своего левобережного Никопольского плацдарма.

— Действия немца в районе Никополя, товарищ Василевский, нам понятны, — возразил Верховный. — Марганец Никополя имеет огромное значение для производства высокопрочных сталей. У противника с марганцевой рудой дело обстоит плохо. В Германии ее просто нет.

Маршал Василевский продолжил доклад:

— Ваши слова, товарищ Сталин, подтверждаются показаниями военнопленных. Для защитников Никопольского плацдарма Гитлер установил двойное денежное довольствие, пообещал щедрые награды.

— Все это понятно, товарищ Василевский. Какие задачи вы поставили войскам Цветаева и Хоменко?

— Вчера я находился в 5-й ударной и 44-й армиях. Генералу Цветаеву передал указание Ставки: в ближайшее время ликвидировать вражеский плацдарм на левом берегу Днепра и форсировать реку в районе Большой Лепетихи. Войска 44-й армии получили задачу форсировать Днепр севернее и южнее Каховки. Кстати, сегодня мне уже доложил генерал Хоменко, что 417-я стрелковая дивизия ночью полностью переправилась на правый берег.

— А как ведет себя противник в Крыму, товарищ Василевский? Что вам известно о его ближайших намерениях?

— Крымский полуостров блокирован с севера от Перекопа до Геническа войсками 51-й армии Крейзера, товарищ Сталин. Но штаб 4-го Украинского фронта располагает данными, что противник укрепляется на севере полуострова. Их подтверждает и воздушная разведка.

— Это значит, что немец, и будучи блокированным в Крыму, не намерен его оставлять без боя?

— Не только не намерен, товарищ Сталин, но и, как считают в штабе 4-го Украинского фронта, с его стороны могут последовать активные наступательные действия.

— Что вы имеете в виду, товарищ Василевский?

— Толбухин считает, что Клейст намерен нанести встречные удары с Никопольского плацдарма и из Крыма, чтобы развязать «Крымский мешок», блокировать коммуникации фронтовых сил, пробившихся к Днепру.

— Но этого допустить нельзя, товарищ Василевский!

— Мы и не допустим, товарищ Сталин. С завтрашнего дня против группировки 17-й армии, сосредоточившейся на Сиваше, начнет действовать штурмовая и бомбардировочная авиация 8-й воздушной армии Хрюкина.

— Свяжитесь еще с товарищем Головановым. Пусть дальняя авиация тоже нанесет массированный удар, — посоветовал Сталин и закончил разговор.

Однако вечером следующего дня Верховный снова пригласил к телефону Василевского, продолжил диалог.

— А вы задумывались, товарищ Василевский, над тем, почему нам не удалось ликвидировать вражескую группировку на Никопольском плацдарме?

— Задумывался, товарищ Сталин.

— Почему же, товарищ Василевский, скажите?

— Я считаю, что наши войска действуют в данном случае слишком прямолинейно. Манштейну такая тактика не в новинку. Наша пехота преодолевает обширные топкие приднепровские плавни, что отнимает много времени и требует значительных сил и ресурсов.

— А как, по-вашему, надо действовать?

— Необходимо, чтобы одновременно с наступлением 3-й гвардейской и 5-й ударной армий 4-го Украинского фронта нанесли удар войска 3-го Украинского фронта с севера на Никополь — Марганец через Апостолово. Там Днепр уже форсирован и плавней там нет. Мы должны окружить 1-ю танковую армию в излучине Днепра и уничтожить ее до середины ноября. Кроме того, надо ускорить переход в наступление 2-го Украинского фронта, создать резерв Ставки в районе Мелитополя, пополнить 3-й и 4-й Украинские фронты бронетехникой.

— Хорошо, товарищ Василевский, ваши соображения будут рассмотрены Ставкой. До получения директивы необходимо установить конкретные сроки 4-му Украинскому фронту для реализации всех требований Ставки.

В тот же день представитель Ставки Василевский обязал командующего 4-м Украинским фронтом уплотнить боевые порядки 5-й гвардейской и 5-й ударной армий генералов Лелашенко и Цветаева, нацеленных непосредственно на Никопольский плацдарм.

В начале ноября основной задачей войск 1-го Украинского фронта было освобождение столицы Украины. Ставка торопила с ее быстрейшим решением Ватутина, а он неустанно торопил с этим командования армий. Однако наступление 38-й армии Москаленко на Киевском направлении развивалось относительно медленно.

Чтобы ускорить ход операции, командующий 1-м Украинским фронтом в полдень 4 ноября ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко, 1-й гвардейский кавкорпус Баранова, вторые эшелоны 60-й и 38-й армий. Новые силы коренным образом переломили ситуацию. Когда войска прорвали тактическую оборону противника на всю глубину, Ватутин распорядился, чтобы они продолжали наступление и ночью. Командующий 1-м Украинским фронтом выразился фигурально: «Больше шума, товариши танкисты! Сеять, сеять в стане врага панику!» Командарм 3-й гвардейской танковой конкретизировал этот приказ — танки в темноте должны атаковать с зажженными фарами, включенными сиренами, ведь по противнику беглый огонь из пушек.

На рассвете 5 ноября ударом из глубины 7-й гвардейский танковый корпус ворвался в Святошино, перерезал шоссе Житомир — Киев — важнейшую коммуникацию 4-й танковой армии Гота. А вечером того же дня 167-я стрелковая дивизия Мельникова в районе кинофабрики прорвалась на западную окраину Киева. Чтобы надежно закрепить этот успех, в полдень на этот же рубеж вышел 5-й гвардейский танковый корпус Кравченко. В половине первого ночи 6 ноября над Киевом взвилось победное Красное знамя освобождения.

В Ставку тут же полетела срочная телеграмма: «С величайшей радостью докладываем о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом – столицей Украины, войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи.

Жуков, Ватутин, Крайнюков».

Директива Ставки от 5 ноября объединяла усилия фронтов Юго-Западного направления. 2-й Украинский фронт должен был нанести удар в обход Кривого Рога с запада и во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разгромить Криворожскую группировку противника, выходя на тылы его войск на Никопольском плацдарме.

Одновременно 3-й Украинский фронт продолжал наступление правым крылом севернее Днепропетровска на Никопольскую группировку врага, сдавливая ее вместе с правофланговой 3-й гвардейской армией. Кроме того, войска генерала армии Толбухина продолжали самостоятельную операцию по вторжению в пределы Крыма.

Наступление войск 1-го Украинского фронта юго-западнее Киева продолжало набирать темпы. Воздушная разведка изо дня в день доносила о подходе к району жарких боев все новых вражеских подкреплений. Генерал армии Ватутин хорошо понимал, что в таких быстротечных условиях дорог буквально каждый час, и торопил командармов с организацией плотного преследования отходящего противника на Житомирском, Казатинском и Белоцерковском направлениях, не позволяя ему закрепиться на промежуточных позициях.

Особые надежды командующий 1-м Украинским фронтом возлагал на 3-ю гвардейскую танковую армию. Ей поручалось быстрее очистить от врага Фастов и Васильков, перерезать пути подхода в район Киева свежих подкреплений противника. В боевом распоряжении, которое Ватутин отдал 6 ноября командарму 3-й гвардейской танковой, говорилось: «Фастов занять во что бы то ни стало в кратчайший срок и немедля доставить».

Командарм 3-й гвардейской танковой выделил для выполнения этой задачи 91-ю танковую бригаду Якубовского. Приказ звучал предельно четко: «Не ввязываясь во встречные бои, безостановочно идти на Фастов!» Отважный комбриг точно выполнил поставленную задачу. В ночь на 7 ноября бригада овладела северной окраиной города. Практически одновременно с запада в Фастов ворвался 6-й гвардейский танковый корпус Панфилова. К утру город был полностью очищен от оккупантов. Прервалась железнодорожная связь Киевской и Криворожской группировок противника.

Столь же напористо в направлении Житомира продвигались соединения 38-й армии. Несмотря на то что проливные дожди до-нельзя испортили проезжие дороги, резко сократив подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия, войска генерал-полковника Москаленко рвались вперед через «не могу». За 6 и 7 ноября передовые армейские соединения преодолели свыше пятидесяти километров. Это был сверхвысокий темп наступления.

Завершилась оперативная пауза в полосе наступления Белорусского фронта генерала Рокоссовского. Сосредоточив на Лоевском плацдарме 48-ю, 65-ю, 61-ю армии, 1-й Донской гвардейский и 9-й танковые корпуса, 2-й и 7-й гвардейские кавкорпуса, а также 4-й арткорпус прорыва РВПК, войска Белорусского фронта 10 ноября перешли в наступление на Речицу и Калинковичи.

Ставка пристально следила за ходом Киевской операции. В директиве от 12 ноября она предупредила Ватутина о том, что противник сосредоточивает в районе Фастов – Триполье крупную подвижную группировку, собирает силы для контрудара на Фастов – Киев.

Равновесие сил, поддерживаемое до 14 ноября, круто изменилось на следующий день. За счет перегруппировок и подхода новых сил командующий группой армий «Юг» сколотил южнее Фастова маневренную группировку в составе пятнадцати дивизий, включая семь танковых и одну моторизованную, и 15 ноября бросил ее на Киев. У Житомирского шоссе и Белой Церкви разгорелись жестокие бои. Не устояли и начали отход 38-я и 3-я гвардейская танковая армии генералов Москаленко и Рыбалко.

Ставка немедленно приняла ответные меры. Командующий 1-м Украинским фронтом получил директиву: «Приостановить наступление на Бердичев. Усилить левый фланг 38-й армии на участке Фастов – Триполье танковыми, артиллерийскими и инженерными частями, чтобы не допустить прорыва противника к Киеву с юга».

Вечером 20 ноября в штаб Белорусского фронта позвонил Верховный. Сталин на этот раз не стал расспрашивать Рокоссовского об обстановке в районе Гомеля, а сразу заговорил о предмете своего беспокойства:

– В районе Киева, товарищ Рокоссовский, сложилась крайне неблагоприятная обстановка. Сегодня противник захватил Житомир. Ставку очень беспокоит и судьба столицы Украины Киева. Положение становится угрожающим. Если так пойдет и дальше, то немец может скоро ударить и во фланг войскам вашего Белорусского фронта.

Монолог Верховного получился тревожным, раздраженным. Когда Сталин умолк, Рокоссовский сказал:

– Верховное Командование вермахта, товарищ Сталин, хорошо понимает, что дальнейшие утраты на Украине могут окончатель-

но подорвать позиции Германии и ее союзников. Следовало ожидать, что Манштейн попытается изменить ситуацию и захватить Киев...

— Но мы не можем допустить этого, товарищ Рокоссовский. Киев сдавать ни в коем случае нельзя!

— Конечно нельзя, товарищ Сталин. Ставка должна оказать генералу Ватутину помощь резервами...

Сталин снова прервал собеседника:

— Дело не в резервах. Сил у Ватутина хватает. Ставка уже подкрепила его фронт 1-й гвардейской армией и 25-м танковым корпусом Кузнецова и Аникушкина.

Генерал армии Рокоссовский возразил:

— Генерал Ватутин — опытнейший командующий. Он непременно овладеет ситуацией, нанесет Манштейну решающее поражение.

Но Сталин, будто не слышал последних слов командующего Белорусским фронтом, вдруг заявил:

— У Ставки есть предложение, товарищ Рокоссовский, направить вас на 1-й Украинский фронт в качестве своего представителя. Как вы на это смотрите?

— Но у генерала Ватутина в качестве представителя Ставки находится маршал Жуков, товарищ Сталин?!

— Жуков готовит операцию на 2-м Украинском фронте, и отвлекать его оттуда я считаю нецелесообразным.

— Я готов выполнить поручение Ставки, товарищ Сталин, — подчинился генерал армии Рокоссовский.

Прихватив с собой командующего артиллерией фронта Казакова, Рокоссовский в тот же день выехал в Пуща-Водицу, в штаб 1-го Украинского фронта.

Совместный анализ обстановки командующими Белорусским и 1-м Украинским фронтами показал, что при сложившемся соотношении сил контрудары войск группы армий «Юг» реальной угрозы ни для Киева, ни для левого фланга Белорусского фронта не представляют.

Рокоссовский предложил Ватутину нанести контрудар по противнику. Всякий риск, по его мнению, исключался. В затылок друг другу стояли 3-я гвардейская и 1-я танковые армии Рыбалко и Катукова, 5-й гвардейский и 25-й танковые корпуса Кравченко и Аникушкина.

23 ноября Рокоссовский позвонил в Ставку, доложил об обстановке и о проделанной работе. В заключение он попросил разрешения вернуться на Белорусский фронт. Сталин приказал донести о работе шифровкой.

В тот же день представитель Ставки Рокоссовский направил в Москву требуемое донесение, а утром 24 ноября в Пуща-Водицу

поступила телеграмма, разрешающая ему вернуться на Белорусский фронт.

Когда Антонов вошел в кабинет Верховного, там уже находились члены Политбюро ЦК и Ставки. Сталин поднялся с дивана, предложил «генштабисту» начинать доклад об обстановке на фронтах.

В отточенных формулировках «генштабиста» никто не уловил тревоги за положение наших войск под Невелем и в районе Киева. Антонов особо оговорился, что наступление противника на Фастовском направлении и у Белой Церкви в данный момент остановлено.

В кабинете Верховного на этот раз царило какое-то скрытое-приподнятое настроение и вопросов к докладчику последовало совсем немного. Stalin задал только один, но существенный вопрос. Он попросил Антонова уточнить количество дивизий противника на советско-германском фронте и на фронте наших союзников.

Когда «оперативки» уже были аккуратно уложены в «секретный портфель» и первый заместитель начальника Генштаба попросил разрешения у Верховного об убытии на «Фрунзенскую», Stalin вдруг распорядился:

— Передайте Штеменко, товарищ Антонов, чтобы он вместе с опытным шифровальщиком и оперативными картами приготовился к длительной командировке. В пути он будет докладывать мне об обстановке на фронтах. В Генштабе, кроме вас, никто не должен знать о моем отъезде из Москвы. Поезд отходит сегодня ночью.

Около трех часов ночи 25 ноября специальный поезд Верховного отошел от кунцевской платформы и, обогнув Москву по «кольцевой», устремился на юг, через Миасс, Сталинград и Махачкалу в Баку. Далее, на самолете «Си-47», ведомом полковником Грачевым, Stalin в сопровождении Молотова, Берии и Ворошилова утром 27 ноября вылетел в Тегеран...

Фронтовые операции сорок третьего плавно перешли в сорок четвертый. Но оперативно-стратегический план на зимне-весеннюю кампанию, рассмотренный в конце декабря, продолжал уточняться по каждой операции. Никогда до этого Верховный не проявлял в этом отношении столь «дотошной щепетильности», то и дело созываясь с Жуковым и Василевским, Генштабом.

После победного салюта в честь освобождения Житомира 1 января Верховный позвонил командующему 1-м Украинским фронтом Ватутину. Поздравив его войска с освобождением важного областного центра Украины, Stalin поставил проблематичный вопрос:

— Скажите, товарищ Ватутин, можно надеяться, что после освобождения Новгород-Волынского, войска вашего фронта продол-

жат успешное наступление на Ровно и Луцк? Сил для этого у вас хватит?

— Конечно можно, товарищ Сталин, — ответил «генерал наступления». — Но я ожидаю успешных действий в полосе прорыва 40-й армии. Командарм Жмаченко только что доложил, что его войска обошли Белую Церковь западнее и наступают на Жашков. Открываются хорошие перспективы.

— Значит, разрыв между 4-й танковой и 8-й армиями немца увеличился еще больше? — уточнил Верховный.

— Разрыв превысил сто километров. Открывается возможность окружить Каневскую группировку противника силами 1-го и 2-го Украинских фронтов.

— Сейчас 2-й Украинский фронт занят подготовкой Кировоградской операции, а затем Ставка уточнит задачи войскам генерала Конева, — возразил Верховный и снова спросил: — А как держится чехословацкая бригада, товарищ Ватутин?

— Маршал Жуков вчера знакомился с ее боевой работой на Белоцерковском направлении и остался очень доволен. Уверенно действует ее командир генерал Свобода.

— Понятно. В Ставке сложилось твердое мнение, товарищ Ватутин, что вам следует усилить Житомирское направление и быстрее освободить Бердичев. Потребуйте от командующего 1-й танковой армией Катукова более энергичных действий. Повысить темпы наступления должна и 18-я армия Леселидзе. Надо быстрее выходить к Виннице и Жмеринке, чтобы перерезать пути отхода крупной немецкой группировки с юга Украины.

— В докладе разведотдела фронта, товарищ Сталин, указывается, что восточнее Умани Манштейн сосредоточивает 1-ю танковую армию. Не намеревается ли он вновь нанести сильный танковый удар в направлении Киева?

— Такой отчаянный вариант возможен. Ставка проверит это донесение. Но в ближайшие дни переходят в наступление 2-й и 3-й Украинские фронты, и немцу придется больше думать об обороне, а не о контрударах. Поэтому продолжайте действовать по утвержденному плану, товарищ Ватутин, — закончил разговор Верховный.

В ночь на 6 января Ватутин доложил в Ставку об освобождении от врага Бердичева и Тараши. Верховный поздравил командующего 1-м Украинским фронтом с этим успехом, сообщил, что утром в этот же день перешел в наступление 2-й Украинский фронт на Кировоградском направлении. Теперь все внимание Ставки вновь было приковано к развитию событий на Украине от Сарн до Херсона.

Охватывая Кировоград с севера и юга, 5-я и 7-я гвардейские армии Жадова и Щумилова в первый же день операции, 5 января,

продвинулись в глубину обороны 8-й армии Велера до двадцати километров. Поскольку наибольший успех наметился в полосе наступления 5-й гвардейской армии, то командующий 2-м Украинским фронтом Конев перебросил на это направление еще и 8-й механизированный корпус Хасина. Жуков, прибывший на КП Ротмистрова, поддержал это решение Конева.

Через сутки 7-й и 8-й механизированные корпуса, развивая наступление на Грузинское, перерезали шоссейную и железную дороги Новоукраинка — Кировоград у разъезда Лелековка. Одновременно 18-й танковый корпус Полозкова на юго-западе продвинулся до Новопавловки, перерезал шоссейную дорогу Ровное — Кировоград. Оперативное окружение вражеской группировки в Кировограде завершилось. Бои за город продолжались еще более суток. 8 января Кировоград был полностью очищен от оккупантов.

Вечером 11 января Ватутин, упервшись руками в «оперативку», внимательно слушал доклад начальника разведки Виноградова. Приведенные им данные лишний раз убеждали, что не только Манштейн, но и Верховное Командование вермахта ломает голову над тем, как остановить прорыв его войск, чреватый катастрофическими последствиями для групп армий «Юг» и «А». К исходу дня 11 января 1-я танковая, 38-я и 40-я армии продвинулись на дальние подступы к Виннице, Жмеринке, Христиновке, в направлении Умани и Звенигородки, охватывая Каневскую группировку противника.

Ватутин продолжил свое рассуждение: «А нам следует ждать от Манштейна какого-нибудь сюрприза. И, видимо, скоро, потому что Жмеринку ему необходимо удерживать до последней возможности. Это его важнейшая коммуникация.

В тот же вечер, 11 января, маршал Жуков доложил свои соображения Верховному. Сталин согласился с доводами своего заместителя не сразу.

— Если немец в разгар встречного наступления двух наших фронтов на Шполу нанесет сильный танковый контрудар в направлении Погребище — Белая Церковь, то и здесь может повториться недавняя ситуация у Ахтырки. Судьбу сражения под Харьковом прошлым летом решил Степной фронт. Теперь таких резервов мы не имеем.

— У нас есть возможность упредить противника с ударом, товарищ Сталин. Я имею в виду первый этап операции по окружению группы армий 8-й и 1-й танковой армий врага на каневском выступе. Наши войска обоих фронтов находятся в исходном положении. Удар будет для противника неожидан и продлится не более трех дней.

— Состав группировки немца в районе Корсунь-Шевченковского уточнен нашими разведорганами, товарищ Жуков? — колебался Верховный.

— Получены подтверждения на десять дивизий. Установлена принадлежность девяти пехотных дивизий и танковой дивизии СС «Викинг» к 11-му и 42-му армейским корпусам.

— А что вы думаете о возможных действиях окруженной группировки? Будет ли она удерживать позиции у Днепра или сразу пойдет на прорыв?

— Я уверен, товарищ Сталин, что Гитлер вновь, как и в Сталинграде, не позволит окруженным войскам оставить позиции на Днепре и пообещает им спасение прорывом извне в случае замыкания кольца. Вот тогда весь свой танковый резерв фон Манштейн и бросит на Звенигородское направление. Мы же противопоставим ему силу трех танковых армий — 2-й, 6-й и 5-й гвардейской. Разгромив на этом направлении группу армий «Юг», войска Ватутина и Конева до конца февраля выйдут на рубеж Южного Буга. Срез «Каневского выступа» позволит сократить фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Жуков убедил Верховного. Он спросил:

— Когда вы планируете начать наступление?

Представитель Ставки назвал точные сроки:

— Выдвижение резервов в исходные районы займет не менее двух недель. Учитывая различные расстояния до пункта встречи, генерал Конев начнет операцию 25 января, а Ватутин — сутки спустя.

— Хорошо. Ставка озадачит фронты своей директивой. Передайте командующим 1-го и 2-го Украинских фронтов об утверждении их планов.

Как Верховный и обещал маршалу Жукову, в директиве от 12 января Ставка потребовала от Ватутина и Конева в кратчайший срок окружить и уничтожить группировку противника на «Каневском выступе» путем наступления левого крыла 1-го и правого крыла 2-го Украинских фронтов по сходящимся направлениям на Шполу.

Нанеся поражение 18-й армии Линденмана на флангах, у Ропши и Новгорода, войска Ленинградского и Волховского фронтов создали благоприятные условия для всеобщего наступления на «Мгинско-Чудовской дуге» от Копорского залива до озера Ильмень. Операцию по сковыванию сил 16-й армии Ганзена у Новосокольников продолжал 2-й Прибалтийский фронт Полова.

Придавая исключительное значение полному снятию блокады Ленинграда, Ставка утвердила 22 января предложения Военного совета Ленинградского фронта на дальнейшее ведение наступательной операции. Планом предусматривалось: овладеть Гатчиной, освободить участок Октябрьской железной дороги до Тосно, отрезать пути отхода на запад Тосненско-Любаньской группировке врага.

В конце января наступательная инициатива наших войск вновь переместилась на юго-западное направление. 24 января, когда 42-й армия Масленникова, южнее Ленинграда, освободила от оккупантов Пушкин и Павловск, в наступление с рубежа Вербовка — Васильевка на Шполу и Звенигородку перешли войска 2-го Украинского фронта.

26 января, с рубежа Кошеватое—Тыновка перешел в наступление на Звенигородку и Шполу 1-й Украинский фронт Ватутина. У основания «Каневского выступа» разгорелись упорные бои.

Победно развивалась обстановка на Северо-Западном направлении. 2-я ударная армия Федоринского 26 января освободила Гатчину, 27 — Волосово. В эти же дни 54-я армия Рогинского, в полосе Волховского фронта, прорвалась к Октябрьской железной дороге, а 59-я армия Коровникова перерезала у Батецкого железнодорожную линию Ленинград — Дно. С освобождением Любани и Чудова восстанавливалась связь между Ленинградом и Москвой по Октябрьской железной дороге. Так, 27 января была окончательно ликвидирована девятисотдневная блокада нашей северной столицы.

В ночь на 27 января 20-й и 29-й танковые корпуса Лазарева и Кириченко из состава 5-й гвардейской танковой армии освободили от врага Шполу. С целью повышения темпов наступления на Звенигородку, Ротмистров ввел в сражение 18-й танковый корпус Полозкова.

Хорошо понимая, что в районе Умани Манштейн сосредоточивает значительные силы для нанесения контрудара, представитель Ставки Жуков потребовал от командующих 1-м и 2-м Украинскими фронтами Ватутина и Конева неотложных мер по укреплению внешнего фронта окружения. Чтобы отразить контрудар врага, Ставка усилила 6-ю танковую армию Кравченко 47-м стрелковым корпусом, а 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова — 49-м стрелковым корпусом и 5-й инженерной бригадой.

В Корсунь-Шевченковском «котле» оказались: войска 11-го и 42-го армейских корпусов, танковая дивизия СС «Викинг» и моторизованная бригада СС «Валлония» с частями усиления. Окруженная группировка имела в своем составе восемьдесят две тысячи солдат и офицеров, тысячу шестьсот орудий и минометов, двести семьдесят танков.

К исходу 8 февраля по поручению Ставки окруженному противнику через командира Стеблевского участка Фукке был вручен ultimatum. Однако командир 42-го армейского корпуса Штреммерман отклонил его. Сражение на внутреннем и внешнем фронтах разгорелось с новой силой. Немецкие войска не только не прекратили сопротивление, но и с еще большим ожесточением атаковали наши позиции, не считаясь с огромными потерями личного состава и боевой техники.

В середине дня 12 февраля Жукову позвонил Верховный и с раздражением спросил:

— Мне только что доложил Генштаб, товарищ Жуков, что у Ватутина ночью противник прорвался из района Шендеровки в Хилки и Новую Буду. Вам известно об этом факте?

— Нет, неизвестно, товарищ Сталин.

— Проверьте и доложите, товарищ Жуков.

В то время пока Жуков «выяснял истину», Верховный позвонил генералу Коневу:

— Товарищ Конев, мы огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружена крупная группировка немца. А Генштаб только что доложил мне о том, что немец прорвал оборону 27-й армии и уходит на Лисянку.

В противовес раздраженной интонации в голосе Верховного, Конев спокойно доложил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин, окруженный противник никуда не ушел и не уйдет. В район прорыва врага у Лисянки выдвинуты две бригады 5-й гвардейской танковой армии и 5-й гвардейской кавкорпус. Задачу — загнать противника снова в «котел» — они выполняют успешно.

Голос Верховного тотчас смягчился:

— Вы сделали это, товарищ Конев, по своей инициативе? Ведь этот участок прорыва находится за разграничительной линией фронтов?

— Да, по своей, товарищ Сталин. Я знаю, что 27-я армия Трофименко крайне ослаблена в предыдущих боях и поэтому нуждается в подстраховке.

— Что ж, это хорошая инициатива, товарищ Конев. Мы посоветуемся в Ставке по поводу дальнейших действий, и я позже вам позвоню, — закончил разговор Верховный.

Представитель Ставки Жуков вышел на связь с Москвой уже после разговора Верховного с Коневым. Он сообщил о принятых мерах по разгрому вражеской группировки.

Верховный возразил:

— Конев предложил поручить ему руководство внутренним фронтом по ликвидации окруженной группировки немца, а руководство на внешнем фронте поручить Ватутину. Что вы скажете по этому поводу, товарищ Жуков?

— Скажу, что это не лучший вариант. Разгром находящейся в «котле» группировки противника дело трех-четырех ближайших дней, — заявил маршал Жуков. — Передача управления 27-й армии 2-му Украинскому фронту может затянуть ход операции.

— Хорошо, — сказал Верховный. — Пусть Ватутин займется продолжением Ровно-Луцкой операции, а вы возьмите на себя ответственность по укреплению внешнего фронта, чтобы не допустить прорыва немца из Лисянки в сторону «котла».

Однако 12 февраля Жуков получил директиву Ставки о возложении на Конева руководства всеми войсками, действующими против Корсунь-Шевченковской группировки на внутреннем фронте, и о подчинении ему 27-й армии Трофименко. На Жукова возлагалась координация действий войск смежных фронтов по недопущению прорыва противника извне, со стороны Звенигородки.

Удары войск 2-го Украинского фронта с каждым днем нарастали по всему периметру Корсунь-Шевченковского «котла». К 16 февраля вся территория, удерживаемая блокированной группировкой, сократилась до трехсот квадратных километров. Понимая всю безысходность положения окруженных, командующий группой армий «Юг» Манштейн разрешил Штеммерману бросить всю боевую технику, кроме танков, и прорываться в район Лисянки.

В ночь на 17 февраля в окрестностях Шендеровки разыгралась снежная пурга. Видимость сократилась до двадцати метров. В этих условиях окруженные войска тремя колоннами, без единого выстрела двинулись на прорыв внутреннего кольца. Их натиск приняли на себя 27-я и 4-я гвардейская армии.

Командующий 2-м Украинским фронтом Конев, находясь на передовом КП, приказал 18-му и 29-му танковым корпусам, 5-му гвардейскому кавкорпусу наступать навстречу друг другу, уничтожить противника. Под ураганным огнем артиллерии и танков колонны врага перемешались. К полдню 17 февраля все было кончено. Точку в сражении под Шендеровкой поставили пехотинцы и кавалеристы.

По завершению Корсунь-Шевченковской операции, 17 февраля, возобновил наступление на Криворожско-Никопольском направлении 3-й Украинский фронт. Несмотря на сильный буран, гололед и ограниченную видимость, 5-я ударная армия генерала Цветаева переправилась на правый берег Днепра и продвинулась вперед в направлении Березнеговатого, охватывая город с севера и с юга.

В полдень 18 февраля командующий 2-м Украинским фронтом Конев позвонил в Ставку, доложил о завершении Корсунь-Шевченковской операции.

Верховный не задал генералу Коневу ни одного вопроса и, поздравив его с успехом, сказал:

— У правительства, товарищ Конев, есть мнение присвоить вам очередное воинское звание. Как вы на это смотрите? Можно вас поздравить?

Генерал армии Конев искренне поблагодарил:

— Спасибо за доверие, товарищ Сталин.

— В Ставке есть соображение, товарищ Конев, ввести новое воинское звание «Маршал бронетанковых войск», — продолжил Верховный. — Каково ваше мнение на сей счет?

— Я отношусь к этому положительно, — вновь согласился Конев и добавил: — Позвольте, товарищ Сталин, представить к этому званию командующего 5-й гвардейской танковой армией Ротмистрова, который проявил себя в Корсунь-Шевченковской операции с самой лучшей стороны.

— Представление принимается, товарищ Конев. Я думаю, что такое звание мы присвоим еще и товарищу Федоренко, — закончил разговор Сталин.

Двадцать шестая годовщина Красной Армии и Военно-Морского Флота ознаменовалась крупным успехом 3-го Украинского фронта генерала Малиновского, который завершил Никопольско-Криворожскую операцию, освободив от оккупантов Кривой Рог.

Для развития успеха на Ковельском направлении Ставка образовала 2-й Белорусский фронт во главе с генерал-полковником Курочкиным.

2

Поистине «ахиллесовой пятой» становился ноябрь для гитлеровского командования. 3 ноября оно пропустило «нокаутирующий удар» русских с Лютежского плацдарма. Манштейн усиленно укреплял позиции против их прорыва с Букринского плацдарма и уверенно доносил в Главную Ставку, что с юга противнику не пройти, и Киев находится в полной безопасности. К исходу 4 ноября Манштейн увидел, что крупно просчитался, но кому было доложить о назревающей катастрофе, если Гитлер уже отправился в Мюнхен на ежегодную встречу «старых борцов»?

5 ноября, в заключение мероприятий в Мюнхене, перед рейхсляйтерами и гауляйтерами выступил Гитлер. Лейтмотивом его «откровенной речи» стал лозунг: «Дать фронту миллион человек! Прочесать Ѣл! Мобилизовать всех, кого возможно! Восток требует пополнений!»

Вечером 8 ноября Гитлер потребовал от Манштейна немедленно нанести контрудар у Фастова. Но «маститый стратег» упредил приказ фюрера. Утром 4-я танковая армия Гота, силами четырех танковых и одной моторизованной дивизий, перешла в наступление на Киев. Танковое сражение на рубеже Триполья продолжалось до 12 ноября, но оказалось безуспешным. Гитлер не уступал. Он потребовал от Манштейна продолжать наступление. 15 ноября более мощная группировка в составе уже пятнадцати дивизий, включая семь танковых и одну моторизованную, вновь нанесла удар в направлении Киева из района Житомир — Корчин.

В это же время, получив в подкрепление 9-ю и 23-ю танковые дивизии, пять пехотных и 76-ю пехотную дивизию из Франции,

продолжала атаковать позиции 2-го Украинского фронта в районе Знаменки 1-я танковая армия генерала Хубе. Ее главной задачей являлся обязательный прорыв к Днепропетровску и в Донбасс.

Оперативные совещания в Главной Ставке 17 и 18 ноября отличались утверждением новых надежд. Генерал Цейтцлер упирал на прорыв 4-й танковой армии на Киевском направлении и уклончиво характеризовал обстановку на менее благоприятных участках. Он доложил Главному ОКХ 17 ноября об утрате позиций группой армий «Центр» в районе Гомеля и сдаче Речицы.

Гитлер пассивно воспринял это сообщение и всплошился только тогда, когда «генштабист» заявил, что прорыв русских к устью Березины представляет для 2-й армии Шмидта реальную угрозу того, что вскоре она окажется в «мешке», поскольку севернее Гомеля в направлении на Шатилки наступала 48-я армия Романенко.

Приходилось Цейтцлеру говорить и о трудностях в группе армий «Юг». На совещании 19 ноября в центре внимания «Вольфшанце» оказался вопрос о потерях бронетанковых войск. Донесения ужасали — за последнюю декаду 1-я танковая дивизия потеряла тридцать процентов машин. Еще большими оказались потери в 25-й танковой дивизии: Т-V «Пантера» — шестьдесят, Т-VI «Тигр» — тридцать процентов! Половина из них — уничтожена противотанковой артиллерией. Гитлер приказал начальнику Генштаба ОКХ захватить и показать ему 57-мм противотанковую пушку большевиков.

Риббентроп пожаловал в Главную Ставку 21 ноября с важнейшим сообщением: у него нет сомнений в том, что назначенная на ноябрь конференция «Большой тройки» состоится где-то на Ближнем Востоке! Этот факт подтверждался донесениями из Анкары фон Папена.

Риббентроп начал без обиняков:

— Мой фюрер, полученные мной телеграммы подтверждают наши предположения о готовящейся встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля. Превентивные действия Иранского правительства в отношении наших сотрудников указывают на то, что проведение встречи возможно на территории Ирана. В Каире отсутствуют представители СССР. Остановка Рузвельта и Черчилля в Египте не есть конечная точка. Мною отданы необходимые распоряжения дипломатическому персоналу.

Гитлер поднялся из-за стола, словно нехотя повернулся к «первому дипломату рейха», спросил:

— Значит, сроки и точное место проведения конференции остаются пока неизвестны?

— Неизвестны, мой фюрер. Я уже говорил об этом.

Гитлер задумчиво продолжил свою мысль:

— Ответ на этот вопрос мы получим несколько позже. Появится декларация, возможно, другие незначительные открытые соглашения. Нас же, Риббентроп, будет интересовать суть неопубликованных документов. Получить хотя бы их копии — вот в чем будет состоять ваша главная задача. Мы продолжаем мобилизацию солдат, чтобы закрыть бреши на Восточном фронте. А вы, Риббентроп, мобилизуйте своих агентов на то, чтобы я располагал сведениями о намерениях большевиков и их союзников. Не сомневаюсь, они будут касаться уже планов следующего года. Это очень важно.

— Мой фюрер! Принимаются экстренные меры. Наш «турецкий агент»² получил соответствующие указания.

— Денег, Риббентроп, не жалеть. Вся информация такого рода с лихвой окупается на фронтах. Предательство Италии не воспринималось бы нами сегодня столь болезненно, если бы я вовремя получил сообщение о готовящемся перевороте Бадольо.

— Муссолини сам виноват в том, что оппозиционерам так легко удалось отстранить его от власти и даже арестовать, — возразил «первый дипломат рейха» и тут же добавил: — Впрочем, мой фюрер, я хотел бы вас предупредить, что сходные перемены могут произойти в ближайшее время в Венгрии и Румынии.

— Я не допущу этого! — истерично взорвался Гитлер. — Без румынской нефти мы окажемся не в состоянии вообще сопротивляться большевикам! Я немедленно прикажу 17-й армии оставить Крым, переброшу ее в Румынию и она станет оборонять Плоешти. В этом вопросе я буду непреклонен!

22 ноября фюрер тоже посвятил предстоящей конференции союзников. На этот раз он принимал в Главной Ставке Канаариса. Руководитель армейской контрразведки прибыл с докладом по операции под кодовым названием «Дальний прыжок». Ее возглавлял «блестательный похититель» Муссолини штурмбаннфюрер СС Скорцени.

Канаарис доложил Гитлеру:

— В помощь внедрившимся в Иране группам агентов СС Шульце и Майера только что в районе Шираза десантирована группа диверсантов во главе со штурмбаннфюрером СС Мерцем. Они полностью обеспечены радиопередатчиками, оружием и бомбами. Подготовку к операции все члены группы Мерца прошли в Копенгагенской диверсионной школе полковника Скорцени. Лицно я, мой фюрер, не сомневаюсь в успехе предпринимаемой акции, которой суждено изменить весь ход мировой войны...

Фронтовые успехи 4-й танковой армии были под стать «восхитительным надеждам». Прорыв обороны 1-го Украинского фронта позволил группе армий «Юг» захватить Фастов, Черняхов, Жито-

мир, Радомышль. 24 ноября ее войска оказались в шестидесяти километрах от Киева. В «Вольфшанце» воцарилась победная эйфория. Появилась уверенность, что Манштейн сокрушит русских под Киевом и положит начало другим победам вермахта. Для развития успеха на Киевском направлении в этот же день Главком ОКХ решил двинуть на Восточный фронт 3-й танковый корпус СС из Греции.

Но первый день сорок четвертого не порадовал «Вольфшанце». Русские продолжали теснить позиции 16-й армии Ганзена у Невеля и 3-й танковой армии Рейнгардта на Витебском направлении. Особые тревоги вызывала ситуация в районе Киева. Командующий группой армий «Юг» принял, казалось, чрезвычайные меры, чтобы остановить прорыв войск 1-го Украинского фронта, но не смог справиться с этой задачей. Доклад о сдаче Житомира прозвучал в «Вольфшанце» на сутки позже, только 1 января, Новгород-Волынского — 4 января.

Гитлер оторвал взгляд от карты, спросил:

— Сдан Новгород-Волынский. Что дальше — Ровно или Шепетовка?.. До сих пор, Цейтцлер, вы ничего не сказали о положении у Белой Церкви. В данный момент, насколько я понимаю, это самый близкий к Киеву город, underживаемый генералом Раусом?

— Мой фюрер, в отношении Белой Церкви вы совершенно правы, но я хотел бы вернуться к положению в группе армий «Юг». Русские имеют в виду захватить не только Ровно, но также Луцк и Львов.

— Но этого нельзя допустить, Цейтцлер! Советы прорвутся к границам Польши и Чехословакии. Изменится положение Румынии. Будет разорван фронт групп армий «Центр» и «Юг». Передайте Бушу и Манштейну, Цейтцлер, мой последний приказ: «На Ровенском направлении не отходить!»

— Мой фюрер, Манштейн крайне озабочен ситуацией в предместьях Белой Церкви. Я только что получил его доклад о том, что русские обошли город западнее. Их танки у Жашкова. Разрыв между 4-й танковой и 8-й армиями превысил сто километров. Нарастает опасность для нашей группировки у Канева. Я бы предложил спрятать фронт по линии Жашков — Смела и укрепить новые позиции.

Гитлер решительно возразил:

— Ваше предложение о спрятывании фронта у Кировограда, Цейтцлер, на самом деле представляет откровенный отход. Раньше подобные уловки удавались Клюге. Теперь и вы встали на этот путь. Но я запрещаю войскам отходить. Я считаю, что в группе армий «Юг» достаточно сил, чтобы закрыть имеющиеся бреши у Ровно, Бердичева и Белой Церкви. Отход на одном участке неизбежно повлечет за собой сходные действия на соседних участках. Мне уже

ясно, что порыв большевиков иссякает. Они не могут бесконечно наступать!

— Мой фюрер, замечена концентрация красных в районе Кировограда. Очевидно, они предпримут прорыв на стыке 8-й и 6-й армий, — вставил реплику «оператор ОКХ» Хойзингер.

Гитлер бросил взгляд на карту, согласился:

— Вы угадали мои тревоги, Хойзингер. Прорыв Советов на Первомайск допустить нельзя. У них может возникнуть соблазн полностью отрезать группировку фон Клейста в большой излучине Днепра.

— Мой фюрер, если русские предпримут прорыв на Первомайск, то нам придется бросить 1-ю танковую армию, — смело предложил Цейтцлер.

— Если фельдмаршал Манштейн доложит нам о сдаче Жашкова, Цейтцлер, то сразу придется искать новые решения и закрывать резервами эту брешь, — вяло и неопределенно высказался Гитлер...

Совещание не приняло и на этот раз никаких конкретных решений. Между тем в «Вольфшанце» поступил доклад фон Манштейна о сдаче Бердичева и Тараси, а также о прорыве 2-го Украинского фронта в направлении Кировограда.

В полдень 7 января в Главную Ставку прибыл «главный пропагандист рейха» Геббельс. Разговор «старых соратников» закончился ничем. Фюрер признал положение в России серьезным, но упорно отстаивал свое мнение, что Сталин ни на какие переговоры с рейхом не пойдет.

Единодушия они достигли в оценке действий высшего генералитета. Отступают войска Кюхлера у Петербурга. Это еще можно понять и объяснить оттоком сил из группы армий «Север». Но бездарные действия Клюге и Манштейна в операции «Цитадель» ни чем объяснить нельзя.

10 января в Главную Ставку поступила депеша командующего группой армий «Запад» фельдмаршала Рунштедта. Опираясь на агентурные данные относительно Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, он информировал ОКВ о ходе подготовки союзников к вторжению на континент. Впечатляюще прозвучал его вывод о возможности высадки десанта в ближайшее время.

Вечером 16 января, когда к атакам русских у Рогши и под Новгородом добавились атаки войск Волховского фронта на Любанинском направлении, командующий группой армий «Север» фон Кюхлер позвонил в «Вольфшанце»:

— Мой фюрер, опасные прорывы русских в направлении Красного Села и Любани делают бессмысленным удержание позиций в районе Мги. Отвод 50-го и 26-го армейских корпусов на отсечные

позиции по линии Гатчина—Вырица—Чудово почти вдвое сократит протяженность фронта и позволит задержать их наступление на Лугу.

Главком ОКХ резко возразил:

— Мне надоели эти просьбы об отходах, Кюхлер. Вначале вы отошли с Пулковских высот. Теперь то же самое происходит на Волхове. Прорыв на Ладогу приходится исключить. Я не знаю, как поведут себя в этом случае финны. К тому же, Кюхлер, ОКВ совершенно лишено резервов.

— Огонь корабельных батарей у Пулково был невыносим, мой фюрер. Высоты пришлось оставить, чтобы вывести войска из зоны досягаемости дальнобойной артиллерии красных.

— Вы только что доложили мне, Кюхлер, о прорыве Советов на Любань, и мне надо уяснить складывающуюся ситуацию в вашей группе армий.

— Русские наступают, мой фюрер, имея более чем двойное превосходство в силах.

— Группа армий «Юг» Манштейна переходит в наступление, фон Кюхлер, и я не могу снять с Киевского направления ни одной дивизии.

— Тогда мои войска обречены, — непроизвольно проронил командующий группой армий «Север» Кюхлер. — Я не смогу наличными силами отразить их танковый налёт на Красное Село и у Чудова.

— Если контрудар у Жашкова войск группы армий «Юг» окажется успешным, фон Кюхлер, то можете быть уверены, что к вам придет облегчение.

Тревоги Кюхлера были не напрасны. В ночь на 21 января начали отход от Пушкина и Мги 54-й и 26-й армейские корпуса. Фронт группы армий «Север» повсеместно попятился от Петербурга. В это же время нарастали трудности в полосе обороны 43-го армейского корпуса у Новосокольников.

Главная Ставка торопила Манштейна с контрударом на Киев. Но 24 января под основание «Каневского выступа» ударил 2-й Украинский фронт. Все попытки командарма 8-й Велера остановить прорыв противника не привели к успеху.

Несмотря на обострение обстановки на флангах Восточного фронта, под Петербургом и на Украине, 26 января в Главной Ставке обсуждался доклад Йодля о подготовке оккупации Румынии.

Только 27 января фон Манштейн доложил, наконец, в «Вольфшанце» о переходе в контрнаступление 1-й танковой армии Хубе у Винницы. Одновременно, под основание прорыва 2-го Украинского фронта, были нанесены встречные удары: со стороны Смели — силами двух пехотных и танковой дивизии СС «Викинг», со стороны Канижка — силами 3-й, 11-й и 14-й танковых дивизий.

Внешне оперативное совещание 28 января мало чем отличалось от предыдущих. Виртуозно слаживая «острые углы» на флангах, начальник Генштаба ОКХ бойко докладывал о стабильном положении в центре, на Витебском и Бобруйском направлениях. У Шепетовки и Бердичева для Цейтцлера тоже не произошло ничего особенного. И на фронте 6-й армии Холлидта в большой излучине Днепра результаты были «вполне удовлетворительные».

Наконец, каневский выступ. Не без внутренней борьбы Цейтцлер вдруг растерянно выпалил:

— А здесь, мой фюрер, они внутри.

— То есть как «они внутри»? — опешил Гитлер.

— Да, мой фюрер, здесь танки большевиков прорвались к Звенигородке, — сказал Цейтцлер.

— Какая неприятная история, — уныло отреагировал Верховный Главнокомандующий и тут же воскликнул: — Этого бы не произошло, если бы Манштейн имел на опасном участке дивизион штурмовых орудий!

В ночь на 28 января командующий группой армий «Юг» доложил в «Вольфшанце», что танковые клинья русских сомкнулись у Звенигородки.

Оперативное совещание 30 января выдалось бурным. Сообщение о том, что Манштейн подтягивает из-под Кировограда 3-ю, 11-ю и 14-ю танковые дивизии и вот-вот нанесет контрудар в районе Ерок, не на шутку распалило Гитлера.

— Создается впечатление, Цейтцлер, что Манштейн стягивает к участку намечаемого прорыва все танковые силы, которые имеются в его группе армий. Но каким образом в таком случае он намерен остановить Советы у Шепетовки? — Главком ОКХ сердито ткнул пальцем в «оперативку».

— Мой фюрер, — Цейтцлер вплотную подошел к столу, — ваше замечание справедливо. Но Манштейн надеется получить танковый корпус с Запада и им прикрыть Шепетовское направление.

— Аппетиты Манштейна несоизмеримы возможностям ОКВ, Цейтцлер! — бросил Гитлер. — И вы должны были прямо заявить ему об этом. Впрочем, Йодль, я прошу вас подтвердить: командующий группой армий «Юг» получил от нас все, что просил. Но перемен на его фронте нет.

— Мой фюрер, — возразил Йодль, — ни я, ни Манштейн не допускали мысли, что русские все наличные резервы перебросят на Украину.

Гитлер живо повернулся в сторону Йодля:

— Ваш вывод, Йодль, не столь безупречен, как это может показаться на первый взгляд. Если все имеющиеся резервы русские бросили против группы армий «Юг», то за счет каких сил, скажите, они отбрасывают войска фон Кюхлера от Петербурга?

— Этот результат, мой фюрер, предопределен не наличием у Советов новых резервов, а тем, что мы сами изъяли из группы армий «Север» все танковые силы, — не сдержался начальник Генштаба ОКХ. — Суровая зима сковала болота, и их танки перешли в наступление у Любани, Чудово и Новгорода. Мы поступили слишком опрометчиво и...

— Кто это «мы», Цейтцлер? — зычный голос Гитлера прервал «гештабиста» на полуслове. — На оперативных совещаниях я лишь утверждаю коллективные предложения. К тому же они плохо выполняются командованием групп армий.

— Но русские продолжают удерживать инициативу, — вмешался в дискуссию Хойзингер.

— Вот мы и должны ее, наконец, перехватить, Хойзингер, в весеннюю распутицу, когда большевики вынуждены будут остановиться, — решительно возразил Гитлер. — Но я все больше сомневаюсь в возможностях фон Кюхлера выполнить эту задачу. Прорыв «Северного вала» грозит нам катастрофой. Русские овладеют Прибалтикой и окажутся у границ Германии. В командование группой армий «Север» я решил назначить генерал-полковника Моделя. Немедленно передайте этот мой последний приказ, Цейтцлер, в войска.

Генерал-полковник Модель не задержался с вступлением в должность. Но 18-я армия Линденмана продолжала безостановочный откат к Нарве, Луге и Шимску. Преследуя 26-й армейский корпус, 3 февраля русские форсировали Нарву и вторглись в Эстонию.

Главком ОКХ позвонил генералу Моделю и, выслушав его объяснения по этому поводу, приказал установить вдоль западного берега Нарвы и Чудского озера сплошные минные поля, чтобы не допустить прорыва русских в направлении Таллина и Пярну.

Ситуация вокруг Корсунь-Шевченковского «котла» продолжала доминировать над всеми другими коллизиями в России. 3 февраля, когда непрерывные атаки авиации Советов остановили 1-ю танковую армию Хубе у Лисянки, Гитлер направил в адрес командира 42-го армейского корпуса генерала Штеммермана телеграмму: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из «котла», а пока держитесь до последнего патрона».

Фельдмаршала Манштейна с каждым днем охватывала все большая тревога за судьбу окруженной группировки. Не сумев прорвать кольцо внешнего фронта русских в начале февраля, он концентрировал ударные войска у Ерок, чтобы предпринять более удачную попытку. Но не заладилась погода. Практически ежедневно шел то дождь, то мокрый снег. Раскисшие дороги и воздушная блокада «котла» нарушили все планы войсковых передислокаций.

На оперативном совещании 5 февраля Гитлер поручил Цейтцлеру впредь ежедневно докладывать ему о пополнениях на внешнем фронте Корсунь-Шевченковского «котла». 6 февраля к пяти танковым и пяти пехотным дивизиям добавились 1-я и 16-я танковые дивизии. 8 февраля группировка Хубе получила основное усиление — элитную танковую дивизию «Адольф Гитлер». Наконец, 10 февраля Манштейн доложил в «Асканию» о прибытии последних пополнений — 106-й пехотной дивизии и двух танковых батальонов.

Утром 11 февраля сражение на обводе Корсунь-Шевченковского «котла» разгорелось с новой силой. Командир 3-го танкового корпуса Брейт радиировал Штеммерману: «После отражения сильных атак неприятеля 3-й танковый корпус снова перешел в наступление. Во что бы то ни стало держитесь. Мы придем несмотря ни на что. Брейт».

1-я танковая армия Хубе четырьмя танковыми дивизиями на-несла удар из района Ризино на Лисянку. Одновременно от Ерок, также в направлении Лисянки, силами четырех танковых дивизий наступала 8-я армия Велера. Навстречу им удар на Шендеровку нанес 42-й армейский корпус. К Лисянке пополудни прорвалась лишь западная группировка. Восточная так и осталась на исходных позициях. В ночь на 12 февраля группировка Штеммермана про-билась в Шендеровку. Расстояние между нею и 3-м танковым кор-пусом сократилось до двенадцати километров. В «Вольфшанце» облегченно вздохнули: вот-вот Манштейн совершил у Корсунь-Шевченковского то, чего ему не удалось добиться под Сталинградом в декабре сорок второго.

К концу дня 14 февраля Манштейн понял, что дальше Лисянки и 1-й танковой армии Хубе не пройти. 3-й танковый корпус Брейта, потеряв почти половину личного состава и танков, тоже остановил-ся в обороне. Требовалось подкрепления.

Череда неудач захлестнула в феврале вермахт. 17 февраля, когда Главная Ставка уже получила доклад о разгроме Корсунь-Шевченковской группировки 1-й танковой и 8-й армий, Манштейн доложил в «Вольфшанце» об атаках 3-го Украинского фронта на Криво- рожском направлении. В обтекаемых выражениях он дал понять фюреру, что удержать выступ в большой излучине Днепра 6-й ар-мии Холльца не удастся. Прорыв русских к Очакову с юга поста-вит перед войсками правого крыла Восточного фронта неразреши-мые проблемы. Манштейн позволил себе вторгнуться в дела груп-пы армий «А», которая напрасно цепляется за Крым. Гитлер резко одернул собеседника, но на следующий день сам позвонил в Ни-ко-лаев командующему группой армий «А»:

— Клейст, вам хорошо известно о тяжелом положении группы армий «Ог» в результате потери каневского выступа. В условиях

распутицы Советы сумели опередить Манштейна в маневренности войск. Я вынужден уточнить ранее принятые решения. Танковая дивизия СС «Адольф Гитлер» теперь не подлежит переброске во Францию. Только ей под силу закрыть брешь у Звенигородки. Я хотел бы услышать ваше мнение, фон Клейст, об обстановке.

— Блокада противником Крымского полуострова, мой фюрер, становится невыносимой. Все наши транспорты из Констанцы подвергаются атакам вражеской авиации. Возможности 17-й армии истощаются. Боеприпасами и горючим она обеспечена до апреля, — доложил Клейст.

— И вы, Клейст, ставите передо мной не простые вопросы по Крыму.

— Мой фюрер, для войск группы армий «А» это самая острая, кардинальная проблема.

— Что вы имеете в виду, Клейст?

— Уязвимое положение 17-й армии на полуострове, очевидно, мой фюрер. Прикрыть все побережье невозможно. Руфф давно ставит вопрос о подкреплениях. Но уже полгода группа армий «А» не получает резервов. Если же Советы осуществлят прорыв к границам Румынии, то удержание Крыма станет бессмысленной тратой сил. Я предлагаю...

Гитлер прервал Клейста на полуслове:

— Вы предлагаете, Клейст, оставить Крым, отвести 17-ю армию. Я категорически запрещаю вам предпринимать такие действия. Они окончательно подорвут наши отношения с Румынией. Ну, скажите, как вермахту продолжать войну на Востоке без румынской нефти? Вы не учитываете, Клейст, что весенняя распутица остановит большевиков. До середины мая мы получим передышку. Вы улучшите боепитание 17-й армии, и она устоит в Крыму, приковав к себе значительные силы. Okажется подорванной их маневренность в полосе группы армий «Юг». Манштейн перегруппирует силы и остановит русских по фронту от Пинских болот до Кривого Рога.

ЧЕРЕЗ САПУН-ГОРУ — В СЕВАСТОПОЛЬ

1

В приказе Верховного о завершении Корсунь-Шевченковской операции не было ни слова сказано об участии в ней 1-го Украинского фронта. Это очень огорчило Ватутина. И в конце февраля 2-я и 6-я танковые армии продолжали удерживать внешний фронт «котла» от Жашкова до Ерока. Но приближалось начало новой опера-

ции на широком фронте от Луцка до Любара, и командующий 1-м Украинским фронтом посвящал ее подготовке все наличное время. Выполнение важных задач в ней отводилось 13-й и 60-й армиям Пухова и Черняховского, и Ватутин решил побывать в них.

В полдень 28 февраля представитель Ставки Жуков вернулся из Корсунь-Шевченковского в штаб 1-го Украинского фронта и два часа уточнял с Ватутиным детали Проскуровско-Черновицкой операции. Особое внимание он обратил на взаимодействие 1-й танковой и 1-й гвардейской армий, атакующих оборону врага на стыке 4-й и 1-й танковых армий в районе Шепетовка – Любар.

Завершая обсуждение, Ватутин сказал:

— Я, Георгий Константинович, хочу съездить в 13-ю и 60-ю армии. Надо проверить, как решаются там вопросы взаимодействия с авиацией и будет ли подготовлено боепитание войск к началу операции.

— Будет лучше, Николай Федорович, — возразил Жуков, — если с этими целями в войсках побывают ваши заместители, а вы рассмотрите решения командармов по организации взаимодействия наземных войск с авиацией во фронтовом масштабе.

— Прямая обязанность командующего фронтом, Георгий Константинович, лично инспектировать подчиненные войска, не полагаясь на доклады других лиц, — отозвался генерал армии Ватутин. — А я со временем Киевской операции не бывал в 13-й и 60-й армиях.

Доводы Ватутина убедили Жукова:

— Хорошо, Николай Федорович, поезжайте. В ваше отсутствие я продолжу разработку Проскуровско-Черновицкой операции с командующими родами войск. Наступление мы начнем в установленный Ставкой срок.

Пребывание генерала армии Ватутина в 13-й армии затянулось. В семнадцать часов он покинул штаб Пухова. Теперь — в Славуту, в штаб 60-й армии Черняховского. Чтобы не ехать через Новгород-Волынский кружным путем, свернули на проселок. Смеркалось. При въезде в село Милятин машину охраны обстреляла бандеровская засада. Завязался неравный бой. В перестрелке Ватутин был тяжело ранен, доставлен в госпиталь в Ровно и прооперирован. Крайнюков доложил о случившемся в Москву.

— В вашем распоряжении, товарищ Крайнюков, такая масса войск, — укорил Верховный, — а вы беспечно разъезжаете по фронту, не взяв даже надежной охраны. Так не годится!

Утром 1 марта, посетив Ватутина, Крайнюков направил в Ставку письменное донесение, доложил Жукову о произшедшем. На Военном совете представитель Ставки сообщил о ранении Ватутина и объявил, что он вступает в командование 1-м Украинским фронтом.

В полдень Жуков позвонил Верховному, доложил о принятом им решении, заверил, что Проскуровско-Черновицкая операция начнется в срок, подготовка ее будет продолжаться по плану.

Сталин одобрил действия Жукова, приказал эвакуировать Ватутина в Киев, куда 2 марта прибудут лучшие специалисты Наркомата здравоохранения. Тут же Верховный сообщил, что управление 2-м Украинским фронтом она взяла на себя.

Наступление войск Юго-Западного направления развертывалось стремительно. 4 марта разящий удар на участке Шумское — Любар нанес 1-й Украинский фронт, положив начало Проскуровско-Черновицкой операции. 5 марта, с рубежа Жашков — Новогородка серию ударов в направлении Южного Буга нанесли войска 2-го Украинского фронта, начав Уманско-Ботошанскую операцию. Сутки спустя с рубежа Ингулец — Качкаровка перешел в наступление 3-й Украинский фронт. Он развивал наступление в направлении Раздельная — Николаев, чтобы выйти на Днестр и освободить Одессу.

К исходу второго дня наступления войска Жукова расширили прорыв по фронту до двухсот километров, освободили Изяславль и Острополь. Посеяв смятение в рядах противника в центре, командующий 1-м Украинским фронтом двинул вперед и свои фланговые войска. 13-я армия Пухова успешно наступала на Броды, 18-я и 38-я армии Журавлева и Москаленко — на Хмельник и Винницу.

Начав Березнеговато-Снигиревскую операцию, 3-й Украинский фронт нанес главный удар с плацдармов на Ингульце в направлении Нового Буга. Группировка 46-й и 8-й гвардейской армий Глаголева и Чуйкова, поддержанная подвижной группой Плиева, взломала оборону 6-й армии и устремилась на юго-запад. Утром 8 марта она овладела Новым Бугом, перерезав коммуникацию Долинская — Николаев. Армия Холлита была рассечена на части.

Директивы Ставки от 11 марта учитывали новую расстановку сил. Войска 1-го Украинского фронта наступали к Днестру, развивая удар на Черновцы с выходом на государственную границу. 18-я и 38-я армии нацеливались на Каменец-Подольский.

2-й Украинский фронт, не позволив противнику организовать оборону на Южном Буге, должен был овладеть рубежом Муровано — Куриловцы — Могилев-Подольский — река Днестр. При этом ударная группировка выходила к Днестру через Могилев-Подольский и Ямполь, а левое крыло — вдоль железной дороги Рыбница — Кировоград.

Директива Ставки уточнила и задачи 4-го Украинского фронта. 16 марта он начинал Крымскую операцию, которая тесноувязывалась с овладением Николаева и выдвижением к Одессе войск левого крыла 3-го Украинского фронта генерала Малиновского.

Продолжая подготовку операции в полосе Луцк – Жашков, назначенной на 20–21 марта, 1-й Украинский фронт 16 марта освободил от врага Немиров и Тыров, а на Проскуровском направлении успешно отразил контратаки 1-й танковой армии. Утром 17 марта 13-я армия Пухова, действующая на Львовском направлении, прорвалась в Дубно.

21 марта удар по врагу нанесла основная группировка: перешли в наступление 60-я и 1-я гвардейская армии. В тот же день в полосе 60-й армии в сражение были введены 1-я и 4-я танковые армии.

22 марта Ставка внесла важные корректировки в действия смежных Украинских фронтов. Войска Жукова получили директиву завершить окружение 1-й танковой армии у Каменец-Подольского. Войска Конева продолжали наступление вдоль обоих берегов Днестра, оттесняя группу армий «А» к побережью Черного моря. 25 марта Конев получил приказ Ставки: «Выдвинуть 40-ю армию в район Хотина, отрезать пути отхода врага за Днестр».

К утру 26 марта 4-я танковая армия Лелюшенко полностью очистила от врага Каменец-Подольский.

Успех войск 2-го Украинского фронта на Яссском и Кишиневском направлениях создал реальную угрозу окружения группы армий «А» фон Клейста, удерживающей оборону перед 3-м Украинским фронтом. Войска Малиновского продолжили наступление на Одесском направлении. К исходу дня они освободили от оккупантов Николаев.

Ставка настойчиво требовала от командующего 1-м Украинским фронтом во что бы то ни стало удержать противника в «котле». Непрерывный яростный бой на участке Смотрич – Жердье продолжался 30 и 31 марта. 1 и 2 апреля к ударам в направлении Скалы-Подольской добавились атаки на Оринин и Жванец. 3 апреля 1-я танковая армия в составе семи танковых и трех пехотных дивизий прорвалась в район Борщова. Прижатая к Днестру, она образовала «блуждающий котел», который упорно продвигался в западном направлении.

Нелегко проходил для Антонова итоговый доклад 6 апреля. члены Политбюро ЦК никак не хотели согласиться, что двум фронтам – 1-му и 2-му Украинским – не удалось разгромить танковую группировку врага у Каменец-Подольска.

– Вы считаете, товарищ Антонов, что Ставка приняла поспешное решение, направив триста шестьдесят танков 3-му, а не 1-му Украинскому фронту? – поставил вопрос Молотов.

– Такой вывод напрашивается из анализа обстановки, товарищ Молотов, – ответил Антонов.

– Но почему не было принято решение в пользу 1-го Украинского фронта? – настаивал Молотов.

— Оно не было принято потому, что у 3-го Украинского фронта появилась прекрасная перспектива освободить Одессу и лишить Крымскую группировку противника базы снабжения, — снова сдержанно ответил Антонов.

— Но почему же, товарищ Антонов, упустил из «котла» товарищ Жуков 1-ю танковую армию? — вставил реплику Калинин. — Он ведь так удачно проводит наступательную операцию на широком фронте.

— Удачно, да не совсем, — сердито возразил Берия. — Третий раз за полгода выскользывает из «котлов» эта самая 1-я танковая армия.

Не отмолчался адмирал Кузнецов:

— Возможно, Жуков рано продвинул в направлении Черновиц танковую армию Катукова, но такую задачу ему поставила Ставка. Задержался с выходом к Хотину 2-й Украинский фронт. Назначив Жукова командующим фронтом, Ставка снизила уровень руководства войсками на юге.

— Что вы предлагаете, товарищ Кузнецов? — Верховный остановился посреди кабинета. — Ставка не снижала уровень руководства на юге. Маршал Жуков назначен командующим фронта временно.

Адмирал Кузнецов продолжил свою мысль:

— Я предлагаю, товарищ Сталин, решить этот вопрос. Лечение Ватутина продлится долго.

— Что скажет по этому поводу Генштаб? — Верховный вновь пригласил к разговору Антонова.

— С назначением нового командующего 1-м Украинским фронтом следует повременить, товарищ Сталин. Генерал Ватутин крайне впечатлительный человек. Назначение Жукова он воспринял как вынужденное, а вот любого другого человека в этом качестве воспримет иначе.

— Правильно, товарищ Антонов, — поддержал «генштабиста» заместитель председателя ГКО Молотов.

Верховный решил довести этот вопрос до конца:

— Вы, товарищ Кузнецов, согласны с этим?

— Согласен, товарищ Сталин, — адмирал Кузнецов теперь не имел оснований возражать.

Освободив Раздельную, командующий 3-м Украинским фронтом Малиновский повернул подвижную группу Плиева на Одессу. 7 апреля дерзкие кубанцы прорвались к Днепровскому лиману и блокировали Одесскую группировку врага с запада. Их успех закрепила 8-я гвардейская армия.

9 апреля Малиновскому позвонил Верховный:

— Одессу надо сохранить во что бы то ни стало. Решающую атаку на город начнайте ночью, без традиционной артподготовки.

При разминировании городских кварталов используйте пленных саперов.

У Верховного всегда находился повод, чтобы в череде военных будней выделить приметное событие. В полдень 10 апреля Сталин позвонил вначале маршалу Жукову, а затем — маршалу Василевскому и сердечно поздравил их с награждением первыми полководческими орденами «Победа».

В середине апреля победоносные операции войск Юго-Западного направления продолжались. 1-й Украинский фронт нанес поражение 1-й и 4-й танковым армиям врага у Бродов и Тернополя и на рубеже Торчин — Берестечко — Коломыя — Кута перешел к обороне. 2-й Украинский фронт последовательно освободил Оргеев, Пушкин и Дубоссары, вышел к Яссам и Кишиневу, продвигаясь в направлении Бакэу. 3-й Украинский фронт освободил Тирасполь, форсировал Днестр, овладел плацдармом южнее Бендер. 4-й Украинский фронт и отдельная Приморская армия освободили Керчь, крымское побережье и на рубеже реки Бельбек вышли к внешнему обводу Севастопольского укррайона.

18 апреля Ставка образовала 3-й Прибалтийский фронт. Отдельная Приморская армия вошла в состав 4-го Украинского фронта Толбухина.

Решению о разделе Западного фронта предшествовал кропотливый анализ, проведенный Ставкой, для выявления причин кризиса в действиях наших войск в центре. Решал свои задачи Западный фронт на четырех направлениях — Витебском, Богушевском, Оршанском и Могилевском. Усилия распылялись, а маневр войсками сковывался из-за ограниченности рокадных дорог. Поделив Западный фронт на 2-й и 3-й Белорусские фронты, Ставка прибрала управление к войскам, сделало его более действенным, одновременно усилив их резервами.

Командующий 1-м Белорусским фронтом Рокоссовский, разговаривая со Сталиным 17 апреля, внес предложение передать ему из 1-го Украинского фронта 70-ю, 47-ю и 69-ю армии. Это улучшило взаимодействие и маневр войск при наступлении на Бобруйском и Люблинском направлениях. В свою очередь, 50-я армия его фронта передавалась 2-му Белорусскому фронту генерал-полковника Петрова.

Все попытки овладеть Севастополем 19 апреля не привели к успеху. Во избежание напрасных потерь, Василевский принял решение о переносе штурма города на 23 апреля. Однако Верховный не сразу согласился с ним. Он настаивал на быстрейшем освобождении Севастополя от оккупантов.

Разрабатывая план Белорусской операции, Ставка исходила из благоприятной обстановки, сложившейся к концу апреля на всем советско-германском фронте. Победа в Белоруссии выводила наши

войска на жизненно важные для рейха рубежи. Ликвидировался «Белорусский балкон», прикрывающий путь на Варшаву.

Утром 22 апреля маршал Жуков прибыл в Москву для обсуждения плана летне-осенней кампании. В течение дня он детально ознакомился с предложениями Генштаба и командований фронтов по срокам проведения операций, уточнил план взаимодействия стыковых армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на Люблинском направлении.

После краткого обзора обстановки на стратегических направлениях Антонов высказал соображения Генштаба о возможных действиях противника в летней кампании. Несмотря на поражения на Украине и в Крыму, вермахт располагал еще большими силами для упорной обороны.

Верховный раскурил трубку, вернулся на середину кабинета, негромко сказал:

— А теперь послушаем товарища Жукова. Фронтовики всегда рассматривают обстановку под другим ракурсом, нежели видится она в тылу.

Заместитель Верховного разложил на столе свою карту, уверенно начал доклад:

— Выводы Генштаба, что в летней кампании сорок четвертого гитлеровское командование ожидает главный удар Красной Армии на юге не вызывает сомнений. Основные трудности, которые переживает сейчас вермахт, это проблема изыскания резервов. Поэтому все, что будет возможно снять с Запада, летом непременно будет переброшено на южное направление. Удержать фронт в Белоруссии планируется силами группы армий «Центр». С разгромом крупнейшей группировки рухнет устойчивость обороны противника на всем Западном направлении...

— А как думает Генштаб? — Верховный оторвал взгляд от карты, взглянул на Антонова. — Генштаб согласен с таким выводом товарища Жукова?

— Да, согласен, товарищ Сталин, — уверенно заявил заместитель начальника Генштаба.

— И товарищ Василевский согласен? — тут же продолжил диалог Верховный.

Хотя Антонов подтвердил, что и начальник Генштаба согласен с таким выводом, Верховный все же надавил кнопку вызова секретаря.

Вошел Поскребышев, остановился у двери.

— Надо соединить меня с товарищем Василевским, — сказал, повернувшись к нему, Сталин.

Маршал Жуков продолжил доклад:

— Конфигурация фронта в Белоруссии благоприятна для нас. Северный фас выступа на восток обращен к Великим Лукам. Юж-

ный фас тянется вдоль Припяти. Нависая над 1-м Украинским фронтом, «Белорусский балкон» с севера создает угрозу нашим коммуникациям и способствует обороне подступов к границам Восточной Пруссии и Польши. Поэтому гитлеровское командование будет удерживать свои позиции во что бы то ни стало...

— А вот товарищ Рокоссовский настаивает на операции своего фронта в районе Брест — Минск — Бобруйск — Ковель. — Сталин наклонил голову над картой Генштаба. — В результате прервались бы все рокады немца на глубину до трехсот километров. Нарушилось бы взаимодействие его войск на всем Западном направлении. Что вы скажете по этому поводу, товарищ Жуков?

Маршал Жуков убедительно возразил:

— Предлагается масштабная операция, товарищ Сталин. На ее подготовку войскам Рокоссовского потребовалось бы не менее месяца. Пришлось бы наносить два главных удара, разделенных Полесьем, и на каждом иметь по танковой армии. Но Ставка не располагает сейчас такими резервами.

— А Рокоссовский утверждает, что Полесье не разъединяет действия войск, а объединяет их.

Маршал Жуков снова не согласился:

— Военный совет 1-го Украинского фронта, товарищ Сталин, тоже разработал план Львовской операции. И она очень перспективна. Но главной должна оставаться Белорусская операция. Ей должны предшествовать частные операции наших войск в Карелии и на Бухарестском направлении.

В кабинет вошел Поскребышев, доложил:

— Товарищ Сталин, Василевский у аппарата.

Верховный поднял трубку:

— Здравствуйте, товарищ Василевский... У меня товарищи Жуков и Антонов. Вы не смогли бы прилететь в Москву дня на два, чтобы обсудить наши планы на лето?.. Нет, не можете... А что у вас под Севастополем?.. Понятно. Оставайтесь на месте, но пришлите свои предложения на летний период.

Опустив трубку на рычаг, Сталин сказал:

— Через восемь — десять дней Василевский обещает покончить с Крымской группировкой немца. Там высвободятся значительные силы. Так не лучше ли будет перебросить их на Львовское направление, в полосу 1-го Украинского фронта?

— В таком случае, товарищ Сталин, — возразил Антонов, — гитлеровское командование может осуществить маневр войсками между группами армий «Центр» и «Северная Украина». Поэтому целесообразно начать летнюю кампанию ударом на севере, а затем провести операцию в Белоруссии.

— Тогда подождем, что предложит товарищ Василевский, — закончил совещание Верховный.

Белорусская операция готовилась всесторонне. Верховный действовал четко и последовательно. Как и было договорено, через два дня, 24 апреля, он снова пригласил к себе Жукова и Антонова. Встал вопрос о составе войск, участвующих в операции, исходя из утвержденного замысла.

В этот же день в штабы Западного направления поступило оперативное указание Ставки:

«1. Организовать повседневное наблюдение за противником с задачей выявить его систему обороны и артиллерийского огня вплоть до отдельной огневой точки, минометной и артиллерийской батареи.

2. В целях маскировки системы обороны, группировки своих огневых средств и накопления боеприпасов сократить огневую деятельность артиллерии, назначив для ведения огня, специально выделенные огневые средства. Ведение огня разрешить только с временных огневых позиций».

Утвержденный Ставкой летний стратегический замысел сорок четвертого не допускал принципиальных отклонений. Череду операций Красной Армии в первой декаде июня открывали войска Ленинградского фронта наступлением на Выборг. Во второй декаде переходил в наступление Карельский фронт с целью разгрома Свирско-Петрозаводской группировки противника. В итоге этих операций предстояло вывести из войны Финляндию.

В конце июня начиналась важнейшая, Белорусская операция, рассчитанная на внезапность. Когда Верховное Командование вермахта поймет, что именно на Минском направлении происходят решающие события и двинет сюда подкрепления из группы армий «Северная Украина» Моделя, развернется мощное наступление войск 1-го Украинского фронта на Львовском направлении.

Ожесточение боев на ближних подступах к Севастополю началось с каждыми сутками. Но до конца апреля окончательно сломить сопротивление врага не удалось. Представитель Ставки Васильевский предложил перенести штурм города на 30 апреля. Предстояла новая перегруппировка войск, тщательная отработка взаимодействия ударных соединений, пополнение горючего и боеприпасов.

Вечером 29 апреля начальник Генштаба позвонил в Москву, доложил Верховному план действий:

— Первый удар через Мекензиевы горы с выходом к Северной бухте нанесет 2-я гвардейская армия Захарова. 30 апреля ее усилия поддержит авиация. Я не сомневаюсь, что противник воспримет этот удар в качестве главного и перебросит на Северную сторону силы с Балаклавского направления. А утром 1 мая Приморская и 51-я армии нанесут удар в направлении поселка Шестая Верста и мыса Херсонес, чтобы отрезать Севастополь с юга.

— К 1 мая освободить Севастополь не удастся, товарищ Василевский? — посожалел Верховный.

— Не удастся, товарищ Сталин, — подтвердил Василевский. — Противник отчаянно защищается. В каждой траншее находятся штабные офицеры и эсэсовцы, которые пресекают попытки оставления позиций. То и дело завязываются рукопашные бои.

— Но немец эвакуирует свои войска с полуострова, товарищ Василевский? — возразил Верховный.

— Эвакуируются только тяжело раненные, товарищ Сталин. Все, кто может держать оружие, продолжают оставаться на передовой.

— Вот даже как? Немец повторяет сталинградскую тактику. Поэтому на его главную оборонительную полосу надо обрушить удар не только тяжелой артиллерией, но и авиацией. Надо шире использовать огнеметные танки, артиллерию сопровождения, штурмовые блокирующие группы.

— Такие группы уже готовятся, товарищ Сталин.

— Надо быстрее заканчивать крымские дела, товарищ Василевский. никаких оттяжек в мае быть не может, чтобы не сорвать наши летние планы.

9 мая в Ставку поступил доклад Жукова. Он предложил назначить в командование 1-м Украинским фронтом Конева. Сталин согласился с доводами своего заместителя, но предупредил, что он остается представителем Ставки на этом фронте, поскольку вслед за Белорусской операцией последует не менее грозное наступление наших войск на Львовском направлении.

9 мая единным порывом с севера и с юга, от Малахова кургана до бухты Стрелецкой, 2-я гвардейская и 51-я армии Захарова и Крейзера ворвались в Севастополь и в течение дня очистили его от оккупантов. Остатки 17-й армии генерала Альмендингера откатились на мыс Херсонес в надежде на эвакуацию в Констанцу морем и были заперты там войсками Приморской армии Мельника. До 12 мая с ними все было кончено. Двадцать одна тысяча немцев и румын сдалась в плен. Двухсоттысячная армия противника была разгромлена. Освобождение Крыма заняло всего тридцать пять дней.

К 14 мая разработка плана Белорусской операции была закончена. Им предусматривалось нанесение трех координированных ударов войсками 1-го Прибалтийского и всех Белорусских фронтов.

Ставка приняла чрезвычайные меры по обеспечению тайны наших намерений. К разработке плана летней кампании было привлечено минимальное число лиц. В полном объеме он был известен лишь Верховному, его заместителю, начальнику Генштаба и его заместителям. Всякая переписка по существу плана, а равно и переговоры по телефону или телеграфу были категорически запрещены.

Командующий 3-м Украинским фронтом Толбухин получил следующую директиву Ставки:

«В целях дезинформации противника на вас возлагается проведение мероприятий по оперативной маскировке. Необходимо показать за правым флангом фронта сосредоточение восьми-девятыи стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией... Ложный район сосредоточения следует оживить, показав движение и расположение отдельных групп людей, машин, танков и орудий. В местах размещения макетов танков и артиллерии выставить орудия зенитной артиллерии, обозначив одновременно противовоздушную оборону всего района установкой средств зенитной артиллерии и патрулированием истребителей. Наблюдением и фотографированием с воздуха проверить видимость и правдоподобность ложных объектов...»

Вечером 20 мая в Ставке, в присутствии Жукова и Василевского, а также Антонова, состоялось окончательное рассмотрение плана летней кампании сорок четвертого. По предложению Сталина операция получила наименование «Багратион». В заключение совещания Верховный приказал начальнику Генштаба вызвать в Ставку командующих 1-м Прибалтийским, 3-м и 1-м Белорусскими фронтами с планов действий их войск.

Летние оперативные планы Ленинградского и Карельского фронтов Говорова и Мерецкова рассматривались Ставкой столь же тщательно, как и план операции «Багратион». Главный смысл их наступательных действий состоял в том, чтобы скоординированными ударами фронтовых сил при содействии Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий сокрушить долговременную оборону противника на Карельском перешейке и в Южной Карелии, от Ладейного поля до Ошты, выйти на госграницу СССР, вывести Финляндию из войны на стороне Германии.

Рассмотрение планов Выборгской и Петрозаводской операций состоялось в Ставке 30 мая. Генерал армии Мерецков принялся демонстрировать Верховному макет и панорамные аэрофотоснимки линии обороны на реке Свирь. Сталин бросил взгляд на «представленные экспонаты» и прервал доклад командующего Карельским фронтом:

— Что вы пугаете нас своими игрушками, товарищ Мерецков? Финны загипнотизировали вас своей обороной, и у меня возникает сомнение, сможете ли вы после этого выполнить поставленную задачу.

— Я докладываю это для того, чтобы Ставка выделила фронту три танковых полка и столько же полков артиллерии прорыва, — возразил генерал армии Мерецков.

— Значит, вы полагаете, что здорово напугали нас и мы тут же откроем свой резервный кошелек? А мы, товарищ Мерецков, не из пугливых. Наши резервы пойдут туда, где они будут нужнее в летней кампании и дадут максимальный эффект, — четко заявил Верховный. — Надо, товарищ Василевский, Генштабу еще раз разобраться с планом Петрозаводской операции и определить необходимые для нее силы и средства.

В ночь на 31 мая в Ставке были отработаны директивы фронтом Белорусского направления с указанием приступить к подготовке операции «Багратион» и конкретными задачами на первый этап ее проведения. За подписью Верховного и Жукова они были направлены 1-му Прибалтийскому, 3-му, 2-му и 1-му Белорусским фронтам.

Операция «Багратион», другие операции сорок четвертого перешли в последний день мая из стадии «теоретической разработки» в плоскость их практической реализации.

2

Короткая передышка, наступившая с первых чисел марта, была воспринята ОКВ в качестве длительной весенней паузы, в течение которой удастся перегруппировать силы и закрыть бреши у Луцка и Шепетовки. Еще 3 марта, когда начальник Генштаба ОКХ Цейтцлер попробовал только заикнуться об ожидаемом наступлении русских, Гитлер одернул его излюбленной тирадой: разведданные систематически грешат паническими преувеличениями, и он не намерен учитывать их в своих решениях.

Однако 4 марта 4-я танковая армия Рауса на участке Щумское — Любар подверглась атакам большевиков. Первые донесения фон Манштейна не вывели Главкома ОКХ из равновесия, хотя осознание нарастающих опасностей подавляло. Становился очевидным замысел Москвы. В этот день в «Вольфшанце» стало известно, что войсками 1-го Украинского фронта руководит маршал Жуков.

Гитлер оторвал взгляд от карты, спросил:

— Но Жуков давно является заместителем Сталина по военным делам, Цейтцлер?

— По-видимому, он им и остался, мой фюрер, а это всего лишь временное назначение, — столь же предположительно высказался Цейтцлер.

— Возможно и временное, но симптоматичное, Цейтцлер, и мы не должны проходить мимо подобных перемещений у Советов. Жуков — это наступление, это новые прорывы нашего фронта, — назидательно выдавил из себя Гитлер.

— Мой фюрер, освободительные силы Западной Украины сообщили, что бывший командующий 1-м Украинским фронтом гене-

рал Ватутин не то ранен, не то убит в стычке с их отрядом под Ровно, — бесстрастно вставил реплику фельдмаршал Кейтель.

— Теперь это уже не столь важно, Кейтель. Важнее то, что Советы наступают и Манштейн не в состоянии их остановить. Если же им удастся прорыв к Тернополю, Проскурову и Черновцам, то окажется перерезанной железная дорога из Львова на Одессу и все снабжение групп армий «Юг» и «А» нам придется осуществлять через Румынию. Мы не должны этого допустить, Цейтцлер.

К исходу дня 5 марта, когда продвижение войск 1-го Украинского фронта действительно удалось несколько замедлить, пришло донесение командующего группой армий «Юг» о переходе в наступление на Гайсин и Умань 2-го Украинского фронта. Здесь по непролазной грязи впереди стрелковых соединений лавиной накатывались на позиции 8-й армии Велера три танковые армии!

7 марта Гитлер распорядился снять с Запада и вернуть на Восточный фронт 2-й танковый корпус СС Хауссера, одну пехотную дивизию и пять батальонов штурмовых орудий. Это был его по-следний боеспособный резерв.

На следующий день Главком ОКХ издал приказ, которым устанавливалась целая система «крепостей» и «опорных пунктов» на Восточном фронте. Их предписывалось удерживать до конца, даже в случае окружения. В группе армий «Север» таковыми становились Таллин, Раквере, Тарту, Псков, Остров, Опочка, Ревекне и Полоцк. В группе армий «Центр» — Витебск, Орша, Борисов, Минск, Могилев, Бобруйск, Слуцк, Лунинец и Пинск. В группе армий «Юг» — Ковель, Броды, Тернополь, Проскуров, Винница, Жмеринка, Умань, Первомайск и Новоукраинка. В группе армий «А» опорными «крепостями» намечались Вознесенск и Николаев.

В поисках выхода из критической ситуации на Уманском направлении фельдмаршал Манштейн приказал командующему 1-й танковой армией генералу Хубе развернуть часть своих сил с фронта Казатин — Жашков и из района Гайсина нанести фланговый удар в восточном направлении. В Главной Ставке связывали с ним большие надежды. Однако предпринятый контрудар силами 11-й, 13-й и 14-й танковых дивизий обеспечил лишь местный успех. На следующий день 8-я армия Велера оставила Умань.

Экстренные меры, предпринятые Верховным Командованием вермахта по спасению катастрофической ситуации на Восточном фронте, оказались безрезультивными. Позиции групп армий «Юг» и «А» рушились на глазах. К исходу дня 13 марта войска Жукова вышли на рубеж Линовец — Ильинцы — Дащев. В этот же день, преследуя 8-ю армию Велера, войска Конева продвинулись до Гайворона, вышли к Южному Бугу и у Кодмы переправились через

него. Войска Малиновского в устье Днепра форсировали его и овладели Херсоном.

Некоторым лучиком надежды блеснуло донесение Манштейна 16 марта о контрударе 1-й танковой армии Хубе на участке Тернополь – Про скуров. Но к концу следующего дня, когда Гитлер уже прибыл в Клессгейм для переговоров с Хорти по поводу предстоящей оккупации Венгрии, погас и он, ибо войска Жукова, отразив наскоки танковых сил Хубе, продвинулись вперед и овладели Немировым и Тыровым.

Оккупация Венгрии началась невиданными репрессиями в стране бывшего союзника. За «связи с врагом» был арестован начальник Генштаба венгерской армии Сомбатхелья. Профашистское правительство Стояи принесло клятву верности рейху. Оно объявило, что немецкие войска вошли на территорию Венгрии по его просьбе для защиты страны «от большевистской опасности».

На итоговом совещании 23 марта, когда намерения русских окружить 1-ю танковую армию восточнее Чорткова уже угадывались невооруженным глазом, Йодль предложил «кризисный план» передачи боеспособных дивизий из групп армий «Б» и «Ф», с Запада и Балкан, на Восточный фронт. Он с ходу был принят Гитлером.

Все внимание «Вольфшанце» продолжала приковывать обстановка на правом фланге Восточного фронта. Окруженная 1-я танковая армия Хубе в районе Каменец-Подольского, снабжаемая по воздуху, сковала значительные силы русских. Вследствие этого, удар войск Жукова на Черновцы потерял прежнюю пробиваемость. Но 8-я армия Велера оказалась не в состоянии сдержать войска Конева у Могилев-Подольского.

Отношения Гитлера с командующими группами армий «Юг» и «А» достигли исключительной остроты. Главком ОКХ посчитал их виновниками создавшегося положения. 30 марта Гитлер вызвал в свою баварскую резиденцию Оберзальцбург фон Манштейна и фон Клейста и без долгих разговоров объявил им об отставке. Военная карьера одаренных полководцев рейха на этом и закончилась.

Войдя в раж, Главком ОКХ тут же преобразовал группы армий «Юг» и «А» в группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина», назначив в командование ими генерал-полковников Моделя и Шернера. Гитлер даже считал возможным отметить Моделя фельдмаршальским жезлом.

«Растаял лед» в отношениях между фюрером и Йодлем. С конца марта между ними установилось полное единодушие. Начальник Генштаба ОКХ Цейтцлер получил принципиальное руководящее указание: «На Восток должны быть направлены отовсюду, какие только возможно силы».

Восточный фронт продолжал стремительно деградировать. Войска Конева, форсировав Прут у Бельц, расширяли плацдарм

севернее Ботошани. Антонеску забил тревогу. 1 апреля он позвонил в «Вольфшанце» и сообщил Гитлеру о своем решении: в случае глубоких прорывов большевиков в глубь Румынии он намерен отвести свою 4-ю армию на линию Карпатская дуга – Галац – Дунай.

Гитлер не мог помочь «верному союзнику» войсками, но словно заклинание повторял слова о необходимости быстрее остановить большевиков. 2 апреля он отдал оперативный приказ № 7, последний приказ, содержащий директивные указания на сравнительно продолжительный период времени.

Прорыв семи танковых и трех пехотных дивизий 1-й танковой армии к Днестру был воспринят в «Вольфшанце» с нескрываемым оптимизмом. Это донесение Хубе породило надежду, что с помощью 2-го танкового корпуса СС Хауссера, уже прибывшего в район сосредоточения южнее Подгайцев, удастся вызволить из Каменец-Подольского «котла» и остальные блокированные силы. Вечером 3 апреля Цейтцлер подтвердил Главному ОКХ, что утром следующего дня деблокирующая группировка в составе 2-го танкового корпуса, 100-й горно-стрелковой и 37-й пехотной дивизий действительно наносит удар на Бучач.

Неблагоприятная обстановка в начале апреля на Восточном фронте дала знать о себе и в очевидных проявлениях союзнической неверности. На оперативном совещании 5 апреля Кейтель доложил фюреру о полученной информации об активных переговорах румынских представителей с должностными лицами Америки, Англии и СССР в Каире.

5 апреля Геббельс прислал фюреру «Памятную записку», заявив, что наступил момент, когда Германия исчерпывает свои силы. Поэтому в интересах западной цивилизации необходимо прийти к миру с англосаксами. В интересах дела он предложил снять с поста Риббентропа, считавшегося англофобом, и выразил готовность эту тяжелую ношу взять на себя. Гитлер никак не отреагировал на этот прозападный демарш «верного Йозефа».

Уже несколько месяцев подряд Главная Ставка жила в лихорадочном темпе непрерывных «пожарных действий». Восточный фронт рушился на глазах от Финского залива до Черного моря. Нечто подобное случилось в декабре сорок первого под Москвой. Тогда суровый русский мороз гнал прочь непревзойденные до той поры дивизии Бока. Лишь крутые действия фюрера, взявшего на себя командование сухотутными силами, спасли положение и остановили войска Жукова под Вязьмой.

Теперь, весной, южнее Ковеля повторялось то же самое, но и замена Манштейна и Клейста Моделем и Шернером пока не сулила сносных перемен. Никто в «Вольфшанце» не брал на себя смелость предложить Гитлеру приемлемые решения, чтобы остановить вал русских армий.

По существу, все предложения Йодля, Цейтцлера сводились к одному — посыпке на Украину дополнительных резервов. Их изымали из Франции и с Балкан. И посыпали на Восточный фронт. Все доклады командующих группами армий «Б», «Г» и «Ф», Роммеля, Бласковица и Вейхса об их фактическом разоружении и невозможности противостоять десантам англосаксов оставались без ответа.

Нудные оперативные совещания, нередко уходящие за полночь, то и дело превращались в «монолог одного актера». Гитлер то разносил Цейтцлера за несвоевременный доклад об оставлении Могилев-Подольского, то прерывал его доклад и подолгу выяснял по телефону у Шернера судьбу резервного дивизиона штурмовых орудий, который в начале апреля находился где-то в районе Раздельной.

В связи с переносом разграничительной линии между группами армий «Центр» и «Северная Украина» южнее Ковеля, протяженность фронта у войск Буша возросла до тысячи ста километров. Командующий группой армий «Центр» доложил в «Вольфшанце»: сорока четырьмя дивизиями он может оборонять лишь «крепости» — Витебск, Оршу, Борисов, Минск, Могилев, Бобруйск, Слуцк.

Активно действовал в период кризиса на Правобережной Украине Йодль, вновь обретший доверие фюрера и ставший снова его главным советником во всех делах. Отвечая за все ТВД, кроме восточного, он считал главной задачей на Западе удержание «крепости Европа» в том виде, в котором она находилась во время военных действий сорок третьего. 7 апреля он представил Гитлеру «Стратегический обзор и распределение сил германской армии».

Каждый раз, когда на оперативных совещаниях складывалась тутиковая ситуация и уже никто — ни Кейтель, ни Йодль и Цейтцлер не хотел и не могли предложить реально осуществимое, Гитлер то и дело возвращался к спасительной теме о скором применении «решающего оружия».

Круг подотчетных ему лиц все расширялся. 8 апреля он получил справку у министра вооружения Шеера о сугубом выпуске ракет. На следующий день заместитель Главкома ВВС Мильх доложил Гитлеру о готовности «ФАУ-1» к боевому применению с пусковых площадок во Франции. 11 апреля начальник строительного управления СС Каммлер доложил фюреру о работе полигона «Хайделагер»³.

На совещании 11 апреля вновь царило жуткое уныние. Цейтцлер доложил фюреру, что русские от Перекопа вырвались на крымскую равнину и овладели Джанкоем. Сдана противнику Керчь.

Руководствуясь приказом Гитлера не оставлять без боя ни одного квадратного метра территории, «оператор ОКХ» Хойзингер

предложил надежно прикрыть акватории у Феодосии от возможных десантов русских и обеспечить плавный отход корпусных сил на позиции у Ак-Моная.

Главком ОКХ согласился с предложением Хойзингера, а на другой день потребовал от Цейтцлера: «Передайте командующему 17-й армией, чтобы он как можно дольше удерживал «крепость Севастополь». При этом он избрал неотразимый «политический довод»: утрата Севастополя решающим образом повлияет на военную судьбу Болгарии и Румынии, и они могут решиться на выход из войны.

Словно заклинание Гитлер сердито повторил:

— Вы докладывали мне, Цейтцлер, что 17-я армия Енеке имеет двенадцать дивизий и две бригады штурмовых орудий. Я могу принять во внимание, что для обороны всего Крыма этих сил недостаточно. Но разве половина из них, отошедшая к Севастополю, не в состоянии удержать эту «крепость», имея в достатке продовольствие и боеприпасы?

— Мой фюрер, — возразил Цейтцлер, — нельзя упускать из вида факт, что из двенадцати дивизий Енеке семь дивизий, то есть более половины, румынские.

— Антонеску, Цейтцлер, сам настаивал в вашем присутствии на необходимости удержания Крыма во что бы то ни стало. Так пусть же сражаются теперь его дивизии наравне с немецкими, ибо с захватом Севастополя большевики тут же перебросят свои войска из Крыма, скорее всего в район Пашкани и Ясс, — решительно отрезал Главком ОКХ.

Время приближалось к полуночи, и Гитлер закончил совещание монологом о том, что оборона Севастополя неприменима и он лично не сомневается в готовности войск сражаться до конца.

Дневную прогулку с овчаркой Блонди 18 апреля фюрер вынужден был перегоручить Еве Браун, ввиду важности доклада Мильха о нарастании угроз со стороны британской авиации ракетным центрам. Гитлер приказал Мильху принять необходимые меры в районах Пенемонде и Нордхаузена. Он задал докладчику только один вопрос:

— Вы считаете, Мильх, что пришла пора использовать против Англии наше «неотразимое оружие»?

Мильх был предельно краток:

— Да, мой фюрер, в противном случае может повториться ситуация минувшего декабря. При ограниченном количестве истребителей невозможно гарантировать сохранность наших стартовых площадок для «ФАУ-1» во Франции.

Нудная дискуссия на совещании 19 апреля носила сумбурный характер. Военные советники Гитлера — Йодль, Цейтцлер, Хойзингер — упорно отстаивали решение о немедленном отводе 17-й ар-

мии из Крыма. Даже Кейтель и тот поддержал «коллег», сказав, что иначе ей уготована судьба 6-й армии фельдмаршала Паулюса в Сталинграде.

Гитлер тупо отстаивал свои позиции:

— Я не могу изменить свой приказ о безусловной обороне «крепости». Севастополь — одна из таковых. Упорная оборона 17-й армии приковывает к себе крупные силы большевиков. В случае падения Севастополя эти силы немедленно будут переброшены за Днестр. Кто тогда сможет поручиться за дальнейшую судьбу Румынии и Болгарии?

— Мой фюрер, за счет своих дивизий 17-й армии Антонеску усилил бы позиции 4-й румынской армии у Пашкани, — снова возразил Цейтцлер.

— Пусть Антонеску сделает это за счет своих резервов, — бросил Гитлер. — Мы сами то и дело провоцируем фронтовую обстановку, когда немцам приходится расплачиваться своей кровью за явные просчеты союзников.

— Румынские резервы прикрывают побережье, — заметил Йодль. — В случае успеха на Кишиневском направлении, Советы вполне могут предпринять попытку высадки морского десанта вблизи Констанцы или даже у Варны.

— И вы, Йодль, говорите о наших возможных утрахах так безучастно, словно сторонний наблюдатель, — голос Главкома ОКХ отдавал обидой. — Вот фельдмаршал Буш строго выполняет мои указания по удержанию важнейших «крепостей».

— В условиях обороны командующий группой армий «Центр» может перебросить одну или две дивизии из второй половины в первую, — вставил реплику генерал Хойзингер. — Ни одна другая группа армий уже не располагает сейчас такой возможностью.

Гитлер пристально вглядился в лица ближайших советников, медленно процелил:

— Можете передать, Цейтцлер, мой последний приказ генералу Енеке. Он может начать эвакуацию своих войск с тех участков под Севастополем, которые не имеет смысла удерживать дальше.

20 апреля — день рождения Гитлера. На этот раз национального праздника не получилось. Как всегда, поступили приветственные адреса от «вельмож» — Геринга, Гебельса, Гиммлера, сановной знати, вроде Круппа и Плейтгера, маршалов Маннергейма и Антонеску. На торжественном обеде в Главной Ставке по случаю его 55-летия царили «партайгеноссе» Борман и Ева Браун. Все произносившие тосты говорили с большим оптимизмом о близкой перспективе, когда вермахт все «снова расставит по своим местам».

С каждым днем нарастала тревога в штабе группы армий «Запад» Рунштедта по поводу возможных десантов англосаксов на

континент. Столы же тревожными были и записки начальника отдела «иностранных армий Запада» Лисса. Они пестрели ссылками на материалы газет противника о том, что десантирование может произойти в любой момент, скорее всего в Швеции или Дании.

На оперативном совещании 24 апреля Йодль доложил фюреру, что Турция прекратила поставки хромовой руды в Германию, мотивируя это свое решение изменением обстановки на Черном море. Гитлер увязал это сообщение с задачей непременного удержания Севастополя и в ответ заявил:

— Учитывая общую обстановку, потеря Севастополя может стать последней каплей, которая переполнит чашу. Турция отрицательно реагировала на отход из Крыма. В случае сдачи Севастополя она может вообще перейти в лагерь противника. Это окажет сильное воздействие на балканские страны.

Цейтцлер построил свой доклад об обстановке на этот раз тоже в розово- успокаивающем плане:

— Мой фюрер, атаки большевиков на подступах к Севастополю, у Мекензиевых гор и на реке Черная, успешно отбиты. Стойкость войск возросла намного, когда генерал Енеке отдал приказ о двойных окладах защитникам Севастополя.

— Этого мало, Цейтцлер, — сердито бросил Гитлер. — Я поручил вам передать командующему 17-й армией, что наиболее отличившиеся в оборонительных боях за Севастополь обязательно получат в Крыму и земельные наделы. Я решил сохранить Крым в ведении Германии и не отдавать его под протекторат Румынии. Маршал Антонеску получит свое в Молдавии. Ненадежность его войск очевидна. Румынские дивизии нам придется заменять немецким пополнением. Так долго продолжаться не может.

— Но главным остается Балаклавское направление, мой фюрер, — Хойзингер решил вернуть Гитлера к обсуждению кризисной обстановки у Севастополя. — Здесь большевики продолжают концентрировать свои основные танковые силы.

— А вы, Цейтцлер, не сказали об этом! — Гитлер оторвал взгляд от карты. — На юге Крыма равнина, и танки наиболее опасны именно здесь. Генерал Хойзингер прав, обратив внимание на этот факт.

— Мой фюрер, на Балаклавском направлении русские продвинулись вперед до восьмисот метров, но все попытки прорыва здесь их 19-го танкового корпуса оказались безуспешными. Они отбиты.

В разгар сражения за Севастополь, чтобы оттянуть на какое-то время окончательную развязку, Гитлер прибег к испытанному в таких случаях приему, заменив 3 мая на посту командующего 17-й армией Енеке генералом Альмендингером.

Расчеты на фанатизм в обороне Севастополя не оправдались. Эвакуация боеспособных частей румынских войск решительно пресекалась штурмовой авиацией большевиков. К исходу 7 мая русские овладели Сапун-горой и решили судьбу города-«крепости».

Гитлер постарался быстро пережить и потерю Севастополя, сделав ставку теперь на «неотразимое оружие возмездия». 14 мая он заслушал доклад командующего группой армий «Запад» Рунштедта о состоянии стартовых площадок для пуска ракет «ФАУ-1» в Бельгии и Голландии.

На следующий день фюрер связался с командиром 65-го армейского корпуса Хейнemanом и поставил перед ним те же вопросы — о готовности подчиненных ему войск к началу боевых пусков «неотразимого оружия» на британскую столицу. Ответ устроил его: «зенитная группа Крейла» полковника Вахтеля готова к боевой работе! Из восьмидесяти стартовых позиций вблизи Гааги и Роттердама пусковые установки смонтированы на пятидесяти пяти. Но Хейнeman утаил от Главкома ОКХ тот факт, что Вахтель не имел трех тысяч ракет для первого массированного удара «ФАУ-1». В полдень 16 мая Гитлер торжественно подписал приказ на боевое применение крылатых ракет «ФАУ-1».

Конец второй декады мая прошел в «Вольфшанце» в столь же тревожной обстановке, как и конец первоймайской декады. Но причины клокочущих тревог были противоположными. В начале мая Главную Ставку беспокоила критическая обстановка на Восточном фронте, а во второй его половине взоры «Вольфшанце» разом обратились на запад — по докладу Рунштедта 18 мая ожидался десант англосаксов на континент. Основной удар — в Нормандии, отвлекающие действия — в Бретани.

Но ни 18, ни 19 мая десантов с британских островов не последовало. Отсутствие их внесло некоторое успокоение в Главной Ставке.

Вечером 21 мая начальник Генштаба ОКХ Цейтцлер доложил на оперативном совещании: «Противник с особой тщательностью подготавливает свои будущие операции, цель которых в целом без изменений следует усматривать в «Балканском решении».

Завесу неопределенности попытался развеять генерал Модель. Прозябать в ожидании чего-то загадочного было не в его натуре. Он лучше ориентировался в открытых позициях. Хотя репутация бескомпромиссного «мастера обороны» определенно льстила ему в последнее время, получив в свое распоряжение десять танковых и одну моторизованную дивизии, Модель посчитал возможным наступать.

Пополудни 22 мая Модель позвонил в «Асканию» и смело предложил Цейтцлеру свой план немедленных действий. Командующий

группой армий «Северная Украина» высказал мнение о необходимости предпринять срочное наступление в Галиции, из предместий Львова на Ямполь и Шепетовку.

Начальник Генштаба ОКХ оказался в не простой ситуации, но выход был найден убедительный: решение о наступлении, равно как и об отходе, принимается только фюрером. Лично он, как и сам фельдмаршал Модель, может лишь предложить Главкому ОКХ ту или иную операцию.

Гитлер с интересом встретил предложение командующего группой армий «Северная Украина»:

— Вы вносите, Модель, перспективное предложение. Надо же когда-то наступать и вермахту.

Последовала минутная заминка, которой тотчас воспользовался фельдмаршал Модель:

— Вот я и предлагаю, мой фюрер, без всякой оперативной паузы нанести внезапный удар. У меня имеется десять танковых дивизий. Возможно, я ограничен несколько в пехоте...

— Пока вы говорили, Модель, — Гитлер прервал своего фаворита на полуслове, — я рассматривал свою карту. У вас имеется десять танковых дивизий, но и большевики держат против вашей группы три танковых армии. Стоит ли в таком случае рисковать с наступлением? Вы ведь помните, Модель, как развивались события на «Курсской дуге»?

— Мой фюрер, — заторопился с возражением генерал-полковник Модель, — наш удар в направлении Шепетовки непременно заставит русских возвратить в район Тернополя свою 1-ю танковую армию, которая угрожает прорывом в Чехословакию через Карпаты.

— Нам надо иметь в виду, Модель, что на Западе англосаксы угрожают вермахту десантом. Рунштедт выражает беспокойство тем, что из состава его группы армий изъят 2-й танковый корпус СС и прочность его обороны сразу стала проблематичной. Нам не следует заблуждаться и в отношении командующих на 1-м Украинском фронте. У русских есть такая пословица: «Хрен не намного слаже редьки». Конев действовал у Корсунь-Шевченковского столь же решительно, что и маршал Жуков западнее Киева.

— Мне неизвестна обстановка на Западе, мой фюрер, но прорыв моих войск даже до Ямполя позволил бы спрямить линию фронта на этом участке иочно задержать русских перед Львовом.

— Важно, Модель, не только спрятать линию фронта, но и повсеместно сковывать как можно больше сил русских, — бросил Гитлер. — Большевики умело маневрируют войсками. Я до сих пор не знаю, где появятся в ближайшее время их дивизии, которые высвободились в Крыму. Возможно, завтра они объявятся как раз на участке вашего фронта, Модель, который вы намерены атаковать.

— Мой фюрер, я не стал бы предлагать авантюрное наступление в условиях очевидного кризиса на правом фланге, если бы не был до конца уверен в стойкости подчиненных мне войск, их нацеленности на победу.

— Я подумаю над вашим предложением, Модель, — ничем закончил разговор Гитлер.

Спустя сутки генерал-полковник Модель получил приказ Главного командования ОКХ о нанесении в ближайшее время силами группы армий «Северная Украина» концентрированного удара в направлении Шепетовки.

В тот же день в Главную Ставку поступил доклад фельдмаршала Рунштедта с оценкой обстановки: «Основной район стратегического развертывания войск вторжения противника находится в Южной и Юго-Восточной Англии. Центр подготовительных мероприятий — район у острова Уайт (Портсмут — Саутгемптон). Основным угрожаемым участком фронта остается участок Ла-Манша между рекой Шельда и Нормандией, а также северная часть Британии, включая Брест».

В ночь на 24 мая доклад Рунштедта Гитлер обсудил с Йодлем. «Главный оператор ОКВ» обрисовал весьма сложное положение группы армий «Запад». Включая две группы армий: «Б» Роммеля и «Г» Бласковица, Рунштедт имел всего шестьдесят дивизий, полтора миллиона человек. Боеспособность его войск продолжала оставаться низкой.

Йодль доложил фюреру: «Обороняемый группой армий «Запад» участок побережья Голландии, Бельгии и Франции имеет протяженность восемьсот километров и вынуждает ее командование к опасному распылению сил. Рунштедту требуется немедленно уточнить, в какой именно части обороняемого участка англосаксы предпримут высадку войск.

Поскольку признаков начала вторжения еще не было, Гитлер распорядился усилить воздушную разведку над районом Саутгемптон — Портсмут, до середины июня закончить укомплектование резервных дивизий, в течение месяца завершить монтаж пусковых установок ракет «ФАУ-1» в Голландии и Бельгии.

Ожесточенные бои на участке Пашкани — Яссы войск Шернера продолжались и 31 мая, но достигнутое накануне шестикилометровое включение в боевые порядки 2-го Украинского фронта разбить не удалось...

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

1

Подобные коллизии не часто случались в кабинете Верховного. Утвержденный Ставкой план операции «Багратион» продолжал шлифоваться в деталях и переходил в плоскость конкретных действий войсковых командований и тылового обеспечения. В круг участников предстоящего наступления втягивались все новые лица, обеспечивающие самые чувствительные позиции сложного организма. Артиллерийское обеспечение было одним из главных, особенно на начальном этапе крупнейшей операции. Сталин практически ежедневно выяснял этот вопрос у начальника ГАУ Яковleva то по одному фронту, то по другому. Вечером 1 июня речь шла о 1-м Белорусском фронте Рокоссовского.

Жуков посчитал момент подходящим, чтобы перед отъездом на фронт решить один принципиальный вопрос: о включении в состав своей «рабочей группы» генералов Штеменко и Яковleva. Штеменко отсутствовал при этом разговоре, но Жуков опирался на его личное желание.

— А чем они будут там заниматься, товарищ Жуков? — Верховный остановился на традиционном месте у торца стола, строго посмотрел на начальника ГАУ. — Кому прикажете выполнять их обязанности в Москве?

Жуков уверенно, без нажима, ответил:

— В Москве у них остаются заместители, товарищ Сталин, и их впору уже проверить на самостоятельность. А генералы Штеменко и Яковлев займутся на фронте проверкой готовности войск к операции.

— Разве нет у вас других кандидатур ответственных лиц для такой проверки? — уточнял ситуацию Верховный.

— Требуется не только проверить готовность войск к операции, но и ввести в курс дела новых командающих фронтами, генералов Черняховского и Захарова, — маршал Жуков хорошо продумал важнейшие аргументы.

— Но генералы Черняховский и Захаров хорошо проявили себя, командаю армиями? — не отступал Сталин.

Жуков продолжал отстаивать свое мнение:

— Для командающего армией главное — выполнение конкретной задачи, а для командающего фронтом — это организация взаимодействия между армиями и фронтами. Чтобы справиться с нею, надо хорошо владеть обстановкой на данном направлении. Генерал Черняховский все время воевал на юге, с Белоруссией раньше не встречался. По вашему приказу, товарищ Сталин, 3-му Белорусскому фронту изменена боевая задача. Вместо одного главного уда-

ра на Борисов его войска наносят два — на Богушевском и Оршанском направлениях.

Последний довод Жукова прозвучал убедительно. Верховный не спеша раскурил трубку и лишь после этого обратился к начальнику ГАУ:

— А что за вопросы на фронте у вас, товарищ Яковлев? У вас ведь нет претензий к командующим артиллерией на фронтах Западного направления?

— Да, товарищ Сталин. Нет. На 1-м Прибалтийском и на всех Белорусских фронтах командующими артиллерией являются знающие свое дело генералы. Но ряд вопросов боепитания выпадает из поля их зрения. Значительная часть завезенных, но не использованных боеприпасов остается на прежних позициях. Большие партии боеприпасов скопились на армейских складах. По причине нехватки автотранспорта снизился процент возврата отстрелянных гильз и артзаводы вынуждены снижать выпуск наиболее «ходовых» выстрелов.

— Но на 3-й Белорусский выехал генерал Чистяков? — по тону Верховного чувствовалось, что он не хотел отпускать на фронт начальника ГАУ.

— Генерал Яковлев будет работать только на 2-м и 1-м Белорусских фронтах, товарищ Сталин, — снова вмешался в разговор Жуков. — Генерал Захаров формирует фронтовое управление заново. На данном этапе важно не допустить поспешных решений.

Сталин не отреагировал на реплику Жукова и... согласился с его предложением.

, 0В ночь на 4 июня на «Ближней даче» Верховный в который раз беседовал с Жуковым и Василевским. Он наставлял своих советников «ужать» сроки подготовки Белорусской операции, чтобы не отстать от союзников, которые в ближайшие дни высадят десант на континент.

— Операция «Багратион» в случае ее успеха, — говорил Верховный, — уже осенью может поставить немца в безвыходное положение. Возможно, на первых порах Гитлер снимет с нашего фронта несколько дивизий и перебросит их на запад, чтобы нанести поражение союзникам. Наши фронты должны быть готовы к такому обороту событий, чтобы без паузы перейти в наступление.

Когда представители Ставки, Жуков и Василевский, покидали любимое пристанище Верховного, Сталин пожелал войскам курируемых ими фронтов успехов и подарил по экземпляру переизданного романа Степанова «Порт-Артур».

С 6 июня внимание Ставки раздвоилось. В полдень председатель СНК получил послание английского премьера: «Все началось хорошо. Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушные десанты были весьма успешны-

ми и были предприняты в крупном масштабе. Высадка пехоты развертывается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу. Виды на погоду сносные, с тенденцией на улучшение».

В тот же вечер в Лондон ушло послание председателя СНК Сталина премьеру Черчиллю: «Ваше сообщение об успехе начала операции «Оверлорд» получили. Оно радует всех нас и обнадеживает относительно дальнейших успехов. Летнее наступление советских войск, согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта... Обязуюсь своевременно информировать вас о ходе наступательных операций».

С 6 июня Верховный торопил командующих фронтами с переходом в наступление. Вечером 7 июня Сталин позвонил командующему Ленинградским фронтом Говорову и заслушал его доклад о готовности фронтовой группировки к началу наступления на Кarelльском перешейке. Он также уточнил вопрос о готовности Балтийского флота к операции по высадке десантов в тылу финских войск.

Утром 14 июня Верховный сообщил начальнику Генштаба маршалу Василевскому, что из-за задержки в железнодорожных перевозках начало операции «Багратион» перенесено решением Ставки на 23 июня.

Пополудни 16 июня маршал Василевский направил Верховному донесение: «Хорошее впечатление производит новый командарм 43-й Белобородов. Отлично работают присланные с юга на фронт командиры корпусов Васильев и Ручкин. Да! указание сохранить за Васильевым, переведенным с гвардейского на не гвардейский корпус, гвардейский оклад. Подготовка войск обоих фронтов идет вполне нормально, и, если погода позволит, к выполнению задания приступим строго в намеченный Вами срок».

Как бы второй частью итогового доклада Антонова об обстановке на фронтах за 17 июня явилось его сообщение о событиях в Нормандии:

— Войска союзников после высадки на побережье продвигаются вперед крайне медленно, всего два-три километра в сутки, товарищ Сталин. Несколько более высокие темпы наступления достигнуты лишь на полуострове Котантен. Их намерения на Шербурском направлении понятны — полностью обезопасить свои тылы от возможных контрударов с юга 7-й армии Дольмана. За истекшие десять суток боев им удалось объединить в один три небольших первичных плацдарма и прорвать вглубь континента до тридцати километров.

— Черчилль сообщил сегодня, что союзники перебросили во Францию пока лишь двадцать дивизий. Это половина из подготов-

ленного контингента. Противник же имеет во Франции всего шестнадцать дивизий, при том достаточно ослабленных.

— Это явно заниженные данные, товарищ Сталин, — вступил в разговор начальник Генштаба Василевский. — По нашим данным, группа армий «Запад» фельдмаршала Рунштедта имеет пятьдесят две дивизии, из них десять — танковых.

Верховный бросил короткий взгляд на маршала Василевского, но все-таки поставил общий вопрос:

— Военная ситуация во Франции не претерпит больших перемен в ближайшее время. Но как отразится высадка англо-американских войск в Нормандии на советско-германском фронте? Что нам ожидать от немца?

— Я думаю, товарищ Сталин, что при любом развитии обстановки на западе Гитлер по-прежнему будет уделять основное внимание Восточному фронту. Здесь, по моему мнению, кроются главные опасности для Германии, — сказал начальник Генштаба. — На западе он предпримет более энергичные шаги к замирению с англо-саксами.

Верховный не согласился с маршалом Василевским:

— Никакого замирения немца с союзниками в ближайшее время не произойдет. Вчера немец нанес ракетный удар по Лондону. И намерен усилить бомбардировки. О каком замирении можно говорить в этих условиях?

Генерал Антонов продолжил мысль Василевского:

— Германское командование, конечно, беспокоит развитие обстановки на финском фронте. Но и при успехе войск генерала Мерецкова в Южной Карелии оно не решится снять боеготовые войска с Запада. А вот с началом операции «Багратион» Гитлер предпримет авантюрные действия, чтобы остановить наступление советских войск.

Вечером 18 июня Сталин заслушал доклад Василевского о ходе подготовки 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов к операции «Багратион». Уточнив вопросы взаимодействия смежных фронтов Баграмяна и Черняховского, Верховный особо остановился на использовании в ходе наступления 5-й гвардейской танковой армии. Ее основная задача — быстрый выход к реке Бerezina, захват переправ и освобождение Борисова — оставалась неизменной, а вот срок ввода в прорыв и направление удара он поручил назначить представителю Ставки, исходя из складывающейся обстановки.

Начальник Генштаба Василевский еще не закончил свой доклад, когда Верховному позвонил маршал Жуков. Он доложил, что 1-му Белорусскому фронту в сутки сдаются лишь два транспорта с боеприпасами вместо трех по плану. Не закончено сосредоточение 1-го межкорпуса Кривошеина. Из трех полков САУ в район сосре-

доточения прибыл только один. На 2-й Белорусский фронт из девяти автобатальонов прибыло четыре. Запасы авиационного горючего составили на 18 июня семьдесят процентов. Жуков предложил перенести начало операции для 2-го и 1-го Белорусских фронтов с 23 на 24 июня.

Вопрос этот решился не сразу. Верховный поинтересовался мнением начальника Генштаба. Василевский тут же позвонил командующим 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами. Баграмян и Черняховский выразили полное согласие с этим предложением. И все-таки окончательное решение по этому вопросу было принято Сталиным позднее.

22 июня. Три года Великой Отечественной. Продолжали теснить финские корпуса к гостинице СССР Ленинградский фронт на Карельском перешейке и Карельский фронт на Олонецком, Петрозаводском и Медвежьегорском направлениях. Разведку боем провели 1-й Прибалтийский, 3-й и 2-й Белорусские фронты. Начиналась крупнейшая битва Второй мировой — операция «Багратион».

В ходе разведки боем войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов Баграмяна, Черняховского и Захарова прорвали оборону 3-й танковой и 4-й армий от двух до шести километров и вынутили Рейнгардта и Хейнрици ввести в бой резервы. Лишь на Оршанском направлении противнику удалось защитить укрепленные позиции.

Ощущимый успех сопутствовал войскам 3-го Белорусского фронта. 39-я и 5-я армии Людникова и Крылова, наступая из района Лизно, к исходу 23 июня продвинулись вперед до тридцати километров, расширяв прорыв по фронту до пятидесяти километров. Войска 11-й гвардейской и 31-й армий Галицкого и Глаголева, встретив отчаянное сопротивление врага на Оршанском направлении, успели не имели, незначительно вклинились в его оборону.

Силами 49-й армии Гришина перешел в наступление на Могилевском направлении и 2-й Белорусский фронт. Нанося удар на участке в двенадцать километров, соединения 49-й армии продвинулись к исходу 23 июня вперед до восьми километров, с ходу форсировали Днепр, захватив важный плацдарм на его правом берегу, восточнее Бельничей.

Войска 1-го Белорусского фронта в первый день операции «Багратион» провели лишь разведку боем на Бобруйском направлении. Войска 9-й армии генерала Формана оставались в статичном положении, что позволяло фронтовым силам осуществить прорывы от Рогачева и Озаричей, по утвержденному Ставкой плану.

Напряжение к концу первого дня Белорусской операции достигло своей кульминации не только на фронтах, но и в Кремле. Вер-

ховный звонил непрерывно представителям Ставки, Жукову и Василевскому, командующим фронтами.

Вечером 23 июня Сталин вновь позвонил начальнику Генштаба Василевскому:

— Вы приняли решение, товарищ Василевский, где ввести 5-ю гвардейскую танковую армию?

— Нет, товарищ Сталин, пока не принял. Есть два варианта. Если в течение 24–25 июня 5-я армия Крылова и подвижная группа Осликовского сломят сопротивление противника на Оршанском направлении, то мы введем танковые корпуса Ротмистрова именно на участке 5-й армии. Второй вариант — участок прорыва 11-й гвардейской армии Галицкого вдоль шоссе Москва — Минск.

— Но при любом вашем решении, товарищ Василевский, главной задачей танкистов остается: прорыв к реке Березина, овладение переправами и освобождение Борисова, — голос Верховного звучал требовательно.

С предельной прямотой о причинах довольно скромных успехов 3-й и 48-й армий Горбатова и Романенко на Бобруйском направлении доложил Жуков. С одной стороны, командование обеих армий слабо разведало оборону противника, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. С другой, командующий 4-й армией Хейнрици правильно определил направление главного удара и укрепил позиции противотанковыми средствами. Он вовремя не поправил командование 1-м Белорусским фронтом.

В тот же день, несмотря на большую занятость по Белорусской операции, Сталин не упустил из виду и сообщил маршалу Коневу, что им подписана директива о проведении 1-м Украинским фронтом операции на Рава — Русском и Львовском направлениях. Он снова подчеркнул, что командующий 1-м Украинским фронтом несет персональную ответственность за успех «двух главных ударов» своих войск⁷.

К исходу 25 июня пришел первый успех в операции «Багратион». Войска 43-й армии Белобородова и 39-й армии Людникова соединились у Гнездиловичей, окружив Витебскую группировку 3-й танковой армии генерала Рейнгардта.

Сразу после утреннего доклада Антонова о положении на фронтах 26 июня Верховный вызвал Главного маршала артиллерии Воронова в Кремль:

— Вы знаете, товарищ Воронов, что сегодня ночью авиация немца нанесла бомбовый удар по Смоленскому железнодорожному узлу и вывела его из строя? Как прикажете обеспечивать боепитание войск в Белорусской операции?

— О налете на Смоленск мне доложили два часа назад, товарищ Сталин. Пострадали санитарные эшелоны на станции и полотно.

Зенитчиками и истребителями сбито семь вражеских самолетов, — сказал Воронов.

Выпустив изо рта струйку дыма, Верховный продолжил заранее «заготовленный выговор»:

— Этот налет удался противнику потому, что командование нашей противовоздушной обороны не выполнило постановление ГКО годичной давности по этим вопросам. Для кого, спрашивается, принимаются важные государственные постановления, товарищ Воронов?

Воронов полистал записную книжку, доложил:

— На основании постановления ГКО от 29 июня, товарищ Сталин, из Восточного фронта ПВО в состав Западного фронта передано сто двадцать пять отдельных частей и две тысячи зенитных пулеметных взводов. Из этого количества семнадцать частей и двадцать девять взводов поступило в Смоленский корпус ПВО. Но этих сил оказалось недостаточно, чтобы надежно прикрыть с воздуха Западное направление и, прежде всего, Смоленск.

— Немец крайне обозлен провалом своей обороны на Витебском направлении, товарищ Воронов, и может повторить налет на Смоленск. Этого допустить нельзя, — строго сказал Верховный и добавил: — Сбрасываются фугасные бомбы замедленного действия, чтобы затруднить восстановление на железнодорожном полотне. Что вы предлагаете?

— Необходимо, чтобы дальняя авиация сегодня нанесла удары по авиабазам противника в Вильнюсе, Минске и Барановичах. И еще. В связи с изменением ситуации на Ленинградском и Карельском фронтах считаю допустимым перебросить в Смоленск из Архангельской дивизии ПВО тридцатьочных истребителей. Когда наши войска завершат операцию «Багратион» и выйдут к Висле, рейхсмаршалу Герингу будет уже не до налетов на Смоленск.

Верховный без раздумий согласился:

— Хорошо. Готовьте проект директивы Ставки.

Пробитая в обороне противника крупная брешь у Витебска предопределила все последующие успехи фронтов Западного направления. 26 июня войска 3-го Белорусского фронта освободили Сенно и Толочин, перерезали железнодорожные коммуникации 4-й армии Типпельскирха: Орша — Лепель и Орша — Борисов. На участке наступления 5-й армии вошла в прорыв 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова. Войска 2-го Белорусского фронта освободили Горки, форсировали Днепр. Войска 1-го Белорусского фронта освободили Жлобин.

В полдень 27 июня войска Черняховского освободили Оршу. 2-й Белорусский фронт Захарова замкнул кольцо вокруг Могилева. В окружении 1-го Белорусского фронта Рокоссовского оказалась Бобруйская группировка 9-й армии.

Директива Ставки от 28 июня обязала 3-й и 1-й Белорусские фронты стремительным продвижением на Молодечно и Барановичи замкнуть кольцо вокруг 4-й армии восточнее Минска. 2-й Белорусский фронт получил задачу наступать на Минск через Белыниччи, в обход опорных пунктов противника.

К исходу 29 июня Могилевская и Бобруйская группировки противника были разгромлены. В плен сдались командиры 53-го и 35-го армейских корпусов генералы Гольвитцер и Лютцов. Сложились условия для полного разгрома группы армий «Центр» фельдмаршала Моделя и выхода на рубеж Поставы — Вилейка — Городня. В этот же день Президиум Верховного Совета СССР присвоил командующему 1-м Белорусским фронтом Рокоссовскому звание «Маршал Советского Союза».

В полдень 30 июня начальник Разве́дывательного управления Генштаба Ильичев доложил Антонову, что, по данным Белорусского штаба партизанского движения, сохранившиеся в Минске Дом правительства, здание ЦК партии Белоруссии и окружной Дом офицеров готовятся оккупантами к подрыву. Эти сведения сразу же были доложены Верховному. Сталин позвонил в Дуравичи маршалу Жукову и потребовал ускорить движение на Минск танковых сил всех Белорусских фронтов, чтобы спасти важные объекты столицы Белоруссии.

К исходу 1 июля ударные корпуса 5-й гвардейской танковой армии, смяв оборонительные заслоны врага вдоль автомагистрали Москва — Минск, освободили Борисов. С достигнутого рубежа 2-й гвардейский танковый корпус Бурдейного, совершив 2 июля шестидесятикилометровый бросок через Смолевичский партизанский район, обрушил на врага внезапный ночной удар. Утром 3 июля танкисты ворвались в Минск и овладели ее ключевыми опорными пунктами. Вслед за ним в столицу Белоруссии вошли войска 11-й гвардейской и 31-й армий Галицкого и Глаголева.

Минская операция победно завершила начальный этап операции «Багратион». В ходе ее 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские фронты нанесли поражение 3-й танковой и 4-й армиям Рейнгардта и Титтельскирха и продвинулись вперед до двухсот двадцати километров.

Приняв решение о наступлении 2-го Прибалтийского фронта, Ставка 4 июля сдвинула южнее разграничительные линии всех фронтов Западного направления. 2-й Белорусский фронт передал смежнику справа 33-ю армию, получив взамен на левом фланге от 1-го Белорусского 3-ю армию Горбатова.

Оказавшиеся в «котле», восточнее Минска, более ста тысяч солдат и офицеров 3-й танковой, 4-й и 9-й армий группы армий «Центр» предпринимали отчаянные попытки выбраться из окружения, но, понеся большие потери, раз за разом откатывались на

исходные позиции. С каждым следующим часом их положение становилось все более безнадежным.

Вечером 5 июля, когда представитель Ставки Василевский вернулся из Минска в Красное, Антонов сообщил своему начальнику, что 6 июля для встречи с ним в Смоленск вылетает глава английской военной миссии генерал Бэрроуз. После обмена мнениями во фронтовом штабе британский представитель совершил поездку на фронт в район Смолевичей, где войска 31-й армии Глаголева продолжали громить блокированную группировку врага. Тысячи пленных, поверженная боевая техника немцев по пути к фронту произвели на Бэрроуза огромное впечатление.

К исходу 7 июля с окружеными под Минском 12-м, 27-м и 35-м армейскими, 39-м и 41-м танковыми корпусами было практически кончено. Группа армий «Центр» потеряла свыше семидесяти тысяч убитыми и тридцать пять тысяч пленными. Войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 1-го Белорусских фронтов продвинулись до рубежа Вильнюс — Барановичи — Пинск.

Итоговый доклад Антонова за 7 июля звучал по-особенному оптимистично:

— Войска 1-го Прибалтийского фронта в течение последних суток освободили от противника Браслав, Свенцяны и Имчалин. 3-й Белорусский фронт продвинулся вперед до семнадцати километров, освободил Ошмяны и Островец. Войска 1-го Белорусского фронта овладели Столином. Решение Ставки поручить разгром Минской группировки противника войскам 2-го Белорусского фронта оказалось безупречным со всех точек зрения.

— Значит, товарищ Антонов, — сделал вывод Верховный, — наша стратегия действий, сначала по сходящимся направлениям с целью окружения основных сил немца, а затем по расходящимся направлениям для расширения прорыва в ходе преследования, оказалась правильной, дальновидной?

В полночь Верховный вызвал Поскребышева и поручил соединить его с Жуковым. Разговор получился коротким. Представитель Ставки доложил последние фронтовые новости и внес ряд предложений по плану операции «Багратион». Сталин спросил: «Может ли он без ущерба для фронта на пару дней прилететь в Москву, чтобы обсудить «насущные польские вопросы»? Маршал Жуков ответил, что, конечно, может.

Маршал Жуков неизменно придерживался правила: прибыв в Москву, перед встречей с Верховным, обязательно заехать в Генштаб, основательно уяснить обстановку последних дней на всех фронтах. Так же он поступил и 8 июля. Генерал армии Антонов доложил обстановку на 12. 00, высказал свой прогноз о развитии событий до середины июля. Уточнение «деталей» еще продолжалось, когда позвонил Сталин и приказал вместе с Жуковым через час прибыть на «Ближнюю дачу» для доклада.

Вечером там же, в присутствии Жукова, председатель СНК принял Берута, Осубко-Моравского и Роля-Жимерского. Договорились, что первым городом, где развернет свою организаторскую деятельность Крайова Рада Народова, станет Люблин.

Представитель Ставки Василевский позвонил вечером 12 июля Верховному и предложил: освободить 1-й Прибалтийский фронт Баграмяна от нанесения удара на Каунас, чтобы сосредоточить основные усилия против Даугавпилса. Одновременно вступающие в дело резервные 51-я и 2-я гвардейская армии Крейзера и Чанчидзе нацеливались на Паневежис и Шауляй. Начальник Генштаба не преминул напомнить Сталину свое прежнее предложение: ударом на Ригу пробиться на Балтийское побережье, разорвать сплошной фронт противника, перерезать сухопутные коммуникации из Прибалтики в Восточную Пруссию, отсечь войска группы армий «Север» от группы армий «Центр».

Доводы начальника Генштаба были убедительны, и Верховный вынужден был согласиться с его предложением, но все-таки спросил: «Сколько времени потребуется фронтовым штабам для подготовки такого комбинированного удара?» Василевский назвал конкретное число его начала — 20 июля. С учетом пополнения 1-го Прибалтийского фронта 51-й и 2-й гвардейской армиями, Сталин приказал 39-ю армии Ледникова вернуть в состав 3-го Белорусского фронта, сместив севернее разграничительную линию фронтов.

Следующий день, 13 июля, обратил внимание Ставки южнее. Войска 1-го Украинского фронта Конева повели наступление в Львовско-Сандомирской операции, охватившей участок территории до ста двадцати километров на передней линии и до двухсот сорока в глубину. Превосходство наших войск в силах было обеспечено и на этот раз по всем основным компонентам.

Абсолютное превосходство над войсками Гарле было достигнуто на направлениях главных ударов: в людях — почти в пять раз, в орудиях и минометах — в шесть с половиной раз, в танках и САУ — в три раза.

Наступление 3-й гвардейской и 13-й армий Гордова и Пухова развивалось в соответствии с планом. 14 июля на Львовском направлении перешел в наступление левый фланг 1-го Украинского фронта. 15 июля, когда тактическая полоса обороны противника оказалась прорванной, Конев ввел в сражение подвижную группу Баранова, чтобы перерезать пути отхода на запад 1-й танковой армии.

Быстро изменялась стратегическая обстановка на втором этапе операции «Багратион». Освободив Вильнюс, Волковыск, Пинск и Алитус, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские фронты пробились к Неману и 16 июля освободили Гродно, вышли на рубеж Свислочь — Пружаны.

С рубежа реки Лжа 17 июля перешел в наступление 3-й Прибалтийский фронт Масленникова. Ему предстояло разгромить Псковско-Островскую группировку 18-й армии генерала Лоха, пройтись на рубеж Гулбене, освободить Псков. Наступая на Выру, Тарту и Пярну, фронт должен был отрезать оперативную группу «Нарва» генерала Грассера от основных сил группы армий «Север».

Успешное начало Люблинско-Брестской операции явилось весомым подспорьем для развития Львовско-Сандомирской операции 1-го Украинского. В этот день, 18 июля, подвижная Баранова и 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко встретились у Деревлян и завершили окружение 1-й танковой армии Рауса западнее Бродов.

К исходу 18 июля 3-я гвардейская армия Гордова, преодолев вторую полосу обороны 4-й танковой армии, завязала бой за Владимир-Волынский. Главные силы 1-й гвардейской танковой армии Катукова переправились южнее Сокала через Западный Буг и успешно отражали на польском плацдарме контратаки 46-го танкового корпуса противника.

Успешное развитие операции «Багратион» побудило маршала Жукова задуматься над «осенней перспективой» войск центрального направления. В ночь на 19 июля он доложил свои соображения в Ставку.

2

1 июня танковые дивизии группы армий «Южная Украина» генерала Шернера продолжали контратаки западнее Ясс. В «Вольфшанце» шли оптимистические донесения о том, что позиции русских между Сиретом и Протом прорваны и войска продвигаются к Ботошани. Но доклады не получали ответной реакции со стороны ОКВ: фюрер был поглощен летней перспективой. Она представлялась грозной.

Вечером 2 июня разговор в Главной Ставке пошел об... Италии. Генерал Йодль доложил фюреру: «Командующий группой армий «Юго-Запад» просит разрешения на сдачу Рима. Оборона итальянской столицы с самого начала не входила в намерение фельдмаршала Кессельринга.

В ночь на 4 июня Кессельринг отдал приказ на эвакуацию Рима с отходом 14-й армии на рубеж, проходивший за рекой Тибр... В полночь 4 июня танки с десантом пехоты 5-й американской армии Кларка вступили в столицу Италии Рим.

Фельдмаршал Роммель прилетел в Главную Ставку в полдень 5 июня, но только вечером был принят Главкомом ОКХ. Настроен он был весьма благодушно:

— Мой фюрер, успех десантной операции всецело определяется погодными условиями. Адмирал Кранке придерживается такого же мнения. Если вторжение не произошло в мае, то до августа его просто невозможно осуществить. Проливы уже штормят.

— Вы напрасно успокаиваете меня, Роммель. Я считал, что большевики не смогут наступать на Украине весной, в самую распутьцу, но что из такого предположения получилось, вы хорошо знаете. Разве англосаксы не способны на такой сюрприз для ваших войск?

— В больших масштабах не способны, мой фюрер, — стоял на своем Роммель. — На побережье надо перебросить, кроме солдат, еще танки и артиллерию.

— Йодль тоже придерживается сходной позиции, но мы должны обезопасить себя до тех пор, когда Хейнeman доложит мне о готовности к нанесению массированного удара по Лондону «неотразимым оружием возмездия». Это будет началом другой войны, Роммель. Оно приведет нас к победе.

— Мой фюрер, в августе вторжение противника непременно состоится, и я прошу вас уделить внимание пополнению моих армий людьми и танками.

— Я верю в неприступность «Атлантического вала», Роммель, — Гитлер провел пальцем по «оперативке». — Дюнкерк, Кале, Булонь, Дьепп, Гавр и Шербур — это неприступные береговые крепости.

— Имея многократное превосходство в авиации, мой фюрер, англосаксы способны выбросить три воздушно-десантные дивизии за «Атлантический валом», на тыловые коммуникации моих армий.

— Пусть Рунштедт подумает уже сейчас, Роммель, как небольшими силами отразить угрозу. Десант наземных войск на побережье необходимо в самом начале сбросить в море. Никаких прорывов глубь нашей обороны! Это мой последний приказ, фельдмаршал Роммель.

— Группа армий «Запад» имеет в резерве четыре танковые дивизии. Главные силы группы армий «Б» я сосредоточил на побережье. Линия обороны 7-й и 15-й армий — свыше тысячи километров.

— Рунштедт докладывал мне, что он будет иметь силы в глубине обороны для нанесения контрударов. Их надо использовать и для уничтожения воздушных десантов англосаксов.

В полночь 6 июня появились сведения об усилении движения на Ла-Манше. Фон Зальмут доложил об этом фон Рунштедту и в «Вольфшанце». Но донесение не вызвало беспокойства. В штабе 84-го армейского корпуса с вечера 5 июня продолжался банкет по случаю дня рождения командира.

Высадка воздушных десантов англо-американских войск началась в полночь в расположении 7-й армии. Но Дольман объявил состояние повышенной боеготовности лишь в половине третьего. Спустя десять минут он получил разъяснение от начальника штаба группы армий «Запад» Вестфала: «По мнению Рунштедта, здесь нет крупной акции».

На рассвете 6 июня донесения о воздушных десантах англосаксов поступали одно за другим из различных мест побережья. О вторжении главных сил противника никто все еще не подозревал.

Визуально, десантные суда были обнаружены в половине четвертого. Но лишь в начале шестого генерал Дольман доложил в штаб группы армий «Б», что силы вражеского флота имеют цель доставить на побережье крупные войсковые контингенты.

В полном неведении об обстановке на побережье находилась Главная Ставка. В половине восьмого генерал Йодль передал приказ фюрера Рунштедту: «Все же выдвинуть 12-ю танковую дивизию СС в район Кана, а учебную 2-ю танковую дивизию оставить пока в гарнизоне».

В 17. 00 Гитлер отдал категорический приказ фельдмаршалу Рунштедту: «Не позже, чем к вечеру, уничтожить противника на захваченном им плацдарме».

В поисках выхода из тутика Главком ОКХ решил использовать в деле свой последний козырь – «неотразимое оружие возмездия». Полковник Вахтель получил из штаба 65-го армейского корпуса кодовый сигнал о приведении полка в боевую готовность к 12 июня.

Ни к вечеру 6 июня, ни в течение двух последующих суток уничтожить противника на плацдармах войскам группы армий «Б» фельдмаршала Роммеля не удалось. Ситуация приобретала критический характер.

ОКВ учтивало возможность высадки второго десанта англосаксов либо между устьем реки Шельда и Дюнкерком, либо в районе Кале – Гавр.

Оценивая обстановку, сложившуюся к полуночи 11 июня, Роммель назвал в качестве очевидного намерения англо-американских войск захват глубокого плацдарма между реками Орн и Вир, а затем отсечение от основных сил 7-й армии Шербурской группировки на полуострове Котантен.

Утром 12 июня полковник Вахтель получил боевой приказ: в ночь на 13 июня начать удары ракетами «ФАУ-1» по Лондону! Первый налет произвести в течение двух часов с темпом стрельбы две ракеты в час с каждой пусковой установки. Для первого удара выделялось пятьсот ракет.

Оперативное совещание 12 июня было долгим и отличалось подавленностью духа. Был активен лишь генерал Йодль. Он зая-

вил: «Если англосаксы прорвутся с плацдарма на юг и навяжут Рунштедту маневренные действия, то вся Франция будет потеряна, и следующим рубежом обороны станут либо «линия Мажино», либо «линия Зигфрида».

Доклад генерала Цейтцлера об отходе 3-го корпуса финнов в направлении Выборга произвел гнетущее впечатление. После некоторого раздумья Гитлер спросил: «Если падет Выборг, то как это скажется на судьбе Финляндии?» На него никто не ответил.

В половине четвертого 13 июня начался ракетный обстрел Лондона. До семи утра было выпущено десять «ФАУ-1», но только четыре из них достигли британских островов. Массированного удара по Лондону не получилось.

Поддержание некоего равновесия на фронте 7-й армии Дольмана становилось все более проблематичным. Командующий группой армий «Запад» Рунштедт, убедившись, что главное вторжение англосаксов состоялось, предложил Гитлеру использовать в Нормандии 15-ю армию Зальмута. Но Гитлер колебался, охваченный сомнениями.

Только к 16 июня его удалось «уломать». Главком ОКХ разрешил фельдмаршалу Рунштедту снять силы с полосы 15-й армии и использовать их для контрудара вблизи города Кан. В тот же день фюрер проследовал во Францию, чтобы на «поле сражения» уяснить обстановку и дать указания, каким образом можно разбить противника.

Встреча Гитлера с Рунштедтом и Роммелем у Суассона получилась острой. Обосновавшись в том же бетонном бункере, откуда в середине сорокового года он намеревался руководить вторжением вермахта в Южную Англию, фюрер настойчиво искал причину провалов на Западном фронте.

Командующий группой армий «Б» Роммель с возмущением отверг всякий поклон на войска. Он пытался доказать, что противник имеет огромное превосходство в силах. Он выдвинул требование о немедленной эвакуации войск с полуострова Котантен и спрямления линии фронта в районе Канна.

В категорической форме Гитлер отверг эти предложения. Он не хотел понять, что в случае прорыва англосаксов южнее обстановка для группы армий «Запад» сразу станет катастрофической. Главком ОКХ пообещал Рунштедту перебросить во Францию достаточно большое количество сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, чтобы переломить ситуацию к лучшему. В конце встречи Гитлер уверенно заявил о том, что массированные ракетные удары по Лондону в самое ближайшее время обеспечат вермахту перелом в войне.

Фельдмаршал Роммель вновь не сдержался. Он высказался относительно общей военной обстановки и не побоялся выдвинуть

требование: «Надо быстрее прекратить войну!» Фюрер тут же «поставил на место» командующего группой армий «Б»: Роммеля следуют беспокоиться только о своем участке фронта и не вмешиваться в «большую политику»!

Анализ обстановки на Западном фронте еще не закончился, когда рядом с бункером у Суассона упало три сбившихся с курса «ФАУ-1». Их взрывы потрясли Гитлера и молниеносно изменили его дальнейшие планы. Спустя пару часов «юнкерс» фюрера стартаовал в направлении... Львова. Гитлер решил нанести такой же молниеносный визит на Восточный фронт, в штаб группы армий «Северная Украина». Там тоже было о чём поговорить.

Но запасы готовых «ФАУ-1» стремительно сокращались, и на оперативном совещании 18 июня Гитлер категорически запретил наносить ракетные удары по другим объектам, кроме Лондона. Шпеер получил его указание всемерно увеличить производство «ФАУ-1» за счет сокращения выпуска «ФАУ-2» до ста пятидесяти ракет в месяц⁴. Высвободившаяся рабочая сила и материальные средства должны быть использованы прежде всего для производства «вишневых косточек»⁵.

Учитывая критическую ситуацию на Выборгском направлении, 20 июня Гитлер сообщил маршалу Маннергейму, что в ответ на его просьбу о помощи он срочно перебрасывает из Эстонии эскадрилью штурмовиков, бригаду штурмовых орудий и пехотную дивизию.

Не отличавшуюся спокойствием обстановку в «Вольфшанце» 22 июня взорвали донесения командующего группой армий «Центр». Фельдмаршал Буш отнюдь не слушал краски: русские атаковали 3-ю танковую и 4-ю армии Рейнгардта и Хейнрихи на фронте от Полоцка до Могилева. Планы большевиков ему установить не удалось. Однако диверсии партизан на железнодорожных коммуникациях Молодечно – Полоцк, Борисов – Орша, Лунинец – Пинск указывают, что наступление готовится крупными силами.

К исходу 24 июня прорывы войск 3-го и 2-го Белорусских фронтов на ключевых участках Витебск – Орша и Орша – Могилев стали фактом. Буш позвонил в «Вольфшанце» и предложил отвести войска на отсечные позиции, но Гитлер отклонил его доводы и приказал «не отходить»!

28 июня стало последним днем для фельдмаршала Буша. После обеда он позвонил в Главную Ставку и попытался склонить Гитлера к оставлению «укрепленных точек». Но фюрер не шел ни на какие уступки и требовал удержания позиций до конца. Сдача Могилева переполнила «чашу его терпения» и он сместил Буша с должности, назначив на его место надежного «мастера обороны» фельдмаршала Моделя.

Только 29 июня, когда главные силы 9-й армии были разгромлены у Бобруйска, а 4-я армия панически отходила к Березине, в Генштабе ОКХ поняли, что происходящие события выходят за рамки группы армий «Центр» и вызывают необходимость кардинальных решений в масштабе всего фронта. Фельдмаршал Модель тем временем не стал ожидать обещанной помощи от ОКВ, а начал переброску на участок прорыва, к Вильнюсу и Пуховичам, двух танковых дивизий из группы армий «Северная Украина».

Восточный фронт рушился на глазах, но на оперативном совещании 29 июня доминировали «нормандские проблемы». Хотя войска 1-й американской армии Брэдли уже овладели Шербуром, контрудар 2-го танкового корпуса СС Хауссера из района Виллер-Бокаж по обе стороны реки Одон породил позитивные надежды. Гитлер то и дело повторял, что этот успех является наглядным примером, когда и при недостатке сил можно изменить обстановку в лучшую сторону.

Имея на вооружении танки «Тигр-VI» и самоходные артиллерийские установки (САУ) «Фердинанд», 9-я и 10-я танковые дивизии СС потеснили 2-ю английскую армию генерала Демпси до десяти километров и захватили высоты у реки Орн. Неизбежное падение Кана удалось оттянуть на три недели.

Оперативное совещание 1 июля проходило крайне остро. Точки зрения Главкому ОКХ и фельдмаршала фон Рунштедта разошлись в оценке соотношения сил:

— Теми силами, которыми в данный момент располагает группа армий «Запад», мой фюрер, нам не удастся опрокинуть миллионную армию англосаксов. Захватив Шербур, противник накопливает силы. Нам не приходится рассчитывать на такие темпы пополнений. Наше «неотразимое оружие возмездия» оказалось на самом деле не столь грозным.

— Проблемы Восточного фронта, Рунштедт, оставьте решать мне, — оборвал фельдмаршала Гитлер. — Каждый должен решать свои проблемы. Конечно, потеря Котантена сузила возможности применения нашего подводного флота. Ситуация изменилась бы в лучшую сторону, если бы я мог в пределах июля поставить вам две тысячи истребителей. Но группа армий «Центр» тоже испытывает недостаток истребителей. Вы понимаете, Рунштедт, что Восточный фронт катится к границам рейха. Он находится в пятистах километрах от того места, где мы сейчас с вами.

— Фельдмаршал Модель, мой фюрер, не допустит такого развития событий и, безусловно, поправит положение, — вставил реплику генерал Йодль.

Гитлер поддержал своего «военного советника»:

— Я тоже верю в Моделя, Йодль, но и он не все может... Что вы еще хотите сказать, фон Рунштедт?

Командующий группой армий «Запад» говорил дальше сбивчиво, невпопад:

— Намечаемый вами контрудар, мой фюрер, без подкреплений еще больше ослабит мои силы. Надо иметь в виду, что наш фланг у Байё ослаблен. Прорыв англосаксов на юг может оказать решающее значение для всего хода борьбы во Франции и привести к кризису всего нашего фронта на Западе.

— Вы настроены слишком пессимистично, фельдмаршал Рунштедт, — заявил Гитлер. — С таким настроением нам не добиться там успеха.

Вызвать совещание из тупика попытался фельдмаршал Кейтель. Он тоже встал в позу нравоучителя:

— Вы должны понять, Рунштедт, что в настоящее время снять войска с Восточного фронта и перебросить их на Запад нет никакой возможности.

Фельдмаршал Рунштедт уточнил:

— Вы хотите услышать, фельдмаршал Кейтель, мой ответ на вопрос: «Какой план действий необходимо избрать, чтобы при отсутствии резервов добиться поставленных целей и избежать катастрофы?»

— Именно этот вопрос напрашивается сам собой, Рунштедт, — подтвердил Кейтель.

Командующий группой армий «Запад» ответил:

— Надо заключить мир с англосаксами и все наличные силы бросить на Восток, Кейтель.

— Вы неисправимы, Рунштедт. Вам надо остыть от фронта, — закончил совещание Гитлер.

К исходу 2 июля ОКВ оторвало Модель: он сдал Борисов. Русские захватили Столбцы, Городею и перерезали железную дорогу Барановичи — Минск.

Вместо умершего командарма 7-й Дольмана Гитлер назначил 2 июля командира 2-го танкового корпуса СС Хауссера. 3 июля Главком ОКХ сместил Рунштедта и назначил вместо него «отдохнувшего» после Восточного фронта фон Клюге. Вечером того же дня в Берхтесгаден прибыли еще два новых назначенца: командующий оперативной группой «Нарва» Фриснер и его преемник Грассер.

В полночь Гитлер принял генерала Фриснера, спросил:

— Какие меры, Фриснер, приняли бы вы на месте командующего группой армий «Север»?

— Мой фюрер, — застыл у стола генерал Фриснер, — я бы всеми силами нанес удар на Витебск, чтобы восстановить связь с группой армий «Центр».

— Ваши соображения, генерал Фриснер, импонируют мне целеустремленностью и продуманностью действий, — Гитлер оторвал напряженный взгляд от «оперативки».

— Но в данном случае, мой фюрер, мне пришлось бы без боя оставить Эстонию, — выпалил генерал Фриснер.

— И еще. Значительную часть Латвии, — продолжил его мысль Верховный Главнокомандующий. — В связи с этим, генерал Фриснер, я... назначаю вас командующим группой армий «Север». Генерал Грассер примет вашу группу «Нарва».

Утром 4 июля генерал Йодль сообщил из «Вольфшанце» в Берхтесгаден: русские овладели Минском, а восточнее города окружили основные силы группы армий «Центр». Фельдмаршал Модель не может перебросить в район Слуцка пехотные дивизии из-под Самбора.

Прибыв в Сигулду, в штаб группы армий «Север», Фриснер сразу же приступил к делу. Обстановка на фронте существенно отличалась от доложенной Цейтилером в южной Ставке фюрера. Отстраненный от командования Линденман был намного ближе к истине. Соотношение сил представлялось ему устрашающим — 8:1 в пользу русских⁶.

Невзирая на сложность ситуации в полосе 16-й армии, генерал Фриснер руководствовался указаниями Верховного Главнокомандующего. В своем приказе от 5 июля он особо подчеркнул, что перед группой армий «Север» поставлена задача: «Удержать фронт при любых обстоятельствах и войти в соприкосновение с группой армий «Центр».

Все попытки штаба группы армий «Центр» наладить боепитание окруженной под Минском группировки срывались авиацией Советов. Утром 5 июля командующий ею Мюллер направил в штаб Моделя радиограмму: «Сбросьте с самолета хотя бы карты местности. Или вы уже списали нас?» Ответа на нее не последовало. Модело было уже не до них.

Бои на Западе приобретали затяжной характер. Попытки союзников прорваться к Кану отражались 7-й армией и танковой группой «Запад». Хотя сил для защиты позиций у Кана и Сен-Ло не хватало, ОКВ по-прежнему не решалось усилить их за счет 15-й армии фон Зальмута в полосу 7-й армии.

Когда 8 июля Гитлер возвратился в Главную Ставку, на него обрушился шквал «неотложных звонков» с Восточного фронта. Настойчивее других был фельдмаршал Модель. Главный вопрос: «Как быть с окруженной под Минском группировкой его армий?»

Гитлер выслушал «своего любимца» и приказал... немедленно прибыть в «Вольфшанце» с докладом. Такой же приказ получил и генерал Фриснер. У него тоже имелись неотложные вопросы по разверткам.

Оперативное совещание 9 июля Гитлер проводил при ограниченном круге лиц. Фриснер, Модель, Грейм, Дениц. Повестку дня фюрер определил четко: стабилизация положения в центре Восточ-

ного фронта. Вопрос об отводе группы армий «Север» обсуждению не подлежал, так как это невозможно сделать летом без больших потерь, что наглядно подтверждал опыт 4-й армии Тилпельских под Минском. Кроме того, отвод группы армий «Север» с боевой техникой потребует не менее месяца.

Первым получил слово фельдмаршал Модель:

— Мой фюрер! Вы поручили мне командование группой армий «Центр» в период самого глубокого кризиса, который когда-либо имел место на Востоке. Потери моих войск на фронте от Полоцка до Бобруйска невосполнимы. Я не уверен, что смогу оказать помощь войскам, блокированным у Смолевичей. Решение о переброске в районы Вильнюса и Пуховичей шести дивизий группы армий «Северная Украина» ставит целью не допустить прорыва Советов к границам рейха и к Балтийскому морю.

— Нельзя допустить вторжения Советов в пределы Восточной Пруссии, Модель! — привстал за столом Гитлер. — Это будет иметь огромное политическое значение.

— Нужны силы, мой фюрер, — отчеканил Модель. — Нарастает опасность перехода русских в наступление южнее. Маршал Конев держит наготове три танковые армии. Я вынужден обратить ваше внимание, мой фюрер, на неотвратимость большого решения по группе армий «Север» генерала Фриснера. Иначе ОКВ не решить задачу по стабилизации Восточного фронта в центре.

И следующий доклад генерала Фриснера грешил констатацией опасностей, нависших над его войсками в случае перехода русских в наступление:

— Выполнение приказа ОКВ об установлении связи с войсками фельдмаршала Моделя без танковых резервов, мой фюрер, невозможно. Переброшенные мною в район Дриссы силы не в состоянии закрыть брешь, образовавшуюся из-за отхода 3-й танковой армии. Маневр войск Рейнгардта создал большевикам предпосылки для удара на Даугавпилс, в тыл 16-й армии Лаккса, и далее на Ригу.

— И этого тоже нельзя допустить, Фриснер, — отрешенный взгляд Гитлера скользнул по карте. — До 17 июля в группу армий «Центр» из Германии и Норвегии будет переброшено девять дивизий, в том числе танковая дивизия СС «Герман Геринг» и мотобригада «Вергхерн».

Гросс-адмирал Дениц начал доклад безапелляционно:

— Прорыв русских к Балтийскому морю, где бы это ни произошло, у Риги или у Тильзита, мой фюрер, неизбежно приведет к катастрофическим последствиям не только для сухопутных войск, но и для военно-морских сил. Господство ВМС на Балтике обеспечивает транспорт железной руды из Швеции и хрома из Финляндии. На Балтике рейх строит подводные лодки. Наша последняя позиция — это позиция у Локсы и боны «Назгорн».

— Дальше рубежа Локса — Тапа — Тарту, генерал Фриснер, не должна отходить группа «Нарва», — Гитлер дважды провел пальцем по карте. — Передайте Грассеру, что это мой последний приказ!

— Для этого важно владеть островами на Балтике, — продолжал гросс-адмирал Дениц. — Если же русские прорвутся в Литву и Восточную Пруссию, то позиция на Финском заливе потеряет для нас свое значение.

К 12 июля войска группы армий «Центр» были отброшены на рубеж Аллитус — Гродно — Слоним — Минск. Отчетливо проявились намерения противника прорваться к Белостоку и Бресту. Связь с группой армий «Север» отсутствовала.

Кризисная ситуация стремительно нарастала и в полосе обороны группы армий «Север». Фриснер направил в «Вольфшанце» личное письмо Гитлеру.

К исходу 13 июля кризис на отдельных участках Восточного фронта перерос во всеобщий.

Продолжала нести ощущимые потери группа армий «Центр». Прекратила существование Вильнюсская группировка 3-й танковой армии. Войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов пробились к Гродно и завязали бои на его ближних подступах. Достойных ответов на эти опасные выпады Москвы в «Вольфшанце» никак не находилось.

Середину дня 13 июля «фюрер» посвятил работе с документами. Фельдмаршал Кейтель представил на подпись два проекта, и оба они без всяких замечаний были подписаны Гитлером: «Указ фюрера о командной власти в зоне боевых действий на территории империи» и «Указ фюрера о сотрудничестве партии и вооруженных сил в зоне боевых действий на территории империи».

Вслед шеф-адъютант генерал Шмундт доложил фюреру о двух «оперативных документах»: «Памятной записке» министра вооружений Шпеера и письме командующего группой армий «Север» Фриснера.

Самоуверенности Шпеера можно было только позавидовать. Он изложил программу, позволяющую выполнить задачу поставок более совершенного оружия, и в течение трех месяцев преодолеть кризис.

Сложнее получилось с письмом Фриснера. Оно привело Гитлера в ярость. Фюрер вновь подтвердил Шмундту свою антипатию к «слезливому генералу», заявил о намерении отстранения его с поста, приказал вызвать «обреченного упрямца» в Главную Ставку для доклада и... объявления приказа.

Гитлер подчеркнуто строго сказал:

— Генерал Фриснер! Вы прислали мне письмо с угрозами. Я считаю, что, если командир роты, получив от комбата приказ, с которым не согласен, подаст рапорт о болезни, это будет выглядеть

как самый не военный поступок. Что было бы с нами, если бы каждый вспоминал о своей болезни, как только дела начали идти не так, как ему нравится?

Генерал Фриснер сдержанно возразил:

— Мой фюрер! Никаких угроз в моем письме нет. Это несовместимо с моим представлением о солдатском долге. Я отвечаю за жизнь семисот тысяч солдат, полным доверием которых я пользуюсь. Эти люди знают, что я могу потребовать от них самых больших жертв, если это будет продиктовано обстановкой. Но они верят в то, что я не потребую от них ничего, что идет вразрез с моей совестью. Сейчас наступил именно такой момент.

Фриснер сделал паузу и продолжил доклад:

— Я вижу, что группа армий «Север» будет в ближайшее время окружена и разгромлена противником, если мы не примем решительных мер. Войскам приходится вести борьбу, превосходящую человеческие силы. При этом следует иметь в виду, что дивизии уже не те, что были в начале войны. О сплошном переднем крае обороны, который я вижу на вашей карте, уже нет и речи. Мы давно ограничиваемся созданием только временных оперативных групп на предполагаемых участках прорыва.

Командующий группой армий «Север» продолжал доклад с нарастающей экспрессией:

— При соотношении сил один к восьми вести бои нельзя. Если до сих пор это все же как-то удавалось, то причину следует искать в высоком боевом духе немецких солдат, а также в опытности руководства. Но сейчас мы дошли до крайности. Если не будут приняты решительные меры, противник выйдет нам в тыл. Понимая это, я решил довести до вашего сведения свою оценку обстановки. Я хочу, чтобы вы поняли всю правду и поверили мне. Я считаю своим долгом указать вам на всю серьезность положения. Мною руководит не упрямство, не стремление уйти от ответственности. Я не намерен также притворяться больным. Я не брошу свои войска в этой роковой ситуации и буду выполнять свой долг, куда бы вы меня ни направили.

Гитлер закончил аудиенцию неожиданно:

— Мой генерал! Я благодарю вас за искренний и ясный доклад, который позволил мне увидеть обстановку на фронте вашей группы армий так ярко и выпукло, как никогда. Обещаю вам немедленно помочь.

Номинально Верховный Главнокомандующий выполнил данное обещание. На общем разборе обстановки сразу после «драматической аудиенции» с генералом Фриснером он распорядился в адрес начальника Генштаба ОКХ Цейтцлера о передаче группе армий «Север» четырех дивизионов САУ «Фердинанд», пока не будет возможности оказать помощь «свежими силами».

Большие надежды связывало «Вольфшанце» с контрударом 3-го танкового корпуса Брейта во фланг 38-й армии русских у Зборова. Вначале двум танковым дивизиям при поддержке резервной пехотной дивизии удалось потеснить русских до четырех километров. Но массированные удары штурмовой и бомбардировочной авиации большевиков в течение пяти часов изменили всю картину боя. Генерал Брейт потерял восемьдесят четыре танка и штурмовых орудия и отступил на исходные позиции. Напор Советов нарастал.

С утра 16 июля, южнее участка прорыва 38-й армии, в направлении Бережаны повела наступление 1-я гвардейская армия Гречко. Во избежание нового «котла» у Рогатина, командующий 1-й танковой армией генерал Раус отдал приказ на отход своих войск к Днестру. Войска 4-й армии генерала Типпельскирхса оставили в этот же день Гродно.

Прорыв русских на Неман вызвал в Главной Ставке переполох. Восточный фронт находился уже от нее на расстоянии менее двухсот километров!

После короткого затишья снова пришел в движение Западный фронт. Бои за Сен-Ло и Кан еще продолжались, когда не-предвиденные потери в группе армий «Запад» сильно огорчили «Вольфшанце». 17 июля при возвращении с фронта «опель» Роммеля был атакован истребителями противника. Он был ранен в голову и надолго вышел из строя. Командование группой армий «Б» Гитлер поручил Клюге. Бои у Сен-Ло сразили и командаира 84-го армейского корпуса Маркса. Он был убит вблизи своего командного пункта.

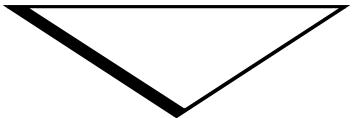
Разбор обстановки 18 июля при участии Геринга, Моделя, Фриденера и гауляйтера Восточной Пруссии Коха отличался острыми дуэлями между рейхсмаршалом Герингом и генералом Фриденером, фельдмаршалом Моделем и Кохом.

Тактическое чутье изменило на этот раз и «мастера обороны». С нарастанием кризиса в полосе обороны группы армий «Центр» Модель предложил передать ему часть сил из группы армий «Север», чтобы стабилизировать положение в центре Восточного фронта. Но Гитлер не согласился с этим предложением. Напротив, он распорядился в конце совещания выделить генералу Фриденеру небольшой «заградительный отряд», который бы воспрепятствовал прорыву Советов к Рижскому заливу.

Кох доложил о строительстве оборонительных рубежей в Восточной Пруссии. Он предпринял их возведение по собственной инициативе, без участия военных специалистов. Модель подверг уничижающей критике ошибочное, по его мнению, расположение укреплений. Потребовалось вмешательство фюрера, чтобы предотвратить дальнейшее разрастание чересчур «принципиального спора».

Предвидя катастрофическое развитие фронтовой обстановки летом, Кейтель подписал симптоматичный приказ «О подготовке к обороне рейха».

Вечером 19 июля начальник штаба армии резерва полковник Штауфенберг получил приказ начальника Генштаба сухопутных войск генерал-полковника Цейтцлера прибыть 20 июля в Главную Ставку с докладом о формировании двух первых дивизий «народных гренадеров» для стабилизации отчаянного положения на Восточном фронте.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОБЕДНАЯ ПОСТУПЬ

ТРУДНЫЕ СТУПЕНИ САНДОМИРА

1

Получив достоверные данные об освобождении Люблина, представитель Ставки маршал Жуков позвонил Верховному. Выслушав доклад своего заместителя о действиях войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, Сталин спросил:

— Товарищ Жуков, когда по вашим расчетам будет освобожден Львов?

— Думаю, товарищ Сталин, не позже чем через два-три дня, — ответил Жуков.

— Мне только что звонил Хрущев, — прояснил причину своего вопроса Верховный. — Он не согласен с задачей 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко. Армия отвлеклась от участия в наступлении на Львов, и это, по его мнению, может затянуть дело. Вы с Коневым стремитесь захватить Вислу. Она никуда не уйдет. Кончайте дело с Львовом. Это важно с точки зрения боепитания наших войск, наступающих в Польше и южнее.

— 3-я гвардейская танковая армия не смогла пробиться к городу с востока, товарищ Сталин. Конев вынужден был перенацелить ее севернее, в обход Львова, на Городок. Войска Рыбалко, равно как

и 4-й танковой, 38-й и 60-й армий, обязательно примут участие в освобождении Львова.

— Завершайте дело со Львовом, — повторил свой настойчивый приказ Верховный.

— Львов будет освобожден раньше, чем войска 1-го Украинского фронта выйдут на Вислу, товарищ Сталин, — заверил его маршал Жуков.

Утром 27 июля комбинированным ударом войск 3-й гвардейской и 4-й танковых, 38-й и 60-й армий, при поддержке авиации 2-й воздушной армии и авиации дальнего действия (АДД), Львов был полностью очищен от оккупантов.

Командующий 1-м Украинским фронтом тотчас доложил в Москву свой план дальнейших действий. Ставка утвердила его без изменений. На основании ее директивы 28 июля Конев озадачил подчиненные войска: 3-й гвардейской танковой армии выйти к Висле и с ходу захватить плацдарм на ее западном берегу, а затем овладеть Сандомиром; 13-й армии выйти на рубеж Сандомир — устье реки Вислоки, захватить плацдарм на участке Конара — Польанец; 1-я гвардейская танковая армия наносила удар в направлении Баранова с выходом в район Богорая.

Вечером 29 июля маршал Конев позвонил Верховному и предложил создать самостоятельное управление армиями, нацеленными на Карпаты. Сталин ответил, что в резерве Ставки имеется управление 4-го Украинского фронта, которое может возглавить войска 1-й гвардейской и 18-й армий.

Продвижение советских войск за рубежи нашего государства создало обстановку, требующую учитывать новые явления, освещать и изучать военно-политическое положение на освобождаемых от оккупантов территориях. ГКО провел совещание по этому вопросу. Для подготовки проекта его постановления в Москву были вызваны члены Военных советов 2-го Белорусского, 1-го и 4-го Украинских фронтов Субботин, Крайнюков и Мехлис.

Инструктируя их о направленности важного документа, председатель ГКО отметил, что поляки, испытавшие в прошлом гнет царской России, жестоко эксплуатировались не только местными помещиками и капиталистами, но и крупными буржуазными державами Запада. В руках империалистов Польша нередко становилась камнем преткновения, очагом противоречий, конфликтов и военных столкновений. В эти исторические дни, когда Красная Армия освобождает польский народ от фашистского ига, закладываются основы братской, нерушимой дружбы советского и польского народов. Военные советы фронтов, действующих на территории Польши, должны заботиться о том, чтобы эта дружба крепла, развивалась и утверждалась на века.

Это было неприятное известие. 1 августа резиденты эмигрантс-

кого правительства Миколайчика во главе с генералом Бор-Комаровским спровоцировали вооруженное восстание в Варшаве. Не желая участия Красной Армии и народного Войска Польского в освобождении своей столицы, его организаторы не поставили в известность о своих планах ни Советское правительство, ни Польский комитет национального освобождения. В случае успеха восстания они намеревались заявить на весь мир о том, что Варшава находится в руках сторонников польского эмигрантского правительства.

Однако сразу же обнаружилось, что Армия Крайова к восстанию не подготовлена. Ее командование в спешке не смогло известить о времени выступления около половины своих отрядов. И силы противостоящих сторон сразу же оказались неравными. Хотя шестнадцати тысячному гарнизону оккупантов противостояло сорок две тысячи бойцов, но имели они на вооружении всего лишь три с половиной тысячи единиц стрелкового оружия, не хватало боеприпасов, и поэтому восставшие сразу же оказались в тяжелых условиях. Они не смогли овладеть ключевыми пунктами города и вынуждены были перейти к обороне. Гитлер приказал фельдмаршалу Моделю беспощадно подавить восстание, а Варшаву непременно сравнять с землей.

Прямо с переправы через Вислу у Баранова 2 августа командующий 1-м Украинским фронтом позвонил Верховному. Доложив обстановку в связи с прорывом за Вислу 1-й и 3-й гвардейских танковых, а также 13-й армий, он особо обратил внимание Сталина на тот факт, что в направлении на Краков передовой отряд Рыбалко сопротивления противника не встречает. Верховный уточнил:

— Не собираетесь ли вы, товарищ Конев, двинуть 3-ю гвардейскую танковую армию на Краков?

— Пока войска фронта ведут бои за расширение плацдарма на Висле, — ответил Конев. — В создавшихся условиях я не считаю целесообразным начинать действовать на Краковском направлении.

— А как вы определили задачу войскам товарища Рыбалко? — снова спросил Верховный.

— Они должны вместе с войсками Пухова расширить Сандромирский плацдарм, отразить танковые атаки врага с Мелецкого направления.

— Это правильное решение, товарищ Конев, — удовлетворился ответом Верховный.

Ярость сражения у Сандромира нарастала с каждым днем. Маршал Конев позвонил командарму 13-й Пухову, поставил вопрос «ребром»:

— Генерал Пухов, я доложил в Ставку, что войска 1-го Украинского фронта расширяют плацдарм на западном берегу Вислы. Но теперь противник небольшими силами теснит наши боевые порядки со стороны Мелеца и намерен овладеть важнейшими переправами. Разве вам это не понятно?

— Мне понятны намерения противника, товарищ маршал, но у меня не хватает сил, чтобы прикрыть фланг 3-й гвардейской танковой армии и одновременно отбивать контратаки врага на восточном берегу, — возразил Пухов.

Маршал Конев не согласился:

— У вас под рукой, генерал Пухов, 69-я и 70-я мехбригады. Перегруппируйте их на Мелецкое направление и обезопасьте переправы от захвата.

— Это вы, товарищ маршал, можете приказать Рыбалко помочь моим войскам отразить контратаки врага у Баранува. Мне 3-я гвардейская танковая армия не подчинена. Позиции 13-й армии у переправ атакуют 23-я и 24-я танковые дивизии, прибывшие из Румынии.

— Откуда у вас такие данные, генерал Пухов?

— Вчера артиллеристы подбили два новейших немецких танка, «королевских тигров», а экипажи взяли в плен. Эти дивизии переброшены на Вислу из района Бакэу, из группы армий «Южная Украина», — четко доложил командарм 13-й.

Маршал Конев приказал ввести в сражение у Саномира 5-ю гвардейскую армию Жадова.

В ночь на 8 августа командующему 1-м Украинским фронтом позвонил Верховный, спросил:

— Что вы намерены предпринять, товарищ Конев, в создавшихся условиях?

— Учитывая, что переправы у Баранува надежно прикрыты силами 5-й гвардейской армии, 3-я гвардейская танковая и 13-я армии продолжат операции западнее Саномира.

— А 3-я гвардейская армия так и останется в обороне?

— Нет, не останется, товарищ Сталин. Она, вместе с подвижной группой Соколова, продолжит наступление на Аннополь, в обход Саномира.

— Я считаю, товарищ Конев, что наступила пора перебросить на плацдарм 4-ю танковую армию Лелюшенко и создать там мощный танковый кулак. Прорыв на кратчайшем к Берлину направлении имеет большое политическое значение.

— Войска генерала Гарпе, товарищ Сталин, яростно защищают каждую позицию.

И в середине августа напряжение боев по всему переднему краю от Чудского озера до Санок не спадало ни на один день. Войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов по сходящимся направлениям прорывались к Риге. 3-й, 2-й и 1-й Белорусские фронты правым флангом отбрасывали группу армий «Центр» к границе Восточной Пруссии, а левым — сближались с восставшей Варшавой.

Смелое оперативное решение маршала Конева к исходу 15 августа принесло ощутимый результат. Войска 1-й гвардейской тан-

ковой армии, наступающие на Ожарув, перерезали железную дорогу Островец – Сандомир, создав реальные предпосылки для окружения 4-й танковой армии врага.

Вечерний доклад Антонова 15 августа снова завершался анализом обстановки на Западе. Верховный остановился посреди кабинета, спросил:

— А что нового у союзников во Франции, товарищ Антонов? Почему у них такие низкие темпы наступления? Господство в воздухе обеспечено, артиллерии в избытке, автотранспорта сколько надо?

— В начале десантной операции, товарищ Сталин, союзники были допущены просчеты в организации боепитания войск. На континент переброшено тридцать четыре дивизии. Каждая из них потребляет ежедневно до шестисот тонн грузов. Сейчас их войска ощущают острую нехватку горючего и смазочных материалов. Транспортные коммуникации оказались сильно растянутыми.

— А почему возросло сопротивление немцев, товарищ Антонов? — спросил Берия.

— На рубеж обороны по реке Сена от Дьеппа до Парижа фельдмаршал фон Клюге перебросил с побережья у пролива Па-де-Кале 15-й армию Зальмута.

— А почему же, товарищ Антонов, немецкое командование не поступило так сразу, после десантирования союзных войск в Нормандии? — как бы продолжил вопрос Берии маршал Ворошилов.

— Верховное Командование вермахта, не зная планов союзников, весь июль ожидало, по-видимому, высадки их второго десанта, — предположительно ответил Антонов.

— А второй десант, на самом деле, в ближайшие дни союзники высаживают на южном побережье Франции, у Марселя, — дополнил ответ Верховный.

— Союзники проявляют необоснованную осторожность, — вступил в дискуссию Молотов.

— Что ж, союзники решают свои проблемы, а мы должны решать свои, — заметил Сталин.

К началу Ясско-Кишиневской операции 2-й и 3-й Украинские фронты превзошли группу армий «Южная Украина»: по личному составу — в полтора раза, еще более — по наличию боевой техники.

Для ускорения разгрома группы армий «Южная Украина» вечером 21 августа Ставка приказала войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов как можно быстрее выйти в район Хуши, чтобы завершить окружение Ясско-Кишиневской группировки противника и открыть дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии.

Ставку весьма удовлетворяло развитие Ясско-Кишиневской операции. Успех первых трех дней наступления оказал большое

влияние на дальнейший ее ход. Войска 2-го Украинского фронта за трое суток разгромили четыре немецких и одиннадцать румынских дивизий. Они продвинулись на юг до шестидесяти километров, расширив прорыв по фронту до ста двадцати километров. Войска 3-го Украинского фронта продвинулись вперед до семидесяти километров, а ширина его прорыва достигла ста тридцати километров.

Вечером 22 августа маршалу Жукову в штаб 1-го Белорусского фронта позвонил генерал Антонов и передал приказ Верховного: немедленно прибыть в Москву для выполнения особого задания ГКО.

Боевая обстановка на Западном и Восточном фронтах развивалась по-разному. В Кремле мучительно думали над решением запутанной ситуации в Варшаве и на подступах к ней. Главком экспедиционных сил союзников Эйзенхауэр, получив телеграмму коменданта Парижа генерала Холтица с предложением о капитуляции, решал вопрос с генералом Брэдли и генералом де Голлем, входить — не входить союзным войскам в столицу Франции.

Проще всего решился вопрос в Румынии. В полдень 23 августа, когда правительство страны приняло решение мобилизовать все наличные силы нации на продолжение войны в союзе с рейхом, маршал Антонеску прибыл в королевский дворец, чтобы просить Михая выступить по этому поводу с обращением к народу. Во дворце румынский диктатор вместе с министрами правительства был арестован. Король Михай пошел на это ввиду не согласия Антонеску на заключение перемирия с Советским Союзом.

Выполняя директиву Ставки от 21 августа, 2-й и 3-й Украинские фронты Малиновского и Толбухина продолжали преследование отходящего противника. 4-я гвардейская армия Галанина освободили Калараш и вышла на подступы к Бакэу. Приближался момент полного окружения группы армий «Южная Украина» Фриснера, но 23 августа сомкнуть кольцо вокруг них все же не удалось. Успешно включилась в дело 5-я ударная армия Берзарина, наступающая с рубежа Бравичены — Дубоссары, севернее Кишинева.

Капитулировала 3-я румынская армия Думитреску. Антонов доложил о произшедшем Верховному.

— Вы проверяли достоверность этого донесения, товарищ Антонов? — строго спросил Сталин.

— Да, проверял, товарищ Сталин.

— А с маршалом Тимошенко не разговаривали?

— Нет, не разговаривал. Представителя Ставки нет в штабе фронта. Он выехал на передовую.

— Какие указания следует направить в войска по этому случаю, товарищ Антонов?

— Я предварительно распорядился, товарищ Сталин, чтобы разоружение румынских соединений до особых указаний Ставки не проводилось.

— Вот такое указание, товарищ Антонов, и надо впредь узаконить, — согласился Верховный.

К исходу 24 августа завершился первый этап Ясско-Кишиневской операции, на котором были окружены основные силы группы армий «Южная Украина». Войска, действующие на внешнем фронте окружения, вышли на рубеж Пятра — Нямц — Бакэу — Бырлад — Белград — Вилково. Тем самым создались благоприятные условия для наступления советских войск в глубь территории Румынии.

В 17. 00 27 августа командующий 2-м Украинским фронтом Малиновский приказал командарму 6-й танковой генералу Кравченко войти в Плоешти и Бухарест. Обстановка в районе Плоешти вынуждала советские войска действовать быстро и решительно.

Плоешти, находясь в шестидесяти километрах от столицы, как бы прикрывал Бухарест с севера. Вечером 27 августа, когда танковые корпуса Кравченко уже строились в походные колонны для прорыва к Плоешти и Бухаресту, король Михай и премьер-министр Санатеску заявили, что они согласны принять все условия перемирия, предложенные Советским правительством 12 апреля.

В полдень 28 августа Конев позвонил в Ставку. Верховный изложил план действий Военного совета 1-го Украинского фронта: «С представителями Чехословакии любого ранга вести переговоры только по военным вопросам. Все политические проблемы взаимоотношений с этой страной должны решаться в Москве. Кроме гитлеровской марионетки Тисо есть еще эмигрантский президент Чехословакии в Лондоне Бенеш. У первого — прогерманская, у второго — проанглийская политика. Пусть в этом деле разбираются специалисты».

Конец августа ознаменовался серией перспективных директив Ставки. Они касались развития обстановки на важнейших направлениях советско-германского фронта. Войска большинства наших фронтов исчерпали свои наступательные возможности и, выполнив планы весенне-летних операций, переходили к жесткой обороне.

29 августа Ставка обсудила предложения Генштаба по операции в Болгарии. Предстояло разгромить противника на территории Болгарии силами 3-го Украинского фронта, Черноморского флота и Дунайской военной флотилии.

Выразив согласие с основной идеей предложенного Генштабом плана операции, Верховный тем не менее заявил, что надо уточнить обстановку на месте. С этой целью он приказал маршалу Жукову вылететь в Румынию и вместе с маршалом Тимошенко реализовать эту задачу. До убытия на фронт Верховный посоветовал Жуко-

ву обязательно повидаться с руководителем Болгарской рабочей партии Димитровым, выслушать его советы.

При обсуждении обстановки в полосе наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов Антонов все настойчивее поднимал перед Верховным вопрос о том, чтобы Ставка определила линию поведения в отношении короля Михая, который продолжал оставаться на престоле. На итоговом докладе обстановки 1 сентября, когда «исполняющий начальника Генштаба» сделал традиционный вывод в отношении румынского монарха, Сталин сказал:

— Чужой король, товарищ Антонов, не наше дело. Терпимость к нему благоприятно скажется на наших отношениях с союзниками. Румынский народ, который пока доверяет королевскому двору, как оппозиции фашистской диктатуре, сам вскоре разберется в истинной сущности монархии. Есть основания думать, что и румынские коммунисты не будут сидеть сложа руки, а помогут своему народу правильно понять политическую обстановку.

Последний вопрос, на который в этот вечер пришлось отвечать 1-му заместителю начальника Генштаба, касался уже Болгарии. Сталин спросил:

— Получен ли ответ из Софии на представление Советского правительства от 30 августа?

Генерал армии Антонов ответил:

— София пока молчит, но коль вчера правительство Багрянова подало в отставку, то ответ нам придется ждать уже от другого премьера.

План Карпатско-Дуклинской операции Военного совета 1-го Украинского фронта, представленный 3 сентября, был сразу же утвержден Ставкой. Начать наступление намечалось 8 сентября.

Почти неделю находился маршал Жуков в штабе 3-го Украинского фронта, в Фетешти, в Румынии, и все это время не выходили у него из головы слова, сказанные Георгием Димитровым при встрече:

— Хотя вы, товарищ Жуков, и отправляетесь на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией, войны как таковой не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной Армии, чтобы с ее помощью свергнуть правительство Багрянова и установить власть Народно-освободительного фронта. Советские войска болгары встретят не огнем артиллерии, а по нашему славянскому обычаю, хлебом и солью. Что же касается армии, то вряд ли она рискнет вступить в бой с Красной Армией.

5 сентября Ставка утвердила план Болгарской операции. Особое значение придавалось освобождению Варны и Бургаса, так как это лишало противника последних баз на Черном море и неизбежно вело к гибели его флота. Решительные действия войск 3-го

Украинского фронта должны были вызвать панику в правящих кругах Болгарии и послужить сигналом к вооруженному восстанию народа.

Утром 8 сентября передовые отряды 3-го Украинского фронта пересекли румыно-болгарскую границу. Спустя полчаса командарм 57-й генерал Гаген доложил в штаб фронта: «Пехотная дивизия болгарской армии, построившись у дороги, встретила наши части с развернутыми знаменами и торжественной музыкой». В полосе наступления 37-й армии Шарохина состоялись митинги населения, посвященные встрече Красной Армии.

Маршал Жуков позвонил в Москву, доложил обстановку. Веровный распорядился:

— Все оружие болгарских войск оставьте при них. Пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

Снова пришел в движение весь громоздкий механизм советско-германского фронта. В день начала Болгарской операции 8 сентября перешла в преследование 26-я армия Карельского фронта. На среднем Нареве расширяли правобережные плацдармы 2-й и 1-й Белорусские фронты. Войска 1-го Украинского фронта начали Карпатско-Дуклинскую операцию с целью разгрома оперативной группы «Хейнриц» и выхода на соединение со словацкими повстанческими силами. Войска Малиновского по всему фронту приближались к румыно-венгерской и румыно-югославской границам.

Однако главное внимание Ставки было по-прежнему приковано к Болгарской операции. Выполняя директиву Ставки, 9 сентября войска 3-го Украинского фронта продвинулись в глубь ее территории до ста двадцати километров. И тут в Фетешти пришла радостная весть: болгарский народ, руководимый своей рабочей партией, сверг профашистское правительство Муравиева и образовал демократическое правительство Отечественного фронта, которое обратилось к Советскому правительству с предложением о перемирии.

Вечером 9 сентября Димитров обратился с просьбой к председателю СНК Сталину принять в штабе 3-го Украинского фронта делегацию правительства Отечественного фронта. 10 сентября генерал армии Толбухин принял делегацию, возглавляемую членом ЦК БРП (к) Ганевым. Он попросил советское командование оказать немедленную помощь болгарским силам обороны столицы, особенно авиацией.

Просьбу правительства Отечественного фронта Ставка удовлетворила немедленно. Генералу армии Толбухину была дана директива перебросить в район Софии 34-й стрелковый корпус, а также направить туда не менее дивизии 17-й воздушной армии.

Верховный был в хорошем расположении духа и, когда Антонов закончил доклад об обстановке на фронтах, сам предложил «исполняющему начальника Генштаба» перейти к документам его «зеленой папки». Из всех представлений 10 сентября Сталин выбирал два. Он сказал:

— Генералы армии Малиновский и Толбухин достойны высших маршальских званий. Во-первых, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов одержали уверенную победу в Ясско-Кишиневской операции. Во-вторых, фронты вышли на границу нашей страны и теперь их командующим приходится решать помимо военных еще и политические вопросы. В-третьих, выведены из войны Румыния и Болгария.

— Созданы реальные предпосылки для разгрома противника в Чехословакии, Венгрии и Югославии, товарищ Сталин, — добавил генерал Антонов.

— Да, созданы, — согласился Верховный и продолжал: — Кстати, товарищ Антонов, необходимо вызвать маршала Малиновского в Москву, чтобы он принял участие в подготовке договора о перемирии с Румынией. А позже мы аналогичным образом привлечем маршала Толбухина для подготовки такого же договора с Болгарией.

После тщательной подготовки началась Рижская операция 3-го, 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов с целью освобождения Эстонии, Латвии и Литвы и выхода к побережью Балтийского моря.

Ставка и командование 1-м Белорусским фронтом не переставали искать пути решения оперативных задач в районе Варшавы. Лишь на пятые сутки, 14 сентября, после начала нового этапа наступления совместными усилиями 47-й и 1-й польской армий Гусева и Берлинга войска 1-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского пробились в Прагу, восточное предместье Варшавы.

Верховный позвонил маршалу Рокоссовскому. Командующий 1-м Белорусским фронтом доложил, что его войска не в состоянии сейчас освободить Варшаву. Хорошо зная положение дел, Сталин не стал настаивать. Он предложил маршалу Жукову, только что вернувшемуся из Болгарии, отправиться на 1-й Белорусский фронт. Верховный сказал:

— Вы там свой человек. Разберитесь с Варшавой на месте и принимайте меры, какие нужно. Нельзя ли там провести частную операцию по форсированию Вислы именно войсками Берлинга. Это было бы важно со всех сторон. Задачу командованию 1-й польской армией поставьте лично вместе с Рокоссовским и помогите им организовать дело.

Жуков вылетел из Москвы 15 сентября, а утром следующего дня вместе с командующим 1-м Белорусским фронтом прибыл в Зеле-

ну, на КП Берлинга. Командарм 1-й польской доложил, что ему удалось переправить в Варшаву, на Черняков, стрелковый батальон в пятьсот человек. Перед батальоном поставлена задача: соединиться с действующей в городе группой повстанцев, создать плацдарм для переправы армии через Вислу.

Критическое положение, а также многочисленные данные о политических интригах командования Армией Крайовой, вынудили маршала Рокоссовского решительно высказаться за прекращение боевых действий в Варшаве. Маршал Жуков поддержал это предложение. Ставка согласилась с их решением, приказала Берлингу перейти к обороне.

23 сентября 18-й танковый корпус и 53-я армия, отбросив непрочные заслоны 3-й венгерской армии, пересекли румыно-венгерскую границу и освободили первое венгерское село Баттонья. Встал вопрос о последующих действиях наших, румынских, болгарских и югославских войск на территории Венгрии. Предложение Генштаба о проведении Дебреценской операции оказалось в эпицентре внимания Ставки. Прислал с фронта свои соображения по этому поводу и маршал Жуков:

«Учитывая характер местности и группировку противника перед Малиновским и Петровым, я считаю, что выгоднее было бы армии Кравченко сосредоточить севернее Арада с задачей удара на Дебрецен. С захватом Дебрецена рушится вся оборона венгров, и они вынуждены будут быстрее отходить из района Клужа и из Карпат. Проводимое Малиновским наступление затягивает бои и дает противнику возможность устроить оборону на Тисе».

2

20 июля. В полдень начальник штаба армии резерва полковник Штауфенберг явился к фельдмаршалу Кейтелью, чтобы еще раз обсудить с ним предстоящий доклад о формировании двух ополченческих дивизий, которые срочно требовалось Восточному фронту. Начальник штаба ОКВ сообщил докладчику, что оперативное совещание, назначенное ранее на тринацать часов, перенесено на полчаса раньше и будет коротким, ввиду визита в «Вольфшанце» Муссолини. Он прибывал в Главную Ставку в половине третьего. Затем Кейтель сказал, что разбор обстановки состоится не в бункере фюрера, а в картографическом бараке.

На пороге барака полковник фон Штауфенберг сделал вид, что забыл в бункере начальника штаба ОКВ фуражку, и вернулся обратно. Там, с помощью своего адъютанта Хефтена, он извлек из портфеля химическую бомбу и поставил взрыватель на боевой взвод с десятиминутной задержкой. Привести в боевое состояние вторую

бомбу «для подстраховки» они не успели — посыльный Кейтеля поторопил Штауфенберга прибыть на совещание.

Штауфенберг вслед за Кейтелем вошел в барак. При входе он намеренно громко, чтобы слышал фельдмаршал Кейтель, сказал связисту, что он ждет разговора со штабом в Берлине. Как только последует такой срочный звонок, его надо вызвать из зала заседаний.

Войдя в зал, Кейтель и Штауфенберг традиционно приветствовали фюрера. Гитлер ответил им еле заметным кивком. Начальник штаба ОКВ сел между фюрером и Йодлем. Начальник штаба армии резерва сунул портфель под стол, подвинув его ногой так, что он оказался в полутора метрах от Гитлера. До взрыва бомбы оставалось всего пять минут. Медлить было уже нельзя.

Штауфенберг посмотрел на часы и, вполголоса объявив, что должен срочно связаться с Берлином для получения данных к докладу, покинул помещение. Кейтель, ответственный за распорядок совещаний в Главной Ставке, проводил его недовольным взглядом. Хойзингер заканчивал доклад о положении на Восточном фронте. Ход совещания мог нарушиться, и фюрер выражал недовольство.

Спустя минуту Кейтель поручил генералу Буле найти и вернуть в зал Штауфенберга. Тот вышел из зала совещания и с удивлением узнал от связиста, что никаких звонков из Берлина не поступало, а «одноглазый полковник» покинул это помещение. Буле в смятении возвратился в зал заседаний.

Доклад Хойзингера становился все мрачнее:

— Ситуация вблизи Восточной Пруссии, мой фюрер, угрожающая, хуже быть не может. Русские неумолимо приближаются к ее границам.

Гитлер неуверенно поднялся со стула, заорал:

— Их нельзя пускать сюда, Хойзингер! Фельдмаршал Модель и Кох головой отвечают за это!

— Русские пойдут на все, чтобы усилить здесь свои позиции, — возразил «оператор» Генштаба ОКХ. — Наше положение ухудшается. К западу от Даугавы Советы крупными силами продвигаются на север. Их танковые клинья уже атакуют окраины Донебурга. Если группа армий «Север» не будет выведена из района Чудского озера, то наступит катастрофа...

Это были последние слова Хойзингера. Раздался оглушительный взрыв. Часы показывали 12. 42. Столб огня рванулся вверх. Всё помещение заволокло густым облаком дыма. Огромный стол опрокинул на бок. Пламя быстро съедало карти. С потолка рухнули горящие балки. Участников совещания распыляло во все стороны. В «Вольфшанце» поднялась невообразимая паника. К месту взрыва немедленно прибежала охрана. Взревели сирены, предуп-

реждая все посты Главной Ставки о тревоге и прекращении всякого передвижения людей на ее территории.

Гитлер, которого опрокинутый стол прикрыл, как щитом, отдался ожогами и легкими ранениями. У него парализовало правую руку и он оглох на одно ухо. Брюки на фюрере превратились в лохмотья. Поднявшись на ноги, Гитлер запричитал: «О, мои бедные новые брюки! Только вчера я надел их в первый раз». Опираясь на Кейтеля, он вышел из барака. Начальник штаба ОКВ довел Гитлера до своего бункера и приказал вызвать врачей.

Штауфенберг вместе с начальником связи ОКХ Фельтибелем стоял в двухстах метрах от барака и наблюдал взрыв. Он не сомневался, что все участники совещания погибли. Используя атмосферу всеобщей паники, он сразу же с аэродрома «Растенбург» старталивал на Берлин.

Убедившись в том, что Гитлер жив, Фельтибель от условленного звонка в Берлин отказался. По плану «Валькирия» он должен был сообщить о теракте на Бендлерштрассе. Его сообщение ждал генерал Ольбрихт.

Когда в «Вольфшанце» совладали с эмоциями, то начался анализ произшедшего. Было высказано несколько предположений о причине взрыва. Генерал Варлумент высказал мнение, что диверсия мог организовать... начальник штаба армии резерва полковник Штауфенберг.

Гиммлер, прибывший в Главную Ставку через полчаса после взрыва, отдал приказ об аресте начальника штаба армии резерва на берлинском аэродроме. Однако Фельтибель, выполняя приказ фюрера о запрете на передачу любой информации из Главной Ставки до особого распоряжения, не передал и этот приказ «всемогущего Генриха».

Самолет Штауфенberга прибыл в Берлин в 16. 00. Исполнитель теракта созвонился со своим штабом и узнал от Ольбрихта потрясающую его новость. Плохая слышимость не позволила ему разобрать сообщение — убит Гитлер или нет. И он вынужден был ожидать новых сообщений.

У полковника Штауфенberга сомнений не было. Гитлер мертв. Надо действовать решительно. Полковник Квирингейм извлек из сейфа план «Валькирия» и стал передавать по телефону тексты его документов в штабы войсковых частей. Первым приказом войска поднимались по тревоге. Второй приказ, подписанный «Верховным Главнокомандующим вермахта» фельдмаршалом Вицлебеном, оповещал, что Гитлер погиб и он, Вицлебен, принимает на себя всю полноту военной власти. Сам он все еще находился в Цоссене и выжидал, как будет развиваться ситуация дальше.

Отдав первые приказы по плану «Валькирия», Ольбрихт вошел в кабинет генерал-полковника Фромма и сообщил ему о смерти

Гитлера. Требовалось, чтобы он возглавил действия заговорщиков в столице. Однако Фромм ответил, что сначала он должен сам убедиться в смерти фюрера. Ольбрихт подошел к телефону и вызвал «Вольфшанце». Ему ответил... фельдмаршал Кейтель.

Фромм вырвал у Ольбрихта трубку:

— Фельдмаршал Кейтель, что случилось в Ставке? В Берлине распространяются дикие слухи.

Начальник штаба ОКВ взорвал:

— А что может случиться, Фромм?

— Мне только что доложили, Кейтель, что фюрер пал жертвой покушения.

— Все это чепуха, генерал Фромм. Покушение действительно имело место, но оно не удалось. К счастью, Гитлер жив и только незначительно ранен. Скажите, Фромм, где находится ваш начальник штаба? В тридцать часов он вылетел из Растенбурга.

— Штауфенберг, фельдмаршал Кейтель, еще не вернулся из Главной Ставки.

Разговор был окончен. В этот момент в штабе появился Штауфенберг. Ольбрихт сообщил ему о только что состоявшемся разговоре Фромма с Кейтелем. На это автор теракта ответил: «Фельдмаршал Кейтель лжет. Гитлер мертв!» Он сам видел взрыв огромной силы. Никто уцелеть не мог. Надо действовать не теряя ни минуты. Штауфенberга поддержал генерал-полковник Бек.

Штауфенберг тут же позвонил в Париж генералу фон Штюльпнагелю и, сообщив о событиях в Главной Ставке, предложил начать действия по плану «Валькирия». Военный комендант Берлина генерал Хазе приказал командиру батальона охраны «Великая Германия» майору Ремеру вывести свою часть в город, а самому явиться в комендатуру на Унтер-ден-Линден для получения указаний.

Отдав приказ о срочной передислокации батальона в Берлин, майор Ремер тотчас прибыл в комендатуру столицы. Генерал Хазе разъяснил ему ситуацию: «фюрер» погиб в результате покушения, а войска СС готовят захват власти в стране. Этому намерению надо помешать. Командир охранного батальона получил задачу: оцепить правительственный квартал, включая Имперское управление безопасности СС.

В 16. 10 в «Вольфшанце» прибыл Муссолини. Гитлер, который уже оправился от шокового потрясения, сразу же повел своего «верного союзника» к развороченному взрывом бараку:

— Я стоял вот здесь, у этого стола. И прямо у моих ног взорвалась бомба, — трясущейся рукой Гитлер указал в сторону воронки. — Теперь я понимаю, что со мной ничего не должно случиться, тем более что уже не в первый раз я чудесным образом избегаю смерти. После моего сегодняшнего спасения от смертельной опасности я

еще больше, чем прежде, убежден, что мне суждено довести до счастливого конца наше общее великое дело.

— Сам Господь Бог решил сберечь вас для великих дел, — возвысил Гитлера «луче», скрестив руки на груди. — После увиденного мной я целиком согласен с вами. Это было знамением неба. Я рад, что вы остались живы.

В ходе приема пришло донесение о попытке государственного переворота в стране. В «Вольфшанце» сложилось впечатление, что развернулась крупная акция. Определится и ее «мозговой центр»: штаб генерал-полковника Фромма. В 17. 00 Гитлер назначил Гиммлера командующим армией резерва и приказал ему немедленно вылететь в Берлин.

В 18. 00 спецпоезд с Муссолини отбыл из «Вольфшанце», и Главная Ставка вовсю развернулась в борьбе против заговорщиков. Синхронно с нею действовал в Берлине Геббельс.

В 18. 30 он выступил по радио и сообщил: «На фюрера было произведено покушение, но оно не удалось!» В 20. 20 Кейтель направил всем командующим войсками радиограмму: «Фюрер назначил командующим армией резерва рейхсфюрера СС Гиммлера. Принимать к исполнению приказы только Гиммлера и его, Кейтеля. Любые приказы фельдмаршала Вицлебена, Гепнера и Фромма недействительны!»

В полночь Гиммлер доложил в Главную Ставку, что с мя杰жом в Берлине покончено. Около часа ночи 21 июля радио передало речь Гитлера.

К исходу 22 июля 18-я армия сдала Псков. Генерал Фризнер доложил Гитлеру: «Ни каких средств для предотвращения прорывов у меня нет». В полдень 23 июля в его адрес из «Вольфшанце» поступила телеграмма: «Командующим группами армий «Север» и «Южная Украина» следует немедленно поменяться должностями⁸. Сим присваиваю генералту от инфантерии Фризнеру чин генерал-полковника.

Адольф Гитлер».

Грозная директива ОКВ «О тотальной войне» от 25 июля требовала от любой государственной инстанции, от каждого немца все подчинить военным интересам. Геббельс назначался ею уполномоченным по вопросам тотальной войны.

Определив 26 июля линию основных рубежей, ОКВ намеревалась создать на восточных границах рейха оборонительный вал. Главное внимание обращалось на то, чтобы плотно прикрыть Восточную Пруссию, Верхнюю Силезию и подходы к Берлину, где один за другим на территории Польши громоздились бы семь оборонительных рубежей.

В полночь 31 июля вновь анализировалась кризисная обстановка на фронтах. И тут вдруг Гитлер впервые заговорил о... мире:

— Политическое решение еще не созрело. Я надеюсь, что я в состоянии добиться политической цели. Я никому не должен объяснять, что не пройду мимо такой возможности. Однако в момент тяжелого военного поражения надеяться на благоприятный политический момент для того, чтобы предпринять что-либо, конечно, наивно и звучит по-детски. Такой момент можно получить, когда имеется успех. Придет момент, когда напряженные отношения между союзниками настолько усилятся, что наступит неизбежный разрыв. В мировой истории коалиции всегда гибли. Нужно только еще немного обождать...

«Фюрер» даже знает, где произойдет это столкновение союзников, — конечно же, непременно на Балканах! Поэтому задача на ближайшее время ясна: упорно сопротивляться, особенно на Востоке, максимально затягивая борьбу и ожидая вызревания благоприятной политической ситуации. В течение трех-четырех месяцев путем усиленного выпуска новейшего оружия — самолетов, подводных лодок, танков и штурмовых орудий — можно будет преодолеть кризис...

Едва ли не впервые со дня своего назначения начальником Генштаба ОКХ Гудериан получил возможность доложить Гитлеру о наступлении на Восточном фронте: 13 августа войска группы армий «Северная Украина» нанесли удар по позициям русских у Столицы и потеснили их до десяти километров. Фюрер воспринял это сообщение благосклонно. Открывалась реальная перспектива следующего прорыва к перегравам у Баранова, чтобы все-таки перерезать коммуникации войск маршала Конева, действующих на Сандомирском плацдарме.

Нарастали тревоги у Моделя. Русские вот-вот предпримут новое наступление у Замбрува и Варшавы, а он лишился здесь почти всех танковых дивизий, которые переданы в 3-ю и 4-ю танковые армии для нанесения контрударов.

В ночь на 14 августа Модель подписал обращение к войскам группы армий «Центр»: «Враг стоит у ворот Пруссии! Наши армии, сражающиеся на западе и юге в таких же условиях, как мы, ждут от нас, что мы удержим предполье и не допустим врага на немецкую землю. Теперь ни шагу назад! Никаких колебаний! Каждый на своем месте должен сделать все, что от него зависит».

А вечером он получил приказ ОКВ: «Командование группой армий «Центр» передать командующему 3-й танковой армией генерал-полковнику Рейнгардту, а самому немедленно вылететь в Париж и вступить в командование группами армий «Запад» и «Б».

В полдень 15 августа командующий группами армий «Запад» и «Б» фельдмаршал фон Клюге получил ответ на свой запрос об отводе войск из Юго-Западной и Южной Франции. Гитлер приказал не оставлять без боя названных территорий, равно как и

позиций у Фалеза. А спустя всего два часа поступило донесение командующего группой армий «Г» Бласковица о десантировании англосаксов между Тулоном и Ниццией. Главный удар наносился ими у Сен-Тропе.

На следующий день, когда Клюге уже передал в Париже свои полномочия Моделя, командующий группой армий «Г» Бласковиц получил приказ ОКВ об отводе 19-й армии.

Подозреваемый в связях с заговорщиками и с англичанами, фон Клюге весь день 17 августа работал над личным письмом Гитлеру. Утром следующего дня он покинул Париж и выехал в Германию. Зная, что ожидает его в Берлине, Клюге остановился в районе Седана и принял яд.

Вечером 19 августа Главную Ставку поразило сообщение Моделя о восстании в Париже. Командующий группами армий «Запад» и «Б» заявил, что коменданту французской столицы Холтицу с двадцати тысячным гарнизоном долго не продержаться. Фельдмаршал Модель потребовал для стабилизации обстановки на Западном фронте тридцать дивизий и две тысячи маршеового пополнения!

К исходу 22 августа, когда коммуникации 6-й армии Фреттер-Пико, удерживающей фронт от Ясс до Тирасполя, были уже перерезаны, Фриснер получил разрешение ОКВ на отвод войск своей группы армий за реку Пррут.

В двадцать два часа 23 августа король Михай обратился по радио ко всем румынским войскам с приказом прекратить борьбу. Сообщение об этом Фриснер получил из германской военной миссии в Бухаресте. В сообщении подтверждалось, что маршал Антонеску арестован приближенными короля.

Взяв ответственность за положение на правом фланге Восточного фронта, Фриснер отдал приказ и подчинил себе все немецкие войска, находящиеся в Румынии. Ночью об этих своих действиях он доложил в «Вольфшанце». Гитлер одобрил предпринятые им шаги, но предложил подавить путч в Бухаресте. Фриснер возразил: «В случае бомбардировки столицы Румынии немецкими самолетами, румыны неизбежно начнут боевые действия против немецких войск». Фюрер пообещал ему подумать над этим вопросом.

Сразу же после разговора с Фриснером Гитлер встретился с Герингом. Встал вопрос: «Бомбить или не бомбить Бухарест?» Главком ВВС заявил: «Непременно бомбить!» Последствия этого «мистического акта» оказались катастрофическими. Король Михай тотчас издал приказ обращаться с немцами, как с врагами, разоружать и вступать с ними в бой. 24 августа Румыния объявила войну Германии.

Как начальник Генштаба ОКХ Гудериан ни оттягивал сроки докладов о новых угрозах в Румынии, о них спустя сутки или двое приходилось все-таки говорить. Бурной реакцией Гитлер отзывал-

ся, как правило, на потери в районе румынской столицы. Хотя судьба Фокшани была решена 26 августа, доклад об отходе из него последовал на следующий день. Но 27 августа был утрачен еще и ключевой порт Галац на Дунае.

В день утраты Констанцы, 29 августа, за сутки до падения Плоешти, Гитлер начал поиск виновных в румынской катастрофе. Он приказал генерал-полковнику Гудериану затребовать приказы по группе армий «Южная Украина», отданные Фриденснером после 20 августа.

Разочарования следовали одно за другим. 29 августа Йодль доложил Гитлеру о падении Тулона и Марселя. «Очевидная потеря» не вызвала у него впечатляющего шока, но он тут же сделал кадровые распоряжения в адрес панически настроенного фельдмаршала Моделя: дескать, необходимо подкрепить его новыми лицами. Йодль предложил решить вопрос кардинально: в командование группой армий «Запад» вернуть фон Рунштедта, а Моделю поручить командование только группой армий «Б».

Фюреру показалось это предложение «главного оператора» ОКВ слишком радикальным в отношении «маститого мастера обороны», и он пообещал еще подумать над ним. А вот вернуть в штаб группы армий «Запад» генерала Вестфала согласился сразу. В штаб группы армий «Б» был назначен генерал Кребс. Перед убытием испытанных штабников в войска 30 августа Гитлер устроил им аудиенцию в Главной Ставке.

— Вы, конечно, знаете, господа генералы, что фельдмаршал Клюге покончил жизнь самоубийством. Имеются более чем веские подозрения. Если бы он не совершил самоубийства, то все равно был бы арестован. Это был человек, который предназначался для того, чтобы произвести поворот судьбы. Имелся идиотский план капитуляции перед англосаксами, и затем вместе с ними поход против Советов. При этом они преступно бросают на произвол судьбы немецкие земли на востоке, отвоеванию которых я посвятил всю свою жизнь!

Бросив взгляд на «генштабистов», Гитлер продолжал:

— Сейчас обстановка приняла совершенно определенное развитие. Противники рейха на Востоке и на Западе последовательно движутся к своей верной гибели. Настанет момент, когда напряжение союзников будет таким большим, что наступит провал. Коалиции в мировой истории всегда погибали. Только нужно выждать момент, как бы ни было трудно. Моя задачей является при всех обстоятельствах не терять нервы. А если где-нибудь случается поражение, вновь и вновь находить пути и вспомогательные средства, чтобы поправить историю. Я вполне могу сказать: более тяжелого кризиса, чем тот, который мы уже пережили на Востоке, нельзя себе представить. Когда пришел фельдмаршал Модель, группа армий

«Центр» была сплошной дырой. Там было больше дыр, чем фронта, но затем стало больше фронта, чем дыр.

Гитлер опять сделал паузу и продолжил монолог:

— Нужно продолжать борьбу, пока не появится возможность для порядочного мира, сносного для Германии, и гарантирующего жизнь будущих поколений. Но если в Ставке не будет сидеть натура с железной волей, то борьба не может быть выиграна. То, что здесь произошло, обратилось против меня. Если бы покушение удалось, то для Германии возникла бы катастрофа. То, что оно не удалось, дает нам возможность устраниć этот нарыв внутри...

Путаный монолог фюрера продолжался еще долго. Осудив в его начале Кляуге за попытку пойти на сговор с англичанами для продолжения борьбы против Советов, он сам принялся вдруг доказывать, что раскол коалиции вынудит Англию и Америку объединиться с рейхом, чтобы снова двинуться на восток. Но добиться этого поворота в лагере противника по плечу только ему, Гитлеру.

Однако августовские реалии на фронтах продолжали угнетать. Медленному развитию обстановки на Западе явно диссонировали активные действия русских в Румынии. 30 августа они овладели Плоешти, перерезав пути отхода немецких войск из Добруджи в Венгрию. Не ясной оставалась и судьба Бухареста. Встал вопрос: «Что дальше? Куда — в Чехословакию, Венгрию или на Балканы движет Кремль свои несметные танковые полчища?»

31 августа генерал Фриснер доложил в Главную Ставку об утрате Бухареста. На вопрос Гитлера, что он намерен предпринять дальше, командующий группой армий «Южная Украина» доложил: «Из всех способных носить оружие солдат сформировать новые части и с их помощью в долине реки Бузэу создать новый фронт». Главком ОКХ признал эти действия Фриснера правильными.

В этот день порадовал фюрера рейхсфюрер СС Гиммлер. Используя доклад комиссара по «ФАУ-2» генерала Каммлера, он сообщил, что ракетные дивизионы переброшены в Голландию и Западную Германию. Сформированы группы «Север» и «Юг» по две батареи в каждой, а также 444-я учебная батарея. До 5 сентября группа «Север» должна занять стартовые позиции у Гааги и на острове Валхерн для нанесения ударов по Лондону. Группа «Юг» и 444-я батарея готовятся к ударам по Парижу из района Эйскирхена. В наличии имеется полторы тысячи ракет «ФАУ-2». Гитлер сделал вывод: можно пускать в ход более грозное, чем «ФАУ-1», неогразимое оружие.

Только через две недели в «Вольфшанце» смогли составить ясную картину произшедшего в Румынии. Начальник Генштаба ОКХ Гудериан доложил:

— Генерал Фриснер сообщил утром, мой фюрер, что большевики заняли весь район Плоешти, захватили Бухарест. Сейчас, за-

паднее Бакэу, они продвигаются по долине Тротуша в горы, к перевалу Гимеш. Сюда отошла и группа «Мига». По сообщению радио Москвы, генерал Миг, к сожалению, погиб в бою у Васлуя.

— Очень жаль, Гудериан, — сказал Гитлер. — Я хорошо знал генерала Мига, не раз восхищался его выдержкой, стойкостью. Надеюсь, и теперь он показал себя с лучшей стороны.

— Да, это так, мой фюрер, — поддакнул «генштабист». — В долине «Секлерского выступа» уверенно сражается дивизия генерала Скотти, а также уцелевшие остатки 15-й пехотной дивизии генерала Винклера. Через два дня эти силы отойдут на высокогорное плато у Инторсура — Бузэулуй и там, у румыно-венгерской границы, займут подготовленный оборонительный рубеж.

— Русских нельзя пускать в Венгрию, Гудериан! — бросил фюрер. — После утраты нефтепромыслов Плоешти только Венгрия в состоянии пополнить наши ресурсы по горючему. Венгрия — это центр транспортной сети всего Юго-Востока!

— Без венгерского сырья и продовольствия мы можем оказаться не в состоянии вести боевые действия, — отозвался генерал-полковник Йодль.

— Нам очень необходим сейчас какой-нибудь успех, Гудериан, — в рассудительном тоне сказал Гитлер. — Это решающее условие. Нужно опять стать активными, снова подчинить себе закон действия. Мы должны предупредить готовящееся наступление Советов через Карпаты и быстрее подавить восстание в Варшаве. Мне думается, что сюда надо снова вернуть генерала Штакеля.

— Будет сделано, мой фюрер, — подчинился Гудериан. — Генерал Штакель хорошо показал себя и под Бухарестом.

Совещание 1 сентября завершилось неожиданно. Ни к кому конкретно не обращаясь, Гитлер резко изменил тему разговора:

— Положение стало настолько опасным, что должно быть ясно: здесь сижу я, здесь сидят все мое Верховное Командование. Следовательно, это капкан. Я без раздумий рискнул бы послать две парашютные дивизии, если бы смог одним ударом захватить в свои руки все русское руководство.

Фельдмаршал Кейтель с ужасом подытожил:

— В Восточной Пруссии находится все наше руководство!

О падении Дзеппа и Вердена Модель доложил Йодлю еще в полдень 1 сентября, а тот сообщил фюреру об этом на следующий день. И тут выяснилось: Гитлер уже получил донесение об отходе 15-й и 1-й армий от Геринга. До границы рейха оставалось всего семьдесят пять километров.

В этот же день, 2 сентября, фельдмаршал Кейтель представил Гитлеру проект своего специального приказа «О мерах против военнослужащих вермахта, изменивших родине в плену». Отныне всех военнопленных, которые присоединялись к движению Националь-

ного комитета «Свободная Германия», военно-полевые суды заочно приговаривали к смертной казни. В приказе особо подчеркивалось, что за все действия военнопленных должны отвечать их родственники «имуществом, свободой или жизнью».

Но Кейтель явился к фюреру не только с проектом «строжайшего приказа». В папке у него лежало «убийственное послание» фельдмаршала Маннергейма о... выходе из этого «верного союзника» из войны! Фельдмаршал Кейтель во все время разговора мучительно выискивал подходящий момент, чтобы доложить Гитлеру о содержании полученного документа, и как только он заикнулся о демаршах Советов в отношении Хельсинки, сразу же положил перед ним послание «лучшего союзника».

Гневного взыва не последовало. Маршал Маннергейм сообщил Гитлеру, что сейм ста тридцатью голосами против сорока шести принял условия, на которых СССР соглашался на выход его страны из войны. И он вынужден поддержать это решение. Финляндия не может продолжать борьбу, ибо рискует невероятными жертвами поставить под угрозу само существование финского народа.

Гитлер вернул послание Кейтелю, сказал:

— Я ожидал такого исхода, Кейтель, в финских делах после 1 августа, когда надежный премьер Рюти ушел в отставку.

Утром 4 сентября в Главную Ставку позвонил командующий группой армий «Центр» Рейнгардт:

— Мой фюрер, наступление русских на Среднем Нареве, севернее Варшавы, приобретает опасный характер. 9-я армия, лишившись танков, не может сдержать их наступления. Они быстро расширяют свой плацдарм у Палтуска. 2-я армия тоже допустила создание плацдарма южнее Ружан.

— И меня и вас, Рейнгардт, беспокоит, прежде всего, судьба Варшавы. Ее удержание будет и впредь определять устойчивость всего Восточного фронта в центре. Особенно не следует забывать, Рейнгардт, того, что Берлин и польскую столицу разделяет всего пятьсот двадцать километров. Вместе с тем наш успешный удар у Тукумса позволил устраниТЬ опасный разрыв фронта на стыке групп армий. Танки вашей бывшей армии сказали там свое решающее слово.

— Значит, мой фюрер, пришло время вернуть танки на варшавские улицы. Эсэсовские части, усиленные самоходными установками, очищают от повстанцев один квартал за другим. Наш ультиматум об их добровольной сдаче отвергнут.

— Необходимо усилить, Рейнгардт, предметные укрепления в Праге и при любых условиях сохранить в наших руках контроль над мостами. Это важнейшее условие для удержания инициативы. Большевики не в состоянии подкрепить свои силы на Варшавском направлении, ибо они всецело скованы боями в Карпатах и в Придру-

найской равнине. Предательство румын и болгар подорвало нашу оборону. Мы потеряли, Рейнгардт, Плоешти.

Эта новость поразила генерала Рейнгардта:

— Я понимаю вас, мой фюрер, нас ждут трудности, — выдавил он из себя. — Варшаву необходимо удержать, и я постараюсь на скрести для поддержки эсэсовских частей в городе три танковых батальона. Иначе обстановка выйдет из-под контроля, и мы...

Гитлер не позволил высказаться собеседнику до конца. Он вышел на «высокую ноту» и его было уже не остановить:

— Предательство и измена вынуждают нас биться один на один с большевиками, которые, в случае промедления англосаксов, скоро дойдут до Одера или даже до Эльбы. Не мне доказывать вам, Рейнгардт, что порознь мы могли бы легко разгромить Англию, Америку и даже русских. Но теперь ясно, что на двух фронтах одновременно решающего успеха нам не достичь. Если неотразимое секретное оружие не позволит склонить Запад к сепаратному миру, то ущербный для Германии мир нам придется искать на Востоке.

— Мой фюрер, в связи с изменой Маннергейма, я предлагаю вывести из Финляндии 20-ю армию Рендулича и за счет ее войск укрепить оборону на правом фланге по Тисе. Прорыв русских через Словакию и Венгрию к границам рейха не менее опасен, чем через Варшаву и Восточную Пруссию.

— Ваш вариант, Рейнгардт, не подходит. Вермахт должен и дальше удерживать Северную Финляндию в своих руках. Промышленность рейха не может работать без никеля Петсамо. К тому же в Финляндии накоплены большие запасы продовольствия и военного имущества сухопутных войск, авиации и флота, которые можно вывезти только через ее северные порты в течение длительного времени и, разумеется, под охраной войск 20-й армии.

Разговор Рейнгардта с фюрером закончился ничем. Впрочем, по вопросу подкреплений в тот день, 4 сентября, звонил в Главную Ставку Модель, а также командующий группой армий «Южная Украина» Фриснер. Но где было взять эти самые резервы?

Их можно было взять только в Германии. Но она стремительно погружалась в глубокий кризис. Свирепствовал имперский уполномоченный по проведению «тотальной мобилизации» Геббельс. Были закрыты все театры, кабаре, консерватории, спортивные сооружения, выставки, большинство издательств, а их персонал направлена на фронт или в военную промышленность.

Трудовая повинность распространялась на мужчин с шестнадцати, на женщин с семнадцати лет. На военные заводы были отправлены студенты вузов и ученики старших классов школ. Рабочий день на них был установлен продолжительностью шестьдесят часов в неделю. Но на большинстве предприятий действовала семидесятидвухчасовая рабочая неделя. В ряде случаев она достигала даже девяноста двух часов.

Перед генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы Заукелем была поставлена трудновыполнимая задача: с находящихся под немецкой оккупацией территорий до конца сорок четвертого года направить в Германию не менее четырех миллионов иностранных рабочих!

С падением Брюсселя и Лиона неудержимо деградировал Западный фронт. Его стабилизация требовала жесткой руки. Гитлер и на этот раз пошел по проторенному пути. Пока боевые действия были ограничены районами Нормандии, сосредоточение функций Главкому войск на Западе и группой армий «Б» в лице Моделя считалось вполне допустимым. Но высадка американских и французских войск на южном побережье Франции привела к образованию нового самостоятельного фронта. В руководстве войсками на Западе последовали новые изменения. 5 сентября Главкому войск группы армий «Запад» был вновь назначен Рунштедт. Модель остался командующим только группой армий «Б».

Перед новым Главкому войск на Западе Гитлер поставил масштабную, комплексную задачу: приостановить продвижение противника к западу, удержать всю Голландию и из района Меча возобновить наступление в направлении Реймса. Но на следующий день, 6 сентября, Рунштедт позвонил в «Вольфшанце» и заявил Главкому ОКХ, что пока он не разберется с войсками группы армий «Г» генерала Балька, ни о каком наступлении на Реймс не может быть и речи. Своей главной задачей Главкому войск группы армий «Запад» считает стабилизацию фронта на «линии «Зигфрида».

Хотя беспорядочный отход разрозненных групп войск Фриснера продолжался и принимал угрожающий характер, начальник Генштаба ОКХ Гудериан не стал акцентировать внимание фюрера на этих частностях 6 и 7 сентября. Столъ же незначительным, местным тактическим маневром он попытался представить и отход 2-й армии Вейса юго-западнее Ломжи с оставлением «крепости Островленка».

Благополучным выглядел и доклад Йодля 7 сентября о положении на Западном фронте. Больших подвигов в начертании линии соприкосновения не произошло. Рунштедт связывает решающие надежды с применением «неотразимого секретного оружия», которое заставит англичан решать кардинальный вопрос – воевать с Германией дальше или все-таки лучше пойти с нею на сепаратный мир, склонить на этот путь и американцев? Тогда не составит большого труда решить все тяжелые проблемы Восточного фронта. Фельдмаршал Кейтель поддержал точку зрения Йодля.

Вечером 7 сентября Гитлер лично позвонил командиру части «ФАУ-2» генералу Метцу и потребовал от него доклада о готовности группы к боевой работе по Лондону и Парижу. Метц доложил:

«К пускам ракет все готово. Они состоятся по плану». 8 сентября 444-я батарея наносит удар по Парижу, группа «Север» — по Лондону. Три батареи продолжают учебные пуски на полигоне в Близене. Фюрер удовлетворился: он обретает реальную силу, которая позволит склонить англичан к переговорам о мире и спасти Запад от неминуемого нашествия большевизма.

Ракетный удар по Парижу 8 сентября получился первым и... последним. К району дислокации у Эйскирхена группы «Юг» и 444-й батареи подошли войска 12-й группы армий генерала Брэдли и их пришлось перебазировать в Голландию. Вечером того же дня группа «Север» из Вассенаара выпустила на Лондон две «ФАУ-2». Обе ракеты достигли цели и взорвались в районах Чизик и Эсплинг.

По-иному оценили эти события в «Вольфшанце». Совещание 9 сентября уделило факту начала боевого применения «ФАУ-2» по Лондону и Парижу чрезмерное значение. Верховный Главнокомандующий потребовал увеличить выпуск ракет до уровня — девятьсот «ФАУ-2» в месяц.

В полдень 14 сентября командующий группой армий «Север» Шернер доложил в Главную Ставку об атаках Советов в направлении Риги. В этот же день войска Рокоссовского овладели восточным предместьем Варшавы — Прагой. Начальник Генштаба ОКХ Гудериан предложил сообщить об этом фюреру поздно вечером по телефону. Гитлер спросил: «Мосты взорваны через Вислу?» Получив утвердительный ответ, он тут же положил трубку.

Прорвавшись в Прагу, в «Вольфшанце» в этом не сомневались, русские постараются форсировать Вислу и завязать бои за центр Варшавы. Гитлер позвонил командующему 9-й армией фон Людвигу и приказал усилить охранение по берегу Вислы и не допустить высадки десантов.

Разбор обстановки 16 сентября получился двухступенчатым. После доклада Гудериана о ситуации на Восточном фронте Гитлер пригласил Кейтеля, Йодля и Гудериана в свои личные апартаменты. В узком кругу оценку общей обстановки доложил Йодль. За три месяца потери вермахта превысили один миллион двести тысяч человек! Вслед за Румынией и Болгарией порвала отношения с Германией Финляндия. Невозможно твердо поручиться, что в союзе с ней останется Венгрия. Прозвучало ужасное предупреждение: если не повернуть колесо событий, то неизбежно вторжение бывших союзников на территорию рейха!..

Гитлер прервал доклад, ткнул пальцем в карту:

— Я принял решение, Йодль. Наступать будем здесь, в Арденнах! Форсируем Маас, и на Антверпен! Прорыв к Северному морю позволит разорвать англо-американский фронт, окружить и уничтожить двадцать пять британских дивизий. Это наступление должно

носить не столько военный, сколько политический характер. Черчилль ненавидит большевизм почти так же, как я сам, и это военное поражение даст ему повод вступить с Германией в переговоры. Наши позиции усилият удары по Лондону с помощью «ФАУ-1», которые «люфтваффе» начнут наносить с этого дня. — И еще. — Гитлер бросил торжествующий взгляд в сторону начальника Генштаба ОКХ. — Это больше по вашей части, Гудериан. Сегодня я отдал приказ министру Шпеера произвести быструю акцию по выпуску панцерфаустов. Эта акция имеет решающее значение. Не увеличив выпуск собственных танков, мы должны обеспечить вермахту преимущество в борьбе с танками Советов.

Панический отход оперативной группы «Нарва» и 18-й армии в сильные дни решал судьбу Эстонии. Центром борьбы со всех направлений стала Рига.

Борман умел доставить фюреру редкие радостные мгновения из «ничего». 21 сентября он получил приказ фельдмаршала Рунштедта о «фанатизации борьбы». Начальник партийной канцелярии, представив документ Гитлеру, предложил разослать его в адрес рейхсляйтеров и гаулайтеров в качестве руководства к действию. Текст приказа гласил:

«Фюрер приказал: поскольку борьба на многих участках перекинулась на немецкую территорию и немецкие города и деревни оказались в зоне боевых действий, необходимо фанатизировать ведение нами боев. Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая немецкая деревня должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами.

Я прошу гаулайтеров воздействовать на население в подходящей форме, чтобы оно осознало необходимость этой борьбы. Я знаю, с каким безграничным самопожертвованием гаулайтеры отдают себя на службу фюреру и отечеству. Я прошу их содействовать мне в ведении боевых действий в указанном выше смысле...»

Противоречиво складывалась обстановка на Восточном фронте. Под ударами русских все дальше на запад отходили войска группы армий «Север». 22 сентября генерал-полковник Шернер доложил в Главную Ставку об утрате Таллина и Балдона. В этот же день их морской десант овладел гаванью Локса. К исходу 23 сентября войска 2-й ударной армии генерала Федоринского прорвались к побережью Рижского залива и овладели городом Пярну.

Не оправдалось предвиденье Гитлера на юге. Войска 3-го Украинского фронта маршала Толбухина с достигнутого рубежа София — Стара-Загора — Бургас частью сил передислоцировались на северо-запад Болгарии, в район Видина, но не двинулись в направлении черноморских проливов, к Босфору и Дарданеллам, как предполагали в «Вольфшанце».

К трагической развязке приближалось восстание в Варшаве. Ночью 23 сентября командующий группой армий «Центр» генерал-полковник Рейнгардт доложил Гитлеру о разгроме повстанцев в городе и ликвидации десанта 1-й польской армии Берлинга на Чернякове.

ПРЕМЬЕР ЧЕРЧИЛЛЬ СНОВА В МОСКВЕ

1

Верховный все еще чувствовал себя не совсем здоровым после простуды и в полдень 24 сентября принимал генерал-полковника Антонова на «Ближней даче» в Кунцево. Доклад здесь протекал в более непринужденной обстановке, но не менее дотошно. Антонов был поэтуому всегда начеку.

— Ну что же, ситуация на Прибалтийских фронтах обязывает нас, товарищ Антонов, принять все меры для прорыва к Балтийскому морю между Либавой и Мемелем, — сидя на диване, сказал Сталин. — Такую директиву следует направить товарищу Василевскому, командующим фронтами.

— Предварительная директива о перегруппировке войск 1-го Прибалтийского фронта на его левое крыло, товарищ Сталин, Баграмяну уже направлена, — «исполняющий начальника Генштаба» обозначил карандашом направление этого маневра. — В район со средоточения к югу от Шауляя перебрасываются 5-я гвардейская танковая и 51-я армии генералов Вольского и Крейзера.

— Но этих сил будет недостаточно, товарищ Антонов, чтобы наши войска наверняка пробились к устью Немана, вышли на границу Восточной Пруссии? — не отрывая взгляда от карты, возразил Верховный. — Это будет иметь большое политическое значение. Окажется локализованной группа армий «Север» в Прибалтике, и ее разгром довершат войска Прибалтийских фронтов.

Генерал армии Антонов уверенно апеллировал на карте:

— Но в направлении Тильзита наносят удары также 39-я и 5-я армии 3-го Белорусского фронта, товарищ Сталин. Маршал Василевский подтвердил сегодня в разговоре, что войска Людникова и Крылова будут усилены подвижными соединениями. Кроме того, Генштаб считает целесообразным выдвинуть на Кенигсбергское направление 28-ю армию. Срок выдвижения ее в район Мариямполе — середина октября.

Верховный поднялся с дивана, негромко сказал:

— Вчера, товарищ Антонов, я имел беседу с американским и английским послами, Гарриманом и Керром. Под предлогом передачи мне послания Рузельта и Черчилля о результатах перего-

воров в Квебеке, они выясняли у меня нашу позицию в отношении совместных действий союзников в Европе и на Дальнем Востоке. Кстати, Керр и начал наш разговор с того, что сообщил мне о ближайшей высадке английских войск в Греции. Черчилль добился согласия Рузвельта на реализацию своего «Балканского варианта», который я отверг в Тегеране. Что они поимеют от него?

«Исполняющий начальника Генштаба» развернул сводную карту с обстановкой на всех театрах военных действий, высказал свою точку зрения:

— Эта операция англичан в Греции, товарищ Сталин, сильно запоздала. Появиться на территории Болгарии английские войска уже не могут. Вероятно, преследуется стратегическая цель поставить под свой контроль черноморские проливы. Войска союзников достигли бы значительно большего, развернув наступление в Северной Италии. Там открылась бы перспектива раньше Красной Армии вторгнуться в Австрию и в Южную Германию.

— А я, между прочим, товарищ Антонов, так и ответил Керру, что это надо было сделать намного раньше.

— Но когда раньше? До Нормандской десантной операции высадка в Греции англичан тоже была бы неоправданным шагом с оперативной точки зрения.

— Что же изменилось у союзников на Западном фронте?

— Перемены небольшие, товарищ Сталин. Сейчас они ведут борьбу за устье Шельды. Наиболее успешно действуют войска 1-й американской армии генерала Ходжеса. Южнее Ахена, на узком участке «линии Зигфрида», американцы вышли на границу Германии.

— Возможно, с этого рубежа, как пишут Рузвельт и Черчилль, союзники и готовят удар в направлении Рура?

— Чтобы овладеть Роттердамом, союзники провели воздушно-десантную операцию в районе Арнема, но, похоже, она не удалась. Сейчас трудно предположить, когда они решатся на вторжение в Германию.

— Вот это правильно. А теперь вторично союзники предлагают создать в Москве трехсторонний консультативный комитет по координации действий на Западном и советско-германском фронтах.

— У союзников сейчас две непреходящие проблемы, — сказал генерал Антонов. — Американцев волнует война с Японией. Англичане же заварили кашу в Варшаве и теперь с тревогой ждут развязки.

— Керр, товарищ Антонов, у меня уточнял обстановку впольской столице. Они сами получают крайне скучную информацию от Бур-Комаровского. Что же касается американцев, то они заинтересованы в нашем, хотя бы косвенном, противостоянии Японии.

— Будет лучше, товарищ Сталин, если все стороны строго и до конца выполнят решения Тегеранской конференции. В них все ясно записано.

— Совершенно правильно. Так и будет заявлено премьеру Черчиллю, который в октябре намерен вновь побывать в Москве. Программу он для себя наметил насыщенную.

В полдень 26 сентября в Генштаб позвонил генерал армии Мерецков. Он доложил, что сроки отвода финских войск за линию государственной границы СССР на участках Койта-Йоки, Корписелькя и Энсо, Вирролахти противником не выполнены. Какие действия должно предпринять командование Карельским фронтом? Антонов доложил ситуацию Верховному и получил указание: «Не ввязываться в тяжелые бои с отходящими войсками 20-й горной армии. Уничтожение противника продолжать огневыми средствами».

Бои в столице Польши становились все более ожесточенными. Получив подкрепления, эсэсовцы повели 28 сентября общее наступление и в течение трех дней отбросили повстанцев на берег Вислы. Офицерам связи 1-й польской армии пришлось покинуть повстанческие штабы, поскольку вражеская агентура подготовила план их физического уничтожения.

Обсудив положение наших войск на участке Пултуск — Варшава, маршал Жуков пришел к твердому убеждению, что лучшим решением в создавшихся условиях было бы прекращение всяких наступательных действий. 3 октября он доложил Верховному: «Наступление наших войск севернее Варшавы бесперспективно. Необходимо предоставить им краткосрочный отъих, пополнить людьми и техникой».

Получив телеграмму маршала Жукова, Верховный позвонил в Генштаб Антонову, распорядился:

— Вместе с Рокоссовским завтра вызовите в Ставку и товарища Жукова. Обстановку обсудим с ними на месте.

Когда вечером 4 октября Жуков и Рокоссовский прибыли в Кремль, в кабинете Верховного находились Молотов, Берия, Маленков и Антонов. Сталин предложил Жукову доложить обстановку на Варшавском направлении.

Представитель Ставки развернул «оперативку», начал доклад. Резкая реплика Молотова прервала докладчика, когда Жуков уже перешел к выводам и предложениям:

— Товарищ Жуков, вы предлагаете остановить решающее наступление, когда противник не в состоянии сдержать напор наших войск?

— Противник уже успел создать прочную оборону на западном берегу и подтянуть необходимые резервы, товарищ Молотов, — ответил Жуков. — Немецкие войска уверенно отбивают наши атаки.

Сталин решил «огасить страсти», обратился к командующему 1-м Белорусским фронтом:

— Товарищ Рокоссовский, вы полностью согласны с мнением товарища Жукова?

Маршал Рокоссовский поддержал представителя Ставки:

— Да, товарищ Сталин. И я так считаю, что войскам надо дать передышку и привести их в порядок.

— Передышку немец не хуже вас использует, товарищ Рокоссовский, — громче обычного возразил Верховный. — А если все-таки усилить 47-ю армию танками и артиллерией, поддержать авиацией, сумеет ли она пробиться на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил командующий 1-м Белорусским фронтом. — Гитлеровское командование отдает себе полный отчет в важности Варшавского направления и наверняка из последних сил будет подкреплять группу армий «Центр».

— В ближайшее время на советско-германском фронте, товарищ Сталин, появится немецкое народное ополчение, «фольксштурм», — вставил реплику нарком Берия.

— Резервы Германия истощила, — добавил Маленков, — и теперь ее руководство пытается использовать наш опыт сорок первого года.

Сталин вновь обратился к своему заместителю:

— А вы, товарищ Жуков, все же не думаете усиливать 47-ю армию?

— Считаю, товарищ Сталин, что это наступление нам не даст ничего, кроме прибавления жертв, — возразил Жуков. — С оперативной точки зрения нам не нужен район севернее Варшавы. Столицу Польши надо освобождать обходом с юго-запада. Вот это будет правильное решение.

Над Сталиным довлело ранее согласованное решение:

— Идите, товарищ Жуков, и еще раз вместе с товарищем Рокоссовским проверьте ваши предложения.

Маршалы Жуков и Рокоссовский вышли в соседнюю комнату и вновь принялись за анализ обстановки в районе Варшавы. В их отсутствие Верховный обратился к Антонову:

— У вас, товарищ Антонов, мнение не изменилось по поводу наших действий на Варшавском направлении?

— Нет, товарищ Сталин, не изменилось. Маршалы Жуков и Рокоссовский предлагают оптимальное решение.

— Так тогда и объявим товарищу Рокоссовскому: пусть переходит к обороне, — поставил точку Верховный.

На следующий день возникли новые проблемы. Сталин позвонил своему заместителю в Наркомат обороны, спросил:

— Товарищ Жуков, как вы смотрите на то, чтобы отыне оперативное руководство всеми фронтами передать непосредственно в руки Ставки?

— Вы предлагаете, товарищ Сталин, упразднить представителей Ставки? — уточнил маршал Жуков.

— Да, ведь число фронтов будет впредь сокращаться.

— Протяжение общего фронта сократилось процентов на сорок. Считаю, что имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы, товарищ Жуков, это без обиды говорите?

— А на что обижаться, товарищ Сталин? Думаю, что ни я, ни товарищ Василевский не останемся без работы.

6 октября в Москве находилась венгерская правительственная делегация, возглавляемая генералом Фараго. Она имела полномочия подписать соглашение о перемирии только в том случае, если Советский Союз согласится на участие англо-американских войск в оккупации Венгрии и на свободный отход немецких войск с ее территории. Представители союзников заявили, что независимость Венгрии может быть гарантирована лишь при условии разрыва всех отношений с Германией и объявления ей войны. Кроме того, правительство Лакатоша должно немедленно приступить к отводу венгерских войск из Югославии, Чехословакии и Румынии. Но полномочный на решение таких вопросов Фараго не имел.

Продолжалась Белградская операция 3-го Украинского фронта. Сломив сопротивление армейской группы «Сербия», 57-я армия Гагена к исходу 8 октября освободила Клокочевац, Неготин, Бор и Заечар. Южнее Жабари, преодолев Восточно-Сербские горы, она пробилась в долину Моравы и установила взаимодействие с 14-м корпусом Народно-освободительной армии Югославии.

9 октября в Москву прибыл премьер Великобритании Черчилль. На Внуковском аэродроме его встречал нарком иностранных дел Молотов. «Неистовый Уинстон» произнес у трапа самолета страстную речь:

«Ваша Превосходительства! Леди и джентльмены!

Второй раз в течение этой ужасной и кровавой войны я прибываю на этот аэродром в Москве. Более двух лет прошло с тех пор, как я был здесь в последний раз. Но это — два года непрерывных побед. Все мы с разных концов света непоколебимо шли против нашего общего врага, который уничтожил сокровища, запятнал каждый свой шаг ужасными зверствами, и над которым смыкается теперь месть Объединенных Наций. В течение периода побед, достигнутых с таким большим самоожертвованием, русские армии нанесли мощные удары. Они были первыми из тех, кто разбил дух и военную машину германской армии. Мы также со своей стороны, Соединенные Штаты и Британско Содружество Наций, на-

прягли свои силы до предела. И вам судить о том, нанесли ли мы тяжелые удары или нет. Я прибыл сюда на волнах надежды, на волнах уверенности, что победа будет достигнута, и в надежде, что, когда она будет одержана, все мы постараемся сделать мир лучшим местом для жизни больших масс людей».

Обмен мнениями продолжался в течение всего десятидневного раунда московских переговоров. «Состязание умов» шло во время официальных встреч делегаций и на дипломатических раутах в Кремле, за Москвой-рекой, напротив, в посольстве Великобритании, а также в уютном, прекрасно обставленном столичном особняке, и на загородной даче, предоставленной Советским правительством британскому премьеру с коллегами.

Напряженный день 11 октября, целиком отданный обсуждению проблемы о будущем Германии, завершился обедом в английском посольстве. 12 и 13 октября на переговорах воцарился «балканский дух»: обсуждалась остройшая ситуация в Венгрии и Югославии. Намечались пути примирения маршала Тито и премьера Югославии Щубашича, послание регента Венгрии Хорти председателю СНК СССР об условиях выхода его страны из войны.

При всех усилиях «польский вопрос» не удалось стокнуть с мертвой точки. Лишь в конце переговоров премьер Миколайчик заявил, что он согласен признать «линию Керзона» в качестве советско-польской границы. В будущем Польском правительстве Миколайчик предлагал поделить посты поровну между его правительством и Польским комитетом национального освобождения. Берут и Моравский предлагали ему четверть министерских постов, но соглашались на предоставление Миколайчуку поста премьера.

В конце переговоров обсуждался вопрос о будущем Германии. Премьер Черчилль изложил англо-американский план ее расчленения, согласованный им с Рузвельтом в Квебеке. Советская сторона предложила отложить вопрос о будущем Германии до очередной конференции глав трех правительств.

Для премьера Черчилля и сопровождающих его лиц был дан концерт в Большом театре с участием лучших артистов советской оперы и балета. В концерте принял участие Ансамбль песни и пляски Красной Армии, который очень нравился премьеру Черчиллю.

Первое сообщение о задержании агентов СД Таврина и Шиловой поступило из Смоленска в Главное управление «СМЕРШ» вечером 5 сентября. Но, хорошо зная дотошность Сталина в щепетильных вопросах, нарком Берия не спешил с докладом «наверх».

Расследование дела диверсантов не прекращалось ни на один день. Уже первые допросы Таврина и Шиловой произвели впечатление своей необычностью. Берия ежедневно встречался с генералом Леонтьевым, который излагал детали задуманной диверсии. Все копии протоколов допросов Таврина нарком внутренних дел

аккуратно укладывал в отдельную папку и неоднократно перечитывал их для лучшего запоминания сути происшедшего.

В ходе допросов Таврин показал, что 29 мая сорок второго года он был вызван уполномоченным Особого отдела дивизии, который спросил, почему он переменил фамилию. Поняв, что Особому делу стали известны его довоенные преступления, и боясь ответственности, Таврин на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев. После плена он в течение года содержался в различных немецких лагерях для военнопленных на оккупированной территории СССР, затем на территории Германии. В июне сорок третьего, когда Таврин находился в венской тюрьме, его вызвали на беседу офицеры гестапо и предложили сотрудничать с германской разведкой. Таврин принял это предложение.

В августе сорок третьего Таврин был доставлен в Берлин для встречи с начальником Восточного отдела СД Грейфе. Повторился диалог, который ему пришлось вести с офицерами гестапо в Вене. Грейфе спросил: какая отрасль – разведка, диверсии, террор – больше других устраивает «новобранца».

В период до следующего вызова в Берлин в сентябре, Таврина в том же Зандбергском лагере «встретили» с ближайшим сподвижником Власова, бывшим членом Военного совета 24-й армии Жиленковым. С ним Таврин познакомился еще в июле сорок второго, когда содержался в Летценской крепости в Восточной Пруссии. Жиленков одобрил действия «давнишнего знакомого» и порекомендовал ему принять задание Грейфе по террору. Он заявил, что сейчас самой важной задачей является теракт против Сталина, за которым неизбежно последует развал Советского Союза.

Важное значение в подготовке Таврина к выполнению задания придавалось психологической стороне дела. С этой целью трижды организовывались его встречи в Берлине с полковником СС Скорцени. Первая состоялась в ноябре сорок третьего и была ознакомительной, следующие две – через два месяца, в январе. В ходе второй встречи известный террорист «делился опытом» своей работы, а в третью встречу, расспросив Таврина о Москве и ее пригородах, поставил перед «коллегой» прямой вопрос: возможно ли в СССР осуществление такой операции, которую он провел в Италии?

В июне сорок четвертого подготовка Таврина была завершена. Только теперь начальник главной команды «Цеппелин» Краус сообщил «террористу», что ему предстоит еще овладеть специальным аппаратом под названием «Панцеркнаке», поражающим цель с помощью бронебойных снарядов...

Но подготавливаемая операция сорвалась в самом начале. Четырехмоторный «Арадо-332» специальной конструкции, снабженный каучуковыми гусеницами для приземления на не приспособленных площадках, потерпел аварию при посадке и снова подняться

в воздух, чтобы вернуться в Ригу, не смог. Не повезло и его «важным пассажирам». Вскоре после посадки и выгрузки из самолета и они угодили в «лапы НКВД».

К середине октября Берия располагал достаточными для доклада Сталину сведениями по делу агентов германской разведки Таврина и Шиловой. Но председатель СНК был занят переговорами с Черчиллем. Лишь с его отлетом из Москвы, 19 октября, состоялся доклад «шефа НКВД»:

— Задержана террористическая группа из двух человек, товарищ Сталин. Наш перебежчик старший лейтенант Таврин и радиостюка Шилова двадцати двух лет. Были переброшены через линию фронта на самолете из Риги в Смоленскую область, с заданием организовать теракты против руководителей Советского Союза.

Когда нарком Берия прервал свой доклад, Сталин сказал:

— Гитлер идет в авангард. Понять его можно. Он пытается хоть таким образом переломить обстановку, оттянуть неминуемый конец. Кроме этой группы, гитлеровская разведка может забросить на нашу территорию и другие. Сотрудникам вашего наркомата надо быть готовыми и к такому развороту событий. У диверсантов такого ранга по месту предполагаемой работы обязательно должны быть сообщники. В какой степени, товарищ Берия, на сегодня уже выяснен этот важнейший вопрос?

— Разработке сообщников мы придали первостепенное значение, — доложил Берия. — Многое удалось не только выяснить, но и решить. Все явки, названные Тавриным по Москве, проверены. Согласно легенде, он должен был под видом выздоравливающего после ранения офицера легализоваться в Москве и прописаться на временное жительство либо у жены бывшего летчика Красной Армии Теникова, проживающей по Ленинградскому шоссе, либо у приятельницы агента СД Якушева, ревизора пассажирского движения Рычковой, проживающей на Самарской улице.

— Это, товарищ Берия, второразрядные сообщники, а разве прямых сообщников Таврина по работе до сих пор еще не выявили?

— У Таврина имелись и прямые сообщники. Оба они, генерал-майор Загладин и майор Палкин, являются персонами Наркомата обороны. Я приказал установить за ними круглосуточное наблюдение. Я предлагаю, хотя бы временно, перевести их на другую работу, не связанную с действующими кадрами Красной Армии.

— Таврин сообщил какие-нибудь сведения о действующих на советской территории диверсионных группах?

— Да, товарищ Сталин. В настоящее время на нашей территории находится несколько диверсионных групп, поддерживающих связь с Рижским радиоцентром «Цеппелтин». В Вологодской области действует группа Семенова в составе шести человек. В Кировской области обосновалась группа Лещева, через которого Таврин

собирался при необходимости передавать в радиоцентр свои донесения.

Берия достал из «особой папки» несколько листов, исписанных от руки, и, не отрывая взгляда от текста, доложил:

— Но еще более важно то, товарищ Сталин, что мы получили данные о готовящихся к переброске более крупных группах. Таврин подробно рассказал о четырех таких группах. Главная их задача — одновременный подрыв мостов через Каму и Волгу, чтобы отрезать фронт от Урала и снизить боеспособность Красной Армии.

— Эти намерения немецкой разведки нельзя сбрасывать со счетов, товарищ Маленков, — Сталин подключил к разговору секретаря ЦК, курирующего «оборонку». — Необходимо потребовать от партийных органов Поволжья и Урала повышения бдительности.

— По этому случаю мы подготовим письмо ЦК, товарищ Сталин, и разошлем в обкомы партии, — ответил Маленков.

— Письма будет недостаточно, — сказал Сталин и сразу предложил: — Считаю необходимым по телефону позвонить в Молотов, Казань, Куйбышев, Саратов и Астрахань.

— По каналам моего наркомата такое указание уже передано в регионы, — вставил реплику «шеф НКВД» Берия.

— А что это за «Русский кабинет» Власова? Вам известно, товарищ Берия, кто в него входит? — тут же спросил Сталин.

Берия достал записку из «особой папки», прочитал:

— «Русский кабинет» именуется будущим правительством России. В него входят: Власов — глава кабинета; Жилленков — его политический советник; Мачинский — бывший профессор права Ленинградского университета; Иванов и Сахаров — белоэмигранты, генералы; Благовещенский — бывший генерал Красной Армии; Калмыков — доктор технических наук; Дубин — инженер, до войны работавший в штабе Киевского Особого военного округа.

— Как рвется предательская гниль в правительстве России, — в голосе Сталина прозвучала презрительная нота. — У вас есть предложение по делу? — спросил Сталин.

У «шефа НКВД» было такое предложение:

— Экипаж самолета пленен, и я предлагаю завязать с «Цеппелином» радиолигру, используя радиостанцию Шилову.

— Используйте, — согласился Сталин и добавил: — А какое решение предлагается вообще в отношении диверсантов?

— Никаких мер против них пока приниматься не будет. Возможно, на них выйдут новые вражеские агенты...

Ночью 19 октября в радиоцентр «Цеппелин» полетела радиограмма Таврина: «Познакомился врачом. Женщиной. Имеет знакомых Кремлевской больнице. Обрабатывать».

Освобождение Дебрецена и Белграда 20 октября Верховный воспринял с удовлетворением. Когда генерал Штеменко сообщил ему

об этом, Сталин тут же переговорил с маршалами Малиновским и Толбухиным.

Малиновский воспользовался этим звонком, попросил:

— Войска 2-го Украинского фронта, товарищ Сталин, выходят на важное, Тисафюрдское направление. Но прорыв в направлении Хатвана представляется очень трудным делом. Учитывая наши угрозы, противник перебрасывает сюда подкрепления, танки.

— А вы, товарищ Малиновский, противопоставьте немцу наши танковые силы. Разве у вас нет такой возможности?

— В ходе сражения за Дебрецен группа армий «Юг» потеряла четыреста танков. Но и мы потеряли триста машин. Свои танковые дивизии противник пополняет за счет переброски с Балканского полуострова. У меня же нет возможности пополнить 6-ю гвардейскую танковую армию за счет фронтовых резервов.

Сталин попытался найти выход.

— А вы, товарищ Малиновский, — предложил Верховный, — ударьте на тех участках, которые обороняют венгры.

— Нет, товарищ Сталин, — возразил Малиновский, — этот вариант не подходит. Венгерские войска держат оборону у Ньирельхазы и Надькалло, а на Тисафюрдском направлении Фришнер держит только немецкие соединения, которым полностью доверяет.

Заканчивая разговор, Верховный поручил:

— Пришлите мне свои письменные соображения по Будапештской операции, товарищ Малиновский.

В разговоре с Толбухиным Верховный порекомендовал быстрее продвинуть войска 3-го Украинского фронта хотя бы до Ша-баца, чтобы разорвать связь между войсками групп армий «Юг» и «Ф» Фришнера и фон Вейхса.

Получив донесение командарма 14-й, генерал армии Мерецков позвонил в Ставку:

— Войска Карельского фронта вышли на границу с Норвегией. Прошу разрешения, товарищ Сталин, на ее переход для нанесения удара по базам фашистов в районе Киркенеса.

— А сил у вас хватит, товарищ Мерецков, — уточнил Верховный, — чтобы до начала ноября завершить эту операцию?

— Наземных сил хватит. Прошу вас отдать приказ командующему авиацией дальнего действия о нанесении ударов по вражеским аэродромам в Бухольмене и Бьерневане.

— Желаю успеха. Командующий АДД получит такой приказ, товарищ Мерецков, — закончил разговор Верховный.

После завершения Дебреценской операции Ставка решила без всякой паузы наступать на Будапешт. Такие действия диктовались выгодными оперативными условиями. Основные силы группы армий «Юг» оборонялись на Ньирельхазском направлении. В то же

время юго-восточные подступы к Будапешту на Кечкеметском направлении обороныла потрепанная в боях 3-я венгерская армия Хеслени, усиленная двумя подвижными немецкими дивизиями.

Обдумав соображения Генштаба по поводу проведения Будапештской операции, Верховный вечером 28 октября позвонил Малиновскому и потребовал, чтобы войска 2-го Украинского фронта овладели столицей Венгрии в самое ближайшее время, буквально на днях. Малиновский попросил Верховного отпустить ему на выполнение масштабной задачи пять дней, но приказ Сталина был категоричен: «Завтра же перейти в наступление на Будапешт».

Вечером 4 ноября в Ставку позвонил маршал Малиновский, доложил оперативные данные:

— Сегодня, товарищ Сталин, войска 2-го Украинского фронта выбили противника из городов Сольнок и Цеглед.

— Это хорошая весть, товарищ Малиновский, но Ставка ожидает от вас не частных оперативных успехов, а доклада об овладении столицей Венгрии Будапештом, — голос Верховного все-таки выдавал его неудовольствие.

— 2-й и 4-й механизированные корпуса, товарищ Сталин, удерживают позиции в десяти километрах от столицы Венгрии, но ворваться в город не могут. Командующий группой армий «ЮГ» генерал Фриснер перебросил из района Мишкольца к Будапешту четыре танковых дивизии.

— Раз с позиций у Мишкольца сняты четыре танковые дивизии, то вы должны, товарищ Малиновский, потребовать от командующих 40-й, 27-й, 53-й и 7-й гвардейской армиями, чтобы они перешли в наступление и помогли южному крылу фронта разгромить Будапештскую группировку немца.

— Ясно, товарищ Сталин, такой приказ будет отдан войскам немедленно, — согласился маршал Малиновский. — Столицу Венгрии мы возьмем в самое ближайшее время.

В директиве Ставки от 4 ноября, помимо согласованных в телефонном разговоре решений, отдельная боевая задача была поставлена для подвижной группы Плиева: «Не позднее 7 ноября нанести удар из района Сольнока на север и вывести правое фронтовое крыло на западный берег Тисы».

Ожесточение боев на Будапештском направлении в конце первой декады ноября нарастало с каждым днем. Войска маршала Малиновского теснили позиции 8-й и 6-й армий Велера и Фреттер-Пико, северо-восточнее венгерской столицы. К исходу 10 ноября они пробились на рубеж Домбрад — Тиса — Доб — Уйсас — Демешед. Подвижная группа Плиева перерезала 11 ноября важнейшую рокадную коммуникацию Будапешт — Мишкольц восточнее Дьяндиньша. 12 ноября правофланговая 53-я армия Манагарова освободила от оккупантов города Мезекешвенд и Монор.

Завершалась работа над планом операции 1-го Белорусского фронта. В полночь 12 ноября Верховный, Жуков и Антонов в очередной раз анализировали ситуацию на Варшавском направлении. Дискуссия получилась жаркой, потому что и теперь Сталин упорно пытался склонить военных к варианту лобового фронтального удара на Варшаву через Вислу. Но Жуков столь же категорично выступил против него, обосновывая свои «концентрические удары» севернее и южнее польской столицы убедительными оперативными преимуществами. Вопрос оказался исчерпаным лишь тогда, когда «использующий начальника Генштаб» совершенно определенно высказался в поддержку плана маршала Жукова.

С планом операции, наконец, справились, но спустя всего несколько часов Верховный вновь пригласил маршала Жукова в Кремль. Сталин был один в кабинете, негромко сказал:

— 1-й Белорусский фронт находится на важнейшем, Берлинском направлении. Политбюро ЦК решило поставить вас, товарищ Жуков, во главе этого фронта.

Неожиданность объявленного Сталиным решения не выбила заместителя Верховного из «достойной колеи». Он, не задумываясь, ответил:

— Я готов командовать любым фронтом, товарищ Сталин. Для меня это привычное дело.

— Вот и хорошо, — еле заметно кивнул Верховный и продолжил: — Но вы и впредь остаетесь моим заместителем, а я сейчас переговорю с товарищем Рокоссовским.

Поздоровавшись и исключив на этот раз подробные расспросы об обстановке, Сталин сказал:

— Политбюро ЦК решило назначить вас, товарищ Рокоссовский, командующим 2-м Белорусским фронтом.

Маршал Рокоссовский искренне удивился:

— За что такая немилость, товарищ Сталин, что меня с главного направления переводят вдруг на второстепенный участок? Я, по вашему, в чем-то провинился?

— Вы ошибаетесь, товарищ Рокоссовский, — возразил Верховный. — Ваш участок входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского. Успех всей решавшей операции будет зависеть от их тесного взаимодействия. Поэтому на подбор командующих Политбюро ЦК обратило особое внимание. На 1-й Белорусский фронт назначен товарищ Жуков. Как вы смотрите на эту кандидатуру?

— Кандидатура вполне достойная, товарищ Сталин, — уже без тени обиды ответил маршал Рокоссовский. — По-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и авторитетных в войсках генералов, каким и является маршал Жуков.

— Я рад, товарищ Рокоссовский, что ваше мнение в отношении товарища Жукова совпадает с мнением Политбюро ЦК, — удовлетворился ответом Верховный и продолжил разговор о «деле»: — На 2-й Белорусский фронт Ставка возлагает очень ответственную задачу. Ваши войска будут усилены дополнительными соединениями и средствами. Мы понимаем, что если не продвинутся вперед ваши войска и войска товарища Конева, то не продвинется вперед и 1-й Белорусский фронт товарища Жукова.

— Задача мне ясна, товарищ Сталин.

— Вот и хорошо. Я не буду возражать, товарищ Рокоссовский, если вы возьмете с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработались за время войны.

— Спасибо за заботу, товарищ Сталин. Я надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Многих из них я хорошо знаю.

— Вот за это благодарю, товарищ Рокоссовский, — закончил разговор Верховный Главнокомандующий.

Бывший командующий 2-м Белорусским фронтом генерал армии Захаров был назначен заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом. Занимавший ранее эту должность генерал-полковник Трубников переводился в том же качестве на 2-й Белорусский фронт вместе с маршалом Рокоссовским. Затем последовали и другие перестановки.

15 ноября маршал Жуков прилетел в Люблин и вступил в командование 1-м Белорусским фронтом.

2

Гитлер был вне себя. Войска Шернера, в преданности и твердости которого он не сомневался раньше ни на йоту, терпели одно за другим поражения в Прибалтике. Утрата Эстонии означала не только выход из войны Финляндии, но еще и прорыв кораблей Балтийского флота противника в открытое море. Помимо их участия в островных и прибрежных операциях, нарушались шведско-германские транспортные коммуникации. Немецким концернам не приходилось рассчитывать на стабильное поступление железной руды из Швеции по Ботническому заливу. Это наносило удар по планам расширения производства оружия и боевой техники.

В ночь на 25 сентября Гитлер позвонил Шернеру:

— Я так надеялся на вашу группу армий, генерал Шернер. Вопреки мнению генералов Йодля и Гудериана, я передал вам самую сильную на Восточном фронте 3-ю танковую армию Рауса, чтобы вы наконец остановили продвижение русских вдали от Восточной Пруссии.

— Мой фюрер, — попытался объясниться Шернер, — для выполнения вашего приказа у меня совершенно не хватает сил. Гене-

рал Фришнер писал вам в июле о восьмикратном превосходстве большевиков в Прибалтике. Теперь я сам достаточно убедился в том, что он был прав.

— Подкрепления нужны всем, генерал Шернер. Предательство привело нас к потере Финляндии, Румынии и Болгарии. Советы атакуют границы Венгрии. Они уже у границ рейха. Надо защитить империю, генерал Шернер! Держитесь. Силы большевиков не бесконечны! Я окажу вам помощь.

— Мой фюрер, по причине отсутствия резервов, я считаю целесообразным оставить Курляндию, отвести войска на южный берег Немана и удержать границы Восточной Пруссии.

— Я запрещаю вам подобные действия, генерал Шернер! Любой отход из Курляндии невозможен! Скоро наступит неизбежный перелом. Вначале на Западе, потом на Востоке. Потерпите еще немного, генерал Шернер.

— Яволь, мой фюрер, — подчинился командующий группой армий «Север». Ему все стало ясно — скоро «наступит желанный перелом». Верховный Главнокомандующий не станет просто так бросать слова на ветер.

Совещание в Главной Ставке 25 сентября было окрашено в оптимистические тона по поводу предстоящего наступления в Арденнах. Сомнений в успехе ни у кого не возникало. Главком ОКХ сумел убедить Йодля и Гудериана в осуществимости своего расчета. Он был прост: западные державы имеют на фронте шестьдесят две дивизии. Разгром даже половины из них непременно изменит обстановку в пользу вермахта и приведет к стабилизации положения. Станет возможным перебросить войска с Западного фронта на Восточный и отразить ожидаемое зимнее наступление Советов. Совещание положило начало усиленной подготовке к важнейшей операции. Вблизи Бонна быстрыми темпами продолжалось формирование 6-й танковой армии СС из семнадцатилетних новобранцев. Командование ю фюрер поручил генералу СС Дириху.

Гитлер затребовал из прусского военного архива оперативные документы о наступлении в Арденнах 12-й и 16-й армий вермахта в мае сорокового. Он недвусмысленно намеревался устроить англо-американским войскам «новый Дюнкерк» в ноябре сорок четвертого. Когда в этот же день, 25 сентября, выяснилось, что их наступательная операция под Арнемом провалилась, Главком ОКХ немедленно отдал приказ генералу Метцу вернуть 444-ю батарею из района Зволле на побережье залива Зайдер-Зее, к Ставерену, с целью нанесения массированных ударов «ФАУ-2» по Норвичу и Ипсвичу.

Тяжелые бои в конце сентября разгорелись в Карпатах, особенно у перевала «Русский». Чтобы сдержать атаки 1-й гвардейской армии Гречко, командающий группой армий «А» Гарпе перебросил к

перевалу 26 сентября две пехотные дивизии. Он хорошо понимал — захват «Русского» обеспечивал Советам быстрый маневр их войск по единственной дороге на Гуменне и Михаловац.

Когда 27 сентября русские перенесли направление главного удара в северо-западную часть Румынии, командующий группой армий «Юг» генерал Фриденер прислал в «Асканию» доклад с оценкой оперативной обстановки и реальным положением его группы армий в Румынии.

В этот же день начальник штаба Оперативного руководства ОКВ доложил свои соображения относительно обороны Северной Италии. При этом Йодль использовал доклад командующего группой армий «Юго-Запад» Кессельринга, который просил разрешения начать маневр отвода войск в предгорья Альп. Он ссылался на то, что обе операции англосаксов против 14-й и 10-й армий продолжали развиваться, а их авиация усиливала удары на фронте по коммуникациям его группы армий. Приходилось также учитывать возможность высадки противника на Ривьере и воздушных десантов в тылу 10-й армии Фитtingофа. Гитлер отклонил все предложения по отводу войск в Альпы и приказал Йодлю сообщить Кессельрингу причины такого его решения.

В конце сентября обострилась ситуация в полосе групп армий «А» и «Юг». Войска генерал-полковника Гарпе пытались удержать карпатские перевалы, а войска генерала Фриденера — отбить атаки советских, румынских, болгарских и югославских войск на Дебрецен, Сегед и Белград.

Чтобы не допустить вторжения русских в Венгрию, Главная Ставка спланировала ряд контрударов. В директиве Генштаба ОКХ от 30 сентября перед группой армий «Юг» была поставлена важнейшая задача: «Удерживая карпатский выступ, подготовить операцию, в ходе которой из района Дебрецена нанести удар по войскам Малиновского, прорвавшимся к границе, на участке между городами Орадя и Мако, и достичь такого рубежа, который мог бы быть в течение зимы удержан незначительными силами».

Вечером 1 октября командующий 1-й танковой армией Хайнрихи доложил в «Асканию»: «Бои за удержание Дуклинского перевала приняли крайне напряженный характер. Помимо всенарастущего давления с фронта 1-го чехословацкого корпуса Свободы, русские пересекли польско-чехословацкую границу у Шарбова и в пяти километрах северо-западнее обходят позиции у перевала. Налицо угроза окружения опорных пунктов в районе Полян, блокады шоссейной дороги Змигруд Новы — Цехания. Мои войска продолжают подготовку оборонительной позиции «Анна» в сорока километрах от переднего края, для занятия которой требуются дополнительные резервы. В дальнейшем, с отходом на эту линию обороны основных армейских сил, возможно, удастся задержать наступление противника».

Особенно опасной складывалась обстановка на Будапештском и Белградском направлениях. Подкрепить резервами 3-ю венгерскую армию у Верховного Командования вермахта возможности не было. По предложению начальника Генштаба ОКХ Гудериана, фюрер принял решение нанести фланговый удар танковой группой из района Орадя с намерением отрезать левый фланг 2-го Украинского фронта.

Прорыв русских в Венгрию и Югославию крайне осложнил ситуацию на Балканском полуострове. Командующий группой армий «Ф» фон Вейхс доложил свои соображения в «Вольфшанце»: «В случае овладения Белградом, большевики образуют единый фронт с партизанами Тито. Войска армейской группы «Сербия» Фелбера и группы армий «Е» Лера окажутся заблокированными в Албании, Югославии и Греции». Откровенное суждение фон Вейхса произвело на Гитлера сильное впечатление. 3 октября он отдал приказ об отводе войск с Балканского полуострова.

Доклад фельдмаршала Моделя 5 октября в Главной Ставке отличался излишним оптимизмом:

— Мой фюрер! Устье Шельды прочно удерживается войсками 15-й армии. Генерал Цанген надеется блокировать Антверпен до конца недели. Не менее стойко обороняется 1-я парашютно-десантная армия на Маасе. «Линию Зигфрида» враг не пройдет! Это моя твердая позиция.

— У вас, Модель, два главных пункта удержания — устье Шельды и Неймеген. Это главное. Важно, чтобы ни один мост на Рейне не был захвачен англосаксами в рабочем состоянии. Это поднимет боевой дух вермахта. Инициатива все очевиднее переходит на Западе в наши руки. Держитесь, Модель.

— Мой фюрер, я верю в боевой дух своих солдат. Сегодня в специальном приказе я призвал их стоять насмерть у ворот фатерлянда и показать противнику, что единственный путь к сердцу рейха ведет только через наши трубы. За Рейном земли для нас нет! Я продолжу твердо верить в своих солдат.

— Мы будем и дальше, Модель, наращивать силу ударов нашего «неотразимого оружия», чтобы принудить англосаксов к политическим решениям. Я уже распорядился об увеличении выпуска ракет до максимального уровня. Наша задача — держать британскую столицу в постоянном страхе. Поэтому надо во что бы то ни стало сохранить в наших руках остров Валхерен. Это важно. Получив подкрепления, вы должны, Модель, срезать сильное вклинивание англичан у Неймегена и выйти на рубеж Тилбург — Хелмонд.

Арденнская операция с каждым следующим днем приобретала некий, определяющий в деятельности «Вольфшанце», смысл. Гитлер практически ежедневно обращался к ее замыслу и торопил. Иодля с завершением разработки детального плана. Но и 5 октябрь

ря плана не имелось. Главком ОКХ выразил Йодлю неудовольствие по этому поводу. «Главному оператору» ОКВ ничего другого не оставалось, как и на этот раз «подставить» своего заместителя, дескать, разработка стратегического плана операции в Арденнах ведется под руководством Варлаймента, но объем оперативной работы столь велик, что он не укладывается в отпущенный фюрером срок.

Когда к исходу второго дня наступления русских на Будапешт Фришнер доложил в Главную Ставку, что их войска форсировали Кёрёш и овладели городами Комади, Сегхалом и Дьомой, Верховный Главнокомандующий обрушился на него с гневными упреками:

— Вы понимаете, Фришнер, что, захватив Будапешт, большевики немедленно окажутся в Вене, Праге и у южных границ рейха! На этом направлении у нас нет «линии Зигфрида», укрепленных оборонительных рубежей. Группа армий «Север» продолжает защищать Курляндию, группа армий «Центр» остановила русских в Варшаве. Вы должны, Фришнер, нанести решающее поражение войскам Малиновского на Тисе!

Командующий группой армий «Юг» смело возразил:

— Мой фюрер! Без моего приказа венгерский Генштаб отводит свои армии на Тису, отзывает с фронта офицеров. Регент Хорти за нашей спиной ведет с противником закулисные переговоры о выходе своей страны из войны.

— Политические вопросы оставьте решать мне, Фришнер. Ваше дело — боевые действия, фронт. Я согласен с Гудерианом, что у вас есть возможность силами 57-го танкового корпуса нанести поражение большевикам на Тисе.

— Танковая группа Клеемана в районе Сольнока уже формируется, мой фюрер. Но с ударом на Маргит и Сату-Маре мы уже запоздали. Если противник овладеет Дебреценом, то войска Велера окажутся в полукольце. Группа армий «А» Гарле сдала Дукельский перевал. Русские продвигаются к Кошице. Это ставит мои войска в критическое положение. Если группа армий «А»...

— Занимайтесь, генерал Фришнер, своей группой армий. Насколько мне, как Верховному Главнокомандующему, известно, войска генерала Гарле упорно сражаются в Карпатах. Один Дукельский перевал не решит всех проблем большевиков. Важно сохранить сплошной фронт, Фришнер, не только групп армий «А» и «Юг», но еще и войск группы армий «Юго-Запад» фельдмаршала фон Вейхса.

— Мы уже пережили предательство итальянцев, финнов и румын, мой фюрер. Теперь мы должны быть готовы к такому же развитию событий в Венгрии. Генерал Грейфенберг сообщил мне вчера, что правительство Хорти утратило самообладание, не верит в нашу победу.

— Не беспокойтесь, Фриденер. Будапешт находится в кольце немецких войск. В любом случае я готов принять решительные меры. Мы заставим Хорти подчиниться нашей воле.

9 октября началась изнурительная схватка Гитлера и его окружения по поводу дальнейших действий группы армий «Север». Начальник Генштаба ОКХ Гудериан предложил фюреру отдать приказ Шернера о наступлении на юг, вдоль побережья, в направлении Восточной Пруссии. В ходе острой дискуссии к этому предложению присоединились Йодль и Хойзингер. Косвенно, и «да» и «нет», разделяя его даже фельдмаршал Кейтель. Но их усилия не смогли сломить упорного нежелания Главкому ОКХ поступить именно так.

Гаулайтер Восточной Пруссии Кох, узнав о вторжении Советов на его территорию, тут же позвонил в «Вольфшанце». Он панически заявил:

— Мой фюрер! Русские — на Курской косе. Возможен быстрый прорыв их десанта к Кенигсбергу. Я предлагаю оставить Курляндию, войска генерала Шернера перебросить в Пиллау и постараться защитить побережье.

Гитлер решительно успокоил Коха:

— И вы, Кох, поддались сиюминутным успехам большевиков. Это их последние усилия. Будь по-другому, будь опасность действительно серьезной, я не стал бы удерживать здесь Главную Ставку. Но она продолжает находиться в Восточной Пруссии, Кох, хотя фронт уже приблизился к Сувалкам.

Некоторое успокоение в «Вольфшанце» принес успех группы армий «Юг» Фриденера на подступах к Дебрецену. Встречными ударами во фланги 6-й танковой армии Кравченко на рубеже Карциаг — Деречки, войска армейской группы Фреттер-Лико отсекли два танковых и механизированный корпуса противника от тылов. 10 октября на шоссе Сольнок — Дебрецен встретились 1-я и 13-я танковые дивизии. С фронта их действия поддерживала моторизованная дивизия «Фельдхернхалле». Разгорелись упорные бои.

«Главный оператор» вермахта 12 октября умело «закрыл» проблемы Восточного фронта, представив Гитлеру долгожданный план операции в Арденнах. На этот раз разработка Йодля пришла Главному ОКХ по душе. Он присвоил стратегическому плану кодовое название «Вахта на Рейне».

Как всегда, Главком ВВС Геринг пообещал выделить для проведения грандиозной операции три тысячи боевых самолетов, в том числе большое количество современнейших реактивных истребителей «Ме-262». Ввиду большого дефицита горючего, которого по расчетам хватало только на первую фазу операции до Мааса, Гитлер сократил количество участвующих самолетов до восьмисот. На вторую фазу стратегической операции горючее предстояло захватить в оперативном тылу противника.

Утвердив план операции «Вахта на Рейне», Гитлер связался с Шпеером и заверил его, что для этого удара можно пренебречь всем другим, каковы бы ни были последствия. Добиваясь поддержки германских монополий, фюрер просил их представителя Шпеера дать ему возможность осуществить последнюю попытку.

В полдень 13 октября в «Асканию» позвонил Шернер. Как и ожидал начальник Генштаба ОКХ Гудериан, командующий группой армий «Север» доложил о сдаче большевикам Риги. 16-я армия Лаукса пока еще удерживала в своих руках левобережную часть латвийской столицы, но в оперативном отношении никакого выигрыша это уже не давало. Шернер сказал, что отводят войска на отсечную позицию, восточнее Тукумса, чтобы там создать непреодолимый рубеж обороны.

Чтобы добиться согласия Верховного Главнокомандующего на отвод 16-й армии, начальник Генштаба ОКХ решил использовать «промежуточную инстанцию». Генерал-полковник Гудериан позвонил Йодлю и сообщил ему о переменах на фронте группы армий «Север» и намерениях Шернера. «Главный оператор вермахта» поддержал предложенный вариант и пообещал немедленно доложить о нем Гитлеру.

Ночью 16 октября Гитлер позвонил командующему группой армий «Ф» фон Вейксу, строго спросил:

— Фельдмаршал! Измена Хорти и переход части венгерских войск в лагерь врага потребовал от меня немедленных действий по закрытию образовавшихся брешей на Тисе. Как скоро вы доставите на эти позиции войска, выводимые по моему последнему приказу из Греции?.. Вчера сдан Ниш. Что предпринимается вами по защите Белграда?

— Мой фюрер! Ниш защищала лучшая из моих дивизий СС «Принц Евгений». Но у нее не хватило сил, чтобы отразить все угрозы. Дивизия оказалась охваченной буквально со всех сторон. Мощные танковые силы большевиков былидержаны партизанами Тито с юга, а также 2-й болгарской армией, наступающей со стороны Софии, — Вейкс был предельно точен.

— Теперь, Вейкс, я слышу от всех командующих группами армий, где наши войска отступают, что Советы или англосаксы имеют подавляющее преимущество, — недовольно возразил Гитлер. — Но мое время еще не пришло, и я не могу гарантировать желанных политических решений. Нам остро нужны победы. Мирные переговоры всегда заканчиваются чем-то ощутимым, когда они ведутся с позиции силы. Необходимо быстрее переломить этот устойчивый калейдоскоп отходов. Фронт сократился вдвое, и мы получили возможность защищить рейх. Шернер удерживает курляндский выступ. Рейнгардт отбивает атаки большевиков у Гольдапа и на Висле. Фри-

нер, надеюсь, удержится на Тисе. Вы, фельдмаршал, должны удержать Белград. Это очень важно и по политическим соображениям.

— Мой фюрер, мои войска уже не могут подойти к Белграду с юга. Танковая армия Толбухина захватила и удерживает коммуникации со стороны Валево и Паланки. Партизаны Тито удерживают в своих руках Шабац. Чтобы пробиться через мощные заслоны врага, мне нужна немедленная поддержка авиации. Я уже давно, мой фюрер, не вижу над головой своих самолетов, вижу только самолеты противника, которые безнаказанно бомбят мои войска.

— Вы затронули, Вейхс, крайне болезнную нашу тему. Геринг действительно не может вам помочь. Наши авиазаводы либо уничтожены авиацией англосаксов, либо производят другую, необходимую вермахту продукцию. Шпеер уже принимает меры по преодолению кризисной ситуации. Держитесь, фельдмаршал!

Явно переоценив успех в сражении под Дебреценом, Главком ОКХ приказал прекратить всякий планомерный отход войск, ни одной пяди земли не отдавать без боя. 17 октября Фришнер получил категорический приказ Гитлера: «Сорвать замысел противника, пытающегося уничтожить войска группы армий «Юг» ударами с юга, юго-востока и через Карпаты. Для этого надлежит завязать сражение южнее Дебрецина, используя все имеющиеся силы. В случае необходимости армейской группе Велера разрешается отойти на рубеж Густе — Сату — Маре — Маргит в готовности к дальнейшему отходу на рубеж рек Тиса, Бодрог с тем, чтобы воспрепятствовать продвижению большевиков на Будапешт».

В этот же день фюрер призвал немецкий народ к продолжению борьбы, заявил о создании фольксштурма. Воззвание Гитлера дышало оптимизмом: «В то время как враг думает, что пришла пора нанести последний удар, мы полны решимости снова напрячь все имеющиеся у нашего народа силы. Мы должны, как и в тысяча девятьсот тридцать девятом и сороковом годах, полагаясь исключительно на нашу силу, не только сломить волю стремящихся уничтожить нас врагов, но и отбросить их назад, и удержать рейх до тех пор, пока не будет обеспечен мир, гарантирующий будущее Германии, ее союзников и, следовательно, всей Европы».

Приближение решающей операции в Арденнах будоражило воображение Гитлера. В узком кругу с Герингом, Кейтелем и Йодлем он часами обсуждал ее детали, то и дело демонстрируя навязчивые «исторические параллели». Практически с этих же позиций в Арденнах, в мае сорокового, начался победоносный прорыв к Дюнкерку группы армий «А» Рунштедта. Тогда появление танковой группы фон Клейста на побережье Ла-Манша вызвало переполох в станице западных союзников, обрекло армии Голландии и Бельгии на капитуляцию. Атака 12-й и 16-й армий через Ардennes на Седан, к устью Соммы поставила на колени Францию.

Операция «Вахта на Рейне» в сорок четвертом в главном дублировала план «Гельб», хотя на этот раз силы и возможности сторон были несоизмеримы. Но сам расчет на плохую погоду, снимающий вопрос о превосходстве англосаксов в авиации, и внезапность удара по группировке беспечного противника заключал в себе определенные оперативные шансы. Эти радужные надежды на лучшее позволяли Верховному Главнокомандующему хотя на время внутренне освободиться от мрачных реалий настоящего.

20 октября удручающие сообщения поступили в «Вольфшанце» с флангов Восточного фронта. Группа армий «Юг» генерала Фриденера оставила Дебрецен. На Балканах группа армий «Ф» фельдмаршала Вейхса — Белград.

Гитлер позвонил генералу Фриденеру, взорвался страстными, угрожающими упреками:

— Вы, Фриденер, не должны сдать большевикам Будапешт! Соседы рвутся в Восточную Пруссию. Они уже вступили в Словакию. Их прорыв к Вене и Праге поставит рейх в безвыходное положение. У вас есть 3-й танковый корпус Брейта, и он в состоянии закрыть брешь в направлении Токая.

Командующий группой армий «Юг» возразил:

— Мой фюрер! Позиции моей группы армий, кроме войск Малиновского, атакуют у Сомбара и войска Толбухина. 2-я венгерская армия генерала Ферреща отходит в направлении Капошвара. Фельдмаршал фон Вейхс должен непременно закрыть брешь южнее Балатона. Не то...

Гитлер не позволил Фриденеру высказаться до конца:

— Что бы ни случилось, генерал Фриденер, до подхода войск группы армий «Е» из Греции позиции перед Балатоном придется удерживать вам. Прорыв большевиков через Капошвар и Дьер на Братиславу столь же опасен, как и их атаки вдоль Дуная на Будапешт.

— Превосходство большевиков столь велико, мой фюрер, что решительно подавляет моральный дух солдат.

— Не поддавайтесь паническим настроениям, генерал Фриденер. Вспомните Фридриха Великого. Под Лейтеном и Россбахом он на голову разбил противника, вдвое превосходящего его силы. Сделайте победу под Токаем своими Лейтеном и Россбахом, Фриденер!

Докладывая обстановку на Западном фронте 23 октября, Йодль искусно обходил трудности, возникшие в середине октября на левом фланге. Если наступление 1-й канадской армии Грерара в устье Шельды большой опасности для позиций 15-й армии Цангена не представляло, то положение на фронте 5-й танковой армии Мантейфеля в районе Ахена складывалось непредсказуемым.

Вечером 24 октября Гитлер позвонил командующему группой армий «Б» Моделю и потребовал удержания во что бы то ни стало

«линии Зигфрида», ибо прорыв англосаксов к реке Рур позволил бы им подготовить и предстоящее форсирование Рейна. Заканчивая разговор, фюрер твердо пообещал, что в ноябре ракетные группы Метца не менее чем вдвое повысят интенсивность ударов «ФАУ-1» и «ФАУ-2» по Лондону и Антверпену. Это отвлечет авиацию противника от боевой работы в прифронтовой зоне.

1-я канадская армия, преодолев перешеек у Зайд-Бевеланда, с трудом теснила позиции 15-й армии южнее Брескенса. 26 и 27 октября бои в этом районе приняли упорный характер. Йодль передал фельдмаршалу Рунштедту приказ фюрера удерживать город до конца.

Командующего группой армий «Юг» беспокоила судьба Венгрии. 27 октября генерал Фриснер направил в «Асканию» частное письмо начальнику Генштаба ОКХ генерал-полковнику Гудериану. Смысл его был предельно откровенен: удержать оборону на Тисе невозможно!

Гудериан не ответил на письмо командующего группой армий «Юг», полагая, что в сложившейся критической обстановке подобные «любезные сентенции» среди генералов совершенно излишни.

29 октября Гитлер принимал в «Вольфшанце» фельдмаршалов фон Рунштедта и Моделя. Он посчитал момент подходящим, чтобы сообщить, наконец, исполнителям о замысле контраступления в Арденнах.

Цель операции «Вахта на Рейне» явилась полной неожиданностью для командующих групп армий «Запад» и «Б». По их мнению, выделенных войск совершенно недостаточно для проведения наступательных действий на глубину свыше двухсот километров. Кроме того, фельдмаршал Модель высказал фюреру сомнение, что в оставшиеся до начала операции четыре недели подвижные соединения 47-го и 58-го танковых корпусов сумеют занять исходные позиции, а в ходе наступления обеспечат северный фланг ударной группировки до тех пор, пока не будет закончено уничтожение отрезанных сил 21-й группы армий генерала Монтгомери.

В то время как «главный оператор ОКВ» Йодль исходил из того, что Маас будет достигнут к вечеру второго дня операции, Модель решительно отклонил этот расчет. Он полагал, что при самых благоприятных обстоятельствах для достижения названного рубежа понадобится не менее четырех суток. За это время противник сможет перебросить к Маасу достаточные для обороны силы.

На следующий день, 30 октября, в «Вольфшанце» появился Скорцени. Гитлер приказал ему сформировать особую, 150-ю танковую бригаду, численностью две тысячи человек. Она комплектовалась из частей СС. Не менее ста пятидесяти «волонтеров» в ней должны были владеть английским языком. Задача бригады состоя-

ла не только в том, чтобы прорваться в тыл англо-американских войск и сеять среди них панику, но и организовать поиск и убийство командных кадров противника. Скорбени с энтузиазмом приступил к выполнению особо важного задания фюрера.

Командующий группой армий «Центр» Рейнгардт позвонил вечером 1 ноября в «Вольфшанце», доложил:

— Мой фюрер, критическое положение южнее Гумбиннена и в районе Гольдапа вынуждают меня просить вас о резервах. Ни 4-я армия, ни группа армий «Центр» их в данный момент не имеют. Русские же реально угрожают прорывом к Кенигсбергу.

Гитлер воспринял опасения генерал-полковника Рейнгардта с недоверием, уклончиво возразил:

— И вы, Рейнгардт, говорите мне о резервах так, будто ОКВ где-то утаивает их от командований группами армий. Это не так. Формирование фольксштурма только еще разворачивается, и Гиммлер обещает передать на фронт первые боеспособные соединения в декабре. Кстати, Рейнгардт, при той прочности оборонительных позиций, которые созданы в Восточной Пруссии гаулайтером Кохом, 4-я армия своими силами должна сдержать напор большевиков. Пусть только Хоссбах почаше их контратакует. Именно активные наступательные действия у Ангераппа обеспечили впечатляющую победу его войскам.

— Превосходство русских в силах десятикратное, мой фюрер. Я прошу вас подчинить Хоссбаху три танковые дивизии, которые вы решили перебросить в район Тильзита. Я уверен, что они помогут мне остановить русских на рубеже Гольдапа.

Эта просьба застала Гитлера врасплох:

— Но генерал Раус ждет обещанные мною танковые дивизии, чтобы нанести контрудар в направлении Шауляя!

— Мой фюрер, 3-я танковая армия уже получила две танковые дивизии. Раус может неделю повременить с контрударом. У нас же кризис. Русские реально угрожают Главной Ставке вермахта!

— Хорошо, генерал Рейнгардт. Я посоветуюсь по этому поводу с генералом Йодлем. Он сегодня же сообщит вам мое окончательное решение.

Генерал-полковник Йодль поддержал просьбу командующего группой армий «Центр» и на следующий день улетел на Западный фронт, чтобы лично проконтролировать и доложить «фюреру» о ходе подготовки операции «Вахта на Рейне».

К исходу 3 ноября, получив в подкрепление две танковые дивизии, 4-я армия генерала Хоссбаха нанесла встречные удары севернее и южнее Гольдапа силами пехоты и танков. Нарастив их силу за счет танкового корпуса «Герман Геринг», 4-я армия 5 ноября овладела Гольдапом, важным опорным пунктом на Кенигсбергском направлении.

Напряжение боев на Будапештском направлении не спадало в первой половине ноября ни на один день. Не сумев ворваться в столицу Венгрии вдоль Дуная с юга, 7 ноября русские нанесли удар на участке 2-й венгерской армии Ферреша у Сомбора. Быстро овладев плацдармами на правом берегу Дуная у Батыны и Апатина, 57-я армия Шарохина 8 ноября повела наступление на Печ, но тут же подверглись яростным контратакам немецких войск группы армий «Ф» фон Вейхса, подошедших к венгерской границе из Греции. Тяжелые бои продолжались до исхода 9 ноября.

10 ноября Гитлер впервые «обнародовал» для войск замысел грандиозной операции в Арденнах. В его приказе говорилось: «Цель операции – добиться решительного поворота в ходе военных действий на Западе и, возможно, всей войны в целом».

Подготовка операции «Вахта на Рейне» приобретала все больший динамизм и определенность. В этот же день, 10 ноября, Главком ОКХ заслушал доклад Йодля об обстановке на Западном фронте. Начальник штаба Оперативного руководства ОКВ достаточно изучил настроения «привередливого патрона» и доложил ситуацию в сдержаных тонах. Да, обстановка сложна по всей линии соприкосновения, но большой тревоги в войсках по этой причине нет. Это главное. 1-я армия утратила позиции по реке Мозель, допустив вклинивание противника в районе Тионвиля и Дельма. Но американцы имеют двенадцатикратное превосходство в людях, войскам генерала Шевалери было их просто не удержать.

Генерал-полковник Йодль не скрывал удовлетворения от полученных разведкой данных. Они подтверждали, чтостык 19-й и 3-й американских армий, на участке прорыва от Монжуа до Трира, прикрыт всего четырьмя дивизиями противника. Это порождало уверенность, что им не сдержать концентрического удара двух танковых армий вермахта. Поэтому особое внимание фельдмаршал Модель должен уделить развитию операции после достижения Мааса. Там, на подступах к Брюсселю, а то и под Антверпеном, определяется окончательный успех «Вахты на Рейне».

Подлинное восхищение начальника штаба Оперативного руководства ОКВ вызывала неуемная энергия полковника Скорцени, который уже завершал формирование своей особой 150-й танковой бригады. Основу ее ударных диверсионных отрядов составляли проверенные в сходных операциях эсэсовские части. Их окончательная готовность к наступлению задерживалась недопоставкой танков, средств связи и горючего.

Ночью 12 ноября фюрер позвонил командиру 150-й танковой бригады. Полковник Скорцени доложил: «Первый диверсионный отряд получил задачу захватить переправы через Маас и удерживать их до подхода подвижных соединений. Две диверсионные группы за сутки до начала операции будут на планерах заброшены в

район Намюра, чтобы, распространяя ложные слухи и дезинформационные приказы, вызвать в расположении противника замешательство и панику, нарушить линии связи, переставить дорожные указатели, взорвать мосты, минировать шоссе и железнодорожные пути. Кроме того, усиленный воздушный десант намечено выбросить севернее Мальмеди, чтобы воспрепятствовать переброске резервов с позиций у Эйнховена и Верта к участку прорыва.

Гитлер выразил полную поддержку действиям Скорцини и пожелал успеха его отважным подразделениям. Он заверил «бесстрашного гладиатора», что в течение ближайшей недели выделит в его распоряжение не менее десяти танков и необходимые средства связи. Горючее же он предложил добывать в ходе операции, у разгромленного противника. Командир особой 150-й танковой бригады удовлетворился и этим. Он знал, что в ноябре сорок четвертого потребности вермахта в горючем не покрывались уже и наполовину.

13 и 14 ноября ожесточенные бои продолжались по всему фронту группы армий «Юг» от Ужгорода до Печи. Главные удары войска 2-го Украинского фронта наносили в направлении Мишкольца, а также у Ясапати и Ясладани на Дьендьеш и Хатван, обходя Будапешт севернее. Возобновил наступление на Кошицком направлении 4-й Украинский фронт Петрова.

Значительно болезненнее реагировало «Вольфшанце» на сложные перипетии Западного фронта. 14 ноября войска 2-й английской армии Демпси предприняли наступление на участке Венло – Рурмонд, обороняемом 1-й парашютно-десантной армией генерал-полковника Штудента. Но оно развивалось крайне медленно. На земле продвижение британских войск сдерживалось обширными минными полями. Неблагоприятная осенняя погода практически исключала массированное применение фронтовой авиации.

В полдень 15 ноября Гитлер позвонил генералу Бальку и потребовал объяснений по поводу прорыва его фронта на реке Мозель. Командующий группой армий «Г» доложил: «1-я и 19-я армии генералов Шевалери и Зоденштерна крайне слабы и не успели к тому же обрести устойчивой внутренней структуры. Группа армий располагает всего одной танковой дивизией. Три другие танковые дивизии переданы в группу армий «Б» и готовятся к операции в Арденнах. Ее оборона лишена тактической глубины и необходимых резервов».

Это была правда... Гитлер опустил трубку на рычаг.

АРДЕННСКАЯ ДРАМА

1

Когда в полдень 16 ноября нарком Молотов вошел в кабинет председателя СНК, там находился начальник Главптура Красной Армии Щербаков. Обсуждался вопрос о политическом обеспечении Висло-Одерской операции. Сталин сидел на краешке дивана в простенке между окнами, дотошно выяснял содержание выполняемой политорганами работы, акцентируя внимание на главном.

— Надо поставить политическое дело так, товарищ Щербаков, чтобы каждый офицер и солдат Красной Армии глубоко уяснил для себя ответственность момента. Немец отброшен к границам Германии и вынужден теперь защищать свою территорию. Его сопротивление возрастет вдвое. И враг еще силен. Поэтому в войсках не должно быть зазнайства, беспечности. Обстановка требует решительного повышения бдительности. Эти вопросы следует обсудить на заседаниях Военных советов, на партактивах и партсобраниях.

Сталин умолк. Паузу нарушил Щербаков:

— На 1-й Белорусский фронт выезжает группа офицеров Главптура во главе с генералом Краскевичем, товарищ Сталин. Перед ней поставлена задача: помочь Военному совету и политупправлению фронта в подготовке Висло-Одерской операции, а также в налаживании деятельности военных комендатур на освобожденной территории Польши, которые являются связующим звеном между нашим командованием и польскими местными органами власти.

— Это наиболее актуальные задачи, — Верховный поднялся с дивана. — Кроме того, внимание политорганов следует обратить на усиление охраны тыловых коммуникаций. Этот вопрос мы почему-то упустили. В Генштаб поступает много донесений об активизации контрреволюционных групп на освобожденной территории Польши и Венгрии. Участились диверсии на железных дорогах. Имеются случаи покушений на наших офицеров и солдат, а также представителей местной власти. Набирает силу бешеная кампания против коммунистов. Мы не должны допустить нарастания враждебного Советскому Союзу пропагандистского террора. По линии Наркомата обороны уже принимаются соответствующие меры, но тут многое зависит от деятельности фронтовых политорганов по месту дислокации.

— Работа в этом направлении уже проводится, товарищ Сталин, — заверил Верховного генерал-полковник Щербаков. — Политупправление 1-го Белорусского фронта подобрало кадры комендатур, предназначенных для работы в западных районах Польши, кото-

рые еще предстоит освободить. С их руководителями проведен целевой идеологический семинар. Они снабжены инструкциями, в которых изложены права и обязанности личного состава комендатур.

— Где в данный момент находятся начальники будущих комендатур и чем конкретно они занимаются? — Сталин сопроводил свой вопрос характерным жестом руки, оставаясь на традиционном месте у торца стола.

— После семинара они были распределены по армиям, товарищ Сталин, подчинены Военным советам. В настоящее время они занимаются формированием своих подразделений, проводят с личным составом учебные занятия.

Председатель СНК сделал несколько «челноков» вдоль кабинета и обратился уже к наркому иностранных дел:

— Вот и товарищ Молотов принес нам очередное послание британского премьера. Господин Черчилль никак не поделит Германию, хотя войска союзников застряли на ее западной границе. Их продвижение окончательно заглохло.

— Находясь в Париже, Черчилль, похоже, чересчур расшаркался в любезностях и пообещал де Голлю лишнее, а теперь намерен это «обещанное» подвести под «общую крышу» союзников, — сказал Молотов. — Это известный прием английской дипломатии.

Председатель СНК продолжил диалог:

— Можно понять и так, товарищ Молотов, что Черчилль усиленно обрабатывал де Голля перед его поездкой в Москву в духе своих известных предложений о зонах оккупации Германии. Тут он, конечно, не оригинален.

Нарком иностранных дел взял в руки послание, сказал:

— Вот что дословно пишет по этому поводу британский премьер: «Я видел сообщение агентства Рейтер, несомненно исходящее из Парижа, о том, что Франция получит Рур, Рейнскую область и прочее, — которые будут заняты гарнизонами ее войск. Это не соответствует действительности, и ясно, что ничего подобного этому не может быть решено в таком вопросе, кроме как по соглашению с Президентом и вами. Все, что я сказал де Голлю по этому поводу, сводилось к тому, что мы разделили Германию на русскую, британскую и американскую сферы. Грубо говоря, у русских — восток, у британцев — север, а у американцев — юг».

— Вот теперь уже мы, товарищ Молотов, станем более заинтересованы в приезде де Голля в Москву, — сделал вывод Stalin. — Он и доложит нам о сути британских предложений.

Затаенная обида, высказанная маршалом Рокоссовским по случаю его перемещения с 1-го Белорусского на 2-й Белорусский фронт, не прошла мимо внимания Верховного. 17 ноября маршал Рокоссовский был вызван в Ставку. Заслушав его доклад о положе-

нии дел на его фронте в присутствии генерала армии Антонова, Сталлин сказал:

— 2-й Белорусский фронт, товарищ Рокоссовский, будет наступать на важнейшем стратегическом направлении. Вашим войскам не следует обращать внимания на Восточно-Прусскую группировку немца. Ее разгром Ставка возложила на 3-й Белорусский фронт Черняховского, который и будет заботиться об обеспечении взаимодействия с вашим фронтом. Ваша забота — самое тесное взаимодействие с 1-м Белорусским фронтом товарища Жукова.

Изучив представленную маршалом Рокоссовским «оперативку», Верховный собственноручно красным карандашом вывел на ней еще одну «наступательную стрелу», направленную на Быдгощ, и тут же пояснил:

— Так, товарищ Рокоссовский, вы поможете войскам маршала Жукова, если замедлится их продвижение на Берлин. Наступая на Штеттин, 2-й Белорусский фронт, совместно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, должны закончить войну на Западе.

Верховный отступил на пару шагов от стола и обратился к «исполняющему начальника Генштаба»:

— Теперь вы, товарищ Антонов, расскажите товарищу Рокоссовскому, какими силами будет пополнена группировка его войск. Я уверен, что он не окажется в обиде.

Антонов привычно развернул на столе «двухсотку» 2-го Белорусского фронта, лаконично доложил:

— Разграничительная линия вашего фронта, Константин Константинович, с 1-м Белорусским фронтом передвигается южнее, до устья Нарева. Поэтому 65-я и 70-я армии Батова и Попова также переходят в ваше подчинение. Кроме того, из резерва Ставки 2-й Белорусский фронт получает: 5-ю гвардейскую танковую, 2-ю ударную и 49-ю армии Вольского, Федюнинского и Гришина. Фронт усиливается дополнительно танковым, механизированным и кавалерийским корпусами, тремя артдивизиями прорыва.

Верховный Главнокомандующий тут же дополнил:

— Основные фронтовые силы, товарищ Рокосsovский, вы должны сосредоточить на левом фланге, чтобы в случае необходимости оказать помощь 1-му Белорусскому фронту. Это категорическое требование Ставки. Маршал Жуков, ведя фронтальное наступление, не должен опасаться фланговых ударов немца ни с севера, ни с юга.

В то время как войска 2-го и 1-го Белорусских, а также 1-го Украинского фронтов продолжали подготовку к Висло-Одерской операции, 2-й и 3-й Украинские фронты упорно теснили противника на Будапештском направлении. Но решающий успех все не приходил. Это создавало в Ставке излишне нервозную обстановку. 21 и 22 но-

ября Верховный вел переговоры по телефону с маршалами Малиновским и Толбухиным, но так и не смог выяснить причины «длительного топтания на месте» их войск на подступах к Будапешту. 23 ноября он позвонил представителю Ставки маршалу Тимошенко и потребовал подробного доклада об обстановке.

Верховный согласился с выводами представителя Ставки по обстановке в полосе 2-го Украинского фронта, но прежде чем озаточить маршала Малиновского новой директивой, 25 ноября вновь связался с ним по телефону. Особых нотаций не последовало, но состоялось скрупулезное выяснение возможностей фронта — чего можно достичь в конкретно сложившейся ситуации. Будапешт стал подлинной «занозой» для Ставки.

25 ноября последовала директива Ставки командующему 1-м Украинским фронтом Коневу о проведении наступательной операции с целью разгрома, во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом, Кельце-Радомской группировкой 4-й танковой армии Гре-зера.

В ночь на 26 ноября командующий 2-м Украинским фронтом получил директиву Ставки: «Создать на Хатванском направлении решительное превосходство сил над армейской группой «Фреттер-Пико», сосредоточив на исходных позициях 7-й гвардейской армии, обходившей Будапешт с севера, необходимые танковые силы и артиллерийские дивизии прорыва». Начать наступление Ставка приказала не позже 2–3 декабря.

Подготовка Висло-Одерской операции⁸ в значительной степени отличалась от подготовки предыдущих операций подобного масштаба, проводимых на территории СССР. Раньше достоверные разведданные наши штабы получали от партизанских отрядов, действующих на оккупированной территории. В Польше этот источник информации о противнике исключался. Теперь данные о нем приходилось добывать главным образом с помощью авиационной и агентурной разведок, а также разведки наземных войск. 27 ноября маршал Жуков вылетел в Москву для доклада.

Продолжая обеспечивать твердое управление войсками всех фронтов, Ставка своевременно вскрывала и устранила допущенные просчеты. 30 ноября Ставка направила командующим 1-м и 2-м Белорусскими и 1-м Украинским фронтами маршалам Жукову, Рокоссовскому и Коневу обобщающее директивное письмо с анализом фактического положения.

Ставка держала в поле своего зрения и те фронты, которые, превозмогая накопившуюся усталость, продолжали активные боевые действия. 30 ноября командующий 4-м Украинским фронтом Петров получил ее директиву о подготовке 38-й армии к наступлению на Krakow и овладении им во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом. Продолжалось наступление 4-го Украинского фронта.

та и в Чехословакии. 1 декабря 18-я армия Гастиловича с ходу форсировала Ондаву и освободила от оккупантов Требишов.

3 декабря директиву Ставки о проведении операции с целью разгрома Тильзитско-Инстербургской группировки 3-й танковой и 4-й армий генералов Рауса и Хоссбаха получил командующий 3-м Белорусским фронтом Черняховский.

Железные клещи 2-го и 3-го Украинских фронтов охватывали Будапешт с севера и с юга. Войска группы армий «Юг» Фриденера отходили на запад, надеясь задержать продвижение Красной Армии на угрожаемых участках частыми контратаками танковых сил. Тяжелые бои 6 и 7 декабря продолжались по всей линии соприкосновения. К исходу 8 декабря 7-я гвардейская армия Шумилова у Вероче пробились к Дунаю, перерезав пути отхода Будапештской группировки врага на север. Южнее венгерской столицы, от Эрда до Барча, 46-я, 4-я гвардейская и 57-я армии Шлемина, Захарова и Шарохина пробились к оборонительной линии «Маргарита».

11 декабря Верховный вернулся к обсуждению ситуации на Будапештском направлении. После глубокого анализа обстановки он пришел к выводу, что возникли реальные предпосылки для окружения Будапештской группировки противника. Учитывая это, Ставка директивой от 12 декабря обязала Военные советы 2-го и 3-го Украинских фронтов охватывающими ударами разгромить противостоящую группировку и освободить столицу Венгрии от оккупантов.

Согласно директиве Ставки, войска маршала Малиновского наносили удар из района Шаги в направлении Солдины с целью выхода на северный берег Дуная на участке Эстергом – Несмей, чтобы не допустить отхода Будапештской группировки противника на северо-запад. Левое фронтовое крыло наступало на столицу Венгрии с востока. Войска маршала Толбухина наносили удар из района озера Веленце на Бичке с целью прорыва к Дунаю на том же участке с юга. Этим маневром отрезались пути отхода Будапештской группировки на запад. Частью сил 46-я армия наступала на венгерскую столицу со стороны Бичке. Операцию планировалось начать не позднее 20 декабря.

В середине декабря Сталлин ежедневно запрашивал Генштаб об обстановке на Западном фронте, у союзников. Словно испытывал он в эти дни какое-то острое предчувствие о грядущей их неудаче в Альпах. Но и 14 декабря последовал «вчерашний ответ» Антонова: «По сообщению главы американской военной миссии генерала Дина, генерал Эйзенхауэр не намерен в ближайшее время предпринимать каких-то активных действий и накапливает силы для прорыва «линии Зигфрида» одновременно на флангах и в центре. Затем последует наступление на широком фронте с прорывом главных сил к Эссену и Мангейму, и далее в глубь Германии».

Вечером 15 декабря маршал Малиновский доложил в Ставку: «Освобожден от гитлеровцев город Сендрью. Войска 2-го Украинс-

кого фронта вышли на ближние подступы Шарошпатана. Наступление продолжается».

Верховный, однако, возразил:

— Сегодня уже 15 декабря, товарищ Малиновский... Но Будапешт не взят! Я давно жду от вас такого доклада.

Даже короткой передышки 1 января у председателя СНК не получилось: в полдень на «Ближнюю дачу» приехал Молотов с очередным посланием Рузвельта. Как и Черчилль, заокеанского союзника не удовлетворило решение Советского правительства о признании Временного правительства Польши, образованного Польским Комитетом Национального Освобождения. Очень уж хотелось союзникам, чтобы вошли в его состав представители лондонского кабинета, но вот не получилось. «Мистер Джо» отверг эти притязания и поступил по-своему.

Сталин раскурил папиросу, негромко сказал:

— Нам не привыкать к неугодной реакции союзников. Пусть будут не согласны. Дело сделано. Наши действия оправдывает последующее развитие обстановки в Польше.

Молотов как бы продолжил эту мысль:

— Нам некогда втягиваться в дискуссию о пропорциональном представительстве — сколько министерских постов отдать Беруту, а сколько — Миколайчику.

— Вот-вот. Черчилль на такую дискуссию и рассчитывал. Мы ее преодолели, — согласился Сталин.

— Преодолели «малой кровью», — добавил Молотов.

Совершив несколько проходов по комнате, Сталин начал диктовать очередной ответ Рузвельту:

— Я сожалею, что не сумел убедить вас в правильности позиции Советского правительства по «польскому вопросу». Тем не менее, я надеюсь, что последующие события убедят вас в том, что Польский Национальный Комитет все время оказывал и продолжает оказывать союзникам ощущимое содействие в борьбе против Германии, в то время как эмигрантское правительство в Лондоне вносит дезорганизацию в эту борьбу и тем самым помогает немцам.

Сталин умолк, продумывая последующий текст послания. Молотов воспользовался паузой, предложил:

— Надо указать, что мы не можем отложить признание Польского правительства до встречи глав государств, поскольку 27 декабря Президиум Верховного Совета сообщил на запрос польской стороны, что признает Временное правительство Польши, как только оно будет сформировано.

Следующий день привел работу Ставки в привычное состояние. «Исполняющий начальника Генштаба» Антонов сделал доклад о положении на фронтах. Он был корректен по адресу союзников, но

и не скрыл свое мнение о возможном осложнении обстановки на Рурском направлении.

— Командование союзников до сих пор не оценило те опасности, которые подждают их войска на границе Германии. Я полагаю, товарищ Сталин, что, предприняв наступление силами групп армий «Г» и «Верхний Рейн» южнее Саарбрюккенена, гитлеровцы попытаются отвлечь внимание Эйзенхауэра от участка прорыва в Арденнах. По нашим данным, все пополнения, которые поступают на Западный фронт, неизменно направляются фельдмаршалом Рунштедтом в состав группы армий «Б» Моделя.

— Правильно, товарищ Антонов. Немец продолжит наступление в Арденнах. Отвоевав выгодный плацдарм, чтобы в дальнейшем рассечь группировку союзников надвое. Гитлер сделал на это наступление главную ставку.

— Трудно сказать, главную или не главную, товарищ Сталин, но противник вынуждает Эйзенхауэра перебросить в Ардennes свежие резервы и, таким образом, сорвать наступление союзных армий на Рурском направлении.

— Резервов у всех не хватает, — сказал Верховный. — Рано или поздно, но союзники пересмотрят свою стратегию на Итальянском фронте. Если немец создал южнее Болоньи прочную оборону, то зачем ее штурмовать? Надо переправить в Триест или на югославское побережье два десятка дивизий и предпринять наступление на Вену и Прагу.

— Черчилль почему-то охладел к этой идеи, товарищ Сталин, — предположительно сказал Антонов.

— Скорее всего, Черчилль теперь больше уже заботит собственно территория Германии, нежели что-то отдаленное от нее, вроде Балкан, — возразил Верховный.

К исходу 2 января наступление группы армий «Г» генерала Бласковица в Эльзасе приняло угрожающий характер. 1-я армия Обстфельдера продвинулась в направлении Цабернского прохода до двадцати километров, вышла к Вингену, перерезав коммуникации из Хагенау к Мецу и Нанси. Захват Цабернского прохода угрожал окружением 7-й американской армии. Эйзенхаузер приказал Пэтчу отойти с рубежа Вайсенбург — Хагенау — Страсбург к Вогезам. Но командарм 1-й французской генерал де Тассини не согласился с этим решением.

В полдень 3 января в штаб-квартиру Эйзенхауэра в Версале приехал председатель Временного правительства Франции де Гольль и потребовал от Главкома экспедиционных сил союзников удерживать Страсбург. Однако Айк отклонил это требование. В ответ «ретивый де Гольль» заявил, что в таком случае Страсбург будет защищать 1-я французская армия без американцев. Последовал демарш Эйзенхауэра: «Если де Тассини не будет подчиняться моим приказам, то он не получит ни боеприпасов, ни продовольствия». Уг-

роза не сработала. Де Голль упорно добивался своего. И Айк уступил, передав оборону Страсбурга войскам де Тассиньи.

К исходу 5 января обстановка на фронте 7-й армии Пэтча осложнилась. 19-я армия Фергтча двумя колоннами форсировала Рейн, перебросила на плацдарм 10-ю танковую дивизию для развития успеха в направлении Цабернского прохода. Группировка же Моделя в Арденнах не смогла прорвать оборону 3-й армии Паттона и пробиться к Маасу. Это означало, что пришел конец операции «Вахта на Рейне».

Только утром 5 января Черчилль направил ответ Сталину на его послание от 3 января. Он сообщал, что битва в Бельгии носит тяжелый характер, но армии союзников остаются хозяевами положения. Спустя сутки последовало уточнение. В полдень 6 января Черчилль прибыл на командный пункт 21-й группы армий Монтгомери. Здесь Эйзенхаузэр объяснил ему, с каким нетерпением он ждет помощи от русских. И Черчилль направил в Москву новое... тревожное послание.

Сталин ответил Черчиллю, что в конце января Красная Армия начнет наступление по всему центральному фронту.

9 января круто сдвинуло сроки наступления наших войск по всему фронту. В этот день Антонов позвонил командующему 1-м Украинским фронтом Коневу и от имени Верховного сообщил: «В связи с тяжелым положением, сложившимся у союзников на Западном фронте, Ставка пересмотрела сроки начала наступления наших фронтов. В частности, 1-й Украинский фронт должен перейти в наступление не 20, а 12 января». Поскольку план Висло-Одерской наступательной операции был полностью спланирован и одобрен Ставкой, то никаких возражений Конев не высказал.

Состав 1-го Украинского фронта на 10 января обладал достаточной мощью для успешного выполнения поставленной задачи. Он имел свыше одного миллиона бойцов, три тысячи двести пятьдесят танков и САУ, более шестнадцати тысяч орудий и минометов, почти две тысячи шестьсот боевых самолетов, много других средств усиления.

В тот же день, 9 января, получили указания Верховного о начале операции 14 января командующие 1-м и 2-м Белорусскими фронтами маршалы Жуков и Рокоссовский.

Главный удар войска 1-го Белорусского фронта наносили с Магнушевского плацдарма силами 1-й и 2-й гвардейских танковых, 61-й, 5-й ударной и 8-й гвардейской армий Катукова, Богданова, Белова, Берзарина и Чуйкова. После форсирования Пилицы 61-й армией на ее правом фланге вводилась в бой 1-я армия Войска Польского. 5-я ударная армия Берзарина, после прорыва обороны 9-й армии Лютвица, наносила удар в направлении Озоркува, и далее на Гнезно. 8-я гвардейская армия Чуйкова, действуя левее 5-й ударной, наступала на Лодзь и далее — на Познань.

Исключительное значение придавал Жуков действиям подвижных объединений. 2-я гвардейская танковая армия Богданова, войдя в прорыв на участке 5-й ударной армии, стремительно продвигалась в район Сохачева с задачей отрезать пути отхода Варшавской группировки, после чего наступала на Кутно, Гнезно. 1-я гвардейская танковая армия Катукова развивала удар на Лодзь и Познань, пронзая пять из семи оборонительных полос группы армий «А» Гарде. 2-й гвардейский кавкорпус Крюкова выдвигался за 2-й гвардейской танковой армией и наступал вдоль Вислы на Бромберг. Во втором эшелоне фронта наступали 3-я ударная армия Кузнецова и 7-й кавкорпус Константинова.

Удар с Пулавского плацдарма наносили 69-я и 3-я армии генералов Колпакчи и Горбатова, усиленные 9-м и 11-м танковыми корпусами, в общем направлении на Радом и Лодзь. Левофланговая 33-я армия Цветаева обеспечивала взаимодействие с 4-й гвардейской танковой армией Лелашенко у разграничительной фронтовой линии.

С отставанием на сутки переходила в наступление правофланговая группировка 1-го Белорусского фронта в составе 47-й армии Перхоровича и 2-й дивизии 1-й армии Войска Польского. Она отрезала Варшавскую группировку противника от основных сил с северо-запада, нанося концентрический удар в направлении Прушкува.

Важная роль в Висло-Одерской операции отводилась 2-му Белорусскому фронту. Главный удар войска Рокоссовского наносили на своем левом фланге. Они наступали на участке до восьмидесяти километров двумя эшелонами. В первом эшелоне действовали 48-я, 2-я ударная, 65-я и 70-я армии Гусева, Федюнинского, Багрова и Попова, во втором — 5-я гвардейская танковая армия Вольского. 8-й и 1-й гвардейские танковые корпуса придавались 48-й и 2-й ударной армиям для развития успеха на Мариенбургском направлении, а 3-й кавкорпус оставался во фронтовом резерве.

В течение 10 января Верховный дважды разговаривал по телефону с маршалом Толбухиным и оба раза получал заверения командующего 3-м Украинским фронтом, что наступление немца юго-западнее Будапешта, у Секешфехервара, его войска отразят собственными силами. Командующий 2-м Украинским фронтом Малиновский доложил в этот день, что наступление его войск на Камарно продолжается.

Первым о готовности к переходу в наступление доложил 11 января маршал Конев. Верховный поставил перед командующим 1-м Украинским фронтом ключевые вопросы:

— На каком этапе вы собираетесь вводить танковые армии, товарищ Конев? В первый или во второй день?

— Это будет зависеть от развития обстановки, товарищ Сталин, — ответил Конев. — Если главную полосу обороны удастся

прорвать с ходу и пробитая в ней брешь окажется достаточной, то введем в первый день.

— Значит, вы собираетесь повторить опыт Львовско-Сандомирской наступательной операции?

— Повторили бы, но так ли все выйдет? Я возлагаю большие надежды на артиллерийскую подготовку, которую намечено провести в два этапа.

— Как ведет себя немец на вашем фронте? Разве он не подозревает о приближении нашего наступления?

— По показаниям «языков», не подозревает. Более того, мне доложили, что и свои резервы противник придвижут к передовой. Такого подарка от Гарпе мы просто не ожидали.

— О каком подарке идет речь, товарищ Конев?

— Теперь мы сможем накрыть не только войска первой линии, но и резервы первым артиллерийским ударом.

— До свидания, товарищ Конев. Желаю успеха.

Наступление на советско-германском фронте началось точно в назначенный Ставкой срок. В один день, 12 января, нанесли мощные удары 1-й, 4-й и 2-й Украинские фронты на Берлинском направлении и в Западных Карпатах. 13 января перешли в наступление на Кенигсбергском направлении войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов. Красная Армия тысячекилометровой лавиной устремилась к границам Третьего рейха.

Наступление 1-го Украинского фронта в направлении Радомска развивалось успешно, и Верховный, взявший на себя координацию действий войск маршалов Рокоссовского, Жукова и Конева, с нетерпением ожидал начала Млавско-Эльбинской и Варшавско-Познанской операций⁹.

В ночь на 13 января Сталин позвонил командующему 1-м Белорусским фронтом Жукову, поздоровался, спросил:

— Товарищ Жуков, вы начинаете операцию по плану?

— Да, товарищ Сталин, войска фронта наносят удар завтра. Вначале разведка боем стрелковых подразделений, а затем бросят в наступление главные силы с обоих плацдармов, Магнушевского и Пулавского.

— А как поступите с подвижными войсками?

— Военный совет фронта, товарищ Сталин, решил: 11-й танковый корпус ввести в сражение на Радомском направлении в первый день операции, а 2-ю и 1-ю гвардейские танковые армии в любом случае — во второй.

— А вот товарищ Конев ввел свои танковые армии в первый день, и оказалось, что сделал это своевременно.

— У Конева все ударные войска уместились на Сандомирском плацдарме. Его 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, задолго до

наступления, заняли исходные позиции. У нас ситуация другая. Размеры Магнушевского и Пулавского плацдармов не позволили сосредоточить танковые объединения, и им еще предстоит форсировать Вислу.

— Но переправа танковых армий займет немало времени и к ней надо приступить в первый день операции?

— Я так и распорядился, товарищ Сталин.

— Для 1-й армии Войска Польского, товарищ Жуков, задача не претерпела существенных изменений?

— Нет. Ее главная задача — освобождение Варшавы.

— И с Головановым есть договор о взаимодействии?

— Есть, товарищ Сталин. Две авиадивизии вначале наносят удары по резервам противника у Сохачева, Нове-Място и Радома, а затем на рубеже Кутно — Лодзь.

— В ближайшие дни вам, товарищ Жуков, необходимо побывать в войсках генерала Поплавского. Надо подбодрить их. Сегодня мне звонил товарищ Берут и очень просил об этом. Я думаю, что немец без боя не оставит Варшаву.

— В 1-й дивизии Войска Польского я провел полдня 11 января, товарищ Сталин. Поляки рвутся в бой. Во 2-й дивизии обязательство побуду 15 — 16 января.

— Желаю успеха, — закончил разговор Верховный.

Утром 14 января усиленные стрелковые батальоны 1-го Белорусского фронта атаковали позиции 9-й армии Люгвица на важнейших направлениях. Разведка боем была поддержана фронтовой авиацией. Противник не был готов к отражению мощных атак и начал отход с передовой в глубину. В полдень маршал Жуков ввел в сражение 11-й танковый корпус Юшука на Радомском направлении.

В тот же день, севернее Варшавы, на Млавском направлении перешел в наступление 2-й Белорусский фронт Рокоссовского. Стрелковые дивизии первого эшелона, развернутые на Ружанском плацдарме, атаковали позиции 2-й армии Вейса и ворвались в первую траншею. Развивая успех в глубину, 48-я и 2-я ударные армии Гусева и Федюнинского в течение дня вклинились в оборону противника до восьми километров. 65-я и 70-я армии Батова и Попова, наступающие с Сероцкого плацдарма, завершили прорыв первой полосы обороны врага, обошли Палтусский укрепрайон, устремились к Йыдгощу.

К середине января в движение пришел весь двухтысячекилометровый советско-германский фронт от Мемеля до Будапешта. Успех Красной Армии определился практически повсеместно. 39-я, 5-я и 28-я армии Людникова, Крылова и Лучинского из состава 3-го Белорусского фронта пробились на рубеж Пилькалан — Тутшен — Пупстерн. 47-я армия Перхоровича, форсировав Вислу севернее

Варшавы, устремилась по левобережью к Кутно. К исходу 15 января 1-й Украинский фронт освободил от оккупантов Кельце, Енджеев, Водзислав и Дзялошицы. 2-й Украинский фронт Малиновского продолжал теснить 1-ю венгерскую и 8-ю немецкую армии противника в направлении Банска-Бистрица, северо-восточнее Лученца.

Когда успех 1-го Белорусского фронта определился, Жуков ввел в сражение 1-ю армию Войска Польского. 16 января ударом с юга она замыкала клещи вокруг Варшавы. Войскам Поплавского предоставлялось право принять участие в освобождении своей многострадальной столицы.

В полдень 16 января командующему 2-м Белорусским фронтом Рокоссовскому позвонил начальник штаба 1-го Белорусского фронта Малинин. С июля сорок первого, с ярцевского рубежа, через Московскую, Сталинградскую и Курскую битвы шли они по дорогам войны вместе, питая друг к другу бесконечное уважение и искреннюю привязанность. Сообщив об окружении 1-м Белорусским фронтом Варшавы, Малинин закончил разговор искрометной фразой: «Что вы, Константин Константинович, топчетесь на Нареве? Наши танки уже приближаются к Берлину!»

Хотя бодрая фраза Малинина была шуткой, она все-таки подвигла Рокоссовского ввести в дело сначала 8-й и 1-й гвардейские танковые корпуса, а на другой день и 5-ю гвардейскую танковую армию Вольского. Они обеспечивали прорыв обороны 2-й армии Вейса на рубеже Макув — Плоньск и наступление на Мариенбург, Грудзендз и Торунь.

День 17 января выдался знаменательным во многих отношениях. Совершив стремительный рывок, войска 1-го Белорусского фронта сравнялись с войсками 1-го Украинского фронта, перешедшими в наступление двумя днями раньше. В этот день 1-я армия Войска Польского, а вслед за ней 47-я и 61-я армии Перхоровича и Белова вступили в Варшаву.

Вечером, когда Жуков вернулся на свой КП после осмотра освобожденной столицы Польши, ему позвонил Верховный. Поздравив его с взятием Варшавы, Сталин спросил:

— Как выглядит Варшава, товарищ Жуков?

— Фашистские варвары полностью разрушили польскую столицу, товарищ Сталин. Промышленные предприятия стерты с лица земли. Жилые дома сожжены. Коммунальное хозяйство полностью выведено из строя. Десятки тысяч жителей были расстреляны эсэсовцами или вывезены из города после подавления восстания в концлагеря.

— Понятно, — сказал Сталин и продолжил: — Сегодня Ставка уточнила задачи фронтам Одерского направления. Вашему фронту поставлена задача: не позднее 2 — 4 февраля овладеть рубежом

Быдгощ — Познань . 1-й Украинский фронт продолжит наступление на Бреслау, чтобы до 30 января выйти на Одер, южнее Лешно, и захватить подходящие плацдармы на его западном берегу.

— Ставка должна принять меры, товарищ Сталин, чтобы повысить темпы наступления войск 2-го Белорусского фронта, — твердо заявил маршал Жуков.

— Не беспокойтесь, товарищ Жуков, меры по этому поводу уже принимаются. Сегодня товарищ Рокоссовский ввел в бой на Млавском направлении 5-ю гвардейскую танковую армию. Я думаю, что эта мера позволит повысить темпы продвижения вперед фронтовых сил.

Удары войск 1-го и 4-го Украинских фронтов на флангах 17-й армии генерала Шульца создали угрозу окружения ее главных сил в районе Кракова . По левобережью Вислы боевые порядки противника теснили 59-я и 60-я армии генералов Коровникова и Курочкина. На острье их атак действовал 4-й гвардейский танковый корпус генерала Полубоярова . Под натиском 38-й армии генерала Москаленко южнее Кракова отходил к Бельско-Бяло 11-й армейский корпус СС.

Продвижение вперед войск 3-го, 2-го и 1-го Белорусских, 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов продолжалось . Лишь 3-й Украинский фронт Толбухина оборонялся, отбивая одну за другой атаки крупной моторизованной группировки врага южнее Будапешта . Утром 18 января, введя в бой мобильные силы 4-го танкового корпуса СС и 3-го танкового корпуса, противник нанес два удара: вспомогательный — севернее Мора на Будапешт и главный, южнее Секешфехервара, на Шарошт. Атакуя позиции 4-й гвардейской армии Захарова, танковые дивизии группы армий «Юг» Велера в первый день продвинулись вперед до тридцати километров и 20 января вышли в район Дунапентеле . Войска маршала Толбухина оказались расчлененными на две части.

В сложной обстановке Ставка возложила задачу по разгрому Будапештской группировки Пфеффер-Вильденбруха на войска 2-го Украинского фронта Малиновского, переподчинив ему и 46-ю армию . Командующий 3-м Украинским фронтом получил директиву: «Восстановить утраченное положение на внешнем фронте окружения, южнее озера Веленце, и готовиться к переходу в наступление с целью разгрома группировки 6-й армии между Дунаем и озером Балатон».

К исходу 20 января определился успех правого крыла огромного фронта . Концентрический удар войск 43-й и 39-й армий Белобородова и Людникова обеспечил освобождение Тильзита и открыл перспективу прорыва на подступы к Кенигсбергу . Командующий 3-м Белорусским фронтом Черняховский в стыке между 39-й и 5-й

армиями ввел в сражение 11-ю гвардейскую армию Галицкого с задачей прорываться к Кенигсбергу вдоль реки Прегель.

В это же время основные силы 2-го Белорусского фронта повернули на северо-запад и наступали на Остероде и Эльбинг. Цель его была очевидна — прорыв к Балтийскому морю отрезал Восточно-Прусскую группировку 3-й танковой и 4-й армий Рауса и Хоссбаха от группы армий «Центр».

Оставив позади рубеж обороны противника на Висле, освободив Лодзь, Ченстохов и Краков, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов повели наступление на Турек — Познань, Велюнь — Бреслау. К исходу 21 января, когда Жуков доложил в Ставку об освобождении Радзекова, Дембе, Аргенау и Лабишина, войска Конева пересекли польско-германскую границу и вступили в пределы Силезии.

Всесторонне оценив обстановку, Конев принял неординарное решение: обходить Силезский промышленный район танковыми армиями, а затем, во взаимодействии с общевойсковыми армиями, заставить противника под угрозой окружения выйти в открытое поле и там окончательно разгромить его. С этой целью 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко, нацеленная ранее на Бреслау, резко поворачивала вдоль Одера, с севера на юг. Этот маневр ошеломил противника, и, во избежание худшего, командующий 4-й танковой армией Грэзер начал быстрый отвод своих войск за Одер.

Неудержимо рвались вперед 3-й и 2-й Белорусские фронты. 23 января войска генерала армии Черняховского форсировали реки Дайме и Прегель и овладели Лабиау, Велау, Даркеменом, Бенкхаймом и Тройбургом. Преодолев Августовский канал и реку Бобр, 31-я армия Шафранова в тот же день овладела Райтрудом, Граево и Визной.

Наступая в Восточной Пруссии, войска маршала Рокоссовского овладели Фрайштадтом, Заальфельдом, Морунгеном, Ортельсбургом и Вилленбергом. Были перерезаны почти все пути отхода войск группы армий «Центр» Рейнгардта за Вислу. В их распоряжении оставалась только одна автострада Кенигсберг — Эльбинг. Чтобы перерезать и ее, Рокоссовский приказал командарму 5-й гвардейской танковой Вольскому направить в район Эльбинга 10-й танковый корпус. Левофланговые 65-я и 70-я армии Батова и Попова овладели 23 января Бродницей и Липно.

Чтобы задержать стремительное продвижение 2-го Белорусского фронта к Балтийскому побережью, гитлеровское командование решило отвести 4-ю армию Хоссбаха на оборонительные рубежи Летценского укрепрайона по Мазурским озерам. Командование 50-й армией не заметило вовремя этого маневра и продолжало докладывать в штаб фронта, что противник держится крепко. Лишь 24 января разведка боем показала, что перед армией на самом деле

«пустое место». Такое упущение нельзя было простить опытнейшему командарму 50-й. Командующий 2-м Белорусским фронтом поставил вопрос перед Ставкой об отстранении генерал-полковника Болдина от должности. Верховный согласился с этим требованием. В командование 50-й армией вступил ее начальник штаба генерал-лейтенант Озеров.

Пополудни 25 января, когда войска 1-го Белорусского фронта прорвали с ходу Познанский оборонительный рубеж 9-й армии Лютица, маршалу Жукову позвонил Верховный. Выслушав его доклад о развитии обстановки в полосе наступления фронтовых сил, Сталин спросил:

— Ваш фронт, товарищ Жуков, в ближайшие дни имеет возможность выйти на подступы к германской столице. Что вы намерены делать дальше? Каковы ваши планы?

Командующий 1-м Белорусским фронтом ответил:

— Противник деморализован тяжелыми поражениями, товарищ Сталин, и сейчас не способен оказать серьезного сопротивления. Поэтому Военный совет фронта принял решение продолжать наступление с целью прорыва на Одер. Основное направление — Кюстрин, где мы попытаемся захватить плацдармы. Правое крыло фронта развертывается против Восточно-Померанской группировки.

— С выходом на Одер ваш фронт, товарищ Жуков, оторвется от 2-го Белорусского фронта более чем на полторы сотни километров, — возразил Верховный. — Этого допустить нельзя. Надо подождать, пока Рокоссовский закончит операцию в Восточной Пруссии и двинет свои силы за Вислу.

— Какое время займет эта операция, товарищ Сталин?

— Дней десять. И учтите, — добавил Сталин, — 1-й Украинский фронт тоже сейчас не сможет двинуться дальше и обеспечивать вас слева. Некоторое время Конев будет занят группировкой немца в районе Оппельн — Катовице.

— Я прошу вас, товарищ Сталин, — возразил Жуков, — не останавливать наступление моего фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть Мезеритцкий укрепленный рубеж. Для обеспечения нашего правого фланга достаточно усилить 1-й Белорусский фронт всего одной армии.

— Хорошо, я поговорю по этому вопросу с Генштабом.

2

Верховный Главнокомандующий был удовлетворен докладом начальника Генштаба ОКХ Гудериана 16 ноября о том, что войскам группы армий «Центр» Рейнгардта удалось локализовать прорыв 3-го Белорусского фронта Черняховского на участке Шлоссберг — Голь-

дал — Филиппув. Однако отменять ранее принятное решение о перемещении Главной Ставки из Восточной Пруссии в Таунас Гитлер не стал. Приближалось начало решающей операции на Западном фронте, и он желал быть рядом с победоносными войсками фельдмаршала Моделя. В случае чего фюрер намеревался даже взять на себя непосредственное командование ударными силами, как это было в декабре сорок первого под Москвой.

Продолжали беспокоить «Вольфшанце» участившиеся панические доклады командующего группой армий «Юг» Фриснера о ситуации под Будапештом. 18 ноября, посетив позиции 6-й армии Фреттер-Пико в дефиле у Хатвана, он доложил в Генштаб ОКХ: «На отдельных участках фронта батальоны насчитывают всего по сто — две-сти человек. На каждые сто метров фронта приходится по три с половиной человека. Для противотанковых пушек нет средств тяги. Внушает беспокойство положение с танками. В батальонах 13-й танковой дивизии имеется по одному боеспособному танку типа «Т-IV» и «Т-V». В 24-й танковой дивизии боеспособных танков не осталось вообще. Весь дивизионный парк состоит из семи бронетранспортеров. Самые боеспособные танковые дивизии имеют по шесть — восемь боеспособных машин. Тревожным признаком является то, что новые танки, поступающие на фронт с заводов, часто выходят из строя по причине недоделок».

Практически обстановка так и развивалась, как докладывал в «Асканию» генерал Фриснер. К исходу 19 ноября 6-я армия оставила Дьендьеш, а подвижная группа Плиева нацелилась, в обход Эгера и Мезекевеща, к горам Матра и восточной границе Чехословакии.

Главную Ставку, однако, уже всецело захватил Западный фронт. Тяжелые бои, продолжающиеся с начала ноября в большой дуге Мааса против войск 21-й группы армий Монтгомери, с каждым следующим днем становились непосильными для 1-й парашютно-десантной армии Штудента. Маршевые пополнения также не спасали кризисного положения. Утрата же позиций по «линии Зигфрида» предоставляла англосаксам шансы для прорыва в глубь Германии, в промышленный Рур и даже к Ганноверу.

В полдень 20 ноября окончательно решлась судьба «Вольфшанце». ОКВ и сам Гитлер оставили Восточную Пруссию и перебрались в Таунас, в новую Главную Ставку «Адлерхорст», вблизи Бад-Наухайма. И здесь Верховный Главнокомандующий ежедневно подвергался прессингу фельдмаршалов Рунштедта и Моделя, а также командующего 5-й танковой армией Мантейфеля, упорно добивающихся ограничения операции в Арденнах более узкими рамками, отвечающими соотношению сил и возможностям их войск. Однако все их попытки добиться «послабления» не получили разрешения.

На вечернем разборе обстановки 22 ноября Йодль предложил Верховному Главнокомандующему перебросить на участок Неймеген – Рурмонд хотя бы пару пехотных дивизий из группы армий «Ф» Вейхса, фронт которого сократился в связи с утратой позиций на Балканах. Гитлер не согласился с Йодлем: «Те войска уже находятся у южной границы Венгрии и необходимы для обороны Будапешта и последующего прикрытия южной границы самого рейха». Но других «свободных войск» тоже не имелось.

Не лучше складывалась обстановка и в предместьях Ахена. Позиции здесь требовалось защищать до конца по соображениям как военного, так и психологического порядка. Прорыв ударных дивизий 9-й и 1-й американских армий к Рейну угрожал срывом решающей операции «Вахта на Рейне». Поэтому в середине третьей декады ноября на фронте южнее Ахена пришлось использовать до четырех дивизий из состава 5-й танковой армии Мантейфеля, предназначенных для наступления в Арденнах.

Утром 27 ноября, отклонив все предложения относительно сужения задач операции, Гитлер приказал начать наступление в Арденнах 7 декабря. Но и повторный расчет времени показал, что выдержать этот срок не представляется возможным. Дел по ее организации набиралось невпроворот. Еще предстояло, подтянув резервы и сняв силы с фронта, сколотить ударную группировку, которая отвечала бы столь широкому замыслу операции.

Во все время до начала операции «Вахта на Рейне» продолжались споры относительно наиболее целесообразного метода наступления. Никто не исключал необходимости артиллерийской подготовки как таковой в интересах быстрейшего прорыва обороны противника. Но дискуссия велась вокруг ее объема и продолжительности, чтобы не вызвать у оборонявшихся преждевременной тревоги. Свежие пополнения надо было, хотя бы в сокращенном варианте, поверхность, обучить тактике наступательного боя и сделать это при строжайшем соблюдении секретности.

Подготовка к операции «Вахта на Рейне» осложнялась с каждым днем. Только на участке будущего прорыва царило относительное затишье. Севернее Моншау и южнее Эхтернаха шли тяжелые бои. На фронте от Венло до Рурмонда 2-я английская армия генерала Демпси медленно, но верно теснила в направлении рейха 1-ю парашютно-десантную армию Штудента, и к концу ноября западный берег Мааса полностью перешел в руки англичан.

Столь же настойчиво 9-я американская армия генерала Ходжеса миновала позиции 15-й армии Цангена и в считанные дни между Юлихом и Дореном пробилась за реку Рур. Но ни теперь, ни в первые дни декабря ее войскам не удалось овладеть Урфтской плотиной, с помощью которой регулировался уровень воды в Руре. Поэтому командующий 12-й группой армий генерал Брэдли опа-

сался продвигаться дальше – в случае открытия плотины разливаясь в одночасье река стала бы для его войск исключительно серьезной преградой.

С самого начала декабря обстановка под Будапештом складывалась непредсказуемо. 2 декабря армейская группа «Фреттер-Пико» получила задачу воспрепятствовать прорыву войск 4-й гвардейской армии Захарова в дефиле у Секешфехервара. Одновременно подчиненная командованию группы армий «Юг», 2-я танковая армия де Анжелиса должна была не допустить прорыва линии «Маргарита» на участке от озера Балатон до Дравы и ни при каких обстоятельствах не дать оттеснить себя в ее пойму.

Но 3 декабря пал Мишкольц. Гитлер позвонил командующему группой армий «Юг» Фриденеру и потребовал выполнения его ноябрьского приказа об обороне Будапешта. Следовало вести борьбу за каждый дом. Эвакуация без боя категорически запрещалась. Главком ОКХ отклонил предложение Фриденера рассматривать Будапешт не как «крепость», а объявить ее открытым городом.

В начале декабря тяжелые бои развернулись по всей линии со-прикосновения. Командующему группой армий «Юг» не оставалось ничего другого, как принять срочные меры по укреплению обороны Будапешта. В предместья города был введен 3-й танковый корпус Брейта в составе 13-й танковой дивизии, моторизованной дивизии «Фельдхернхалле», а также 8-й и 22-й кавалерийских дивизий СС. Остров Сентендре заняла 357-я пехотная дивизия.

4 декабря фюрер обсудил проблему обороны венгерской столицы с Салашем. Выслушав стенания регента на недостаточность усилий коменданта Будапешта генерала Винкельмана по строительству оборонительных сооружений, он с тревогой возразил, что очень скоро переброшенные на Запад резервы придется все же направить на Восток – в самое ближайшее время Советы начнут генеральное наступление в Восточной Пруссии и Верхней Силезии. В отношении «младшего коменданта» венгерской столицы Гитлер пообещал принять экстренные меры. Через сутки на ответственную должность вступил генерал Пфеффер-Вильденбрух.

Подготовка операции в Арденнах подошла к итоговой черте. 6 декабря Верховный Главнокомандующий позвонил полковнику Скорцени и потребовал от него доклада о готовности 150-й танковой бригады к операции «Гриф». Скорцени доложил: «Личный состав соединения обеспечен американской формой, оружием и боеприпасами. Завершаются языковые тренировки. Беспокоит острая нехватка горючего для танков и автотранспорта».

К исходу 6 декабря Главком ОКХ пришел к выводу, что начинать операцию «Вахта на Рейне» и 7 декабря преждевременно. Посоветовавшись с Кейтелем и Йодлем, он перенес ее начало на 10 декабря. Главная ударная сила операции – 6-я танковая армия

СС Дитриха все еще находилась в Нидерландах и приказ на ее переброску в район сосредоточения им не был отдан. Наступать без нее не имело никакого смысла.

Тем временем на глазах рушилась оборона группы армий «Юг» под Будапештом. 7 и 8 декабря напор 2-го и 3-го Украинских фронтов севернее и южнее города стремительно нарастал. Русские прорвали оборону армейской группы «Фреттер-Пико» на рубеже Пасто — Асод и пробились к Дунаю у Ваца. Моторизованная дивизия «Фельдхернхалле» с трудом удерживала поречную позицию. Не менее сложная ситуация сложилась и в полосе обороны 3-й венгерской армии Хеслени. Прорыв войск Толбухина севернее и южнее озера Веленце грозил развалом всего фронта.

Генерал Фриснер доложил в «Асканию» об угрожающем развитии обстановки. Начальник Генштаба ОКХ Гудериан согласился с выводом командующего группой армий «Юг» и предложил фюреру отдать приказ о переброске под Будапешт 3-й и 6-й танковых дивизий. Они должны были перейти в контрнаступление у Эстергома, чтобы предотвратить полное окружение венгерской столицы.

Хотя и 10 декабря Гитлер не смог принять окончательного решения о дате начала Арденнской операции, он не допускал и мысли о возможности ее срыва или даже переноса в неизбежное будущее. На карту ставился итог его почти трехмесячных усилий и политических расчетов. Приходилось поэтому на пределе возможностей каждодневно торопить всех и вся. Главком ОКХ перенес даже свою Главную Ставку на время операции «Вахта на Рейне» в Цигенберг. Магия «полководческого гения» уже довлела над ним самим и он посчитал, что у Сен-Вита и Марша войска должны, наконец, почувствовать сокровенную близость фюрера к решающей схватке, может быть, всей тяжелой войны. Гитлер приказал командующему группой армий «Запад» в два приема 11 декабря доставить к нему в Главную Ставку всех командиров корпусов и дивизий, чтобы он мог лично убедить их в важности предстоящей операции, необходимости сражаться до конца.

Верховный Главнокомандующий произнес двухчасовую «политическую речь».

— Главное, — заявил фюрер, — заключается в том, что успешная операция в данный момент не только поднимет моральное состояние немецкого народа, но и повлияет на общественное мнение в союзных странах. Риск велик, последний раз представляется редкая возможность все поставить на одну карту. Нужно иметь в виду следующее. В мировой истории еще не существовало коалиции из столь чужеродных элементов, преследующих столь различные цели, какую создали наши противники. Тот, кто внимательно следит за развитием событий, не может не видеть, что

противоречия между нашими врагами с каждым часом все более усиливаются. Если теперь нанести по ним несколько мощных ударов, то в любой момент может случиться, что этот искусственный единый фронт внезапно рухнет с оглушительным грохотом, подобным раскатам грома.

Когда в полдень 13 декабря фон Рунштедт получил сообщение, что генерал Пэтч, оставив между Страсбургом и Селестрой один армейский корпус, основные силы бросил вдоль Рейна к Карлсруэ, он позвонил в Главную Ставку и попросил у Гитлера разрешения усилитьстык 1-й и 19-й армий двумя пехотными дивизиями из 7-й армии Бранденбергера. Фюрер категорически запретил это делать, поскольку 7-я армия являлась участником решавшей операции на Западе. Из двадцати пяти планируемых ранее для участия в ней дивизий к 13 декабря и так удалось собрать только восемнадцать!

Вечером 13 декабря Фризнер получил «директивные указания» фюрера о порядке использования в наступлении прибывших 3-й, 6-й и 8-й танковых дивизий и трех батальонов танков «Пантера». Гитлер ограничил использование танковых сил только двумя участками фронта: на северо-востоке Будапештского плацдарма или между озерами Веленце и Балатон.

Обстановка на Восточном фронте в этот день, 15 декабря, Гитлера вроде бы и не волновала, как бы отошла на второй план. Доклад начальника Генштаба ОКХ о кризисной ситуации под Будапештом он выслушал, не перебивая, но никаких принципиальных решений принимать не стал: 16 декабря на Западном фронте начиналась, возможно, главная операция всей пятилетней войны.

Оперативное совещание 1 января в «Адлерхорсте» завершилось новогодним обедом у фюрера в расширенном составе. Праздничное застолье началось с торжественного акта. Известный воздушный ас Рудель отличился в Арденнской операции и получил из рук Гитлера бриллианты к золотому рыцарскому кресту. В дальнейших разговорах – сплошные дифирамбы в адрес наступающих войск в Эльзасе. Прорыв у Страсбурга должен вынудить англосаксов перебросить к Вогезам резервы, а это откроет новые возможности для группировки Моделя в Арденнах. Инициатива отвоевана. Выход к Антверпену обеспечит изменение в соотношении сил на Западном, а потом, возможно, и на Восточном фронтах.

Доминировал бодрый рефрен: поражение англосаксов у Мааса приведет к конфликту в лагере противника и вынудит англосаксов к заключению мира с рейхом. Гитлер несколько раз повторил: «Вот увидите, господа. Я окажусь прав». Ему понравилось предложение Риббентропа обратиться к руководителям Америки и Англии с меморандумом о заключении мира. На следующий день фюрер

принял «первого дипломата» рейха по этому вопросу и поручил ему подготовить проект столь важного «международного документа».

В унисон с Гитлером действовал «главный оператор» вермахта Иодль. Вечером 3 января он предложил еще одну наступательную операцию, связанную с операцией «Северный ветер». Ею предусматривался разгром пяти дивизий 7-й армии Пётча в промежутке между Рорбахом и Пфальцбургом. Командующий группой армий «Верхний Рейн» Гиммлер получил приказ: «Перейти в наступление в ночь с 5 на 6 января, а при благоприятных условиях, даже 5 января».

Утром 5 января войска 19-й армии Фертча предприняли наступление севернее Страсбурга, форсировали Рейн, захватив небольшой плацдарм на левом берегу. Одновременно нанесли удар и ее соединения, действующие южнее Страсбурга. В середине дня в «Адлерхорсте» прибыл рейхсмаршал Геринг с докладом о ситуации в воздушной войне на Западном фронте. Верховный Главнокомандующий предложил Главному «люфтваффе» использовать все наличные силы авиации для поддержки решавшего наступления наземных войск в Арденнах.

На вечернем совещании 5 января Гитлера озадачил Гудериан. Начальник Генштаба ОКХ представил ему свои выводы по памятной записке отдела «Иностранные армии Востока» Гелена от 31 декабря. Они звучали слишком категорично. Во-первых, он предлагал все войска на Западе, не задействованные в боях, перебросить на Восточный фронт. Во-вторых, как можно скорее освобождающиеся войска концентрировать в районе Познани для противодействия ударным силам большевиков. В-третьих, организовать наступательную операцию на Восточном фронте, чтобы ослабить готовящееся наступление Советов. Гудериан дополнил свои выводы последними донесениями агентурной разведки: «Русские начнут наступление не позднее 11 января, скорее всего на важнейшем Лодзинском направлении».

Завуалированное предложение начальника Генштаба ОКХ – прекратить «решающую операцию» в Арденнах и ударные танковые силы перебросить на Восток – было отвергнуто с «порога». Командующий группой армий «Верхний Рейн» Гиммлер, участвующий в совещании, заявил: «Что касается русских, то я заявляю то, что знаю: русские не перейдут в наступление. Они не в состоянии этого сделать».

Оперативное совещание 9 января в «Адлерхорсте» началось с обсуждения обстановки на Востоке. Начальник Генштаба ОКХ Гудериан заострил внимание фюрера на боепитании войск: наступление Красной Армии приближалось.

– Мой фюрер! Серьезен вопрос с боеприпасами. Если в нашем распоряжении будут теперь боеприпасы, то можно сделать колоссально много. Именно теперь...

Гитлер прервал «генштабиста» на полуслове:

— Теперь начинает сказываться то, к чему раньше не хотели прислушиваться. Я говорю о нашем отходе на Востоке. Если бы мы не ушли с Украины, то наше ежемесячное производство достигало бы теперь, вероятно, два-три миллиона выстрелов только для Восточного фронта. Говорили: «Какой смысл удерживать Никополь — там всего два рудника». А ведь фронт был тогда куда короче, чем сейчас.

Тут же последовал следующий крутой поворот темы. Гитлер бросил взгляд в сторону Йодля, возвысил голос:

— Решающий момент для нас — это, несомненно, создать и для противника такие же трудности со снабжением, какие он создает нам. А ведь он в этой области более уязвим, чем мы. Локомотивов у него меньше, чем у нас. Если нам удастся уничтожить еще некоторое их количество и разрушить железные дороги, то удар будет сокрушительным. Без имущества он не может вести войну.

— Без железных дорог невозможно на длительное время обеспечить снабжение войск, — вставил реплику Йодль.

— Совершенно верно, Йодль, — одобрительно отозвался в ответ Гитлер. — В течение длительного времени обеспечивать снабжение войск без железных дорог невозможно. Но одних железных дорог еще мало. Совсем другое дело, если я могу на современной машине ворваться в обороняемое воздушное пространство противника, наносить удары по его железнодорожным станциям. Противник намного уязвимее нас. Он не подготовлен к массированным налетам.

— Русские действуют очень энергично, — бросил Гудериан, и очень решительно. — Это надо признать.

— Поэтому, Гудериан, — сделал вывод Гитлер, — я и настаиваю, чтобы мы шевелились, если хотим еще победить.

Главная Ставка одну за другой направляла в войска директивы. На исходе 9 января Главком BBC Геринг, фельдмаршал фон Рунштедт и Гиммлер получили директиву ОКВ:

«Предпосылкой для начала новой операции служит завершение битвы за Хагенau и разгром противника между Нижними Вогезами и Рейном. Для этой цели должны использоваться все силы группы армий «Г», за исключением 11-й танковой дивизии. Необходимо завершить разгром фронта противника севернее Хагенau путем продвижения 39-го танкового корпуса через Зульц на Мерцвейлер. 7-ю парашютно-десантную дивизию подтянуть за 39-м танковым корпусом или ввести в бой совместно с 256-й пехотной дивизией с целью овладения южными отрогами Нижних Вогезов...»

В тот же день, 9 января, в адрес фон Рунштедта поступило доносение командующего группой армий «Г» Бласковица. Он не толь-

ко изложил свой взгляд на развитие обстановки, но и высказал ряд конструктивных предложений. Командующий войсками на Западе не стал принимать никаких решений по нему и переслал донесение в ОКВ Йодлю.

К исходу 12 января, собрав максимум информации об ударе русских в стык 4-й танковой и 17-й армий Грэзера и Шульца, Гудериан доложил Главкому ОКХ: «Южнее Кельце войска Конева прорвали немецкую оборону. В прорыв сразу введены крупные танковые силы, которые наступают на Бреслау». Он добавил, что наступление началось после пятичасовой сокрушительной артиллерийской подготовки, нанесшей большой урон войскам группы армий «А» генерала Гарле.

На вопрос Гитлера о возможных последствиях этого наступления начальник Генштаба ОКХ напомнил ему цифры своего недавнего доклада: по пехоте русские превосходят немецкие войска на Востоке в одиннадцать раз, по танкам – в семь, по артиллерию – в двадцать, по самолетам – в пять раз. В начале января фюрер назвал приведенное соотношение величайшим блефом со времен Чингис-хана. Теперь он никак не отреагировал на это напоминание.

На следующий день, 13 января, Гудериан доложил в «Адлерхорст»: «Атакованы позиции 3-й танковой, 4-й и 2-й армий генералов Рауса, Хоссбаха и Вейса на Кенигсбергском направлении. Войска группы армий «Центр» начали отход». Он вновь предложил немедленно эвакуировать Курляндскую группировку Шернера и ее силами оказать помощь войскам в Восточной Пруссии. Но снова получил отказ.

Восточный фронт быстро втягивался в fazu полного распада. Верховный Главнокомандующий продолжал искать пути продолжения наступления на Западном фронте, с каждым днем утрачивая контроль над реальной обстановкой. Поражение на Востоке разрасталось вглубь и ширь. Задержать русских на Висле не удалось.

Вера в успех операции «Вахта на Рейне» пропала у Гитлера 14 января. Командующий войсками на Западе фон Рунштедт получил приказ ОКВ на отход с Арденского выступа и отвод войск на рубеж: Шеренар – Уффализ – Бурей.

Быстро ухудшалось положение вермахта на Востоке в середине января. Доклады начальника Генштаба ОКХ Гудериана о развитии ситуации на Висле день ото дня становились все мрачнее. Прорыв 1-м Белорусским фронтом позиций 9-й армии Лютвица на участках Магнушевского и Пулавского плацдармов 14 января крайне обеспокоил «Адлерхорст». Группы армий «Центр» и «А» отходили, чтобы избежать разгрома, не оказаться в создаваемом русскими «котле». Порой отход их превращался в паническое бегство.

Но стабилизировать ситуацию могли лишь дополнительные силы. И 15 января Гитлер решился. Он отдал приказ Рунштедту:

«В период с 20 по 30 января пополнить 1-й и 2-й танковые корпуса СС и предоставить им кратковременный отдых». Таким образом, ударные войска 6-й танковой армии Дитриха, не добившись успеха в Арденнах, выводились из зоны боевых действий и готовились к передислокации на Восточный фронт, который вновь стал решающим.

Утром 16 января все решилось. Фюрер и ОКВ оставили «Адлерхорст» и возвратились в Берлин, чтобы из столицы рейха руководить военными действиями на всех фронтах.

Беспрецедентным получилось первое оперативное совещание в Имперской канцелярии 16 января. Вызывающие повел себя Гудериан. Кейтель и Йодль были поражены самим тоном его доклада. Беспрекословно выполняяший ранее любые приказы фюрера, начальник Генштаба ОКХ заявил, что с военной точки зрения война... проиграна Германией. Поэтому необходимо прекратить боевые операции на Западе, все имеющиеся силы, включая Курляндскую группировку Шернера, сконцентрировать на Одере и на этом оборонительном рубеже попытаться остановить большевиков.

Вечером того же дня «масла в огонь» подлил Шпеер. Выражая интересы монополистического капитала, он представил Гитлеру меморандум. Развернув картину крушения военной экономики рейха, министр вооружения предлагал на самом деле то же самое, что и начальник Генштаба ОКХ: всю боевую технику и снаряжение передать войскам групп армий Восточного фронта для продолжения борьбы с Советами. Войска Рейнгардта, Гарпе и Велера должны получить половину всего январского производства военной промышленности. Для их подкрепления предлагалось перебросить всю имеющуюся на Западном фронте авиацию. Особое внимание фюрера Шпеер обратил на усиление группы армий «A», обороняющей Силезский промышленный район.

Но все планы ОКВ неумолимо крушил Восточный фронт. К исходу 17 января поражение войск групп армий Рейнгардта и Гарпе стало совершившимся фактом. На всем протяжении разорванного на части фронта от Тильзита до Ясло зияли бреши. Застрявшие у Радома и Кельце войска 9-й и 4-й танковой армий получили приказ по радио командующего группой армий «A» генерала Гарпе пробиваться на запад в направлении Глогау. Переброшенный из Восточной Пруссии в район Лодзи танковый корпус «Великая Германия» Закона, не успев развернуться, попал под сокрушительный удар танковых сил маршала Жукова и разрозненными группами отходил в направлении Познани.

Начальник Генштаба ОКХ Гудериан, не согласовав вопрос с Гитлером, удовлетворил просьбу коменданта Варшавы об оставлении города. Узнав о сдаче крепости «Варшава», Главком ОКХ пришел в неистовство. Он приказывал удерживать ее до последнего

солдата, а тут – самоуправство генералов! Игнорирование его приказов!

И полетели «непослушные головы». Главным виновником за катастрофу на Висле оказался командующий группой армий «А» Гарпе. Он был с позором изгнан из вермахта. Его место занял командующий группой армий «Север» генерал-полковник Шернер. Командующий 9-й армией Лютивиц был заменен генералом Буссе. Это была очередная чистка среди генералов, предпринятая фюрером против непослушных.

Когда 19 января русские прорвали позиции 3-й танковой армии в районе Куссена, а на правофланговом участке вступили в Зольдау, командующий группой армий «Центр» Рейнгардт запросил у Главкому ОКХ разрешения не отвод 4-й армии Хоссбаха к Мазурским озерам. Высвободившимся силами он намеревался подкрепить позиции 2-й армии Вейса на Вилленбергском направлении и задержать прорыв войск Рокоссовского к Эльбингу. Но Гитлер не дал такого разрешения ни 19 января, ни на следующий день.

Разрастание кризиса на Востоке породило целую серию военных перестроек. В связи с тем, что рейхсфюрер СС Гиммлер принял на себя командование вновь созданной группой армий «Висла» на Восточном фронте, к исполнению обязанностей командующего группой армий «Верхний Рейн» приступил обергруппенфюрер СС Гауссер.

Лишь в полдень 21 января Главкому ОКХ разрешил, наконец, Рейнгардту отвести войска 4-й армии на рубеж Мазурских озер. Но это решение уже сильно запоздало и не отвечало сложившейся обстановке. Командующий 4-й армией Хоссбах, не доложив в штаб группы армий «Центр», решил оставить озерный рубеж и осуществить отход на запад, к Эльбингу, чтобы соединиться с 2-й армией Вейса, закрыть зияющую между объединениями брешь.

Имперскую канцелярию в этот день вновь посетил Риббентроп. Он представил фюреру окончательно отредактированный меморандум правительства Германии. Гитлер, утвердив его текст, потребовал срочно переправить важнейший дипломатический документ в германские посольства в Швейцарии, Швеции, Испании и Португалии. Задача перед ними формулировалась предельно кратко: доставить содержание «Меморандума Риббентропа» через «влиятельных нейтральных посредников» до сведения официальных представителей Англии в этих странах, с которыми надлежало вступить в контакт при первой же возможности.

В полдень 22 января генерал Хоссбах отдал приказ об отходе своих соединений на Коршен и Вормдигт. Но только на следующее утро он доложил командующему группой армий «Центр» о своем намерении перебросить крупные силы на запад, чтобы установить связь с 2-й армией Вейса. У командующего группой армий

«Центр» имелся аналогичный план, но ему хотелось удержать плацдарм по обе стороны Кенигсберга. На севере он охватывал Земландский полуостров, а на юге достигал Хейльсберга.

В заключение трудной дискуссии по ситуации на Востоке 23 января фюрер акцентировал внимание Гудериана на удержании важнейших пунктов. Он отнес к ним районы нефтедобычи в Венгрии и в Венском бассейне, без удержания которых невозможно было дальнейшее ведение войны. На второе место по важности Гитлер поставил район Данцигской бухты, необходимый для продолжения подводной войны. Далее следовала Верхнесилезская промышленная область, являющаяся центром военной экономики.

Но войска 1-го Украинского фронта в этот день прорвались к Одеру, южнее Бреслау. Оборону здесь держали полицейские подразделения, отряды фольксштурма, а также части 4-й танковой армии Грэзера. Получил приказ защищать позиции по Одеру со смещением войск на северо-запад командующий 17-й армией Шульц. Для усиления он получил армейский корпус из состава 1-й танковой армии Хайнрихи.

Поистине драматический оборот приобрело развитие обстановки на левом фланге Восточного фронта. К исходу 23 января 4-я армия Хоссбаха прошла через Летценский укрепрайон и на следующий день заняла позиции на рубеже Хейльсберг — Дайме. Гауляйтер Восточной Пруссии Кох доложил фюреру об оставлении линии Мазурских озер и крепости «Летцен»: «4-я армия продолжает отход на запад».

Это донесение вызвало у Гитлера приступ ярости. Самому фюреру обстановка доказывается в ложном свете! Генштаб ОКХ утратил контроль за положением в группе армий «Центр»! Действия генералов Рейнгардта и Хоссбаха вполне смахивают на измену! Всего несколько дней назад он решительно навел порядок в группе армий «А». Теперь пришла очередь сделать то же самое в группе армий Рейнгардта. Ничьи старые заслуги не остановят его перед ответственностью защищить рейх от нашествия большевизма!

25 января командующий 4-й армией Хоссбах еще продолжал осуществление своего плана, хотя неотвратимый меч возмездия фюрер уже высоко занес над его головой.

КОЛЬБЕРГ-КЁЗЛИН. ВОСТОЧНАЯ ПОМЕРАНИЯ

1

Верховный обещал Жукову посоветоваться с Генштабом и сообщить решение Ставки по поводу дальнейших действий войск 1-го Белорусского фронта. Но 25 января такое решение во фронтовой штаб не поступило. Ставку озадачили успешные действия 2-го Белорусского фронта Рокоссовского.

Своевременно брошенная в прорыв 5-я гвардейская танковая армия Вольского, сметая на своем пути все заслоны, устремилась к Балтийскому морю. 25 января передовые 10-й и 29-й гвардейские танковые корпуса пробились к заливу Фришес-Хафф в районе Толькемита, блокировав Эльбинг.

Этот успех войск Рокоссовского позволил завершить отсечение Восточно-Прусской группировки от остальных сил Восточного фронта. В мешке оказались 3-я танковая и 4-я армии Рауса и Хоссбаха, а также шесть пехотных и две моторизованных дивизии 2-й армии Вейса.

В полдень 26 января в штаб 1-го Белорусского фронта позвонил Верховный, спросил:

— Как дела, товарищ Жуков? Не передумали в отношении дальнейшего плана действий фронтовых сил?

— Нет, не передумал, товарищ Сталин, — ответил командующий 1-м Белорусским фронтом. — Познанский рубеж обороны противника позади. Впереди Одер.

— Хорошо. Ставка согласна с вашим решением, но подумайте о безопасности своего правого крыла. Войска маршала Рокоссовского завершили Млавско-Эльбинскую операцию. Часть его сил наступает вдоль Балтийского побережья на запад, а часть Ставка намерена использовать для ликвидации Восточно-Прусской группировки немца.

— Я просил вас, товарищ Сталин, выделить моему фронту дополнительную одну общевойсковую армию.

— Нет, товарищ Жуков. Сейчас Ставка такой возможности не имеет. Все, что у нас было в резерве, направлено на 3-й Украинский фронт, который отбивает атаки эсэсовских танковых дивизий южнее Будапешта.

— А как идут дела у маршала Конева, товарищ Сталин?

Сталин был, как всегда, краток:

— Хорошо. Помимо прорыва к Одеру южнее Бреслау, его 13-я армия генерала Пухова прорвалась к Одеру в районе Штейнау с захватом важного оперативного глацдарма.

— Я считаю, товарищ Сталин, что при положительном развитии обстановки в целом необходимо быстрее решить вопрос с ликвидацией вражеской группировки в Курляндии.

— Ваша оценка обстановки правильна, товарищ Жуков.

Мнение командующего 1-м Белорусским фронтом о том, что до выхода фронта на Одер противник не сможет организовать контрудар из Восточной Померании, подтвердил точный расчет его штаба. Генерал-полковник Малинин легко доказал, что даже в случае серьезной опасности имелась возможность для частичной перегруппировки войск с Одера на северо-восточное направление с целью разгрома войск противника в Восточной Померании.

Положение вблизи Силезского промышленного района действительно складывалось не из легких. 3-я гвардейская танковая армия с севера и 60-я армия с юга уже охватили этот сплошной, в пять тысяч квадратных километров, город в гигантские клещи, которые оставалось только сокнуть. И основным, до двенадцати дивизий, силам 17-й армии Шульца было не выбраться из каменной западни. Но ликвидация блокированной группировки непременно привела бы к разрушению всей инфраструктуры Силезии. Допустить этого было нельзя. Еще при утверждении плана Висло-Одерской операции Верховный обратил особое внимание Конева на то, чтобы уберечь Силезию для будущей Польши.

Маршал Конев прибыл на КП 3-й гвардейской танковой армии, поставил новую боевую задачу Рыбалко.

— Товарищ маршал, чтобы выполнить ваш приказ, мне надо вновь круто поворачивать армию, — возразил командарм 3-й гвардейской танковой.

— Вам к поворотам, Павел Семенович, не привыкать, — успокоил Рыбалко командующий фронтом. — Только что ваша армия совершила блестящий поворот. Теперь давайте сделаем еще один поворот. Кстати, у вас ведь 7-й гвардейский механизированный корпус еще не развернут, наступает во втором эшелоне. Давайте его сразу и выведем на Ратиборское направление.

— Да, это, пожалуй, возможно, — согласился Рыбалко.

— Тогда и передайте сейчас же приказ 6-му и 7-му гвардейским танковым корпусам: «Стоп!», а 7-му гвардейскому механизированному: «Вперед, на Ратибор!»

В тот же день, 28 января, командующий 1-м Украинским фронтом представил в Ставку план Нижне-Силезской операции. Он сводился к тому, чтобы разгромить Бреславльскую группировку 4-й танковой армии Грэзера и к 25 — 28 февраля пробиться на Эльбу. Аналогичный план действий был представлен в Ставку и 1-м Белорусским фронтом.

Получив 29 января донесение Конева о том, что войска 1-го Украинского фронта овладели не разрушенным Силезским про-

мышленным районом, Верховный тут же утвердил без всяких изменений план Нижне-Силезской операции.

Утром 31 января 2-я гвардейская танковая и 5-я ударная армии Богданова и Берзарина пробились на Одер у Кюстринга, форсировали его, захватив важный плацдарм на участке Киннитц — Гросс — Нойендорф — Рефельд. Южнее к Одру прорывались 8-я гвардейская, 69-я, 1-я гвардейская танковая и 33-я армии Чуйкова, Колпакчи, Катукова и Цветаева.

С выходом 1-го Белорусского фронта к Одру угроза флангового удара из Восточной Померании с каждым днем возрастала. Авиационная и войсковая разведки установили подход и сосредоточение там значительных сил группы армий «Висла» рейхсфюрера СС Гиммлера. Военный совет фронта направил в Ставку тревожное донесение:

«1. В связи с отставанием левого крыла 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла пятисот километров. Если левый фланг Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта. Прошу приказать Рокоссовскому немедленно перейти в наступление 70-й армией в западном направлении, на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одра».

Не получив ответ из Ставки, Жуков 1 февраля повернулся 2-ю, а 2 февраля и 1-ю гвардейские танковые армии на Восточно-Померанское направление. На главном, Берлинском направлении остались четыре общевойсковых армии, два танковых и один кавалерийский корпуса. Чтобы наступать и брать Берлин, этих сил было недостаточно.

В полдень 12 февраля Сталин вернулся с Ялтинской конференции и сразу заслушал доклад начальника Генштаба Василевского о положении на фронтах. Повсеместно войска вели тяжелые бои. Особенно сложной оставалась обстановка на Кенигсбергском направлении.

Сразу после доклада Василевского Верховный позвонил командующему 2-м Украинским фронтом, спросил:

— Как у вас идут дела, товарищ Малиновский? Когда Ставка получит ваш доклад об освобождении Будапешта?

— Генерал Манагаров доложил, товарищ Сталин, что завтра Будапешт будет очищен от противника, — ответил Малиновский. — У гитлеровцев — полтора десятка кварталов.

— Немец еще сопротивляется? — уточнил Сталин.

— Имеет место очаговое сопротивление, товарищ Сталин, — доложил командующий 2-м Украинским фронтом. — Сражаются остатки эсэсовских и полицейских частей.

— А как вы намерены распорядиться венгерскими частями, которые переходят на сторону Красной Армии?

— Мы формируем из них части и намерены использовать в боевых действиях на венгерской территории.

— Завершив Будапештскую операцию, 2-й Украинский фронт должен быстрее прорываться на Братиславу и в направлении Вены. По военным объектам немца на этом направлении нанесет удары американская авиация. Надо вашим войскам поторопливаться, товарищ Малиновский.

— Будем поторопливаться, товарищ Сталин, — заверил Верховного командующий 2-м Украинским фронтом.

В полдень 13 февраля Малиновский доложил в Ставку: «Столица Венгрии Будапешт полностью очищена от противника! Войска 2-го Украинского фронта продолжают наступление на Братиславу».

Тяжело складывалась обстановка на Кенигсбергском направлении. Наступление войск 3-го Белорусского фронта развивалось крайне медленно. Ощутимого успеха добились в середине февраля лишь войска 28-й армии Лучинского, которые обходным маневром овладели Прейсиш-Эйлау и вышли на подступы Цинтена. Слева их активно поддерживала 2-я армия генерал-лейтенанта Чанчлбадзе.

Снижались темпы наступления наших войск на Берлинском направлении. Сопротивление врага день ото дня возрастало. Войска левого крыла 1-го Белорусского фронта продолжали напряженные бои по удержанию плацдармов на западном берегу Одера у Кюстрина. Командующий группой армий «Висла» Гиммлер спешно перебрасывал к Альтдамму и Штаргарду «аварийные силы» для нанесения флангового контрудара по войскам 47-й и 5-й ударной армий Перхоровича и Берзарина, пробившихся к Одеру южнее Цедена.

В это же время войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону 4-й танковой армии Грэзера на участке Глогау — Лигница, к исходу 13 февраля пробились к реке Бобер, форсировали ее, обеспечив важные плацдармы на ее западном берегу. Успех 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко на Котбусском направлении не был, однако, закреплен 13-й армией Пухова и противнику удалось снова сомкнуть фронт позади ушедших вперед танковых колонн. Оказался упущенными шанс прорыва подвижных сил к Нейсе и Шпрее и внезапного удара на Берлин через Люббен и Цоссен.

Кроме того, маршала Конева все больше беспокоило положение в центре полосы наступления 1-го Украинского фронта. Отчаянное сопротивление противника в крепости «Бреслау» задерживало продвижение на Гёрлиц 6-й и 5-й гвардейской армий генералов Глуздовского и Жадова. Не способствовала успеху в центре и

ситуация на участке 21-й, 59-й и 60-й армий генералов Гусева, Коровникова и Курочкина на левом крыле, от Гrottкау до Ратибора.

Действуя наверняка, маршал Конев повернулся с запада на восток 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко. Ее стремительный бросок из района Бунцлау в направлении Бреслау явился полной неожиданностью для командующего группой армий «Центр» Шернера. С ходу разгромив 19-ю танковую и две пехотные дивизии из состава 17-й армии Шульца, 15 февраля танкисты замкнули кольцо блокады вокруг Бреслау.

Отразив все попытки 8-й танковой дивизии противника пробиться в Бреслау, 3-я гвардейская танковая армия вновь развернулась и двинулась на запад, наступая на Гёrlitz.

Итоговый доклад Василевского за 17 февраля изобиловал фактами резкого обострения обстановки в полосе наступления 3-го Белорусского фронта на Кенигсбергском направлении, а также юго-восточнее Эльбинга в полосе наступления войск Рокоссовского и у Штаргарда у маршала Жукова.

Приняв поручение Верховного отправиться в Восточную Пруссию для организации быстрейшего разгрома врага, маршал Василевский обратился к нему с просьбой:

— Я прошу вас, товарищ Сталин, освободить меня от должности начальника Генерального штаба, поскольку большую часть времени я нахожусь на фронтах. Считаю такое решение назревшим и целесообразным.

— Вот как? — искренне удивился Верховный. — И вас такое решение не обидит, товарищ Василевский?

— Генерал армии Антонов фактически давно исполняет эту должность, товарищ Сталин. За мной я прошу оставить только должность заместителя наркома обороны.

— Товарищ Антонов, как вы относитесь к предложению товарища Василевского? — Сталин медленно повернулся в сторону «исполняющего начальника Генштаба».

Генерал армии Антонов совершенно искренне ответил:

— Я эту просьбу Александра Михайловича не разделяю, товарищ Сталин. Считаю, что авторитет маршала Василевского в войсках очень высок и предпринимать радикальную перемену в Генштабе нет необходимости.

— Понятно, товарищ Антонов, — кивнул головой Верховный и снова повернулся к Василевскому. — Пока я подпишу директиву, что с 22 февраля вы берете на себя руководство действиями 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в качестве представителя Ставки, а ваше предложение по Генштабу еще рассмотрит Политбюро ЦК. Когда вы сможете, товарищ Василевский, вылететь на фронт?

— Завтра, 18 февраля, товарищ Сталин, — не задумываясь, ответил маршал Василевский.

— Не торопитесь. Это можно сделать 20 февраля, товарищ Василевский. Пара дней отдохните, побудьте с семьей, сходите в театр, а перед отлетом зайдите ко мне, — привычным тоном распоряжался Верховный.

Следующий день, однако, коренным образом изменил принятые накануне решения. В прифронтовой зоне, вблизи Мельзака, осколком снаряда был смертельно ранен и вскоре скончался командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. ГКО освободил маршала Василевского от обязанностей начальника Генштаба, а Ставка назначила его командующим 3-м Белорусским фронтом. С этого же дня Генштаб возглавил генерал армии Антонов.

Хотя донесение штаба 1-го Украинского фронта за 21 февраля особых тревог не вызывало, все же ночью Верховный разыскал маршала Конева и с тревогой в голосе спросил:

— Товарищ Конев, что происходит в 3-й гвардейской танковой армии? Где она в данный момент находится?

Маршал Конев уверенно ответил:

— 3-я гвардейская танковая армия ведет напряженные бои севернее Лаубана, товарищ Сталин. — доложил Конев. — Командование 4-й танковой армии противника, перебросив на Гёrlицкое направление подкрепления, предприняло попытку выйти на ее тылы и отрезать от смежной 52-й армии Коротеева. Обстановка сложилась действительно не простая, но для подвижных войск это дело привычное.

— Вы меня успокаиваете, товарищ Конев, а Генштаб бьет тревогу, — возразил Верховный. — Вы уверены, что 3-я гвардейская танковая сумеет отразить нависшие угрозы?

— Я нахожусь рядом, на командном пункте 52-й армии, товарищ Сталин. И если обстановка усложнится, то будут приняты все необходимые меры для отражения возникающих угроз. Я полностью доверяю генералу Рыбалко.

Уже к полдню 22 февраля кризис севернее Лаубана в полосе наступления 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко миновал. Атакующая группировка 4-й танковой армии Грэзера была разбита. Одновременно правое крыло продолжало наступление в Бранденбургской провинции. 13-я армия Пухова пробилась в этот день к реке Нейсе, южнее Губена.

Переход к обороне на Берлинском направлении позволил командующему 1-м Белорусским фронтом Жукову выделить силы для разгрома группы армий «Висла» в Восточной Померании. К исходу 1 марта группировка, на острие которой действовали 1-я и 2-я гвардейские танковые армии Катукова и Богданова, нанесла рассекающие удары на Каммин и Кольберг. Однако темп продвижения вперед правофланговых сил был крайне низким. Создалась

реальная угроза для войск 2-го Белорусского фронта быть атакованными со стороны вражеской группировки, удерживающей Нейштеттин. Маршал Рокоссовский доложил 2 марта о своих тревогах в Ставку.

— Вы считаете, товарищ Рокоссовский, что маршал Жуков хитрит? — прямо поставил вопрос Верховный.

— Не думаю, товарищ Сталин, что Жуков хитрит, — возразил Рокоссовский. — Но правое крыло его фронта наступает медленно. Создается угроза моему левому флангу.

— А если Ставка, товарищ Рокоссовский, поручит войскам вящего фронта овладеть Нейштеттином?

— Но разграничительная линия проходит в данный момент восточнее города, товарищ Сталин.

— Ставка может перенести разграничительную линию и западнее Нейштеттина, товарищ Рокоссовский.

Командующий 2-м Белорусским фронтом согласился:

— Ясно, товарищ Сталин. Мы сейчас же примем меры к овладению Нейштеттином.

К исходу 2 марта окончательно определился успех войск 1-го Белорусского фронта на Кольбергском направлении. Таранным маневром на участке Вангериц — Драмбург 1-я гвардейская танковая армия Катукова рассекла оборону 3-й танковой армии противника и пробилась к Гросс-Раддову. Используя успех 2-го Белорусского фронта, 1-я армия Войска Польского, наступая на Шифельбейн, блокировала с востока вражескую группировку в районе Драмбурга.

Следующий день, 4 марта, принес крупный оперативный успех 1-му Белорусскому фронту Жукова. 1-я гвардейская танковая армия на участке Дееп — Кольберг достигла побережья Балтики, выполнив задачу по рассечению Восточно-Померанской группировки противника.

Маршал Рокоссовский позвонил в Ставку, попросил:

— Товарищ Сталин, чтобы разделаться с 2-й армией Вейса, западнее Данцига, 2-му Белорусскому фронту не хватает подвижных войск. Я прошу вас временно передать в мое подчинение одну из танковых армий, действующих в составе 1-го Белорусского фронта.

— Но Жуков готовит наступление на Берлинском направлении. Как же можно ослаблять его войска в этот ответственный период?

— резонно возразил Верховный.

— Такое решение, товарищ Сталин, пойдет на пользу обоим фронтам, — проявил настойчивость Рокоссовский. — Чем быстрее мы покончим с группировкой противника в Восточной Померании, тем скорее высвободятся необходимые войска для участия в предстоящей Берлинской операции.

— Этот вопрос будет решен сегодня, товарищ Рокоссовский. Я должен посоветоваться с Генштабом и маршалом Жуковым, — закончил разговор Верховный.

В полдень 7 марта Жуков по вызову Верховного прилетел в Москву. Прямо с аэродрома он отправился на «Ближнюю дачу». Сталин грипповал и третий день в Кремле не появлялся, до минимума сократив необходимые контакты. Во время доклада Жукова в комнату вошел Поскребышев, подал Верховному какие-то документы. Сталин пробежал их глазами и сразу обратился к своему заместителю:

— На сегодня все. Сейчас поезжайте в Генштаб и вместе с товарищем Антоновым еще раз проверьте наши расчеты по Берлинской операции, а завтра в тринадцать часов встретимся здесь же и поговорим о ней основательно.

Когда Жуков вышел из-за стола, Сталин сказал:

— Вот еще что, товарищ Жуков. Сегодня мне звонил маршал Рокоссовский. Он просит, чтобы Ставка временно передала в состав его фронта одну из ваших танковых армий, иначе он надолго застрянет под Данцигом и Гдыней.

— То есть как это временно? — Жуков круто повернулся в сторону Верховного. — Под Данцигом находятся главные силы группы армий «Висла», и что там останется от нашей танковой армии к началу Берлинской операции?

Сталин воспринял это несогласие спокойно:

— Вот я и хочу, чтобы вместе с начальником Генштаба вы обсудили и этот вопрос. Я пообещал дать ответ маршалу Рокоссовскому. Он очень нуждается в подвижных силах.

Вечером 7 марта командующий 2-м Белорусским фронтом получил телеграмму: «Решением Ставки с 8 марта ему временно придается 1-я гвардейская танковая армия генерал-полковника Катукова».

В полдень 8 марта Верховный позвонил в Генштаб и сообщил, что рассмотрение плана Берлинской операции переносится с тринадцати на двадцать часов. Вечером на «Ближнюю дачу» приехали члены ГКО Молотов, Берия, Ворошилов и Вознесенский. Доклад о плане решающей операции сделал начальник Генштаба генерал армии Антонов.

10 марта в штаб 2-го Белорусского фронта прибыл командующий 1-й гвардейской танковой армией Катуков. Маршал Рокоссовский поставил боевую задачу: обогнав войска 19-й армии, овладеть переправами через Лебу и канал Бренкенхоф и 12 марта выйти на побережье Данцигской бухты.

Попытка Восточно-Померанской группировки Вейса задержать стремительный прорыв к Данцигу ударных сил 2-го Белорусского фронта на рубеже Цукау — Картахуз — Витцков — Шуров —

Шмользин не увенчалась успехом. Таранным ударом танковых корпусов он был прорван с ходу. Громя отходящего противника, 1-я гвардейская танковая армия устремилась к Данцигской бухте.

Верховный приехал в Кремль 12 марта пополудни и сразу заслушал «второй доклад» Антонова о положении на фронтах. В целом оно складывалось благоприятно для наших войск. Сталин отдал необходимые срочные распоряжения начальнику Генштаба и только тогда обратился к вошедшему в кабинет через внутреннюю дверь Молотову:

— Есть что-нибудь от союзников?

— Е...е... есть, товарищ Сталин, — не скрывал сильного раздражения Молотов. — Т....т.... тайное становится явным. Ведут-таки наши союзники переговоры с немцами. В...в... вот письмо послана Гарримана на мое имя по этому поводу...

Маршал Василевский тщательно готовил продолжение операции против 4-й армии Моллера, удерживающей Хейльсбергский укрепрайон. В ней участвовали войска 48-й, 3-й, 31-й, 2-й гвардейской, 28-й, 5-й и 11-й гвардейской армий Перхоровича, Горбатова, Шафранова, Чанчидзе, Лучинского, Крылова и Галицкого. 48-й армии была передана полоса наступления 5-й гвардейской танковой армии Вольского, которая перенацеливалась на Данцигское направление.

К исходу 14 марта весь огромный советско-германский фронт снова пришел в движение. Итоговый доклад начальника Генштаба генерала армии Антонова в Ставке затянулся за полночь. Верховный, соблюдая традиционную последовательность, все же чаще обычного ставил уточняющие вопросы по отдельным армиям и даже корпусам.

Когда начальник Генштаба развернул на столе «оперативку» с обстановкой в полосе обороны 3-го Украинского фронта маршала Толбухина, Сталин остановился посреди кабинета, в рассудительном тоне спросил:

— Правильно или нет поступила Ставка, товарищ Антонов, сохранив во фронтовом резерве 9-ю гвардейскую армию генерал-полковника Глаголева и не позволив использовать ее в оборонительных боях?

— Ставка поступила совершенно правильно, товарищ Сталин, — уверенно ответил начальник Генштаба. — Правильно потому, что сегодня командующий группой армий «ЮГ» генерал Велер ввел в сражение, по данным нашей разведки, свой последний оперативный резерв — 6-ю танковую дивизию. Но и с ее помощью 6-й танковой армии СС к Дунаю уже не прорваться, не преодолеть нашу оборону.

— Тогда что же, войскам маршала Толбухина самим пора передвигаться в наступление? — член ГКО маршал Ворошилов медленно оторвал взгляд от генштабовской «оперативки».

— Нет, Климент Ефремович, — возразил генерал армии Антонов, черкнув указкой по карте вниз от озера Веленце, — по расчетам Генштаба, бои на достигнутом противником рубеже Гардонь — Шимонторнья продолжатся еще не менее двух суток. Лишь тогда танковые соединения генерала Дитриха окончательно исчерпают свои наступательные возможности, и 3-й Украинский фронт обязан будет без всякой оперативной паузы перейти в наступление, нанести контратакующий удар на Дьер и далее на Вену. Этот вопрос у нас решен до конца.

Генштаб не ошибся. 15 марта измотанная и обескровленная группировка 6-й танковой армии СС обергруппенфюрера СС Дитриха прекратила атаки и перешла к обороне, так и не достигнув Дуная.

Успешные действия войск 3-го и 2-го Белорусских фронтов в Восточной Пруссии и Восточной Померании, настойчивое продвижение 4-го Украинского фронта на Моравско-Остравском направлении в Карпатах, а также провал контрнаступления соединений группы армий «Юг» восточнее озера Балатон отвлекли внимание Верховного Командования вермахта и практически поглотили все наличные резервы. Поэтому подкрепить позиции армейской группы «Хейнриц» в момент перехода в наступление левого крыла 1-го Украинского фронта маршала Конева оказалось решительно нечем.

Операция развивалась в замедленном темпе. Обе группировки несли значительный урон в технике. Только за первый день наступления 31-й танковый корпус генерал-майора Григорьева потерял треть боевых машин, а 7-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта Корчагина — четверть своих танков. Именно в Верхне-Силезской операции противник впервые маскированно применил эффективное противотанковое средство — фаустпатроны. В каждой пехотной роте имелось до двадцати фаустников. Из-за распутицы танковые колонны не могли свободно маневрировать по фронту и вынуждены были двигаться только по дорогам с твердым покрытием. Дороги проходили через населенные пункты, которые противник превратил в долговременные узлы сопротивления. Напряжение борьбы с каждым следующим днем нарастало.

Такого развития обстановки никак не ожидало командование группой армий «Юг». Во второй половине дня 16 марта северо-западнее озера Веленце на широком участке фронта от Ганта до Секешфехервара перешли в решительное наступление войска 9-й и 4-й гвардейских армий генералов Глаголева и Захватаева. Они нанесли разящие удары в направлении Папа и Веспрема, с целью прорыва на коммуникации 6-й танковой армии СС обергруппенфюрера СС Дитриха.

Поздно вечером в этот же день маршал Василевский направил в Ставку донесение, в котором подробно излагалась оперативная обстановка в Восточной Пруссии. В нем оговаривалось, что с разгромом Кенигсбергской группировки противника дальнейшее удержание Земландского полуострова потеряет для врага всякий смысл.

В ночь на 18 марта маршал Василевский позвонил Верховному, доложил, что Ставкой установлены совершенно нереальные сроки для завершающих операций 3-го Белорусского фронта. Ликвидация Хейльсбергской группировки врага юго-западнее Кенигсберга будет закончена лишь 25 – 28 марта. На перегруппировку войск потребуется еще не менее трех-четырех суток. Поэтому командующий 3-м Белорусским фронтом просил разрешения начать авиационное и артиллерийское наступление на Кенигсберг в первых числах апреля. Сталин согласился с вескими доводами маршала Василевского, порекомендовал привлечь к участию в операции авиацию Краснознаменного Балтийского флота, 4-й и 18-й воздушных армий¹, пообещал прислать для координации действий авиационных объединений Главных маршалов авиации Новикова и Голованова.

Итог за 18 марта получился обнадеживающим. 1-я армия Войска Польского Поплавского при поддержке авиации 16-й воздушной армии Руденко, фронтовых подвижных войск и артиллерии завершила разгром блокированной группировки и овладела Кольбергом. Этот успех войск 1-го Белорусского фронта Жукова Москва отметила победным салютом.

Красная Армия наступала от Балтийского моря до озера Балатон, а Западный фронт застыл на Рейне, на «линии Зигфрида». Все обещания, данные в Ялте президентом Рузвельтом и премьером Черчиллем о мощных ударах экспедиционных сил союзников, с 8 февраля не выполнялись. Глава американской миссии генерал Дин отделялся тривиальными отговорками о продолжении всесторонней подготовки войск к генеральному наступлению в глубь Германии. Но дело фактически упиралось в гораздо более скрытые обстоятельства, завуалированные стратегические планы.

Войска 1-го Белорусского фронта, овладев Альтдаммом и выполнив, таким образом, свою часть задачи в Восточно-Померанской операции, пробились к Одеру по всему нижнему течению. 22 марта 5-я ударная и 8-я гвардейская армии Берзарина и Чуйкова перешли в наступление с целью ликвидации Кюстринского выступа и расширения захваченных плацдармов на западном одерском берегу.

В этот же день войска 1-го Украинского фронта маршала Конева, завершив разгром Оппельнской группировки противника, овладели Нейштадтом, Козелем, Штейнау, Зульцем, Краппицем, Обер-Глобау и Фалькенбергом.

Неизбежная развязка на Восточном фронте угрожающе надвигалась. Доклады начальника Генштаба ОКХ Гудериана угнетали больше, чем нарастающая волна безжалостных воздушных бомбардировок столицы рейха авиацией противника. Единственным островком, где вермахт еще продолжал наступать и в январе, оставалась Венгрия. 24 января 4-й танковый корпус СС, переброшенный из района Шютте к Балатону, овладел Шерегейшем, Шарошцом и Дегом.

Получив в полдень 25 января донесение командующего группой армий «Центр» Рейнгардта о том, что русские форсировали реки Алле и Прегель и ведут наступление на Кенигсберг, Гудериан пришел в смятение. Оно было так же ужасно, как и сообщение генерала Буссе о прорыве войсками маршала Жукова Познанского оборонительного рубежа. Это означало, что 1-й Белорусский фронт находится всего в двухстах километрах от Берлина!

ОКВ принимало лихорадочные меры по усилению обороны на Берлинском направлении, намереваясь остановить советские войска на Одере. И на этот раз фюрер остался верным принципу «структурных перестроек и перестановок» в войсках. 26 января группа армий «Север» переименовывается им в группу армий «Курляндия». Группа армий «Центр» стала группой армий «Север». Группа армий «А» получила наименование группы армий «Центр». Для прикрытия Берлина с северо-востока была создана новая группа армий «Висла» во главе с рейхсфюрером СС Гиммлером. В ее состав вошли 11-я танковая, 2-я и 9-я полевые армии.

К исходу 27 января обстановка на Берлинском направлении еще более осложнилась. Предпринятая по приказу Гиммлера попытка задержать продвижение 61-й армии Белова вдоль реки Нотец у Швейдемоля оказалась безуспешной. Еще более сложную задачу поставил «железный Генрих» перед командармом 11-й танковой Штейнером: сдержать напор русских на широком фронте от Одера до Нейштетена.

Оперативное совещание 27 января было долгим и... бесполезным. Гудериан начал свой доклад осторожно:

— Мой фюрер! В полосе группы армий «Юг» положение несколько обострилось.

Гитлер опустил взгляд на карту района Будапешта:

— Надо немедленно отступить на рубеж Шерегейша, Гудериан. Теперь нет смысла оставаться у Эрчи. 3-й танковый корпус должен пробиться назад, к озеру Веленце, и организовать оборону. А русских у Шароща отбросить назад.

— Противник атаковал Шарош с юга. Там его атаки пока повсюду отбиты, — заявил Гудериан. — Однако ясно видно, что 18-й

танковый корпус усилен 7-м и, возможно, что генерал Плиев будет брошен либо для наступления на Дунапентеле с севера, либо будет наступать на Шарошт с юга.

— Во всяком случае, — делает вывод Гитлер, — теми силами, которые имеются у Секешфехервара, выдержать удары русских невозможно. Это мне ясно, Гудериан.

— Но сюда прибывает 356-я пехотная дивизия. Первые эшелоны уже на месте, — успокаивает фюрера Гудериан.

— На нее в первый момент рассчитывать не приходится, — удрученно возражает Главком ОКХ.

Упомянув далее о больших потерях русских в танках, нанесенных им в боях восточнее озера Веленце 23-й танковой дивизией, Гудериан резко перемещает указку севернее, в район венгерской столицы, докладывая скороговоркой:

— В Будапеште обстановка обострилась, мой фюрер. Противник переместил направление главного удара в центр западного участка фронта и прорвался к так называемому «Кровавому лугу». Сейчас предпринимается контратака. Удастся ли наличными силами восстановить положение, сказать трудно, поскольку потери в живой силе становятся все более тяжелыми. Противник наводит переправу через Дунай до острова Маргит. Обстановка явно обостряется.

Гитлер пристально смотрит на карту:

— А как идут дела у 6-й танковой армии СС Дитриха?

Вопрос застал начальника Генштаба ОКХ врасплох:

— Она перебрасывается в направлении Вены. Но точно я не знаю, каково состояние переброски на данный момент.

— Мой фюрер, ушло десять эшелонов, — вставил реплику фельдмаршал Кейтель.

Кардинальный вопрос поставил рейхсмаршал Геринг:

— Мой фюрер, каким образом противник добивается сосредоточения крупных сил, не прибегая к переброскам?

Для Главкoma ОКХ это не является секретом:

— Он, Геринг, стянул в район Будапешта все. Проблема стабилизации фронта здесь серьезна.

— По мнению генералов Велера и Балька, — продолжил доклад Гудериан, — командование сухопутных войск действовало в районе Будапешта недостаточно оперативно. Слишком медленно осуществлялся охватывающий удар 4-м танковым корпусом СС у озера Веленце. Это произошло из-за осложнений в передаче приказов и вообще в службе связи.

Фюрер не отрывается от картины:

— Когда наносишь удар по крупным силам противника, то от танковых дивизий толку нет. В этом случае танковая дивизия превращается в плохую пехотную, сопровождаемую самоходками и

поддерживаемую танками. Самоходки и танки становятся артиллерией сопровождения и ничем больше.

— Этот вопрос будет решен, мой фюрер, — Гудериан завершил «венгерскую тему» и перешел к анализу обстановки в полосе обороны группы армий «Центр» Шернера.

Гитлер вдруг прерывает его доклад вопросом:

— Где главная область добычи угля?

— Рыбник и Моравская Острава, — опередив начальника Генштаба ОКХ, ответил фюреру рейхсмаршал Геринг.

Касаясь ситуации на Берлинском направлении, Гудериан сообщил, что в этот день, 27 января, 9-я армия Буссе перешла в состав группы армий «Висла».

— Это хорошее решение, — Верховный Главнокомандующий бросил короткий взгляд в сторону Гудериана.

Гудериан ставит еще одну острую проблему:

— Положение, мой фюрер, таково. Те части, которые отступают согласно приказу, находятся в полном порядке, на их машинах лишних людей нет. Но в колоннах беженцев и в железнодорожных эшелонах прячется масса дезертиров. На повозках беженцев множество солдат устроилось в качестве повозочных и ездовых, которые переоделись в гражданское.

— На каком-то рубеже их останавливают, — говорит Гитлер. — Через Одерскую линию обороны они не пройдут. А если отдельные люди и просочатся, их нужно вернуть назад. Шернер докладывает, что уже вернул тринадцать тысяч человек.

Гитлер завершил совещание новым демаршем:

— Вы думаете, господа, что англичане преисполнены энтузиазма по поводу русского продвижения? Нет. По моему приказу англосаксам подкинуты документы, из которых следует, что вместе с russkimi на территорию рейха вступает двухсоттысячная германская армия, полностью проникнутая идеями коммунизма. Получив это сообщение, западные союзники почуютствуют, что их как будто пронзили острием!

Но... стремительное развитие событий на Востоке бескураживало и угнетало до безразличия почти всех. Гитлер же не сдавался. 29 января 4-я армия Хоссбаха прорвалась к Эльбингу и установила связь с 2-й армией Вейса. На следующий день командарм 4-й намеревался ввести в сражение три танковых дивизии и продолжить движение на запад с целью деблокады Восточно-Прусской группировки. Но тут фюрер получил телеграмму гауляйтера Коха, который обвинил 4-ю армию в дезертирстве, в трусливом стремлении пробиться к рейху. Последовало суровое возмездие. В ночь на 30 января генерал Хоссбах был снят с должности. В командование 4-й армией вступил генерал Мюллер.

Последний день января выдался в Главной Ставке особым.

Нарушив каноны заведенного фюрером порядка, утром 31 января Борман ворвался в спальные апартаменты Гитлера и запричитал: «Мой фюрер! Советские танки форсировали Одер вблизи Врицен! Они двигаются на Берлин!»

В середине февраля бомбардировки Берлина стали ежедневными и продолжительными. Гитлер окончательно покинул помпезные кабинеты новой Имперской канцелярии и переселился в бомбоубежище, сооруженное под бывшей резиденцией канцлера кайзеровской Германии.

Гитлер встретил начальника Генштаба ОКХ у порога малого конференц-зала и с ходу обрушил на него толику обвинений за все фронтовые провалы последних дней. 12 февраля он был вызван в бункер раньше дневного доклада.

— Вы знаете, Гудериан, что большевики овладели Каллисом и Нойведелем? Они захватили Бунцлау и прорвались к Квейсу! Мы бросили на Восток все силы, но результат удручающий. Красные продолжают прорыв на Берлин! — тело фюрера клокотало. — 3-я танковая армия отходит у Штаргарда. Пятится к Гёrlицу 4-я танковая армия. Я требую, Гудериан, отбросить русских, защитить Гёrlиц!

Гудериан уже не раз был «бит» в Главной Ставке. Все чаще тоже высказывался круто. Не сдержался и на этот раз:

— Мой фюрер! Восточный фронт — в кризисе. Войска Жукова в пятидесяти километрах от Берлина. Накапливаются силы для штурма Зееловских высот. Надо свернуть Западный фронт и защищаться с востока от большевиков!

— Судя по материалам Ялтинской конференции, Гудериан, похоже, и этот вариант становится для нас уже несбыточным, — невесело сказал Гитлер. — Рейх ждет безоговорочная капитуляция и последующее расчленение.

— Мой фюрер, Черчилль думает совсем иначе².

— Год назад, Гудериан, я сказал вашему предшественнику, Цейцлеру, что он неважный политик. Теперь вы напрашиваетесь на столь же нелестный комплимент...

Гитлер оборвал предложение, повернулся к вошедшему в комнату Геббельсу, пугливо спросил:

— Произошло что-нибудь плохое, Геббельс?

— Нет, мой фюрер. Фон Крозиг передал вам письмо. Он предлагает в качестве посредников для контакта с Английским правительством президента Международного Красного Креста Бургхардта и регента Португалии Салазара.

— Это, Геббельс, запоздалые шаги, — разочарованно хмыкнул в ответ Гитлер. — Мы, конечно, должны стремиться завязать переговоры с англосаксами, но наш главный противник большевики, а они на переговоры с нами не пойдут.

— Да, мой фюрер, — согласно кивнул Геббельс и добавил: — Ялта лишний раз подтверждает ваш вывод.

13 февраля, когда войска маршала Конева овладели Шпроттгау и Яуером, Гитлер подписал жесточайший приказ, согласно которому на всей территории рейха начали свирепствовать чрезвычайные военно-полевые суды.

После вечернего доклада Гудериана об обстановке на Восточном фронте за 14 февраля фюрер до полуночи беседовал с «партайгеноссе» Борманом. На краю катастрофы рейха им было что вспомнить, о чем в итоге посожалеть.

С начала февраля начальник Генштаба ОКХ Гудериан настойчиво добивался от Гитлера оставления внешних форпостов в Норвегии, Голландии и Италии и всемерного усиления войск на Востоке. Но фюрер не позволял даже из Курляндии взять две дивизии для усиления фронта по Одеру. Только игнорированием с его стороны реальной обстановки объяснялся тот факт, что не на Зееловские высоты, а для обороны Кенигсберга были переброшены отряды СД, штурмовиков, добровольных стражников и полиции безопасности.

Снятая с Западного фронта 6-я танковая армия СС Дитриха была также, вопреки предложению Гудериана, переброшена не на подкрепление 9-й и 4-й танковой армий, а в Венгрию, чтобы отвоевать там районы нефтедобычи.

Вечером 24 февраля канцлер Третьего рейха в последний раз встретился в своем бункере с гауляйтерами земель. Он вошел в большой конференц-зал, поддерживаемый рейхслейтером Борманом, и неуклюже опустился в кресло у торца стола. Некоторое время его напильные кровью глаза безучастно скользили по лицам недавно еще могущественных заправил Германии, не задерживаясь подолгу ни на одном из них. Но каждый из гауляйтеров понимал: «Вместе с фюрером уходила в небытие и их значительность, их безграничная власть, потому что послевоенной Германии потребуются новые люди, которые будут дорожить честью страны».

Пауза затягивалась. Гитлер собирался с духом, хотел поднести к губам стакан сока, но рука вновь сильно задрожала, и он не смог этого сделать. Опустив стакан на стол, обрел временную уверенность, задирсто бросил в зал:

— Возможно, господа, скоро вот так же будет трястись и моя голова. Но сердце — никогда!

В уголках его рта выступили пузырьки липкой слюны. Фюрер небрежно смахнул их трясущейся рукой и начал негромко говорить, все более и более распалиясь:

— Если кто-то отчаялся и считает, что все кончено и Германии уже не подняться, то он заблуждается. Я уверенно смотрю в будущее. У меня есть секретное оружие, и оно непременно сработает.

Есть и еще кое-что. В последний момент это поможет изменить ситуацию к лучшему, переломить обстановку. Надо только уметь ждать свой час!..

Утренний доклад Гудериана 25 февраля о положении на Востоке дышал оптимизмом. Войска оперативной группы «Земланд» продолжали атаковать позиции русских у Фишхаузена с целью удержания коридора до Кенигсберга. Начальник Генштаба ОКХ сознательно умолчал о прорыве войск Рокоссовского к Кёзлину и их наступлении на Данциг из района Бютова. Он предложил войска 11-й армии Штейнера переподчинить генерал-полковнику Раусу, переброшенному в район Штаргарда из Восточной Пруссии. Гитлер согласился с этим предложением, но вновь запретил отвод войск 2-й армии Вейса за Одер из Восточной Померании. «Ничего не сдавать без боя!» — исступленно кричал фюрер.

Доклад о прорыве войск Конева на Нейсе и блокаде гарнизонов в Глогау и Бреслау Гудериан тоже отложил на последующее время. Он понимал, что любое обсуждение в Главной Ставке ситуации на фронте 4-й танковой и 17-й армий Грэзера и Щульца не изменит к лучшему их тягостного положения. Лицезреть же очередной приступ буйства Верховного Главнокомандующего ему крайне не хотелось.

Хотя в последние февральские дни Восточный фронт будоражили лишь бои местного значения на Земландском полуострове, под Кенигсбергом и в Восточной Померании, в «бункере фюрера» нарастали предчувствия неизбежного обвала на Одере. Но рейхсмаршал Геринг бодро доносил в Главную Ставку об успехах реактивной авиации: «Ме-262 «Ласточка» атаковали бомбардировочные армады англосаксов, «Арадо-234» штурмовали боевые порядки танковых сил русских на Берлинском направлении».

С переходом русских в наступление 3 марта в Восточной Померании войска группы армий «Висла» терпели одну неудачу за другой. Гиммлер буквально разрывался между штабом группировок и Берлином, но предотвратить катастрофу было уже не в его власти. Не спасали положения и «выдвиженцы» Гудериана — генералы Венк и Раус, которых он сумел внедрить в командование эсэсовским объединением. Фронт на Одере стремительно деградировал. К исходу 4 марта 1-я гвардейская танковая армия Катукова, восточнее Деепа, прорвалась к побережью Балтийского моря.

Сообщение об этом вызвало переполох в «бункере фюрера». 3-я танковая и 2-я армии Рауса и Вейса оказались блокироваными в Восточной Померании. При анализе обстановки никто не смог ответить Гиммлеру на вопрос: «Что делать дальше?» Было еще не ясно, куда, на запад или на восток, повернет теперь свои ударные силы маршал Жуков.

Но «мелкие политики» доставляли Гитлеру удовольствие уже тем, что могли часами слушать его «откровения». 4 марта он впер-

вые изложил «верному Йозефу» свой удивительный план ближайших действий.

Фюрер привычно витал в небесах:

— Я создаю три основных зоны сопротивления, Геббельс. Первой зоной станет Берлин. Мы останемся здесь и будем его оборонять. Судьба войны может быть решена в Берлине. Вторую зону сопротивления я создам в Альпах, в Баварии. Ее возглавит Кессельринг. Командование в Италии он передаст Филингофу. Третья зона сопротивления уже создается в Норвегии и Дании под командованием Буша.

— Но что будет в центре Германии, мой фюрер?

— Вы, Геббельс, упреждаете важные детали моего плана. Я преднамеренно оставляю между зонами свободные пространства — от Гамбурга до Берлина и от Берлина до Альп. Можете быть уверены: именно в центре рейха столкнутся противоестественные союзники — большевистские Советы и сверхкапиталистическая Америка. Британское могущество быстро уменьшается. Ялтинские договоренности станут пустой бумажкой. Русские не удовлетворятся тем, что было согласовано в Крыму, и двинут свои танковые армии за условную демаркационную линию. Вот тогда западные страны будут вынуждены дать отпор большевикам и отбросить их назад. Увидите, Геббельс, все произойдет именно так!

— Ваш план, мой фюрер, вполне созвучен моим мыслям, но Сталин едва ли упустит свой победный шанс.

Гитлер тотчас круто переменил тему разговора:

— Я высоко ценю Сталина, Геббельс, как гениального человека. Он заслуживает безграничного уважения за выдержку и стойкость. Как и мне, ему присущи величие и непоколебимость. Он не знает штаний и неуступчивости, которые характерны для буржуазных политиков. В случае победы над Россией было бы надежней поручить управление ею Сталину, конечно, при германской гегемонии. Он лучше, чем кто-либо другой, способен справиться с русскими...

Разбор обстановки за 5 марта получился долгим и безрезультатным. Главком ОКХ был потрясен сообщением о том, что русские не только овладели Кёзлиным, но и окружили юго-западнее Польцина 10-й корпус СС и корпусную группу «Теттау». Гитлер возопил: «Генерал-полковник Раус должен принять все меры для деблокады этих сил, в противном случае ему скоро вообще нечем будет воевать!»

Вызванный в Главную Ставку командующий группой армий «Б» Модель потребовал от фюрера немедленно вернуть на Рейн 6-ю танковую армию СС Дитриха из Венгрии. Иначе, заявил «ретивый Модель», его войскам не удержать позиции по Рейну, поскольку напор американских армий нарастает.

В берлинском бункере Гитлер продолжал «воспитывать» «партайгеноссе» Бормана: «Пробило без пяти двенадцать, Борман. Положение серьезно, очень серьезно. Оно кажется почти безысходным. Но положение не может быть безнадежным. Как часто в истории немецкого народа наступали непредвиденные повороты. Старый Фриц в Семилетнюю войну все время находился на грани катастрофы. Зимой 1762 года он решил отравиться и даже назначил день, когда он это сделает, если к нему не придет военное счастье. И вот за три дня до назначенного срока умирает русская царица Елизавета. Чудом все обрачивается в его пользу».

Как Фридрих Великий, Борман, мы стоим перед коалицией врагов. Но коалиции — дело рук человеческих, держатся на волне отдельных лиц. Скажем, исчезнет Черчилль — и все изменится. Если его не станет, английская элита увидит бездну, которая откроется перед ней в результате того, что Европа отдана большевизму. Может наступить пробуждение. Мы еще можем победить, Борман, приложив последние усилия. Лишь бы нам хватило времени для последней схватки».

На оперативном совещании 7 марта Гудериан впервые доложил Главкому ОКХ об использовании минувшей ночью на четырех «Тиграх» 6-й танковой армии СС у озера Балатон приборов ночного видения, обеспечивающих наблюдение в темноте до четырехсот метров.

9 марта Гитлер приступил к реализации своего плана создания «оборонительных зон». Он объявил Берлин «крепостью». Комендантом города был назначенobergruppenfюрер СС Рейман, а имперским комиссаром по обороне столицы — Геббельс. Согласно их приказу, изданному по указанию фюрера, сотни тысяч берлинцев были брошены на сооружение трех линий укреплений.

Приказ звучал непреклонно: «Задача. Оборонять столицу до последнего человека и последнего патрона. Эту борьбу надо вести с фанатизмом, фантазией, с применением всех средств военной хитрости, с коварством, с использованием всевозможных подручных средств на земле, в воздухе и под землей. Предпосылкой для успешной обороны Берлина является удержание во что бы то ни стало каждого квартала, каждого дома, этажа, каждой воронки от снаряда! Речь идет не о том, чтобы каждый защитник столицы овладел техникой военного дела, а о том, чтобы каждый боец проникся фанатической волей и стремлением к борьбе, чтобы он сознавал, что мир, затаив дыхание, следует за ходом этой борьбы и что борьба за Берлин может решить исход войны».

Некоторый успех 6-й танковой армии СС Дитриха в дефиле между озерами Веленце и Балатон вскружил голову Верховному Главнокомандующему, и невзирая на большие потери в танках, он настаивал на продолжении прорыва в направлении Байи. До-

вод звучал убедительный: «Прорыв войск Велера к Дунаю повлечет за собой разрядку обстановки в Югославии, будет способствовать восстановлению положения во всем Дунайско-Карпатском регионе».

Гитлер придерживался ранее принятого плана операции. Он требовал, чтобы 2-я танковая армия де Анжелиса продолжала вспомогательный удар на Капошвар. Группа армий «E» Лера должна прорываться на Мохач, разрывая сплошной фронт по Драве 1-й болгарской и 3-й югославской армий. Действовать только так! Главком ОКХ проигнорировал предупреждение Гудериана об опасностях, которые таит операция русских на Моравско-Остравском направлении. Здесь 4-й Украинский фронт Петрова нацелился на Прагу. Армейской группе «Хейнриц» их напор не сдержать.

Гитлер не разделял этих опасностей. Напротив, он считал, что прорыв 6-й танковой армии СС Дириха к Дунаю заставит большевиков свернуть наступление на других участках и перебросить силы в Венгрию, чтобы непременно спасти ситуацию на своем левом фланге.

Начальник Генштаба ОКХ Гудериан выехал для вечернего доклада 12 марта на полчаса раньше обычного, чтобы при необходимости обогнать аэродром Темпельхоф, который с конца февраля круглогодично бомбила авиация противника. Кроме того, на этот раз его немало волновал сам доклад об обстановке на Восточном фронте. Русские пробились к побережью Данцигской бухты, севернее Гдыни, овладели Путцигом и крепостью «Кюстрин»... Гудериан взвешивал каждое слово, чтобы не вызвать гневного приступа Гитлера, и кто знает, каких именно и по отношению к кому можно ожидать назначенных им репрессий за допущенную потерю.

Крепость «Кюстрин» сдерживала напор большевиков на Берлинском направлении и вот не устояла. Войска Жукова и здесь, прямо против Берлина, оставили позади Одер.

13 марта Гудериан начал свой итоговый доклад о положении на Восточном фронте сообщением об операции группы армий «Юг» Велера у озера Балатон. Вновь 6-я танковая армия СС Дириха отбрасывала русских в направлении Дуная. Когда «генштабист» повторил вновь свое «отбрасывание», Гитлер сердито прервал его доклад на полуслове:

— Вы лучше скажите мне, Гудериан, когда же, наконец, наша ударная танковая группировка Дириха выполнит стоящую перед ней задачу и прорвется хотя бы к Дунафельдвару, не говоря уже о Байте? Когда 2-я танковая армия де Анжелиса захватит Капошвар, а войска Лера прорвутся к Мохачу? Вы готовы доложить мне об этом?

Гудериан ответил сначала на вторую часть вопроса:

— Мой фюрер, я уже докладывал вам накануне о том, что 68-й армейский корпус остановлен русскими на рубеже Чепея, а 91-й

армейский корпус овладел плацдармами на северном берегу Дравы. Он еще продолжает свои атаки.

Гитлер нехотя оторвал взгляд от огромной карты Восточного фронта, исподлобья посмотрел на Йодль:

— Это касается и вас, Йодль. Я хочу услышать сегодня о том, остаются ли у Дириха какие-нибудь шансы на успех? Могу ли я рассчитывать на него, скажем, на Одерском рубеже, а также в непосредственной битве за Берлин?

— Сегодня я не могу точно ответить на эти вопросы, мой фюрер, по двум причинам. Я не знаю, как долго вы намерены удерживать танковую армию Дириха на Балатонском участке. Это во-первых, — уклончиво ответил «главный оператор» вермахта. — Во-вторых, при ужасной работе железных дорог невозможно предсказать, сколько времени потребуется для переброски армии на Одерский участок.

— Ваши замечания, Йодль, справедливы, — согласился Гитлер. — Железнодорожные пробки стали для нас ахиллесовой пятой. Я был бы рад, если бы сейчас эшелоны двигались даже в два раза медленнее, чем раньше.

— Я все же считаю, мой фюрер, — продолжил доклад Гудериан, — что темп наступления у Дунафельдвара еще можно поднять, если ввести в бой 6-ю танковую дивизию.

— Но это последний резерв в группе армий «Юг»? — Гитлер посмотрел на Гудериана и снова обернулся к карте.

— Да, это так, мой фюрер, — подтвердил «генштабист». — Но у нас нет другого выхода. 2-й танковый корпус СС не в состоянии продолжать наступление, а в 6-й дивизии свыше ста пятидесяти боеспособных танков.

— Я согласен, Гудериан, но прорыв 6-й танковой дивизии должны поддержать отряды моей личной охраны...

Доклад начальника Генштаба ОКХ Гудериана 15 марта о производстве вооружения и боеприпасов удручал: «В январе выпуск танков Т-V «Пантера» составил всего семьдесят шесть единиц, в феврале — только пятьдесят восемь. Соответственно, выпуск танков Т-VI «Тигр» — одиннадцать единиц в январе и шесть — в феврале. Если в последнем квартале сорок четвертого года ежедневно отгружалось на фронт до пятидесяти эшелонов боеприпасов, то в начале марта — в пять раз меньше, лишь девять эшелонов».

Организации северного и южного укрепрайонов фюрер уделял каждодневное внимание. 16 марта, когда «партайгеноссе» Борман еще находился в Оберзальцберге, в бункере Главкома ОКХ были вызваны Шернер и Буш. Именно им Гитлер решил вручить судьбу укрепленных районов.

Особые надежды возлагались на Южную Германию. Там намечалось сосредоточить остатки разгромленного вермахта. Основу

оборонительной группировки должны были составить соединения группы армий «Центр» Шернера и войска Западного фронта Кесслеринга. Их дополняли остатки групп армий «Ц», «Ф» и «Е» Фитингхофа, фон Вейхса и Лера, отходящие из Северной Италии, Австрии и Югославии.

Настойчивые предложения Гудериана об оставлении Курляндии взъявили, наконец, некоторое действие. 17 марта фюрер вызвал в Имперскую канцелярию гросс-адмирала Деница, чтобы посоветоваться с ним по этой проблеме. Главком ВМФ оказался готовым к такому разговору. Дениц доложил Гитлеру, что удержание Западной Пруссии по-прежнему имеет решающее значение для ведения войны на море, но ВМФ не заинтересован в удержании Курляндии.

К 20 марта обстановка на Восточном фронте вновь круто изменилась к худшему. Не находя ответов на причины поражения 6-й танковой армии СС у озера Балатон, Гудериан заехал в середине дня к Гиммлеру и отчаянно запричитал:

— Не мне вам рассказывать, Гиммлер, о последних событиях на Восточном фронте. Русские только что заняли Браунсберг, разгромили нашу группировку у Альтдамма, а войска Малиновского прорвались к Дунаю. Сейчас уже не пять минут до двенадцати, а пять минут после двенадцати. Если мы сегодня не начнем переговоры на Западе, то завтра уже не будем в состоянии их вести. Я предлагаю вам вместе со мной поехать в Имперскую канцелярию и побудить фюрера немедленно просить западные державы о перемирии.

Командующий группой армий «Висла» возразил:

— Но я только что был у фюрера, Гудериан. Он еще верит в перелом на фронтах. Принято решение о переброске пяти дивизий на Одерский участок из Курляндии.

— Ни пять, ни десять дивизий нас уже не спасут, Гиммлер. Русские готовят серию неслыханных ударов у Кенигсберга, на Одере, на Венском направлении, — торопливо произнес Гудериан и неожиданно заявил: — Будет лучше, если накануне этих грозных событий вы передадите командование группой армий «Висла» в руки известных строевых командиров, например, генерала Хейнриши или фельдмаршала фон Вейхса. Я желаю вам добра, Гиммлер.

— Вы уже внесли такое предложение фюреру, Гудериан? — опешил Гиммлер. — Так все неожиданно.

— Такое предложение внес генерал-полковник Йодль, Гиммлер, — снова быстро выпалил «генштабист» и добавил: — Фельдмаршал Кейтель разделяет это предложение. У вас хватает других, не менее важных обязанностей. Требуются новые весьма срочные формирования фольксштурма. В нашем распоряжении осталось всего несколько дней.

— Стало быть, Гудериан, мне необходимо быстрее принять окончательное решение, не то оно будет принято без моего участия, — почти смирился с неминуемой перспективой командующий группой армий «Висла».

Разрастался кризис в полосе обороны армейской группы «Хейнрици» у Ратибора и Рыбника. Стало очевидно, что 21-я и 4-я гвардейская танковая армии Гусева и Лелашенко продолжат наступление с целью выхода в предгорья Судет. Командующий группой армий «Центр» Шернер настойчиво просил Генштаб ОКХ о маршевых подкреплениях, чтобы не допустить прорыва войск 1-го Украинского фронта Конева, в направлении Глатца, на стыке 17-й и 1-й танковой армий.

Контратаки войск группы армий «Юг» Велера, предпринятые 21 марта при поддержке ста тридцати танков и штурмовых орудий в направлении Несмия с целью деблокады Эстергомской группировки, не принесли видимого успеха. Бросив в сражение подошедший из района Ганта 23-й танковый корпус, русские силами 46-й армии Филиповского отбили все атаки и продолжили наступление на Дьер.

Чтобы как-то снять чрезмерное напряжение на флангах Восточного фронта у Данцигской бухты и на Венском направлении, начальник Генштаба ОКХ Гудериан на итоговом оперативном совещании 21 марта предложил подкрепить имеющимися резервами 9-ю армию Буссе и попытаться ликвидировать опасные плацдармы русских на Одере севернее и южнее Кюстринга и Франкфурта. Его предложение было принято. Но атаки, продолжавшиеся весь день 22 марта, никак не поколебали положения войск Жукова.

Верховный Главнокомандующий обвинил генерала Буссе в неудаче, не позволившей освободить гарнизон крепости «Кюстринг» и упрочить положение на Берлинском направлении. Тут-то и встал вопрос о смене командования в группе армий «Висла». Вместо рейхсфюрера СС Гиммлера ее войска возглавил генерал-полковник Хейнрици.

К исходу 22 марта 3-й гвардейский танковый корпус Панфилова пробился к Сопоту и разорвал на две части Данцигскую группировку Заукена. Лишь заградительная артиллерийская канонада тяжелого крейсера «Принц Евгений» не позволила войскам 2-го Белорусского фронта блокировать в тот день и крепость «Гданько». Она, как и Данциг, была переполнена ранеными, которые перебрасывались сюда в колоннах беженцев и по морю из Курляндии, из Кенигсберга и оперативной группы «Земланд», а также с позиций 2-й армии, еще удерживающей фронт западнее Эльбинга.

В этот же день окончательно угасла полководческая звезда «шефа» СС Гиммлера, так и не снискавшего победных лавров на поле боя ни на Западном, ни на Восточном фронтах. Увиденное

новым командующим группой армий «Висла» Хейнрици повергло его в уныние. Подчиненные ему войска не шли ни в какое сравнение с теми соединениями, которыми он командовал в сорок втором и сорок третьем на Украине. Отдельные боеспособные части были впопыхах слиты с частями из молодых не обстрелянных новобранцев, выздоравливающих, маршевых пополнений и подкреплений из Военно-Воздушных и Военно-Морских сил. Они дополнялись подразделениями из службы имперской трудовой повинности и уцелевших иностранцев-эсэсовцев.

В тот же день новый командующий группой армий «Висла» доложил Главному ОКХ о состоянии вверенных ему войск: «Их оборона не выдержит мощного натиска русских, если не будет необходимых резервов». Гитлер отверг эти опасения, заявив, что главный удар большевики непременно нанесут в протекторате Чехии и Моравии, и именно туда он намерен двинуть резервы. Возражения начальника Генштаба ОКХ Гудериана о неизбежности главного удара в центре Восточного фронта не были приняты во внимание, а спустя неделю решили и его «генштабистскую судьбу».

АПРЕЛЬ. ШТУРМ КЁНИГСБЕРГА

1

23 марта командующий 3-м Белорусским фронтом Василевский посетовал смежнику слева, Рокоссовскому:

— Зачем вы оттесняете на наш участок неприятельские войска, Константин Константинович?

Командующий 2-м Белорусским фронтом отшутился:

— Вы должны только радоваться этому, Александр Михайлович. Вам достанется больше пленных и трофеев.

— Нам хватает мороки с беженцами и не до пленных, — с недовольной ноткой возразил маршал Василевский.

Наиболее успешно развивалось наступление всех Украинских фронтов. В этот день, 23 марта, левофланговые 4-я гвардейская танковая и 21-я армии 1-го Украинского фронта нанесли удар в направлении Нейсе, важнейшего опорного пункта на пути к Глатцу и Дрездену. С ходу овладев железнодорожным мостом через реку Нейсе, наши войска сломили сопротивление соединений 17-й армии генерала Шульца на ближних подступах к городу и завязали уличные бои.

Одновременно в направлении Ратибора и Опавы продолжала наступление 60-я армия Курочкина. В одну линию с нею двинулись вперед на Моравско-Остравском направлении 38-я и 1-я гвардейс-

кая армии 4-го Украинского фронта Петрова. Создалась угроза окружения группировки 1-й танковой армии противника в районе Ратибора и Рыбника.

Ставка систематически анализировала развитие обстановки западнее Будапешта. 23 марта ею был утвержден с некоторыми корректировками представленный Военным советом 3-го Украинского фронта план дальнейших действий. Войскам фронта приказывалось развивать главный удар не на Сомбатхей, а в направлении Папа, Шопрон. В связи с этим уточнением, 6-й гвардейской танковой и 9-й гвардейской армиям Кравченко и Глаголева приказывалось наступать на Кесег. 4-я гвардейская армия Захватаева перегруппировалась правее 9-й гвардейской армии для наступления на Вену. 26-я армия Гагена наносила удар на Сомбатхей, а 27-я армия Трофименко — на Залаэгерсег. 57-я и 1-я болгарская армии Шарохина и Стойчева получили задачу не позднее 5 — 7 апреля овладеть районом Надьканжи.

К исходу 26 марта войска 65-й и 2-й ударной армий генералов Батова и Федюнинского, прорвав оборону 2-й армии генерала Заукена² на всю ее глубину, просились в предместья Данцига. Во избежание бессмысленного кровопролития гарнизону порта был направлен ультиматум с предложением капитулировать. В случае его отклонения жителям рекомендовалось покинуть город. Не получив ответа на ультиматум, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский отдал приказ начать штурм Данцига.

В середине дня 29 марта, когда правофланговые войска 3-го Украинского фронта освободили Капувар, Кесег и Сомбатхей, а передовые отряды 1-го гвардейского механизированного и 18-го танкового корпусов генералов Руссиянова и Говоруненко пробились на австро-венгерскую границу, командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Жуков по вызову Ставки прилетел в Москву. Пришло время обсудить план завершающей Берлинской операции.

Поздно вечером в тот же день, сразу после заседания ГКО, обсудившего ход восстановления важнейших народно-хозяйственных объектов в западных регионах страны и комплекс мероприятий по организованному проведению весеннего сева, Верховный Главно-командующий принял маршала Жукова. Поздоровавшись, Сталин, будто продолжая только что прерванный в этом же кабинете разговор, сказал:

— Судя по последним сообщениям, войскам союзников больше мешают разбитые дороги и грязь, чем слабая оборона немца. Рейн форсирован во многих местах без сопротивления. Сегодня союзники овладели Франкфуртом-на-Майне. Сейчас они близки к окружению Рура. Если это произойдет быстро, то Западный фронт немца рухнет.

— Ко всему прочему, союзники почему-то и нас пытаются ввести в заблуждение своей сомнительной информацией о возможных действиях немецких войск, — заметил Жуков.

— Что вы имеете в виду, товарищ Жуков? — Верховный остановился, искоса взглянул на собеседника.

Командующий 1-м Белорусским фронтом ответил:

— Я имею в виду ту оперативную информацию, которую начальник штаба американской армии Маршалл представил в наш Генштаб, товарищ Сталин, через военную миссию.

— Совершенно верно, — согласился Верховный и снова продолжил свои размежевые «челноки» вдоль кабинета. — Товарищ Антонов на днях направит американскому союзнику наш ответ. Пусть знают, что мы располагаем более достоверной информацией. Кстати, товарищ Жуков, как вы сами расцениваете противника на Берлинском направлении?

Командующий 1-м Белорусским фронтом извлек из портфеля «оперативку», разложил ее на столе перед Верховным. Сталин молча изучал ее и сделал вывод:

— Думаю, что драка нам предстоит серьезная.

— По нашим разведданным, товарищ Сталин, Верховное Командование вермахта сосредоточило здесь не менее девяноста дивизий, в том числе четырнадцать танковых и моторизованных, — сказал Жуков. — Кроме того, в самом Берлине формируется собственный стотысячный гарнизон.

— Да, я вижу, вашему фронту противостоят четыре армии немца, — согласился Верховный и тут же спросил: — Когда наши войска могут начать наступление?

Командующий 1-м Белорусским фронтом четко доложил:

— Не позже чем через две недели, товарищ Сталин. К этому сроку, видимо, будет готов и 1-й Украинский фронт. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Придется начать операцию, не ожидая помощи Рокоссовского. Он запаздывает на неделю, — подыточил Сталин, прошел к своему столу, взял из стопки документ, протянул его своему заместителю: — Вот прочтите. Иностранный доброжелатель недалек от истины, предупреждает нас.

Когда маршал Жуков прочитал письмо до конца и вернул его Верховному, Сталин участливо спросил:

— Ну, что вы об этом скажете, товарищ Жуков?

Заместитель Верховного высказался определенно:

— Все это, по-моему, вполне возможно, товарищ Сталин.

— Думаю, что Рузвельт все же не нарушит Ялтинские договоренности, а вот Черчилль может пойти на сепаратный створ. Само

согласие пойти на контакты с немцем — это скорее всего именно его, Черчилля, инициатива.

Верховный вернул письмо на прежнее место, позвонил в Генштаб, приказал Антонову быстрее приехать в Кремль.

Когда начальник Генштаба вошел в кабинет Сталина, Верховный, остановившись у торца стола, спросил:

— Как сейчас обстоят дела у маршала Рокоссовского?

— Гдыня очищена от противника, товарищ Сталин. В ближайшие двое суток Рокоссовский надеется взять Данциг.

— Когда товарищ Василевский приступит к штурму Кенигсберга? — снова спросил Верховный.

— В сегодняшнем донесении 3-го Белорусского фронта возможный срок обозначен 3 — 4 апреля, — начальник Генштаба мельком взглянул на разложенную на столе «оперативку», подтвердил: — Да, 3 — 4 апреля, товарищ Сталин.

Ознакомив затем и начальника Генштаба с письмом иностранного доброжелателя по поводу швейцарских переговоров союзников с немецкими представителями из СС, Сталин распорядился вызвать на 1 апреля в Ставку маршала Конева с планом Берлинской операции 1-го Украинского фронта.

Победное шествие советских войск на запад продолжалось. 30 марта, когда командующий 1-м Белорусским фронтом Жуков вместе с Антоновым анализировал проект плана Берлинской операции, его войска успешно завершили операцию в районе Кюстринга. Был ликвидирован «Кюстринский выступ» войск 9-й армии Буссе. 8-я гвардейская армия Чуйкова овладела крепостью «Кюстрин.

В этот же день войска 2-го Белорусского фронта Рокоссовского завершили разгром Данцигской группировки Заукена и овладели военно-морской базой на Балтике. Войска 2-го Украинского фронта Малиновского овладели Комарно, важным опорным пунктом группы армий «Юг» на Дунае.

Командующий 1-м Украинским фронтом Конев прилетел в Москву 31 марта и сразу включился в разработку замысла Берлинской операции, а затем доложил проект плана наступления войск своего фронта со стороны Котбуса на Берлин.

Вечером 1 апреля состоялось заседание Ставки с участием членов Политбюро ЦК и ГКО. Его открыл доклад начальника Генштаба Антонова о ситуации на советско-германском фронте и у союзников. По окончании доклада Верховный обратился к Жукову и Коневу с вопросом:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

На него ответил маршал Конев:

— Берлин будем брать мы, товарищ Сталин, и возьмем его обязательно раньше союзников!

Верховный внешне резонно возразил:

— А как вы сумеете создать для этого ударную группировку, товарищ Конев? Ваши главные силы находятся на левом крыле фронта, а их нужно перегруппировать на правое крыло, на Котбусское направление?

— Можете быть спокойны, товарищ Сталин, — уверенно ответил маршал Конев, — командование фронта успеет провести все необходимые мероприятия и группировка для наступления на Берлин будет создана своевременно.

Командующий 1-м Белорусским фронтом Жуков также подтвердил готовность своих войск овладеть Берлином.

— Берлин надо взять в кратчайший срок, — подытожил Верховный. — Обстановка требует подготовить и осуществить Берлинскую наступательную операцию в весьма ограниченное время: начать ее не позднее 16 апреля и завершить в течение двенадцати — пятнадцати дней, до 1 мая.

В ходе уточнения плана Берлинской операции был решен и проблематичный вопрос о разграничительной линии между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. Заслушав мнения Жукова, Конева и Антонова, Верховный решил его по-своему. На карте общего плана операции Сталин зачеркнул ту часть разграничительной линии, которая отрезала войска 1-го Украинского фронта от Берлина, оборвав ее у Люббена, в шестидесяти километрах от столицы рейха.

Свое решение Верховный сопроводил словами:

— Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин!

Военный совет 1-го Белорусского фронта представил в Генштаб два варианта плана Берлинской операции — «А» и «Б». По варианту «А» предусматривалось развернуть наступление фронтовых сил с того рубежа, который они занимали на 28 марта. Главный удар наносился с Юстринского плацдарма силами трех общевойсковых и двух танковых армий. По варианту «Б» предполагалось первоначально осуществить ряд частных операций с целью улучшения оперативного положения войск фронта.

Поскольку основная роль в овладении Берлином отводилась Ставкой войскам 1-го Белорусского фронта, то его полоса была сужена до семидесяти пяти километров. Ставка потребовала от маршала Жукова создать на направлении главного удара артиллерийскую плотность не менее двухсот пятидесяти единиц на один километр фронта. Он был подкреплен восемью артиллерийскими дивизиями прорыва.

Главную задачу 1-го Украинского фронта маршала Конева Ставка сконцентрировала на разгроме противостоящих соединений 4-й танковой армии генерала Грэзера в районе Котбуса. После ее выполнения войскам фронта, наступающим на Лукенвальде и Армс-

дорф, предстояло овладеть рубежом Беелитц – Виттенберг и далее по Эльбе до Дрездена. Главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий наносился из района Трибель в общем направлении на Шремберг, Бельциг. Частью своих правофланговых сил фронт должен был содействовать войскам 1-го Белорусского фронта в овладении Берлином. В дальнейшем им предстояло наступать на Лейпциг.

На заседании Ставки 1 апреля Сталин приказал командующему 1-м Украинским фронтом разработать и такой вариант действий 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, когда они после прорыва оборонительного рубежа на Найсе будут обязаны нанести концентрический удар по Берлину с юга.

Хотя штурм Кенигсберга был назначен Военным советом 3-го Белорусского фронта на 6 апреля, за четверо суток до его начала фронтовая авиация и артиллерия принялись методически разрушать разведанные долговременные оборонительные сооружения Восточно-Прусской цитадели. Результаты проделанной «работы», заснятые воздушной разведкой на плёнку, ежедневно тщательно анализировались маршалом Василевским, и последующие действия бомбардировочной авиации в глубине вражеской обороны строго корректировались фронтовым штабом.

Весь день 2 апреля и следующую ночь командующие 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами Жуков и Конев продолжали отработку своих фронтовых планов по Берлинской операции в соответствии с директивами Ставки. Окончательно уточнялись вопросы взаимодействия с авиацией, обеспечения боеприпасами, горючим, мостовым хозяйством. Огромной проблемой для маршала Конева стала предстоящая переброска на Котбусское направление 28-й и 31-й армий генералов Лучинского и Шафранова из состава 3-го Белорусского фронта. На рассвете 3 апреля оба командующих ударными фронтами вылетели из Москвы на передовую.

Решение командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Жукова на Берлинскую операцию включало нанесение главного удара силами четырех общевойсковых и двух танковых армий с Костринского плацдарма с целью разгрома вражеской группировки, прикрывающей Берлинское направление и овладения столицей Третьего рейха.

Для обеспечения успеха главной ударной группировки, по замыслу командующего фронтом, севернее и южнее ее полосы прорыва наносилось два вспомогательных удара.

При общей глубине операции сто шестьдесят пять километров и ее продолжительности двенадцать – пятнадцать дней темп наступления стрелковых соединений планировался одиннадцать – четырнадцать километров.

Решение командующего 1-м Украинским фронтом Конева на Берлинскую операцию включало нанесение главного удара силами 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской общевойсковых армий, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий Гордова, Пухова, Жадова, Рыбалко и Лелашенко из района Трибель в направлении Шпремберг, Бельциг с целью разгрома группы армий «Центр» Шернера в районе Котбуса и южнее Берлина, и прорыва на десятый – двенадцатый день операции к рубежу Беелитц – Виттенберг – Дрезден.

При глубине операции сто пятьдесят километров суточный темп наступления для стрелковых дивизий был установлен четырнадцать, для подвижных – тридцать километров.

Завершив Восточно-Померанскую наступательную операцию, войска Рокоссовского без всякой оперативной передышки включались в подготовку Берлинской операции. Согласно директиве Ставки, 2-му Белорусскому фронту следовало в кратчайшие сроки перегруппировать главные силы на запад, на Штеттин – Ростокское направление, и сменить группировку 1-го Белорусского фронта на исходном, одерском рубеже: Кольберг – Штеттин – Шведт.

Всего сутки назад войска наступали на восток, освобождая от врага балтийское побережье. Теперь их надо было повернуть лицом на запад и форсированным маршем преодолеть свыше трехсот километров. Это был сложный маневр войск целого фронта, аналога которому не случалось ни в одной предыдущей наступательной операции. Из-за крайне ограниченных возможностей железных дорог командованием фронта было решено перевозить эшелонами лишь тяжелую артиллерию, танки и САУ. Стрелковые соединения перебрасывались комбинированным способом, перекатом – то на колесах, то пешком.

План операции войск 2-го Белорусского фронта заключался в нанесении главного удара силами 65-й, 70-й и 49-й армий; 1-го, 8-го и 3-го гвардейских танковых, 8-го механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов на участке Альтдамм – Ниппервизе с дальнейшим развитием наступления в общем направлении на Нойштрелитц. На двенадцатый – пятнадцатый день операции войска фронта должны были выйти на рубеж Нойенкирхен – Деммин – Мальхин – Варен – Виттенберге.

После прорыва Одерского оборонительного рубежа и ввода в бой подвижных соединений наступление главных сил 2-го Белорусского фронта должно было развиваться в западном направлении с целью отсечения 3-й танковой армии Мантейфеля от Берлина и уничтожения ее в прибрежных районах Балтийского моря. Успешное выполнение этих задач облегчало маневр войск правого крыла 1-го Белорусского фронта, осуществлявших охват Берлина с севера.

6 апреля на Балтийском побережье установилась ясная солнечная погода. В двенадцать часов, после мощной артиллерийской подготовки, вслед за огненным валом, на штурм крепостных укреплений Кёнигсберга двинулись пехота и танки 3-го Белорусского фронта. Спустя два часа во всю силу развернулась наша авиация. С запада на Кёнигсберг накатывались волны бомбардировщиков Краснознаменного Балтийского флота, с севера – 15-й, с востока – 3-й, с юга – 1-й, со всех сторон – 18-й воздушных армий.

Без малейших колебаний на штурм вражеской твердыни шли наши бесстрашные бойцы. 2-я гвардейская армия Чанчидзе сковывала войска оперативной группы «Земланд». 5-я армия Крылотова, вместе с 39-й и 43-й армиями Людникова и Белобородова, рвались к центру города с северной полусфера. С востока и юга удар наносили 50-я и 11-я армии Озерова и Галицкого.

В течение первого дня боев войска 3-го Белорусского фронта продвинулись до четырех километров, заняли и блокировали шесть фортов в северо-западной части Кёнигсберга. Было очищено от врага тринацать прилегающих к городу-крепости населенных пунктов, перерезана железная дорога Кёнигсберг – Пиллау. Вечером 6 апреля маршал Василевский доложил в Ставку, что единой оборонительной системы восточно-прусской столицы уже не существует.

Второй день штурма цитадели оказался решающим. Враг предпринимал яростные контратаки, с участка на участок перебрасывал отряды фольксштурма, бросил в сражение последние резервы. Но все попытки остановить наши войска терпели неудачу. 7 апреля кольцо блокады города-крепости сжалось еще на четыре километра. Передовые соединения овладели тремя фортами и ста тридцатью кварталами.

Целеустремленно готовил войска к завершающей Берлинской операции Военный совет 1-го Белорусского фронта. 7 апреля завершилось трехдневное совещание и командная игра на картах и макете Берлина. В них участвовал весь начальствующий состав фронта и армий. Атмосфера в Ландсберге царила творческая. Каждый участник командной игры напряженно думал над тем, что необходимо еще предпринять, чтобы подавить противника в начале операции. Родилась идея ночной атаки с применением прожекторов.

Директивой Ставки обе гвардейские танковые армии вводились в сражение для удара по Берлину с северо-востока, на участке Бацлов – Букков, с задачей обхода его севернее. Но в процессе обсуждения этого вопроса возникли опасения за успешный прорыв главной укрепленной полосы противника на участке 8-й гвардейской армии Чуйкова, на решающем направлении фронта, в районе Зеевловских высот, в двенадцати километрах от исходного переднего края.

Поздно вечером 7 апреля маршал Жуков позвонил в Ставку, обрисовал новое видение развития обстановки. Верховный Главнокомандующий задал два-три уточняющих вопроса о состоянии обороны противника и наличии у него резервов, закончил разговор словами:

— Действуйте, как считаете нужным, товарищ Жуков. Вам на месте виднее. Я согласен с выводами военного совета фронта.

Командующий 1-м Белорусским фронтом тотчас распорядился о сосредоточении 1-й гвардейской танковой армии генерал-полковника Катукова южнее Кюстринена, в полосе наступления 8-й гвардейской армии генерал-полковника Чуйкова, в тылу ее боевых порядков.

Вторая половина дня 7 апреля выдалась для Сталина исключительно напряженной. С одной стороны, он продолжал внимательно следить за развитием обстановки в Восточной Пруссии. Войска 3-го Белорусского фронта Василевского продолжали штурм Кенигсберга, прорываясь к центру города-крепости. В этот же день войска 3-го Украинского фронта, 46-я армия Петрушевского с севера и 6-я гвардейская танковая армия Кравченко с юга прорвались к Дунаю у Корнейбурга, отрезав пути отхода гарнизона Вены на запад.

Продолжался штурм Кенигсберга. Блокированный со всех сторон враг бешено сопротивлялся, контратаковал. Но в пламени и дыму пожаров, грохоте падающих железобетонных укреплений наши солдаты шли напролом. Преодолев внутренний оборонительный обвод, войска 43-й армии Белобородова очистили северо-западную часть города. 11-я гвардейская армия Галицкого, наступая с юга, форсировала реку Прегель. Гарнизон крепости оказался рас切成енным на две части, отрезанным от оперативной группы «Земланд».

Стремясь избежать напрасных жертв, 8 апреля командующий 3-м Белорусским фронтом маршал Василевский обратился к солдатам, офицерам и генералам Кенигсберга с предложением сложить оружие и сдаться. Ответа на него не последовало. Бессмысленное сопротивление продолжалось.

С утра 9 апреля на крепость обрушился огненный смерч невероятной силы. Ее громили пять тысяч орудий и минометов. Сокрушительный удар обрушили на уцелевшие укрепления полторы тысячи бомбардировщиков. Боевой дух защитников Кёнигсберга был сломлен. Началась массовая сдача гитлеровцев в плен. В конце дня сдался комендант города-крепости генерал Лаш. Он отдал приказ подчиненным частям о капитуляции. В плен было взято девяносто две тысячи уцелевших «фанатов». В их числе оказались тысяча восемьсот офицеров и четыре генерала.

Хотя важных событий к исходу 9 апреля набралось достаточно,

на итоговом докладе Верховный предложил Антонову дать оценку развития ситуации на Западном фронте.

Начальник Генштаба лаконично доложил:

— Экспедиционные силы союзников, товарищ Сталин, продолжают ликвидацию крупнейшей группировки гитлеровцев в Руре. Речь идет о войсках группы армий «Б» фельдмаршала Моделя. По-видимому, в пределах ближайших семи — десяти дней судьба ее будет окончательно решена.

Верховный остановился рядом с Антоновым, взгляделся в разложенную на столе «оперативку», спросил:

— Сколько километров по прямой от Дортмунда до германской столицы, товарищ Антонов?

— С небольшим допуском четыреста километров.

— А какого суточного темпа продвижения достигли союзные армии с середины февраля?

— Темп у них не высокий, товарищ Сталин. До сих пор он не превышал пяти — семи километров.

— Но с ликвидацией группировки Моделя войска Эйзенхауэра двинутся в направлении Берлина быстрее?

— Да, товарищ Сталин, — кивнул головой Антонов.

— Нам известно что-нибудь о резервах гитлеровцев на их пути между Руром и Берлином, товарищ Антонов? — вступил в разговор маршал Ворошилов.

— Известно, Климент Ефремович, — генштабист скользнул взглядом по «оперативке»: — Вот тут, между Ганновером и Нордхаузеном, имеется группа до двух дивизий.

— С разгромом Рурской группировки путь на Берлин для союзных армий будет открыт, — как бы для себя сделал вывод Верховный и тут же добавил: — Вот почему, товарищ Антонов, войска Жукова и Конева должны начать Берлинскую операцию в директивные сроки.

— При нынешних темпах наступления, товарищ Сталин, войскам союзников понадобится не меньше месяца, чтобы дойти до Берлина, — вставил реплику нарком Берия.

Верховный бросил короткий взгляд в сторону Берии, но обратился снова к начальнику Генштаба:

— Ставка должна решить вопрос, товарищ Антонов, по 2-му Белорусскому фронту. Нельзя допустить промедления с началом наступления Рокоссовского на Росток. Взятие Кёнигсберга дает нам возможность для маневра подвижными силами. Надо определиться, что необходимо оставить Василевскому для ликвидации Земландской группы, а что перебросить Рокоссовскому. Время — наш главный союзник.

Эта весть 12 апреля озадачила всю планету. Реакция выдалась крайне противоречивой. В середине этого дня умер президент

Америки Рузвельт. Умер очень не кстати, меньше месяца не дожив до полной Победы над врагом.

Вечером 13 апреля председатель СНК принял американского посла в Москве. Беседа получилась долгой. Поздоровавшись за руку, Сталин спросил Гарримана:

— Была ли смерть президента Рузвельта неожиданной?

— Да, была неожиданной, маршал Сталин, — подтвердил посол и пояснил свою мысль: — В течение последнего года президент страдал болезнью сердца. Но его личный врач, адмирал Макинтайр, говорил мне во время Ялтинской конференции, что состояние его здоровья таково: он может прожить или очень долго, или может внезапно умереть.

Дождавшись конца перевода, Гарриман добавил:

— Я думаю, маршал Сталин, что вы были, вероятно, единственным человеком в мире, который получил последнее послание Рузвельта. Кстати, я вчера также получил личную телеграмму от президента. Тон его телеграммы свидетельствовал о его бодром настроении.

— Таким образом, господин Гарриман, смерть президента наступила внезапно, — сделал вывод Сталин.

— Да, внезапно, маршал Сталин, — подтвердил американский посол. — Но я пришел к вам, полагая, что у вас возникли вопросы о положении в Америке.

— Я полагаю, господин Гарриман, что в политике Соединенных Штатов не произойдет изменений?

Американский посол солидарен с этим выводом:

— Да, я убежден, маршал Сталин, что во внешней политике Америки не произойдет изменений. Вчера я говорил господину Молотову, почему президент избрал Трумэна в качестве своего заместителя. Трумэн всегда разделял и горячо поддерживал программу президента.

— Советское правительство полагает, что Трумэн будет продолжателем дела Рузвельта. Со своей стороны Советское правительство окажет ему в этом поддержку.

— Я передам президенту Трумэну это ваше весьма важное заявление, маршал Сталин, — заявил Гарриман...

В заключение встречи Сталин сообщил американскому послу, что 13 апреля Красная Армия заняла Вену. Нужно, чтобы американцы и англичане послали своих офицеров в столицу Австрии для разграничения там зон оккупации между войсками союзников, включая Францию.

Поздно вечером 15 апреля, почти одновременно, командующие 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами маршалы Жуков и Конев доложили в Ставку о полной готовности своих войск к началу Берлинской операции.

В пять утра 16 апреля, по плану, гром артиллерийской канонады разорвал предутреннюю темноту Кюстринского плацдарма. В течение двадцати минут на боевые порядки врага обрушилось свыше полумиллиона снарядов и мин всех калибров. Бомбардировочные соединения 4-й и 16-й воздушных армий Вершинина и Руденко нанесли массированные удары по штабам противника, его артиллерийским позициям, третьей и четвертой траншеям главной полосы обороны. Оборонительные объекты в глубине, на Зеевских высотах подавлялись бомбовыми ударами 18-й воздушной армии Главного маршала авиации Голованова.

Характерной особенностью начальной фазы Берлинской операции в полосе прорыва 1-го Белорусского фронта явилось применение зенитных прожекторов для ослепления противника. Всего было задействовано сто сорок три установки. Они были расположены по фронту на удалении до двухсот метров один от другого и в полукилометре от передовой. Их ослепляющие лучи пронзали боевые порядки 9-й армии Буссе на глубину до пяти километров, выхватывая из темноты объекты атак для нашей пехоты и танков. Это была картина огромной впечатляющей силы.

В шесть пятнадцать, когда войска маршала Жукова уже перешли в наступление на участке главного удара, во всех армиях ударной группировки 1-го Украинского фронта началась сорокаминутная артиллерийская подготовка. Почти четырехсоткилометровый передний край от Форста до Крнова покрыла густая дымовая завеса.

Как только артиллерийская канонада переместилась в глубину вражеской обороны, войска ударных соединений 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской армий Гордова, Пухова и Жадова начали форсирование Нейсе. С захватом плацдармов на западном берегу саперные части тотчас приступили к наведению pontонных мостов.

В пятнадцать часов командующий 1-м Белорусским фронтом позвонил в Ставку, доложил Верховному:

— Товарищ Сталин, первая и вторая позиции обороны противника прорваны. Войска фронта продвинулись вперед до шести километров, но встретили сильное сопротивление у рубежа Зеевских высот, где уцелела оборона 9-й армии. Для усиления удара я ввел в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня войска фронта преодолеют Зеевский оборонительный рубеж.

Необычно рано 16 апреля Сталин позвонил в Генштаб и приказал Антонову каждый час докладывать ему о развитии обстановки в полосе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Выслушав доклад Жукова, он сказал:

— У Конева оборона противника оказалась слабее. Его войска успешно форсировали Нейсе и продвигаются вперед без особого

сопротивления. Поддержите удар своих танковых армий бомбардировочной авиацией.

Вечером Жуков отдал приказ войскам фронта: наступление продолжать в течение ночи на 17 апреля. Утром следующего дня прорвать вторую полосу обороны противника, для чего сосредоточить на участках прорыва двести пятьдесят — двести семьдесят стволов на километр фронта и провести тридцатиминутную артиллерийскую подготовку.

Практически схожим образом складывалась обстановка и в полосе наступления войск 1-го Украинского фронта. Прорвав на участке Форст — Мускау главную полосу обороны 4-й танковой армии и продвинувшись до тринадцати километров, ударная группировка достигла второй полосы обороны и завязала бои за овладение ею с контратакующей 21-й танковой дивизией противника. Поэтому задачу первого дня — пробиться на рубеж Древитц — Комптендорф — Вейсвассер — выполнить полностью не удалось.

Чтобы создать перелом в развитии операции на направлении главного удара фронта, маршал Конев приказал командующему 28-й армией Лучинскому ускорить выдвижение его дивизий в направлении Берлина вслед за 3-й гвардейской танковой армией Рыбалко.

Вечером 16 апреля Жуков вторично позвонил в Москву. Его разговор с Верховным получился взрывоизмененным.

— Зееловские высоты, товарищ Сталин, господствуют над окружющей местностью, имеют круглые скаты по восточной полусфере и являются во всех отношениях серьезным препятствием на пути к Берлину. Раньше завтрашнего вечера этот рубеж взять не удастся, — доложил Жуков.

— Вы напрасно ввели в дело, товарищ Жуков, 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не на участке 3-й ударной армии, как планировала Ставка, — с укоризной сказал Верховный и тут же спросил: — Есть ли у вас уверенность, товарищ Жуков, что завтра ваши войска все-таки преодолеют Зееловский рубеж?

Уверенность не изменила маршалу Жукову:

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня, товарищ Сталин, оборона на Зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник бросит своих резервов на этот рубеж, тем быстрее мы возьмем затем Берлин.

— Ставка готовит директивы Коневу, чтобы он двинул гвардейские танковые армии Рыбалко и Лебяженко на Берлин с юга, и Рокоссовскому, чтобы он ускорил форсирование Одера и тоже удалил в обход Берлина с севера, — сказал Верховный. — Надо быстрее взять германскую столицу в кольцо и добить гарнизон авиацией и артиллерией.

Маршал Жуков высказал, однако, свое «особое мнение»:

— 3-я и 4-я гвардейские танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться в направлении Лукенвальде и Потсдама и им надо поставить такую задачу, товарищ Сталин. А вот войска Рокоссовского не смогут начать наступление раньше 23 апреля, так как не имеют переправочных средств для форсирования нижнего Одера.

— Ставка поможет 2-му Белорусскому фронту такими средстваами, — закончил «сердитый разговор» Верховный.

2

Катастрофа Германии стала фатальной неизбежностью. Кризис охватил и последнее прибежище самых благоверных сторонников Гитлера — нацистскую партию. Ее аппарат и фашистское правительство, двенадцать лет служившие орудием реакционных кругов монополистического капитала, оказались парализованными. 23 марта начальник Главного имперского управления безопасности обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер открыто заявил рейхслейтеру Борману о полном развале нацистского аппарата.

Оперативное совещание ночью 24 марта в «фюрер-бункере» было долгим и проходило в отсутствие высших чинов вермахта. Обстановка на Западном и Восточном фронтах анализировалась Гитлером при участии их представителей, офицеров ОКВ и ОКХ, шеф-адъютанта генерала Бургдорфа, посла Хевеля, хауптберайхслейтера Цандера.

Не приняв по Западному фронту никаких решений, Гитлер предложил Цандеру представить ему все донесения по Бреслау, а затем заслушал представителя ОКХ де Мезьера о ситуации на Востоке. Хорошо изучив поведение фюрера на совещаниях, де Мезьер искусно обходил «острые места»:

— В полосе 2-й танковой армии бои на выступе южнее озера Балатон завершены. Взято сто пятьдесят пленных, мой фюрер. На фронте 6-й армии положение продолжает осложняться. Балатон-фюрер был сегодня атакован, но находится прочно в наших руках. Однако русские, в наступлении которых принимают участие танки, прорвались до Папа. Веспрем — в руках противника. Восточнее Веспрема и к западу от него вдоль железной дороги выставлено охранение. В него входят силы 3-й и 4-й кавалерийских дивизий, 9-й дивизии СС, а также 3-й танковой дивизии.

— Правильно, де Мезьер, — взбодрился Гитлер, — нельзя пропускать большевиков у озера Балатон. Если они там прорвутся, то делать в Венгрии станет больше нечего.

— Такой приказ уже отдан, мой фюрер, — представитель ОКХ снова обратился к «оперативке». — У меня имеются данные о том, какие силы 1-й танковой дивизии и дивизии «Хох унд Дойчмайстер» вышли из окружения. В районе Марко образовалась брешь. Позиции у Шарвара и Тюрье удерживает дивизия «Лейбштандарт», но...

Главком ОКХ прервал докладчика на полуслове:

— Никаких «но». Я требую сейчас одного: чтобы в дивизии «Лейбштандарт» и в 6-й танковой армии СС были брошены в бой все до последнего человека, где бы они ни находились. Об этом немедленно сообщите Дитриху!

— Севернее Варполоты, мой фюрер, — тоже брешь, — продолжил доклад де Мезьер. — Как далеко русские углубились в лес, еще не ясно. У Секешфехервара предпринята контратака силами 6-й танковой дивизии и 2-й дивизии СС.

— Я хочу выяснить следующее обстоятельство, де Мезьер. Несколько дней назад из Бреслау поступило донесение, будто бы русские используют при осаде чрезвычайно тяжелые боевые средства, а городу и крепости нечего им противопоставить, — Гитлер говорил медленнее обычного, неуверенно. — Далее, мне представляют дело так, будто бы невозможно перегравить одновременно в Бреслау шесть тяжелых пехотных орудий и боеприпасы. Я этого не потерплю! Авиация перебросит туда и тяжелые пехотные орудия и боеприпасы к ним. Нужно всего шесть самолетов.

Представитель ОКХ смело уточнил:

— Из шести тяжелых пехотных орудий три уже переброшены прошлой ночью. Одно вышло при этом из строя, так что в боевой готовности находятся два. Остальные три должны прибыть к месту назначения сегодня.

Верховный Главнокомандующий был непреклонен:

— Передайте, фон Белан, немедленно: орудия перебросить в Бреслау во что бы то ни стало.

— Противник сосредоточивается для атаки в южной части Глогау, — продолжил доклад представитель ОКХ.

— Меня беспокоит этот участок, — сказал Гитлер. — У Глогау, де Мезьер, имеется слабая танковая группа.

— Здесь танковая группа 21-й танковой дивизии, мой фюрер, — уточнил представитель ОКХ. — По последним донесениям в ней имеется около пятидесяти танков.

— Мой фюрер, — вставил реплику шеф-адъютант Бургдорф, — Шернер хочет вывести в резерв 21-ю танковую дивизию целиком. Эти действия проблематичны.

— В район Глогау прибывают крепостные батальоны. Когда они вступят в бой, в резерв можно вывести либо 21-ю танковую дивизию, либо дивизию «Бранденбург». Это еще не выяснено, мой фюрер, — заявил де Мезьер.

— Теперь о 4-й армии, — продолжил доклад представитель ОКХ.
— В течение всего дня противник вел на ее фронте атаки, каждую, мой фюрер, силами батальона или полка. Вплоть до исхода дня все атаки отбивались.

Главком ОКХ переводит взгляд на Западный фронт:

— Скажите, Брудермаллер, когда прибудут из Италии оба парашютных полка? Они уже в пути?

Представитель фельдмаршала Кессельринга доложил:

— Сейчас я этого доложить не могу. Я наведу справки.

Оперативное совещание в «фюрер-бункере» 24 марта закончилось в начале шестого ничем: никаких конкретных решений на нем Гитлером принято не было. Фронтовая обстановка между тем быстро ухудшалась.

Тревожило положение на Восточном фронте. Разорвав линию обороны 2-й армии Заукена у Сопота, русские продолжали атаковать ее позиции в предместьях Гдыни и Данцига. 25 марта войска Рокоссовского овладели Оливой. Лишь мощный заградительный огонь корабельной артиллерии помог устоять в этот день гарнизону Гдыни.

Тяжелыми выдались события в полосе обороны 9-й армии Буссе на Одере. Отбив атаки ее дивизий вблизи Одерских плацдармов, войска Жукова сами перешли в наступление с целью перерезать «питательное горлышко» крепости «Кюстрин» и расширить левобережные плацдармы.

Глубокий кризис разрастался в полосе обороны группы армий «Юг» Велера. В течение одних суток подверглась разгрому Эстергомская группировка. Русские овладели ключевыми опорными пунктами — Банска-Бистрица и Варошлед, устремились к Братиславе и Вене.

Гитлер устроил подлинный допрос начальнику Генштаба ОКХ. Почему не удалось контрудар 9-й армии на Одере и положение крепости «Кюстрин» осложнилось? Почему потерпела поражение 6-я танковая армия СС у Балатона? Почему медленно передислоцируются в районы Миттенвальде и Пассова моторизованные дивизии 3-й танковой армии? Почему до сих пор не переброшена на Котбусское направление 1-я парашютная танковая дивизия «Герман Геринг»?

Гудериан отбивался изо всех сил и на все поставленные вопросы по Восточному фронту ответил фюреру вполне убедительно. Но он не смог ответить на его «политические вопросы»: «Кто уполномочил начальника Генштаба ОКХ вести разговоры о бесполезности сопротивления на Западном фронте?» Только он, Гитлер, но ни Риббентроп, ни Штеер, может найти политический выход из войны. На высокой ноте Гитлер бросил ошарашенному начальнику Генштаба ОКХ: «Ваше здоровье, Гудериан, надломилось и требует немедленного лечения!»... Это была отставка.

Тяжелые поражения на подступах к Кенигсбергу и у Данцигской бухты, утрата Зорау, Лослау, Кишбера и Тета 26 и 27 марта на правом фланге ускорили поиск преемника генерал-полковнику Гудериану. 28 марта на эту должность, по предложению генерала Бургдорфа, был назначен генерал Кребс.

Трагический финал стремительно приближался.

На какое-то время Гитлер предстал перед Йодлем в прежней своей неотразимости. Он метал громы и молнии, обвиняя всех и вся в предательстве. Нервно передвигаясь взад-вперед по малому конференц-залу, фюрер не волочил ноги, у него на какое-то время перестали трястись руки. Болезненное состояние Гитлера выдавали лишь кровяные глаза, которые вылезали из орбит, а также истощенные визгливые заклинания. Порой он старался перекричать самого себя.

— Если блокирование группы армий «Б» в Руре допущено по вине Моделя, то его следует отстранить от командования! Запросите Кессельринга, и я тотчас отдам приказ. Я не могу понять, чтобы триста тысяч наших войск не могли остановить прорыв англосаксов в Руре! Подготовьте мой категорический приказ, Йодль, чтобы Модель нанес контрудары по их войскам у Эссена и Марбурга. Вермахт всегда был сильнее и англичан и американцев. Мы должны нанести англосаксам поражение в Руре! Я буду непреклонен!

Начальник штаба Оперативного руководства ОКВ достаточно изучил «повадки фюрера» и в дни побед и в дни поражений. Вывод для себя сделал однозначный — не торопиться с возражениями. И на этот раз Йодль переждал приступ крайней экзальтации Главкана ОКХ и, лишь когда Гитлер умолк, бесстрастно возразил:

— Мой фюрер, Кессельринг менее недели находится в командовании группировкой войск на Западе. Ему трудно в короткий срок овладеть обстановкой, тем более в условиях наступления противника на широком фронте. При господстве в воздухе англосаксам удалось навязать Моделю свой план действий. «Линия Зигфрида» позади, и поэтому...

Гитлер притормозил посреди комнаты, занес над собой кулаки, прервал «главного оператора» ОКВ на полуслове:

— Так и «линия Зигфрида» оказалась позади, Йодль. А ведь я приказывал удерживать ее до конца! Против русских Модель действовал удачливее... Как все переменилось.

— В разных операциях, мой фюрер, и в России получалось по-разному, — высказался «генштабист». — Модель любил наступать, имея большое превосходство в силах.

— Так было только в сорок первом, а дальше все в России пошло, Йодль, наперекосяк, — сразу смирился фюрер.

Тут Йодль посчитал момент подходящим, чтобы высказать хоть что-то конструктивное:

— Мой фюрер, без участия авиации ни Моделью в Руре, ни Кесельрингу не стабилизировать ситуацию на Западе.

— Но Геринг деморализован бомбардировками англосаксов и большевиков и не в силах переломить ситуацию. Он ссылается на нехватку горючего, — Гитлер опустил кулаки, ссутулился, уныло добавил: — Все мои усилия удержать венгерские нефтепромыслы пошли прахом. А теперь со всех сторон сыплются стенания: «Нехватает горючего!»

Сдав группу армий «Висла» Хейнрици, Гиммлер развернулся на дипломатическом фронте. 2 апреля в Хоэнлоене он вновь встретился с графом Бернадоттом. Развязка приближалась, и «неистовый Генрих» поставил перед «надежным связным» кардинальный вопрос: «Может ли он связаться с Черчиллем и Эйзенхауэром, чтобы выяснить их отношение к возможности капитуляции немецких войск на Западе?»

Для ускорения переговоров Гиммлер выразил готовность направить в штаб Эйзенхауэра обергруппенфюрера СС Шелленберга и своего шеф-лекаря Керстена.

Так получилось, что, прибыв в Хоэнлоен с конкретным «узким вопросом» о капитуляции перед англичанами гитлеровских войск в Норвегии и Дании, шведский связной получил от немецкой стороны радикальную программу прекращения военных действий на всем Западном фронте.

Граф Бернадотт заявил Гиммлеру: «Поскольку обсуждение программы немецкой стороны должно носить серьезный характер, то руководители западных стран могут приступить к нему только тогда, если «шеф СС» публично объявит, что именно он является наследником Гитлера и готов впредь выполнять его функции».

Послеобеденный доклад начальника Генштаба ОКХ Кребса 3 апреля касался в основном Берлинского направления. Приказ Гитлера о создании необходимых резервов на подступах к столице рейха успешно выполнялся. Это вселяло определенные надежды. С первой линии обороны выведены все подвижные соединения. В полосе наступления войск Жукова во второй эшелон перешли 25-я моторизованная дивизия и моторизованная дивизия «Курмарк». В полосе наступления войск Конева — 10-я танковая дивизия СС «Фрумсберг», танковая дивизия «охраны фюрера», 1-я парашютная танковая дивизия «Герман Геринг», а также 16-я, 17-я и 21-я танковые дивизии.

— Значит, в тылу 46-го танкового корпуса в районе Миттенварльде — Пассов, Кребс, уже сосредоточены 23-я моторизованная дивизия СС «Нидерланды» и 11-я моторизованная дивизия СС «Норланд»? — Гитлер оторвал взгляд от «оперативки», искоса посмотрел на генерала Кребса.

— Да, это так, мой фюрер! — отчеканил Кребс.

— 9-я армия имеет в резерве пять дивизий, из них три моторизованных и одну танковую, — фюрер сказал это как бы про себя, ни к кому персонально не обращаясь.

— Генерал Буссе, мой фюрер, расположил их очень предусмотрительно, — продолжил доклад Кребс. — Все дивизии сгруппированы на левом фланге его войск в районах Эберсвальде, Бернау, Лойенберга, Зеелова и Максдорфа, усиливая оборону Берлина по восточной полусфере.

— Но пяти дивизий для прикрытия столь протяженного участка на главном направлении недостаточно, Кребс? — взгляд фюрера застыл на ладной фигуре «генштабиста».

— Этого недостаточно, но это не все, мой фюрер, — согласился Кребс и тут же сообщил: — 9-я армия усиливается, кроме того, четырьмя фольксартillerийскими корпусами, тремя бригадами штурмовых орудий, минометной бригадой, двумя зенитными дивизиями, тремя танковыми батальонами и пятью противотанковыми дивизионами.

— И что же, Кребс, все перечисленные войска уже находятся на исходных позициях?

— Этот план будет реализован до 10 апреля, мой фюрер. На сегодня он выполнен лишь наполовину.

— Вот это совсем другое дело, — бросил Гитлер и снова принялся «ползать» по крупномасштабной карте.

Йодль тут же дополнил доклад Кребса:

— Наша оперативные резервы на Франкфуртском участке включают, мой фюрер, еще восемь дивизий. Они сосредоточены в районах Фюрстенвальде, Бансдорфа и Беркенбрюка. Продолжается пополнение их людьми и техникой.

— До середины апреля, мой фюрер, в Берлине будет сформировано свыше двухсот батальонов фольксштурма, — бросил реплику Геббельс. — Мы превратим столицу рейха в неприступную крепость с Юстрийского направления!

— Но танки большевиков, Геббельс, постараются взять Берлин в клещи, — парировал в ответ Гитлер. — Они, наверное, прорвутся к Кетцену или Бранденбургу.

— Мой фюрер, столь крупные резервы групп армий «Висла» и «Центр» для того и создаются, чтобы в любой момент ударить по флангам войск Жукова, — указка Йодля двинулась от Либенвальде и Трейенбритцена на Берлин.

— Но у меня нет полной уверенности, Йодль, в том, что войска Хейнрици удержат Одерский рубеж обороны, — возразил Главком ОКХ. — Форсировав Одер, Рокоссовский отрежет от центра все Балтийское побережье.

— К тому же, мой фюрер, танковые армии Рокоссовского также

смогут принять участие в блокировании Берлина с северо-запада, — снова вступил в дискуссию Кребс.

— Смогут, Кребс, если Хейнрици и Буссе нарушают мой приказ и отступают с занимаемых позиций, как это произошло недавно у Данцига. Зауken должен сполна ответить за свои трусильные действия и сдачу неприступной крепости.

Положение, однако, с каждым днем становилось все хуже. Потеря Гдыни и Данцига поставила остатки 2-й и 4-й армий в безнадежное положение. Вместе с тысячами беженцев они укрылись в дельте Вислы на узкой прибрежной полосе, переходящей на восток в косу Фрише-Нерунг.

Вечернее донесение командующего группой армий «Юг» Велера за 4 апреля о захвате русскими Братиславы и прорыве войск Малиновского в предместья Вены повергло Гитлера в крайнее возбуждение. Не порадовал Главную Ставку вермахта и следующий день. Наступая вдоль берега Дуная, войска Толбухина прорвались на подступы к Санкт-Пельтену и перерезали шоссе Вена — Линц. Возникла угроза прорыва русских в Южную Германию, к Нюрнбергу и Мюнхену...

В полдень 6 апреля, спустя всего несколько часов после перехода русских в наступление на защитные бастионы Кёнигсберга, комендант гарнизона генерал Лаш обратился к Гитлеру с просьбой разрешить его войскам предпринять прорыв на запад, к заливу Фришес-Хафф. Главком ОКХ гневно обрушился на «ходатая» с упреками в трусости, приказал держаться до последнего, заверил, что гарнизону Кёнигсберга будет оказана немедленная помощь авиацией. Он выразил уверенность, что при фанатической стойкости защитников Восточно-Прусской столицы и умелом руководстве русским никогда не овладеет «Балтийской твердыней».

На оперативном совещании вечером 6 апреля, выслушав донесение о тяжелых боях в Кёнигсберге и Вене, Гитлер прервал доклад Кребса вдохновляющей тирадой:

— Надо просто продержаться, Кребс. На Востоке можно еще, по крайней мере, два месяца оказывать сопротивление русским. За это время дело дойдет до разрыва коалиции между большевиками и англосаксами. Кто из них раньше обратится ко мне, с тем я и заключу союз против другого!

К исходу 8 апреля гарнизон Кёнигсберга оказался рассеченным надвое, лишился единого управления. На отсечных позициях в центре свирепствовали эсэсовские заслоны, которые убивали на месте всех отступающих.

Вечером 8 апреля в «фюрер-бункере» появился командующий группой армий «Центр» Шернер. Гитлер постарался быть любезным и начал диалог здравицей в честь гостя:

— Вы, Шернер, всегда лояльно воспринимали мои решения, и я без колебаний доверял вам важнейшие участки Восточного фронта. В основном вы оправдывали мои надежды. И вот пришло время, когда кризис последних месяцев достиг апогея. Битва за Берлин должна решить все. Здесь сконцентрированы сейчас все наши лучшие силы. Ценой невосполнимых потерь большевики приблились к столице рейха, но здесь надо положить конец всем их надеждам.

Гитлер сделал паузу и продолжил свой монолог:

— Кроме того, Шернер, отношения в лагере наших противников обострились до нельзя. Их коалиция находится на грани развали, и нам надо воспользоваться подвернувшейся возможностью, чтобы поссорить союзников окончательно. Русские не удовлетворятся той территорией, что они успели захватить к этому дню. По тем данным, которыми я располагаю, в ближайшее время большевики поспешат прибрать к рукам протекторат Чехию и Моравию, а также овладеть Австрией. На группу армий «Центр», Шернер, выпадает поэтому главная обязанность — во что бы то ни стало отразить нависшую угрозу. Я передаю вам свой главный резерв на Восточном фронте. Это пять танковых дивизий. Держитесь, Шернер. Я произвожу вас в «генерал-фельдмаршаль»!

Командующий группой армий «Центр» щелкнул каблуками и удалился из «фюрер-бункера». До крушения его обороны на Нейссенском рубеже оставалась всего одна неделя.

Вечером 9 апреля Геббельс сообщил фюреру самую неприятную весть — пал Кёнигсберг! Гитлер был вне себя от ярости. Он заочно приговорил коменданта крепости генерала Лаша к смертной казни, его семью приказал бросить в концлагерь. Гаулайтер Восточной Пруссии Кох на «физелер-шторхе» бежал на Земландский полуостров и дал обещание сражаться там и на косе Фрише-Нерунг до конца.

Телеграмма Коха на имя рейхсканцлера о причинах падения Кёнигсберга, поступившая в Берлин 10 апреля, была воспринята в «фюрер-бункере» однозначно — это предательство. Командующий 4-й армией генерал Мюллер, допустивший быстрое падение Кенигсберга, лишился своей должности. Остатки всех немецких войск в дельте Вислы и в Восточной Пруссии возглавил генерал Заукен³, командовавший до того Данцигской группировкой.

Впервые со временем назначения в конце марта «досталось» новому начальнику Генштаба ОКХ Кребсу. Гитлер выговорил ему за отступления от требований его приказа об обороне «городов-крепостей». Тут же фюрер поручил начальнику штаба ОКВ Кейтелью немедленно подтвердить положения этого приказа, распространив строгие карательные меры за отступления от него на гражданских должностных лиц, пораженчески влияющих на военных.

Стремительно деградировал правый фланг Восточного фронта. Шаг за шагом войска группы армий «Юг» Велера утрачивали свои позиции на Среднем Дунае. Начальник Генштаба ОКХ Кребс всячески скрашивал сложившуюся ситуацию в районе Вены. На оперативном совещании 10 апреля он все еще доказывал фюреру, что подрыв всех мостов через Дунай в городских пределах не позволит русским овладеть столицей Австрии до конца апреля. Кребс сознательно утаил от Гитлера тот факт, что именно в этот день войска 3-го Украинского фронта Толбухина уже выбили гарнизонные эсэсовские части из центрального и южного районов Вены.

Бурные дебаты на оперативном совещании 11 апреля о плане дальнейших действий в канун решающего наступления большевиков на Одере вынудили Главкома ОКХ отдать приказ, согласно которому из-за перспективы затруднения работы центрального руководства предусматривалось создание двух командных штабов: «А» – Север, «Б» – Юг.

В начале второй декады апреля в окрестностях столицы рейха продолжалось спешное формирование резервов ОКВ для обороны Берлина. На оперативном совещании в «фюрер-бункере» неделю назад Главком ВВС рейхсмаршал Геринг пообещал выделить для этой цели сто тысяч человек, рейхсфюрер СС Гиммлер – двенадцать тысяч эсэсовцев, Главком ВМФ – гросс-адмирал Дениц – шесть тысяч моряков. Гитлер приказал сформировать из них двенадцать дивизий и с их помощью защитить столицу.

Начальник Генштаба ОКХ Кребс ежедневно докладывал Верховному Главнокомандующему о ходе формирования на Эльбе, близ Дессау-Виттенберга, 12-й армии генерала Венка. В ее состав был передан персонал офицерских школ и молодежь из «трудовых лагерей». Сразу же было решено, что семь ее дивизий – танковая дивизия «Клаузевиц», моторизованная дивизия «Шлагетер» и пехотные дивизии «Потсдам», «Шарнхорст», «Ульрих фон Гуттен», «Фридрих Людвиг Ян» и «Теодор Кернер» также составят резерв ОКВ.

Продолжалось прочесывание тылов. Гаулайтеры земель «Бранденбург» и «Померания» получили исчерпывающий приказ рейхсканцлера немедленно мобилизовать для Восточного фронта по сто батальонов фольксштурма. Было выпущено обращение к женщинам и девушкам Германии – вступать в организацию вспомогательной службы для фольксштурма. Группенфюрер СС Юттер приступил, по заданию Главной Ставки, к созданию в тылу группы армий «Висла» заградительных отрядов – «хайматвер».

В полдень 12 апреля Гитлер одобрил сообщение ОКВ, подписанное фельдмаршалом Кейтелем, рейхсфюрером СС Гиммлером и «партайгеноссе» Борманом. Оно гласило:

«Верховное Главнокомандование объявляет:

Города — важные узлы коммуникаций. Поэтому они должны обороňаться и удерживаться до последнего патрона, невзирая ни на какие угрозы, которые передаются парламентерами или по военному радио. Личная ответственность за выполнение этого приказа возлагается на военных комендантов, назначенных в каждом городе. За невыполнение этой обязанности они будут приговорены к смертной казни. Такая же часть постигнет всех гражданских должностных лиц, которые пытаются отговорить военных комендантов от выполнения этой обязанности. Исключения из этого правила обороны городов могут быть установлены только Верховным Главнокомандованием вооруженных сил».

По приказу имперского комиссара обороны столицы Геббельса сотни тысяч берлинцев продолжали сооружение трех линий укреплений. Внешний оборонительный обвод проходил в двадцати пяти километрах от центра города по берегам рек и озер. Стержнем его стали крупные населенные пункты, превращенные в узлы сопротивления. Вторая, наиболее мощная линия укреплений, опиралась на окружную железную дорогу. В самом Берлине повсюду были сооружены железобетонные противотанковые препятствия и проволочные заграждения. Центральные городские улицы были сплошь перекрыты баррикадами. Четыреста бункеров, оснащенных противотанковой и зенитной артиллерией, прикрывали подступы к центру Берлина, где находились государственные и административные учреждения страны.

ОКВ сосредоточило в районе Берлина мощную войсковую группировку в составе шести танковых, девяти моторизованных и сорока восьми пехотных дивизий. В столице было сформировано свыше двухсот батальонов фольксштурма. Общая численность гарнизона Берлина превышала две тысячи человек. С воздуха Берлин прикрывали две тысячи боевых самолетов, в том числе сто двадцать реактивных истребителей «Мессершмитт» Ме-262, а также свыше шестисот зенитных орудий, тысячи пулеметных установок.

Министерство пропаганды изготовило и развесило на улицах Берлина хлесткие призывающие плакаты: «Большевизм стоит перед решающим поражением в своей истории», «На Одере решается судьба всей Европы», «Кто верит фюреру, тот верит в победу». Над войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов ежедневно разбрасывались тысячи листовок: «От Берлина вы недалеко, но в Берлине вы не будете. В Берлине каждый дом стал неприступной крепостью. Против вас будет бороться каждый немец»; «Мы тоже были у стен Москвы и в Сталинграде, но их не взяли. Не возьмете и вы Берлин, а получите здесь такой удар, что и костей не соберете. Наш фюрер имеет огромные людские резервы и секретное оружие, которое он берег для того, чтобы на немецкой земле уничтожить Красную Армию».

В полдень 13 апреля Геббельс посетил штаб 9-й армии Буссе и выступил перед офицерским составом с речью. В ней имперский комиссар обороны Берлина провел историческую параллель: «За свое стойкое поведение король Пруссии Фридрих Второй был награжден смертью злейшего врага — российской императрицы Елизаветы, а взошедший после нее на престол Петр III, гольштинский принц, заключил с Пруссией мирный договор и спас ее от разгрома».

Один из слушателей спросил оратора: «То было в 1762 году, а на смерть какой «императрицы» следует рассчитывать Германии в апреле сорок пятого?» Геббельс измерил любознательного офицера презрительным взглядом, но на вопрос не ответил. А вечером, вернувшись в столицу и узнав о смерти президента Рузвельта, позвонил в штаб 9-й армии: «Чудо, генерал Буссе, свершилось. Императрица умерла!»

В «фюрер-бункере» смерть американского президента была воспринята в качестве «мистического подарка судьбы». Геббельс встретился с Гитлером и торжествующим тоном объявил: «Мой фюрер! Я поздравляю вас: умер Рузвельт! Расположение звезд говорит, что вторая половина апреля станет в судьбе Германии поворотным пунктом. Сегодня пятница, 13 апреля. Это и есть поворотный пункт!»

Гитлер немедленно сообщил по телефону сенсационную новость рейхсфюреру СС Гиммлеру, гросс-адмиралу Деницу, фельдмаршалам Кессельрингу и Шернеру, находящимся за пределами Берлина. Сам, в ответ, тоже услышал от них горячие поздравления, в которых теплилась прочная надежда на благоприятные перемены в политике и на фронтах.

Начальник Генштаба ОКХ Кребс доложил в этот день удручающие факты: «Русские приступили к решительным действиям с целью разгрома оперативной группы «Земланд», отклонившей ультиматум о капитуляции. Войска маршала Толбухина захватили Вену и продолжают наступление в направлении родного города фюрера Линца. Воздушной разведкой групп армий «Висла» и «Центр» зафиксирована повышенная активность русских на железных дорогах, причем большинство эшелонов уходило на восток порожняком».

В одночасье все видимые и скрытые угрозы отошли для Главной Ставки на второй план. Здесь царило безмятежное оживление. На все лады варьировалась злободневная тема: в какой мере смерть Рузвельта изменит позицию западных стран в отношении Германии и лично Гитлера. Планы рейхсканцлера, однако, простирались намного дальше. Он продолжал считать, что рейх во главе с ним располагает еще свободой политического маневра. Поэтому после неминуемого раскола союзников он будет иметь возможность при-

соединиться к той из сторон, которая предложит лучшие условия. Он даже порывался приостановить действие своего приказа от 19 марта «О выжженной земле», поскольку выполнение его лишило бы в будущем немецкий народ материальных основ для дальнейшего существования.

Двадцатиминутный огневой налет 14 апреля по всей линии соприкосновения был воспринят командующим 9-й армией Буссе как начало ожидаемого большого наступления русских. Но отбив в основном атакующие действия разведывательных батальонов с Кюстринского плацдарма, он вечером торжественно доложил в Главную Ставку, что попытки большевиков прорвать оборону его войск сорваны. Повторение их в ближайшие дни полностью исключено.

Но 15 апреля атаки русских повторились с еще большим размахом и настойчивостью. Гитлер воспринял доклад Кребса о «тактических вклиниениях» русских в этот день у Ной-Левина, Лечина, Вербига, Вейнберга, а также на Котбусском направлении с тревогой, потребовал повсеместно восстановить переднюю линию обороны, подтянуть резервы на вторую полосу, чтобы исключить любые неожиданности.

Вечером 15 апреля фюрер обратился со специальным воззванием к «восточным бойцам». В нем он преувеличивал свои силы, призывал мужчин к защите своих жен и детей, предупреждал против предателей,ставил отражение последнего натиска с Востока в зависимость от выполнения фронтом своего долга. Он требовал расстреливать на месте каждого, кто осмелился отйти или отдать приказ на отход. Семьи тех солдат и офицеров, которые сладутся в плен большевикам, будут репрессированы. Гитлер выражал надежду на то, что большевистский натиск будет потоплен в море крови и приведет к коренному перелому в войне.

Генштаб ОКХ ночью 16 апреля еще не успел передать текст специального воззвания фюрера в штабы групп армий «Висла» и «Центр», когда разом центральный участок Восточного фронта согнулся от громоподобной артиллерийской канонады. Бетонные казематы Цоссена тотчас наполнились перезвоном телефонных аппаратов. Донесения не отличались разнообразием: подобного ада на переднем крае еще не бывало. Опорные пункты второй и третьей полос обороны жестоко бомбит авиация большевиков!

После долгого оперативного совещания накануне, затянувшегося за полночь, никто не решился разбудить фюрера и доложить о начале наступления русских на Одере и Нейсе. Срочно перебросив все наличные резервы группы армий «Висла» на вторую полосу обороны 9-й армии, Хейнрихи посчитал эти действия достаточными для того, чтобы отбить очередной натиск войск Жукова. Менее благодушно был настроен командующий группой армий «Центр»

Шернер. Войска 4-й танковой армии Грэзера при утреннем ударе войск Конева на Нейсе не устояли и южнее Форста начали беспорядочный отход в направлении Котбуса.

До полудня не терял самообладания и Гитлер. Выслушав донесение генерала Кребса об ожесточенных боях в полосе обороны 9-й и 4-й танковой армий, он вызвал в «фюрер-бункер» начальника штаба ВВС Коллера и приказал ему пустить в ход последнее «секретное оружие» рейха. Приказ Верховного Главнокомандующего был тотчас выполнен. Шестнадцать до отказа нагруженных взрывчаткой «Хейнкелей» с немецкими «камикадзе» на борту стартовали в направлении Восточного фронта, чтобы разрушить переправы советских войск через Одер севернее и южнее Кюстринена. До целей долетела только половина «смертников». Остальные были уничтожены истребителями русских над Зееловскими позициями и взорвались в расположении войск Буссе.

К исходу 16 апреля обстановка на Восточном фронте стала приобретать все более угрожающий характер. Прорыв русских на участке обороны дивизии «Берлин» у Ной-Левина создал угрозы для охвата 56-го танкового корпуса Вейдлинга южнее. В их боевых порядках появились 1-я и 2-я гвардейские танковые армии Катукова и Богданова. С их помощью войска Жукова прорвали оборону 303-й пехотной дивизии у Дольгелина и устремились к Эггерсдорфу.

Катастрофическая ситуация назревала на Нейсенском рубеже. Прорвав оборону 4-й танковой армии Грэзера одновременно в нескольких местах, южнее Форста, войска Конева развивали прорыв не в направлении Дрездена, как предполагал Гитлер, а в направлении Котбуса, к Штрее, чтобы нанести удар на Берлин с юга!

Начальник Генштаба ОКХ Кребс умолк. Тягостное молчание прервал вездесущий Геббельс:

— Мой фюрер! Ваш приказ о непроходимости Одерского рубежа обороны проигнорирован командующим группой армий «Висла». Если не принять срочных мер, нас ждет неминуемая катастрофа. Вы же видите, куда нацелен главный удар большевиков, и они этот шанс не...

Гитлер не позволил Геббельсу закончить мрачные причитания. Он с напряжением оперся на ослабевшие дрожащие руки, чуть выпрямил сутулый корпус, жестко спросил:

— Что конкретно вы предлагаете, Геббельс? Время красивых речей прошло. Пришло время срочных действий.

— Я предлагаю, мой фюрер, презреть все опасности и применить против большевиков отправляющие вещества. Только они в состоянии теперь остановить красных и нанести им поражение под Берлином. Я уже вносил такое предложение раньше, но в феврале вы сочли его преждевременным, — отчеканил «верный Йозеф».

— Какие отравляющие вещества вы предлагаете применить на Одере, Геббельс? — в голосе Гитлера прозвучала не то ирония, не то неуверенность.

— «Табун» и «Зарин», мой фюрер!

— Ваша решимость, Геббельс, как всегда импонирует мне, но нельзя сбрасывать со счетов тот очевидный факт, что большевики обеспечили подавляющее превосходство в авиации. Москва немедленно задушила Берлинский гарнизон и нас с вами этими же газами. Международное сообщество осудит наши действия и оправдает действия Сталина.

Дебаты в «фюрер-бункере» вновь затянулись допоздна, но Гитлер не стал отменять ранее отданные приказы и потребовал удерживать Одерский рубеж до конца.

АГОНИЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

1

Ввод в сражение 1-й и 2-й гвардейских танковых армий 16 апреля не позволил с ходу прорвать вторую полосу вражеской обороны. Поэтому командующий 1-м Белорусским фронтом Жуков указал Катукову и Богданову, что при дальнейшем развитии наступления войска их соединений не должны втягиваться в затяжные бои за опорные пункты на Зеловском рубеже, а обходить их, передавая задачу уничтожения засевших там гарнизонов соединениям вторых и третьих эшелонов общевойсковых армий. С утра 17 апреля танки должны действовать в боевых порядках стрелковых соединений в качестве их непосредственной поддержки.

Медленное продвижение войск 1-го Белорусского фронта стало под угрозу выполнение ее замысла на окружение Берлинской группировки противника. Утром 17 апреля она потребовала от Жукова обеспечить более энергичное наступление главных сил. Одновременно Ставка дала директивы командующим 1-м Украинским и 2-м Белорусским фронтами всемерно содействовать наступлению войск 1-го Белорусского фронта. Рокоссовский, кроме того, получил задачу не позднее 22 апреля развивать наступление главными силами на юго-запад, нанося удар в обход Берлина с северо-запада с тем, чтобы во взаимодействии с войсками Конева завершить окружение Берлинской группировки противника.

Проведенная в ночь на 17 апреля перегруппировка артиллерии в полосе главного удара позволила утром повторить тридцатиминутную артиллерийскую подготовку и приступить к прорыву второй полосы обороны 9-й армии. Для выполнения этой задачи Жуков потребовал подтянуть всю артиллерию к первому эшелону пехо-

ты и держать ее в ходе наступления не далее трех километров от передовой. Для улучшения управления войсками всем командующим армиями находится на наблюдательных пунктах командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении.

В середине дня 17 апреля командующий 1-м Украинским фронтом Конев поспешил к Шпрее, куда уже пробились 3-я и 4-я гвардейские танковые армии Рыбалко и Лелюшенко. От успешного форсирования этой преграды зависело многое: стремительность их дальнейшего наступления и сопротивление врага, которому нельзя было позволить закрепиться на этом важном рубеже. Поэтому танковые бригады форсировали Шпрее вброд и выходили на оперативный простор.

Вернувшись на передовой КП, Конев заслушал доклады командармов 3-й и 5-й гвардейских, а также 13-й армии Гордова, Жадова и Пухова об обстановке в полосе их наступления и тут же позвонил в Ставку.

— Как идут у вас дела, товарищ Конев? — поставил привычный вопрос Верховный Главнокомандующий.

— Сегодня темп наступления ударной группировки фронта возрос, товарищ Сталин, — доложил командующий 1-м Украинским фронтом. — Соединения 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, не дожидаясь наводки мостов через Шпрее, форсировали эту водную преграду на участке Брезинхен — Шревитц, южнее Котбуса, и развивают наступление в северо-западном направлении, на Каллау, Барут. Практически оборона 4-й танковой армии противника прорвана на всю глубину. Войска генералов Рыбалко и Лелюшенко вышли на оперативный простор и имеют полную возможность перерезать тыловые коммуникации врага. Я считаю, что в сложившейся обстановке гвардейские танковые армии должны уйти в отрыв и полностью дезорганизовать оборону противника на направлении главного удара.

— А на каком удалении от Шпрее находятся общевойсковые армии фронта, товарищ Конев?

— Войска 3-й и 5-й гвардейских армий ведут ожесточенные бои с контратакующим противником на своих участках прорыва, а 13-я армия Пухова тоже пробилась к Шпрее и вслед за танкистами форсирует ее на широком фронте.

— Но у вас увеличиваться разрыв со вторым эшелоном фронта, товарищ Конев. Вы не считаете нужным повысить темпы продвижения вперед 28-й армии Лучинского, чтобы не осложнить ее ввод в сражение в будущем?

— Я распорядился, товарищ Сталин, чтобы 28-я армия с утра 18 апреля начала выдвижение в район Гросс — Бадемайзеля, на Нейсе. Так что этот момент учтен командованием фронта.

— А вот на 1-м Белорусском фронте дела складываются туга. Войска Жукова не овладели Зеевловским рубежом и после ввода в бой 1-й и 2-й гвардейских танковых армий, — сказал Верховный и тут же предложил: — А нельзя ли, товарищ Конев, танковые армии 1-го Белорусского фронта пустить на Берлин через брешь на участке вашего фронта?

— Такой маневр займет много времени и внесет замешательство в войска, товарищ Сталин, — не согласился Конев. — Обстановка в полосе фронта развивается благоприятно, собственных сил у меня достаточно. Я считаю целесообразным направить в обход Берлина наши гвардейские танковые армии. По достижении рубежа Люббен — Финстервальде они нанесут фланговый удар на Барут и Цоссен.

— Вы знаете, товарищ Конев, что в Цоссене находится гитлеровский Генштаб сухопутных войск?

— Да, знаю, товарищ Сталин.

— Хорошо. Поверните 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии на Берлин, товарищ Конев. Директиву Ставки получите ночью, — закончил разговор Верховный.

Это решение явилось поворотным пунктом в развитии Берлинской операции. Конев тут же позвонил Рыбалко и Лелашенко, отдал срочные устные приказы.

Командарму 3-й гвардейской танковой: в течение ночи с 17 на 18 апреля форсировать Шпрее и развивать наступление в направлении на Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов. Задача — в ночь с 20 на 21 апреля ворваться в Берлин с юга.

Командарму 4-й гвардейской танковой: в течение ночи с 17 на 18 апреля форсировать Шпрее севернее Штремберга и развивать наступление в направлении на Дрепкау, Калау, Дане, Лукенвальде. Задача — к исходу 20 апреля овладеть районом Беелитц, Трейенбрицен, Лукенвальде. 21 апреля — овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

К утру 18 апреля войска 8-й гвардейской армии Чуйкова, поддержаные 1-й гвардейской танковой армией Катукова, прорвали вторую полосу обороны 9-й армии Буссе на Зеевловском рубеже и устремились в направлении Требнитца, Дамсдорфа и Петерсхагена, к внешнему Берлинскому оборонительному обводу.

Поскольку наибольший успех был достигнут на правом фланге ударной группировки, Жуков изменил ее последующие задачи. Войскам 47-й армии и 9-го гвардейского танкового корпуса было приказано охватывать Берлин с северо-запада; войскам 3-й и 5-й ударных и 2-й гвардейской танковой армий — пробиться к северо-восточной окраине Берлина.

18 апреля перешел в наступление 2-й Белорусский фронт Рокоссовского. Под прикрытием артиллерийского огня и дымовых завес ударные группы 65-й, 70-й и 49-й армий, на подручных пере-

правочных средствах, форсировали Ост-Одер, южнее Штеттина, преодолели вражескую оборону в междуречье и пробились на восточный берег Вест-Одера.

Поставленные 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям задачи оказались для них чрезмерными. Чтобы к исходу 19 апреля пробиться в район Барута, войскам Рыбалко предстояло за день совершить бросок в восемьдесят километров! Фактически они преодолели лишь тридцать пять. Маршал Конев направил командарму 3-й гвардейской танковой «круглую радиограмму»: «Тов. Рыбалко! Опять двигается кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Призываю: рубеж Барут — Лукенвальде переходить через болото по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком».

Войска 1-го Белорусского фронта продолжали наступление по всей линии соприкосновения. Упорное сражение развернулось 19 апреля на подступах к Монхебергу. Этот крупный узел обороны 9-й армии Буссе прикрывал прямой путь к Берлину. В полдень войска 8-й гвардейской армии, поддержаные 11-м танковым корпусом, после тридцатиминутной артиллерийской подготовки нанесли неотразимый удар.

К исходу 19 апреля войска 1-го Белорусского фронта выполнили задачу двух первых дней операции, завершив прорыв трех полос Одерского оборонительного рубежа на широком участке от устья Одера до Кунерсдорфа. За четыре дня боев они продвинулись в направлении Берлина на тридцать километров, ликвидировали опасный плацдарм 9-й армии на правом берегу Одера, восточнее Франкфурта.

Донесение Жукова за 20 апреля впервые со дня начала Берлинской операции по-настоящему порадовало Верховного. Он остановился посреди кабинета, сделал характерный жест рукой, обратился к начальнику Генштаба:

— Повторите, товарищ Антонов, сообщение об обстреле Берлина нашей артиллерией. Это — знаменательный акт.

Начальник Генштаба генерал армии Антонов повторил:

— После овладения Бернау 1-й дивизион гвардии майора Зюкина из состава 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии в одиннадцать часов нанес первый залп по Берлину. Спустя три часа два залпа по столице рейха нанесла дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса генерал-майора Переверткина 3-й ударной армии.

Верховный как бы подвел итоговую черту:

— Вот эти залпы, товарищи, и будем считать началом штурма Берлина. Они приближают окончательную победу.

Начальник Генштаба продолжил итоговый доклад:

— Войска 5-й ударной армии, при участии 11-го и 12-го гвардейских танковых корпусов, завершили прорыв третьей полосы

обороны противника и в районе Бизендаля вклинились во внешний Берлинский оборонительный обвод.

8-я гвардейская армия, взаимодействуя с 1-й гвардейской танковой армией, 20 апреля продолжала прорыв третьей полосы вражеской обороны.

— Когда 9-я армия немца будет изолирована от Берлинского гарнизона? — поставил вопрос Верховный.

— Это произойдет тогда, товарищ Сталин, когда 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко овладеет Цоссенским укрепрайоном и пробьется к Бонсдорфу, то есть не позднее 22 апреля, — четко доложил начальник Генштаба.

— И затем три дня спустя, товарищ Антонов, должно состояться полное окружение Берлинского гарнизона? — Верховный медленно оторвал пристальный взгляд от карты.

— Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов отстают на два дня от утвержденного Ставкой плана операции, — уклончиво возразил начальник Генштаба.

— За сегодняшний день 4-я гвардейская танковая армия совершила бросок вперед на сорок пять километров. Еще два таких перехода, и она непременно ворвется в Потсдам, — не согласился Верховный.

— 3-я и 4-я гвардейские танковые армии уже оторвались от общевойсковых армий на тридцать пять километров, товарищ Сталин. На флангах ударной группировки 1-го Украинского фронта «висят» Котбусская и Шпрембергская группировки противника, способные нанести сильные контрудары по тыловым коммуникациям маршала Конева, — выдвинул весомый аргумент против авантюрных действий 3-й и 4-й гвардейских танковых армий Антонов.

— Надо быстрее разгромить обе группировки немца, товарищ Антонов, чтобы они не угрожали тыловым коммуникациям наших армий, — сердито бросил в ответ Верховный.

Стремительный рейд 3-й и 4-й гвардейских танковых армий к исходу 20 апреля обеспечил отсечение группы армий «Висла» от группы армий «Центр». Котбусская и Шпрембергская группировки врага оказались в полуокружении. Прорыв советских танков в район Бонсдорфа вызвал переполох в Цоссене, в штабе ОКВ и Генштабе ОКХ.

Преодолев упорное сопротивление на ободе Берлинского оборонительного кольца, к исходу 21 апреля войска 3-й и 5-й ударных и 2-й гвардейской танковой армий Кузнецова, Берзарина и Богданова ворвались в Берлин и завязали бои в Мальхове, Вайсензее, Марцане и Вульгартене.

К исходу 21 апреля 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко пробилась к Берлинскому оборонительному обводу. До южных окраин столицы рейха оставалось всего двадцать четыре километра.

В этот же день 6-й гвардейский танковый корпус Митрофанова овладел Бюнцдорфом, где до самого момента вторжения находился командный пункт группы армий «Висла», и завязал бой в Цоссенском укрепрайоне. 7-й гвардейский танковый корпус Новикова пробился к Рехагену.

На исходе 21 апреля с армейского совещания возвратился начальник политотдела 150-й стрелковой дивизии полковник Артюхов, сообщил генерал-майору Шатилову:

— Товарищ командир, от имени Военного совета армии генерал Литвинов вручил нам знамя.

— Что за знамя, комиссар? С какой целью вручено?

— Военный совет учредил. Роздано девять знамен — по числу дивизий. Какая из них овладеет рейхстагом, та и водрузит над ним знамя. В знак полной победы, — уверенно ответил Артюхов и, как бы разъясняя, добавил: — Как-никак, рейхстаг — символ германской государственности.

— Ну что ж, рейхстаг так рейхстаг, — согласился комдив. — А все-таки, покажи, комиссар, знамя.

Начальник политотдела снял упаковку, развернул алое полотнище. Оно было шириной около метра и длиной два метра. В верхнем углу выделялись звезда и серп, скрещенный с молотом. Внизу у древка стояла цифра «5».

— Номер у нашего знамени «5», — сказал Артюхов, — но это не значит, что 150-й дивизии заказано быть первой. Я так понимаю ситуацию, командир.

— Правильно, комиссар. Кому что брать, не мы будем решать. Это решит командование фронта, — согласился Шатилов. — Ну а за право быть первыми мы еще посоревнуемся с другими соединениями. Полки надо оповестить.

— Я уже поручил, командир, вызвать в политотдел замполитов полков. Ночью в батальонах, где позволяет обстановка, проведем митинги. Готовится материал в «дивизионке» о врученном нам знамени, — ровно доложил Артюхов.

— Все правильно, — комдив бережно провел рукой по красному полотнищу знамени: — Действуй, комиссар.

Натиск войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 22 апреля достиг своего апогея. По всей линии соприкосновения шли ожесточенные бои. Враг отчаянно сопротивлялся, но вынужден был отходить к центру Берлина.

В ходе уличных боев 22 апреля войска 3-й ударной армии Кузнецова завершили прорыв по всему фронту внутреннего Берлинского оборонительного обвода и глубоко вклинились в расположение города. Ее 12-й гвардейский стрелковый, 7-й стрелковый и 1-й механизированный корпуса завязали бои на городском обводе, охватывая Вейсензее.

Войска 5-й ударной армии Берзарина во взаимодействии с 12-м гвардейским и 11-м танковыми корпусами громили врага в Бисдорфе, Дальвилце, Каульсдорфе и Карлсхорсте.

8-я гвардейская армия Чуйкова совместно с 1-й гвардейской танковой армией Катукова в результате ожесточенных боев овладели пригородами Берлина Петерсхагеном, Вильгельмсхагеном, Эркнером, Хоппегартеном, Фихтенau, Рансдорфом, Шенейхе и Венденшлосом, пробились к рекам Молен-Флисс и Даме. К исходу 22 апреля 4-й гвардейский стрелковый корпус Глазунова форсировал Мюлен-Флисс и захватил плацдармы у Мальсдорфа и Уленхорста.

Разгромив к вечеру 22 апреля Котбусскую и Шпрембергскую группировки врага, 3-я гвардейская, 13-я и 5-я гвардейская армии 1-го Украинского фронта Конева обеспечили выгодные оперативные условия для развития наступления как в направлении Потсдама, так и в направлении Торгау. В этот же день 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко, форсировав с ходу канал Нотте и прорвав внешний Берлинский оборонительный обвод, ворвалась на южную окраину Берлина.

В ночь на 23 апреля Ставка дала директиву войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов с указаниями завершить окружение Франкфуртско-Губенской группировки основных сил 9-й и 4-й танковой армий Буссе и Грэзера не позже 24 апреля, не допустить ее прорыва в Берлин или в западном направлении, навстречу 12-й армии Венка.

В связи с прорывом 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко в район Ланквица, Ставка с шести часов 23 апреля продолжила разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами от Люббена на Тойпитц, Миттенвальде, Мариендорф, Ангальский вокзал.

В целях быстрейшего окружения Берлинской группировки, Жуков приказал в ночь на 24 апреля войскам 2-й гвардейской танковой и 47-й армий Богданова и Перхоровича продолжать наступление в юго-западном направлении на Фалькенхаген и Фарлянд, чтобы к исходу суток выйти на рубеж Парен — Бризеланг — Приорт — Потсдам. 9-й гвардейский танковый корпус Веденеева получил задачу продолжать наступление с целью овладения Науеном.

С той же целью окружения Берлинской группировки, командующий 4-й гвардейской танковой армией Леляшенко получил задачу силами 6-го гвардейского механизированного корпуса Пушкирева продолжать наступление на Бранденбург и Шмергов.

Войска 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко имели задачу на 24 апреля овладеть Букковым и помочь 1-й гвардейской танковой армии Катукова форсировать Даме у Кепеника и сомкнуть фланги 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вокруг Франкфуртско-Губенской группировки.

В этот же день, 24 апреля, войска 1-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской армий Катукова и Чуйкова из состава 1-го Белорусского фронта соединились южнее Бонсдорфа с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями Рыбалко и Лучинского из состава 1-го Украинского фронта. В результате 9-я и 4-я танковые армии Буссе и Грэзера были отсечены от Берлина и окружены в дефиле Даме и Шпрее.

24 апреля явилось одним из самых удачных для 5-й ударной армии Берзарина. Ее соединения в центре вели ожесточенные бои по расширению плацдармов на западном берегу Шпрее. Войска правого фланга продвигались к центру Берлина. Их ближайшими ориентирами стали — площадь Александерплац, дворец кайзера Вильгельма, Берлинская ратуша, Имперская канцелярия.

Учитывая успешные действия 5-й ударной армии, а также выдающиеся личные качества ее командарма Героя Советского Союза генерал-полковника Берзарина, 24 апреля Военный совет 1-го Белорусского фронта назначил его первым советским комендантом Берлина. Вечером командарму 5-й ударной сообщили об этом лично маршал Жуков.

Приближался к своему завершению маневр по окружению собственно Берлинской группировки. В связи с этим командующий 1-м Белорусским фронтом поставил перед войсками новые задачи. Командиру 7-го гвардейского кавкорпуса Константинову было приказано одну дивизию, усиленную танковой бригадой из состава 9-го гвардейского танкового корпуса, повернуть на Бранденбург с целью овладения городом к утру 25 апреля. Главным же силам корпуса продолжать наступление на Ратенов.

Генералы Катуков и Чуйков получили приказ развивать наступление своими основными силами на парк Тиргартен. Главный удар наносить правым флангом по южному берегу Ландвер-канала, в направлении Белле Альянсплаца, Сарландштрассе, Потсдамского вокзала.

День 25 апреля оказался переполненным важными событиями. Но самое знаменательное из них произошло на Эльбе, вблизи Торгau, в 5-й гвардейской армии Жадова, войска которой встретились с передовыми отрядами 1-й американской армии Ходжеса. Тем самым главные силы 3-й танковой, 9-й и 12-й армий Мантейфеля, Буссе и Венка, действующие севернее рубежа Торгau — Шпремберг, оказались отрезанными от войск группы армий «Центр» Шернера.

Ночью 25 апреля командующий 1-м Украинским фронтом Конев направил в Ставку важное донесение:

«25 апреля сего года в 13.30 в полосе 5-й гвардейской армии, в районе Стрела, на реке Эльба, части 58-й гвардейской дивизии встретились с разведгруппой 69-й пехотной дивизии 5-го армейс-

кого корпуса 1-й американской армии. Того же числа в районе Торгау на реке Эльба головным батальоном 173-го гвардейского стрелкового полка той же 58-й гвардейской дивизии встретились с другой разведывательной группой 69-й пехотной дивизии 5-го американского корпуса 1-й американской армии».

Вечером 25 апреля Верховный, как ни разу еще не бывало, переговорил по телефону сразу с четырьмя командующими фронтами — 3-м, 2-м и 1-м Белорусскими, а также 1-м Украинским. Маршал Василевский доложил о завершении долгой Восточно-Прусской операции. Войска 3-го Белорусского фронта овладели портом Пиллау. Последний крупный узел сопротивления цепкого противника в юго-западной части Земландского полуострова был ликвидирован. Остатки Земландской группировки бежали на косу Фрише-Нерунг. Задачи по форсированию пролива и окончательному разгрому войск Заукена были возложены на 11-ю гвардейскую армию Галицкого, в помощь которой выделялись силы Юго-Западного морского оборонительного района. Верховный приказал Василевскому передать командование фронтом Баграмяну и немедленно вылететь в Ставку.

Маршал Рокоссовский доложил Верховному, что войска 2-го Белорусского фронта завершили прорыв обороны группы армий «Висла» и пробились к реке Рандов. Далее, 2-я ударная армия Федюнинского продолжит наступление на Штральзунд, очистит от противника острова Узедом и Рюген; 65-я армия Батова, во взаимодействии с 1-м гвардейским танковым корпусом, ударом на Деммин отрежет от 3-й танковой армии части, действующие севернее линии Штеттин — Нойбранденбург — Росток; 70-я армия Попова с 3-м гвардейским танковым корпусом Панфилова на острие продолжит прорыв в направлении Варена и Висмарса; 49-я армия Гришина, с 8-м механизированным и 3-м гвардейским кавалерийским корпусами Фирсовича и Осликовского, продолжит наступление в направлении Виттенберга.

Командующий 1-м Белорусским фронтом доложил:

— Передовые бригады 2-й и 4-й гвардейских танковых армий Богданова и Лелюшенко встретились вблизи Кетцина и замкнули кольцо вокруг Берлина, товарищ Сталин.

— А как обеспечена эта блокада германской столицы с воздуха, товарищ Жуков? — уточнил Верховный.

— Ни одна воздушная гавань Берлина, товарищ Сталин, функционировать уже не может, — доложил Жуков. — Аэродром в Гатове отрезан от столицы и простреливается артиллерией 2-го Белорусского фронта. Аэродромом в Темпельхофе овладел 28-й гвардейский стрелковый корпус Рыжова. В небе Берлина обеспечено господство нашей авиации. Над центром города патрулируют истребители.

— Как идут дела у Кузнецова и Берзарина, товарищ Жуков? — поставил следующий вопрос Верховный. — Необходимо так организовать дело, чтобы гитлеровская верхушка ни при каких условиях не смогла вырваться из столицы.

— Войска 3-й и 5-й ударных армий продвигаются в направлении правительственные кварталов. Войска Кузнецова овладели районом Сименштадт, пробились на восточную окраину парка Фридрихс Хайн, продвигаются к рейхстагу и Бранденбургским воротам. Войска Берзарина наступают вдоль берегов Шпрее и уже овладели районом Силезского вокзала. На их пути — Советское посольство, министерства юстиции и иностранных дел, Имперская канцелярия, — голос Жукова звучал уверенно и четко.

— По мере овладения этими объектами, товарищ Жуков, необходимо сразу же взять под охрану архивы зловещих гитлеровских организаций, — распорядился Верховный.

Объемным получился доклад командующего 1-м Украинским фронтом Конева. Он тоже звучал оптимистично:

— 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко, очистив от противника районы Целендорф и Лихтерфельде, к исходу дня продвинулась до четырех километров и завязала бои за Штеглиц; 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса Митрофанова и Новикова сражались в Шмергендорфе и на восточной окраине Берлинского леса; 4-я гвардейская танковая армия Лелашенко пробилась на подступы к Бранденбургу, форсировала Хафель, овладела Кетцином и соединилась с 47-й армией Перхоровича из состава 1-го Белорусского фронта.

В ночь на 26 апреля над Берлином разразился первый весенний ливень. Потоки воды погасили многие пожары. Заметно стихла артиллерийская канонада. Но бои в городе не прекращались ни на минуту.

Внимание Жукова всецело приковано к действиям 3-й и 5-й ударных армий Кузнецова и Берзарина. Они штурмовали центр Берлина с севера и востока.

Упорно продвигались к центру Берлина правофланговые бригады 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко. К исходу 27 апреля на широком участке от станции Шенеберг до станции Весткрайц они прорвались к городскому оборонительному обводу и застягли у мощных каменных баррикад.

В полдень 27 апреля маршал Василевский прилетел в Москву и сразу же оказался на приеме у Верховного. Сталин был в хорошем расположении духа и тепло поздравил командующего 3-м Белорусским фронтом с успешным завершением Восточно-Прусской операции. Василевский доложил о ходе операции, о трудностях при штурме Кёнигсберга, о допущенных при этом ошибках фронтового командования. Высказал свои соображения в части быстрейше-

го разгрома остатков вражеских войск в акватории Данцигской бухты, а также группы армий «Курляндия» под Ригой.

Затем состоялся «дотошный обмен мнениями». Верховного особенно интересовало состояние балтийских портов – в Пиллау и Кёнигсберге. Сделав паузу, он заключил:

– Мы сделаем Кенигсберг рыбным портом. Это позволит значительно уменьшить расходы на содержание наших оккупационных войск в Германии.

Тема дальнейшего разговора круто переменилась. Верховный, испытывающе взглянув на собеседника, сказал:

– Теперь, товарищ Василевский, немножко передохнете и включитесь в работу Генштаба по Дальневосточной операции. Там предстоит решить многие принципиальные вопросы, которые без вас мы не стали детализировать...

На итоговом докладе 27 апреля Верховный опять вернулся к ситуации на Западе. Когда начальник Генштаба умолк, он остановился рядом, поставил ключевой вопрос:

– В таком случае, товарищ Антонов, кто же, по-вашему, будет брать Прагу – мы или американцы?

– Союзники подписали Ялтинские соглашения, товарищ Сталин, а на их основании Прага остается в зоне боевых действий Красной Армии, – ответил Антонов.

– Так-то оно так, – живо возразил Верховный, – но теперь нет в живых Рузвельта, а Трумэн, судя по результатам встречи с ним товарища Молотова, не согласен с какими-то решениями Крымской встречи. Правда, он не уточнил, с какими именно – политическими или территориальными.

В дискуссию вступил член Ставки Вознесенский:

– Есть опасность, товарищ Сталин, что Черчилль склонит на свою сторону Трумэна в вопросе о reparациях с Германией и ее союзников в пользу нашей страны.

– Поступает все больше сообщений, товарищ Сталин, что союзники принимают капитуляцию немецких частей и не разоружают их. Это прямое нарушение Ялтинских соглашений с их стороны, – добавил нарком внутренних дел Берия.

Маршал Ворошилов внес кардинальное предложение:

– Товарищ Сталин, если 1-й Украинский фронт, занятый на Берлинском направлении, не в состоянии овладеть Прагой, то решение этой задачи Ставка должна поручить войскам 4-го и 2-го Украинских фронтов Еременко и Малиновского. Я думаю, что их теперь можно было бы даже объединить в один, 2-й Украинский фронт во главе с Еременко.

– Если 4-й Украинский фронт объединяется с 2-м Украинским фронтом, Климент Ефремович, то почему не оставить во главе этого фронта маршала Малиновского? – возразил Ворошилову маршал Василевский.

— Маршалу Малиновскому пора вплотную заниматься дальневосточными делами, Александр Михайлович, — быстро отреагировал маршал Ворошилов.

На этом эпизоде дискуссия прервалась. Ее остановил Верховный. Ни к кому конкретно не обращаясь, он сказал:

— Действия союзников на Западном фронте мы должны рассматривать с военной и политической точек зрения. Зачем союзники рвутся в Чехословакию и Австрию? Затем, чтобы установить в этих странах капиталистические порядки. Обсуждение на Тегеранской и Ялтинской конференциях «польского вопроса» — наглядный тому пример. В ближайшие день-два, товарищ Антонов, Ставка должна решить вопрос о Праге.

Командующий 1-м Украинским фронтом Конев был всецело захвачен напряженными боями в Берлине. И недосуг ему было даже на неделю заглянуть вперед, подумать, какой именно операцией суждено его войскам завершить грандиозное сражение в центре Европы. Вечерний звонок Верховного 28 апреля вышел для него поэтому неожиданным, проблематичным. Сталин вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Конев, кто будет брать Прагу?

Вопрос застал маршала Конева врасплох:

— Как кто? Что вы имеете в виду, товарищ Сталин?

— Судя по последней информации, 3-я американская армия вторглась в Чехию и находится в нескольких километрах от Пльзеня. В ста километрах от Праги. 2-й и 4-й Украинские фронты находятся от столицы Чехии намного дальше.

— Я считаю, товарищ Сталин, что войска Малиновского и Еременко должны нанести решающий удар в направлении Праги! — Конев все не понимал, куда клонит Верховный.

— А разве 1-й Украинский фронт не в состоянии принять участие в Пражской операции? — возразил Сталин.

Все сразу встало на свои места. Конев заявил:

— Ясно, товарищ Сталин. В ближайшие дни я представлю в Ставку план Пражской наступательной операции.

— Вот это другое дело, — согласился Верховный.

2

В полдень 25 апреля Гитлер потребовал от Кребса, чтобы он доложил ему о блокированной группировке в районе Альт-Шадова, в дефиле между реками Даме и Шпрее. Кребс доложил: «Окружены: 5-й армейский корпус, 5-й горно-стрелковый корпус СС и 11-й армейский корпус СС. Они имеют двести тысяч человек, две тысячи орудий и более трехсот танков».

Гитлер выходил из себя. Его красные глаза, которые только что рассеянно блуждали по огромной «оперативке», с ненавистью уставились на Йодлья. Со стороны вполне могло показаться, что он видит «главного оператора» ОКВ перед собой впервые. В душном малом конференц-зале «фюрер-бункера», где в последние дни проводились все оперативные совещания, Гитлер вновь требовательно повторил свой «исчерпывающий вопрос»:

— Вы можете сказать мне более определенно, Йодль, что в данный момент, 17 апреля, происходит в группе армий «Б»? Модель, что же, сдал Рурскую область англосаксам или его войска еще продолжают там бороться?

«Главный оператор» ОКВ нашел выход. Он ответил:

— По докладу Кессельринга, мой фюрер, ситуация в Руре после расчленения группы армий «Б» приблизилась к критической. Блокированные войска испытывают острую нужду в боеприпасах и горючем. Сегодня я не могу доложить вам, как долго смогут продолжаться войска Моделя. 9-я и 1-я американские армии подошли к Эльбе вблизи Магдебурга.

— Безвыходных ситуаций, Йодль, не бывает, — назидательно бросил Гитлер. — Неужели 11-я армия никак не может помочь нашим войскам в Руре? Штудент имеет четыре штатных дивизии. Это по нынешним временам немало.

— 11-я армия генерала Штудента, мой фюрер, в полном составе блокирована севернее Нордхаузена, — вставил осторожную реплику фельдмаршал Кейтель.

Фюрер никак не отреагировал на слова «Лакейтеля» и продолжил диалог с «главным оператором вермахта»:

— Каково положение 12-й армии Венка, Йодль?

— Войска Венка показали себя с самой лучшей стороны, мой фюрер, — доложил Йодль. — Его танковые дивизии «Клаузевиц» и «Шлагетер» продолжают наступление в Гарце, южнее Ильциена, чтобы облегчить положение 11-й армии. Недостаток времени не позволил перебросить пока в состав его армии танковую дивизию СС из Баварии. По этой причине Венк не смог наступать через Бернбург на Гарц из Дессау. Попытки англосаксов форсировать Эльбу и захватить плацдармы южнее Магдебурга и в районе Барби отражены.

Гитлер всем корпусом переместился у стола вправо:

— Что скажете вы, Кребс? Есть ли надежда удержать Восточный фронт? Я не допускаю мысли, что там мы уже обречены и Советы вот-вот приступят к штурму Берлина.

— На Восточном фронте продолжаются ожесточенные бои, мой фюрер, — доложил начальник Генштаба ОКХ. — Они не прекращались и ночью. Сегодня на рассвете русские повторили ураганную артиллерийскую подготовку и бросили вперед танки. Бреши у

Врицена и у шоссе Кюстрин — Берлин закрыть до сих пор не удалось. Войска Жукова лобовым ударом штурмуют Зееловский рубеж 9-й армии. Генерал Хейнрици принимает меры для восстановления сплошного фронта на стыке 3-й танковой и 9-й армий на Одере. Он просит о подкреплениях, горючем и боеприпасах.

— Наши извечные проблемы: подкрепления, горючее и боеприпасы, — простонал в ответ фюрер.

— Прорыв фронта, — продолжил доклад Кребс, — имеет место на стыке 9-й и 4-й танковой армий на Нейсе. Еще вчера Конев ввел в прорыв сразу две танковых армии, которые прорвались к Шпрее, южнее Котбуса. Все указывает на то, что он предпримет удар на Калау и Барут. Надо подумать о передислокации Генштаба ОКХ и штаба ОКВ. Мы можем...

— Мы можем и должны остановить большевиков на Шпрее, Кребс! — Гитлер бросил испепеляющий взгляд на «генштабиста». — Это задача номер один. Приказываю: немедленно перебросить в состав 9-й армии 11-ю и 23-ю моторизованные дивизии СС «Нордланд» и «Нидерланды» из 3-й танковой армии, а из 4-й танковой армии — 56-й танковый корпус и 214-ю пехотную дивизию. Немедленно передайте этот мой приказ в группы армий «Висла» и «Центр»!

— Этого недостаточно, — возразил Кребс. — По докладу Буссе, за двое суток боев 9-я армия потеряла половину личного состава и почти всю материальную часть. Резервы ей требуются сейчас, немедленно, тогда как передислокация названных вами соединений займет не менее суток.

— Что конкретно вы предлагаете, Кребс? — продолжая рассматривать карту, недовольно буркнул Гитлер.

— Резервы есть в Берлине, мой фюрер. Я предлагаю бросить навстречу русским на Зееловский рубеж танкоистребительные отряды «Гитлерюгенд» и «Дора», десять батальонов фольксштурма, весь состав офицерских школ столицы, — Кребс уверенно перечислил возможные резервы.

— Мой фюрер, это сильно ослабит Берлинский гарнизон, — вставил регалику Геббельс.

Верховный Главнокомандующий не согласился:

— Будет лучше, Геббельс, если Буссе остановит большевиков вдали от Берлина, а не в пределах столицы. Я поручаю вам, Кребс, подготовить приказ о том, что Берлин входит в состав фронта 9-й армии. Поэтому все силы, имеющиеся в районе столицы рейха, в том числе и части фольксштурма, должны быть переброшены в 9-ю армию.

Страшное известие поразило «фюрер-бункер» на исходе 18 апреля. Фельдмаршал Модель, которому Гитлер верил, как самому себе, отдал приказ своим войскам прекратить сопротивление и

объявил об их расформировании. После этого командующий группой армий «Б» посчитал свою миссию выполненной и... покончил с собой.

Было от чего прийти в отчаяние фюреру, но времени на переживания не оставлял Восточный фронт. Донесения с Одера и Нейсе становились с каждым часом одно тревожнее другого. Главная Ставка тем только и занималась, что гнала и гнала на вторую и третью полосы обороны 9-й и 4-й танковой армии, обнаруженные в разных местах резервы.

18 апреля на третью полосу обороны были выдвинуты 275-я и 344-я пехотные дивизии, 10-я танковая дивизия СС «Фрунсберг» и танковая дивизия охраны фюрера. Одновременно к Зенфтенбергу прибыла 2-я парашютная мотодивизия «Герман Геринг», а к Котбусу — 214-я пехотная дивизия.

Генерал-полковник Хейнрици предложил отвести 9-ю армию с Одесского рубежа и с помощью резервов восстановить связь с 3-й танковой армией Мантейфеля³. В противном случае, доказывал он Кребсу, через день обе армии окажутся в безвыходном положении. На правом фланге требовалось восстановить фронт с группой армий «Центр» Шернера.

Главком ОКХ принял противоположное решение. Он приказал Буссе остаться на Одере, чтобы во взаимодействии с 4-й танковой армии Грэзера, которым приказывалось предпринять наступление с юга, закрыть пробитую русскими брешь на Шпрее. Но эта задача была для полуразбитых армий уже невыполнима. Восточный фронт рушился на глазах.

Вечером 19 апреля по радио выступил Геббельс с обращением к немецкому народу: «Борьба Германии против Востока достигла своей высшей точки. Если Европа, и вместе с ней весь высокоморальный Запад с его культурой и цивилизацией, еще не окончательно погрузились в пучину темной бездны, то они обязаны этим одному Гитлеру. Заверяю всех немцев, что наш фюрер находится в расцвете здоровья. Германия принесла себя в жертву для спасения западного мира от угрозы большевизма, и эта борьба исчерпала все ее силы. Если Германия окончательно рухнет, то угроза большевизма нависнет над всем западным миром».

20 апреля — день рождения Гитлера. Двенадцать лет улицы Берлина оглашались в этот день бравурным ревом фанфар. Надрывались репродукторы, передавая поздравления нацистских главарей своему фюреру. Квадраты колонн эсэсовцев, штурмовиков, элитных частей вермахта часами печатали шаг перед взором «великого полководца».

В сорок пятом все получилось по-иному. Берлин опустел. Утром высшие государственные чины, «старые боевые соратники» — Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, фон Риббентроп — струились

у двери приемной в ожидании приглашения к фюреру. Входили по одному и, отдав ритуальную почесть «волку»⁴ в последний раз, спешно выбирались на поверхность из затхлого подземелья и покидали столицу под разными предлогами. Затем почетный раут совершило командование трех видов вооруженных сил.

«Соратники» настойчиво предлагали фюреру немедленно покинуть Берлин и переместить Главную Ставку в Верхнюю Баварию. Но Гитлер принял лишь условную альтернативу: на случай если после встречи ангlosаксов и советских войск Германия будет разделена на две части, то в «северном рейхе» управление делами возьмет на себя гросс-адмирал Дениц. Рейхсмаршал Геринг возглавит «южную часть рейха». На две части разделится штаб ОКВ, одна — Деницу, другая — Кессельрингу.

Руководитель «Гитлерюгенда» группенфюрер СС Аксман бодрым тоном доложил Гитлеру, что его организация преподносит фюреру подарок — отряды молодежи 1929 года рождения. Они находятся в саду Имперской канцелярии и жаждут вступить в ряды СС, чтобы умереть за своего фюрера. На несколько минут Гитлер в последний раз поднялся из подземелья на поверхность, обошел ряды добровольцев Аксмана, благословил их на «почетную смерть».

В канун дневного оперативного совещания в «фюрер-бункере» появился статс-секретарь министерства пропаганды Науман. Утром, по заданию Геббельса, он посетил штаб группы армий «Висла» Хейнрици. Привезенные им вести были неутешительны: «Надежд на удержание Одерского рубежа нет. На днях русские прорвутся к Берлину».

Оперативное совещание проходило традиционно. Начальник штаба Оперативного руководства ОКВ Йодль доложил: «На центральном участке Западного фронта главный удар наносят войска генерала Брэдли. Здесь действуют основные силы американских войск. Их задача: соединиться с русскими и рассечь рейх на две части. Таким образом предполагается ускорить достижение окончательной победы».

Начальник Генштаба ОКХ генерал Кребс доложил, что вслед за 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами утром перешел в наступление 2-й Белорусский фронт Рокоссовского. Его войска форсировали шестикилометровую пойму Одера и заняли большой плацдарм на его западном берегу.

Еще опаснее развивается обстановка на правом фланге 9-й армии: танковые армии Конева прорвались к Баруту. До Цоссена — всего восемнадцать километров. В любой момент танки русских могут напасть на штаб ОКВ и Генштаб ОКХ. Прикрыть Цоссен с юга в состоянии лишь войска Штейнера.

Гитлер впервые услышал о существовании этой группы и сразу предложил новый план: «Войска Штейнера с величайшей энерги-

ей и фанатизмом должны наступать на юг, навстречу группировке 9-й и 4-й танковой армиям. Этим ударом будет ликвидирован осуществленный войсками Конева прорыв и создана новая сплошная линия фронта от Балтики до верхнего течения Шпрее, что и спасет Берлин!»

К исходу 20 апреля обстановка на Западном и Восточном фронтах еще более осложнилась. Танки 1-го Украинского фронта обошли Вюнсдорф и устремились к Цоссену. На вечернем оперативном совещании в «фюрер-бункере» прозвучали тревожные выводы: «На фронте советских войск четко вырисовывается направление главного удара на Берлин, в то время как наступление в Саксонии и в районе Штеттина имеет целью сковать крупные немецкие силы, прорвать в нескольких местах оборону и как можно дальше продвинуться на запад. Такие же цели русские преследуют на участке фронта, проходящем в Австрии, Богемии и Моравии. Здесь действуют войска 3-го Украинского фронта, стремящиеся не допустить отхода немецких сил в Альпъ».

Гитлер приказал командующему войсками на северо-западе Бушу перейти силами армейской группы Блюментрита в наступление против английских войск, наступающих на Гамбург, и остановить их продвижение. Предмостные укрепления южнее Гамбурга удерживать до конца.

Армия Венка заняла позиции фронтом на восток и на запад, имея задачу на Западном фронте обороняться, а на Восточном наступать. Ей приказано остановить наступление американцев на Эльбе, установить локтевую связь с 7-й армией и, ведя маневренную оборону, задержать советские войска, стремящиеся овладеть рубежом Ютерборг – Торгау.

Главком ВМС Дениц получил приказ начать подготовку к использованию всех людских и материальных ресурсов для обороны северных областей на случай, если связь между северной и южной частями рейха по суще будет прервана.

Обстановка на фронте вынуждает перевести из Цоссена Ставку ОКВ и Генштаб ОКХ. Все совершается в спешке: поблизости танки русских ведут пушечный огонь.

В полночь 20 апреля, когда артиллерия русских перенесла огонь с окраин на центр Берлина, Гитлер позвонил начальнику Главного штаба ВВС генералу Коллеру:

– Знаете ли вы, Коллер, что артиллерия красных с ночи обстреливает центр Берлина?

– Нет, не знаю, мой фюрер.

– Разве вы не слышите разрывы снарядов, Коллер?

– Не слышу. Мы находимся в Вильдпарк-Вердере.

– Приказываю вам, Коллер, немедленно подавить дальнобойную батарею большевиков!

Посланник Хевель открыл дверь и обратился к Гитлеру:

— Мой фюрер, есть ли у вас для меня приказания?

— Вам приказаний нет, Хевель, — ответил Гитлер.

Тогда, посмотрев на часы, Хевель с вызовом бросил:

— Мой фюрер! Сейчас без пяти секунд двенадцать. Если вы намерены еще достичь чего-то политически, то действуйте сейчас. Позже уже ничего невозможного будет сделать.

Гитлер тихим изменившимся голосом возразил:

— Я уже не занимаюсь политикой, Хевель. Она мне противна.

Когда я буду мертв, вам много придется ею заниматься, чтобы сохранить немецкую нацию.

21 апреля Восточный фронт фактически рухнул. Войска Жукова ворвались в Берлин со стороны Панкова и Вейсензее, охватив его мощными танковыми клещами.

Начальник Главного штаба ВВС генерал Коллер был окончательно выбит из колеи домогательствами фюрера, прозвучавшими накануне вечером, 20 апреля.

— Рейхсмаршал Геринг держит в Каринхолле⁴ свою собственную, Коллер, именно собственную личную армию, — угрожающе сказал Гитлер. — Этую армию я приказываю немедленно распустить и включить в состав сухопутных войск. Он не должен иметь свою собственную армию!

— Мой фюрер, в Каринхолле нет никаких личных войск рейхсмаршала, — смело возразил начальник Главного штаба «люфтваффе». — Моторизованная и танковая парашютные дивизии «Герман Геринг» находятся в распоряжении фельдмаршала Шернера. Большая их часть участвует или участвовала в боях в составе группы армий «Центр».

— Я располагаю точной информацией, Коллер, что в Каринхолле расположены крупные войсковые силы, — продолжал наставлять Гитлер.

Генерал Коллер прошел на узел связи, навел необходимые справки в своем штабе, вернулся в малый конференц-зал, уверенно доложил:

— Мой фюрер, в Каринхолле имеется всего один охранный батальон. Все остальные части обеих парашютных дивизий участвуют в боях в составе Герлицкой группировки.

— Мой последний приказ, Коллер. Охранный батальон из Каринхолла немедленно подчинить группенфюреру СС Штейнеру! — Верховный Главнокомандующий вяло махнул дрожащей рукой, давая понять, что разговор с начальником Главного штаба «люфтваффе» на этом окончен.

В ночь на 21 апреля, когда рейхсмаршал Геринг уже улетел из Берлина в Южную Германию для выполнения задания чрезвычайной важности, Гитлер вновь связался с генералом Коллером

по телефону. В непререкаемой форме он отдал новый «последний приказ»:

— Каждого военнослужащего «люфтваффе» в пространстве между Берлином, побережьем у Штеттина и Гамбурга, генерал Коллер, немедленно привлечь к назначеннй мной атаке северо-восточнее Берлина!

— Мой фюрер, в авиации нет обученных сухопутным боям войск, — отчаянно взмолился начальник Главного штаба «люфтваффе». Чуть помедлив, он добавил: — Мне неизвестно, где конкретно северо-восточнее Берлина должна последовать назначенная вами атака войск группенфюрера СС Штейнера?

Ответа на последний вопрос генерала Коллера не последовало. Верховный Главнокомандующий бросил трубку.

События 21 апреля повсеместно носили экстренный характер. Рано утром в кинозале виллы Геббельса в парке Тиргартен состоялось последнее совещание сотрудников пропагандистского ведомства Третьего рейха. Окна просторного помещения были заложены кирпичной кладкой. Тусклые лампочки едва светились. Снятые со стен дорогие полотна, кое-как завернутые в упаковку, в беспорядке громоздились у наружной стены. Вместо обычных распоряжений на предстоящий день имперский комиссар по обороне столицы кричал о неполноценности немецкого народа, для которого все планы национал-социализма оказались слишком велики и благородны. Он продолжал верить в свое высшее предназначение: «Если мы уйдем, то земной шар должен содрогнуться!»

Еще не было и девяти часов, когда «партайгеноссе» Борман направил в баварскую штаб-квартиру фюрера первую в этот день шифrogramму своему уполномоченному Хуммелю. Он просил его сообщить, удачно ли произошла посадка «передовой команды» из Берлина? Спустя всего полчаса рейхслейтер Борман направил по тому же адресу следующую шифrogramму, в которой попросил Хуммеля обратным рейсом обязательно прислать ему «лекарство»⁵.

Оперативное совещание 21 апреля было самым коротким за все время войны. Начальник Генштаба ОКХ Кребс доложил обстановку на Восточном фронте: «Положение войск Хейнрици у Штеттина катастрофическое. Русские прорвали его фронт на ряде участков и наступают на Анклам, Фридланд, Варен и Фюрстенберг. Тяжелые бои идут в восточных и южных предместьях Берлина. В ближайшие дни возможен прорыв войск маршала Жукова в центр столицы».

Верховный Главнокомандующий привстал со своего кресла и некоторое время бесцельно водил дрожащими руками по карте Большого Берлина. Но вдруг он выпрямился, тяжело задышал и, широко раскрыв кровяные глаза, закричал визгливым срывающимся тенорком:

— Это ни на что не похоже, Кребс! В создавшихся условиях я больше не в состоянии командовать! Война проиграна! Но если вы, господа, думаете, что я покину Берлин, то глубоко ошибаетесь! Я лучше пущу себе пулю в лоб!

Дальнейшее обсуждение обстановки потеряло всякий смысл. Остаток дня 21 апреля «фюрер-бункер» был заполнен призрачной надеждой на прорыв в Берлин эфемерных войск группенфюрера СС Штейнера. Около восемнадцати часов в Главную Ставку позвонил рейхсфюрер СС Гиммлер и сообщил, что наступление 3-го танкового корпуса СС от Эберсвальде на Берлин началось. Но начальник Главного штаба «люфтваффе» генерал Коллер не подтвердил этого сообщения. Специально посланные им разведывательные «рамы» к каналу Гогенцоллерн засекли местный бой, но не обнаружили движения немецких войск в направлении столицы.

В двадцать два часа начальник Главного штаба «люфтваффе» связался по телефону с генералом Кребсом и попросил его дать, наконец, более точные данные о назначенному фюрером атаке с участием сборных авиационных частей. В разговор тут же включился сам Верховный Главнокомандующий. Гитлер сказал:

— У вас все еще имеются сомнения, Коллер, в отношении моего приказа? Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Все силы авиации, которые находятся в северном районе, необходимо немедленно передать генералу Штейнеру. Тот командир, который задержит боевые силы, не позже чем через пять часов заплатит за это жизнью. Лично вы, Коллер, ответите мне головой. Чтобы все до единого военнослужащие авиационных частей были направлены для выполнения поставленной мной задачи!

Начальник Генштаба ОКХ генерал Кребс добавил:

— Всех-всех, Коллер, на атаку из Эберсвальде на юг!

В конце дня 21 апреля, когда начался систематический обстрел центра Берлина советской артиллерией, в «фюрер-бункере» окончательно поселился с семьей Геббельс. Имперскому комиссару по обороне Берлина надежнее стало поберечься в подземелье Имперской канцелярии.

В это же время в Главной Ставке царило приподнятое настроение. Здесь с часа на час ожидался прорыв танковых дивизий группенфюрера СС Штейнера в Берлин. Лишь около десяти часов обстановка у канала Гогенцоллерн прояснилась. Командующий группой армий «Висла» генерал-полковник Хейнрици доложил генералу Кребсу: вследствие усилившегося нажима войск маршала Жукова соединения Штейнера с трудомдерживают занимаемые позиции. Поэтому ни о каком наступлении на Берлин и речи быть не может! Идея удара группы Штейнера оказалась блефом.

Начальник Генштаба сухопутных войск задерживается с докладом Верховному Главнокомандующему этого удручающего сообще-

ния. И на то нашлась уважительная причина. «Майбах-1», его собственный Генштаб, тряслася судорожная лихорадка, танки большевиков ворвались в соседний Барут, а через полчаса они в состоянии были нагрянуть в Цоссен. Неподалеку уже были слышны лающие разрывы их снарядов.

Генерал Кребс вынужденно связался с «фюрер-бункером», скопом доложил Гитлеру обстановку севернее и южнее Берлина и еще настойчивее погримил его о переносе Генштаба сухопутных войск в другое место. В ответ Верховный Главнокомандующий потребовал укрепить южные подходы к столице и вторично отклонил просьбу «генштабиста». В «Майбахе-1» воцарилось обреченное мнение: офицеры Генштаба сухопутных войск должны сами защитить себя от войск маршала Конева, иначе всех их ждет позорный русский плен!

Спустя полчаса приятеля, генерала Кребса, успокаивает шеф-адъютант Верховного Главнокомандующего генерал Бургдорф. Он передает строго секретную информацию: фюрер намерен приказать фельдмаршалу Кессельрингу все войска, сражающиеся по обе стороны Эльбы, между Дессау и Дрезденом, с наступлением темноты двинуть в наступление на Берлин! Это должно спасти столицу.

Сразу после полудня состоялась паническая передислокация «Майбаха-1» в Потсдам: Гитлер разрешил, наконец, убрать из-под огня русских Генштаб сухопутных войск. Рваная колонна «генеральских опелей» с трудом прорвалась через нескончаемые толпы беженцев, чтобы поскорее обезопасить себя от лавины танков генерала Рыбалко.

В пятнадцать часов 22 апреля состоялось последнее оперативное совещание в Главной Ставке. Некоторое время по его ходу Гитлер пребывал в полу забытии и вяло реагировал на «отточенные формулировки» Йодля об обнадеживающем развитии обстановки на Итальянском фронте и в Саксонии. И вдруг неожиданно он взрывается криком:

— Что вы ублажаете меня, Йодль, мелочами? Вы лучше скажите, где находится группа Штейнера? Ее удар с севера должен был разбить русских и спасти Берлин!

«Главный оператор ОКВ» уклонился от прямого ответа:

— Мой фюрер, я докладываю вам о содержании тех донесений, которые получены моим штабом на этот час.

Других вопросов Йодлю не последовало.

Самый тяжелый вопрос об обороне столицы Кребс отнес на конец доклада и был предельно осторожен в оценках:

— Борьба идет не только в восточных пригородах Берлина, мой фюрер. Русским удалось прорвать фронт 9-й армии к югу от Берлина. Они достигли района Ютербога и создали угрозу захвата крупнейшего склада вооружения и боеприпасов сухопутных войск. Севернее го-

рода бой идет в Лихтенберге и Фронеу. Здесь — глубокий прорыв русских танков. Судьба Берлина — это вопрос ближайших дней.

Гитлер оторвал взгляд от большой оперативной карты, повторил свой роковой вопрос:

— Может быть, вы, Кребс, все-таки скажете мне, где находится Штейнер со своими атакующими войсками?

После очевидной запинки «генштабист» ответил:

— Мой фюрер, по имеющимся у меня сведениям, атака 3-го танкового корпуса СС была пресечена войсками Жукова в самом начале. Отвлечение же сил из Берлина облегчило бы прорыв большевиков на северные окраины столицы.

Ответ с «намеком» генерала Кребса породил долгое молчание. Наконец, Гитлер прервал его. Тихим голосом он попросил всех присутствующих, кроме Кейтеля, Йодля, Кребса, Бургдорфа и Бормана, покинуть помещение. Когда дверь за последним, камердинером Линге, закрылась, Верховный Главнокомандующий вдруг вскочил и, обуреваемый дикой силой, завопил о трусости, предательстве и неповиновении генералов, войск СС, вермахта.

— Немецкий народ не понимает моей цели! Он слишком ничтожен, чтобы осознать и осуществить мои цели! Если мне суждено погибнуть, то пусть погибнет и немецкий народ, потому что он оказался недостойным меня! Все кончено... Война проиграна... Я застрелюсь!

Истерика оборвалась так же внезапно, как и началась. Гитлер упал головой на стол и всем телом затрясся в рываниях, как ребенок. Йодль бросился к фюреру с уговорами остаться на этом свете. Он должен отправиться в Берхтесгаден и оттуда руководить борьбой. Шернер и Кессельринг способны изменить ситуацию к лучшему. Рядом Кейтель растерянно бубнил о его долгте перед народом и вермахтом.

Гитлер медленно, как после наркоза, возвращался в чувство. Овладев собой, он заявил, что дорожит мнением своих соратников и остается в Берлине. Тут же фюрер поручил рейхслейтеру Борману объявить об этом народу. Он тут же распорядился, что Геббельс, Борман, Кребс и Бургдорф остаются с ним в «фюрер-бункере».

Совещание в узком составе продолжалось. Над «оперативкой» Берлина наклонился Кейтель. Он сказал:

— Мой фюрер! Я предлагаю снять с фронта все войска, стоящие против англосаксов, и бросить их в бой за Берлин. Если же англо-американцы, следя по пятам за вермахтом, появятся в районе Берлина, то это лишь ускорит их столкновение с большевиками. Общий поворот на Восток можно начать с 12-й армии Венка, которая ближе всего расположена к Берлину. Я готов вместе с Йодлем выехать в штаб Венка, чтобы ускорить осуществление этого решавшего плана.

Йодль разделяет смелую идею Кейтеля:

— Мой фюрер, я уверен, что Венк прорвется в Берлин, даже если русским удастся полностью окружить город.

Тут же в «фюрер-бункер» был вызван комендант Берлина Рейман. Ему отдается «последний приказ» Главкома: «Прикрыть подступы к Берлину с юга и любой ценой не допустить прорыва большевиков в центр города, к правительственныйм кварталам!» Для выполнения задачи он должен использовать тридцать две тысячи полицейских и двадцать тысяч уголовников военных и гражданских тюрем Берлина.

Фюрер приказывает снять войска с Западного фронта, оставив лишь слабые арьергарды, и перебросить их в Берлин. Кейтлю и Йодлю, вместе со штабом ОКВ, находится вне Берлина и лично руководить контраступлением.

Вечером 22 апреля в «фюрер-бункере» появился Шернер. Его войска в Чехии оставались последней надеждой Гитлера. Но он уже проникся идеей спасения Берлина одним ударом 12-й армии Венка и не мыслил себе других решений. Вначале фюрер обосновал перед «верным Фердинандом» свое решение сражаться в Берлине до последнего человека.

— Совершенно бессмысленно сидеть на юге, ибо там у меня не будет ни влияния, ни армий. Я сидел бы там, Шернер, лишь с моим штабом. Южно-германский и австрийский горные районы я смог бы удержать, если бы можно было удержать Италию. Но там командование заражено пораженчеством. Я бы сидел в Берхтесгадене как жалкий беглец и отдавал бесполезные приказы.

В ответ фельдмаршал Шернер предложил Верховному Главнокомандующему совершенно необычный и уже несбыточный вариант:

— Мой фюрер, я хотел бы в интересах безопасности Главной Ставки просить вас перебраться из Берлина в... штаб группы армий «Б» фельдмаршала Моделя и оттуда использовать еще наличные военные и политические возможности. Я уверен, они у Германии еще есть.

Гитлер понял, что командующий группой армий «Центр» еще не знает о капитуляции Русской группировки перед англо-американскими войсками, но не счел нужным особенно распространяться на эту тему. Он заметил:

— Вы, Шернер, не владеете последней информацией о ситуации на Западе. Фельдмаршала Моделя мы потеряли. Он погиб при отражении удара англосаксов в районе Зигена.

Проводив Шернера, фюрер вызвал своего шеф-пилота Баузера, спросил: «Действует ли еще аэродром в Гатове?»

— В эту ночь еще будет действовать, мой фюрер, — ответил пилот Гитлера. — Но она может стать последней. Артиллерия русских уже обстреливает там летное поле.

Всю ночь на 23 апреля Кейтель искал среди потока отступающих войск и беженцев штаб 12-й армии Венка. Утром он передал командующему 12-й армией приказ Гитлера: «Организовать мощный удар на восток, на соединение с 9-й армией Буссе». Но Венк доложил, что вполне боеспособен у него лишь 20-й армейский корпус Келера. В то же время 41-й танковый корпус, занимавший оборону на Эльбе, вообще не имеет ни одной боеспособной дивизии.

Рейхсмаршал Геринг решает действовать немедленно. Он намерен вступить в переговоры с Западом на высшем уровне и готовиться к ним. От его имени, как преемника Гитлера, составляется обращение к населению Германии. Статс-секретарь Ламмерс готовит в адрес фюрера телеграмму о «восшествии Геринга на престол».

В Берлине свирепствовал Геббельс. 23 апреля листовками с его приказом были залеплены фасады всех домов. Каждый берлинец обязывался нести личную ответственность за оборону своего дома и квартиры. За вывешивание белых флагов капитуляции назначалась смертная казнь.

В полдень Гитлер, Геббельс, Борман и Кребс вновь обсуждали положение. Начальник Генштаба ОКХ доложил, что восточные окраины Берлина уже заняты Советами. 3-я танковая армия скована войсками Рокоссовского и не может организовать серьезных действий в направлении столицы. Четыре ее дивизии разгромлены, три оставшиеся тоже небоеспособны. Генерал Мантейфель ввел в сражение весь свой резерв — пять дивизий и три бригады..

Гитлер прервал доклад Кребса и потребовал, чтобы Мантейфель немедленно перешел в наступление на юг. Атаку от Ораниенбурга начать не позднее завтрашнего утра! 3-я танковая армия должна перейти в атаку, и к вечеру 24 апреля сообщение группы армий «Висла» с Берлином должно быть восстановлено! Вместо Штейнера 3-й танковый корпус должен возглавить генерал Хольсте!

В полдень 24 апреля прерывается не только сухопутная, но и воздушная связь Имперской канцелярии с остальной частью Германии. Столичный аэродром в Гатове подвергается артиллерийскому обстрелу русских и функционировать не может. Посоветовавшись с имперским комиссаром Берлина Геббельсом, Гитлер принимает решение: использовать в качестве посадочной площадки для самолетов широкую городскую магистраль — Шарлоттенбургер-шоссе.

В ночь с 24 на 25 апреля Гитлер подписывает приказ о формировании особого оперативного штаба «Б» (Южная Германия), в состав которого входят переброшенные туда отделы штаба ОКВ во главе с генералом Винтером. Тут же он отдает приказ о слиянии штаба ОКВ и Генштаба ОКХ.

В полдень 25 апреля Главком ОКХ потребовал от Кребса, чтобы тот доложил ему о составе сил, окруженных войсками 1-го Бело-

русского и 1-го Украинского фронтов в районе Альт-Шадова. Начальник Генштаба ОКХ доложил.

Кровавые глаза Гитлера выразили недоумение:

— Вы говорите, Кребс, восточнее Даме блокировано двести тысяч человек, имеющих артиллерию и танки?

— Да, мой фюрер, по данным генерала Буссе — двести тысяч солдат и офицеров, — подтвердил «генштабист».

— И эти двести тысяч моих солдат не могут организоваться и оказать помощь Берлинскому гарнизону?.. Это предательство, генерал Кребс!

Но начальник Генштаба сухопутных войск не сдавался:

— Мой фюрер, большевики имеют подавляющее превосходство. Их авиация непрерывно бомбит и штурмует наши боевые порядки. 9-я и 4-я танковая армии несут огромные потери. Гостили переполнены ранеными. В войсках не хватает медикаментов и горючего. На исходе боеприпасы.

— Все это я уже много раз слышал. У русских всего хватает, — сердито бросил в ответ Гитлер. — Немедленно подготовьте, Кребс, мои приказы генералам Буссе и Венку. Их войска должны внести перелом в боях за Берлин!

В полдень генералу Кребсу позвонил командующий группой армий «Висла» генерал-полковник Хейнрици. Он попросил разрешения прекратить наступление 3-го танкового корпуса СС группенфюрера СС Штейнера западнее Оранienбурга, поскольку там нет никакой надежды на успех, а 7-ю танковую и 25-ю моторизованную дивизии бросить на усиление фронта 3-й танковой армии генерала Мандейфеля в районе Пренцлау. Генерал Кребс отклонил эту просьбу, поскольку она противоречила категорическому приказу Гитлера о ведении концентрического наступления на Берлин с целью его быстрейшего деблокирования.

Уже смеркалось, когда на связь с «фюрер-бункером» в последний раз вышел «главный оператор вермахта» генерал-полковник Йодль. Он доложил Верховному Главнокомандующему о развитии обстановки в западной полусфере обороны столицы. По его мнению, наиболее критическая ситуация сложилась на фронте 3-й танковой армии генерала Мандейфеля. Однако начальник объединенного штаба Оперативного руководства все же выразил надежду, что ему удастся перебросить к месту прорыва у Пренцлау войска из района между Везером и Эльбой, чтобы: во-первых, усилить фронт 3-й танковой армии; во-вторых, пополнить состав войск группенфюрера СС Штейнера для ведения наступления на Берлин.

Вечером 26 апреля прервалась связь Главной Ставки с войсковыми штабами на фронтах. «Фюрер-бункер» погрузился в отчаянное «связное безмолвие», то и дело содрогаясь от разрывов крупных артиллерийских снарядов русских вблизи, в саду Имперской

канцелярии. Вентиляторы, нагнетавшие в подземелье свежий воздух, теперь закачивали вместе с ним дым от пожаров, запах гари.

Гитлер в отчаянии. Весть о провале попыток деблокирования Берлина силами 9-й армии Буссе порождает чувство безысходности в Главной Ставке. Теперь все надежды на спасение возлагаются на 12-ю армию. По поручению фюрера Кребс ежесосно запрашивает объединенный штаб ОКВ: «Где находятся войска генерала Венка? На сколько километров они еще приблизились к Берлину?»

К исходу 27 апреля Кребс доложил фюреру: «Передовые части 12-й армии Венка прорвались в предместья Потсдама». По распоряжению Геббельса на городских улицах тотчас появились листовки: «Солдаты Венка! Мы, берлинцы, знаем, что вы уже достигли Потсдама. Ура! Спасите нас!»

Фельдмаршал фон Грейм еще находился в «фюрер-бункере», когда командающий обороной Берлина Вейдлинг принес удручающую весть: «Русские прорвались к площади Вильгельма. По тоннелям метро и городской железной дороги их штурмовые группы могут незаметно проникнуть в правительственные кварталы, в девятый сектор». Поиск защитных вариантов привел Гитлера к ошеломительному решению: «Открыть шлюзы на Шпрее и затопить тоннели метро на участке между Унтер-ден-Линден и Лейпцигерштрассе!»

На рассвете 28 апреля Кребс, исполняющий теперь обязанности «начальника личного штаба фюрера», связался по телефону с начальником штаба ОКВ Кейтелем:

— Господин фельдмаршал! Фюрер требует, чтобы ему как можно скорее оказали помощь. В нашем распоряжении не более сорока восьми часов. Если к этому моменту помощь не будет оказана, то будет уже поздно.

Кейтель еще продолжал верить в иллюзии:

— Мы сделаем все, Кребс, чтобы Венк и Буссе наступали. От Миттенвальде можно достичь успеха...

Тут связь с Имперской канцелярией прервалась. Спустя пару часов в «фюрер-бункер» поступило донесение генерала Буссе: «Прорвать кольцо окружения не удалось».

Пополудни 28 апреля Гитлер, Борман и Геббельс обсудили состав нового правительства Германии, определили кандидатуру «преемника фюрера». Сошлись на кандидатуре гросс-адмирала Деница.

Затем Гитлер продиктовал Дитриху политическое и личное завещание. В качестве свидетелей «политическое завещание» подписали Геббельс, Борман, Бургдорф и Кребс.

Главную Ставку все более охватывал панический страх перед возможным. Вечерний доклад коменданта Берлина Вейдлинга не внес успокоения: «Кольцо войск Жукова неумолимо сжимается в центре Берлина». Он предложил:

— Мой фюрер, я предлагаю собрать в кулак все имеющиеся у нас силы и прорваться на юго-запад, в направлении Шпандау, на соединение с 12-й армией. Прорыв из центра возможен тремя эшелонами вдоль Андер-Хеерштрассе.

Прерывистое дыхание Гитлера выдает его волнение. Молча, он раз за разом бросает блудливый взгляд на карту Берлина. Наконец, фюрер выдавливает из себя:

— Нет, без помощи извне я не могу рисковать, Вейдлинг, и попасть живым в руки красных. Это невозможно.

Время едва перевалило в следующие, двадцать девятые апрельские сутки, когда в малый конференц-зал вошла Ева Браун и безапелляционно заявила при всех Гитлеру: «Пора уходить на тот свет твоей любовницей»... И фюрер тут же объявил о своем бракосочетании с ней.

НИКАКИХ ПЕРЕГОВОРОВ... БЕЗОГОВОРЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

1

Ровно в 7. 00 29 апреля началась артиллерийская подготовка. По «дому Гиммлера» и «Кроль-опере» ударила вся артиллерия 150-й стрелковой дивизии Шатилова. Двадцать минут не прекращался страшный грохот. Содрогались стены уцелевших зданий, сыпались на землю оконные стекла. Бой за «дом Гиммлера» продолжался весь день. Только к полуночи штурмовые группы 79-го стрелкового корпуса Переверткина пробились к Кёнигс-плацу, расположенному перед рейхстагом.

Внимание командующего 1-м Белорусским фронтом Жукова было всецело приковано также к действиям войск 5-й ударной армии генерал-полковника Берзарина, особенно его 9-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Рослого, соединения которого нацелились на Имперскую канцелярию. Весь день 29 апреля кипел непрерывный бой на подступах к Вильгельмштрассе, кварталам гестапо, министерств Военно-воздушных сил и финансов, государственному почтамту.

На рассвете 30 апреля по рейхстагу и «Кроль-опере» был открыт ураганный артиллерийско-минометный огонь с позиций на Лерторской товарной станции, а также прямой наводкой из «дома Гиммлера» и с набережной Шлиффен-уфера. Под прикрытием артиллерийской канонады штурмовые группы 150-й стрелковой дивизии Шатилова стремительным броском преодолели территорию сада у «дома Гиммлера» и залегли перед рвом с водой на Кёнигс-плацу, в трехстах пятидесяти метрах от «105-го объекта».

В час дня началась артиллерийская подготовка штурма рейхстага. Спустя тридцать минут ударные группы 150-й стрелковой дивизии поднялись в решительную атаку. Шквальный пулеметный и автоматный огонь противника стеной встретил атакующих на Кёнигс-плацу. По нашим боевым порядкам были тяжелые орудия из парка Тиргартен и со стороны Карлштрассе. Первый штурм рейхстага не удался.

В восемнадцать часов после скоротечного артналета корпусных средств поддержки в рейхстаг через парадный вход ворвались основные силы 150-й стрелковой дивизии. Командир 756-го стрелкового полка полковник Зинченко перенес свой КП внутрь здания, доложил обстановку комдиву:

— Товарищ генерал! Первый этаж рейхстага очищен от противника. Ведем бой за второй. В подземном помещении блокировано до полутора тысяч эсэсовцев.

— Где находится армейское знамя, Федор Матвеевич? — уточняя обстановку, спросил Шатилов.

— Армейское знамя, товарищ генерал, пока установлено в оконном проеме на втором этаже.

— Кто обеспечивает знаменосцев, Федор Матвеевич?

— Замполит комбата Неустроева лейтенант Берест. С ним два автомата и сержант Щербина с пулеметом.

— Хорошо, полковник Зинченко. Назначаю вас комендантом рейхстага, — закончил разговор Шатилов.

На крышу знаменосцы выбирались по одному и укрывались от пуль и осколков под бронзовой статуей могучего всадника в кольчуге. Ведущая на стеклянный купол лестница шаталась. Пришлось карабкаться по обнаженным ребрам каркаса, цепляясь за уцелевшие шпангоуты. Поднимались медленно. Впереди сержант Егоров, за ним — младший сержант Кантария с армейским знаменем в руке. Добравшись до верхней площадки, разведчики быстро прикрепили ремнями древко армейского знамени к железной перекладине и тем же путем отправились вниз, на НП комбата.

«22. 50» — зафиксировали часы капитана Неустроева этот славный миг. Он тотчас доложил о водружении знамени полковнику Зинченко, а тот, как положено, — комдиву:

— Товарищ генерал! Василий Митрофанович! Знамя Военного совета 3-й ударной водружено на куполе рейхстага в двадцать два пятьдесят по московскому времени!

— Молодцы! — прокричал в ответ Шатилов. — Поздравляю тебя и весь твой полк с одержанной победой!..

К трем часам 1 мая были созданы условия для перехода линии фронта и генерал Кребс в сопровождении начальника штаба 56-го танкового корпуса полковника фон Дуффинга, переводчика и солдата охраны был доставлен к командующему 8-й гвардейской армии.

— Буду говорить особо секретно, — начал он разговор с Чуйковым, передавая ему свою солдатскую книжку. — Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством.

Опытный дипломат, командарм 8-й гвардейской⁶, выслушав Кребса, заявил парламентеру, что не уполномочен вести какие-либо переговоры с Германским правительством, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции Берлинского гарнизона. Он согласился сообщить о предложениях германской стороны командованию 1-го Белорусского фронта. В 4. 00 Чуйков доложил маршалу Жукову: «Генерал Кребс сообщил мне о самоубийстве Гитлера и передал письмо Геббельса к нашему Верховному Командованию».

Маршал Жуков тотчас позвонил в Ставку. Трубку поднял начальник охраны Власик. Он ответил:

— Товарищ Сталин только что лег спать.

— Прощу притгласить его к телефону, — сказал маршал Жуков. — Дело очень срочное и до утра ждать не может.

Когда Верховный поднял трубку, Жуков доложил:

— Линию фронта в Берлине, товарищ Сталин, перешел генерал Кребс. Он сообщил о самоубийстве Гитлера и передал письмо Геббельса к Советскому правительству.

— Догрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым! — сердито сказал Верховный и тут же спросил: — Где находится труп Гитлера, товарищ Жуков?

— Генерал Кребс заявил, что труп Гитлера сожжен на костре, — ответил командающий 1-м Белорусским фронтом.

— Передайте Соколовскому, товарищ Жуков, чтобы никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, с Кребсом он не вел. Только безоговорочная капитуляция. Не звоните мне до утра. Хочу немного отдохнуть, — глупше обычного сказал Верховный и опустил трубку на рычаг.

* * *

Когда все вопросы по Пражской операции были обсуждены, Верховный вернулся к берлинской теме. Он сказал:

— Надо поручить, товарищ Антонов, руководителям нашей разведки продолжить поиски трупа Гитлера. Мы должны иметь сто процентные свидетельства о его смерти. Жуков доложил, что по заявлению Кребса труп сожжен на костре вблизи его блиндажа. Но он не мог сгореть полностью на обычном костре. Разыскать останки надо как можно быстрее, по свежим следам. Не то при массовом захоронении погибших их закопают в общую могилу, а спустя некоторое время начнут выдумывать всякие версии о бегстве Гитлера из Берлина в последний момент. Это будут политические спекуляции недобрых гитлеровцев, которым станет выгодно время от времени воскрешать своего «форера».

В полночь 2 мая штурмовые группы 301-й стрелковой дивизии полковника Антонова ворвались в сад Имперской канцелярии и в ее новое здание со стороны Фосштрассе. В три часа ночи батальон майора Шаповалова пробился к «фюрер-бункеру». Взвод лейтенанта Пескова первым ворвался в черную пасть бетонной громадины. Опережая друга друга, по подземному коридору наши бойцы устроились в направлении личных покоя Гитлера. Но в них никого не оказалось. Там царил суматошный беспорядок.

В 14. 00 в штаб 1-го Белорусского фронта позвонил Чуйков, доложил: «Сдавшийся в плен заместитель Геббельса Фриче вызвался выступить по радио с обращением к войскам гарнизона о прекращении сопротивления». Маршал Жуков разрешил предоставить ему такую возможность, а затем переправить Фриче в штаб фронта для допроса.

Поиски трупа Гитлера 2 мая окончились безрезультатно. Личные покои фюрера предстали нашим контрразведчикам в беспорядке. Покосился портрет Фридриха Великого над диваном. Небрежно накинутый на спинку стула, темно-серый китель Гитлера касался пола. Возле этажерки с книгами валялись экземпляры «Майн кампф». Из-за дивана высовывался штандарт «Адольф Гитлер». У шкафа валаился жезл фельдмаршала Роммеля. На столе лежала последняя оперативная карта Берлина с обстановкой на 30 апреля.

В полдень к Имперской канцелярии прибыл маршал Жуков. Его сопровождал комендант Берлина Берзарин. Доклад командира 301-й стрелковой дивизии полковника Антонова о штурме Главной Ставки вермахта Жуков выслушал внимательно, а затем загадочно сказал:

— Вы не доложили, полковник Антонов, где же Гитлер?

— Пока найдены только трупы Геббельса и его жены. Труп Гитлера обнаружить еще не удалось, — ответил комдив.

— Постарайтесь найти и труп Гитлера, полковник Антонов. Это приказ Ставки, — сказал маршал Жуков.

Поиск продолжался. Рядовой Чураков обратил внимание на бомбовую воронку справа от запасного выхода из «фюрер-бункера» в сад. Там валялся фаустпатрон, из-под которого торчал кусок армейского одеяла. Спрятавшись в воронку, Чураков отбросил землю и обнаружил два обгоревших трупа. Рядовые Олейник и Сероух помогли ему извлечь их из воронки. Один из трупов был мужской, другой женский.

В тот же день доставленные из сада рейхсканцелярии трупы мужчины и женщины были предъявлены судебно-медицинской комиссии под председательством главного судебно-медицинского эксперта 1-го Белорусского фронта подполковника Шкаравского. Их вскрытие производилось главным патологоанатомом фронта майором Маранц. После тщательного исследования трупов комис-

сия пришла к заключению, что в обоих случаях смерть наступила в результате отравления цианистыми соединениями. Никаких других признаков, которые могли вызвать смерть, установлено не было. В представленных командованию 1-го Белорусского фронта актах медики ограничились предположением, что вскрытию подвергнуты трупы Гитлера и Браун.

Вечером 5 мая начальник Генштаба Антонов доложил Верховному о готовности войск 1-го, 4-го и 2-го Украинских фронтов к началу Пражской операции. Свой короткий доклад он закончил только что полученным разведдонесением:

— Для подавления восстания в Праге, товарищ Сталин, командующий группой армий «Центр» Шернер двинул на помощь сорокатысячному гарнизону города танковые дивизии СС «Викинг» и «Райх». В столице Чехословакии идут тяжелые бои. Чешский Национальный Совет обратился по радио с призывом к командованию Красной Армии об оказании срочной помощи восставшим патриотам.

— Если мы не придем на помощь, то немец повторит в Праге такую же бойню, какую он устроил при подавлении восстания в Варшаве, — заключил Верховный. — И Прагу непременно разрушит. Этого, конечно, допустить нельзя.

— Подвижная группа генерала Захарова из состава 4-го Украинского фронта, товарищ Сталин, уже наступает в направлении Праги из района Егерндорфа, — острые указки начальника Генштаба скользнуло по «оперативке» вдоль разграничительной фронтовой линии, южнее Миттельвилде.

— А есть ли у Конева какая-то возможность, товарищ Антонов, выбросить в районе Праги небольшой воздушный десант? — Верховный скосил взгляд на «оперативку».

— Генерал Еременко намерен завтра утром выбросить воздушный десант численностью до батальона.

— Этого мало. Тут надо бы выбросить десантную дивизию, а не батальон. Но такой возможности, похоже, нет.

На рассвете 7 мая, в соответствии с планом операции, перешли в наступление на столицу Чехии войска 2-го Украинского фронта маршала Малиновского. Они двигались в обход Праги с юго-востока, навстречу группировке 1-го Украинского фронта маршала Конева.

Решающим днем в ходе всей операции стало 8 мая. В этот день войска 1-го Украинского фронта сломили сопротивление врага на рубеже Рудных гор и вступили на территорию Чехословакии. В ходе наступления 5-й гвардейский механизированный корпус генерала Ермакова разгромил штаб группы армий «Центр» Шернера, который двигался из Яромержа в Карлобад, занятый 3-й американской армией Паттона.

Все более угрожающие сообщения время от времени проникали в «фюрер-бункер» с поверхности. На рассвете 29 апреля комдант гарнизона Вейдлинг доложил Кребсу: «Русские овладели Ангальтским вокзалом, обстреливают Потсдамскую площадь из всех видов оружия и по Вильгельмштрассе рвутся к Имперской канцелярии. Следует принять неотложные меры, чтобы удержать позиции».

В полдень Гитлер собрал в конференц-зале Геббельса, Бормана, Бургдорфа и Кребса, чтобы обсудить обстановку. Но оказалось, что все они находятся в полном неведении относительно положения в Берлине и за его пределами. Кребс, чтобы разрядить ситуацию, предложил направить в штаб 12-й армии посыльных и потребовать от генерала Венка немедленного наступления на Берлин. Гитлер согласился с предложением Кребса. Спустя час адъютанты Бургдорфа и Кребса — подполковник Вейс, майор Фрейтаг-Лоринхойен и ротмистр Больдт покинули «фюрер-бункер», чтобы пробраться в Ванзее и передать генералу Венку приказ фюрера.

Пополудни, когда в саду Имперской канцелярии вовсю бушевал неукротимый артиллерийский смерч русских, Гитлер пригласил в конференц-зал Кребса. Он сказал:

— Война проиграна, Кребс. Измены и предательство подорвали могущество Германии изнутри. Похоже, что усилия 12-й армии оказались тщетными. Ждать помощи от группы армий «Висла» тоже не приходится. Кейтель и Йодль молчат. Войска Шернера скованы восточнее Праги. Пришла пора решать свою собственную судьбу. Вы можете говорить о возможности сопротивления русским с оружием в руках. Но я не могу держать в руках винтовку. В первые же часы я свалюсь, и кто же меня тогда пристрелит?

— Лучше всего пустить себе пулю в рот, — быстро нашелся начальник «личного штаба фюрера».

— Разумеется, это лучший способ, — согласился Гитлер, — но кто же сможет меня пристрелить, если выстрел не окажется смертельным?

Генерал Кребс задержался с ответом. В конференц-зал вошел Борман и бесцеремонно заявил Гитлеру:

— Мой фюрер! Бездействие Йодля очевидно. Я намерен отправить через гауляйтера Мекленбурга срочную телеграмму гросс-адмиралу Деницу. Он должен немедленно и безоговорочно выступить против всех изменников!

Когда Борман и Кребс покинули конференц-зал, Гитлер пригласил Линге и поручил ему быстрее разыскать доктора Штумпфегера. Личный врач Гитлера точно выполнил отданное ему накануне

приказание и доставил в «фюрер-бункер» три стеклянные ампулы с сильно действующим ядом.

Около десяти часов вечера Главком ОКХ в последний раз заслушал доклад коменданта гарнизона об обстановке в столице. Славленным голосом Вейдлинг доложил: «Войска вконец измотаны. Их боевой дух поколеблен. Резервов нет. На исходе боеприпасы и продовольствие. По всей вероятности, к вечеру 30 апреля битва за Берлин будет окончена».

Прямолинейный вывод коменданта Берлина ошарашил не только Геббельса и Бормана, но и военных, Бургдорфа и Кребса. Тягостную паузу прервал руководитель «Гитлерюгенда» Аксман. Он предложил организовать прорыв из Берлина под прикрытием... его частей.

Гитлер соглашается с комендантом Берлина:

— Я уже распорядился, Вейдлинг, о переброске в Берлин боеприпасов и продовольствия самолетами. Если 30 апреля положение с их доставкой не улучшится, то я дам вам санкцию на оставление столицы и прорыв из окружения.

Череда событий в «фюрер-бункере» приобретала все более драматический характер. Около двух часов ночи Гитлер приказал Линге срочно вызвать к нему начальника госпиталя Имперской канцелярии профессора Хаазе и начальника его личной охраны бригаденфюрера СС Раттенхубера.

Гитлер спросил профессора Хаазе, как можно проверить действие яда, доставленного ему доктором Штумпфеггером. Хаазе ответил: «На животных, например, на собаках». Гитлер тут же приказал, чтобы его собаковод доставил к нему овчарку Блонди. Когда собака была приведена, Хаазе раздавил плоскогубцами ампулу с цианистым калием и выпил содержимое в рот овчарки. Через несколько секунд Блонди затряслась в судорожных конвульсиях и сдохла. Столь же эффективным оказался яд и в случае отравления ее щенка. Трупы собак вытащили через запасной выход в сад Имперской канцелярии и бросили в воронку от авиабомбы.

Начальник личной охраны фюрера Раттенхубер получил другой строгий приказ: «Трупы его и Евы Браун непременно сжечь! Он не хочет, чтобы враги выставили его труп в паноптикуме для всеобщего обозрения и грубых издевательств».

Середина дня 30 апреля. Обороняемое пространство войск Берлинского гарнизона неумолимо сжимается в направлении министерства ВВС и Имперской канцелярии. Штурмовые группы русских практически уже овладели площадью Вильгельма. Атакуют Потсдамскую площадь. Их орудия прямой наводкой бьют по фасаду Имперской канцелярии, выходящему на Вильгельмштрассе. Никакой связи с внешним миром у Главной Ставки нет. В штабе коменданта столицы на Бенделерштрассе продолжалась разработ-

ка плана прорыва войск гарнизона из Берлина, который намечалось осуществить в двадцать два часа этого же дня.

После полудня комендант столичного гарнизона генерал Вейдлинг созвал на Бендерштрассе командиров дивизий на совещание, чтобы узнать их точку зрения на предмет оставления Берлина и прорыва на Пихельсдорф, на соединение с 12-й армией генерала Венка.

Около пятнадцати часов Гитлер в последний раз пригласил в конференц-зал Геббельса, Бормана, Бургдорфа, Кребса и Аксмана. Начальник «личного штаба фюрера» доложил: «Большевики овладели Тиргартеном, Потсдамской площадью, проникли на Фосштрассе. Скоро они сомнут оборону личной охраны и ворвутся в Имперскую канцелярию». Гитлер соглашается с этой неизбежностью.

В зал молча входит Ева Браун. Словно по ее команде, Гитлер начинает завершающую процедуру прощания с «верными соратниками». Его потная трясущаяся рука вяло пожимает руки Геббельса, Бормана, Бургдорфа, Кребса и Аксмана. Все. Они выходят. Короткими бликами кровавых глаз «волк»⁷ в последний раз провожает их до самой двери.

В пятнадцать двадцать Гитлер и Ева Браун удалились в свои покой. Через десять минут, как было приказано, Линге вошел в личную комнату фюрера. Сильный запах горького миндаля заполнил все помещение. На ковре перед диваном валялись металлические гильзы от ампул с ядом. Гитлер, ссугнувшись, сидел в правом углу дивана. Его левая рука была прижата к туловищу, а правая свисала через подлокотник почти до пола. Рядом с ним, упервшись обеими руками в диван, сидела Ева Браун. Ее губы были прикушены, нос побелел. Оба они были мертвые.

Линге тотчас вышел в приемную, объявил: «Фюрер умер». Толпившиеся там Геббельс, Борман, Бургдорф, Кребс, Аксман, Штумпфеггер, Гюнше, Кемпка, вслед за камердинером, направляются к покойным. Трупы Гитлера и Евы Браун заворачивают в серые одеяла и через запасной выход «фюрер-бункера» выносят в сад Имперской канцелярии. Но там вовсю бушует смерч артиллерии большевиков.

«Похоронная команда» бросает оба трупа в бомбовую воронку в трех метрах от входа и спешно укрывается на лестничном марше подземелья. Когда артиллерийская канонада несколько стихает, Линге, Гюнше и Кемпка выбираются из укрытия, обливают трупы бензином и поджигают их. Геббельс и Борман, Бургдорф и Кребс наблюдают за происходящим из входа в бункер. Лишь смрадное зловоние загоняет их снова на нижние этажи прочного укрытия.

Всего через час после самоубийства Гитлера в малом конференц-зале уже шло оперативное совещание, в котором участвовали Геббельс,

Борман, Бургдорф, Кребс и Аксман. Обсуждалась сложившаяся обстановка и приказ Гитлера, следуя которому надо было после его смерти мелкими группами прорываться из Берлина.

«Рейхсканцлер» Геббельс настаивал на отмене отданного приказа — он по семейным обстоятельствам и физическому состоянию был лишен возможности принять участие в этих действиях. «Рейхсминистр по делам нацистской партии» Борман, напротив, хотел во что бы то ни стало пробриться в Плён, к «Верховному Главнокомандующему» гросс-адмиралу Деницу, чтобы познакомить его с предсмертными мыслями фюрера. Шеф-адъютант Бургдорф был крайне подавлен происшедшим и участия в дискуссии не принимал. Бывший начальник Генштаба ОКХ Кребс предложил вызвать в «Фюрер-бункер» коменданта Берлина Вейдлинга и выслушать его мнение. Руководитель «Гитлерюгенда» Аксман был настроен сражаться в столице до конца.

В конце концов, было принято компромиссное решение: прорыв войск Берлинского гарнизона временно отложить; продолжать оборону «Цитадели», поручить Кребсу вступить в связь с маршалом Жуковым, чтобы добиться прекращения военных действий в Берлине. Вот тогда рейхслейтер Борман и сможет отправиться к гросс-адмиралу Деницу.

Сразу после семнадцати часов в «Фюрер-бункер» прибыл комендант гарнизона Вейдлинг. Геббельс и Борман потребовали от него хранить факт самоубийства фюрера в строжайшей тайне, отменить приказ о прорыве, ибо в ближайшие часы Кребс поведет переговоры с советским командованием о перемирии, успех которых предопределит судьбу сопротивления в центре Берлина. Геббельс при этом отвергал любую мысль о безоговорочной капитуляции.

В восемнадцать часов Борман сообщил гросс-адмиралу Деницу о том, что Гитлер назначил его своим преемником, вместо изменившего ему рейхсмаршала Геринга.

Не зная о самоубийстве «волка», свежеиспеченный преемник отрапортовал: «Мой Фюрер! Моя преданность вам безусловна. Я сделаю все возможное, чтобы вызволить вас в Берлине. Однако, если судьба принудит меня править рейхом в качестве назначенного вами преемника, я буду продолжать эту войну до конца».

Вскоре в Плён поступила очередная радиограмма Бормана: «Из ставки фюрера. Гросс-адмиралу Деницу. Завещание вступило в силу. Я постараюсь как можно скорее прибыть к вам. По моему мнению, от опубликования следует временно воздержаться».

В полдень 1 мая «Верховный Главнокомандующий» гросс-адмирал Дениц обратился по радио к немецкому народу и приказом к вооруженным силам, в котором говорилось: «Наш фюрер пал, сражаясь во главе защитников Берлина. Я принимаю на себя Верховное Командование всеми частями германского вермахта, преисполнен-

ный решимости продолжать борьбу против большевиков. Против англичан и американцев я вынужден вести борьбу постольку, поскольку они препятствуют моей борьбе с большевиками».

Около пятнадцати часов из «фюрер-бункера» в Плён была направлена последняя радиограмма: «Из ставки фюрера. Гросс-адмиралу Деницу. Завещание, по распоряжению фюрера, для вас, для фельдмаршала Шернера и службы безопасности для предания гласности вынесено из Берлина. Рейхслайтер Борман попытается сегодня прибыть к вам, чтобы ознакомить вас с обстановкой. Форма и момент объявления войскам и предания гласности на ваше усмотрение. Поступление подтвердите. Геббельс. Борман».

Вечером 1 мая радиостанция Гамбурга передала срочное сообщение из Главной Ставки о том, что «наш фюрер, Адольф Гитлер, сегодня пополудни на своем командном пункте в рейхсканцелярии, борясь до последнего вздоха против большевизма, пал в сражении за Германию». Оно повторялось три раза в сопровождении музыки Вагнера.

В ходе ночного боя у моста Вейдендаммер «партайгеноссе» Борман и врач Штумпфеггер погибли. Раттенхубер, Гюнце, Линге и Кемпка сдались в плен на пивоварне «Шульсхайс». Из Берлина выбрался только Науман.

Новая «Главная Ставка вермахта», быстро перебравшаяся во Фленсбург, оказалась в водовороте быстротечных фронтовых и дипломатических дел. Для «Верховного Главнокомандующего» гросс-адмирала Деница со 2 мая основной линией действий стал принцип: «Спасение возможно большего числа немцев от захвата в плен русскими и немедленные переговоры с англосаксами о капитуляции».

Во Фленсбург, на самой границе с Данией, начали стекаться «проверенные кадры». Днем «для консультаций» прибыл фон Риббентроп. Он вручил главе нового «Германского правительства» пространный документ — «Памятную записку» — для ориентации в вопросах внешней политики.

Бывший «первый дипломат Германии» рекомендовал Деницу постепенное вхождение в доверие к западным союзникам Советов во имя сохранения немецкой государственности и прежних военных структур. Переговоры с Западом начинать не с прямого обращения к правительствам Соединенных Штатов и Великобритании, которые связаны с Советским Союзом соглашениями о безоговорочной капитуляции Германии, а с установления контактов с командующим экспедиционными силами союзников генералом Эйзенхаузером и его заместителем фельдмаршалом Монтгомери.

В «Памятной записке» фон Риббентропа нашлось место и для «оправдательных шагов» раскольнических действий союзников. Он

предусмотрительно наставлял Деница: «Бессмысленно делать англичанам официальные предложения, заявляя, что мы будем драться лишь против русских. Одного их слова будет достаточно, чтобы побудить англо-американцев прервать переговоры на такой базе. Ясно, что в открытой форме союзников разделить нельзя, а только если новое Германское правительство будет развивать тезис о договоренности со всеми союзниками, в том числе и с русскими. Оно должно так действовать, чтобы дать возможность англо-американцам сохранить свое лицо. Это значит, что англо-американцы должны получить возможность представить русским немецкие предложения в такой форме, чтобы те не могли их опровергнуть, точно зная, что такая англо-американская сделка — отказ от оккупации Шлезвиг-Гольштейна — не в интересах Советского Союза и имеет далеко идущее политическое содержание».

В заключение аудиенции бывший «первый дипломат рейха» предупредил нового «Верховного Главнокомандующего» о необходимости соблюдать крайнюю осторожность в своих действиях, ибо открытая прозападная и антисоветская позиция может только очень затруднить быстрое наведение сепаратных мостов с Западом.

В ночь на 3 мая спешная делегация во главе с новым Главкомом ВМФ адмиралом Фридебургом, с ведома англичан перешла линию Западного фронта и утром прибыла в Лонебург, в штаб-квартиру 21-й группы армий. От имени «Верховного Главнокомандующего» Фридебург предложил Монтгомери принять капитуляцию немецких войск не только противостоящих его группе армий, но также и отступающих под ударами 2-го и 1-го Белорусских фронтов, чтобы им не пришлось капитулировать перед русскими. Он особо оговорил, что капитуляции не подлежат войска, находящиеся в Норвегии, Нидерландах и Дании.

Однако командующий 21-й группой армий отклонил предложение Фридебурга. Монтгомери потребовал капитуляции всех войск, сражающихся против союзников в Нидерландах, Дании, в Шлезвиг-Гольштейне. В отношении войск, действующих на Востоке, он заявил, что не может принять капитуляцию 3-й танковой и 9-й армий. Их солдаты и офицеры могут сдаваться в плен англичанам в одиночном порядке и они не будут выданы русским.

Около десяти часов 3 мая во Флёнсбург прибыли фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль. Гросс-адмирал Дениц тотчас созвал оперативное совещание и зачитал телеграмму фельдмаршала Кессельринга. Командующий группой армий «Запад» сообщил, что подчиненные ему силы капитулировали перед союзниками Советов.

Утром 4 мая во Фленсбург поступило первое донесение от Фридебурга. Главком ВМФ, находясь в Лонебурге, продолжал перего-

воры с Монтгомери, добиваясь его согласия принять капитуляцию 3-й танковой, 12-й и 21-й армий. В середине дня наступил перелом: фельдмаршал Монтгомери подписал документ о прекращении боевых действий на севере Германии 5 мая в 8. 00 по германскому времени.

Не спадал накал борьбы против Советов. Главная Ставка отдавала приказ за приказом, требуя от находящихся в ее распоряжении войск, не считаясь с потерями, продолжать сопротивление Красной Армии. В приказе, отданном сразу же после подписания соглашения с Монтгомери о капитуляции, гросс-адмирал Дениц разъяснял: если мы складываем оружие на северо-западе Германии, в Дании и Нидерландах, то это потому, что борьба против западных держав потеряла смысл. Однако на Востоке борьба должна быть продолжена.

В полдень 4 мая генерал Эйзенхауэр получил телеграмму из Флёнсбурга, в которой сообщалось, что гросс-адмирал Дениц желает направить в Реймс адмирала фон Фридебурга, закончившего переговоры с Монтгомери в Люнебурге.

В это же время из Праги в Париж, по плану Шпеера, вылетела группа чешских промышленников, отобранных наместником Богемии и Моравии Франком. Ее возглавил министр правительства протектората Груба. Делегации поручалось просить командование экспедиционных сил союзников двинуть войска в Чехию и на оккупированной территории создать «Чешско-Моравскую республику» со столицей в Праге.

Имперский президент продолжал укомплектование своего «мистического правительства». 5 мая он назначил бывшего министра финансов фон Крозига рейхсканцлером, министром финансов и... министром иностранных дел. Этот отпрыск старинного аристократического рода, выпускник Оксфордского коллежда сохранил тесные связи с правящей элитой Великобритании⁸. Его новое назначение указывало, какую внешнюю политику намеревался проводить Дениц.

В Реймс тотчас убывает начальник штаба Оперативного руководства ОКВ Йодль. Он должен передать Эйзенхауэру, что гросс-адмирал Дениц готов капитулировать на Западном фронте, но не может так же поступить на Востоке, ибо придется бы передать все немецкие армии во власть русских.

По пути в Реймс Йодль остановился в Люнебурге и попросил Монтгомери оказать ему содействие в реализации намеченного плана. В Главный штаб экспедиционных сил союзников он направился в сопровождении начальника штаба 21-й группы армий де Гингана. Но и их объединенные усилия ни к чему не привели. Эйзенхауэр твердо стоял на своем: «Если Дениц не согласится немедленно с условиями капитуляции, то он прекратит всякие переговоры и закро-

ет Западный фронт, препятствуя силой дальнейшему переходу на сторону союзников немецких солдат и гражданских лиц».

Начальник штаба Оперативного руководства ОКВ означен. Он вынужден запросить у «Верховного Главнокомандующего» полномочия на подписание условий безоговорочной капитуляции. Гроссадмирал Дениц посчитал требования союзного командования самым настоящим вымогательством, но все же вынужден их принять. В ночь на 7 мая Кейтель направил в Реймс телеграмму Главной Ставки: «Гроссадмирал Дениц предоставляет право подписать документ в соответствии с предложенными условиями».

Тем временем Эйзенхауэр пригласил к себе главу советской военной миссии генерал-майора Суслопарова и сообщил ему, что в его штаб прибыла делегация Верховного Командования вермахта с предложением капитулировать перед англо-американскими войсками, но продолжать боевые действия на Востоке. Это предложение отвергнуто. Он, Эйзенхауэр, потребовал от генерал-полковника Йодля полной капитуляции и не примет никакой иной. Главком экспедиционными силами союзников попросил советского представителя как можно быстрее сообщить в Москву текст о капитуляции, получить там одобрение и в половине третьего здесь, в Реймсе, подписать его от имени Советского Союза⁹.

Суслопаров тотчас отоспал в Генштаб телеграмму с текстом о капитуляции, но к двум тридцати 7 мая инструкций из Москвы не получил. Понимая, однако, историческое значение этого акта, глава советской военной миссии подписал предложенный документ. Предусмотрительно он сделал важное примечание, что данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии.

В три часа глава советской военной миссии при Главкоме экспедиционных сил союзников направил в Генштаб доклад о подписании акта о капитуляции. А через несколько минут Суслопаров получил из Москвы телеграмму с указанием... никаких документов такого рода не подписывать.

В двенадцать сорок пять 7 мая «рейхсканцлер» фон Крозиг объявил немецкому народу через радиостанцию Фленсбурга о подписании в Реймсе акта о безоговорочной капитуляции Германии. Но в нем ни слова не говорилось о прекращении военных действий на советско-германском фронте.

В двадцать один час 7 мая гроссадмирал Дениц получил из Главного штаба союзных войск предписание: «Немедленно направить из Фленсбурга в Берлин Главкомов трех родов вооруженных сил с полномочиями подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии». Поскольку командующий ОКХ Шернер находился вне досягаемости Главной Ставки, эта роль была возложена на фельдмаршала Кейтеля. За отсутствовавшего Главкома ВВС выс-

тушил начальник Главного штаба генерал-полковник Штумпф. В состав делегации вошел также Главком ВМФ адмирал фон Фридебург.

В 22 часа Главная Ставка передала по радио сообщение: «9 мая в 00 часов, 00 минут всем видам вооруженных сил всех театров военных действий, всем вооруженным организациям и отдельным лицам прекратить боевые действия против прежних противников. Генерал-полковник Йодль».

В 15 часов 8 мая полномочная делегация Верховного Командования вермахта самолетом, под охраной английских офицеров, прибыла на берлинский аэродром «Темпельхоф».

Полученное 8 мая послание президента США Трумэна очень порадовало председателя СНК. Порадовало не излишними дифирамбами в адрес советского народа, но смыслом публичного признания его неисчислимых заслуг перед мировой цивилизацией. Оно действительно обнадеживало: «Теперь, когда советско-англо-американские войска принудили армии фашистских агрессоров к безоговорочной капитуляции, я хочу передать вам и через вас вашим героям горячие поздравления нашего народа и его правительства. Мы высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы».

Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы варварства, как бы мощны они ни были. По слухам нашей общей блистательной победы мы приветствуем народ и армии Советского Союза и их превосходное руководство. Я буду рад, если вы пожелаете передать эти чувства соответствующим вашим командующим на поле боя».

Когда начальник Генштаба генерал армии Антонов только вошел в кремлевский кабинет, Сталин протянул ему оптимистичный текст, терпеливо выждал, пока тот прочитал послание до конца. Рассудительно сказал:

— Если бы это послание было подписано президентом Рузвельтом, то я нисколько не усомнился бы в искренности его чувств к нашему народу. Но вот господин Трумэн не вызывает у меня большой уверенности в этом. Чего стоит его поведение при приеме товарища Молотова. Действительно нужна новая встреча глав правительств союзных держав. Хочется поближе посмотреть на нового американского президента Трумэна, познакомиться с его программой.

Генерал армии Антонов медленно, в раздумье опустил перед собой документ:

— Президент Трумэн постараётся установить самые тесные контакты с премьером Черчиллем, товарищем Сталином. Советской сторо-

не придется учитывать неизбежность образования такого блока в предстоящих переговорах.

— Такой блок уже существует, товарищ Антонов, — согласился Верховный. — Если американцы все же разоружают сдавшиеся им немецкие части, то англичане не делают и этого. Тут определенно преследуется антисоветский умысел. Надо обратить внимание товарища Жукова на этот факт.

— Главное разведуправление занимается проверкой подобных фактов, товарищ Сталин, — доложил начальник Генштаба. — Но чтобы предъявить английской стороне обоснованные претензии, требуется еще установить точные места дислокации немецких частей. Сейчас они спешно отводятся на запад, все дальнее от демаркационной линии.

— А что докладывает Конев о ситуации в районе Праги? — круто переменил тему разговора Верховный. — К исходу дня танкисты Лелашенко или Рыбалко смогут ворваться в столицу Чехословакии и спасти восставших?

— Нет, такой уверенности не чувствуется у командования 1-м Украинским фронтом, товарищ Сталин, — заявил Антонов. — Скорее всего, это может произойти завтра, уже после подписания в Берлине акта о капитуляции Германии. Маршал Конев сейчас находится в Дрездене.

— Завтра так завтра, — легко согласился Верховный, но тут же добавил: — Важно только не допустить прорыва группировки Шернера к американцам. Надо взять в плен или разбить его войска. Напомните об этом товарищу Коневу.

Весь день 8 мая в Берлине кипела напряженная работа по подготовке знаменательного события — подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Штаб 5-й ударной армии генерал-полковника Берзарина в Карлхорсте стал центром этой подготовки. Назначенный Ставкой представителем Верховного Главнокомандования советских войск для подписания акта, маршал Жуков отдал накануне все необходимые распоряжения: подготовить помещения к церемонии подписания документа и приема участников; привести в порядок летное поле аэродрома Темпельхоф; организовать охрану маршрута движения кортежей автомашин с делегациями союзников и немецкой делегацией в восточный пригород Берлина; подготовить почетный караул.

Первым в Темпельгоф прибыл самолет из Москвы. Он доставил в Берлин заместителя наркома иностранных дел Вышинского, который был назначен политическим советником маршала Жукова. Доставленные им документы к подписанию акта о безоговорочной капитуляции Германии, отпечатанные на русском и английском языках, нужно было еще согласовать с уполномоченными представителями Верховного Командования союзников, а также озна-

комить с ними делегацию вооруженных сил поверженного противника. Дел предстояло много, и Вышинский тут же уехал в Карлсруэ.

В полдень для встречи союзных делегаций на аэродром прибыл заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом генерал армии Соколовский. Его плотным кольцом сразу окружили советские и иностранные журналисты. Но их многочисленные вопросы он упредил словами:

— Каждому овощу свое время. Не торопитесь, товарищи и господ. Все узнаете сегодня вечером.

Ровно в четырнадцать часов три «дугласа» доставили в Берлин представителей Верховного Командования экспедиционных сил союзников. Главный маршал авиации Великобритании Теддер произнес короткую речь:

— Я являюсь представителем Верховного Главнокомандующего генерала Дуайта Эйзенхауэра. Он уполномочил меня провести всю работу на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад тому, что приветствую вас в Берлине. Союзники на западе и на востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь — передать самые теплые приветствия нашему русскому союзнику.

Торжественная встреча представителей союзных держав еще не закончилась, когда на летном поле Темпельхофа приземлился еще один «дуглас». Из него, под конвоем английских офицеров, вышли представители Верховного Командования вермахта. Впереди вышагивал начальник объединенного штаба ОКВ фельдмаршал Кейтель в длинном двубортном плаще. За ним шел толстяк с квадратным одутловатым лицом — начальник Главного штаба BBC генерал-полковник Штумпф. Он то и дело опасливо озирался по сторонам. Главком ВМФ адмирал фон Фридебург не скрывал подавленности духа, мрачно двигался вслед за ними.

Спустя час прибыл, наконец, самолет с Главкомом французской армии генералом де Тассини. Появившись в проеме салонной дверцы, он восторженно приветствует встречавших:

— От имени вооруженных сил французов и прекрасных француженок приветствуя и поздравляю замечательный советский народ — нашего великого союзника по борьбе. Виват!

На втором этаже соседнего с офицерской столовой небольшого особняка, окруженного советскими и английскими часовыми, изучали акт о безоговорочной капитуляции представители Верховного Командования вермахта. Больших усилий в этой работе от советских дипломатов не потребовалось. Изучив с их помощью предложенный документ, фельдмаршал Кейтель заявил, что немецкая делегация полностью согласна с ним и готова его подписать.

23. 45. Соседнюю с актовым залом комнату заполнили полномочные представители Верховного Командования союзных государств. Они уточняют последние детали предстоящего заседания. Здесь было окончательно подтверждено, что председательствовать на нем будет представитель Верховного Главнокомандования Красной Армии, командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Жуков.

12. 00. Заместитель Верховного Главнокомандующего Красной Армии все берет в свои руки. Он распахивает дверь актового зала и первым, победителем входит в него, увлекая за собой остальных. Ведомые им войска еще полмесяца назад ворвались в Берлин, овладели Карлсхорстом. Их ничто уже не могло остановить. Их вели на штурм «Цитадели» проникновенные лозунги: «Даешь рейхстаг!», «Даешь Имперскую канцелярию!», «Вперед, к окончательной победе!»

В просторный зал врывается сдержанное пока еще торжество. Стены его украшены государственными флагами Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. Царит обилие света. Зал освещают прожекторы, которые недавно озаряли торжественные выходы Гитлера в Имперской канцелярии, когда он удостаивал приема своих ближайших вельмож, принесших Германии очередную славу под его несравненным командованием.

Как все переменилось! По красочному пружинящему ковру, тоже доставленному в офицерскую столовую военно-инженерного училища из Имперской канцелярии, из кабинета самого «фюрера», маршал Жуков подошел к огромному столу в центре зала, пригласил занять места рядом представителей Верховного Командования союзников. По обе стороны от него заняли места главный маршал авиации Теддер, генералы Спаатс и де Тассини. Рядом с ними — заместитель наркома иностранных дел Вышинский, генерал армии Соколовский, генерал-лейтенант Телегин, генерал-полковник Малинин; начальники служб фронтового штаба — генералы Антипенко, Галаджев, Казаков, Максименко, Прошляков, Трусов. Далее — командармы Белов, Берзарин, Богданов, Горбатов, Катуков, Колпакчи, Кузнецов, Перхорович, Поплавский, Цветаев и Чуйков, члены Военных советов и начальники штабов — цвет команда-ния 1-го Белорусского фронта!

Первые минуты наступившего 9 мая. Маршал Жуков открывает историческое победное заседание:

— Мы, представители Верховного Главнокомандования советских вооруженных сил и Верховного Командования союзных войск, уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого Верховного Командования. Пригласите в зал представителей немецкого Верховного Командования!

Взгляды всего зала устремились на боковую дверь, откуда должны появиться представители поверженного рейха. Через нее в зал вошел фельдмаршал Кейтель в расшитом золотом парадном мундире, бледный и внешне отрешенный от всего. Он чинно взмахнул перед собой фельдмаршальским жезлом, приветствуя представителей Верховного Командования союзных государств, и поспешно сел за короткий столик у двери, отведенный немецкой делегации.

За Кейтелем вошел генерал-полковник Штумпф. Он грузно, семеня короткими ногами, приблизился к столику и устало опустился на стул рядом с «Лакайтелем».

Во всем черном в зале появился Главком ВМФ фон Фридебург. Печать уныния и нескрываемой подавленности сквозили во всем облике маститого адмирала. Окинув присутствующих опустошенным взглядом, он медленно опустился на стул по другую сторону от главы делегации.

Дождавшись конца всей этой церемонии, маршал Жуков, глядя прямо перед собой, торжественно объявил:

— Сейчас предстоит подписание представителями Верховного Командования германской армии акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии.

Жуков повернул голову в сторону немецкой делегации:

— Имеете ли вы акт о безоговорочной капитуляции? Изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Притопнявшись, Кейтель выдавил из себя:

— Яволь... Документ изучен, и немецкая делегация готова его подписать. Она имеет на это полномочия.

Тут же он протянул маршалу Жукову документ, подписанный «Верховным Главнокомандующим» Деницем.

Просмотрев документ, Жуков передал его представителям союзного Верховного Командования и громко сказал:

— Предлагаю представителям германского Верховного Командования подойти сюда к столу и подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии!

Фельдмаршал Кейтель растерянно поднялся со стула, трясущейся рукой втиснул в глазницу старомодный монокль и направился к маленькому столику, присел на край стула, один за другим подписал девять экземпляров исторического документа. Вслед за ним то же самое проделали адмирал фон Фридебург и генерал-полковник Штумпф.

Когда уполномоченные Германского Верховного Командования вернулись на свои места, исторический документ подписали представители держав-победительниц. Первым под актом поставил подпись представитель Верховного Главнокомандования Красной Армии маршал Жуков. Вслед за ним расписались Теддер, Спартак де Тассини.

Все формальности с документом закончены. Председательствующий маршал Жуков вновь обращает свой строгий взор в сторону представителей Германского Верховного Командования. Он говорит подчеркнуто строго:

— Акт подписан и вступает в действие сегодня. Представителям Германского Верховного Командования нужно отдать распоряжения своим войскам о прекращении огня и организованной капитуляции повсеместно, на всех фронтах.

Немецкой делегации переводят слова маршала Жукова.

— Яволь! — встав с места, чеканит фельдмаршал Кейтель и тут же отдает приказание о капитуляции своему адъютанту. Тот кивает головой и покидает зал заседания.

Маршал Жуков продолжает:

— Немецкая делегация может покинуть зал!

Услышав перевод этих слов, военные бонзы вермахта поднимаются из-за стола. Фельдмаршал Кейтель поднимает свой жезл, картино два раза тычет им перед собой в пространство и, повернувшись, направляется к двери. Члены немецкой делегации кучно последовали за Кейтелем.

Маршал Жуков торжественно заключил:

— На этом позвольте заседание объявить закрытым.

Что тут началось! Гримит многоголосое «Ура!». На разных языках раздаются приветственные возгласы, оркестр на балконе исполняет государственные гимны союзных государств.

Но вдруг председательствующий маршал Жуков властным движением руки на минуту прерывает это всеобщее торжество. Обращаясь к присутствующим, он бросает в растревоженный бесконечным веселием зал:

— Через час прошу участников этого торжества по русскому обычаю закусить, чем тыл послал.

Неожиданно встал вопрос: «Чем кормить немецкую делегацию?» Генерал-полковник Берзарин тут же адресовал его маршалу Жукову, а тот — советнику Вышинскому.

Дипломат парировал его достойными словами:

— Вообще говоря, немецкая делегация по горло сыта сегодня актом о безоговорочной капитуляции. А чем конкретно ее кормить — это, Георгий Константинович, вопрос не дипломатический. Решайте, пожалуйста, сами.

Секунду-другую помолчав, маршал Жуков сказал:

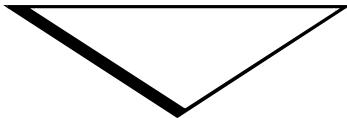
— В конце сорок первого Гитлер и Кейтель настолько верили в успех захвата Ленинграда, что заранее отпечатали пригласительные билеты на банкет в «Астории». Но не пришлось им праздновать в ленинградском ресторане. А теперь они побиты. Не будем, однако ж, мелочиться. Генерал Антиленко, кормите делегацию побитых всем, что подготовлено для банкета. И обязательно подавайте на

тарелках с вензелями Имперской канцелярии. Угостите и напитками без ограничения. Пусть запивают свое поражение!..

9 мая по радио выступил председатель ГКО Стalin. Просто и спокойно он сообщил о событиях всемирно-исторического значения — о завершении Великой Отечественной войны и разгроме фашистской Германии.

Главным Героем 2-й мировой стал Рядовой Солдат, равно как Советский, Американский, Английский, потому что на Его долю выпала многотрудная обязанность претворить в жизнь победные замыслы Ставки и полководцев и Он с честью пронес через все испытания эту посильную только Ему тяжелейшую, но ответственную, победную ношу.

Ему СЛАВА и БЕССМЕРТИЕ.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

¹ Тип легкого спортивного самолета, используемого в вермахте для нужд связи и полетов штабных офицеров.

² В конце июня 1942 г. операция «Блау» получила новое кодовое название «Брауншвейг».

³ Название новой Главной Ставки ОКВ под Винницей.

⁴ А. Гитлер имел в виду длительную позиционную войну, которую вел рейхсвер под Верденом в 1914 – 1918 гг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

¹ Абвер – служба войсковой разведки и контрразведки штаба ОКВ, возглавляемая адмиралом Ф. В. Канарисом.

² Имеется в виду агент абвера Э. Базну, работавший камердинером английского посла в Турции Н. Ньюджессена.

³ После бомбардировки ракетного центра «Пенемонде» в августе 1943 г. английской авиацией Гитлер распорядился о переносе испытательного полигона «ФАУ-2» в Польшу. Он получил название «Хайделагер».

⁴ В марте 1944 г. было изготовлено 400 ракет «ФАУ-1», в апреле – 800, в мае – 1500 штук.

⁵ «Вишневые косточки» – кодовое название «ФАУ-1».

⁶ Невероятное соотношение сил, 8:1, придумано командующим группой армий «Север» Фриденером для того, чтобы скрасить поражение своих войск. Фактически на 1 июля 1944 г. оно выглядело так:

903 тыс. советских войск на 709 тыс. немецких без учета маршевых пополнений.

⁷ При рассмотрении плана операции 1-го Украинского фронта в Ставке 17 июня 1944 г. возникли разногласия между И.В. Сталиным и И.С. Коневым. Верховный выступил против нанесения двух главных ударов. Он рекомендовал нанести один удар на Львовском направлении. Дискуссия закончилась тем, что И.В. Сталлин согласился с мнением Военного совета фронта. Свое согласие он сопроводил словами: «Уж очень вы упрямые. Хорошо, проводите свой план, товарищ Конев, и выполнайте его на вашу личную ответственность».

⁸ В июле 1944 г. А. Гитлер поменял местами командующих группами армий «Север» и «Южная Украина» генералов Г. Фришнера и Ф. Шернера.

⁹ Млавско-Эльбинская и Варшавско-Познанская операции войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов являлись составными частями стратегической Висло-Одерской операции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

¹ Постановлением ГКО от 6 декабря 1944 г. авиация дальнего действия (АДД) была переформирована в 18-ю воздушную армию, подчиненную Главному ВВС.

² В феврале 1945 г. в руки германской разведки попал секретный английский документ, который, опираясь на мнение премьер-министра Великобритании У. Черчилля, утверждал, что в перспективе в Восточной Европе неизбежно возникнет несколько социалистических государств.

³ После разгрома Восточно-Померанской группировки Гитлер отстранил от командования 3-й танковой и 2-й армиями генералов Э. Рауса и В. Вейса, назначив на их место генералов Х. Маннейфеля и Ф. Заукена.

⁴ Речь идет о поместье рейхсмаршала Г. Геринга под Берлином, подаренном ему Гитлером.

⁵ Имеются в виду ампулы с цианистым ядом.

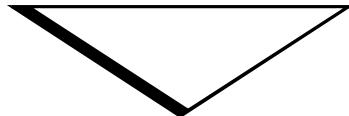
⁶ После Гражданской войны генерал-полковник В.И. Чуйков окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, ее восточный факультет. В 1940 – 1942 гг. он служил военным атташе в Китае при штабе Народно-Освободительной армии.

⁷ «Волк» – кличка А. Гитлера в 20-е годы.

⁸ Связь гросс-адмирала К. Деница с магнатами финансовых кругов Великобритании установилась в августе 1918 г., когда он был взят в плен англичанами с экипажем своей тонущей в Северном море

подводной лодки. В дальнейшем она поддерживалась через близкого родственника, крупнейшего германского промышленника-миллионера Э. Сименса.

⁹ Сообщение главы советской военной миссии при штабе Д. Эйзенхауэра генерала И.А. Суслопарова открывало перед Советским правительством несколько возможностей. Но эти возможности не были использованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов В.С. Путь к Берлину. М.: Наука, 1975.
- Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». М.: Моск. рабочий, 1987.
- Белов П.А. За нами Москва. М.: Воениздат, 1963.
- Боков Ф.Е. Весна Победы. М.: Мысль, 1985.
- Васильевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974.
- Видер И. Катастрофа на Волге. М.: Прогресс, 1965.
- Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963.
- Гальдер Ф. Военный дневник. В 3-х т. Т. 3. М.: Воениздат, 1968.
- Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1980.
- Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
- Гудериан Г. Воспоминания солдата. Штутгарт, 1979.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969.
- Дёрр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957.
- Карпов В.В. Маршал Жуков. Опала. М.: Вече, 1994.
- Катуков М.Е. На острье главного удара. М.: Воениздат, 1976.
- Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943 – 1945. М.: Воениздат, 1982.
- Манштейн Э. Утерянные победы. М.: Прогресс, 1957.
- Мерецков К.А. На службе народу. М.: Высш. школа, 1984.
- Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1966.
- Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.
- Сандалов Л.М. После перелома. М.: Воениздат, 1983.
- Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. М.: Наука, 1973.
- Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Изд-во иностр. литературы. М., 1956.
- Цейтцлер К. Роковые решения. М.: Прогресс. 1958.
- Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М.: Воениздат, 1980.
- Шатилов В.М. Знамя над рейхстагом. М.: Воениздат, 1966.
- Шеленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: СП «Дом Библии», 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ <i>Вместо предисловия</i>	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
НА МОСКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	8
ЖЕСТОКОЕ ВРЕМЯ	8
ВЯЗЕМСКИЙ КОТЕЛ	34
ОТРАЖЕНИЕ «ТАЙФУНА»	58
В ЦЕНТРЕ СРАЖЕНИЯ – ОПЯТЬ ВЯЗЬМА	83
ФЕЛЬДМАРШАЛ ФОН БОК НАЧИНАЕТ И...	105
СТАЛИНГРАД ВЗЯТЬ К 20 ОКТЯБРЯ	127
«МАЛЫЙ САТУРН» НА ДОНЕ	149
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ВИСЛЫ	171
ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА	171
ХАРЬКОВ. МАРТ... СНОВА НЕУДАЧА	195
«ЦИТАДЕЛЬ»... ПРОХОРОВКА	219
СМОЛЕНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ	246
КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИЙ «КОТЕЛ»	268
ЧЕРЕЗ САПУН-ГОРУ – В СЕВАСТОПОЛЬ	290
ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»	312
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
ПОБЕДНАЯ ПОСТУПЬ	335
ТРУДНЫЕ СТУПЕНИ САНДОМИРА	335
ПРЕМЬЕР ЧЕРЧИЛЛЬ СНОВА В МОСКВЕ	360
АРДЕННСКАЯ ДРАМА	385
КОЛЬБЕРГ. КЁЗЛИН. ВОСТОЧНАЯ ПОМЕРАНИЯ	411
АПРЕЛЬ. ШТУРМ КЁНИГСБЕРГА	434
АГОНИЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ	460
НИКАКИХ ПЕРЕГОВОРОВ...	486
БЕЗОГОВОРЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ	486
ПРИМЕЧАНИЯ	506
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	509

Александров А.А.

А 46 **Битва ставок. Великое противостояние. 1941–1945.** —
М. : Вече, 2003. — 512 с., илл. (16 с.) (Военные тайны XX века)

ISBN 5-94538-381-3

В книге военного историка и писателя А.А. Александрова в острожетной форме анализируются ключевые коллизии противоборства советской и гитлеровской Ставок Верховного Командования на протяжении всей Великой Отечественной войны. Принципиально разные подходы к решению сходных задач при наступлении и обороне позволили выявить исключительные особенности военного искусства, стратегии и тактики войск в Смоленском сражении, в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском и в операции «Багратион». Ярко показан блеск ратных талантов Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, А. М. Василевского, а также их визави в стане противника в лице В. фон Браухича, В. фон Лееба, Ф. фон Бока, Г. фон Рунштедта, Э. фон Манштейна.

Александров Анатолий Александрович

БИТВА СТАВОК

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1941–1945

Генеральный директор Л. Л. Палько

Ответственный за выпуск В. П. Еленский

Главный редактор С. Н. Дмитриев

Редактор Н. М. Смирнов

Корректор Б. С. Тумян

Верстка Т. А. Борисовой

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — Д. В. Грушин

Гигиенический сертификат

№ 77.99.2.953.П.16227.11.00 от 29.11.2000 г.

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

e-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

www.100top.ru

Подписано в печать 25.09.2003. Формат 84Х108^{1/32}.

Гарнитура «Опус». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 16. Тираж 5000 экз. Заказ .